1613
390

ЛБІЗ 390

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ

121

Автобіографія Н. И. Костомарова

Подъ редакціей
В. Котельникова

МОСКВА 1922

Р. Ц. № 602. Москва.

Отпечатано в количествѣ
300 нумерованных
экземпляров.

№.....

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ БИБЛИОТЕКА

487846

Нач. печ. в тип. „Коммуна“ (быв. Д. Дарскаго) г. Тула.
Оконч. печ. в Школѣ Худож.-Печат. Дѣла Арбат.

ОТ РЕДАКЦІИ

Автобіографія Н. И. Костомарова, записанная со словъ покойнаго историка его женою, въ настоящемъ изданіи впервые появляется въ полномъ видѣ. Она была уже напечатана въ 1890 г. въ сборнике „Литературное наследіе“, но тогда въ ней былъ сдѣланъ рядъ пропусковъ. Теперь изслѣдователи и любители русской исторіи получаютъ въ свои руки полностью, безъ всякихъ сокращеній и пропусковъ, этотъ чрезвычайно важный документъ, ярко обрисовывающій жизнь и личность знаменитаго историка. Врядъ ли есть надобность подробно разъяснять цѣнность именно такого полнаго изданія этого документа. Не всѣ взгляды Н. И. Костомарова, не всѣ его сужденія объ явленіяхъ современной ему жизни могутъ въ настоящее время выдержать критику. Кое-что въ его сужденіяхъ сейчасъ приходится признать безусловно невѣрнымъ, — достаточно, напр, указать на его сужденія объ еврейскомъ вопросѣ и т. н. ритуальныхъ убійствахъ. Но самыя заблужденія и ошибки автора „Автобіографіи“ въ высшей степени характерны и имѣютъ большую цѣну, какъ свидѣтельство о нравахъ и понятіяхъ той эпохи и той общественной среды, въ рамкахъ которыхъ складывалась его крупная и оригинальная личность. Повторяемъ — „Автобіографія“ Н. И. Костомарова — важный историческій документъ и, какъ таковой, должна быть изучаема полностью.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ОТДѢЛЬНОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ 1908 году, въ ночь съ 3-го на 4-е февраля, скончалась въ Кіевѣ Алина Леонтьевна Костомарова, вдова извѣстнаго историка Россіи, Николая Ивановича Костомарова. Ей принадлежало право изданія многочисленныхъ сочиненій Костомарова. Право это по духовному завѣщанію Алины Леонтьевны перешло въ собственность Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнаго Фонда). А. Л. завѣщала этому Обществу и наличные экземпляры изданныхъ еще при ея жизни сочиненій, въ томъ числѣ и экземпляры изданнаго въ 1890 году сборника подъ заглавіемъ „Литературное Наслѣдіе". Этотъ сборникъ заключаетъ, между прочимъ, „Автобіографію" Н. И. Костомарова, которая, какъ говоритъ завѣщательница, „не принадлежитъ къ составу его сочиненій, а записана мною (Алиной Леонтьевной), съ его словъ, какъ разсказъ семейнаго характера о прожитомъ времени".

„Автобіографія" эта напечатана въ „Литературномъ Наслѣдіи" съ пропусками. Въ предисловіи къ „Литературному Наслѣдію" Алина Леонтьевна говоритъ, между прочимъ, что „печатаніе „Автобіографіи" цѣликомъ было неудобно по близости описываемаго времени, даже и тамъ, гдѣ отзывъ о разныхъ лицахъ не представлялъ ничего, кромѣ высокаго уваженія къ нимъ. Пропущенныя мѣста замѣнены черточками и точками".

Во второмъ пунктѣ своего завѣщанія Алина Леонтьевна говоритъ: „записанную мною со словъ покойнаго мужа моего, Николая Ивановича Костомарова, его автобіографію, часть коей была напечатана въ книгѣ „Литературное На-

слѣдіе" изданія 1890 года, я, Костомарова, въ цѣломъ ея составѣ, въ какомъ она хранится у меня въ рукописи, завѣщаю В. Г. Котельникову, съ тѣмъ, чтобы она была напечатана не ранѣе 1910 года, въ которомъ исполнится двадцатипятилѣтіе со дня кончины Николая Ивановича Костомарова". Въ бумагахъ покойной Алины Леонтьевны оказалось двѣ рукописи упомянутой „Автобіографіи": одна подлинникъ, написанный рукою А. Л. подъ диктовку Н. И., другая — копія. На подлинникѣ рукою Н. И. сдѣлана надпись-посвященіе по украински —„любій моій жінці, Галині Леонтьевні Костомаровой. Отъ Іереміи Галки".

Въ напечатанной въ „Литературномъ Наслѣдіи" „Автобіографіи", кромѣ пропуска мѣстъ, касавшихся нѣкоторыхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ пришлось быть историку, и отзывовъ о лицахъ, съ которыми сталкивался онъ въ своей жизни, опущены цѣликомъ три главы: четвертая, восьмая и девятая.

Четвертая глава этой „Автобіографіи", подъ заглавіемъ „Изъ воспоминаній Н. И. Костомарова" (арестъ, заключеніе, ссылка), была напечатана въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы" въ 1910 году, т. е. по прошествіи двадцати пяти лѣтъ со дня смерти Н. И. Костомарова.

Эту главу, обнимающую собою періодъ времени съ 28-го марта 1847-го по 24-е іюня 1848 года и касающуюся того событія въ жизни Костомарова, которое опредѣлило всю дальнѣйшую его судьбу, я счелъ умѣстнымъ опубликовать первою изъ неопубликованныхъ до истеченія указаннаго завѣщательницей срока и притомъ въ журналѣ, однимъ изъ учредителей котораго былъ покойный историкъ, въ которомъ появлялись и многіе изъ его трудовъ.

Въ томъ же году опубликована и девятая глава „Автобіографіи", посвященная воспоминаніямъ о тѣхъ профессорахъ С.-Петербургскаго университета и литераторахъ начала 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, съ которыми приходилось Н. И. близко сталкиваться по его научно-педагогической дѣятельности. Глава эта вошла въ „Юбилейный Сборникъ"

Литературнаго Фонда, изданный въ ознаменованіе исполнившагося въ 1909 году пятидесятилѣтія существованія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, извѣстнаго подъ именемъ „Литературнаго Фонда".

Исходя изъ того соображенія, что воспоминанія извѣстнаго русскаго историка о близкихъ Литературному Фонду лицахъ и о томъ именно періодѣ ихъ жизни, когда возникалъ Фондъ, не можетъ не представлять интереса, я представилъ Комитету Фонда воспользоваться этими воспоминаніями для издававшагося въ пользу Фонда „Юбилейнаго Сборника".

Наконецъ, восьмая глава „Автобіографіи" появилась впервые въ журналѣ „Голосъ Минувшаго" (№№ 5—6 за 1917 г.). Глава эта содержитъ воспоминанія о такихъ событіяхъ, какъ студенческія смуты, закрытіе университета, публичныя лекціи, скандалъ въ думѣ и выходъ Костомарова въ отставку отъ университетской кафедры, имѣвшихъ мѣсто въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 годовъ.

7-го апрѣля 1915 года исполнилось 30 лѣтъ со дня кончины Н. И. Костомарова. Событія, которыхъ касаются воспоминанія, записанныя подъ диктовку историка его другомъ-женой, Алиной Леонтьевной, отстоятъ отъ настоящаго времени почти на три четверти вѣка, т. е. имѣютъ достаточную давность для того, чтобы, безъ опасенія затронуть чье либо самолюбіе, возстановить пропуски „Автобіографіи" Н. И. Костомарова, о которыхъ упомянуто выше, касающіеся какъ нѣкоторыхъ событій, такъ и именъ лицъ.

Въ виду этого, я призналъ возможнымъ въ предлагаемомъ русской публикѣ отдѣльномъ изданіи воспроизвести въ полномъ объемѣ, въ цѣльности матеріалы по весьма интересному и поучительному жизнеописанію одного изъ выдающихся русскихъ людей второй половины минувшаго вѣка по его собственнымъ воспоминаніямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю вполнѣ умѣстнымъ воспроизвести въ этомъ же изданіи опубликованныя мною въ 1910 году, въ „Вѣстникѣ Европы" записки Алины Леонтьевны Костомаровой, дополняющія „Автобіографію" Николая Ивановича.

О происхожденіи этихъ записокъ мною сказано нѣсколько словъ въ предисловіи къ нимъ.

Что касается происхожденія „Автобіографіи“ [1]), то объ этомъ въ предисловіи къ „Литературному Наслѣдію“ Алина Леонтьевна говоритъ слѣдующее: „Въ началѣ 1875 года Николай Ивановичъ былъ тяжко боленъ тифомъ и, находясь въ безпамятствѣ и въ безнадежномъ положеніи, лишился матери. Здоровье его поправлялось медленно, зрѣніе упало совершенно. Разбитый душевно и физически онъ долженъ былъ подчиниться предписанію врачей, подъ угрозой слѣпоты воспретившихъ ему на продолжительное время ученыя занятія, требующія напряженія зрѣнія и мысли. Такой приговоръ врачей еще болѣе удручалъ нравственное состояніе Николая Ивановича. „Жить безъ дѣла, говорилъ онъ, это хуже смерти, а ослѣпнуть — это жить безъ дѣла“. Въ это время одинъ изъ пріятелей далъ Николаю Ивановичу совѣтъ продиктовать въ продолженіе лѣта свою біографію и дополнить ее, сообразно съ возстановляющеюся послѣ болѣзни силою памяти: это не трудъ, а времяпровожденіе, занимательное и для него самого, привыкшаго спокойно относиться къ пережитымъ ударамъ судьбы,— занимательное и для тѣхъ, кто прочтетъ эту автобіографію. „Но развѣ возможно писать или диктовать о себѣ цѣлые мѣсяцы, и кому нужна его біографія“;—говорилъ Н. И.— Близкіе люди успокаивали его объясненіемъ, что, начавши о себѣ, онъ непремѣнно скажетъ многое и о другихъ, имѣвшихъ отношеніе къ нему лично или къ его ученой дѣятельности, и такимъ образомъ составится небольшой очеркъ его времени. „Плохой я наблюдатель въ сферѣ современной жизни“, говорилъ Н. И.: „я привыкъ изучать прошлое, въ немъ жить, имъ всецѣло заниматься, и не даромъ, съ ранней молодости и до конца моихъ

---

[1]) Печатаемую здѣсь „Автобіографію“ слѣдуетъ не смѣшивать съ напечатанной въ „Русской Мысли“, въ №№ 5 и 6 за 1885 годъ подъ этимъ же заглавіемъ, записанную Н. А. Бѣлозерской со словъ Н. И. Костомарова, но не просмотрѣнную имъ, эпопею его жизни. *В. К.*

дней, бродить по кладбищамъ — любимѣйшая для меня прогулка".

Но какъ ни трудна была задача писать о себѣ, Н. И. былъ вынужденъ за нее приняться, чтобы „убить свое время"— и въ началѣ 1875 года сталъ диктовать автобіографію. Чуть не съ первыхъ словъ ему пришлось убѣдиться, что многое изъ того, что относилось къ его жизни и личности, ускользнуло изъ его богатой памяти. Изъ этого онъ заключилъ, что позабытое не представляло, вѣроятно, живого интереса для него самого и, стало-быть, еще менѣе можетъ интересовать другихъ, т. е. будущихъ читателей „Автобіографіи". Для того, чтобы Н. И. не затруднялъ своей памяти и своихъ нервовъ припоминаніями именъ или времени событій, ему было предложено обозначать при диктовкѣ вопросительными знаками такія мѣста, гдѣ являлось сомнѣніе въ точности, а по возвращеніи въ Петербургъ изъ лѣтняго пребыванія на югѣ Россіи — навести справки. Вопросительные знаки ставились; читатель найдетъ ихъ на 1 и 35 страницахъ „Автобіографіи", но они такъ и остались безъ предполагавшихся справокъ, потому что Н. И., по возвращеніи въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября не хотѣлъ и слушать объ автобіографіи: онъ чувствовалъ, что можетъ уже употреблять свое время на занятіе наукой и приступилъ къ трудамъ надъ 6-мъ выпускомъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ". Въ лѣтнее время 1876 и 1877 годовъ Н. И., послѣ своихъ побывокъ на Валаамѣ и въ Нарвѣ, продиктовалъ замѣтки объ этихъ мѣстностяхъ, для занесенія ихъ на страницы автобіографіи, и затѣмъ она была имъ покинута. Въ послѣдующіе годы случалось, однако, что, если взятая имъ съ собой на лѣто въ деревню ученая работа оканчивалась ранѣе времени возвращенія въ городъ, то можно было предложить Николаю Ивановичу „убивать" остающіеся дни лѣтняго сезона дополненіями къ автобіографическому разсказу. Но это удавалось рѣдко. Собираясь въ 1881 году на Кавказъ, для участія въ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ, Н. И. вспомнилъ о III съѣздѣ, состоявшемся въ Кіевѣ въ 1874 году

и замѣтилъ, что о томъ съѣздѣ, какъ ему помнится, такое слабое и недостаточное описаніе въ автобіографіи, что, предполагая дополнить его, онъ пріостановилъ переписываніе ее на чистые листы. Но едва было предложено сдѣлать такое дополненіе, какъ Н. И. воскликнулъ: „ахъ, опять автобіографія, оставимъ ее“,— и переворотивши нѣкоторые листы, сдѣлавши кое-гдѣ незначительныя поправки и надписавши собственноручно на первомъ листѣ посвященіе, попросилъ убрать ее разъ навсегда“.

Помимо того интереса для русскаго читателя, какой представляетъ предлагаемый въ настоящемъ изданіи матеріалъ, очерчивающій личность и міровозрѣніе нашего славнаго историка, имя котораго и въ настоящее время нечуждо грамотной Россіи, а въ послѣдней четверти минувшаго вѣка пользовалось особой популярностью, этотъ матеріалъ заключаетъ кое что и по злободневному вопросу — о роли и значеніи народностей славянской группы. По этому вопросу не мало матеріала заключаютъ историческіе труды Н. И. Костомарова.

Февраль 1915 года.

В. Котельниковъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ.

По воспоминаніямъ Алины Леонтьевны Костомаровой.

ПРЕДИСЛОВІЕ,

помѣщенное при печатаніи воспоминаній въ журналѣ „Вѣстникъ Европы".

Записки Алины Леонтьевны Костомаровой, урожденной Крагельской, по первому мужу Кисель, написаны въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія и содержатъ воспоминанія главнѣйше о томъ періодѣ жизни нашего славнаго историка Николая Ивановича Костомарова, о которомъ въ печать проникали до настоящаго времени лишь вскользь кое-какія свѣдѣнія.

Духовнымъ завѣщаніемъ Алины Леонтьевны, умершей въ Кіевѣ въ началѣ 1908 года, эти записки предоставлены въ мое распоряженіе при условіи опубликованія ихъ, если то будетъ признано желательнымъ, не ранѣе 1910-го года, въ которомъ истекаетъ двадцатипятилѣтіе со дня смерти Н. И. Костомарова.

Еще при жизни Алины Леонтьевны мнѣ было извѣстно съ ея словъ о существованіи этихъ записокъ-воспоминаній и о томъ, что она, кромѣ желанія внести свою лепту въ біографическій матеріалъ объ одномъ изъ выдающихся русскихъ людей второй половины XIX вѣка, чувствовала потребность сдѣлать извѣстными ея дѣтямъ отъ перваго брака, изъ которыхъ въ настоящее время въ живыхъ двое, тѣ обстоятельства ея жизни, которыя вполнѣ оправдываютъ какъ то, что она соединила судьбу свою, въ преклонномъ возрастѣ, съ судьбою Николая Ивановича Костомарова, такъ и то, что матеріальными средствами, полученными ею, какъ результатъ этого соединенія, она распорядилась не въ интересахъ родства.

Когда, по утвержденіи судомъ духовнаго завѣщанія Алины Леонтьевны, мнѣ пришлось ознакомиться съ ея записками, представляющими двѣ объемистыя тетради въ 213 страницъ in quarto, я на первой страницѣ ихъ увидѣлъ надпись, датированную 30-мъ іюля 1888-го года и подписанную: *Алина Костомарова,* слѣдующаго содержанія:

„Вручаю эту книжку съ ея содержаніемъ, написаннымъ неумѣло, но искренно. Пусть..... прочитаетъ написанныя здѣсь мои воспоминанія и отдѣльные наброски изъ того, что удержалось въ моей памяти изъ разсказовъ Николая Ивановича, и пусть сдѣлаетъ изъ этой тетради такое употребленіе, какое онъ найдетъ лучшимъ, ради интересующихся хотя бы и неважными эпизодами изъ жизни Николая Ивановича Костомарова".

Въ этой надписи мною опущены эпитеты, которыми меня наградила добрѣйшая и расположенная ко мнѣ Алина Леонтьевна, какъ мужа ея младшей дочери, которую она такъ нѣжно любила и которая такъ рано скончалась (въ 1887 году).

Ознакомившись съ содержаніемъ записокъ, я ни минуты не сомнѣваюсь въ высокомъ ихъ интересѣ для русской читающей публики, не только какъ матеріала для біографіи знаменитаго историка, но и какъ правдиваго разсказа о высоко трагической судьбѣ двухъ выдающихся и богато одаренныхъ натуръ.

Предлагая къ печати записки Алины Леонтьевны, я позволилъ себѣ только самыя незначительныя, чисто редакціоннаго характера поправки, не касающіяся нисколько ни существа, ни характера изложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько примѣчаній, нелишнихъ для поясненія текста. Эти примѣчанія, сдѣланныя мною, отмѣчены буквами В. К. Остальныя примѣчанія принадлежатъ автору записокъ.

В. Котельниковъ.

Посвящается моимъ дѣтямъ.

I.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX-го столѣтія между двумя частями Кіева — Печерскомъ и Липками — пролегалъ заросшій деревьями и кустарниками оврагъ, на откосахъ котораго кое-гдѣ ютились домики небогатыхъ горожанъ. Въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, въ видѣ отдѣльной барской дачи, но также на откосѣ оврага, выдвигался изъ густой чащи деревьевъ красивый двухъ-этажный домъ Семенюты. По другой сторонѣ оврага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начиналась улица, входившая въ Липки, стоялъ большой двухъ-этажный домъ Гудимъ-Левковича; при домѣ были большой дворъ и садъ. Домъ этотъ по тому времени былъ однимъ изъ видныхъ въ Кіевѣ. Несмотря на это, подъѣздъ къ дому былъ не съ улицы, а со двора. Въ этомъ-то домѣ въ 1843-мъ году Лаура Осиповна Де-Мельянъ открыла „Образцовый Пансіонъ“ для дѣвицъ. Въ этомъ-то пансіонѣ мать моя помѣстила меня, вмѣстѣ съ сестрой моей — Стефаніей. Тамъ-то я и познакомилась, въ качествѣ ученицы, съ Николаемъ Ивановичемъ.

Л. О. Де-Мельянъ по уму, по широкому образованію и, главное, по душевной чистотѣ, представляла воплощеніе идеала воспитательницы. У всѣхъ, имѣвшихъ счастье расти подъ ея наблюденіемъ, память о ней сохранила чувство глубочайшаго благоговѣнія и благодарности. Для всѣхъ, посвящавшихъ себя въ то время въ Кіевѣ дѣлу воспитанія дѣвицъ, г-жа Де-Мельянъ, по истинѣ, служила образцомъ. Такія ветераны-воспитательницы, какъ Зассъ и Залѣсская, заканчивавшія въ то время свое полувѣковое служеніе тому же дѣлу, познакомившись съ г-жею Де-Мельянъ, старались съ нею сблизиться и нерѣдко пріѣзжали для осмотра „Образцоваго Пансіона“ во всѣхъ его подробностяхъ.

Здѣсь не мѣсто было бы распространяться о порядкѣ и способахъ преподаванія или о другихъ сторонахъ устройства

этого пансіона, такъ какъ главнѣйшая цѣль настоящаго писанія моего — занести на страницы моихъ воспоминаній только то, что имѣло отношеніе къ Николаю Ивановичу. Приведенная краткая характеристика личности Л. О. Де-Мельянъ оправдываетъ ту оцѣнку ея, какую сдѣлалъ Николай Ивановичъ, что онъ и выражалъ ей самой при различныхъ обстоятельствахъ своей жизни.

Л. О. Де-Мельянъ, рожденная баронесса Бринкенъ, съ ранней молодости чувствовала призваніе воспитывать дѣтей. Семейныя причины заставили ее покинуть родовое помѣстье въ Курляндіи и переѣхать въ Петербургъ. Здѣсь, въ качествѣ друга статсъ-дамы Прасковьи Ивановны Мятлевой, она занялась воспитаніемъ младшей ея дочери, сдѣлавшейся впослѣдствіи женой Ильи Гавриловича Бибикова (виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора).

Лаура Осиповна встрѣтилась въ домѣ П. И. Мятлевой съ другомъ ея, старикомъ Филиппомъ Де-Мельянъ*), вдовцомъ, имѣвшимъ при себѣ дочь отъ перваго брака, вышла за него и посвятила себя уходу за старикомъ и воспитанію своей падчерицы, которая впослѣдствіи стала женой г-на Минюшскаго. Были у г-жи Де-Мельянъ, кромѣ падчерицы, еще воспитанницы-племянницы и совершенно чужія дѣвочки, неимущія сироты; всѣ онѣ то выходили изъ дома своей благодѣтельницы въ замужество, то получали хорошія мѣста гувернантокъ и классныхъ дамъ въ заведеніяхъ, а въ случаяхъ болѣзни или житейскихъ неудачъ возвращались подъ теплый материнскій кровъ г-жи Де-Мельянъ.

Въ 1841-мъ году Лаура Осиповна съ мужемъ переѣхала на жительство въ Кіевъ. Это сдѣлано было по совѣту врачей для поддержанія силъ старика въ лучшемъ климатѣ.

Бывшій въ то время въ Кіевѣ генералъ-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ встрѣтилъ ихъ съ признаками давней дружбы, такъ какъ зналъ г-на Де-Мельянъ очень давно, а г-жу Де-Мельянъ почиталъ, какъ воспитательницу его невѣстки, жены Ильи Гавриловича Бибикова.

---

*) По сообщенію Н. И. Костомарова, братъ знаменитаго Робеспьера, бѣжавшій изъ Парижа (см. записанную Н. А. Бѣлозерской автобіографію Н. И. Костомарова). — *В. К.*

Случилось тогда же, что существовавшее уже въ Кіевѣ (существующее и понынѣ) училище графини Левашовой осталось безъ главной почетной надзирательницы. Д. Г. Бибиковъ, зная влеченіе г-жи Де-Мельянъ къ дѣлу воспитанія дѣвицъ, въ особенности бѣдныхъ сиротъ, предложилъ ей принять на себя званіе и обязанности почетной надзирательницы этого училища, учрежденнаго на средства одной изъ дочерей П. И. Мятлевой, бывшей въ замужествѣ за прежнимъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Левашовымъ. Г-жа Де-Мельянъ, высоко чтившая основательницу училища, согласилась тѣмъ охотнѣе на это предложеніе, что за труды и заботы почетной надзирательницы никакого вознагражденія не полагалось. На жалованье же она помѣстила туда надзирательницей лучшую изъ своихъ воспитанницъ, Маргариту Адамовну Геймерсъ, блистательно выдержавшую экзаменъ при кіевскомъ университетѣ для полученія диплома на право учительницы. Сама Де-Мельянъ поселилась со своимъ обожаемымъ ею старцемъ какъ разъ противъ училища, въ одномъ изъ флигелей упомянутаго выше дома Гудимъ-Левковича.

Заботы г-жи Де-Мельянъ по приведенію Левашовскаго училища въ наилучшее состояніе и по привлеченію туда лучшихъ преподавательскихъ силъ (а это было нелегко, такъ какъ преподавательскій трудъ не оплачивался) имѣли такой яркій результатъ за одинъ годъ управленія ею училищемъ, что Д. Г. Бибиковъ предложилъ ей открыть особый „Образцовый пансіонъ“ съ платными ученицами. Такіе „образцовые“ пансіоны устраивались въ то время во всѣхъ губернскихъ городахъ юго-западнаго края, въ виду тѣсноты помѣщенія „Института благородныхъ дѣвицъ“ въ Кіевѣ, въ деревянномъ одноэтажномъ зданіи. Нынѣшнее каменное зданіе института въ то время еще не существовало.

Прошелъ весь 1842-ой годъ, пока Д. Г. Бибикову удалось убѣдить г-жу Де-Мельянъ открыть „Образцовый пансіонъ“. Наконецъ, къ августу 1843-го года былъ нанятъ для помѣщенія пансіона корпусъ дома Гудимъ-Левковича, и пріемъ дѣвицъ открылся. Сестра моя и я были первыми, поступившими въ пансіонъ, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ число воспитанницъ достигло комплекта, выше

котораго г-жа Де-Мельянъ не желала принимать, чтобы не лишать воспитанницъ необходимыхъ свободы и чистоты воздуха.

Проектировался въ пансіонѣ семилѣтній курсъ ученья, съ раздѣленіемъ на четыре класса, изъ которыхъ въ первомъ, или приготовительномъ, слѣдовало пробыть одинъ годъ, а въ остальныхъ трехъ по два года въ каждомъ. На первое время устраивалось только три класса. Мы съ сестрой поступили въ старшее отдѣленіе третьяго, такъ что намъ предстояло пробыть въ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ всего три года. Наши одноклассницы, по истеченіи одного года, вмѣстѣ съ нами составили четвертый классъ.

Лаура Осиповна, всегда скромная въ своемъ домашнемъ обиходѣ и имѣвшая, притомъ, личныя денежныя средства въ видѣ доходовъ отъ курляндскаго имѣнія и пенсіи мужа, не смотрѣла на содержаніе „Образцоваго пансіона“ какъ на средство наживы или улучшенія житейской обстановки. Получаемую за воспитаніе дѣвицъ плату она всецѣло употребляла на издержки по пансіону и не жалѣла денегъ, какъ для платы лучшимъ преподавателямъ, приглашеннымъ ею по преимуществу изъ числа профессоровъ кіевскаго университета, такъ и для возможно полнаго удовлетворенія нуждъ воспитанницъ ея заведенія.

Насъ не отпускали домой ни въ воскресенье, ни въ праздничные дни, и только разъ въ годъ, на два мѣсяца лѣтнихъ каникулъ, воспитанницы пансіона разъѣзжались по домамъ. Въ рождественскія святки мы разучивали различныя пьески на иностранныхъ языкахъ и устраивали спектакли; во время свѣтлой недѣли, на Пасхѣ, пѣли хоромъ и упражнялись въ танцахъ для предстоящаго публичнаго экзамена и притомъ, какъ въ зимнія, такъ и въ весеннія святки мы читали всегда по очереди, а въ это время прочія воспитанницы занимались рукодѣліемъ. Въ воскресные дни у насъ устраивались музыкальные вечера, на которые приглашались родители или родственники исполнительницъ музыкальныхъ пьесъ и изрѣдка кто-либо изъ учителей, принадлежавшихъ къ составу преподавателей музыкальнаго искусства. Добродушный старецъ-мужъ нашей „maman“, какъ мы называли г-жу Де-Мельянъ, страстно любилъ му-

зыку: онъ всегда присутствовалъ на нашихъ музыкальныхъ вечерахъ.

Всеобщую и русскую исторію читалъ у насъ профессоръ Домбровскій, еще молодой человѣкъ, очень представительной наружности и симпатичный. Всѣ ученицы безъ исключенія очень любили его и охотно занимались исторіей. Тяжкая болѣзнь лишила насъ любимаго „учителя“, какъ мы называли всѣхъ преподавателей, не различая ихъ по занимаемымъ ими должностямъ — профессоровъ или учителей гимназіи.

Домбровскій долго хворалъ, и наша „maman“, не теряя надежды на его выздоровленіе, пригласила для насъ на время другого преподавателя; но по смерти Домбровскаго, послѣ каникулъ 1845-го года, намъ объявили, что Домбровскаго, котораго мы оплакивали, замѣнитъ новый, очень ученый и талантливый учитель и что первая лекція его назначена на 1-ое августа. То былъ старшій учитель 1-ой кіевской гимназіи (мужской; женскихъ гимназій въ то время еще не было), Николай Ивановичъ Костомаровъ.

Каникулы наши, какъ я уже сказала, продолжались всего два мѣсяца, и 31-го іюля 1845-го года весь небольшой комплектъ дѣвицъ пансіона г-жи Де-Мельянъ былъ уже въ сборѣ. Въ день 1-го августа, утромъ, были у насъ законоучители различныхъ исповѣданій; послѣ обѣда, отъ двухъ до трехъ часовъ, былъ назначенъ первый урокъ русской исторіи. Во время обѣда между моими одноклассницами шли толки о томъ, кто этотъ „дерзновенный“, рѣшающійся замѣнить незамѣнимаго Домбровскаго, и какъ покажется намъ чтеніе „талантливаго“ ученаго. Раздался звонокъ, извѣщавшій объ окончаніи обѣда. Дѣвицы встали изъ-за стола; одна изъ нихъ громко прочла послѣобѣденную молитву: „Благодаримъ Тя, Христе, Боже нашъ“, а затѣмъ попарно всѣ вышли изъ столоваго въ рекреаціонный залъ, гдѣ, по обыкновенію, прохаживались въ продолженіе получаса, каждая съ своей подругой, пока другой звонокъ не призывалъ въ классы къ занятіямъ. Только воспитанницы старшаго, 4-го класса не могли пользоваться въ этотъ день получасовой прогулкой по залу и должны были изъ столовой пройти прямо въ классъ: „новый учитель“ не могъ назначить для

своей лекціи у насъ иного часа, какъ отъ двухъ до трехъ,— остальные учебные часы его были посвящены занятіямъ въ гимназіи и въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Этотъ фактъ лишенія насъ послѣобѣденнаго отдыха произвелъ впечатлѣніе не въ пользу „новаго учителя“, но съ нимъ приходилось мириться. Нечего было дѣлать; вошли въ классъ и заняли свои мѣста. У насъ въ пансіонѣ существовалъ, между прочимъ, такой порядокъ: ежемѣсячно въ каждомъ классѣ подсчитывались суммы балловъ (отмѣтокъ) каждой воспитанницы по всѣмъ предметамъ, выводился средній баллъ, и у которой изъ ученицъ этотъ средній былъ наивысшій, та занимала въ своемъ классѣ во весь слѣдующій мѣсяцъ первое мѣсто, какъ въ журналѣ, гдѣ для каждаго предмета былъ особый списокъ дѣвицъ, такъ и на первой скамейкѣ.

Вмѣстѣ съ нами вошла наша классная дама, швейцарка, любимая и уважаемая нами m-lle Dutremblay; вслѣдъ за нами вошла наша „maman“ и за нею старецъ Де-Мельянъ, не вмѣшивавшійся въ управленіе пансіономъ, но живо интересовавшійся успѣхами дѣвицъ въ наукахъ и въ искусствахъ. Едва передвигая ноги, сухонькій, сгорбленный и совершенно плѣшивый, нашъ общій „папа“ (такъ мы сами прозвали г. Де-Мельянъ) своей мелкой, старческой походкой задержалъ стремительное шествіе въ классъ „новаго учителя“.

Взоры дѣвицъ, конечно, обратились на послѣдняго. Это былъ молодой человѣкъ *), съ очень свѣжимъ лицомъ, средняго роста, крѣпкаго, такъ сказать, коренастаго тѣлосложенія, въ вице-мундирѣ (обыкновенная одежда учителей, преподававшихъ въ общественныхъ заведеніяхъ), въ очень широкихъ перчаткахъ и въ сапогахъ такого размѣра, который возбуждалъ смѣхъ своею огромностью. Вмѣсто поклона, онъ какъ-то неловко пригнулся, всталъ, сложилъ по-дѣтски руки и взмахнулъ головой, какъ бы желая освободить свой лобъ и глаза отъ густыхъ прядей волосъ, надвинутыхъ небрежно надѣтою шляпою; на волосахъ, вокругъ головы, оставалась втиснутая шляпой полоса, словно съ головы только что сняли обручъ. Сквозь золотые очки свѣтились умные голубые глаза. Онъ еще не успѣлъ занять своего мѣста у

*) Н. И. Костомарову было тогда 28 лѣтъ. — *В. К.*

столика, на которомъ стояла чернильница съ перомъ и журналъ для отмѣтокъ, не успѣлъ взглянуть на списокъ фамилій своихъ новыхъ ученицъ, какъ нашъ старецъ, указывая на воспитанницъ, заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ: „Это, monsieur Kostomaroff, все глюпой дѣвочки,— а это сидитъ на первомъ мѣстѣ самій глюпій! никуда не годится!“.

При этой шуточной рекомендаціи, старецъ взялъ Николая Ивановича подъ-руку и подвелъ къ первой скамейкѣ и къ первому мѣсту, которое я занимала. Старикъ засмѣялся и какъ-то зачмокалъ тонкими губами; дѣвицы также слегка засмѣялись, а „новый учитель“, подходя вмѣстѣ со старикомъ ко мнѣ, пытливо посмотрѣлъ на меня, поправилъ очки и даже немного отодвинулъ отъ глазъ свои нависшіе волосы, чтобы они не мѣшали ему, близорукому, поглядѣть на „никуда негодную дѣвочку“.

Мнѣ было тогда около 15-ти лѣтъ. Я была очень любима въ этомъ пансіонѣ — буквально, всѣми, какъ мнѣ казалось, и жилось мнѣ тамъ такъ привольно и безмятежно, какъ не жилось уже никогда послѣ выпуска изъ пансіона. Это были поистинѣ счастливѣйшіе годы моей жизни.

Пользуясь минутой и близостью нахожденія „новаго учителя“ къ моей „партѣ“, я быстро окинула его взглядомъ и также смѣялась, будто бы по поводу шутливой брани старика, но на самомъ дѣлѣ мнѣ не въ мочь было удержаться отъ смѣха при видѣ, какъ „новый учитель“ вскидываетъ голову, моргаетъ, улыбается и не можетъ избавиться отъ докучливыхъ волосъ *).

*) Такое неумѣнье надѣть на себя шапку или шляпу осталось у Николая Ивановича до конца его жизни. Своимъ головнымъ уборомъ онъ надвигалъ волосы на лобъ и глаза и такъ входилъ въ домъ къ знакомымъ или къ себѣ, по возвращеніи изъ какой-либо поѣздки или съ прогулки. Нужно было, чтобы кто-нибудь сказалъ ему, что волосы мѣшаютъ ему и нужно отодвинуть ихъ. Увлеченный чтеніемъ или работой надъ своими сочиненіями, онъ былъ такъ поглощенъ ими, что писалъ хмурясь и нервно подергивая бровями — а волоса висѣли надъ глазами и продолжали мѣшать и безпокоить, пока (впослѣдствіи), бывало, я не подойду и, не сказавши ни слова, чтобы не перебить его мыслей, не сдвину волосъ и не освобожу отъ нихъ вдумчивые глаза и лобъ. Иногда онъ не замѣчалъ этого, иногда же безмолвно благодарилъ добродушной улыбкой.

Онъ отошелъ къ учительскому столику,—я взглянула на подругъ и заразила ихъ своимъ смѣхомъ. Серьезный взглядъ начальницы возстановилъ тишину въ классѣ.

Николай Ивановичъ сталъ экзаменовать насъ. Вопросы его были несложны, но онъ тотчасъ увидалъ, съ чего начать съ нами свои занятія. Съ первыхъ же лекцій онъ побѣдилъ своихъ юныхъ слушательницъ силою и живостью своего изложенія; но какъ большинство состояло изъ такихъ же 14-ти—15-ти-лѣтнихъ шалуній, какою была я въ то время, то мы еще не могли сразу проникнуться уваженіемъ къ умственной высотѣ „новаго учителя“ и оцѣнить его даровитость, и еще тѣмъ менѣе вывести сравненіе въ этомъ отношеніи съ Домбровскимъ. Мы только признали, что, „новый учитель“ читаетъ ярче и занимательнѣе, чѣмъ тотъ, который преподавалъ намъ два-три мѣсяца во время болѣзни Домбровскаго и до его смерти.

Зато сколько было смѣха по поводу необыкновенныхъ принадлежностей костюма Николая Ивановича — этихъ „мѣшковъ“, вмѣсто перчатокъ, какихъ то густыхъ батистовыхъ фалборъ, вмѣсто манжетъ (нарукавниковъ)! Сколько кривлянья и передразниванья по поводу его морганья и частаго взмахиванія головой изъ желанія освободить глаза и лобъ отъ густыхъ прядей волосъ, повидимому, подвитыхъ рукою парикмахера! Блондинъ, со свѣжимъ лицомъ, красивымъ, тонкимъ носомъ, едва замѣтно вздернутымъ, съ прекрасными губами, изъ-за которыхъ при чтеніи виднѣлись кое-когда безукоризненной чистоты и бѣлизны зубы, съ умными глазами и симпатичной улыбкой — Николай Ивановичъ былъ очень недуренъ собой, несмотря на то, что на лбу и даже на носу имѣлъ небольшія рябинки отъ оспы. Но онъ такъ безобразилъ свою внѣшность причудливымъ, хотя и непреднамѣреннымъ способомъ одѣваться и неумѣньемъ распорядиться своими роскошными пепельнаго цвѣта волосами, что возбуждалъ смѣхъ при первомъ взглядѣ на него у всѣхъ, кто въ юные годы способенъ смѣяться безъ удержу при малѣйшемъ поводѣ. Понятно, что лишь только онъ вышелъ изъ класса послѣ первой лекціи у насъ, какъ мы начали другъ передъ дружкой передразнивать его манеры и подер-

гиваніе лица и бровей — а я была изъ первыхъ мастерицъ на такого рода выходки.

Нашлись между моими одноклассницами и такія, которыя пресерьезно прозвали „новаго учителя“ чудовищемъ, что впослѣдствіи стало ему извѣстно и очень смѣшило его самого.

Читалъ намъ Николай Ивановичъ, какъ и всѣ прочіе преподаватели старшаго класса, не указывая учебниковъ и не задавая по нимъ: мы слушали его лекціи, и намъ дозволялось имѣть передъ собой на партѣ чистую тетрадь, такъ называвшійся „brouillon“, куда мы наскоро записывали годы событій, собственныя имена историческихъ дѣятелей и географическія названія мѣстностей. Читалъ онъ обыкновенно стоя у столика или у большой черной доски, причемъ, иногда бралъ въ лѣвую руку мѣлъ и чертилъ имъ на доскѣ уродливыя цифры годовъ, облегчая тѣмъ записываніе ихъ ученицамъ.

Иногда онъ подходилъ къ нашимъ партамъ-скамьямъ, склонялся къ тетрадкѣ записывающей и произносилъ сужденіе о ея почеркѣ — для иной похвалу, для другой такое, напримѣръ, замѣчаніе: „Вы бы мастерски писали по-славянски“. Отмѣчая въ журналѣ баллы, онъ иногда произносилъ громко фамилію ученицы и сужденіе о ея занятіяхъ. Для удобства отмѣтокъ страницы журнала были разграфлены клѣточками, и трудно себѣ представить, какія смѣшныя каракули изображались нашимъ историкомъ (у насъ была пятибалльная система): то микроскопическая цифра стояла вверху или въ одномъ изъ уголковъ клѣточки-квадратика, то цифра занимала ее всю *). Моя фамилія въ журналѣ по всѣмъ предметамъ стояла въ началѣ страницы, сообразно

*) До конца своей жизни Николай Ивановичъ писалъ такія цифры, и часто самъ не могъ отличить въ своей рукописи: 3 или 5 или же 8 онъ хотѣлъ изобразить, 4 или 7, 5 или 50, такъ какъ случалось ему зачастую писать изъ двухъ цифръ первую крупно, а вторую мелко, напримѣръ: 5о, 7о и т. п. Такое начертаніе онъ потомъ, по близорукости, принималъ за 5 и 7 съ точкой и проч. Почеркъ его въ молодые годы былъ въ высшей степени неразборчивъ, но въ старости, при упадкѣ зрѣнія, онъ писалъ медленнѣе и старался выводить букву за буквой, чтобы возможно было разобрать написанное. Это и достигалось за исключеніемъ все-таки цифръ, которыя онъ и самъ потомъ затруднялся разобрать.

имѣвшемуся у меня количеству балловъ, и потому не нужно было особой сообразительности или слишкомъ остраго зрѣнія, чтобы издали, по движенію руки и пера учителя, узнать, поставлено ли мнѣ обычное: 5. Но по живости характера я слѣдила за отмѣтками всѣхъ одноклассницъ, зная, какія изъ ученицъ занимаютъ послѣдующія мѣста въ журналѣ, чтобы громко и быстро отрапортовать, по выходѣ изъ класса учителя, всѣ поставленные имъ баллы по порядку. Это было нетрудно при маломъ числѣ ученицъ въ старшемъ классѣ. И вотъ, послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ преподаванія, Николай Ивановичъ, начертавши мнѣ 5 и заглянувъ въ другія страницы журнала, гдѣ ставились учителями отмѣтки по другимъ предметамъ, поднялъ отъ журнала свои глаза и, уставивъ ихъ на меня, сказалъ:

— Вы отлично занимаетесь науками.

— Я никогда не занимаюсь науками,— былъ мой отвѣтъ.

Дѣвицы сдержанно засмѣялись; классная дама покачала головой, отмѣчая тѣмъ неумѣстность моей дѣтской похвальбы, а Николай Ивановичъ пытливо взглянулъ на меня.

Откланявшись классной дамѣ и дѣвицамъ, онъ подошелъ къ моему мѣсту и пресерьезно спросилъ:

— Чѣмъ же вы занимаетесь здѣсь, если не наукою?

— Наукой занимаюсь, но не отлично, а слегка, пока учитель въ классѣ, а потомъ играю на рояли, вышиваю, бѣгаю, дурачусь...

При послѣднемъ словѣ я моментально заморгала глазами и сложила руки „въ кулачки“, какъ все это обыкновенно дѣлалъ Николай Ивановичъ; но онъ ничего не замѣтилъ, еще разъ улыбнулся, слегка поклонился и вышелъ изъ класса. Такъ какъ m-lle Dutremblay почти ничего не понимала по-русски и только видѣла, что „учитель“ самъ подошелъ ко мнѣ и предложилъ какой-то вопросъ, на который я отвѣчала съ подобающею ученицѣ серьезностью, то и не сдѣлала мнѣ никакого замѣчанія. При этой сценѣ, къ тому же, Николай Ивановичъ заслонялъ своей особой мое лицо отъ свѣта и классная дама не могла замѣтить моихъ шаловливыхъ гримасъ и передразниваній. Да я и сама была осторожна, знала мѣсто и время для шалостей, иначе мнѣ поставили бы дурную отмѣтку за поведеніе. Это могло лишить меня превы-

шающаго количества балловъ по отношенію къ другимъ одноклассницамъ и свести съ „перваго мѣста“, къ которому я привыкла и утерять которое считала стыдомъ.

Мой отвѣтъ заинтересовалъ Николая Ивановича и, спустя нѣкоторое время, между нимъ и старикомъ Де-Мельянъ, при ихъ встрѣчѣ въ залѣ, по выходѣ съ лекцій, произошелъ такой разговоръ:

— Ну, какъ вы довольны, m-r Kostomaroff, старшій классъ?

— Доволенъ вообще, а дѣвица Алина Крагельская дѣйствительно очень даровита.

— И что исторія, грамматикъ, математикъ... Вы бы послюшаль мюзикъ! Она у насъ какъ играетъ! Пошалюйте послюшить у насъ на музикальный вечеръ, m-r Kostomaroff,— и тогда ви скажетъ: даровитій дѣвочка.

Николай Ивановичъ поблагодарилъ за приглашеніе, но ни разу не посѣтилъ насъ помимо своихъ лекцій: ему было не до музыкальныхъ способностей хваленой дѣвочки — онъ былъ поглощенъ своими занятіями, о которыхъ мы тогда не имѣли никакого представленія, кромѣ его чтеній у насъ по всеобщей и русской исторіи, въ гимназіи и въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Послѣдній учебный годъ (1845 — 46) нашего выпускного класса протекалъ въ усиленныхъ занятіяхъ по всѣмъ отраслямъ знаній, и превосходные „учителя“, подмѣчавшіе нашу энергію, увлекались чтеніемъ намъ своихъ лекцій настолько, что появлялись въ классъ нѣсколько раньше назначеннаго для урока времени и оставались до тѣхъ поръ, пока одинъ учитель не приходилъ на смѣну другого. Такимъ образомъ и Костомаровъ, читавшій у насъ разъ въ недѣлю всеобщую исторію и разъ русскую, не заставлялъ себя ждать, напротивъ, появлялся всегда ранѣе двухъ часовъ дня, какъ то было назначено.

Занимательность его лекцій и самый способъ чтенія пріобрѣтали все большую къ нему симпатію и уваженіе слушательницъ, такъ что, несмотря на добрую память о Домбровскомъ, ни одна изъ насъ не рѣшалась уже называть Костомарова дерзновеннымъ преемникомъ Домбровскаго. Мы незамѣтно полюбили Николая Ивановича и какъ-то инстинк-

тивно поняли, почему наши классныя дамы и нѣкоторые изъ учителей называли его восходящимъ свѣтиломъ науки. Это не мѣшало, однако, намъ подмѣчать странности Костомарова, и нерѣдко послѣ его лекціи мы разсуждали о томъ, какъ и гдѣ сложились у него такія странныя манеры, которыя дѣлаютъ его смѣшнымъ и даютъ поводъ нѣкоторымъ изъ насъ называть его „чучеломъ морскимъ“. Сталось какъ-то такъ, что въ дни, когда къ намъ долженъ былъ приходить Николай Ивановичъ въ два часа, мы, „старшія“, торопились за обѣдомъ проглотить какъ можно скорѣе третье блюдо и, съ разрѣшенія начальницы, не ожидая общаго окончанія обѣда, спѣшили въ классъ.

Случалось, что еще поднимаясь по лѣстницѣ изъ столовой, находившейся въ нижнемъ этажѣ, мы слышали торопливые шаги Николая Ивановича, проходившаго черезъ залъ въ нашъ классъ. Тутъ ужъ за нами наблюдали не особенно строго, чтобы мы шли попарно и чинно; а какъ я между „старшими“, т.-е. выпускными, была всѣхъ меньше ростомъ, то всегда шла впереди, вмѣстѣ съ моей сестрой, подходившей ко мнѣ и ростомъ и количествомъ балловъ: она занимала всегда второе мѣсто въ спискѣ фамилій дѣвицъ въ журналѣ и на скамьѣ.

Сестра моя была гораздо серьезнѣе меня: ей не такъ легко, какъ мнѣ, давалось ученье, но она много трудилась. Она была однимъ годомъ старше меня, блѣдненькая и болѣзненная блондинка, совершенный контрастъ со мною смугловатой, румяной брюнеткой, всегда готовой разыграться на подобіе котенка *).

Идучи спѣшно за Николаемъ Ивановичемъ въ классъ, въ парѣ съ сестрой, я успѣвала всячески кривляться, сжимала кулаки, выдвигала впередъ подбородокъ, словомъ, воспроизводила всѣ странныя тѣлодвиженія Николая Ивановича, пользуясь тѣмъ, что онъ никогда не оглядывался **). На лек-

*) Сестра Алины Леонтьевны, Стефанія Леонтьевна, по мужу Киселева, дожившая до глубокой старости. *В. К.*

**) Уже въ старости, когда судьба соединила меня съ Николаемъ Ивановичемъ, онъ любилъ слушать на досугѣ мои разсказы о тѣхъ временахъ и по окончаніи ихъ всегда просилъ изобразить тогдашнюю его походку и гримасы. При удовлетвореніи такой просьбы онъ смѣялся до слезъ, до икоты.

ціяхъ я была всегда внимательна и серьезна, что плѣняло преподавателей.

Однажды, при выходѣ изъ-за обѣденнаго стола, одна изъ моихъ подругъ, идучи въ классъ въ слѣдующей за мной парѣ, смущенно сообщаетъ мнѣ, что плохо приготовила урокъ исторіи и боится быть сегодня вызванной, т.-е. спрошенной Костомаровымъ. Я, не долго думая, сказала: „Онъ уже помчался въ классъ; помчимся и мы вслѣдъ за нимъ и, будто второпяхъ, вбѣгай въ парту вслѣдъ за мной, а ужъ за тобой сядетъ моя сестра: вотъ, если онъ тебя вызоветъ, я буду подсказывать тебѣ. Кстати, онъ близорукъ и не увидитъ, а у тебя хорошій слухъ и ты все услышишь; да я сумѣю подсказать, не шевеля губами!“

Такъ и сдѣлано. Классная дама подернула плечами, замѣтивъ, что мы вскочили въ парту какъ попало, не въ томъ порядкѣ, какъ записаны въ журналѣ.

Случайно или замѣтивъ нашъ маневръ, Николай Ивановичъ вызвалъ мою подругу. Во все продолженіе ея отвѣта я очень искусно подсказывала, не ожидая такой запинки, которая должна бы взывать къ моей помощи. Отвѣтъ былъ вполнѣ удовлетворительный. Николай Ивановичъ окликнулъ фамилію другой дѣвицы и сказалъ: „продолжайте!“ И та, и еще нѣсколько дѣвицъ по вызову „продолжали“ очень хорошо, пока не окончился урокъ. Я же и еще нѣсколько ученицъ вовсе не были спрошены. Это случалось часто, въ виду того, что мы уже на выпускѣ, „большія“, и незачѣмъ терять время на провѣрку знанія каждаго урока у каждой изъ насъ, а лучше прочесть впередъ.

Разсказанъ новый урокъ. Николай Ивановичъ начинаетъ ставить отмѣтки въ журналѣ, и вижу я, что онъ ставитъ мнѣ пять. Тутъ, по винѣ моего пятнадцатилѣтняго возраста, я не выдержала и тихо отозвалась:

— По привычкѣ награждаютъ меня пятеркой, а я сегодня и не была вызвана!

— Но я убѣдился, что вы и сегодня превосходно знаете урокъ.

Я промолчала и продолжала слѣдить за движеніями пера Николая Ивановича, ставившаго отмѣтки, опасаясь, чтобы моя подруга не пострадала за мою услугу.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Но каково мое изумленіе — подругѣ не поставили вовсе балла! Я не смѣла произнести ни словечка по этому поводу ей самой, а когда Николай Ивановичъ откланялся и вышелъ изъ класса, подруга моя, сконфуженная, сказала:

— Каково великодушіе у нашего „чудовища“!

Вошелъ другой преподаватель, и разговоры объ этомъ великодушіи возобновились только уже вечеромъ, при прогулкѣ въ рекреаціонномъ залѣ. Мы много смѣялись и еще болѣе полюбили „добраго Костомарова“.

Время быстро бѣжало. Наступили экзамены частные, а 6-го іюня 1846-го года состоялся у насъ публичный актъ для перваго выпуска небольшого числа дѣвицъ. Съѣхались родители и родственники воспитанницъ пансіона, явились учителя, директоръ гимназіи (Любимовъ), попечитель кіевскаго учебнаго округа (безобразно ожирѣвшій генералъ Траскинъ) и, наконецъ, прибылъ всегда торжественно важный, но благосклонный къ нашему пансіону генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ.

Всѣ они были въ парадныхъ мундирахъ. Выпускныя дѣвицы были въ бѣлыхъ платьяхъ. Экзаменовали насъ по различнымъ научнымъ предметамъ слегка и быстро, какъ бы для удовлетворенія самолюбія и гордости родителей и любопытства присутствующихъ; затѣмъ осматривали выставленныя рукодѣлья, чертежи картъ и рисунки, потомъ вышли всѣ въ особый залъ, гдѣ публика размѣстилась въ рядахъ стульевъ, впереди которыхъ сдѣлана была небольшая эстрада, а на ней установлены два рояля. Съ одной стороны эстрады помѣщался немногочисленный оркестръ городского театра, лучшій въ то время въ Кіевѣ, съ другой — наши учителя. Начальство, какъ-то: генералъ-губернаторъ, попечитель, директоръ гимназіи, начальница пансіона и ея престарѣлый супругъ заняли стулья въ первомъ ряду.

Играли дѣвицы, начиная съ младшихъ классовъ, порознь и на двухъ роялях, затѣмъ играла одна изъ выпускныхъ и, наконецъ, я — играла варіаціи Герца на маршъ изъ „Отелло“ съ аккомпаниментомъ оркестра.

Послѣ исполненія мною каждой варіаціи слегка слышались одобрительныя „bravo!“ впечатлительнаго старца Де-Мельянъ и нашего сановитаго Бибикова. По окончаніи

пьесы Бибиковъ поднялся на эстраду, протянулъ свою единственную руку (лѣвую онъ потерялъ на войнѣ) разрумянившейся исполнительницѣ варіацій Герца, поцѣловалъ ея руку, обнялъ и поцѣловалъ учителя музыки Витвицкаго, дирижировавшаго оркестромъ во время исполненія пьесы, и, спустившись съ эстрады, подошелъ съ поздравленіями и комплиментами къ моей матери. Старикъ Де-Мельянъ и Витвицкій, да и я вмѣстѣ съ матерью торжествовали.

Въ числѣ подходившихъ ко мнѣ вслѣдъ за начальствующими лицами были прежде всего наши учителя и между ними Николай Ивановичъ. Онъ привѣтливо улыбнулся, поклонился и исчезъ въ толпѣ. Мы, „выпускныя“, стали прощаться между собой, потомъ — съ классными дамами и, наконецъ, съ нашей дорогой „maman“ и ея добрѣйшимъ старцемъ. Мы плакали. Но я и сестра моя утѣшали себя тѣмъ, что живя въ Кіевѣ, съ родителями, будемъ имѣть счастье не разставаться вполнѣ съ милыми намъ m-mé и m-r De-Meilhan, такъ какъ наша мать обѣщаетъ отпускать насъ къ нимъ въ каждый воскресный день.

Сестрѣ моей оставалось еще два мѣсяца до семнадцатилѣтняго возраста, а мнѣ столько же до шестнадцатилѣтняго: въ такіе годы и при наилучшей жизни, какую только возможно было имѣть въ закрытомъ заведеніи, все-таки мы весело ждали выпуска. Всѣ мы, въ бѣлыхъ платьяхъ своихъ, спѣшили домой: намъ въ розовомъ цвѣтѣ представлялось вступленіе въ жизнь.

II.

У насъ съ сестрой былъ рѣдкой доброты вотчимъ: *) онъ любилъ насъ, какъ самый нѣжный родной отецъ. По нездоровью онъ не присутствовалъ на актѣ въ нашемъ пансіонѣ. Когда мы появились передъ нимъ въ нашихъ бѣлыхъ платьяхъ и бросились къ нему на шею, отъ радости впередъ жить съ нимъ неразлучно и отъ удовольствія пред-

*) Николай Кузьмичъ Мазуровъ, скончался въ Кіевѣ въ 1858 г. Онъ служилъ въ комиссаріатской комиссіи, нынѣшнее интенданство; ему часто приходилось работать въ подвалахъ, сырость которыхъ отразилась на его здоровьи.— *В. К.*

ставить ему наши отличные аттестаты, онъ прослезился и сказалъ, обращаясь къ нашей матери:

„Это ли взрослыя дѣвицы, окончившія курсъ наукъ! Да это дѣти, крошки! Имъ нужно расти и развиваться и имъ нужно помочь въ этомъ. Посовѣтуйся съ врачами: не пошлютъ ли они ихъ куда-нибудь къ морю купаться и подышать на свободѣ? Я употреблю всѣ мои трудовыя силы, чтобы доставить имъ тамъ и необходимое развлеченіе, и нѣкоторую экипировку, такъ какъ вполнѣ надѣюсь, что онѣ подрастутъ послѣ такой поѣздки".

По совѣту врачей наша родная мама, не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли послѣ того повезла насъ въ Одессу, пригласивъ съ собою портниху для шитья намъ платьевъ. Одесса въ то время пользовалась правами porto-franco. Иностранные товары тамъ были чрезвычайно дешевы, но существовала таможня, ревизовавшая чемоданы ѣхавшихъ изъ Одессы внутрь Россіи, и ничего несшитаго нельзя было провезти безъ большого штрафа. Между тѣмъ съѣздъ на купальный сезонъ въ Одессу бывалъ очень большой, въ особенности дамъ и дѣвицъ, которыхъ привлекала туда не столько необходимость поправить здоровье морскимъ купаньемъ, сколько жажда развлечься, послушать итальянскихъ пѣвцовъ и накупить себѣ нарядовъ. Поэтому модистки тамъ были совершенно недоступны; даже самыя незатѣйливыя портнихи были завалены работой и брали, что хотѣли за свой трудъ, зная, что рѣдко кто рѣшится провезти въ своемъ чемоданѣ въ Россію кусокъ купленной въ Одессѣ матеріи или кружева. Многія, подобно нашей мамѣ брали съ собой портнихъ, содержаніе которыхъ было неразорительно, такъ какъ почти всѣ, пріѣзжавшіе въ Одессу цѣлой семьей, устраивались не въ гостинницахъ, а нанимали отдѣльныя квартиры въ нѣсколько комнатъ, смотря по средствамъ. Съ нами, кромѣ портнихи, былъ еще лакей, котораго предоставилъ намъ нашъ добрый вотчимъ для наблюденія за исправностью экипажа въ пути, для расплаты на станціяхъ за почтовыхъ и для услугъ на квартирѣ въ чужомъ городѣ.

Желѣзной дороги отъ Кіева до Одессы въ то время не было, и мы ѣхали туда чуть не цѣлую недѣлю, въ виду

массы проѣзжавшихъ на почтовыхъ лошадяхъ. Въ Одессѣ мы скоро нашли себѣ очень удобную квартирку въ четыре комнаты въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома, что признавалось лучшимъ для предохраненія живущихъ отъ нестерпимаго іюльскаго зноя. Мама немедленно взяла для меня на прокатъ помѣсячно хорошій рояль и стала освѣдомляться о лучшихъ учителяхъ музыки въ Одессѣ. Кстати, въ парадномъ вестибюлѣ того дома, гдѣ мы помѣстились, очень часто слышались звуки исполняемыхъ въ бель-этажѣ на роялѣ трудныхъ этюдовъ и пьесъ. Ежедневные выходы утромъ и вечеромъ для купанья приводили насъ къ постоянной встрѣчѣ съ пожилой особой, квартировавшей въ томъ же домѣ, гдѣ и мы. Особа эта, также какъ и мы, пользовалась морскимъ купаньемъ, такъ что мы встрѣчались и въ купальняхъ. Это подало поводъ сначала къ небольшимъ разговорамъ, а потомъ и къ знакомству. То была княгиня Шаликова, супруга престарѣлаго поэта. Долго намъ не случалось видѣть его въ гостиной его супруги-княгини; но какъ-то разъ, послѣ утренняго купанья, мы были приглашены княгиней на завтракъ. Пока накрывали столъ, я осматривала картины; взглянувъ на висѣвшій въ числѣ ихъ портретъ неизвѣстнаго мнѣ лица, я воскликнула:

— Княгиня! какой носъ! могу ли спросить имя его носителя?

— Это мой князь, дитя мое. Я познакомлю его съ вами, и вы полюбите его.

Мнѣ было очень неловко, а мать моя, извиняясь передъ княгиней за мою выходку, оправдывала ее долгимъ пребываніемъ въ закрытомъ заведеніи, безъ обращенія въ обществѣ и, наконецъ, живостью и впечатлительностью моей натуры. Княгиня смѣялась, но князя мы въ тотъ день не видѣли: онъ гдѣ-то гулялъ.

Отъ княгини мы узнали, что надъ нашимъ помѣщеніемъ въ бель-этажѣ квартируютъ какіе-то богатые люди; у нихъ дочь музыкантша и ей даетъ уроки музыки извѣстный композиторъ Черни, пріѣхавшій на этотъ сезонъ въ Одессу; княгиня съ ними знакома и слыхала отъ нихъ, что Черни,

идучи къ нимъ на урокъ поинтересовался узнать, кто такіе пріѣзжіе помѣщающіеся въ нижнемъ этажѣ дома. Благодаря тому, что для защиты отъ жгучихъ солнечныхъ лучей въ квартирѣ этихъ пріѣзжихъ всегда были спущены жалюзи, онъ всякій разъ останавливался у одного изъ оконъ на нѣсколько минутъ, такъ какъ всякій разъ слышалъ отчетливое исполненіе различныхъ этюдовъ, что указывало на присутствіе даровитаго молодого существа, учащагося или учащейся. И въ самомъ дѣлѣ, хотя я играла сидя спиной къ окну, но черезъ жалюзи мелькали и отражались на моихъ нотахъ тѣни проходящихъ; случалось, что нѣкоторые изъ нихъ останавливались.

Обрадованная слышаннымъ отъ княгини, мать моя просила ее узнать черезъ своихъ знакомыхъ, не пожелаетъ ли г. Черни давать уроки той учащейся, которую онъ иногда слушаетъ черезъ раскрытое окно изъ-за жалюзи? Я же съ этого дня вознамѣрилась подкараулить стояніе г. Черни, подъ окномъ во время моей игры.

Дня черезъ два послѣ этого, почти при окончаніи моихъ упражненій, я замѣтила на нотахъ тѣнь остановившагося человѣка, быстро обратилась къ ней и прервала игру, надѣясь узрѣть Черни.

— Такъ мучительно жарко сегодня, что и наслаждаться подъ окномъ нельзя: позвольте войти!

Я бросилась къ дверямъ въ увѣренности увидѣть во входящемъ не кого иного, какъ г-на Черни, и отворила ихъ съ выраженіемъ восторга на лицѣ. Но каково было мое глупое смущеніе при видѣ чудовищнаго носа... То былъ князь Шаликовъ. Наговоривши риторически подобранныхъ любезностей по поводу моей игры, онъ скоро ушелъ, а супруга его, при нашей вечерней встрѣчѣ на морѣ, обрадовала мать мою и меня извѣстіемъ, что Черни, отказавшійся многимъ пріѣзжимъ давать уроки, согласенъ давать ихъ мнѣ, такъ какъ успѣлъ уже нѣсколько познакомиться съ моей игрой и, помимо моихъ способностей, плѣненъ моимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ, съ которымъ я добивалась преодолѣванія трудностей при изученіи музыкальныхъ этюдовъ.

Черни давалъ мнѣ уроки въ продолженіе августа и сентября, т. е. до того времени, когда мы съ матерью должны были покинуть Одессу и возвратиться въ Кіевъ *).

Въ Одессѣ мы часто посѣщали театръ, гдѣ давались, по преимуществу, итальянскія оперы. Мы восторгались и новизною, какую представляло для насъ вокальное исполненіе громадныхъ пьесъ, и самими исполнителями. Мы помѣщались всегда въ одной и той же ложѣ нижняго яруса и заслушивались пѣвцами и хорошимъ оркестромъ. Мама наша усаживала насъ впереди, сама же помѣщалась за нами. Въ первыхъ числахъ августа случилось намъ слушать оперу „Сафо“ Пиччини. Играли увертюру. Какъ не требовала отъ насъ мама, чтобы мы съ сестрой сидѣли чинно и не возвышали голоса во время своей бесѣды, но при первомъ же сильномъ впечатлѣніи наставленіе это забывалось.

И вотъ мы видимъ въ партерѣ знакомое лицо... Мы обѣ привѣтливо кланяемся и слегка окликаемъ:

— Monsieur Kostomaroff! и вы здѣсь!

— Потише, Бога ради! Кого это вы вздумали вызывать изъ партера? Сидите же прилично, прошу васъ!— сказала намъ въ полголоса мама.

— Мамочка!— залепетали мы, радостно сіяя:— это нашъ учитель, monsieur Kostomaroff!

— Да Господь съ нимъ, съ вашимъ учителемъ! Вы здѣсь не въ пансіонѣ, а въ свѣтѣ, въ оперѣ!— сказала мать.

Но мы не унимались — и нашему восторженному настроенію никакъ нельзя было помѣшать, въ особенности, когда m-r Костомаровъ вошелъ къ намъ въ ложу. Онъ представился нашей мамѣ и обратился къ намъ:

— Какими судьбами вы здѣсь?

— Такими, вѣроятно, какъ и вы: пріѣхали сюда изъ Кіева для отдыха и къ морю,— сказала я.

---

*) Всѣ эти подробности о моихъ музыкальныхъ успѣхахъ описываю потому, что Николай Ивановичъ придавалъ имъ громадное значеніе и, любя музыку, приходилъ въ восторгъ отъ моей игры, мечтая о моемъ дальнѣйшемъ музыкальномъ образованіи.

Встрѣча съ нами и въ особенности мой отвѣтъ очень обрадовали Николая Ивановича. Онъ разсказалъ, что послѣ окончанія марша изъ „Отелло“ на актѣ у г-жи Де-Мельянъ онъ вмѣстѣ съ другимъ учителемъ нашего пансіона, утомленные духотой въ залѣ, поспѣшили уйти и отправились бродить по „Аскольдовой могилѣ“ надъ Днѣпромъ *). Шла у нихъ рѣчь объ актѣ, и Николай Ивановичъ спросилъ у своего товарища о мѣстѣ жительства дѣвицъ Крагельскихъ, а тотъ ему сообщилъ, что мать наша не носитъ фамиліи нашей, такъ какъ вторично замужемъ, и что насъ увозятъ въ Курскую губернію.

— Тѣмъ пріятнѣе для меня сегодняшняя встрѣча,— сказалъ намъ Николай Ивановичъ,— что сообщеніе моего пріятеля невѣрно, и я надѣюсь представиться вамъ въ Кіевѣ, когда вы туда вернетесь.

Послѣдовало сдержанное и сухое приглашеніе со стороны нашей матери и очень живое отъ насъ, но съ предупрежденіемъ, что раньше октября мы въ Кіевъ не возвратимся.

На другой день послѣ встрѣчи въ театрѣ Николай Ивановичъ пришелъ къ намъ. Много болтали и смѣялись. Строгая наша мама, незамѣтно для себя, попала подъ обаяніе нашего „учителя“, а при прощаніи напомнила ему о времени нашего возвращенія въ Кіевъ и дала адресъ нашей квартиры.

Николай Ивановичъ спѣшилъ въ Кіевъ къ своимъ педагогическимъ занятіямъ и уѣхалъ; мы же возвратились въ Кіевъ въ послѣднихъ числахъ сентября.

Съ первыхъ дней октября 1846-го года Николай Ивановичъ сталъ посѣщать насъ. Мой бѣдный вотчимъ мучился ревматизмомъ въ рукахъ, неподдававшимся никакому леченію. Въ рѣдкіе вечера выходилъ онъ изъ своего кабинета, съ трудомъ преодолѣвая страданія и изнеможеніе подъ вліяніемъ сильнаго жара. По этой причинѣ Николай Ивановичъ

---

*) „Аскольдовой могилой“ называютъ кладбищѣ, расположенное въ живописной мѣстности, на склонѣ къ Днѣпру, по пути изъ Печерской части гор. Кіева. Церковь этого кладбища построена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, погребенъ Аскольдъ.— В. К.

не могъ сблизиться съ нимъ и оцѣнить его высокія духовныя качества. Ревматизмъ, называемый врачами хирагрой, подтачивалъ силы крѣпкаго сорокалѣтняго организма, но ни мать моя, ни я съ сестрой не замѣчали этого и смотрѣли на хирагру только какъ на сильную ломоту, которая постоянно къ утру ослабѣвала и давала больному возможность выѣзжать и даже заниматься служебными дѣлами. Онъ былъ, притомъ, такъ терпѣливъ, такъ великодушно оберегалъ спокойствіе своей семьи, что не только выражалъ желаніе, но даже требовалъ, чтобы мы съ матерью выѣзжали на вечера къ знакомымъ и звали къ себѣ гостей. Мать моя находила, что мы обѣ съ сестрой еще слишкомъ молоды для того, чтобы посѣщать блестящіе балы генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, что въ нашемъ возрастѣ полезнѣе вращаться въ домашнемъ кругу знакомыхъ и что годикъ-другой намъ нужно заняться серьезнымъ научнымъ чтеніемъ и усовершенствоваться въ музыкѣ. Знакомство Николая Ивановича казалось для моей матери тѣмъ болѣе подходящимъ, что онъ съ перваго своего посѣщенія завелъ рѣчь о томъ, какія сочиненія мы думаемъ читать съ сестрой, и предложилъ намъ не только свои книги, но и свой выборъ. Посѣщенія его учащались. Длинные осенніе и зимніе вечера, когда случалось, что у насъ не было гостей, игравшихъ въ карты, мы проводили то въ оживленной бесѣдѣ, то въ чтеніи. И то и другое, по просьбѣ Николая Ивановича, перемежалось моей игрой его любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ, и онъ до того увлекался, что упрашивалъ повторять, то извѣстное отдѣленіе, болѣе другихъ ему нравившееся, то всю пьесу. Ему особенно приходились по душѣ творенія Бетховена, и не только сонаты, но и ораторіи въ переложеніи Листа. Любилъ онъ слушать „Stabat Mater“ Россини, увертюру изъ „Вильгельма Телля“ и „Erlkönig“ Шуберта въ переложеніи Листа. Послѣдняя пьеса никогда не проходила безъ повторенія, а такъ какъ она очень утомительна по скорому темпу и силѣ, необходимой для ея исполненія, то я за вторичное исполненіе придумала необходимость вознагражденія, въ видѣ чтенія Николаемъ Ивановичемъ какого-либо изъ произведеній Пушкина для меня, Мицкевича — для моей матери и для меня съ сестрой. Мать моя происходила изъ старин-

ной польской фамиліи, вовсе не знала и не интересовалась иными поэтами, кромѣ Мицкевича, и приходили въ полнѣйшій восторгъ, слушая, какъ нашъ гость превосходно и съ увлеченіемъ перечитывалъ наизусть то „Dziady“, то „Konrad Wallenrod“. Память у Николая Ивановича была феномальная. Лицо его при чтеніи такъ оживлялось, что плѣняло всѣхъ присутствующихъ. Въ глазахъ его блистала божественная искра. При всей прелести такихъ вечеровъ хозяйка дома скоро утомилась ими и стала скучать... Она съ давнихъ лѣтъ привыкла къ другому способу времепровожденія, привыкла посѣщать ежедневно карточные вечера и устраивать такіе же у себя; она стала скучать безъ нихъ. Николай Ивановичъ подмѣтилъ какое-то апатическое отношеніе моей матери къ нашимъ бесѣдамъ съ нимъ, къ его чтеніямъ и къ моей игрѣ на роялѣ; я прямо сказала ему, въ чемъ дѣло. Съ той поры Николай Ивановичъ вздумалъ предлагать кое-когда сыграть одну пульку въ преферансъ, садился играть самъ и, разумѣется, приводилъ насъ въ смѣхъ своимъ неумѣніемъ не только распоряжаться картами, но и держать ихъ такъ, чтобы онѣ не были видны партнерамъ. Мама, увидѣвши, что посѣщенія Николая Ивановича учащаются, не сочла нужнымъ долѣе лишать себя пульки, и какъ только являлся кто-либо изъ партнеровъ, садилась съ нимъ за зеленый столъ въ гостинной, вполнѣ предоставляя намъ съ сестрой бесѣду съ Николаемъ Ивановичемъ, игру на роялѣ въ залѣ и чтеніе вслухъ всякихъ поэтическихъ произведеній, съ тѣмъ лишь, чтобы все это не происходило вблизи карточнаго столика, не отвлекало вниманія играющихъ. Это очень понравилось Николаю Ивановичу: онъ увидѣлъ, что визиты его не будутъ стѣснять хозяйку дома, а при такой обстановкѣ ему самому пріятнѣе проводить вечера въ обществѣ своихъ бывшихъ юныхъ ученицъ, слушавшихъ его восторженно. Такъ проходила зима. При такой обстановкѣ мы скоро сблизились. Наступалъ февраль 1847-го года.

Въ то время кіевская зимняя ярмарка — такъ называемые „Контракты“ — бывала многолюдна. Съѣзжались помѣщики всего югозападнаго края, будто бы для совершенія всякаго рода сдѣлокъ по имѣніямъ, въ сущности же, для покупки различныхъ товаровъ отъ пріѣзжавшихъ купцовъ,

своихъ и иностранныхъ, и чтобы повеселиться и, какъ говорится, себя показать и людей посмотрѣть. Съ этой цѣлью богатые помѣщики изъ числа польской знати, какъ напримѣръ, князья Любомірскіе, Сангушки, графы Браницкіе, заранѣе присылали въ Кіевъ своихъ породистыхъ упряжныхъ лошадей, экипажи и громадный штатъ прислуги. Мѣстныя власти — генералъ-губернаторъ, губернаторъ и предводитель дворянства — давали балы, посѣщавшіеся этими „панами“ и ихъ семьями. Знаменитѣйшіе европейскіе артисты пріѣзжали давать концерты. Мѣстнымъ и пріѣзжимъ дамамъ представлялась возможность щегольнуть нарядами и драгоцѣнными украшеніями, экипажами и лошадьми. Кстати, „Контракты“ совпадали по времени съ окончаніемъ зимнихъ развлеченій и тянулись до послѣднихъ дней масляницы. Веселилась не одна знать, но и всякій, кто только хотѣлъ и могъ веселиться.

Въ одинъ изъ вечеровъ „контрактоваго“ времени входитъ къ намъ Николай Ивановичъ съ какимъ-то особеннымъ оживленіемъ и, поздоровавшись съ моей матерью, провозглашаетъ, обращаясь ко мнѣ:

— Францъ Листъ здѣсь! Слыхали?

— Слыхали, видѣли и даже принимали его здѣсь у насъ въ домѣ сегодня утромъ!— отвѣчала я, сіяющая отъ такого радостнаго событія.

— Какая звѣзда привлекла его къ вамъ?

— Трехзвѣздіе: Витвицкій, Ванко и Поночини *). Они встрѣчали свое свѣтило въ приготовленной для него квартирѣ и послѣ подобающихъ привѣтствій, во время бесѣды о Кіевѣ и его обитателяхъ, сообщили о „маленькой“ музыкантшѣ, подающей большія надежды. Онъ спросилъ и записалъ нашъ адресъ — и пріѣхалъ.

Все это я проговорила съ напускною важностью, несвойственною ни моему характеру, ни возрасту. Я была внѣ себя отъ восторга. Николай Ивановичъ, какъ я тогда замѣтила, стоялъ молча, не сводя съ меня своихъ выразительныхъ глазъ: онъ любовался свѣжимъ, чисто дѣтскимъ проявленіемъ моего восторженнаго душевнаго состоянія.

*) Тогдашніе учителя музыки въ Кіевѣ.

— Это случилось нѣсколько иначе,— сказала моя мать, прерывая нѣмое, но выразительное созерцаніе нашего гостя.— Мы были съ утреннимъ визитомъ у графини Меллиной. Она никогда не упуститъ случая заставить Алину поиграть. Алина отдѣлывалась чѣмъ-нибудь коротенькимъ и, напрактиковавшись за послѣднее время въ исполненіи „Erlkönig“, принялась играть. Графиня, слушая, сказала мнѣ, что не сегодня-завтра пріѣзжаетъ въ Кіевъ Листъ. Въ это самое время кто-то подъѣхалъ въ саняхъ, быстро вошелъ въ прихожую и безъ доклада — въ залъ. Здѣсь, не представляясь хозяйкѣ дома, неизвѣстный гость остановился за спиной Алины и слушалъ... Вдругъ она, смущенная близостью какого-то невѣдомаго слушателя, прекращаетъ игру и, обернувшись назадъ, восклицаетъ: „Monsieur Lisst“—„Continuez, mon enfant!“ — ласково усаживая ее на табуретъ, отвѣтилъ Листъ, котораго она узнала по сходству стоявшаго передъ ней съ портретомъ и медальономъ, висящими у нея дома близъ рояля. Но куда! Она закрыла лицо руками и едва сдерживала слезы отъ волненія и стыда при мысли, что Листъ нѣсколько минутъ слушалъ, какъ коверкуютъ его мастерское произведеніе. Графиня поспѣшила представить ее Листу. Онъ вынулъ изъ кармана свою записную книжечку, взглянулъ туда и съ благодушнѣйшею улыбкой, обращаясь къ Алинѣ, медленно, но отчетливо прочиталъ: „M-elle Alina Krahelska, Petschersk, rue Hospitalnaïa... n'est-ce pas, petite“? Тутъ онъ сказалъ графинѣ, что учителя музыки сообщили уже ему о способностяхъ Алины и дали адресъ нашъ.

— Не прикажете ли заранѣе записать билеты для концертовъ Листа?— спросилъ Николай Ивановичъ.

— Хороши вы, нечего сказать, а еще любите слушать „Erlkönig“, увертюру изъ „Вильгельма Телля“ и другія несравненныя переложенія Листа! Вѣдь вчера уже былъ первый концертъ его въ залѣ Контрактоваго дома. Давка была невообразимая, мы съ бою достали себѣ билеты въ десятомъ ряду, а множество слушателей стояло между колоннами и повсюду было загромождено публикой до того, что когда мы, по окончаніи концерта, направились къ эстрадѣ, чтобы пожать эти волшебныя руки, насъ чуть не задавили. А вы только предлагаете запастись билетами!

— Виноватъ, за лекціями опоздалъ. Зато слѣдующій и послѣдній концертъ будетъ въ актовомъ залѣ нашего университета и билеты будутъ поближе къ эстрадѣ.

— Опоздали и тутъ!—весело перебила я Николая Ивановича.

— А вы поторопились рѣшить, что я опоздалъ. Вотъ и билеты!

Онъ положилъ билеты въ гостинной на столъ. Мать взяла ихъ и, возвращая деньги, уплаченныя за билеты, благодарила за любезность, а взглядомъ, направленнымъ ко мнѣ, и мимикой давала мнѣ понять, чтобы я молчала объ имѣвшихся уже у насъ билетахъ помимо заботъ Николая Ивановича.

Но свѣтлое, радужное настроеніе духа не укладывалось въ свѣтскія рамки любезной лжи, и я побѣжала въ свою комнату, быстро вернулась въ гостинную и, поднося билеты перваго ряда креселъ, задорно проговорила:

— А это что такое! Развѣ не опоздали! Куда ужъ вамъ! Сидите себѣ надъ своей „Славянской Миѳологіей“, думайте о пѣсняхъ народныхъ, да о Богданѣ, а я думаю о музыкѣ, о Листѣ, и Листъ обо мнѣ хоть разъ въ жизни подумалъ — и то какое счастье! Сегодня онъ привезъ намъ билеты. Мама не хотѣла брать даровые билеты, благодарила и сказала, что мы уже обезпечены билетами, а онъ на это сказалъ: „Пусть и такъ, но мои билеты *особые*, для васъ полезные, входите въ залъ съ *моими*, вамъ укажутъ назначенныя мною для васъ мѣста,— а свои билеты подарите кому-нибудь.

Чтобы сгладить выходку своей дочки, мама еще разъ поблагодарила Николая Ивановича и сказала, что доставленные имъ билеты сейчасъ отошлетъ знакомымъ, которые въ огорченіи, что не достали себѣ билетовъ; затѣмъ, поддаваясь чувству материнской гордости, свела разговоръ на посѣщеніе Листа.

— Представьте, онъ выбралъ изъ ея нотъ труднѣйшую увертюру изъ „Вильгельма Телля“ своего переложенія и слушалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ, все прибавляя скорости и поддерживая энергію исполнительницы непрерывными „браво“, затѣмъ обратился ко мнѣ съ просьбой довѣрить ему дочь для помѣщенія въ вѣнскую консерва-

торію, гдѣ онъ будетъ слѣдить за ея музыкальнымъ образованіемъ. Сулилъ ей блестящую будущность. Я очень благодарила, но отказалась: не для подмостковъ ростила я дочерей; да и возможно ли сдать молоденькую дѣвчонку на попеченіе Листа?

— Васъ сегодня экзаменовали?— спросилъ Николай Ивановичъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да, и экзаменъ былъ пострашнѣе нашихъ пансіонскихъ. Я садилась за рояль въ какомъ-то оцѣпенѣніи, а встала пылающая и смущенная своею дерзостью: играть при Листѣ!

— Вамъ очень хочется въ Вѣну, въ консерваторію?

— Не будемъ говорить о несбыточномъ!

— Отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы такая мечта осуществилась.

— Отъ меня зависитъ только одно право — мечтать; все остальное — въ рукахъ мамы.

— До извѣстнаго времени.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ другихъ гостей. Послѣ продолжительнаго сидѣнья за чаемъ, игры на роялѣ и неклеившейся бесѣды Николай Ивановичъ уѣхалъ. Одинъ изъ оставшихся гостей, жившій по сосѣдству съ нами, проницательно замѣтилъ, что г. профессоръ бываетъ здѣсь очень часто, какъ онъ наблюдалъ это изъ окна.

Второй и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній концертъ Листа въ университетскомъ залѣ прошелъ тѣмъ болѣе блистательно, что резонансъ здѣсь несравненно лучше, чѣмъ въ контрактовомъ залѣ. Послѣ шумныхъ овацій при первомъ выходѣ великаго артиста на эстраду, устроенную посрединѣ зала, послѣ многочисленныхъ его поклоновъ на всѣ стороны зала, онъ спустился съ эстрады подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и ввелъ на эстраду. Отъ такой неожиданности я смѣшалась и какъ-то невольно повиновалась ему. Тамъ было установлено два рояля и у каждаго по стулу для артиста. Листъ отодвинулъ нѣсколько свой стулъ и усадилъ меня такъ, какъ будто я должна была играть съ нимъ въ четыре руки,— а самъ прошелъ къ другому роялю и взялъ оттуда стулъ для себя. Усѣвшись рядомъ, онъ сказалъ мнѣ по французски:

„Слѣдите за моей игрой — это урокъ для васъ на память обо мнѣ".

Это было 7-го февраля 1847-го года.

Въ концертномъ залѣ публика была заинтересована вниманіемъ Листа къ молоденькой дѣвушкѣ, и въ промежуткахъ между пьесами носились то тамъ, то сямъ распросы: кто такая эта дѣвушка. Николай Ивановичъ, присутствовавшій на концертѣ, слышалъ, какъ близъ него кто-то распространялъ добытое свѣдѣніе, что это — „невѣста Листа, плѣнившая его здѣсь въ Кіевѣ своимъ талантомъ, и теперь она играетъ съ нимъ въ четыре руки".

По окончаніи концерта, когда Листъ, много разъ пожимая мои обѣ руки, простился со мной, Николай Ивановичъ подошелъ ко мнѣ и съ пылкостью проговорилъ, что вполнѣ понимаетъ, какъ на душѣ у меня свѣтло и радостно.

Дни шли; чуть не каждый вечеръ пріѣзжалъ къ намъ Николай Ивановичъ. Вслѣдъ за нимъ, словно на зло ему, являлся сосѣдъ, инженерный офицеръ А., подмѣтившій частые визиты „г. профессора". Это волновало Николая Ивановича: онъ желалъ бы посидѣть у насъ безъ постороннихъ свидѣтелей, поговорить со мной, а назойливый А. все тутъ... Наконецъ, выпалъ счастливый вечеръ 12-го февраля, когда никого изъ гостей, кромѣ Николая Ивановича, не случилось. По обыкновенію исполнялись любимыя пьесы; какъ и прежде, Николай Ивановичъ стоялъ у рояля, не сводя съ меня глазъ... и едва дослушалъ послѣдній аккордъ, обратился къ сидѣвшей тутъ же моей матери:

— Я прошу у васъ руку дочери вашей Алины!

— Пусть она ее сама вамъ отдастъ, Николай Ивановичъ!

Онъ взялъ меня за руки, хотѣлъ подвести къ матери.

— Не знаю... не знаю,— пробормотала я,— пусть будетъ такъ, какъ мама хочетъ.

Мама улыбнулась; Николай Ивановичъ не выпускалъ моихъ рукъ... Прошлю нѣсколько секундъ въ молчаніи... Мы подошли къ матери. Она вызвала къ намъ своего страдальца-мужа и отрекомендовала ему жениха и невѣсту. Всѣ были тронуты.

Тутъ мать моя спохватилась и воскликнула:

— Долго же вамъ, Николай Ивановичъ, быть женихомъ: вѣдь Алинѣ всего пятнадцать съ половиной лѣтъ!

— Шестнадцать съ половиной,— сказали мы въ отвѣтъ.

Мать открыла свое бюро, вынула бумаги, нашла мое метрическое свидѣтельство, взглянула и, отдавая жениху, сказала:

— Вы правы — странно, какъ это я ошиблась! А я все считаю Стефаніи семнадцатый, а Алинѣ шестнадцатый: не похожа она на невѣсту!

По просьбѣ жениха, на слѣдующій же день, 13-го февраля, назначено было наше обрученіе. То было на второй недѣлѣ великаго поста, и потому, какъ ни торопилъ Николай Ивановичъ со свадьбой, но раньше Ѳомина воскресенья, 30-го марта, назначить ее было невозможно.

Къ назначенному часу, вечеромъ 13-го февраля, къ намъ съѣхались священникъ съ причетникомъ, мой женихъ съ своею матерью и Л. О. Де-Мельянъ. Квартира наша была ярко освѣщена. Я была въ томъ самомъ платьѣ, бѣломъ кисейномъ, въ которомъ Николай Ивановичъ видѣлъ меня на послѣднемъ концертѣ Листа, съ тою разницею, что мать надѣла на меня очень цѣнныя брилліантовыя серьги и ожерелье. Крупные камни самой чистой воды сверкали при блескѣ огней. Послѣ обряда обрученія происходили поздравленія, объятія. Наши матери были взволнованы; у г-жи Де-Мельянъ скатилась слеза. Водворилось почему-то на нѣсколько минутъ молчаніе. Въ это время протяжно и жалобно завыла во дворѣ собака. Обѣ матери тревожно переглянулись; Татьяна Петровна *) упорно молчала, а моя мать сказала:

— И число выбралъ Николай Ивановичъ 13-ое для дня своего обрученія, и собаки воютъ у насъ при тостѣ, вмѣсто музыки! Такъ это все непріятно!

— Мы не должны предугадывать будущее, да еще по такимъ примѣтамъ,— сказалъ священникъ.— Богъ милостивъ, и нашимъ новонареченнымъ ниспошлетъ все благое, а пока мы должны жить ихъ радостью и любоваться ими.

---

*) Мать Николая Ивановича.— *В. К.*

Мой женихъ и я были безмятежно счастливы и весело смѣялись, въ особенности, когда послѣ повторенія всякихъ пожеланій за шампанскимъ подали чай и всѣ собрались какъ-то торжественно усаживаться за столомъ. Мы помчались съ женихомъ къ роялю: я сѣла играть, Николай Ивановичъ сѣлъ рядомъ со мною, но потомъ не утерпѣлъ и сталъ противъ меня, чтобы не сводить съ меня глазъ по прежнему. Мать моя почему-то нашла мое поведеніе неприличнымъ, вышла изъ-за чайнаго стола, подошла ко мнѣ и сказала:

— Нужно бы съ сегодняшняго вечера стать взрослой, посидѣть со старшими... Играть всегда успѣешь!

— Почему же старшимъ не послушать, какъ мы играемъ? — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Кто играетъ, а кто любуется! — замѣтила мать, шутя.

— У моей невѣсты сегодня необыкновенно торжественный видъ.

— Это дѣлаютъ брилліанты, которые я только и могу дать своей безприданницѣ!

— Да ей и не нужно никакихъ брилліантовъ, потому что она сама — драгоцѣнный брилліантъ.

Мать моя какъ-то кисло улыбнулась и пошла къ чайному столу. Мы послѣдовали за нею.

Во все время нашего чиннаго сидѣнья за чаемъ я поглядывала на блѣдное и суровое лицо Татьяны Петровны — моей будущей свекрови. Ей шелъ уже пятидесятый годъ, но черты лица напоминали еще о былой красотѣ. Я не смѣла заговорить съ нею.

По тогдашней дисциплинѣ моей матери, я обязана была только отвѣчать на обращеніе ко мнѣ пожилыхъ людей, а тѣмъ болѣе будущей моей свекрови. А такъ какъ она была молчалива и только изрѣдка поглядывала на меня исподлобья, то оловянный взглядъ ея леденилъ меня: мнѣ становилось жутко... Николай Ивановичъ не скрывалъ отъ меня, что при немъ живетъ матушка, и когда былъ назначенъ день нашего обрученія, то попросилъ у моей матери дозволенія привезти къ намъ свою. Я встрѣтила будущую свекровь мою съ почтеніемъ, поцѣловала ей руку. Это ей,

повидимому, понравилось, но было замѣтно, что она не вращалась въ обществѣ: она имѣла видъ запуганной и вмѣстѣ сердитой дикарки. При прощаніи она глухимъ голосомъ произнесла приглашеніе „на чай“. Я проводила ее въ прихожую, помогла одѣться и снова поцѣловала ея руку. Какое-то негармонирующее съ такимъ свѣтлымъ днемъ чувство, вызванное во мнѣ этой первой встрѣчей съ матерью моего Николая (какъ я теперь называла его про себя), умаляло впечатлѣніе моего перваго праздника жизни. Мнѣ не хотѣлось поддаваться этому чувству, и когда мы съ сестрой улеглись въ свои постели, поболтавши немного, я предалась невольно раздумью: какой въ самомъ дѣлѣ контрастъ съ моею матерью! думалось мнѣ; моя — съ черными, блистающими глазами; его — съ мутными, холодными; моя — строгая, настойчивая, ревниво хранящая свое полновластіе въ семьѣ; эта — словно запуганная, скрытная и тѣмъ не менѣе также настойчивая; тутъ нужно было исполнять волю матери безпрекословно — тамъ нужно будетъ догадываться, чего хотятъ! Но, думалось, вѣдь я успѣю заранѣе распросить жениха о характерѣ его матери — и съумѣю угодить ей! Съ такими мыслями я провела большую часть ночи, пока, наконецъ, сонъ не изгналъ ихъ.

Теперь, по праву жениха, Николай Ивановичъ сталъ бывать у насъ ежедневно. Въ первый же вечеръ я спросила его о характерѣ его матери, разумѣется, когда мы были наединѣ, за роялемъ. Онъ заволновался.

— Какъ честный человѣкъ, я обязанъ сказать вамъ, что характеръ у матушки тяжелый. Она не была счастлива въ молодости, напротивъ, она много перенесла горькаго, оттого она недовѣрчива и скрытна; но я у нея одинъ, она живетъ мною и для меня, и я долженъ снисходить, хотя это рѣдко мнѣ удается по моей горячности. Всего хуже то, что на нее безпричинно налетаетъ какое-то дурное расположеніе духа; она ни съ того, ни съ сего, вставши отъ сна, съ ранняго утра, вдругъ смотритъ волкомъ, исподлобья... Я сейчасъ начинаю допрашивать ее, не больна ли она, не сдѣлалъ ли кто ей какой непріятности — молчитъ и не глядитъ на меня, а я вскипячусь... ну, и выходитъ ни изъ-за чего огорченіе. Я виноватъ, что не сказалъ вамъ этого ранѣе...

— Что дѣлать!— отвѣтила я.— Примѣняюсь къ характеру своей мамы, примѣнюсь и къ вашей, дастъ Богъ.

Дня черезъ два послѣ этого я поѣхала съ матерью къ Костомаровымъ „на чай“, по ихъ приглашенію. Насъ встрѣтили радушно.

Мать моя проскучала весь вечеръ въ обществѣ Татьяны Петровны, въ гостиной; я съ женихомъ сидѣла большею частью въ его кабинетѣ, и, разумѣется, скукѣ не было мѣста. При отъѣздѣ у меня въ рукахъ были двѣ книги: одна — сочиненіе объ уніи, другая — „Вѣтка“, сборникъ малорусскихъ стихотвореній. На обѣихъ рукою автора было написано во время нашего сидѣнья въ кабинетѣ: „Коханой, найкращей половинѣ души моей, Алинѣ Леонтьевнѣ Крагельской“. Я привезла домой эти книги. На другое утро мать моя спросила ихъ у меня и, заглянувши слегка въ ихъ содержаніе, сказала какъ бы про себя: „Вотъ такъ подарки невѣстѣ: одна книга польская, другая — мужицкая, съ хохлацкими пѣснями!“

— Сегодня я получу третью, французскую. ..

— Ну и слава Богу! — ядовито закончила моя мать.

Вечеромъ пріѣхалъ Николай Ивановичъ и привезъ обѣщанную книгу. Это было сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго: „L'imitation de Jésus Christ“. Я открыла книгу, ища надписи, и нашла большую надпись, которую и привожу здѣсь.

„Богомъ указанная подруга жизни, любезнѣйшая Алина! Принося вамъ въ подарокъ эту книгу, я прошу васъ больше всего, чего могъ бы просить женихъ у своей невѣсты, прочитать все здѣсь написанное великимъ авторомъ съ величайшимъ вниманіемъ, проникнуться духомъ этого сочиненія, напечатлѣть въ своей памяти и въ своемъ сердцѣ въ особенности написанное на 178 стр. и далѣе и вообще такъ усвоить „L'imitation de Jésus Christ“, чтобы при помощи Всесильной Благодати вамъ стала ясною, какъ день, та великая спасительная мысль, что истинные христіане въ брачномъ союзѣ соединяются не только тѣломъ, но духомъ, не для плотскихъ удовольствій, не для карьеры, не изъ суеты, не изъ того влеченія половъ, какое въ мірѣ несправедливо профанируется именемъ любви и которое не болѣе, какъ похоть сердца и очей, не для всякихъ мірскихъ наслажде-

ній, а для того, чтобы при взаимномъ содѣйствіи пройти дружно и твердо черезъ всѣ искушенія, болѣзни, несчастья, утраты и невозбранно достигнуть царства вѣчной любви Господа нашего Іисуса Христа. Соединяясь съ вами бракомъ, я не прошу васъ любить меня, а прошу любить Христа, и тотъ научитъ васъ, какъ любить и меня, и все васъ окружающее. Умоляю васъ не прежде приступить къ брачному алтарю, какъ тогда, когда, не обманывая себя, вы почувствуете, что готовы неуклонно слѣдовать по пути, намѣченному для насъ на землѣ, въ духѣ любви Христовой".

По желанію моей матери я прочла вслухъ эту надпись. Мама сказала нѣсколько словъ въ похвалу надписи, а я, признаться, смутилась, развертывая книгу и заглядывая вскользь въ ея содержаніе: оно не вязалось съ розовымъ настроеніемъ шестнадцатилѣтней невѣсты. Мама отошла въ сторону и вскорѣ совсѣмъ вышла изъ комнаты, гдѣ мы съ Николаемъ Ивановичемъ сидѣли на маленькомъ диванчикѣ рядомъ, на правахъ обрученныхъ; я вторично прочла про себя надпись.

— Чогось-то засумовала або й зажурилась, моя коханая!— нѣжно проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Все то, что вы здѣсь объясняете о значеніи брака, очень вразумительно объяснялъ намъ въ пансіонѣ нашъ ксендзъ-законоучитель, говоря обо всѣхъ таинствахъ; да и о любви къ Христу мы читали немало, приготовляясь къ св. причастію. Прочту эту книгу потому, что вы объ этомъ просите — и пусть сила авторскаго таланта сдѣлаетъ изъ меня совершенство! А если скоро не сдѣлаетъ — добавила я, лукаво поглядывая на жениха,— тогда, разумѣется, отложимъ день нашей свадьбы на неопредѣленное время.

— Ну нѣтъ!— съ горячностью воскликнулъ Николай Ивановичъ:— свадьба назначена на тридцатое марта; мнѣ это обѣщали и должны исполнить.

— Но вѣдь вы умоляете меня „*не прежде* приступить къ брачному алтарю, *какъ*"...

— Не позже какъ 30 марта: книгу прочтете внимательно въ нѣсколько дней!

— Прочесть недолго, а проникнуться... и почувствовать... Да развѣ есть срокъ для чувства? Если теперь ничего не

чувствую, то, кто знаетъ, почувствую ли и послѣ! Можетъ, когда-либо и почувствую, а вы будьте терпѣливы!

— Ну, виноватъ, увлекся, не такъ выразился.

Мы скоро поладили и стали считать, сколько дней остается намъ до свадьбы. Время летѣло. Женихъ пріѣзжалъ къ намъ обыкновенно по вечерамъ. Я встрѣчала его въ прихожей. Иногда, желая подурачиться, я становилась на стулъ, за входною дверью, и оттуда привѣтствовала жениха нежданнымъ „ау!“ Мать моя была занята распоряженіями по изготовленію мнѣ приданаго и часто толковала о неудобствѣ близкаго срока для свадьбы. Каждое утро, вплоть до обѣда, проходило у нея въ поѣздкахъ по магазинамъ, гдѣ дѣлались покупки; по вечерамъ являлись мѣховщики, бѣлошвеи, портнихи и даже башмачники, такъ какъ въ то время въ Кіевѣ не было магазина, гдѣ бы можно было заказать для себя обувь по желанію, а была въ продажѣ готовая, привозная обувь изъ Варшавы, изъ Москвы и изъ другихъ городовъ, и если привозная обувь не приходилась по размѣрамъ ногъ, то нужно было заказывать не въ магазинахъ, а рекомендованнымъ башмачникамъ, работавшимъ у себя на квартирахъ.

Николай Ивановичъ, замѣтивши такія хлопоты, спрашивалъ, зачѣмъ все это нужно дѣлать за одинъ разъ, а не по мѣрѣ надобности.

Намъ съ Николаемъ Ивановичемъ, конечно, нисколько не мѣшали эти вечерніе переговоры моей матери съ разнаго рода мастерами и мастерицами; напротивъ, мы были довольны, располагая полной свободой бесѣдовать по душѣ то вдвоемъ, то въ присутствіи моей сестры, которая очень любила и меня, и моего жениха, и раздѣляла наше свѣтлое настроеніе. Если случалось, что онъ являлся къ намъ днемъ, послѣ лекцій — это значило, что вечеромъ онъ занятъ чѣмъ-либо важнымъ и не пріѣдетъ.

Въ такіе дни, которыхъ, впрочемъ, было немного, я пресерьезно встрѣчала его такимъ возгласомъ: „Не быть нашей свадьбы въ Ѳомино воскресенье, мама никакъ не успѣетъ... Придется отложить“.

— И пусть маменька приготовляетъ все это для Стефаніи, а мы сдѣлаемъ за границей все, что намъ крайне бу-

детъ нужно; я надѣюсь, что меня командируютъ съ ученою цѣлью года на два: будемъ тамъ заниматься, я — науками, а моя Алина — музыкой!

Заманчивая мечта прожить два года за границей не разъ служила предметомъ нашихъ бесѣдъ; она сулила намъ несомнѣнные успѣхи, такъ какъ мы оба стремились къ развитію своихъ способностей и расширенію знаній; она сулила намъ въ то же время возможность прожить эти два года вдвоемъ, такъ какъ Татьяна Петровна не помышляла ни о путешествіи, ни о жительствѣ за границей. Въ то время заграничный паспортъ для каждаго лица оплачивался 500 руб., и поѣздки за границу уже поэтому были доступны только богатымъ людямъ. Если бы состоялась командировка Николая Ивановича за границу, то университетъ снабдилъ бы его паспортомъ и лишь для меня предстояло пріобрѣсти паспортъ за 500 руб. Татьяна Петровна никогда не противилась временнымъ поѣздкамъ своего сына куда бы то ни было, но сама не любила ихъ.

Для того, чтобы она не скучала въ одиночествѣ, Николай Ивановичъ придумалъ купить хуторокъ вблизи Кіева и заранѣе сталъ пріискивать такой за Днѣпромъ, чтобы матушкѣ его было занятіе; съ дѣтства привыкшая къ сельской жизни и хозяйству, она продала свое имѣньице въ селѣ Юрасовкѣ, въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ., единственно для того, чтобы не жить вдалекѣ отъ сына, избравшаго себѣ такую дѣятельность, которая влекла его въ университетскіе города. Какъ только онъ устроился въ Кіевѣ, она переѣхала къ нему на жительство. Купить теперь хуторъ вблизи Кіева казалось тѣмъ необходимѣе, что если не сейчасъ послѣ свадьбы осуществится наша поѣздка за границу, то и для насъ будетъ пріятнѣе провести лѣтнія каникулы 1847 года въ своемъ деревенскомъ гнѣздѣ, и для матушки не представлялось бы надобности оставаться цѣлыхъ два года въ городской квартирѣ, если бы наша поѣздка состоялась.

Женихъ мой ѣздилъ осматривать хутора и чуть-было не купилъ одного изъ нихъ, но продавецъ подмѣтилъ торопливость и горячность покупателя и заломилъ такую цѣну,

что Татьяна Петровна безъ особаго труда убѣдила сына не бросать деньги понапрасну.

Тогда онъ услыхалъ, что продается домъ съ садомъ въ Кіевѣ, вблизи университета, и упросилъ мою мать пріѣхать со мной въ назначенный день и часъ осмотрѣть этотъ домъ, куда и онъ съ матерью явился въ то же время. Наступилъ уже мартъ, весна въ томъ году была ранняя, и яркіе лучи весенняго солнца уничтожили всякіе слѣды зимы. Деревья и кустарники начинали развиваться. Домъ показался намъ нѣсколько мрачнымъ. Николай Ивановичъ сталъ соображать, какъ можно сдѣлать его свѣтлѣе передѣлкой двухъ простыхъ оконъ въ венеціанскія. Садъ и близость дома къ университету плѣняли его. Домъ этотъ находился на Большой Владимірской улицѣ, у спуска къ Лыбедской части.

— Позвольте мнѣ, моя люба, купить этотъ домъ на ваше имя!— обратился ко мнѣ въ полголоса Николай Ивановичъ.

— Для чего это нужно? Избави Богъ! — отвѣтила я:— умоляю васъ не дѣлать этого!

— Это почему? не нравится?

— Вечеромъ, на свободѣ, скажу почему.

Едва мы поздоровались въ тотъ вечеръ у насъ въ домѣ, какъ Николай Ивановичъ, нервно оглядываясь, не помѣшаетъ ли моя мать нашему объясненію, спросилъ:

— Отчего не покупать дома?

— Оттого, что покупка хутора болѣе нравилась вашей матушкѣ и подходила ближе къ нашей задачѣ — доставить матушкѣ привычный сельскій образъ жизни, болѣе разнообразныя занятія по хозяйству, нежели въ городѣ, развлеченіе пріѣхать къ намъ въ Кіевъ на два-три зимнихъ мѣсяца; для насъ же — провести лѣтнія каникулы у матушки въ деревнѣ. Съ покупкой дома все это проваливается... Пусть бы такъ было, какъ нравится матушкѣ... Ради Бога, купите хуторъ и непремѣнно на ея имя... И намъ, и ей съ хуторомъ удобнѣе, нежели съ домомъ.

— Понимаю, и это вѣрно, что всѣмъ будетъ лучше. Мнѣ приглянулся уютный домикъ вблизи университета, мое воображеніе подкупилъ развивающійся садъ. Все это продается за четыре тысячи рублей, а за хуторъ требуютъ четырнадцать — я и остановился на домѣ. Въ этомъ своемъ

домикѣ, все равно какъ и въ квартирѣ, у матушки всѣ занятія ограничатся одной кухней, этими вѣчными дрязгами съ кухаркой, отъ которыхъ я иногда прихожу буквально въ ярость: мнѣ мѣшаютъ углубляться въ мои занятія, я сержусь, убѣгаю изъ дому, а матушка потомъ запирается въ своей комнатѣ и хмурится нѣсколько дней. Я уже говорилъ вамъ объ этомъ, но многаго еще не успѣлъ сказать или не рѣшался... Но скрытность не въ моей натурѣ. Лучше вамъ знать впередъ всѣ наши грѣхи! Я очень вспыльчивъ, а матушка своенравна. Она любитъ меня чрезвычайно и ревниво охраняетъ свои права на мою любовь къ ней. Женитьбу мою она ставитъ въ ущербъ этимъ правамъ и, хотя прямо не говоритъ этого, даетъ мнѣ чувствовать это на каждомъ шагу. При первомъ моемъ сообщеніи о намѣреніи вступить въ бракъ матушка словно помертвѣла. Не дождавшись отъ нея ни слова, я повторилъ сказанное. „На комъ это?“ спросила, наконецъ, матушка.— На бывшей моей ученицѣ въ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ, Алинѣ Крагельской, съ которой я познакомился ближе въ домѣ ея родителей.—„Это что же за имя такое? ужъ не полька ли? Нѣтъ тебѣ моего благословенія брать католичку! Знать ее не хочу!“ Я вскипѣлъ, и чего только не наговорилъ бѣдной матушкѣ въ порывѣ горячности: и брошу ее, и пусть не благословляетъ, женюсь и безъ ея благословенія! Матушка тоже что-то кричала и, уходя въ свою комнату, хлопнула дверью. Я заоралъ, что сейчасъ самъ убѣгу отъ нея навсегда... Но тутъ вошелъ мой Ѳома, подалъ мнѣ стаканъ холодной воды и просилъ успокоиться, уговаривая, что матушка „поломается“ и согласится дать свое благословеніе. Я пошелъ къ ней, сталъ передъ нею на колѣни, объяснилъ, что мать моей невѣсты полька, а невѣста Польши не видѣла, родилась въ кругу русскихъ военныхъ людей, воспитывалась и выросла въ Кіевѣ, съ малорусскими симпатіями, и если католичка, такъ какъ отецъ и мать ея католики, то это нисколько не должно безпокоить матушку, такъ какъ ея будущіе внуки — наши дѣти — будутъ православные въ силу существующихъ законовъ. Я употребилъ всѣ свои чувства, все умѣнье, чтобы склонить матушку не доводить меня до разлада съ ней, въ которомъ всецѣло виноватою

будетъ она одна, такъ какъ я другой Алины не найду и съ этой не разстанусь ни за что. Матушка долго молчала, потупившись, и, наконецъ, сказала: „Ну, Богъ со тобой, женись на этой Еленѣ своей, а тамъ будетъ видно, что и какъ...“ Я просилъ ее присутствовать на нашемъ обрученіи, привезъ ее къ вамъ — и она, повидимому, довольна вашимъ юнымъ возрастомъ и вашей лаской.

— Однако, матушка начала подумывать о хуторѣ, какъ бы желая удалится отъ насъ.

— Это къ лучшему; впрочемъ, мысль купить хуторъ подъ Кіевомъ явилась гораздо ранѣе моего сватовства.

— И нужно осуществить ее.

Когда моя мать вошла къ намъ, отъ ея глазъ не ускользнуло наше обоюдное волненіе: наши лица горѣли. По отъѣздѣ Николая Ивановича, мать моя спросила меня — какая причина, что мы съ нимъ казались смущенными при ея появленіи, о чемъ шелъ разговоръ у насъ. Я откровенно пересказала все, считая это тѣмъ болѣе необходимымъ, что мать моя поддерживала желаніе моего жениха купить домъ въ Кіевѣ; теперь, какъ мнѣ казалось, она уразумѣетъ, что покупка хутора, съ поселеніемъ тамъ матери Николая Ивановича, послужитъ къ устройству нашей спокойной семейной жизни. Дослушавши все, мама сказала мнѣ:

— Не знавши семьи, не слѣдовало торопиться входить въ нее. Мать и сынъ, какъ видно, оба крутого и непокойнаго нрава. На дняхъ была у насъ наша добрая знакомая и говорила, что Костомаровы нанимаютъ квартиру у одного изъ сослуживцевъ ея мужа и что тамъ всѣ жалѣютъ насъ, предрекаютъ, что ты, такая молоденькая, зачахнешь въ этой будущей твоей семьѣ. У нихъ чуть не ежедневныя баталіи: крики, ссоры. Думаютъ даже, что кто-нибудь изъ нихъ пьетъ; послѣ брани и крика твой женихъ убѣгаетъ изъ дому какъ угорѣлый, а иногда хозяева черезъ стѣну слышатъ, какъ онъ кричитъ благимъ матомъ, что у него голова болитъ: его кучеръ-лакей Ѳома только и дѣлаетъ, что таскаетъ изъ колодца холодную воду и окачиваетъ своему барину голову. Если бы не стыдъ и срамъ, не сплетни, которыя сдѣлаютъ изъ тебя покинутую невѣсту,— я бы готова хоть сейчасъ отказать этому жениху.

Я много плакала, доказывала, что вспыльчивость Николая Ивановича нельзя считать крутымъ нравомъ, а относительно нрава его матери успокаивала свою тѣмъ, что будетъ купленъ хуторъ, гдѣ поселится Татьяна Петровна; мы поѣдемъ за границу, а по возвращеніи будемъ только гостить, то мы у нея, то она у насъ, и прочее...

Понятно, что послѣ такихъ разговоровъ, сначала съ женихомъ, потомъ съ матерью, я провела ночь не только безъ сна, но въ слезахъ.

При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ Николая Ивановича мать моя обнаруживала какое-то дѣланное гостепріимство и не показывала и тѣни того вниманія, какимъ прежде окружала моего жениха. Мнѣ было тяжело, ему тоже — и какъ институтки считаютъ дни и часы до выпуска, такъ мы считали ихъ до дня нашего бракосочетанія.

Разъ какъ-то вечеромъ мать моя обратилась къ Николаю Ивановичу съ вопросомъ, „какимъ экипажемъ онъ обзавелся для семейной жизни: не ѣздить же новобрачнымъ съ визитами на дрожкахъ!“ Николай Ивановичъ сказалъ, что еще не думалъ объ этомъ.

— Ну, такъ я за васъ подумаю и даю Алинѣ свою колясочку; но какъ она съ дверцами, то нуженъ лакей для выѣздовъ; онъ же будетъ служить вамъ и въ комнатахъ.

— Не люблю я лакеевъ ни въ какомъ смыслѣ слова! — возразилъ Николай Ивановичъ.— У меня Ѳома служить кучеромъ, служитъ и въ комнатахъ, когда это бываетъ нужнымъ, но въ комнатахъ по большей части служитъ горничная Галька, которую вы у насъ видѣли, а младшая сестра ея, другая Галька, стряпаетъ и тоже служитъ. Будемъ мы съ Алиной обходиться безъ лакеевъ: я самъ отворю ей дверцы коляски.

— Для ѣзды съ новобрачной это совсѣмъ неприлично, и вы ужъ пощадите Алину, наймите хоть мальчика лѣтъ 15 — 16-ти, чтобы это было недорого, не разоритесь: пройдетъ какой-нибудь годъ, и того меньше, васъ отправятъ за границу на два года, и тогда мальчика разсчитаете.

Понятно, что Николаю Ивановичу не могло нравиться вмѣшательство моей матери въ устройство нашего будущаго домашняго обихода, но онъ не возражалъ и готовъ былъ

подчиниться указаннымъ ею правиламъ „приличія“, такъ какъ не разъ говорилъ, что вращался не въ дамскомъ обществѣ и о „правилахъ“ приличія, усвоенныхъ этимъ обществомъ, имѣетъ весьма скудныя свѣдѣнія.

Желая вывести его изъ затрудненія, я отозвалась:

— Право, мамочка, пусть лучше Николай Ивановичъ выучится открывать дверцы коляски, нежели заводить въ домѣ мальчика на подобіе лакея, да еще, пожалуй, шить на него миніатюрную ливрею, какъ это сдѣлали наши знакомые А. для своего двѣнадцатилѣтняго Мишутки. Да и что будетъ дѣлать у насъ такой Мишутка внѣ „выѣздовъ“?

— Ты слишкомъ еще молода, чтобы распоряжаться сообразно своимъ личнымъ взглядамъ на жизнь, и должна помнить, что если при вступленіи въ свѣтъ тебѣ и дастся, какъ „дамѣ“, извѣстная доля свободы въ сравненіи съ дѣвицами, все же и послѣ твоего бракосочетанія власть надъ тобою твоей матери не прекращается.

— Ну нѣтъ! — съ горячностью возразилъ Николай Ивановичъ: — тотъ мужъ былъ бы пентюхъ, который допустилъ бы кого бы то ни было распоряжаться его женой.

Мою мать покоробило отъ этихъ словъ и въ особенности отъ пылкости, съ какою они были сказаны. Для перемѣны разговора я сдѣлала нѣсколько аккордовъ на роялѣ. Мать ушла, взволнованная, въ гостиную; я замѣтила Николаю Ивановичу его горячность. Онъ отвѣтилъ:

— Вѣдь я сказалъ правду, а правда всегда хороша. Тебѣ и безъ того предстоитъ сживаться съ привычками моей матери, вести домашнее хозяйство и держаться условнаго обихода, а тутъ ужъ неизвѣстно, что бы и вышло въ нашемъ домѣ, если бы допустить проявленіе родительской власти Анели Устиновны.

Какъ ни хороша правда, но она показалась моей матери слишкомъ горькой и заронила въ ней чувство такого глубокаго неудовольствія къ Николаю Ивановичу, что со слѣдующаго же утра начались постоянныя сѣтованія на судьбу, связавшую нашу семью съ Костомаровыми, изъ которыхъ у сына „бѣшеный“ нравъ, а у матери — злой и притомъ настойчивый, какъ то выражается на ея суровомъ лицѣ отсутствіемъ улыбки и привычкой не глядѣть никому въ глаза.

При такихъ сѣтованіяхъ мать моя изо дня въ день повторяла полученныя свѣдѣнія о ссорахъ и крикахъ Костомаровыхъ, о бѣготнѣ Ѳомы къ колодцу за холодной водой для окачиванія больной головы Николая Ивановича, который, будто бы, „ревѣлъ“ отъ боли.

Я не выдержала и сказала все это жениху, умоляя его не ссориться съ матушкой своей и быть болѣе терпѣливымъ при головныхъ боляхъ, о которыхъ онъ часто говорилъ у насъ, нисколько не скрывая, что онѣ безпокоятъ его и что единственное средство нѣсколько ослабить ихъ — это голодать и окачивать голову самой холодной водой *).

Въ какихъ-то неловкихъ и натянутыхъ отношеніяхъ къ моей матери мы съ Николаемъ Ивановичемъ переживали время, остававшееся намъ до 30-го марта, когда назначено было наше вѣнчаніе.

— Вотъ, слава Богу — говорили мы вечеромъ 28 марта, въ пятницу, послѣ завтра конецъ всѣмъ непріятностямъ.— Шутя, я замѣтила жениху, что онъ невеселъ, и потому не отложить ли нашу свадьбу до каникулъ: тогда укатимъ прямо за границу или на хуторъ, за Днѣпръ.

— Избави Богъ откладывать! Не говори этого и въ шутку! съ грустью сказалъ Николай Ивановичъ.

— А зачѣмъ сидишь, повѣсивши носъ? Что за раздумье такое! Отниму обручальное кольцо!

---

*) Въ старости, когда судьба соединила насъ послѣ 26 лѣтъ разлуки, я увидѣла на опытѣ, что у Николая Ивановича не по характеру было сдерживать выраженіе своихъ ощущеній, не только душевныхъ, но и физическихъ: онъ если и не „ревѣлъ“, то черезъ-чуръ громко вскрикивалъ при ежедневныхъ обтираніяхъ тѣла громадной губкой, напитанной ледяной водой, при окачиваніи такою же водой головы и даже при зѣваніи послѣ пробужденія отъ сна. Такія привычки, независимо отъ вліянія обстановки первоначальнаго домашняго воспитанія, а также впечатлительности и экспансивности натуры, сложились у Николая Ивановича, какъ я думаю, вслѣдствіе безсемейной жизни. Каковъ бы ни былъ темпераментъ, семейная обстановка, думается мнѣ, сдерживала бы громогласныя проявленія испытываемыхъ ощущеній: рожденіе дѣтей, ихъ болѣзни и т. п. внушали бы доброму семьянину заботливость о спокойномъ снѣ членовъ его семьи; матушка же Николая Ивановича всегда пользовалась при немъ отличнымъ здоровьемъ и вставала раньше его, такъ что ее безпокоить эти проявленія не могли.

При этомъ, рѣзвясь какъ беззаботный ребенокъ, я начала снимать съ руки жениха обручальное кольцо, а онъ, защищая его, снялъ съ своей руки другое кольцо, надѣлъ мнѣ на палецъ и сказалъ:

— Вотъ это кольцо могу тебѣ отдать. Спрячь его у себя, пусть у меня красуется только одно обручальное.

— Это еще что за „памятки“ чуть не наканунѣ свадьбы! Не хочу я этого кольца съ твоими излюбленными именами святыхъ; носи самъ! — При этомъ я надѣла Николаю Ивановичу это кольцо на палецъ другой руки, чтобы оно не мѣшало сіять обручальному. Николай Ивановичъ смѣялся, повеселѣлъ.

Не разъ и прежде этого вечера кольцо съ именами св. Кирилла и Меѳодія было предметомъ нашего разговора, какъ только бесѣда обращалась къ занимавшему въ то время Николая Ивановича вопросу о славянской взаимности, но никогда не придавалось особенной важности тому, носить или не носить это кольцо, какъ и не придавалось никакой таинственности этой эмблемѣ или символу проектировавшагося Кирилло-Меѳодіевскаго общества.

Кольцо это, золотое, плоское, съ матовыми поперечными рубчиками, совсѣмъ напоминало кольца съ именемъ св. великомученицы Варвары (въ большинствѣ серебряныя), продаваемыя въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи этой святой. Только надпись на кольцѣ Николая Ивановича была: „Св. Кириллъ и Меѳодій“.

Около двухъ часовъ пополуночи Николай Ивановичъ сталъ собираться домой. Мать моя замѣтила ему, что онъ засидѣлся, а Николай Ивановичъ отвѣтилъ:

— Завтра я не могу быть у невѣсты — много дѣла. Нужно побывать въ университетѣ, взять хотя на недѣльку отпускъ, побывать у священника, назначить часъ вѣнчанія. Заѣду къ вамъ въ воскресенье поутру. Алина говорила мнѣ, что завтра утромъ, наканунѣ свадьбы, она будетъ у исповѣди и св. причастія. Не пожалуете ли къ намъ прямо отъ обѣдни? Матушка будетъ ожидать съ чаемъ и кофе. За-одно, Алина

указала бы въ нашей новой квартирѣ мѣсто роялю и другимъ вещамъ *).

Мать моя приняла это приглашеніе. Николай Ивановичъ уѣхалъ домой.

III.

Рано утромъ въ субботу 29 марта мы съ матерью поѣхали къ обѣднѣ. Во время служенія я часто оглядывалась: мнѣ казалось, что Н. И. явится къ обѣднѣ, чтобы первымъ поздравить меня съ принятіемъ Св. Тайнъ. Его не было. Мама моя шепнула мнѣ:

— Зачѣмъ оглядываешь всѣхъ по сторонамъ, забывая великое таинство, къ которому приступаешь! Ищешь Николая Ивановича! Наглядишься на него вдоволь во всю жизнь, начиная съ завтрашняго дня".

Предсказанію этому не суждено было осуществиться.

Отъ обѣдни мы поѣхали къ Костомаровымъ. Меня занималъ вопросъ: почему Н. И. не явился хотя къ концу обѣдни? Подъѣхали къ его квартирѣ. Никто не встрѣтилъ насъ у подъѣзда; парадный входъ оказался открытымъ; въ прихожей никого.

— Вотъ какъ славно встрѣчаетъ гостей, кто позвалъ на чай и кофе! — проговорила я мамѣ, не то смѣясь, не то съ укоризной по адресу моего жениха. — Пусть же и посуетится за такую провинность! Я спрячусь, а вы, мама, идите въ залъ однѣ и скажите, что свадьба откладывается по особымъ, неожиданнымъ причинамъ.

Мое нечаянное предсказаніе сбылось...

---

*) По усиленной просьбѣ Николая Ивановича, торопившагося съ устройствомъ новой своей квартиры — нашего будущаго семейнаго гнѣзда, мать моя отослала туда въ пятницу, 28-го марта, мой рояль и мои вещи въ сундукахъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Николай Ивановичъ испросилъ разрѣшеніе моей матери взять къ нему въ квартиру рояль, чтобы я могла играть на немъ пока не придетъ новый, выписанный имъ для меня изъ Вѣны. Разумѣется, я была въ восторгѣ отъ такого сюрприза, приготовленнаго для меня женихомъ. Рояль этотъ былъ полученъ изъ Вѣны впослѣдствіи, когда уже ни Николая Ивановича, ни его матери не было въ Кіевѣ.

Мать моя подернула плечами, какъ бы выражая этимъ удивленіе ребяческой выходкѣ дѣвушки-невѣсты, а я поспѣшно спряталась за широкую полу двери.

Молодое сердце мое быстро стучало въ ожиданіи, что вотъ-вотъ Н. И. бѣжитъ меня отыскивать... вотъ-вотъ стремительно откроетъ дверь... Но вмѣсто того царила небывалая тишина, и отъ какого-то безсознательнаго смущенія и нетерпѣнія я такъ взволновалась, что сердце застучало еще сильнѣе.

Наконецъ послышались шаги моей матери. Она сказала мнѣ весьма внушительно:

— Полно дурачиться! Иди въ залъ! Здѣсь не до шутокъ!

Какъ пристыженная школьница, все еще не предчувствуя страшнаго горя, я вышла изъ своей засады и послѣдовала за матерью.

Навстрѣчу мнѣ показалась изъ гостинной матушка Николая Ивановича, болѣе обыкновеннаго блѣдная, и какимъ-то упавшимъ голосомъ произнесла:

— Николая нѣту! Ночью взяли!

— Кто взялъ? Куда взяли? Зачѣмъ?— спрашивала я въ испугѣ и недоумѣньи.

— Взяли жандармы, полицеймейстеръ, губернаторъ; за что — не знаю; увезли, а кабинетъ запечатали.

Татьяна Петровна сѣла у запертыхъ дверей кабинета. На ея блѣдномъ лицѣ сказывалось страданіе; ни слезъ, ни воздыханій не было.

Я взглянула на нее испуганно, взглянула на большія печати на дверяхъ кабинета; помутилось у меня въ глазахъ, въ головѣ... Я не могла понять, что случилось, но только видѣла уже теперь, что случилось что-то роковое, что-то ужасное. Вошелъ Ѳома, тоже блѣдный, истерзанный тревожною ночью, и, увидѣвъ меня, зарыдалъ. Мать моя съ трудомъ перемогаясь отъ волненія, сказала Татьянѣ Петровнѣ:

— Мы съ Алиной поѣдемъ домой. Чтобы поскорѣе узнать о Николаѣ Ивановичѣ, я попрошу мужа поѣхать къ губернатору — и сейчасъ же сообщу вамъ обо всемъ.

Татьяна Петровна не возражала, ни о чемъ не просила, сидѣла неподвижная, какъ истуканъ. Она была слишкомъ поражена неожиданною напастью.

Нѣтъ словъ, чтобы выразить, какъ потрясенъ былъ мой добрый вотчимъ нашею ужасною новостью. Ему сдѣлалось дурно, но онъ скоро осилилъ упадокъ духа, оправился, обнялъ меня и со слезами проговорилъ:

— Бѣдное дитя! Не горюй, Богъ милостивъ!

Вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣхалъ узнать о судьбѣ Ник. Ив., но, протомившись нѣсколько часовъ въ разныхъ канцеляріяхъ, только и узналъ, что на другой день, въ воскресенье, въ день и часъ, назначенные для нашего вѣнчанія, Николая Ивановича „привезутъ“ въ его квартиру проститься съ матерью и съ невѣстой, затѣмъ увезутъ въ Петербургъ.

Мой вотчимъ, послѣ своего мытарства по канцеляріямъ, проѣхалъ къ Татьянѣ Петровнѣ, чтобы выразить ей свое глубокое участіе въ ея и нашей общей скорбной долѣ и передать о предстоящемъ свиданіи ея съ сыномъ на слѣдующій день. Татьяна Петровна спросила обо мнѣ. Добрый мой папа отвѣтилъ, что я рвусь къ ней и что, вѣроятно, явлюсь къ ней поутру, чтобы провести съ нею весь день въ ожиданіи свиданія съ Николаемъ Ивановичемъ.

Я все еще не сознавала и не предчувствовала, что наступаетъ моментъ окончательной разлуки моей съ женихомъ.

Нелегко было мнѣ глядѣть на лежавшее въ моей комнатѣ, на диванѣ, прикрытое кисеей, подвѣнечное платье, убранное цвѣтами.

Я заливалась горючими слезами. Мать моя велѣла унести это платье въ гардеробную и спрятать... Папа былъ блѣденъ и молчаливъ; сестра не переставала плакать и занемогла отъ огорченія. Никто изъ насъ не прикоснулся къ пищѣ во весь день той ужасной субботы 29-го марта — и подъ гнетомъ невыносимаго тяжелаго состоянія мы всѣ ранѣе обыкновеннаго времени разошлись по своимъ комнатамъ на ночной отдыхъ.

Можно себѣ представить, подъ какимъ впечатлѣніемъ была проведена эта ночь всѣми членами нашей семьи!

Въ воскресенье утромъ, 30-го марта, я стала собираться къ Татьянѣ Петровнѣ на цѣлый день. Въ силу привычки

пользоваться на правахъ невѣсты нѣкоторой свободой времепровожденія, я попросила маму велѣть заложить въ „мою“ колясочку лошадей. „Поѣду къ несчастной матери моего жениха!“

Мама быстро одѣлась, поѣхала со мной и оставалась весь день у Татьяны Петровны. Только впослѣдствіи, когда мнѣ приходилось задумываться надъ пережитымъ, я стала догадываться, что у моей матери, тотчасъ по арестованіи Николая Ивановича, сложилось убѣжденіе въ его виновности и неотвратимой гибели, а также непреклонное рѣшеніе не допустить меня до брака съ Николаемъ Ивановичемъ, который, какъ „политическій преступникъ“ того времени, не могъ ожидать для себя пощады и возвращенія въ общество, въ которомъ вращался до ареста, къ дѣятельности, имъ избранной и поглощавшей всѣ его помыслы.

Убитыя горемъ и утомленныя безсонною, тревожною ночью мы съ Татьяной Петровной протомились весь день въ ожиданіи вечера, когда „привезутъ“ нашего страдальца. Въ шесть часовъ пополудни онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи полицеймейстера и жандармскаго штабъ-офицера. Наше свиданіе было потрясающее. Николай Ивановичъ плакалъ, обнималъ меня и, прижимая мое исплаканное лицо къ своей груди, твердилъ: „Я не преступникъ, вѣрь мнѣ, я не преступникъ! Что бы ни постигло меня, знай одно, что я люблю тебя, моя Алина, и съ этой любовью въ гробъ пойду“. Ни о чемъ онъ не просилъ ни свою мать, ни мою. Видъ его былъ измученный, убитый.

Жандармскій полковникъ былъ немного знакомъ съ моей матерью. Онъ утѣшалъ насъ всѣхъ, какъ умѣлъ; полицеймейстеръ торопилъ прощаться...

Простились. Намъ было сказано, что Николая Ивановича повезутъ сейчасъ къ губернатору (которымъ былъ въ то время добрѣйшій Фундуклей, лично знавшій Николая Ивановича), а оттуда немедленно отправятъ въ Петербургъ.

Моя мама предложила Татьянѣ Петровнѣ переѣхать къ намъ во флигель на жительство, но она не приняла этого предложенія, отговариваясь тѣмъ, что ей никакъ нельзя покинуть квартиру съ опечатаннымъ кабинетомъ: что-нибудь неожиданное съ нимъ или съ печатями случится, и ее сдѣ-

лаютъ виноватой, привлекутъ къ отвѣтственности, а это помѣшаетъ ей поѣхать въ Петербургъ, чтобы узнать о сынѣ, и переселиться туда, куда заточатъ или сошлютъ его. Какъ и когда состоится ея поѣздка — объ этомъ не было рѣчи.

Мы уѣхали домой. На другое утро мать моя, увидѣвъ мои глаза и лицо распухшими отъ слезъ, подозвала меня къ себѣ, приласкала и объявила, что по совѣту добрѣйшаго папеньки мы поѣдемъ въ Петербургъ съ Татьяной Петровной, такъ какъ было бы непростительно бросить ее въ такомъ тяжкомъ горѣ и отпустить одинокою въ такой дальній путь; притомъ же мы не только поможемъ ей поскорѣе узнать о судьбѣ ея сына, но и сами не будемъ томиться неизвѣстностью.

Мы отправились къ Татьянѣ Петровнѣ съ такимъ предложеніемъ. Она приняла его охотно, тѣмъ болѣе, что жандармы и полиція пріѣзжали къ ней, сняли печати съ дверей кабинета и увезли *всѣ* бумаги и библіотеку Н. И.

Стали готовиться къ путешествію.

Въ то время желѣзныхъ дорогъ не было. Приходилось ѣхать 1.230 верстъ на почтовыхъ. Такъ какъ было начало апрѣля, то, въ виду распутицы, представлялось затрудненіе въ выборѣ экипажа, въ которомъ бы можно было совершить путешествіе, не рискуя засѣсть гдѣ-либо на дорогѣ съ поломанными колесами, осями или рессорами. Совѣтовали намъ обождать двѣ-три недѣли, пока дороги нѣсколько просохнутъ и станутъ удобно-проѣздными, но Татьяна Петровна и я на это не согласились и торопили отъѣздомъ.

Добрая Л. О. Де-Мельянъ (начальница образцоваго пансіона, гдѣ я воспитывалась), незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая, собиралась и сама покинуть Кіевъ, гдѣ она проживала единственно для поддержанія силъ своего престарѣлаго мужа; но такъ какъ она считала своимъ долгомъ довести свою педагогическую дѣятельность въ пансіонѣ до конца учебнаго 1846 — 47-го года, то и намѣтила на іюль 1847-го года свой переѣздъ въ Курляндію, гдѣ намѣрена была посвятить себя уходу за престарѣлой матерью, баронессою Бринкенъ. Г-жа Де-Мельянъ спросила мою мать, обезпечены ли мы надежнымъ экипажемъ, и, услыхавъ, что у насъ нѣтъ дорожнаго, а имѣются только городскіе экипажи, предложила намъ свой,

вѣнскій, легкій и очень прочный, въ которомъ она ѣздила на почтовыхъ со своимъ покойнымъ мужемъ въ Одессу и другія мѣста. Зная, что г-жа Де-Мельянъ предполагаетъ въ іюлѣ переѣхать въ Митаву, мать моя поспѣшила увѣрить Лауру Осиповну, что не только въ іюлѣ, но гораздо ранѣе экипажъ будетъ ей въ цѣлости и съ признательностью возвращенъ, такъ какъ болѣзненное состояніе моего вотчима таково, что мать не можетъ слишкомъ долго оставаться въ Петербургѣ и оставлять бѣднаго больного на попеченіи семнадцатилѣтней своей дочери (моей старшей сестры), не обладающей ни особенно хорошимъ здоровьемъ, ни опытомъ.

Дорогая, глубокочтимая Николаемъ Ивановичемъ и мною г-жа Де-Мельянъ проявляла трогательное участіе къ его печальной судьбинѣ и къ тяжкому горю, постигшему его мать и меня на расцвѣтѣ жизни.

Мой вотчимъ похлопоталъ о снабженіи насъ паспортами и подорожной; наши чемоданы скоро были готовы, и мы — двѣ матери и я, да Ѳома на козлахъ въ роли лакея,— двинулись въ путь 6-го апрѣля. Прощаніе наше съ вотчимомъ и сестрой было болѣе чѣмъ грустнымъ. Никто не могъ тѣшить себя надеждами на хорошій исходъ дѣла Николая Ивановича. Всѣ (кромѣ меня, конечно) тогда знали, что администрація края старалась выставить передъ высшею правительственною властью свое усердіе, свое недремлющее око и потому находила нужнымъ во всѣхъ дѣлахъ политическаго характера дѣлать изъ мухи слона; всѣ знали, что попавшемуся въ передѣлку по политическому дѣлу врядъ ли возможно ожидать освобожденія, и насъ, близкихъ къ Николаю Ивановичу, еще болѣе удручала неизвѣстность, въ чемъ именно его обвиняли.

Весенній разливъ Днѣпра и переправа черезъ него на „дубѣ“ (большое судно), съ экипажемъ и четверикомъ почтовыхъ лошадей, неспокойно переносившихъ качку „дуба“ волной, наводили ужасъ на мою мать: ея нервное состояніе передавалось другимъ, переправлявшимся съ нами на другой берегъ широкой рѣки. Достигли мы, наконецъ, этого берега; ямщикъ съ Ѳомой привели въ порядокъ упряжку, и мы довольно скоро достигли первой почтовой станціи — Бровары, такъ какъ путь къ ней съ недавняго времени былъ

шоссированъ, во избѣжаніе странствованія по сыпучимъ пескамъ, представлявшимъ истинное мученіе для ѣхавшихъ по лѣвому берегу Днѣпра.

У самаго подъѣзда станціи мы застали перекладную телѣжку, въ которую торопливо впрягали тройку лошадей. Возлѣ телѣги бродилъ, перекачиваясь, путникъ, сопровождаемый двумя жандармами. Невольно мы въ одинъ голосъ воскликнули: „Еще одинъ арестованный!“ Татьяна Петровна прибавила: „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко“. По его „Кобзарю“ я была уже съ нимъ знакома. Николай Ивановичъ не разъ читалъ мнѣ наизусть поэтическія произведенія „Тараса“, но въ лицо я его не знала и здѣсь увидѣла въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Услыхалъ ли онъ откликъ Татьяны Петровны или узналъ ее и Ѳому, но не прошло и минуты, какъ „Тарасъ“ подошелъ къ нашему экипажу и со слезой, блеснувшей въ его сѣрыхъ глазахъ, надломленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Отце жъ бідна Миколина мати, а це, мабудь, ёго молодесенька дружинонька. Ой, лихо, лихо тяжке, горенько матерям и дівчині.

Произнеся такое выраженіе скорби, Тарасъ Григорьевичъ перецѣловался съ нами. Жандармскій офицеръ подошелъ и ласково попросилъ его проститься съ нами и садиться въ повозку. „Тарасъ“ успѣлъ только сказать намъ, что лично о себѣ онъ не горюетъ, потому что онъ одинокъ, „бобыль“, а „Миколи мені жаль, бо в його е мати й дружинонька і вин нічимъ не винен, хиба тим, що зо мною побратався. Прости жъ мене, матінько, і не кляни!“ Онъ снова перецѣловался съ нами, сѣлъ съ жандармами въ телѣгу, тройка курьерскихъ лошадей подхватила съ мѣста вскачь, ямщикъ лихо засвисталъ — и не долго намъ пришлось видѣть повозку съ неуклюжей фигурой „Тараса“, поднявшаго высоко надъ своей головой шапку и махавшаго ею въ знакъ прощанія съ нами.

Пока намъ запрягали лошадей, мы молчали, потрясенныя этимъ неожиданнымъ свиданіемъ съ Тарасомъ, а когда лошади наши тронулись и звонъ колокольчика, покрикиванія нашего ямщика и его посвистыванія могли свидѣтельствовать, что ямщикъ не услышитъ нашей бесѣды, мы стали на

всѣ лады разсуждать и дѣлать догадки — почему дружеское отношеніе къ Тарасу могло повести къ аресту Николая Ивановича, что такое могъ совершить преступное этотъ добродушный народный поэтъ, чтобы вовлечь въ бѣду нашего Николая Ивановича. Разумѣется, ни до чего мы не додумались и не договорились.

У меня нѣтъ достаточно яркихъ словъ для описанія этого во всѣхъ отношеніяхъ тяжкаго путешествія нашего. Не говоря уже о причинѣ, заставившей его предпринять, скажу только, что тысячу верстъ мы проѣхали по глинистой почвѣ, едва оттаявшей послѣ зимняго замерзанія, представлявшей красноватую жидкость, сквозь которую колеса экипажа вязли въ толстомъ слоѣ густой глины, лежавшемъ на помостѣ изъ толстыхъ бревенъ, положенныхъ поперекъ пути. Мы прорѣзали этотъ слой и прыгали по этимъ бревнамъ. Тряска была невообразимая: насъ подбрасывало, въ особенности, когда мы тащились въ гору или спускались подъ гору: тогда казалось, что мы ѣдемъ по ступенямъ лѣстницы. Безъ этихъ бревенъ глубокая и вязкая глинистая пучина засосала бы и лошадей, и экипажъ, и путниковъ. Измученныя лошади на такихъ мѣстахъ шли шагомъ, то подбодряемыя ласковыми прибаутками ямщика, то подхлестываемыя кнутомъ. На каждой станціи мы принуждены были выходить изъ экипажа, чтобы хоть немного расправить свои утомленные члены, а иногда и подкрѣпиться чаемъ и крутыми яйцами, такъ какъ ничего иного на почтовыхъ станціяхъ достать было невозможно. На ночлегъ мы тоже останавливались, но только на такое время, когда темнота мѣшала видѣть дорогу: мы боялись опрокинуться и переломать не только экипажъ, но и свои кости.

Послѣ одного ночлега на станціи, верстъ за триста до Петербурга, поутру, когда экипажъ былъ уже запряженъ и Ѳома, доложивъ намъ объ этомъ, забралъ и унесъ чемоданы, чтобы привязать ихъ, какъ слѣдуетъ, вошелъ къ намъ въ комнату станціонный смотритель и, извиняясь за свою нескромность, спросилъ: не ѣдемъ ли мы въ Петербургъ вслѣдъ за дорогимъ путникомъ въ золотыхъ очкахъ, провезеннымъ жандармами на курьерскихъ, по подорожной, въ которой была прописана фамилія жандармовъ, ѣдущихъ не съ *будущимъ*, какъ всегда это пишется, а *съ арестованнымъ лицомъ*.

Мы отвѣтили, что именно за тѣмъ и ѣдемъ по такой ужасной дорогѣ, чтобы поскорѣе видѣться съ этимъ арестованнымъ. При видѣ нашихъ слезъ станціонный смотритель вынулъ изъ своего кармана маленькое письмецо, написанное торопливой рукой, и почему-то подалъ его мнѣ, взявши съ меня слово уничтожить его, не доѣзжая до Петербурга. Обѣ матери и я поблагодарили смотрителя, усѣлись немедля въ экипажъ и уже въ дорогѣ я прочла вслухъ письмо Николая Ивановича, обращенное ко мнѣ. То былъ вопль наболѣвшей души, разбитыхъ надеждъ и тяжкихъ ожиданій — вопль, заканчивавшійся буквально такъ: „Что бы ни постигло меня, знай и вѣрь, что я не преступникъ, что люблю тебя, моя Алина, всѣми силами души и съ этою любовью въ гробъ сойду“. Чтеніе мое прерывалось горючими слезами. Мать моя была видимо взволнована; Татьяна Петровна, блѣдная и бездвижная, не выронила ни слезы, ни вздоха и походила на истукана. Въ продолженіе пути я нѣсколько разъ принималась перечитывать горькія строки Николая Ивановича, пока, наконецъ, мать моя не взяла у меня изъ рукъ этого письмеца и, разорвавъ на мелкіе кусочки, не разметала ихъ по дорогѣ, напомнивъ мнѣ данное смотрителю слово не ввозить письма въ столицу: нежданный визитъ къ намъ жандармовъ могъ подвергнуть добраго человѣка строгой отвѣтственности за передачу письма отъ „арестованнаго лица“. Такъ мы ѣхали цѣлую недѣлю, пока, наконецъ, добрались до станціи, черезъ которую пролегало шоссе отъ Варшавы до Петербурга.

Отъ этой станціи путь нашъ представлялся намъ настолько же удобнымъ и безопаснымъ, насколько предыдущій былъ утомителенъ и держалъ насъ въ постоянномъ страхѣ, въ постоянномъ опасеніи, что вотъ-вотъ опрокинемся, поломаются колеса или оси, или лопнутъ рессоры, и мы засядемъ гдѣ-либо на дорогѣ, пока насъ не извлекутъ изъ болотной пучины и доставятъ на ближайшую станцію, чтобы хлопотать о починкѣ и терять дорогое время.

У подъѣзда къ станціи насъ обогналъ запряженный шестеркой почтовыхъ лошадей дилижансъ и бойко подкатилъ къ крыльцу. Изъ дилижанса вышли одинъ за другимъ пять пассажировъ различнаго возраста и одна очень молодая,

стройная дама, съ карими глазами, яркимъ румянцемъ и чертами лица, по которымъ легко было узнать красивую малороссіянку. Едва мы вошли въ отдѣльную комнату, какъ эта элегантная путешественница вбѣжала къ намъ и произнесла:

— Позвольте и мнѣ пообѣдать съ вами въ этой комнатѣ. Я такъ устала, ѣдучи изъ Варшавы во всѣ эти дни въ обществѣ пятерыхъ незнакомыхъ мужчинъ...

— Вы ѣдете въ Петербургъ, какъ и мы? — спросила моя мать.

— Да ѣду къ мужу, — отвѣчала наша незнакомка, какъ бы опасаясь, чтобы мы не приняли ее за искательницу приключеній.

— Мы ѣдемъ также въ Петербургъ, — сказала я, — и мнѣ бы очень хотѣлось узнать вашу фамилію.

Мать моя вздвинула плечами въ знакъ неодобрѣнія моей назойливости. Я пристально глядѣла на молодую женщину. Она покраснѣла и отвѣтила: „Бѣлозерская“.

— М-me Кулишъ! — перебила я и взяла ее за руки.

— Господи! откуда же вы это знаете! — воскликнула она, оглядываясь по сторонамъ и понижая голосъ, словно она стала подозрѣвать въ числѣ пяти своихъ спутниковъ негласнаго стражника, сопровождающаго ее изъ Варшавы и прикидывающагося, будто никто ея не знаетъ.

— Я узнала васъ по описанію мнѣ вашей внѣшности и въ особенности по родинкѣ, украшающей ваше лицо. Мнѣ много говорили о васъ вообще.

— Да кто же говорилъ вамъ обо мнѣ?

— Бѣдный нашъ Николай Ивановичъ, арестованный наканунѣ своей свадьбы и увезенный жандармами въ Петербургъ, — отвѣчала я съ неудержимымъ волненіемъ и горестью.

— Такъ вы Алина, его невѣста! Неужели? А это — двѣ матери!..

Мы обмѣнялись поцѣлуями, поплакали.

Она сообщила, что также ѣдетъ узнать о судьбѣ своего мужа, котораго арестовали въ Варшавѣ, захвативши на пути за границу. Насъ сразу сблизила общая наша печаль: ея — о мужѣ, моя — о женихѣ. Но я почувствовала и нѣкоторую

зависть къ ея судьбѣ: ея ужъ никто не разлучитъ съ мужемъ, какая бы участь его ни постигла, а меня, шестнадцати-лѣтнюю, неопытную дѣвчонку, кто же пуститъ не только на какую-либо далекую окраину, куда зашлютъ Николая Ивановича, но и на свиданіе, въ крѣпость, гдѣ онъ заключенъ! Невѣста — не то, что мать или жена: у тѣхъ есть священныя права, которыя онѣ могутъ предъявить, а у невѣсты что? Однѣ слезы...

Обѣдъ на станціи былъ непродолжителенъ. Кондукторъ дилижанса протрубилъ въ рожокъ призывъ къ отъѣзду. Александра Михайловна Кулишъ (рожденная Бѣлозерская) сердечно простилась съ нами, впорхнула въ дилижансъ и любезно проговорила, что надѣется видѣться и бесѣдовать съ нами на каждой станціи во время перепряжки лошадей въ дилижансѣ и въ нашемъ экипажѣ.

На другой день мы доѣхали до Петербурга. Александра Михайловна Кулишъ была встрѣчена своимъ роднымъ братомъ *) и помѣстилась у него на квартирѣ, а мы направились въ гостинницу. Черезъ нѣсколько дней мы переѣхали на Моховую улицу, въ домъ Поккіева, гдѣ проживали молодые люди — братья Тепловы (Михаилъ и Василій Николаевичи), сыновья старинной пріятельницы моей матери, и гдѣ нашли для насъ удобную квартиру. Тамъ мы и пребывали два съ половиною мѣсяца, т.-е. вплоть до того времени, когда мы узнали, что Николай Ивановичъ безповоротно приговоренъ къ заключенію на годъ въ Петропавловской крѣпости и затѣмъ къ ссылкѣ въ Вятку безсрочно.

Первый мѣсяцъ нашего пребыванія въ Петербургѣ мы провели въ безплодныхъ развѣдкахъ о мѣстонахожденіи нашего арестованнаго. Татьяна Петровна никуда не обращалась: она ждала свѣдѣній о своемъ несчастномъ сынѣ лишь отъ моей матери и ея знакомыхъ. Прежде всего мать моя отправилась со мной къ незнакомой особѣ, отъ которой, по ея положенію общественному и связямъ, по ея личнымъ качествамъ и теплымъ дружескимъ отношеніямъ къ нашей дорогой Лаурѣ Осиповнѣ Де-Мельянъ, мы могли ожидать помощи въ нашемъ скорбномъ дѣлѣ. То была

*) Василіемъ Михайловичемъ Бѣлозерскимъ.

статсъ-дама Прасковья Ивановна Мятлева. Мы явились къ ней съ письмомъ отъ Лауры Осиповны и были приняты почтенной старушкой радушно, родственно. Прочитавъ письмо, она передала его для прочтенія находившейся въ то время у нея дочери своей — Варварѣ Петровнѣ Бибиковой (супругѣ Ильи Гавриловича) и, глядя на меня съ видимымъ участіемъ и жалостью, замѣтила матери моей, что, помимо нежданнаго нашего горя, болѣе чѣмъ рискованно рѣшаться отдавать замужъ 16-лѣтнюю дѣвочку.

Наша просьба помочь намъ розыскать Николая Ивановича принято было Прасковьей Ивановной близко къ сердцу; она обѣщала поручить своимъ зятьямъ (Галахову, тогдашнему с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру, и Бибикову) и близкимъ людямъ добыть необходимыя для насъ свѣдѣнія. Я расплакалась. У старушки навернулись слезы, и она сказала:

— Не плачь, дитя мое: отъ нашей дорогой Лауры знаю о тебѣ и раздѣляю ея привязанность къ тебѣ. Погости у меня, познакомься съ моими внучками: онѣ, кажется, тебѣ по возрасту.

По желанію старушки, компаньонка ея тотчасъ позвала въ гостиную двухъ юныхъ Бибиковыхъ. Когда я увидѣла этихъ моихъ ровесницъ въ коротенькихъ полудѣтскихъ платьицахъ, мнѣ стало какъ-то неловко входить съ ними въ сообщество: онѣ — дѣти — прибѣжали на зовъ бабушки, скользя по паркету, словно на конькахъ по льду, а я — исплакавшаяся, пришибленная горемъ невѣста! Разговоръ между нами не вязался, и я рада была движенію моей матери, показывавшему, что визитъ нашъ оконченъ.

П. И. Мятлева черезъ своихъ близкихъ людей, съ одной стороны, мать моя — черезъ своихъ знакомыхъ, съ другой, узнали, что Николай Ивановичъ содержится въ III-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи. Шефомъ жандармовъ былъ въ то время графъ (впослѣдствіи князь) Орловъ, а его ближайшимъ помощникомъ — генералъ Леонтій Васильевичъ Дуббельтъ. Послѣдній, какъ оказалось, бывалъ, въ качествѣ знакомаго, въ домѣ моихъ родителей въ Вильнѣ во времена польской революціи 1831 г., когда полкъ моего отца стоялъ тамъ. Одновременно съ полученіемъ этихъ

свѣдѣній, намъ дали такія же и въ канцеляріи коменданта С.-Петербургской Петропавловской крѣпости, куда мы съ матерью ѣздили узнавать, не содержится ли тамъ въ заключеніи Николай Ивановичъ; намъ отвѣтили, что Костомаровъ не состоитъ въ числѣ узниковъ крѣпости, и такъ какъ дѣло его, повидимому, политическое, то, вѣроятно, производится оно въ III-мъ Отдѣленіи, гдѣ и содержится подсудимый.

О фамильномъ прозвищѣ того, кто былъ въ то время комендантомъ, мать моя не спросила.

Двѣ матери и я отправились къ Дуббельту. Онъ принялъ насъ очень любезно, припоминалъ давнишнее знакомство съ моими родителями, но когда рѣчь коснулась о дозволеніи намъ повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ, онъ сказалъ, что это рѣшительно невозможно ранѣе того времени, когда дѣло окончится и опредѣлится участь подсудимаго. Слезы брызнули изъ моихъ глазъ. Леонтій Васильевичъ сказалъ:

— Видно вы ужъ очень любите жениха, что такъ о немъ печалитесь. Полюбите давняго знакомаго старичка, носившаго васъ на рукахъ, и вашему жениху станетъ полегче.

При этихъ словахъ Дуббельтъ пытался привлечь меня къ себѣ.

— Пусть же станетъ, тогда и полюблю васъ всей душой; а пока Николай Ивановичъ у васъ въ неволѣ — возможно ли васъ любить? — отвѣтила я, освобождаясь отъ объятій „старичка“.

Дуббельтъ мгновенно преобразился, любезный тонъ его перешелъ въ оффиціально-холодный, и онъ сказалъ, обращаясь къ Татьянѣ Петровнѣ:

— Вамъ, г-жа Костомарова, дозволено будетъ повидаться съ сыномъ здѣсь завтра же, и никому болѣе.

Я отворотилась отъ Дуббельта, утирая слезы; мать моя стала прощаться съ нимъ. Онъ какъ будто смягчился и проговорилъ:

— Для васъ и вашей юной невѣсты остается одно — подождать, пока не перевезутъ преступника въ Петропавловскую крѣпость, куда онъ, по великому милосердію Государя, будетъ заключенъ вмѣсто висѣлицы, которую заслужилъ. Въ должности коменданта крѣпости состоитъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, такой же вашъ старый знакомый по Вильно, какъ

и я, и тамъ свиданіе съ преступникомъ, вѣроятно, будетъ вамъ разрѣшено. Г-жа Костомарова, навѣдываясь сюда, освѣдомится о времени перемѣщенія ея сына въ Петропавловскую крѣпость и о дальнѣйшей его судьбѣ.

Дни шли за днями въ ожиданіи печальной развязки. Мать моя многозначительно и часто заводила разговоръ о бесѣдѣ съ Дуббельтомъ, всегда подчеркивая выраженія: „преступникъ, висѣлица, милосердіе Государя“. Только впослѣдствіи, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, я поняла, что дѣлалось это съ цѣлью внушить мнѣ страхъ къ какимъ-то „темнымъ преступленіямъ“ Николая Ивановича и заставить додуматься, что лучше быть отъ него подальше. Въ то тяжкое время мать моя слѣпо вѣрила, что Николай Ивановичъ былъ однимъ изъ руководителей какого-то преступнаго политическаго заговора и, понятно, старалась отдалить отъ своей юной дочери всякую мысль о возможности раздѣлить участь „преступника“. Однако, моя мать страдала все-таки моимъ горемъ и не рѣшалась поступать со мною слишкомъ круто. Она оставалась со мною въ Петербургѣ ждать не только конфирмаціи по дѣлу Николая Ивановича, но и того времени, когда намъ позволено будетъ свиданіе въ крѣпости.

Весна въ тотъ годъ была ранняя и теплая. Въ первыхъ числахъ мая было такъ жарко, что даже мы, южанки, выходили на улицу въ лѣтней одеждѣ. Прасковья Ивановна Мятлева, катаясь въ открытой колескѣ, неразъ въѣзжала во дворъ дома Поккіева на Моховой улицѣ, гдѣ мы квартировали, и поручала сопровождавшей ее компаньонкѣ зайти къ намъ и пригласить меня прокатиться съ ними. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Прасковья Ивановна сказала мнѣ, чтобы я пріѣхала къ ней 7-го мая рано утромъ и съ нею побывала у обѣдни въ домовой церкви, а затѣмъ пріѣхала бы къ ней на дачу въ Знаменское (по петергофской дорогѣ) и тамъ погостила бы недѣльку-другую или сколько мнѣ покажется нескучнымъ.

Мы съ мамой узнали, что 7-ое мая день рожденія г-жи Мятлевой и что всегда въ этотъ день у нея бываетъ большой съѣздъ родныхъ и знакомыхъ. Мать заказала для меня бѣлое тарлатановое платье съ блѣдно-розовымъ кушакомъ изъ

муаровой ленты и бѣлую тюлевую шляпку съ пучками блѣдно-розовыхъ розъ, заказала также букетъ свѣжихъ цвѣтовъ и въ такомъ видѣ доставила на домъ г-жи Мятлевой, гдѣ и поручила меня попеченію Наталіи Филипповны Минюшской (падчерицы г-жи Де-Мельянъ). Прасковья Ивановна приняла очень тепло мое поздравленіе и букетъ, представила меня всѣмъ своимъ гостямъ, и всѣ единогласно выражали свое соболѣзнованіе и изумленіе по поводу такой ранней помоловки и трагической катастрофы, постигшей меня наканунѣ вѣнчанія. Продолжительное сидѣнье за параднымъ обѣдомъ, новизна невиданной мною прежде роскошной обстановки, блестящей знатной публики — и неотвязная мысль о мрачномъ казематѣ, гдѣ томился и, быть можетъ, голодалъ Николай Ивановичъ, въ то время, какъ я, разряженная куколкой, отвѣдывала дорогія яства среди великосвѣтской толпы, возсѣдавшей за столомъ, убраннымъ массою дорогихъ серебряныхъ вазъ и канделябръ, яркими букетами благоухающихъ розъ и иныхъ цвѣтовъ — все это такъ взволновало меня, что въ глазахъ у меня помутилось и мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что сосѣдки мои по куверту, внучки Прасковьи Ивановны, вывели меня изъ-за стола въ сосѣдній залъ, откуда, уже въ глубокомъ обморокѣ, я была перенесена въ помѣщеніе Н. Ф. Минюшской, въ томъ же домѣ. Все это сдѣлано было безъ шума и суеты; никто, кромѣ ближайшихъ по мѣстамъ лицъ, не замѣтилъ, какъ меня ловко вывели, пробираясь за колоннами, къ которымъ примыкалъ обѣденный столъ. Мнѣ передавала Н. Ф. Минюшская, что, когда въ концѣ обѣда всѣ гости подходили къ Прасковьѣ Ивановнѣ съ бокалами шампанскаго, чтобы еще разъ выразить ей всякія пожеланія, старушка замѣтила, что я не подходила, и окликнула меня. Ей сказали, что мнѣ сдѣлалось дурно, и что я лежу у Наталіи Филипповны. „Доктора! М-г Адамсъ, взгляните на малютку! Вотъ до чего она уже разстроена нервами въ шестнадцать лѣтъ!“ — заволновалась добрая старушка. Ее успокоили, что обморокъ уже прошелъ, и я собираюсь вновь явиться. Прасковья Ивановна потребовала къ себѣ подносъ съ полнымъ бокаломъ шампанскаго, чокнулась съ нимъ своимъ бокаломъ и, проговоривши, что пьетъ за здоровье своей юной гостьи „кіевляночки“, пору-

чила отнести полный бокалъ ко мнѣ, обложивши его всякаго рода сластями и рѣдкими по времени плодами.

Вспоминаю съ такими подробностями о тепломъ отношеніи ко мнѣ Прасковьи Ивановны съ тѣмъ большей признательностью, что она ни разу не выразила мнѣ совѣта разойтись навсегда съ Николаемъ Ивановичемъ. Напротивъ, дождавшись конфирмаціи, о которой, по порученію Прасковьи Ивановны, узналъ зять ея, оберъ-полицеймейстеръ Галаховъ, и передалъ ея содержаніе, старушка при появленіи нашемъ на дачѣ въ Знаменскомъ, куда мы ѣздили, чтобы проститься передъ отъѣздомъ въ Кіевъ, обратилась къ моей матери съ просьбой оставить меня въ Петербургѣ въ ея семьѣ и на ея личномъ попеченіи, а ко мнѣ проговорила:

— Проси, крошка, свою маму довѣрить тебя моему сердцу — и оставайся у меня. Богъ милостивъ, годъ пройдетъ безъ особыхъ случайностей для твоего жениха, а за это время ты у меня начнешь расцвѣтать; черезъ годъ я повѣнчаю тебя съ нимъ да и снаряжу въ далекій путь — въ Вятку; здѣсь же предоставлю тебѣ первокласснаго учителя музыки, чтобы ты не скучала и имѣла любимое занятіе.

Такое предложеніе покоробило мою мать. Поблагодаривши Прасковью Ивановну, мать проговорила:

— Отецъ и я загрустимъ безъ нашей Алины, а относительно уроковъ музыки позволяю себѣ повторить слова величайшаго изъ артистовъ — Листа, что ей нужна вѣнская консерваторія *), и не ради техники, которую не только онъ, но и вы, добрѣйшая Прасковья Ивановна, нашли превосходною, а для изученія теоріи въ такой полнотѣ, которая необходима для композиціи. Петербургъ не можетъ ей этого предоставить, а въ Вѣну мы не рѣшаемся отпустить нашу молоденькую дочку. Пусть она поупражняется дома: Кіевъ посѣщается знаменитыми артистами — они будутъ руководить ея занятіями.

Старушка не ожидала отказа и, видимо, была недовольна. Мнѣ казалось, что, помимо желанія сдѣлать доброе дѣло, ее главнымъ образомъ увлекала мысль оказать возможную поддержку одной изъ любимѣйшихъ г-жею Де-Мельянъ воспи-

*) Въ Россіи еще не было ни одной консерваторіи въ то время.

танницъ ея образцоваго пансіона. О будущей судьбѣ моей Пр. Ив. больше уже не упоминала, сознавая, вѣроятно, что у моей матери твердо сложились новые виды и новыя надежды. Я очень плакала, прощаясь съ доброй старушкой.

Между тѣмъ мать моя исхлопотала у Ивана Никитича Скобелева дозволеніе всѣмъ намъ повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ. Былъ день 14-го іюня. Мы явились къ доброму коменданту, выразившему удовольствіе отъ неожиданной встрѣчи съ такими старинными знакомыми, какъ моя мать и я. Обращаясь ко мнѣ, онъ произнесъ:

— Такъ вотъ эта чернавка, которую въ Вильнѣ подносила кормилица къ моимъ эполетамъ, а чернавка ухищрялась зацѣпить и тянуть мишурную нитку! Какъ же это твой желанный угодилъ въ крѣпость? Но ты не плачь: я его, варвара, изюмомъ кормлю.

Пока велись эти переговоры, въ кабинетъ ввели Николая Ивановича. Очки были у него отобраны, и онъ, по своей близорукости, узналъ насъ только тогда, когда мы окликнули его. Свиданье наше было краткое и удручающее. Моя мать обѣщала Николаю Ивановичу привезти меня въ Вятку.

Въ послѣднихъ числахъ іюня мы съ мамой возвратились въ Кіевъ. Татьяна Петровна осталась въ Петербургѣ, чтобы навѣщать своего сына-узника въ крѣпости по пятницамъ, и затѣмъ сопровождать его въ Вятку.

Въ Кіевѣ потекла жизнь очень тяжелая для меня. Я и сестра моя подверглись строжайшему надзору моей матери. Насъ устраняли отъ бесѣдъ съ двумя Гальками (Аннами), перевезенными со всѣмъ домашнимъ скарбомъ Костомаровыхъ на попеченіе моихъ родителей, во флигель того дома, гдѣ была наша квартира.

Эти Гальки, двѣ родныя сестры, были крѣпостныя Татьяны Петровны. Отецъ ихъ былъ сосланъ въ Сибирь за кражу, учиненную въ домѣ Татьяны Петровны, а дочерей его она взяла себѣ въ услуженіе подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ не было матери. Когда имѣніе было продано, Ѳомѣ, по просьбѣ Ник. Ив., дана была „вольная“, а бѣдныхъ Галекъ привезли въ Кіевъ крѣпостными. Онѣ говорили, что Никол. Ив. постоянно просилъ свою матушку отпустить и ихъ на волю; она сердилась, иногда обѣщала, иногда отказывала наотрѣзъ

и тѣмъ раздражала Ник. Ив. до безконечности. Гальки объяснили ея упорство властолюбіемъ, свойственнымъ грубымъ и „низкаго“, происхожденія людямъ, попавшимъ въ дворянство. По ихъ словамъ, Татьяна Петровна была крѣпостная „дѣвка“, такая же, какъ и онѣ, покойнаго Ивана Петровича Костомарова; онъ прижилъ съ нею сына за четыре года до брака — и этотъ сынъ именно и есть Николай Ивановичъ. Гальки разсказали, что мать и сынъ живутъ немирно: у Татьяны Петровны нравъ крутой и она „сгнущается“ надъ сыномъ, не допуская его до женитьбы, чтобы не было другой хозяйки въ домѣ помимо ея самой. Такъ было въ Харьковѣ, когда Ник. Ив. посватался тамъ къ какой-то гувернанткѣ; такъ было и теперь въ Кіевѣ.

О Николаѣ Ивановичѣ Гальки разсказывали, что онъ очень горячаго „нрава“ — вдругъ взволнуется, закричитъ на весь дворъ, и послѣ каждой домашней сцены такъ страдаетъ головною болью, что его „отливаютъ“ холодной водой, а мать уходитъ тогда въ свою комнату и до тѣхъ поръ не является на глаза сыну, пока тотъ не придетъ къ ней въ комнату и на колѣняхъ не испроситъ прощенія за свою вспыльчивость.

Всѣ эти свѣдѣнія о происхожденіи и образѣ жизни Костомаровыхъ были, разумѣется, переданы моей матери другими нашими слугами съ подробностями, когда мы возвратились изъ Петербурга — и тутъ ужъ мать моя считала своимъ материнскимъ долгомъ неустанно объяснять мнѣ всю „мерзость“ брачной и родственной связи съ этими „мужиками“, изъ которыхъ „незоконнорожденный“, скрывая свое „позорное“ происхожденіе, осмѣлился посвататься къ дочери честныхъ и „благородныхъ“ родителей, скрывалъ и свои „преступныя“ политическія затѣи, не побоялся Бога, которому онъ молится по церквамъ, ввелъ въ скорбь и погибель свою будущую жену, ея родителей и прочее. Мать моя твердила мнѣ и всѣмъ нашимъ знакомымъ, что арестъ Николая Ивановача наканунѣ свадьбы слѣдуетъ считать проявленіемъ особой милости Божьей къ нашей семьѣ и что мы, всѣ члены семьи, должны молиться за генералъ-губернатора, который поспѣшилъ арестовать „преступника“, не допустивъ его, такимъ образомъ, обвѣнчаться съ невиннымъ, юнымъ

существомъ, готовившимся связать свою судьбу съ его судьбой. Я въ ту пору признавала, да и теперь признаю, что мать моя говорила то, во что свято вѣрила. Въ душѣ моей происходила борьба чувствъ то за Николая Ивановича, то противъ него, и послѣднее возникло отъ неотвязчиваго вопроса: почему не былъ онъ откровененъ со мною?

Онъ говорилъ мнѣ о своей завѣтной идеѣ — необходимости единенія славянъ, объяснялъ, что кольцо, находившееся у него на рукѣ, съ вырѣзанною внутри надписью: „Св. Кириллъ и Меѳодій“, носитъ какъ символъ единенія славянъ, но о составленіи устава „Кир.-Меѳ. общества“ не упоминалъ. Быть-можетъ, соображаясь съ моимъ юнымъ возрастомъ, онъ мало надѣялся на мое сочувствіе къ его мечтамъ, а быть-можетъ и на самое уразумѣніе его стремленій. Во всякомъ случаѣ это не была тайна предо мною, такъ какъ Николай Ивановичъ, какъ я узнала впослѣдствіи, не скрывался со своими мечтами и отъ такихъ лицъ, которыя стояли въ администраціи и въ обществѣ на высокихъ ступеняхъ. Послѣ многолѣтней съ нимъ разлуки я узнала, что онъ не считалъ своихъ „затѣй“ не только преступными, но и секретными, почему и носился со своей мечтой о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ единенія славянъ: онъ говорилъ о немъ при губернаторѣ Фундуклеѣ, при попечителѣ и помощникѣ попечителя учебнаго округа, при товарищахъ и при студентахъ.

Изъ числа этихъ лицъ двое добрыхъ людей, прослышавъ о предполагавшемся у Николая Ивановича обыскѣ, хотѣли спасти его и чтобы предупредить о грозящей ему опасности, звали его къ себѣ по „дѣлу“; но счастливый женихъ былъ занятъ приготовленіями къ свадьбѣ, леталъ къ невѣстѣ и отложилъ на дальнѣйшее время необходимость побывать у лицъ, звавшихъ его къ себѣ „по дѣламъ“.

Тѣ добрые люди были кіевскій гражданскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей и содержательница частнаго женскаго пансіона, г-жа Залѣсская. Николай Ивановичъ по порученію Фундуклея занимался редакціей „Актовъ Кіевскихъ“. Приготовленія къ свадьбѣ замедлили работу — и присылку чиновника съ просьбой отъ губернатора пожаловать къ нему „по важному дѣлу“ Николай Ивановичъ объ-

яснилъ себѣ желаніемъ губернатора напомнить о необходимости окончить трудъ. „Пойду послѣ свадьбы“ — рѣшилъ Николай Ивановичъ, не предчувствуя и не предугадывая истинной причины приглашенія губернатора. Г-жа Залѣсская постоянно просила Николая Ивановича прибавить хотя одинъ лишній часъ преподаванія исторіи въ ея пансіонѣ: этимъ и объяснилъ себѣ Николай Ивановичъ ея просьбу „пожаловать по неотложному и важному дѣлу“ — и также отложилъ свой визитъ на послѣ-свадебное время. Все это я услыхала отъ Николая Ивановича лишь въ 1873-мъ году.

Вообще времепровожденіе мое по возвращеніи изъ Петербурга было такое тягостное, что не поддается описанію. Мать моя получила отъ Татьяны Петровны письмо, но о содержаніи его не считала нужнымъ сообщить мнѣ. Отъ меня и отъ Галекъ тщательно скрывалось, что мѣсто ссылки для Николая Ивановича было измѣнено и, вмѣсто Вятки, назначено въ Саратовѣ. По наступленіи срока годового пребыванія Николая Ивановича въ крѣпости объявили Галькамъ приказаніе собираться въ далекій путь. Для нихъ были одинаково неизвѣстны оба дальнихъ города; имъ было безразлично, куда бы ихъ ни посылали. Я не успѣла проститься съ ними: ихъ отправили на разсвѣтѣ, и когда я встала отъ сна, мнѣ сказали, что Гальки кланялись мнѣ — и уѣхали.

Начались у меня заботы о томъ, какимъ образомъ адресовать Николаю Ивановичу письмо въ Вятку, чтобы моя мать не знала объ этомъ — и черезъ кого получать отвѣты.

Между нашими многочисленными знакомыми едва нашлось одно лицо, которому я могла открыть свое намѣреніе писать и получать черезъ его посредничество отвѣты; но лицо это, не возражая противъ отправки писемъ черезъ него, наотрѣзъ отказалось отъ согласія получать на его имя отвѣты отъ Николая Ивановича. Это былъ плацъ-адъютантъ при кіевскомъ комендантѣ, Александръ Антоновичъ Ярошевичъ. Мнѣ было объяснено, что гдѣ бы ни былъ политическій ссыльный, за нимъ тайно наблюдаютъ, и непремѣнно станутъ слѣдить за тѣмъ, на чье имя шлетъ ссыльный письма: адресатъ-посредникъ непремѣнно навлечетъ подозрѣніе властей въ неблагонамѣренности — а, при всемъ

расположеніи ко мнѣ, врядъ ли найдется лицо, готовое пожертвовать судьбою собственной семьи. Что было дѣлать! Я послала нѣсколько писемъ въ Вятку, прося Николая Ивановича поискать между кіевскими бывшими товарищами по службѣ такого, который бы взялся доставлять его письма ко мнѣ.

Отвѣтовъ, разумѣется, я не дождалась, такъ какъ Николая Ивановича въ Вяткѣ не было. Между тѣмъ мать моя стала постепенно принимать всѣ мѣры для уничтоженія у насъ въ домѣ и у меня, въ особенности, всего того, что могло напоминать мнѣ о Николаѣ Ивановичѣ. Еще въ первые дни послѣ ареста Николая Ивановича она взяла у меня двѣ подаренныя имъ мнѣ книги („Унія“ и „Вѣтка“) и уничтожила ихъ, боясь обыска у насъ въ домѣ. Французскую книгу: „L'imitation de Jésus Christ“ не считала опасною и оставила ее у меня. Однако, видя, что мать моя все болѣе и болѣе враждебно относится къ Николаю Ивановичу, я нашла нужнымъ спрятать эту книгу съ дорогою для меня надписью. Но куда спрятать? Потребуетъ мать ключи отъ моего стола или комода — я не посмѣю не дать ихъ, и она возьметъ книгу! Я положила ее на одну изъ дощатыхъ перекладинъ, имѣвшихся подъ роялью. Ея вовсе не было видно. Когда мать спросила у меня книгу, я сказала, что запрятала ее сгоряча такъ, что и сама не могу найти. Мать искала книгу по всѣмъ моимъ дѣвичьимъ хранилищамъ, искала внутри рояля... и не нашла. Дождавшись пріѣзда къ намъ нѣкоей Софьи Карловны Каленіусъ, очень любившей меня, я быстро достала книгу изъ моего тайника и сунула въ карманъ почтенной дамы, для храненія у нея и въ секретѣ. Она исполнила мою просьбу.

Наконецъ, случайно я узнала, что Николай Ивановичъ въ Саратовѣ.

Послѣ долгихъ соображеній я додумалась написать Николаю Ивановичу черезъ посредничество жившей тогда въ Петербургѣ г-жи Де-Мельянъ, моей дорогой „maman“ по пансіонному воспитанію, и обратилась къ ней съ просьбой переслать мое письмо въ Саратовъ, а полученный оттуда отвѣтъ послать въ Кіевъ, на имя Маріи Ивановны Стемпковской, занимавшей должность лазаретной надзирательницы и каste-

лянши въ кіевскомъ Левашовскомъ училищѣ во время управленія этимъ училищемъ госпожей Де-Мельянъ. Марья Ивановна оставалась тамъ въ прежней должности и посѣщала нашъ домъ въ праздничные дни, такъ какъ г-жа Де-Мельянъ, покидая Кіевъ навсегда, просила меня и мою сестру не прерывать знакомства съ лицами, которыхъ она любила.

Итакъ, два первыя письма отъ Николая Ивановича я получила черезъ г-жу Де-Мельянъ *) и М. И. Стемпковскую, а затѣмъ уже я упросила Стемпковскую позволить Николаю Ивановичу адресовать письма ко мнѣ прямо на ея имя. Сама же я находила достаточно времени, чтобы написать въ Саратовъ: мать моя любила выѣзды на карточные вечера и, часто оставаясь дома, я бесѣдовала письменно съ Николаемъ Ивановичемъ.

Понятно, съ какимъ волненіемъ я поджидала изъ Саратова отвѣта на мое первое письмо. Цѣлая куча горькихъ предположеній наполняла мою молодую голову, терзала сердце: и умеръ, и позабылъ, и женился, и страдаетъ въ неволѣ, и тоскуетъ по мнѣ, и обвиняетъ меня въ измѣнѣ. Но какъ выразить то, что происходило во всемъ моемъ существѣ по прочтеніи этого перваго отвѣта? Послѣ двухъ-трехъ нѣжныхъ наименованій Николай Ивановичъ въ твердыхъ и отчаянныхъ выраженіяхъ извѣщалъ, что онъ боленъ неизлечимо, что письмо мое оживило его душу, но ни оно, ни мое присутствіе, если бы оно стало возможностью, и ничто, ничто, не оживитъ его тѣла, пораженнаго такою болѣзнью, при которой не только совѣсть, но и законъ воспрещаетъ вступать въ бракъ,— и онъ умоляетъ меня забыть о его существованіи, избрать себѣ другого и тѣмъ доставить ему успокоеніе, что я не страдаю вмѣстѣ съ нимъ, не загубилъ онъ моей молодости и проч.

Переписка между нами продолжалась около $2^1/_2$ лѣтъ.

---

*) Внукъ г-жи де-Мельянъ, Алексѣй Н. Минюшскій, разбирая бумаги своей бабушки послѣ ея кончины въ 1862-мъ году, нашелъ и сберегъ два письма Николая Ивановича къ г-жѣ Де-Мельянъ изъ Саратова, съ просьбой переслать его письмо ко мнѣ въ Кіевъ. Оба эти письма Николая Ивановича переданы мнѣ внукомъ г-жи Де-Мельянъ.

Всѣ мои письма Николай Ивановачъ сберегъ до конца своихъ дней; только перваго и послѣдняго изъ моихъ писемъ я не нашла у него, ставши его женой послѣ многолѣтней разлуки. На мой вопросъ о томъ, куда же они дѣвались, Николай Ивановичъ отвѣтилъ мнѣ въ 1875-мъ году, что они были такъ залиты его слезами и истрепаны отъ ношенія съ собой и постояннаго перечитыванія, что стало невозможнымъ сложить всѣ клочки въ одно цѣлое.

Писемъ Николая Ивановича сберегать мнѣ было невозможно. Въ каждое изъ посѣщеній М. Ив. Стемпковской мы обѣ слѣдили за моей мамой, чтобы воспользоваться временемъ, когда она выходила въ другія комнаты: тотчасъ Мар. Ив. вынимала изъ своего кармана полученное изъ Саратова письмо, передавала мнѣ, а я поспѣшно прятала въ свой карманъ и удалялась куда-либо подальше для прочтенія и немедленнаго уничтоженія письма съ такою тщательностью, чтобы мама не нашла ни единаго лоскутка отъ него.

Такое положеніе вещей научило меня скрытности: прежняя откровенность исчезла, и въ душѣ моей все больше и больше поднимался ропотъ на деспотизмъ матери. Я не могла сомнѣваться въ томъ, что мать любитъ меня и желаетъ мнѣ добра. Она баловала меня по-своему, стараясь развлечь меня по-своему — балами, нарядами и проч.

Убѣдившись, что споры и пререканія съ матерью изъ-за Николая Ивановича ни къ чему не ведутъ, кромѣ усиленія настойчивости съ обѣихъ сторонъ, я заботилась уже только о томъ, чтобы мать порѣже возила меня съ собой на карточные вечера. Мать очень любила игру и просиживала за картами до 2—3 часовъ ночи, а я въ это время писала къ Николаю Ивановичу, если у насъ не было въ гостяхъ ни одной изъ подругъ.

Отпрашиваясь постоянно, я могла бы возбудить подозрительность относительно упорнаго пребыванія въ одиночествѣ; и вотъ, чтобы усыпить бдительность матери, я не отказывалась отъ выѣздовъ на балы, концерты и музыкальные вечера. Любезность ко мнѣ и комплементы молодежи приводили мою мать въ восхищеніе. Это служило поводомъ для бурныхъ сценъ между нами. Я чувствовала тяжелый гнетъ ея родительской власти и томилась.

Незабвенный вотчимъ мой смягчалъ своей добротой наши обоюдныя съ матерью ненормальныя отношенія, уговаривалъ мать не стѣснять меня выборомъ мужа, а мать, возражая ему, заключала всѣ свои доводы указаніемъ на свои родительскія права, которыхъ вотчимъ по отношенію къ падчерицамъ не имѣетъ. Я видѣла, что мой больной вотчимъ до глубины души огорчался, когда случалось ему, при возвращеніи домой отъ служебныхъ занятій, заставать меня съ распухшими отъ слезъ глазами и лицомъ: бѣдняга поглядывалъ во время обѣда то на мать, то на меня, вздыхалъ и плохо кушалъ. Это побуждало меня сдерживаться и скрывать отъ вотчима все, что происходило между мною и матерью въ его отсутствіе.

Такъ жизнь длилась до 22-го февраля 1851 года, когда внезапно скончался мой добрый покровитель-вотчимъ. Не стало его — и не было уже возможности избѣгать жаркихъ споровъ съ матерью, споровъ, разгоравшихся съ каждымъ днемъ до такихъ размѣровъ, что мать заботилась уже только о томъ, чтобы случайные посѣтители не застали насъ обѣихъ съ пылающими лицами, въ слезахъ и внѣ себя отъ волненія. Приказано было прислугѣ никого не принимать и заявлять, что „дома нѣтъ“. Больше всего мать налегала на срамное происхожденіе Николая Ивановича, на его какіе-то скрываемые, недуги, при которыхъ онъ всегда отказывался отъ пищи и которые, „конечно“, развивали у него припадки „бѣшенства“, доводившіе его до криковъ, до неистовства, до необходимости окачиваться холодной водой. Я защищала Николая Ивановича, какъ могла, и стояла на своемъ. Мать рыдала, рвала на себѣ волосы и въ изступленіи кричала: „Пиши этому висѣльнику, этому безродному мужику, выбившемуся въ бакалавры, чтобы пріѣзжалъ за тобой, но не иначе, какъ съ дозволенія правительства и въ приличномъ твоему званію экипажѣ; пиши, вѣнчайтесь на другой день по его пріѣздѣ — и вонъ съ глазъ моихъ!“.

Что было дѣлать мнѣ, неопытной!? Я знала, что Николая Ивановича не пустятъ изъ Саратова — и рѣшилась написать тайкомъ отъ матери прошеніе Государю о томъ, чтобы Николая Ивановича отпустили въ Кіевъ обвѣнчаться со мной, такъ какъ мать не желаетъ везти меня къ нему. Вмѣстѣ съ

тѣмъ я сообщила обо всемъ Николаю Ивановичу, предупредивъ его также, что пришлю ему холодное, такъ сказать оффиціальное письмо, которымъ мать моя разрѣшаетъ мнѣ увѣдомить его о дозволеніи мнѣ вступить съ нимъ въ бракъ, лишь бы онъ самъ пріѣхалъ въ Кіевъ, а въ своемъ секретномъ письмѣ я умоляла его оставить разговоръ о болѣзни, не писать о ней матери и какъ только Государь разрѣшитъ — пріѣхать. Сестра моя, видя мое отчаянное состояніе при полученіи отвѣтовъ отъ Николая Ивановича, ничего иного не заключающихъ, какъ только отказъ пріѣхать, отказъ грустный, мотивированный все тою же неизлечимою болѣзнью,— писала сама Николаю Ивановичу, пытаясь разсѣять его безнадежность и побудить пріѣхать. Ничто не помогло. Николай Ивановичъ стоялъ на своемъ: нечестно такому больному, неспособному къ супружеской жизни человѣку вступать въ бракъ съ молодой дѣвушкой, не имѣющей понятія о томъ, какую петлю готова она надѣть на себя по своему невѣдѣнію и великодушію. Какъ послѣднее для себя усиліе, онъ желаетъ воспользоваться отпускомъ, но не для пріѣзда въ Кіевъ, а для поѣздки въ Умань для леченія по методѣ Присница, и лишь для того, чтобы испробовать послѣднее средство — правильное водолеченіе.

Наконецъ, получивъ мое оффиціальное письмо, писанное подъ диктовку моей матери, Николай Ивановичъ, не взирая на мои мольбы, счелъ своимъ долгомъ сообщить моей матери письменно и помимо моего вѣдома, что онъ боленъ и прежде, нежели пріѣхать въ Кіевъ, попытается полечиться въ Умани. Отъ исхода леченія будетъ зависѣть и его судьба.

Взвѣшивая тогдашнее положеніе вещей теперешнимъ ихъ пониманіемъ, для меня ясно, что полученіе такого письма могло вызвать у каждой матери сознаніе долга употребить всѣ усилія, чтобы разлучить свою дочь съ больнымъ женихомъ навсегда. Понятнымъ становится и то, что для достиженія этого *всѣ* мѣры казались моей матери дозволенными — и ей удалось устроить такое разъединеніе, воспользовавшись моимъ къ ней довѣріемъ и тою благоговѣйною почтительностью, которая внушена была мнѣ воспитаніемъ къ сану матери. Случилось это такъ:

Мать моя строго приказала мнѣ и сестрѣ моей не говорить никому изъ знакомыхъ о ея дозволеніи мнѣ сочетаться бракомъ съ Николаемъ Ивановичемъ и объ ожидаемомъ скоромъ его пріѣздѣ. „Пусть — говорила мать — общество, въ которомъ я живу и остаюсь жить, не вѣдаетъ о моей скорби и о моемъ униженіи до послѣдняго дня: пріѣдетъ этотъ, обожаемый тобою, „получеловѣкъ“ — сейчасъ потихоньку вѣнчайтесь и убирайтесь въ ссылочный городъ, за 2.000 верстъ отъ твоей старухи-матери, а то и забирайте съ собою сестрицу (мою), такъ горячо потакающую твоему безумію, что послѣ твоего отъѣзда мнѣ глядѣть на устроительницу печальной судьбы твоей будетъ невыносимо тяжело“.

Такъ мы и жили съ матерью, скрывая другъ отъ друга (какъ то оказалось впослѣдствіи) все, что для каждой изъ насъ представлялось необходимымъ: я — чтобы достигнуть соединенія съ Николаемъ Ивановичемъ, мать моя — чтобы разлучить насъ. Съ трепетомъ поджидала я появленія М. И. Стемпковской: какую вѣсть принесетъ мнѣ новое, полученное черезъ нее письмо Николая Ивановича. Письма все нѣтъ. Думала — напишетъ изъ Умани. Какъ вдругъ однажды, при происходившемъ у насъ утреннемъ пріемѣ визитовъ, вошелъ жандармскій офицеръ... Мать моя поспѣшила пригласить его въ кабинетъ; сердце у меня забилось такъ сильно, что я принуждена была выйти изъ гостиной въ свою комнату, чтобы скрыть свое невольное смущеніе. Я поняла, что появленіе жандарма имѣетъ соотношеніе съ моимъ дѣломъ, догадывалась, что генералъ Дуббельтъ извѣщаетъ мою мать объ испрашиваемомъ мною отпускѣ для Николая Ивановича. Въ головѣ моей помутилось, въ глазахъ пошли круги; обморокъ былъ близокъ. Въ это время вошла ко мнѣ мать и упавшимъ отъ волненія голосомъ проговорила: „Костомаровъ ходатайствуетъ объ отпускѣ въ Кіевъ для бракосочетанія съ тобой. Правительство, прежде нежели отпустить его, желаетъ имѣть свѣдѣнія, согласны ли на это мы съ тобой, и требуются отъ насъ подписки. Я подписала, подпиши и ты вотъ здѣсь“. Мать очень нервно сунуло мнѣ перо въ руку и указала мѣсто для подписи. Ничего не видя передъ собой, кромѣ указательнаго пальца матери, я маши-

нально исполнила приказаніе и подписала, а волненіе мое все усиливалось въ ожиданіи бури, которую предстояло вынести послѣ отъѣзда жандарма и всѣхъ нашихъ гостей. Я догадывалась, что правительство объявило моей матери о моемъ тайномъ ходатайствѣ отпуска для Николая Ивановича и запрашивало о ея согласіи на мой бракъ.

Мысль, что теперь уже не можетъ быть сомнѣнія въ близости времени свиданія съ Николаемъ Ивановичемъ и нашего бракосочетанія, подбадривала меня, и я твердо рѣшилась не входить болѣе съ матерью ни въ какія пререканія, молчать и стараться успокоить ее всевозможными проявленіями моихъ ласкъ и почтенія къ ней. Теперь, думалось мнѣ, уже не можетъ быть со стороны моей матери ни запрета, ни колебаній: послана въ Петербургъ подписка моей матери и моя о согласіи на бракъ мой съ Николаемъ Ивановичемъ.

Къ изумленію моему, мать ни единымъ словомъ не отозвалась ко мнѣ послѣ отъѣзда нашихъ гостей, но была серьезна и казалась нездоровой, вслѣдствіе чего не выходила и не выѣзжала изъ дому. Для меня не было никакой возможности ни писать Николаю Ивановичу, ни передать надежному лицу мое письмо для сдачи на почту. Такъ проходили томительные дни, пока, наконецъ, одна близкая знакомая наша, пожилая особа, явилась къ намъ и упросила мою мать отпустить меня погостить у нея въ деревнѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Кіева. Это была та самая Софья Карловна Каленіусъ, у которой хранилась книга Ѳомы Кемпійскаго, подаренная мнѣ Николаемъ Ивановичемъ. Милая и добрая Софья Карловна питала ко мнѣ какое-то обожаніе, раздѣляла мое желаніе сохранить эту книгу, какъ дорогую памятку, но самымъ дружескимъ образомъ непрестанно внушала мнѣ, что, если я выйду за Николая Ивановича, неизлечимо больного и лишеннаго своей ученой дѣятельности, то погибну прежде него и даже очень скоро, такъ какъ здоровье мое упало, и докторъ профес. Цицуринъ сравниваетъ меня съ весьма тонкимъ хрустальнымъ сосудомъ, требующимъ бережливаго обращенія; притомъ характеры Николая Ивановича и его матери не таковы, чтобы они могли понять хрупкость моего организма и съумѣть сберечь

меня. Она снисходительно выслушивала меня, но не соглашалась быть посредницей для корреспонденціи моей съ Николаемъ Ивановичемъ. Слезы выступали у нея на глазахъ, и она говорила: „Алина, другъ мой! прости меня, но я *не могу* способствовать твоему самоубійству. Вернешься въ Кіевъ — напишешь, да и Богъ знаетъ напишешь ли, если поймешь, въ чемъ дѣло: нельзя же навязываться больному человѣку, осуждающему себя на безбрачіе. Понимаю, что дальнѣйшая жизнь твоя у матери невыносима для тебя, и въ особенности потому, что мать безъ ненависти не можетъ вспомнить о Николаѣ Ивановичѣ, а изъ-за тебя преслѣдуетъ и сестру твою. Но тебя ищутъ другіе, достойные люди, и мать страдаетъ, когда ты отказываешь каждому изъ нихъ: она сердечно желаетъ видѣть своихъ дочерей „пристроенными“. Обдумай, не лучше ли тебѣ разстаться съ матерью безъ проклятій съ ея стороны, не лучше ли тебѣ выйти замужъ, напримѣръ, за моего Мишеля? Онъ служитъ на Кавказѣ, но онъ побывалъ въ отпуску въ Кіевѣ, плѣненъ тобою — и если бы ты стала моей дочерью, какъ бы мы всѣ были счастливы!“ На мой протестъ и на мое заявленіе, что Michel слишкомъ молодъ и слишкомъ красивъ собой, чтобы за него шли „не влюбившись“ въ него, а я неспособна „влюбиться“, притомъ нервна и болѣзненна и потому не принесу счастья молодому мужу, моя добрая Софья Карловна возражала. Кончилось тѣмъ, что она предлагала мнѣ выйти, безъ всякой идеализаціи, за пожилого человѣка — Петра Ѳедоровича Пинкарнелли, который уже два года какъ ищетъ моей руки: „безусловно честенъ, всѣми уважаемъ, симпатиченъ, хорошо обезпеченъ родовымъ имѣніемъ, хорошо служитъ, полковникъ, ожидаетъ производства въ генералы, хотя далеко не достигъ еще пятидесяти лѣтъ, скроменъ и очень религіозенъ. Такой „партіей“ твоей и мать будетъ довольна, и ты будешь успокоена. Онъ не разъ просилъ меня узнать отъ тебя, не оскорбишься ли ты его предложеніемъ, такъ какъ ему извѣстны твои надежды на пріѣздъ Николая Ивановича“.

Я отвѣтила: „Душевно уважаю Петра Ѳедоровича, почему и прошу васъ, вмѣсто моего отвѣта, дать ему прочесть то, что написано моимъ женихомъ на принесенной мнѣ имъ

въ подарокъ книгѣ; я увѣрена, что по этой одной надписи Петръ Ѳедоровичъ оцѣнитъ моего жениха и пойметъ, что замѣнить его другимъ я не могу".— Надпись была прочтена, и добрый Пинкарнелли, вздохнувши, сказалъ моей старой подругѣ, что ему не равняться съ Николаемъ Ивановичемъ и онъ только позволяетъ себѣ остаться съ одинаковыми ко мнѣ чувствами безпредѣльной любви и уваженія.

Послѣ возвращенія моего въ Кіевъ изъ деревни, чуть ли не съ перваго дня мать моя прямо объявила мнѣ, что „Костомаровъ, какъ видно, не пріѣдетъ въ Кіевъ", и безъ обиняковъ заявила мнѣ требованіе выйти замужъ за другого. Меня возмутило такое насиліе. Протесты не помогли. Я сказала матери, что я и сестра моя уже пріискиваемъ себѣ службы въ институтѣ и потому просимъ ее отпустить насъ и тѣмъ успокоиться самой и намъ дать покой.

— А въ монастырь не желаете ли? Я не пущу васъ въ услуженіе ни за что: это для меня унизительно. Какъ непослушныхъ и непочтительныхъ дочерей, я упрячу васъ скорѣе въ монастырь, откуда ужъ не выйдете; лучше выходите замужъ — будете свободны, покойны и меня успокоите.

Несмотря на то, что моей сестрѣ было 21 годъ, а мнѣ 20, мы были по своему воспитанію такъ наивны, что и понятія не имѣли о человѣческихъ правахъ по достиженіи совершеннолѣтія по закону. Идти жаловаться на мать и кому?— такіе вопросы для насъ оставались неразрѣшимыми, да и самая мысль о нихъ казалась преступной...

Тутъ черезъ М. Ив. Стемпковскую я получила отъ Николая Ивановича письмо такого содержанія, которое мало что повергло меня въ отчаяніе, разбило всѣ надежды, но и глубоко оскорбило меня. Въ нѣсколькихъ сильныхъ строкахъ Николай Ивановичъ выразилъ, что я, ни на что не глядя, слишкомъ настойчиво тороплю его пріѣхать въ Кіевъ: ужъ не покинута ли я какимъ-либо другимъ женихомъ?!.. Убитая и оскорбленная такой выходкой, я невольно простилась съ Николаемъ Ивановичемъ навсегда — и хотя поняла, что такое подозрѣніе не могло возникнуть у Николая Ивановича, а внушено близкой особой, но я не могла поми-

риться съ безхарактерностью, допустившею жениха бросить незаслуженное оскорбленіе въ лицо своей невѣстѣ. Подъ гнетомъ душевной боли я додумалась, что заявить такое подозрѣніе можно только дѣвушкѣ, которую не уважаешь, а стало быть не любишь, но съ которою послѣ двухъ-трехъ лѣтъ разлуки соглашались вступить въ бракъ только въ силу сдѣланнаго въ оное время предложенія. Но тутъ надвигалась мысль, почему же Николай Ивановичъ такъ обрадовался въ Саратовѣ первому полученному отъ меня письму, послѣ двухъ лѣтъ разлуки? Если бы не любилъ, не обрадовался бы и не велъ бы со мной переписки въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ! Ясно: онъ написалъ мнѣ такую гадость подъ внушеніемъ... его вооружаютъ противъ меня заранѣе... готовится семейный адъ въ будущемъ! Я не рѣшилась написать Николаю Ивановичу о моей догадкѣ, чтобы не воздавать подозрѣніемъ за подозрѣніе, и отвѣтила только, что ищущіе моей руки не отвернулись отъ меня, и хотя въ ихъ числѣ есть достойнѣйшіе люди, но я замужъ не выйду. Такъ чувствовала и думала я въ то время. Судилось мнѣ иное!..

Писемъ отъ Николая Ивановича я болѣе не получала. Мать моя не упоминала о немъ, была здорова и покойна, а я расхворалась. Тяжело было переживать все здѣсь описанное.

М. И. Стемпковская, являясь къ намъ, выражала мнѣ (по секрету) соболѣзнованіе, что нѣтъ писемъ изъ Саратова и что вѣроятно ихъ гдѣ-нибудь перехватываютъ. Вскорѣ она и совсѣмъ перестала бывать у насъ.

Описывать дальнѣйшее теченіе моей жизни въ материнскомъ домѣ нѣтъ силъ. У кого будетъ желаніе и терпѣніе прочесть 33 моихъ письма, посланныхъ въ Саратовъ и сбереженныхъ Николаемъ Ивановичемъ до конца его дней, тому станетъ понятною нравственная пытка, поведшая меня, по указанію моей матери, подъ вѣнецъ съ прекраснымъ, но почти неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ.

Изъ числа лицъ, искавшихъ въ то время моей руки, Петръ Ѳедоровичъ Пинкарнелли былъ устраненъ моею матерью по ея личнымъ видамъ, а въ избранномъ ею для

меня Маркѣ Дмитріевичѣ Кисель она обрѣла неуклоннаго исполнителя ея главнаго желанія — найти въ мужѣ моемъ покровителя остающейся въ дѣвицахъ сестрѣ моей Стефаніи. П. Ѳ. Пинкарнелли находилъ ее несимпатичной и имѣлъ неосторожность выразиться, что третье лицо никогда не желательно въ домѣ новобрачныхъ. За то онъ и потерялъ меня по волѣ моей матери.

Я не удержалась, чтобы не проститься съ Николаемъ Ивановичемъ письменно. Кратко и безъ упрековъ я написала ему, что послѣ всего происшедшаго и въ силу обстоятельствъ я нашлась вынужденною отдать свою судьбу на волю моей матери. По этой волѣ я на-дняхъ буду обвѣнчана съ человѣкомъ, ею избраннымъ мнѣ въ мужья. Николаю Ивановичу я пожелала здоровья и возможнаго счастья. Отвѣтное письмо его, переданное мнѣ уже послѣ моего вѣнчанья Стемпковскою, было проникнуто глубокою скорбью. Оно жгло мнѣ душу... Приложивши его къ наболѣвшей груди, я опустилась на колѣни передъ кивотомъ съ иконами, безмолвно молилась, съ закрытыми глазами, а когда опомнилась, то встала и поднесла письмо Николая Ивановича къ лампадкѣ, горѣвшей у моихъ иконъ... „Все кончено!“ — твердила я — „все кончено!“

О моемъ вѣнчаніи могу сказать только то, что мать моя приняла всѣ мѣры, чтобы не произошло какого-либо замѣшательства, могущаго открыть нравственное надо мной насиліе. Такъ, священникъ меня не спросилъ: не обѣщалась ли я кому-либо другому и по доброй ли волѣ вѣнчаюсь. Везла меня къ вѣнцу моя добрая Софья Карловна Каленіусъ, и во время этой поѣздки почему-то спросила меня: „Скажи, что должна я сдѣлать съ твоей книгой, отданной мнѣ тобою на храненіе?“ Я отвѣтила: „Отдадите мнѣ ее тогда, когда будете убѣждены, что я могу спокойно глядѣть на нее“. — Это было 11 ноября 1851 года.

Итакъ, главными дѣятелями для достиженія разлуки моей съ Николаемъ Ивановичемъ были: самъ Николай Ивановичъ, считавшій въ оное время долгомъ чести извѣстить мою мать о своей мнимонеизлечимой болѣзни, при которой не слѣдуетъ вступать въ бракъ, — и двѣ наши матери, обѣ

горячо любившія своихъ дѣтей и считавшія своимъ материнскимъ правомъ устраивать ихъ счастье и разстраивать ихъ браки сообразно своимъ воззрѣніямъ.

Черезъ недѣлю послѣ моей свадьбы мать моя привезла ко мнѣ сестру мою для постояннаго при мнѣ жительства. Сестра сопровождала насъ повсюду, куда приходилось переѣзжать по дѣламъ военной службы моего мужа. Меня утѣшало сознаніе, что страданіе моей сестры изъ-за меня прекратились. Маркъ Дмитріевичъ относился къ ней какъ добрый старшій братъ. Отъ насъ она вышла замужъ въ 1856-мъ году.

Я прожила съ М. Д. Кисель 19-ть лѣтъ. Онъ уважалъ мои чувства по отношенію къ Николаю Ивановичу и никогда не трогалъ больного мѣста души моей, т. е. не упоминалъ о моемъ прошломъ. Въ 1860-мъ году я лечилась въ Кіевѣ, въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ, отъ тяжкой болѣзни. Когда выздоровленіе шло замѣтнымъ образомъ, врачи предписали мнѣ прогулку, сначала въ экипажѣ, затѣмъ пѣшкомъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я зашла въ магазинъ гдѣ были выставлены портреты Николая Ивановича и купила одинъ изъ нихъ. Зиму съ 1862 по 63 годъ мы проводили въ Кіевѣ, гдѣ я вновь была подъ наблюденіемъ врачей. Одна изъ посѣщавшихъ меня знакомыхъ спросила меня, извѣстно ли мнѣ, что въ кіевскихъ книжныхъ магазинахъ выставлена книжечка — новое сочиненіе Николая Ивановича, посвященное мнѣ. Когда я отвѣтила, что поспѣшу пріобрѣсти эту книжку, мужъ мой тотчасъ поѣхалъ въ магазинъ и привезъ мнѣ ее. Это была драма „Кремуцій Кордъ“. На второмъ заглавномъ листкѣ я прочла дорогое для меня свидѣтельство, что не смотря на 15 лѣтъ, протекшихъ со времени нашей разлуки, Николай Ивановичъ сохранилъ обо мнѣ добрую память. Вотъ то посвященіе: „Посвящается незабвенной А. Л. К. на память. 14-го іюня 1847-го года.

Это день послѣдняго нашего свиданія. Оно произошло въ Петропавловской крѣпости, въ пріемной коменданта И. Н. Скобелева. Впереди текста драмы „Кремуцій Кордъ“ имѣется эпиграфъ изъ поэмы Мицкевича „Konrad Walenrod“:

Lecz dotad w mojem zachowalas lonie
Tez same oczy, twarz, postawe, szaty:
Tak motyl piekny, gdy w bursztyn utonie,
Na wieki cala zachowuje postac... *).

Зиму съ 1864 на 1865 годъ мы съ мужемъ провели въ Петербургѣ. Мнѣ случилось встрѣтиться съ Николаемъ Ивановичемъ на тротуарѣ Невскаго проспекта. Съ трудомъ я узнала его, да и то больше по походкѣ и по крайней оригинальности зимней шапки, изъ-подъ мѣховой опушки которой блестѣли золотые очки. Онъ, конечно, не только не узналъ меня, по причинѣ своей близорукости, но и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что я остановилась поровнявшись съ нимъ. Я стояла и глядѣла ему вслѣдъ, пока другіе пѣшеходы не заслонили его отъ моихъ глазъ. Прійдя въ свое помѣщеніе, я разсказала мужу о своей встрѣчѣ. Онъ, отвѣтилъ, что Николаю Ивановичу было бы отрадно, если бы я его окликнула, и онъ не отказался бы посѣтить меня. Я возразила: „Зачѣмъ бередить старыя раны! Если бы я узнала, что онъ не имѣетъ своей семьи или женатъ, но невполнѣ счастливъ, то и ему и мнѣ было бы очень тяжело. Нѣтъ! я не хочу и не могу говорить съ нимъ. Я поглядѣла на него, какъ на дорогой моей душѣ памятникъ прошлаго, и... конецъ!“

Въ 1870-мъ году добрый и до послѣдняго своего вздоха обожавшій меня мужъ мой скончался. Изъ троихъ, бывшихъ тогда въ живыхъ, дѣтей нашихъ старшему было всего 15 лѣтъ, младшей дѣвочкѣ — 8 лѣтъ. Похоронивъ мужа въ Кіевѣ рядомъ съ незабвеннымъ вотчимомъ моимъ, я возвратилась въ село Дѣдовцы, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ родовое имѣніе мужа, гдѣ мы проживали съ весны 1865 г., по причинѣ неизлечимой болѣзни его. Много непосильныхъ заботъ лежало на моихъ плечахъ; особенно тяготила меня тяжба съ сонаслѣдниками мужа за имуще-

*) До сей поры въ груди ты сохранилъ моей
Все тѣ-жъ: глаза, лицо, осанку, одѣянье.
Такъ чудный мотылекъ, застывшій въ янтарѣ,
Наружность вѣкъ хранитъ роскошнаго созданья.
По переводу В. Г. Бенедиктова.— *В. К.*

ство, оставшееся послѣ его дяди. Право на отысканіе имущества было передано мнѣ мужемъ при его жизни по „улиточной“ записи *), и я обязана была довести до конца дѣло, начатое въ 1857-мъ году. Если хватитъ у меня времени, я опишу эту, чуть не двадцатилѣтнюю процедуру отысканія наслѣдства и тотъ дневной и безпрепятственный грабежъ, которому подвергалось отысканное судебнымъ порядкомъ, но еще не выдѣленное мнѣ родовое имѣніе. Николай Ивановичъ впослѣдствіи просилъ меня описать этотъ разгромъ, какъ весьма характерное свидѣтельство нравовъ того времени и беззащитности имуществъ, не смотря на „судъ правый, скорый и милостивый“ **).

Годы моего вдовства 1870 — 1874, я посвятила исключительно веденію хозяйства въ деревнѣ и заботамъ о судебномъ выдѣлѣ слѣдуемой мнѣ части отыскиваемаго имущества. Дѣти мои воспитывались въ Кіевѣ и пріѣзжали ко мнѣ, вмѣстѣ съ моей матерью, на лѣто въ Дѣдовцы. Въ 1872-мъ году ближайшій мой сосѣдъ и мужъ моей дорогой сосѣдки въ Дѣдовцахъ М. П. Совченко, навѣщая меня вмѣстѣ съ женой ежедневно, какъ-то полушутя, изъ желанія развлечь меня и посмѣшить, сказалъ мнѣ, что его „просили“ двое изъ землевладѣльцевъ Прилукскаго уѣзда помочь имъ чаще видѣться со мною, въ виду того, что я живу затворницей, нигдѣ не бываю и никого, кромѣ своего сельскаго

*) Особый, допускаемый закономъ только въ губерніяхъ малороссійскихъ (Полтавской и Черниговской) актъ, которымъ соучастникъ общаго владѣнія или наслѣдства можетъ передать свое право другому лицу.—*В. К.*

**) Сколько мнѣ извѣстно А. Л. не удалось осуществять это ея намѣреніе и исполнить желаніе Николая Ивановича. Сожительство съ Николаемъ Ивановичемъ поглощало все время и силы А. Л. на заботы о здоровьѣ надломленнаго организма Николая Ивановича и на весьма дѣятельное сотрудничество въ его литературныхъ трудахъ. Послѣ смерти Николая Ивановича и затѣмъ послѣ потери весьма любимой ею дочери здоровье А. Л., въ особенности состояніе зрѣнія, настолько стало ухудшаться, что ей приходилось особенно экономить силы и время, чтобы исполнить безусловно необходимое, которымъ она считала личное корректированіе повторныхъ изданій сочиненій Николая Ивановича и составленіе публикуемыхъ здѣсь записокъ ея. Въ послѣдніе годы А. Л. работала только однимъ глазомъ и для сохраненія его должна была очень остерегаться его напряженія. Диктовать же работу кому-либо она не могла.— *В. К.*

„батюшки“ и добрыхъ сосѣдей Совченковыхъ, не принимаю. На такое сообщеніе я отвѣтила, что подобныя шутки не вызываютъ смѣха у меня, а несдержанный языкъ хорошаго знакомаго мужа моей дорогой „Маріули“ болталъ: „хорошіе прекрасные женихи у нашей „Худобки“ *) — вдовцы, оба съ хорошимъ состояніемъ и по всему достойные“. „Да пусть и достойнѣйшіе, но я, кажется, не заслуживаю отъ васъ такого обо мнѣ сужденія, что въ 42 года жизни, при троихъ дѣтяхъ и при всемъ моемъ прошломъ, я способна думать о новомъ бракѣ“.

„Голубочко! не обижайтесь на Александра,— сказала жена его, моя Маріуля:— онъ не хотѣлъ сказать вамъ непріятность,— ну, а относительно брака, развѣ бы вы не приняли его, если бы явился съ такимъ предложеніемъ къ вамъ Н. И. Костомаровъ.

— Это иной вопросъ!— возразила я:— не знаю, не знаю, да зачѣмъ и думать о томъ, что невозможно!

Прошло мѣсяца два послѣ этого разговора съ сосѣдями. Я бывала у нихъ по воскресеніямъ. Наши сады были смежны, и калитка вела изъ одного въ другой. Я застала у сосѣдей одного изъ болѣе дальнихъ сосѣдей, недавно окончившаго курсъ Кіевскаго университета и только-что пріѣхавшаго изъ Кіева. Между прочимъ, онъ разсказалъ о самой крупной кіевской новости: „былъ въ Кіевѣ нѣсколько дней Костомаровъ проѣздомъ въ Екатеринославъ, но какъ теперь въ Кіевѣ холера, то Николай Ивановичъ, прихворнувшій нѣсколько желудкомъ, поспѣшилъ покинуть Кіевъ“.

— Счастливъ я,— сказалъ молодой человѣкъ,— что видѣлъ Костомарова и бесѣдовалъ съ нимъ. Старикъ онъ, сѣдой, беззубый, а энергіи масса. Изъ Кіева мы всѣ, его почитатели, проводили на вокзалъ: онъ уѣхалъ въ Екатеринославъ и оттуда въ Крымъ для морского купанья. Въ іюлѣ 1874-го года, т.-е. черезъ два года, онъ проведетъ въ Кіевѣ больше мѣсяца, т.-е. все время занятій археологическаго съѣзда.

---

*) Худоба по-малороссійски означаетъ имущество, но какъ я по худобѣ своего тѣла казалась очень изнуренной, то сосѣдъ въ одномъ выраженіи „худобка“ совмѣщалъ и кличку для меня.

Для меня это была дѣйствительно самая свѣжая вѣсть о Николаѣ Ивановичѣ. О его жизни въ Петербургѣ я ничего не знала, да и спрашивать было не у кого.

Въ зиму съ 1872 на 73-й годъ я была удручена разгромомъ той части моего имущества, о выдѣлѣ которой судебнымъ порядкомъ сталъ ходатайствовать въ Полтавѣ опытный и очень свѣдущій присяжный повѣренный Квачевскій. Тутъ же подкралась ко мнѣ и болѣзнь. Я ѣздила въ Кіевъ на Рождественскіе праздники, чтобы провести ихъ съ дѣтьми и вмѣстѣ съ тѣмъ полечиться. Лучшіе кіевскіе врачи нашли мои недуги настолько серьезными, что запретили мнѣ заниматься хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что и двигаться я рѣшительно не могла, а только лежала или сидѣла въ креслѣ. Поэтому мнѣ пришлось сдать свои маленькіе Дѣдовцы въ аренду. Почти все лѣто 1873-го года я плохо владѣла ногами, больше лежала и ожидала окончанія каникулъ, чтобы везти дѣтей въ учебныя заведенія въ Кіевъ и тамъ остаться въ квартирѣ моей матери для болѣе продолжительнаго леченія у кіевскихъ врачей. Нервы мои были въ такомъ крайне разстроенномъ состояніи, что я стала уже бояться за свою жизнь, а она была тогда нужна моимъ дѣтямъ.

IV.

Мать моя, проводившая всегда лѣто въ Дѣдовцахъ, любя общество и развлеченія, часто ѣздила къ нашимъ общимъ друзьямъ Тарновскимъ (въ ихъ пышную Качеповку, отстоящую въ 30-ти верстахъ отъ Дѣдовецъ) и брала туда съ собой для развлеченія старшую мою дочь, 15-ти лѣтнюю Юлію. Онѣ уѣхали туда въ половинѣ іюля. Я просила мать возвратиться съ моей дѣвочкой въ Дѣдовцы, какъ только я пришлю за ними экипажъ.

Моей Юліи оставался всего одинъ годъ до окончанія курса въ кіевскомъ институтѣ; ее уволили на каникулы только потому, что въ Кіевѣ въ то лѣто была холера и начальство заблагоразсудило распустить на каникулы всѣхъ воспитанницъ, не исключая и тѣхъ, которыя были „на выпускѣ“ и обыкновенно оставались въ институтѣ для вящей подготовки къ выпуску. Младшей дочери, Софіи, которой было около одиннадцати лѣтъ, предстояло держать вступи-

тельный экзаменъ въ кіевскій институтъ, куда я имѣла намѣреніе помѣстить ее, такъ какъ на поданное мною прошеніе о принятіи ея на казенный счетъ я не получила никакого отвѣта изъ Петербурга отъ принца Ольденбургскаго, управлявшаго тогда IV-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріей и завѣдывавшаго институтами имперіи.

Время для вступительнаго экзамена моей Сонюты было назначено на 8—9-ое августа. Ближайшая къ Дѣдовцамъ желѣзно-дорожная станція была въ 70-ти верстахъ. Это былъ гор. Нѣжинъ. Я послала въ Каченовку экипажъ 1-го августа, желая, чтобы 2-ое число, день рожденія моей матери, она провела со мной и съ внучатами; притомъ для матери и для моей юной Юліи требовался отдыхъ послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Каченовкѣ, гдѣ всегда бывали массы гостей и шумныя развлеченія.

Въ запискѣ къ матери я просила не опаздывать, и моя просьба была исполнена: поздно вечеромъ 1-го августа бабушка и внучка возвратились въ Дѣдовцы. Мы стали собираться къ отъѣзду въ Кіевъ. 4-го августа назначенъ былъ отъѣздъ мой съ дѣтьми изъ Дѣдовецъ въ Нѣжинъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда съ ночнымъ поѣздомъ попасть въ Кіевъ рано утромъ 5-го числа; 6-е число назначалось для отдыха и совѣта съ врачами, 7-го справка въ институтѣ, въ которомъ часу 8-го явиться въ институтъ съ вступающею туда моей дѣвочкой.

Съ разсвѣтомъ 4-го августа я стала будить своихъ дѣвочекъ, такъ какъ при поѣздкѣ 70-ти верстъ на долгихъ, съ кормленіемъ лошадей на полупути и съ моими недугами едва къ вечеру можно было доплестись въ Нѣжинъ, выѣхавъ очень рано утромъ. Не хотѣлось моимъ дочкамъ вставать такъ рано: едва отзовутся на мой окликъ — и опять спятъ! Я и порѣшила заинтересовать ихъ моимъ замѣчательнымъ сновидѣніемъ.

— Вставайте же, дѣтки, а разскажу вамъ очень интересный сегодняшній сонъ мой!

— А, ну, разсказывай, мамуля! — привставши на своихъ постеляхъ, говорили дѣвочки, протирая свои глаза

— Я видѣла, что мы пріѣхали въ Кіевъ и тамъ, въ квартиру бабушки, явилась ко мнѣ какая-то госпожа въ шляпкѣ

съ цвѣтами и перьями, но не успѣла она посторониться, какъ явился Костомаровъ...

— А! Костомаровъ! Разсказывай дальше, мама!

И обѣ дѣвочки мои окончательно проснулись. Онѣ знали отъ меня о несбывшемся нашемъ съ нимъ соединеніи, видѣли его сочиненія и карточки, слышали о немъ.

— Вотъ вошелъ Костомаровъ, старый и сѣдой, какъ разсказывалъ о немъ въ прошломъ году Троцкій,— былъ очень тронутъ нежданной встрѣчей со мной, а затѣмъ я спросила его,— здорова ли его матушка, и онъ отвѣтилъ: „здорова, славу Богу!“

— Ну, что же дальше, мамуля, разсказывай!

— Ничего дальше не было, потому что я проснулась. Нужно вставать и въ путь!

Около 7-ми часовъ утра мы простились съ моею матерью и уѣхали. Мать оставалась у меня въ Дѣдовцахъ, желая подольше пользоваться лѣтнимъ деревенскимъ воздухомъ. Она возвращалась въ Кіевъ обыкновенно около 1-го октября.

Мы пріѣхали въ Кіевъ утромъ 5-го августа. По пути съ вокзала старшая дочь моя, увидѣвши, что я раскланиваюсь съ одной изъ моихъ знакомыхъ, сказала, что ужъ не эту ли госпожу я видѣла во снѣ въ послѣднюю ночь въ Дѣдовцахъ: вѣдь и у этой дамы на шляпкѣ цвѣты и перья. Я отвѣтила, что не надо придавать значенія сновидѣніямъ, притомъ же то была незнакомая мнѣ госпожа, а эту я хорошо знаю и помню.

Мы пріѣхали въ квартиру моей матери (на Фундуклеевской улицѣ, въ д. діакона Протопопова); насъ встрѣтила старая слуга матери, быстро изготовила самоваръ и напоила чаемъ. Кто-то сильно позвонилъ въ колокольчикъ у подъѣзда. Лизавета пошла открывать дверь, а я кое-какъ добрела до выходной галлереи, любопытствуя узнать, кто бы могъ явиться такъ рано въ квартиру отсутствующей хозяйки. Я увидала входящую незнакомую „госпожу въ шляпѣ съ цвѣтами и перьями“ и не успѣла осмотрѣться, какъ эта вошедшая воскликнула: „сестра! Алиночка! ты не узнаешь меня!“

Только по голосу ея я узнала сестру, съ которой не видалась 12 лѣтъ и которая, также по причинѣ болѣзней,

страшно измѣнилась въ лицѣ. Мы обѣ много пережили и утратили силы и здоровье раньше времени...

Обѣ мы были очень тронуты. Она проживала съ своей семьей въ Москвѣ и теперь, направляясь въ Севастополь для морскихъ ваннъ, заѣхала въ Кіевъ повидаться съ матерью и со мною. Желая подкрѣпить силы сестры завтракомъ, я послала Лизавету принести его изъ сосѣдней гостинницы. Лишь только мы усѣлись за завтракъ, какъ новый и болѣе энергичный звонокъ заставилъ меня вздрогнуть. Лизавета пошла открыть дверь и черезъ нѣсколько минутъ вошла къ намъ и подала мнѣ письмо. Я взволновалась. Почеркъ адреса былъ незнакомый. Сама не знаю почему, я не вскрывала письма и распрашивала Лизавету — кто подалъ письмо и отъ кого?

— Не знаю отъ кого — былъ отвѣтъ, — а подалъ его баринъ высокій, плотный, чернявый, въ очкахъ, спросилъ, пріѣхали ли вы изъ деревни и когда.

Я вскрыла странное письмо и, посмотрѣвъ на неразборчивую подпись, сказала сестрѣ и дѣтямъ, что, когда узнаю суть письма, тогда и догадаюсь о его авторѣ. Читаю громко: „Случайно я услыхалъ о Васъ. Мы были когда-то очень близки другъ другу“... Я изумилась и, шутя, обратилась къ моимъ дѣтямъ съ вопросомъ: „Къ кому это была я такъ близка? Дѣти въ одинъ голосъ отвѣтили: „Это, мамочка, пишетъ никто другой, какъ Костомаровъ! Читай дальше! Посмотри еще разъ подпись! Разумѣется, Костомаровъ! Читай, читай, мама!“

Волненіе охватило меня — и я не въ силахъ была уже читать вслухъ, а, прочтя письмо про себя, отдала его дѣтямъ. Мигомъ онѣ прочли его и заговорили: „Мама, нуженъ отвѣтъ! Пиши сейчасъ! Вотъ здѣсь у бабушки въ письменномъ столѣ всегда есть бумага, вотъ перо и чернила! Пиши!“

— Я сейчасъ отвезу письмо твое по указанному адресу — прибавилъ мой сынъ, которому тогда было 17 лѣтъ.

Да, это дѣйствительно было письмо Николая Ивановича! Онъ писалъ: „Случайно я услыхалъ объ Васъ. Мы были когда-то очень близки другъ другу, тому уже болѣе 26-ти лѣтъ назадъ. Горькая судьба насъ разлучила. Но ни Вы не были виновны противъ меня, ни я противъ Васъ. Мы мо-

жемъ встрѣтиться въ этомъ мірѣ, хотя уже въ старости, безъ малѣйшихъ упрековъ другъ другу за прожитое, съ полнымъ уваженіемъ другъ къ другу. Я уѣзжаю изъ Кіева, гдѣ былъ недолго. Если Вы, вспомнивши Вашу молодость, нашли бы для себя непротивнымъ повидаться со мною, то я Вамъ скажу, что для меня это было бы величайшимъ удовольствіемъ, и въ такомъ случаѣ напишите ко мнѣ двѣ три строки, а письмо адресуйте въ Кіевъ, на углу Жилянской и Кузнечной улицъ, профессору университета Владиміру Вонифатіевичу Антоновичу съ передачею Николаю Ивановичу Костомарову, до 8-го августа, а послѣ 8-го августа — въ С.-Петербургъ, Вас. Островъ, IX линія, д. № 4, кв. № 5. Глубокоуважающій Васъ Николай Костомаровъ. Августа 4-го. 1873 г. Кіевъ".

Я отвѣтила, что душевно рада повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ и прошу его пріѣхать къ вечернему чаю, такъ какъ я не совсѣмъ здорова, очень утомлена отъ переѣзда изъ деревни и мнѣ нуженъ отдыхъ. Мой сынъ отвезъ это письмо въ квартиру В. В. Антоновича, но не засталъ никого дома и отдалъ письмо прислугѣ.

Вечеромъ стали мы поджидать дорогого гостя. Выпили чай, смерклось, а Ник. Ив. все нѣтъ. Думалось — не получилъ еще моей отвѣтной записки... Вдругъ, около 9-ти часовъ вечера звонокъ. Быстро входитъ Н. И. Плохо владѣя ногой, я съ трудомъ двинулась ему на встрѣчу и дружески протянула руку. Никол. Ив. буквально припалъ къ моей рукѣ, и плакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ. Мои дѣти такъ были тронуты, что поторопились уйти въ другую комнату, чтобы скрыть свое волненіе и слезы. Видъ потрясеннаго дорогого старика и грусть о прошломъ налегли на меня тяжелымъ гнетомъ: сжались сердце и грудь, но я не проронила ни слезинки и только упавшимъ голосомъ сказала Николаю Ивановичу, усаживая его въ кресло: „Что дѣлать! Жизнь ушла! Никакими слезами не вернешь прошлаго!"

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Мы созерцали другъ друга. Оправившись немного отъ волненія, Н. И. сказалъ:

— Твои дѣти ушли отсюда; познакомь меня съ ними.

Всѣ трое вошли и усѣлись возлѣ насъ. Никол. Ив. пристально всматривался въ нихъ.

— Какъ ихъ зовутъ, какъ по отчеству, сколько лѣтъ каждому изъ нихъ — были вопросы. Младшую дочь мою, Соню, Н. И. привлекъ къ себѣ, но былъ очень ласковъ и съ другими моими дѣтьми.

Я спросила Н. И. о составѣ его семьи. Онъ отвѣтилъ, что у него не было ни жены, ни дѣтей; онъ одинокъ.

— А матушка ваша здорова? — спросила я, сама не знаю почему, прерывистымъ голосомъ, словно что-то обязывало меня задать такой вопросъ, который могъ и взволновать Ник. Ив., если бы матушки не было уже въ живыхъ.

Когда онъ отвѣтилъ мнѣ: „здорова, славу Богу!“, меня охватилъ нервный ознобъ — я дрожала какъ въ лихорадкѣ. Невольно мнѣ припомнилось, что и самый вопросъ о матушкѣ, и отвѣтъ Ник. Ив., и нежданная встрѣча моя того дня сначала съ сестрой, потомъ съ Н. И. — все это словно предсказано было мнѣ въ сновидѣніи, въ послѣднюю ночь въ Дѣдовцахъ. Я сказала дочерямъ: „я хочу успокоиться, а вы разскажите Никол. Ив. въ точности, какъ описаніемъ вамъ моего сна я заставила васъ встать рано, чтобы собираться въ путь“. Дѣвочки разсказали. Н. Ив. молчалъ.

Когда наше общее волненіе улеглось нѣсколько, мы вспомнили о чаѣ и пили его съ Н. И. въ 10 час., признавшись ему, что по деревенскому обычаю нашъ чай былъ сервированъ въ 7 час. и мы тогда поджидали его пріѣзда. Н. И. объяснилъ намъ, что пріѣхалъ къ 9-ти часамъ потому, что у петербуржца самое раннее время для вечерняго чая. „Притомъ,— говорилъ онъ,— днемъ я ѣздилъ по Кіеву, любуясь его мѣстоположеніемъ и удивляясь, какъ разросся и измѣнился городъ за четверть вѣка, а вечеромъ проѣхалъ въ университетъ, гдѣ происходило предварительное засѣданіе членовъ предстоящаго въ 1874-мъ году археологическаго съѣзда“. Среди чтенія программы проектировавшихся занятій съѣзда подали Ник. Ив. мою отвѣтную записку. Едва взглянувъ на конвертъ съ адресомъ моей руки, онъ быстро сталъ раскланиваться съ окружающими и, какъ многимъ уже было извѣстно, что онъ разыскиваетъ меня, то, узнавши объ этомъ, М. В. Юзефовичъ произнесъ: „Какое такое billet doux отвлекаетъ нашего историка отъ ученаго засѣданія“? Но... Н. И. было не до шутокъ и онъ поѣхалъ

ко мнѣ. Спокойное, благодушное настроеніе, замѣняя волненіе, понемногу овладѣло Никол. Ив. Онъ шутилъ съ моими дѣтьми, казался веселымъ. Прощаясь съ ними, перецѣловалъ ихъ, а обращаясь ко мнѣ, внезапно и громко произнесъ: „Пойдемъ завтра вѣнчаться, Алина Леонтьевна!“

Я невольно засмѣялась и отвѣтила:—Да вѣдь завтра 6-е августа—Преображеніе Господне и Успенскій постъ! Мнѣ нуженъ докторъ: куда мнѣ ужъ вѣнчаться!—Николай Ив. пытливо глядѣлъ мнѣ въ упоръ нѣсколько времени молча, потомъ сказалъ: „Ахъ, да! Я позабылъ. А прокатиться намъ завтра въ открытой коляскѣ можно? Погода превосходная“.

— Разумѣется можно, поѣдемъ.

По желанію Ник. Ив. мы ѣздили вечеромъ 6-го августа по городу и преимущественно по такимъ его частямъ, съ которыми у Ник. Ив. соединялись воспоминанія о давно минувшемъ времени; заѣхали въ лавру и тамъ сначала зашли въ церковь для поклоненія издревле чтимой чудотворной иконѣ Успенія Пресв. Богородицы,—потомъ прошли къ могиламъ Кочубея и Искры; тамъ Ник. Ив. прочиталъ эпитафіи. Затѣмъ мы поѣхали по другимъ частямъ города и къ 9-ти часамъ были уже дома, за чайнымъ столомъ, а на слѣдующій день простились надолго, такъ какъ литературныя дѣла требовали возвращенія Ник. Ив. въ Петербургъ. Оттуда, не медля, по своемъ пріѣздѣ онъ писалъ мнѣ (10-го августа 1873 г.): „Безцѣнная Алина Леонтьевна, мой незамѣнимый, вѣрный другъ, старый другъ, который лучше новыхъ ста двухъ!

„Я пріѣхалъ благополучно въ Питеръ и немедленно посылаю тебѣ мою карточку. Пришли мнѣ поскорѣе свою и своихъ дѣтей. О судьбѣ своего новаго сочиненія я не знаю, потому что оно отослано по напечатаніи въ цензуру (безъ меня его положили въ долгій ящикъ) лишь недавно, гдѣ, по закону, должно пробыть восемь дней.

Мнѣ, мой другъ, очень грустно: я нашелъ тебя, какъ будто для того, чтобы потерять снова. Если бы мы жили въ одномъ и томъ же городѣ, напр. я въ Кіевѣ, или ты въ Петербургѣ, я бы примирился съ печальною невозможностью соединиться съ тобою бракомъ: я бы, по крайней мѣрѣ, могъ часто видѣть тебя и быть тебѣ во всякое время полезнымъ,

но теперь, несмотря на желѣзныя дороги и телеграфы, все-таки насъ раздѣляетъ большое пространство. Бога ради, займись своимъ здоровьемъ, посовѣтуйся съ эскулапами основательно, дай имъ возможность осмотрѣть тебя такъ, чтобы они могли не гадательно, а научнымъ путемъ рѣшить вопросъ о будущемъ твоемъ здоровьѣ. Напиши мнѣ, пожалуйста, объ этомъ скоро. Тысячу разъ цѣлую тебя, моя вѣчно дорогая, незамѣнимая Алина, цѣлую милыхъ, прекрасныхъ дѣтей твоихъ.

Матушка моя усердно тебѣ кланяется.

Твой навсегда:

Н. Костомаровъ.

Августа 10, 1873.
СПБ. В. О., IX л., д. № 4, кв. 5".

Я привела цѣликомъ эти два первыхъ письма ко мнѣ Николая Ивановича, чтобы дать этимъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ душевномъ состояніи, въ которомъ онъ находился въ то время. Между нами возникла оживленная переписка. Если почему-либо Николаю Ивановичу казалось, что я не тороплюсь отвѣтомъ на его письмо, онъ спрашивалъ меня телеграммой: не ухудшилось ли состояніе моего здоровья и не пріѣхать ли ему въ Рождественскіе праздники навѣстить меня въ Дѣдовцахъ. Я отвѣчала, что дальняя поѣздка въ зимнюю пору неполезна ему, я же больше проживаю въ Кіевѣ для леченія и нахожусь на попеченіи моей матери, а Рождественскія святки обязательно проведу въ Кіевѣ съ моими дѣтьми, послѣ чего переѣду, въ половинѣ января, въ Дѣдовцы, гдѣ и буду ждать весны: тогда, во второй половинѣ апрѣля, буду поджидать пріѣзда ко мнѣ моего стараго друга, Николая Ивановича. Онъ отвѣчалъ, что вполнѣ подчиняется моей волѣ пріѣдетъ *непремѣнно* въ апрѣлѣ.

О моей неожиданной встрѣчѣ съ Н. И. я написала моей матери въ Дѣдовцы, гдѣ она, по обычаю, проживала до октября, когда находила деревню уже скучною, и переѣзжала въ Кіевъ на зиму. Мать моя отвѣтила мнѣ сдержано и выразила удовольствіе по поводу этой встрѣчи, но при свиданіи со мной не выдержала, чтобы не сказать мнѣ: „Что-жъ? почему же теперь ты за него не выходишь? Никто не по-

мѣшалъ бы вашему браку". Я отвѣтила:— Какой бракъ нуженъ старикамъ! Возможна дружба. При немъ есть старый другъ — его мать... у меня трое недорослыхъ дѣтей...

По возвращеніи въ Дѣдовцы я получила изъ прилукской почтовой конторы повѣстку на посылку. Это была книга „Imitation de Jésus Christ" Ѳомы Кемпійскаго, подаренная мнѣ Н. И. 26 лѣтъ тому назадъ. Ее прислала мнѣ дорогая моя старушка С. К. Каленіусъ, съ приложеніемъ такой записки: „Я дождалась времени, когда ты можешь взглянуть на сбереженную мною книгу безъ душевной боли — и возвращаю ее тебѣ". Ясно, что кто-то изъ кіевлянъ написалъ ей въ деревню о моей встрѣчѣ съ Н. И.

Продолжительное зимнее леченіе принесло мнѣ большую пользу. Я смѣло могла уже дѣлать поѣздки по моимъ дѣламъ и къ пріѣзду Николая Ивановича двинулась ему навстрѣчу въ экипажѣ до станціи „Нѣжинъ", куда онъ просилъ меня выслать лошадей для слѣдованія въ Дѣдовцы. Н. И. былъ очень тронутъ, увидѣвши меня при выходѣ своемъ изъ вагона. Изъ того, что я прокатилась 70 верстъ въ коляскѣ навстрѣчу старому другу, онъ заключилъ, что здоровье мое значительно улучшилось, и понялъ, что я дорожила временемъ, которое могла провести съ нимъ въ пути, который ему предстояло совершить въ одиночествѣ.

Мы поѣхали съ нимъ по большой почтовой дорогѣ. Воздухъ былъ дивный, и хотя путь отъ Нѣжина до нашего городка Прилуки и затѣмъ до Дѣдовецъ не представлялъ никакихъ особыхъ прелестей по мѣстоположенію, но весна, съ ея оживляющимъ вліяніемъ, способствовала радужному настроенію Н. И. Онъ радостно привѣтствовалъ попадавшихся намъ навстрѣчу поселянъ, съ восхищеніемъ глядѣлъ на производившія волами полевыя работы, закидывая меня вопросами о сельской жизни, о народныхъ обычаяхъ настоящаго времени.

Пріѣхали мы въ Дѣдовцы. Николай Ивановичъ, войдя въ домъ, увидѣлъ раскрытыя на балконъ двери и, выйдя на него, пришелъ въ восхищеніе отъ прелестнаго, открывшагося передъ нимъ вида.

Балконъ возвышался надъ обширнымъ цвѣтникомъ, дальше по уклону сада полоса низкорослыхъ деревьевъ и кустар-

никовъ, опушенныхъ едва развивающеюся свѣжею зеленью листвы и прикрывавшихъ собою только-что вспаханную пологую табачную плантацію, а за нею группа крестьянскихъ хатъ у подножья горъ, разрѣзанная кое-гдѣ оврагами. По склонамъ горъ зеленѣли лѣсныя заросли, а на вершинахъ вырисовывались на горизонтѣ то тамъ, то сямъ крылья малороссійскихъ вѣтряныхъ мельницъ.

Воздухъ оглашался пѣніемъ множества соловьевъ, а имъ какъ бы вторили мелодичныя пѣсни сельской молодежи, справлявшей на „улицѣ“ весенній праздникъ природы. Восторгъ Николая Ивановича не поддается моему описанію. Слезы блистали у него на глазахъ и, послѣ продолжительнаго молчанія, онъ сказалъ:

— Господи! Чуть не 30 лѣтъ я былъ лишенъ наслажденья, которымъ пользуюсь теперь, да еще у Алины!

Послѣ вечерняго чая Н. И. снова вышелъ на балконъ и любовался звѣзднымъ небомъ, снова восхищался пѣніемъ крестьянской молодежи и такъ до времени отхода ко сну, когда я, придя на балконъ, чтобы проститься съ нимъ, замѣтила, что, стоя въ раздумьи, онъ молится.

Я сказала ему: „Ты, попрежнему, набоженъ“...

— Храмъ здѣсь величественъ!— отвѣтилъ онъ, указывая на небесный сводъ, усѣянный звѣздами.

Цѣлый мѣсяцъ прогостилъ у меня Н. И. Было о чемъ побесѣдовать намъ послѣ 26-лѣтней разлуки... Добрая и дорогая сосѣдка моя Марья Петровна Совченко, женщина весьма развитая, пришлась по душѣ моему гостю и онъ держалъ себя въ ея обществѣ такъ, какъ будто былъ давно дружески знакомъ съ нею.

Все-таки были вопросы, которыхъ мы не касались при комъ бы то ни было. Главнѣйшимъ изъ нихъ было разъясненіе причинъ, доведшихъ насъ до разрыва въ давнее тяжкое время, когда судьбѣ угодно было разлучить насъ.

— Я очень успокоенъ тѣмъ, что, какъ ты говоришь, матушка твоя не пріѣдетъ сюда нынѣшнимъ лѣтомъ. Я не питаю вражды къ ней, но я не могъ бы отвѣчать за себя — и кто знаетъ, до какого душевнаго состоянія довела бы меня встрѣча съ нею! Иное дѣло встрѣча съ тобой, а иное — съ твоей матушкой. Если бы она привезла тебя ко мнѣ въ

Саратовъ, какъ я просилъ ее объ этомъ по прибытіи туда изъ годового моего заключенія въ Петропавловской крѣпости, она имѣла бы во мнѣ лучшаго своего друга до конца моихъ дней; но она не только не сдѣлала этого, не только медлила отвѣтомъ на мое письмо, въ которомъ я посылалъ ей банковый билетъ на сумму, необходимую для путешествія, а еще, возвращая мнѣ эти деньги, отвѣтъ свой преисполнила оскорбленіями, задѣвая и мать мою своими уколами по части ея мужицкаго происхожденія. Затѣмъ, могу ли забыть потерянную счастливую семейную жизнь! Простить можно и должно. Съ лѣтами я понялъ, что матушка твоя — настоящая дочь Рѣчи Посполитой, почему и не могла помириться съ мыслью отдать дочь за человѣка, о происхожденіи котораго заранѣе не справлялась, а потомъ узнала, что оно „низкое и срамное“, какъ она выражалась въ своихъ письмахъ ко мнѣ. Да! Я простилъ ей мое потерянное счастье, но забыть объ этомъ нельзя — и кажется мнѣ, что я имѣю право просить тебя не вынуждать меня встрѣчаться съ А. У.

Н. И. говорилъ это съ такимъ волненіемъ, что я поспѣшила успокоить его обѣщаніемъ не навязывать ему того, что бередитъ его сердце. Но разъ начавши рѣчь о своемъ происхожденіи, онъ призналъ за собой вину въ той непроницательности, по причинѣ которой онъ не составилъ себѣ понятія о мнѣніи моей матери относительно того, на чемъ должно было основываться семейное счастье ея дочери: ему слѣдовало прежде всего, при первомъ же знакомствѣ или даже при первомъ ея приглашеніи (въ Одессѣ) посѣщать насъ въ Кіевѣ, заявить ей, что дочери ея знакомы съ нимъ по пансіону, какъ съ наставникомъ, а разъ ихъ родители желаютъ принимать молодого человѣка, ихъ бывшаго учителя, въ своемъ домѣ, то, судя по кругозору хозяйки дома, этотъ учитель, почувствовавшій симпатію къ одной изъ ея дочерей, долженъ былъ еще въ Одессѣ же сказать ей, что онъ — служитель науки, адъюнктъ-профессоръ университета, коллежскій ассесоръ и дворянинъ *только* по своему чину. Наконецъ, испрашивая у нея руку дочери, онъ долженъ былъ повторить то же самое и даже съ добавленіемъ подробностей о своемъ происхожденіи. Вотъ тогда или послѣдовалъ бы отказъ такому худородному жениху, или, если бы послѣ-

довало согласіе на бракъ съ нимъ ея дочери, то послѣ его ареста и ссылки не было бы и правъ для разговоровъ съ дочерью и для переписки съ женихомъ о его низкомъ происхожденіи.

— Оттого нелегче,—возразила я,—что однимъ пунктомъ для твоего обвиненія было бы меньше: оставались бы другіе, какъ, напримѣръ, наше невѣдѣніе о твоей политической дѣятельности, подвергавшей опасности твою „карьеру“, а съ нею и будущность твоей семьи. „Открылись“ и твои болѣзни, и неспокойные характеры твой и твоей матушки. Однимъ словомъ, причинъ для разлада между моей матерью и твоей семьей было вдоволь — и лучше не вспоминать о *горькой* нашей судьбинѣ.

Отъ времени до времени Н. И. заводилъ рѣчь о давно минувшемъ. Такъ разсказалъ онъ мнѣ о себѣ многое, начиная отъ своего дѣтскаго возраста,—который онъ считалъ счастливымъ только до кончины своего отца, убитаго въ своемъ лѣсу своими крестьянами. Кромѣ того, что изложено о дѣтствѣ Н. И. въ его автобіографіи, могу сообщить слѣдующее.

Н. И. росъ въ домѣ своихъ родителей, не испытывая ничего, кромѣ родительскихъ ласкъ и радостнаго настроенія. Мать была занята домашнимъ хозяйствомъ, отецъ много читалъ и мальчику также страстно хотѣлось читать. Неудивительно поэтому, что даровитый мальчикъ выучился читать въ очень короткое время и это приводило въ восхищеніе его отца.

„Ты у меня умница“,—говаривалъ онъ,—„и честный мальчикъ. Терпѣть не могу лгунишекъ — и если ты хоть разъ солжешь, то я тебѣ не отецъ, а ты мнѣ не сынъ!“ Эти изреченія отца Н. И. истолковывалъ тѣмъ, что узналъ впослѣдствіи о супружеской жизни своей матери. Взятая изъ московскаго дѣвичьяго пансіона, куда отдавалъ ее Иванъ Петровичъ Костомаровъ, ея помѣщикъ, она, какъ подневольная дѣвушка, была помѣщена въ его домѣ и должна была подчиниться его барской волѣ... Когда беременность ея стала явною, Ивану Петровичу его лакеи трубили въ уши, что одинъ Господь вѣдаетъ, чей будетъ у нея ребенокъ... Однако, Иванъ Петровичъ не прогналъ „Таню“ отъ себя,

хотя и держалъ ее въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Она занимала въ домѣ двѣ комнаты и жила въ нихъ одиноко со своимъ грудным „Николаемъ“. Иногда Иванъ Петровичъ входилъ въ ея отдѣленіе полюбоваться на мальчика, но она не входила въ другія комнаты безъ особаго призыва. Когда мальчикъ сталъ ходить и бѣгать, ему было дозволено открывать дверь изъ материнской спальной въ большой залъ. Тамъ отецъ игралъ съ нимъ и представлялъ его своимъ родственникомъ и знакомымъ, изрѣдка посѣщавшимъ Ивана Петровича, около этого времени обвѣнчавшагося со своей „Таней“.

— Вотъ мой сынъ и наслѣдникъ,—говаривалъ онъ своимъ племянникомъ Ровневымъ и пріятелю сосѣду Станкевичу,— а вотъ и жена моя, Татьяна Петровна. Рекомендую!— При подобныхъ представленіяхъ онъ вызывалъ жену свою изъ ея комнатъ, куда она вслѣдъ за тѣмъ торопливо уходила, видя озлобленные взгляды племянниковъ, имѣвшихъ законное право наслѣдованія въ родовомъ имѣніи послѣ дяди, оставшагося старымъ холостякомъ и вдругъ обзавёдшагося законной женой и незаконнорожденнымъ сыномъ, объ усыновленіи котораго собирался ходатайствовать передъ Государемъ. Иванъ Петровичъ имѣлъ неосторожность говорить всѣмъ и каждому о предстоящей поѣздкѣ его въ Петербургъ по дѣлу усыновленія сына Николая, а крестьянамъ своимъ и въ особенности своей многочисленной дворнѣ то и дѣло твердилъ: „берегите вашего барчука, моего Николая, и угождайте ему во всемъ!“.

Мальчику очень нравились поѣздки съ отцомъ по лѣсамъ, которыхъ въ то время было обиліе въ имѣніи Ивана Петровича при селѣ Юрасовкѣ, мѣстѣ жительства его. Николай былъ отвезенъ отцомъ въ Москву и помѣщенъ въ мужской пансіонъ Ге, гдѣ въ продолженіе годичнаго своего пребыванія мальчикъ приводилъ въ изумленіе своихъ учителей богатствомъ своихъ способностей по отношенію ко всѣмъ наукамъ. Привезя къ себѣ на каникулы сына изъ пансіона, Иванъ Петровичъ болѣе прежняго приходилъ въ восхищеніе отъ даровитости его, чаще прежняго возилъ его по лѣсамъ и твердилъ ему при кучерахъ своихъ и лакеяхъ: „Поѣдемъ, Николай, обозрѣвать твои лѣса“. Наконецъ, всякому

встрѣчному онъ говорилъ: „откладывать больше не стану, отвезу съ каникулъ Николая въ пансіонъ, а самъ направлюсь изъ Москвы въ Петербургъ для усыновленія моего дорогого мальчика“.

И вотъ однажды, садясь въ тарантасикъ для такой поѣздки по лѣсамъ, Иванъ Петровичъ крикнулъ сыну, игравшему во дворѣ: „Садись, Николай, поѣдемъ въ лѣсъ“.

— Я не поѣду сегодня въ лѣсъ, папенька, буду стрѣлять изъ лука!

„Стрѣляй, а я поѣду“ — и уѣхалъ въ лѣсъ, откуда не суждено было ему вернуться.

Иванъ Петровичъ былъ убитъ въ лѣсу своими крестьянами. Безпокойно ждала его къ ужину Татьяна Петровна. Съ наступленіемъ сумерекъ прибѣжалъ къ ней кучеръ, возившій своего барина въ лѣсъ, и объявилъ съ притворнымъ ужасомъ, что лошади испугались чего-то въ лѣсу, понесли, его, кучера, толчкомъ тарантаса о пни деревъ вышвырнули, а барина потомъ опрокинули и такъ разбили ему голову, что кровь струится, а самъ онъ безъ чувствъ. Татьяна Петровна тотчасъ съ сыномъ поѣхала въ указанный лѣсъ и, не заставши мужа въ живыхъ, вернулась ночью домой. Въ ея отсутствіе была похищена изъ кабинета Ивана Петровича шкатулка съ большими по тому времени деньгами.

Пріѣзжалъ исправникъ, было произведено слѣдствіе по поводу трагической кончины Ивана Петровича, но никакихъ слѣдовъ преступленія не обнаружено и убійцы остались ненаказанными, а жизнь вдовы и сына Ивана Петровича потекла инымъ, тернистымъ путемъ. Пріѣхали въ Юрасовку законные наслѣдники покойнаго, его племянники Ровневы, и объявили Татьянѣ Петровнѣ, что сынъ ея Николай, какъ рожденный до брака ея съ Иваномъ Петровичемъ, состоялъ по закону его крѣпостнымъ и теперь поступитъ во владѣніе одного изъ новыхъ владѣльцевъ.

Одинъ изъ Ровневыхъ назначилъ его себѣ въ „казачки“, чтобы со временемъ сдѣлать себѣ изъ него лакея и, потѣшаясь надъ разбитымъ барствомъ мальчика, повелѣлъ ему быть на „своемъ мѣстѣ, въ прихожей“. Бѣдный мальчикъ не зналъ о своемъ „незаконномъ“ рожденіи, не понималъ, почему онъ изъ барчука превращается въ „казачка“ и, разу-

мѣется, возмущался. Его усмиряли угрозами, обѣщали сѣчь, а лакеи, злорадствуя, говорили ему: „Полно барствовать, Николашка,— ты вѣдь такой же холопъ, какъ и мы!“.

Татьяна Петровна растерялась и только тогда поняла, въ чемъ дѣло, когда новые владѣльцы предложили ей не мечтать о выдѣлѣ ей законной вдовьей доли имущества, а совѣтовали взять то, что ей дадутъ: при такомъ условіи участь ея можетъ быть облегчена!

Одинъ изъ Ровневыхъ кричалъ: „Не отпущу мальчика на волю, поверну его въ лакеи: пусть будетъ на своемъ мѣстѣ!“ Другой изъ братьевъ Ровневыхъ говорилъ: „Оставь, братъ, не мсти ребенку, да и за что? Вѣдь онъ не отниметъ у насъ имѣній дяди; мы должны, въ память дяди, дать волю мальчику, котораго онъ такъ горячо любилъ, и если мы этого не сдѣлаемъ — великій грѣхъ сотворимъ!“.

У покойнаго Ивана Петровича было небольшое число крѣпостныхъ, какъ кажется, около 300 человѣкъ, но въ помѣстьяхъ его состояло 14.000 десятинъ прекрасной земли, съ богатыми сѣнокосами и лѣсами. Ровневы предложили Татьянѣ Петровнѣ, въ видѣ вдовьей части, всего 50.000 рублей ассигнаціями и при такомъ выдѣлѣ—свободу мальчику. Понятно, что Татьяна Петровна согласилась безпрекословно.

Получивъ этотъ, ничтожный, по сравненію со слѣдовавшей ей законной вдовьей долей имущества, капиталъ, Татьяна Петровна, счастливая освобожденіемъ своего Николая отъ крѣпостной зависимости, купила небольшое имѣньице въ томъ же селѣ Юрасовкѣ, гдѣ, казалось бы, ей тяжело было оставаться на жительство послѣ всего происшедшаго. Первой заботой ея было продолжать ученіе сына, но она не рѣшилась везти его снова въ Москву, а, по совѣту сосѣдей, отвезла его въ Воронежъ, въ частный пансіонъ, для приготовленія къ поступленію въ гимназію.

Изъ „Автобіографіи“ Николая Ивановича извѣстно, что Николай Ивановичъ, окончивъ курсъ воронежской гимназіи, поступилъ въ харьковскій университетъ и во всѣ каникулы своего учебнаго времени ѣздилъ домой, къ матери въ Юрасовку.

Почти къ концу своего университетскаго курса онъ узналъ, что одинъ изъ убійцъ его отца сознался въ учиненномъ имъ, совмѣстно съ другими дворовыми людьми, преступленіи. Его мучила совѣсть. Онъ, говѣя ежегодно во время великаго поста, всякій разъ сознавался „на духу“ священнику, что участвовалъ въ убійствѣ своего господина, но духовный отецъ не считалъ себя въ правѣ предавать его властямъ и сознаніе хранилъ въ тайнѣ, совѣтуя грѣшнику сдѣлать самому признаніе и „принять наказаніе во искупленіе своего великаго грѣха“.

Наконецъ, въ седьмой годъ послѣ учиненнаго убійства крестьянинъ этотъ сказалъ священнику на исповѣди, что Иванъ Петровичъ не даетъ ему покоя: по ночамъ стоитъ у его постели и упрекаетъ его въ убійствѣ.

„Прикажите, батюшка, звонить въ колокола, пускай соберется народъ — и я передъ народомъ повинюсь во всемъ и приму наказаніе. Авось тогда полегчаетъ мнѣ на душѣ!“ Едва, по распоряженію священника, ударили въ колоколъ послѣ обѣдни, какъ кающійся убійца при собравшемся народѣ припалъ къ могилѣ Ивана Петровича, находившейся возлѣ церкви, на погостѣ, и завопилъ: „Батюшка баринъ, Иванъ Петровичъ! Прости меня окаяннаго! Я убилъ тебя и мнѣ помогали загубить тебя товарищи дворовые крестьяне“. Онъ назвалъ двоихъ. Но одного изъ нихъ, по словамъ кающагося, уже не было въ живыхъ,— онъ умеръ отъ болѣзни въ груди, полученной вслѣдствіе сильнаго удара мощнаго кулака Ивана Петровича, защищавшагося отъ троихъ убійцъ. Другой преступникъ не сознался и не раздѣлилъ участи товарища: въ каторгу не попалъ, а оставался въ услуженіи у новыхъ господъ.

По словамъ Николая Ивановича, трагическая кончина отца, послѣ улаженія вопроса объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, все-таки угнетала мальчика. Онъ часто плакалъ объ отцѣ и додумался, что мученическая смерть послана ему въ наказаніе отъ Господа за то, что не только онъ самъ никогда не ходилъ въ церковь, но и его мальчика, туда не пускалъ и запрещалъ молиться, а дворовымъ своимъ крѣпостнымъ внушалъ, что понятіе о Богѣ и о Страшномъ Судѣ ерунда, сказка, и что никакой души послѣ смерти

человѣка нигдѣ нѣтъ, никакихъ адскихъ мученій тоже нѣтъ, и что нужно лишь старательно устроить свою жизнь на этомъ свѣтѣ какъ можно лучше для себя и своихъ близкихъ. Такое ученіе дворня Ивана Потровича воспріяла вполнѣ и... смѣло отдѣлалась отъ своего господина. Николай Ивановичъ не переставалъ молиться о душѣ своего отца до конца своихъ дней; молился онъ также и о своей матери.

Чѣмъ больше онъ входилъ въ возрастъ, тѣмъ чаще молился объ отцѣ — и посѣщать церковь становилось для него душевною потребностью. Едва достигнувъ 16-ти-лѣтняго возраста, онъ былъ уже студентомъ. Церковное служеніе, увлекало его: ничто не могло отвлечь его отъ желанія пойти въ праздничный день къ обѣднѣ, особенно въ находящійся при Харьковѣ монастырь. При своей завидной для другихъ памяти, онъ скоро изучилъ до тонкости церковное служеніе, читалъ и запоминалъ буквально всѣхъ евангелистовъ, наконецъ, незамѣтно для самого себя, говорилъ на память „часы“ и обѣдню, ходилъ въ церковь натощакъ, приносилъ домой изъ церкви просфору, которою дѣлился со своимъ слугой, и только послѣ просфоры пилъ чай *).

Съ тѣмъ же обыкновеніемъ онъ проводилъ воскресные дни въ теченіе мѣсячнаго пребыванія у меня въ гостяхъ, въ Дѣдовцахъ, и едва услышитъ, бывало, церковный звонъ, призывающій прихожанъ къ обѣднѣ, говаривалъ: „Пойдемъ къ обѣднѣ, а послѣ нея обвѣнчаемся“!

---

*) Такое, такъ сказать, священнодѣйствіе онъ производилъ до конца своей жизни. Свои дни Николай Ивановичъ начиналъ и кончалъ чтеніемъ св. Евангелія, причемъ обыкновенно зажигалъ двѣ толстыя восковыя свѣчки въ бронзовыхъ высокихъ шандалахъ, стоявшихъ въ спальной Николая Ивановича у стѣны, на которой находился образъ Христа Спасителя и передъ нимъ лампадка. Этимъ небольшимъ образкомъ въ серебряной ризѣ мать благословила его на бракъ со мной въ оное время. Я хотѣла-было пожертвовать этотъ образъ въ устроенное на завѣщенныя Николаемъ Ивановичемъ средства сельское училище въ селѣ Юрасовкѣ, но тяжело было мнѣ разстаться съ иконой, передъ которой такъ горячо молился мой многострадальный Николай. Лампадку же Николая Ивановича я отдала въ маленькую, ветхую церковь села Дѣдовцы, гдѣ мы съ нимъ вѣнчались стариками, сдѣлавъ вырѣзную надпись, что при этой лампадкѣ много лѣтъ молился Николай Ивановичъ Костомаровъ. Лампадка эта зажигается передъ мѣстной иконой Николая Чудотворца во время церковнаго служенія.

Я отвѣчала, что къ обѣднѣ идти можно, а вѣнчаться мнѣ нельзя, какъ это ему извѣстно изъ нашей зимней переписки.

Отступая отъ послѣдовательнаго повѣствованія моего, остановлюсь нѣсколько на характеристикѣ религіозности Н. И. Онъ былъ очень религіозенъ. Строгое православіе, однако, не мѣшало ему изучить богослуженіе другихъ христіанскихъ исповѣданій. Мнѣ случалось бывать съ нимъ въ православной церкви, особенно въ дни страстной седьмицы, когда въ пятницу онъ любилъ присутствовать на вечерней службѣ въ греческой посольской церкви (въ Петербургѣ), и у всенощной подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе — въ университетской. У насъ заранѣе была нанята парная коляска (Н. И. не выносилъ ѣзды въ каретѣ) и, какова бы ни была погода, мы отправлялись въ эти храмы въ эти великіе дни. Въ обычные воскресные дни Н. И. ходилъ къ ранней обѣднѣ въ ближайшую нашу приходскую церковь св. Андрея на Васильевскомъ островѣ, также не обращая вниманія на погоду. Напившись чаю, по возвращеніи домой, онъ иногда спрашивалъ меня, не собираюсь ли я въ костелъ, и если я отвѣчала утвердительно, онъ говорилъ: „и я съ вами поѣду непремѣнно“ — и мы ѣздили съ нимъ въ католическую церковь св. Екатерины, на Невскій.

Тотчасъ по входѣ въ храмъ Н. И. говорилъ: „всѣ здѣсь сидятъ и намъ нужно сѣсть, барыня“ *). Онъ былъ утомленъ своимъ утреннимъ стояніемъ у ранней обѣдни. Вотъ и приходилось мнѣ, обходя всѣ скамьи въ костелѣ, искать свободныхъ мѣстъ, что рѣдко удавалось. Выручала обыкновенно услужливость костельной прислуги: намъ подавали стулья. Усѣвшись, Н. И. почти вслухъ читалъ на память полатыни все служеніе, что, конечно, удивляло сосѣдей и мѣшало имъ молиться. Но останавливать Н. И. въ такомъ чтеніи было безполезно.

Продолжаю прерванное повѣствованіе. Быстро пролетѣлъ май 1874-го года для насъ обоихъ. Н. И. написалъ своей матери о благополучномъ пріѣздѣ въ Дѣдовцы и о томъ,

*) Съ такимъ обращеніемъ Ник. Иван. всегда относился къ Алинѣ Леонтьевнѣ.— *В. К.*

что передалъ мнѣ ея поклонъ и что я, съ своей стороны, свидѣтельствую почтеніе и шлю привѣтъ.

Когда наступило время отъѣзда Николая Ивановича изъ Дѣдовецъ и лошади были уже поданы, онъ вручилъ мнѣ запечатанный пакетъ и сказалъ: „Пускай бумажка эта хранится у тебя въ Дѣдовцахъ. Если когда-либо найдешь возможнымъ употребить ее въ дѣло, дай мнѣ знать телеграммой — и я сейчасъ пріѣду“. Я положила эту бумажку въ ящикъ своего письменнаго стола, не вынимая ея изъ запечатаннаго конверта и, въ видѣ сюрприза Николаю Ивановичу, объявила ему, что не прощалась съ нимъ, потому что ѣду съ нимъ лошадьми до станціи „Нѣжинъ“ и по московско-курской желѣзной дорогѣ до Курска, гдѣ и прощусь съ нимъ. Онъ поѣдетъ въ Петербургъ, а я на станціи „Курскъ“ подожду поѣзда на Харьковъ, проѣду въ Полтаву для свиданія съ моимъ повѣреннымъ по дѣламъ, оттуда проѣду до Кременчуга, гдѣ сяду на пароходъ и отправлюсь въ Кіевъ для приготовленія кое-какой одежды къ выпуску моей дочери Юліи изъ кіевскаго института и для совѣта съ моимъ добрымъ докторомъ, проф. Ѳ. Ѳ. Мерингомъ насчетъ моихъ недуговъ. Имѣньице въ селѣ Дѣдовцахъ я сдала въ арендное содержаніе старику священнику изъ сосѣдней деревни, передавшему свой приходъ зятю и потому совершенно свободно переѣхавшему въ мой дворъ, гдѣ я отвела ему помѣщеніе во флигелѣ. Не имѣя, такимъ образомъ, на своихъ плечахъ никакихъ заботъ о хозяйствѣ, я могла подчиниться совѣту моего доктора и осталась на лѣто въ Кіевѣ, для купанья въ Днѣпрѣ. Ѣздить со мной купаться доставляло моимъ дочерямъ большое удовольствіе, такъ какъ въ Дѣдовцахъ нѣтъ рѣки.

Н. И. писалъ мнѣ, что очень радъ за меня и дѣтей, что д-ръ Рингъ предписалъ мнѣ остаться въ Кіевѣ для купанья. Въ концѣ іюля Н. И. долженъ былъ пріѣхать въ Кіевъ для присутствованія въ продолженіе августа на засѣданіяхъ археологическаго съѣзда и на раскопкахъ, почему и просилъ меня заранѣе приготовить для него просторный номеръ въ гостинницѣ, ближайшей къ моему мѣстопребыванію. Такой номеръ удалось найти во французской гостинницѣ „Massiou“, на углу Большой Владимирской и Фунду-

клеевской улицъ. Вмѣстѣ съ моими дѣтьми я встрѣтила Н. И. 30-го іюля на вокзалѣ и мы водворили Н. И. въ его номерѣ. Онъ былъ очень доволенъ, что ему близко ходить въ университетъ, гдѣ должны были происходить засѣданія съѣзда, близко и ко мнѣ, въ квартиру моей матери. Мы видѣлись ежедневно. Здоровье мое было все-таки неважно: купанье, съ ѣздой на Подолъ, такъ утомляло меня, что по возвращеніи домой я не въ силахъ была ходить слушать рефераты ученыхъ и оставалась у себя дома, а Н. И. забиралъ обѣихъ моихъ дѣвочекъ (Юлію, 16-ти лѣтъ, и Софью, 11-ти лѣтъ) и съ ними отправлялся въ университетъ, откуда и приводилъ ихъ ко мнѣ. Разсказывалъ мнѣ Н. И., что свѣжія личики моихъ дѣвочекъ „привлекали сердца и взоры“ ученой братіи, а предсѣдатель съѣзда, графъ Уваровъ, дружески подшучивалъ надъ „историкомъ“, являющимся въ засѣданіи съ такими „бутончиками розъ большой прелести“. Н. И. отвѣчалъ графу, что это его юные друзья, дѣти стараго друга, и познакомилъ дѣвочекъ съ графомъ и со многими членами съѣзда. Когда наступилъ день, въ который Н. И. долженъ былъ читать свой рефератъ „О княжеской дружинѣ“ *), онъ просилъ меня присутствовать на его чтеніи, я сама этого очень желала и мы въ назначенный вечеръ пошли въ Ботаническій садъ (при университетѣ), а оттуда въ залъ засѣданій съѣзда. У входа въ садъ и у входа въ залъ Н. И. предложилъ мнѣ войти съ нимъ подъ руку. Нужно было видѣть, съ какимъ торжественнымъ видомъ вводилъ онъ меня въ этотъ залъ, переполненный уже публикой. Мои обѣ дочери шли рядомъ со мной. Н. И. усадилъ насъ въ ближайшемъ къ каѳедрѣ ряду креселъ. Когда наступила очередь Н. И. читать свой рефератъ и онъ подошелъ къ каѳедрѣ, дружныя рукоплесканія раздались въ залѣ и не смолкали долго. Н. И. глядѣлъ словно въ даль, но видимо былъ взволнованъ. Да и развѣ возможно было оставаться безучастнымъ къ выраженію ему почтенія и признанія за нимъ права на почетное мѣсто въ средѣ ученыхъ и литераторовъ, особенно же въ стѣнахъ

*) Статья эта затерялась у Н. И.: я не нашла ея въ бумагахъ Н. И. хотя искала повсюду, въ первую же зиму по вступленіи въ бракъ съ Н. И.

того университета, гдѣ въ молодыхъ лѣтахъ онъ блистательно начиналъ свою профессуру, которой лишился, не смѣя и мечтать о ея возвращеніи... Можно представить себѣ, что̀ переживалъ онъ въ эти минуты... и радостнаго, и трогательно грустнаго... Глядя на него и внемля шумному выраженію уваженія публики, состоявшей по преимуществу изъ ученыхъ, учащихъ и учащихся, я раздѣляла волненіе Н. И. до такой степени, что готова была расплакаться. „Бѣдный другъ мой!— думалось мнѣ:— ты попалъ въ эту храмину науки старикомъ, черезъ 26-ть лѣтъ послѣ того, какъ съ пыломъ молодости внимала тебѣ юная братія, студенты того времени, которые въ тѣ ужасные дни, не предчувствуя горькой судьбы своего молодого профессора, готовились пѣть при брачномъ твоемъ торжествѣ въ церкви своего университета! Увы! Ты устарѣлъ, читаешь, заглядывая въ свой конспектъ, шамкаешь, по причинѣ беззубія; въ былыя времена ты читалъ наизусть, и не только въ сороковыхъ годахъ въ Кіевѣ, но и въ шестидесятыхъ въ Петербургѣ! Ты много претерпѣлъ и много поработалъ! Твои труды снискали тебѣ уваженіе: ты сознаешь, что жилъ не даромъ; судьба, сжалившись надъ тобой, возвратила тебѣ право нести любимый трудъ, но поскупилась возвратить право на счастливую семейную жизнь, и ты состарился холостякомъ, не зналъ семейныхъ радостей и не испыталъ присущаго каждому смертному чувства любви къ своему потомству“.

Послѣ окончанія и закрытія археологическаго съѣзда Н. И. уѣхалъ со мной и съ моими дочерьми въ Дѣдовцы. Это было 28 августа 1874-го года, а 8 сентября онъ уѣхалъ въ Петербургъ, взявъ съ собой мою дѣвочку Соню, по баллотировкѣ попавшую въ Смольный (Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ). Эту мою незабвенную дѣвочку Ник. Ив. особенно полюбилъ и прозвалъ ее по-малорусски „малѐ“, что̀ означаетъ малое, такъ какъ она была младшая изъ моихъ дѣтей. Признаюсь, не безъ страха отпускала я въ далекій путь „старе́ и малѐ“, безпокоясь о томъ, не растеряли бы они другъ друга въ толпѣ на станціяхъ, при выходѣ изъ вагона для питанія. Бѣдная моя Соничка подверглась бы испугу, пока не оты-

скала бы своего спутника. Но оба они дали мнѣ слово не разлучаться, и я отвезла ихъ въ экипажѣ на станцію „Нѣжинъ“, гдѣ усадила въ вагонъ и тамъ простилась съ ними. Милая, незабвенная дѣвочка моя старалась улыбаться, хотя я видѣла, что она съ трудомъ сдерживала свои слезки, улыбка выходила дѣланная и неестественная... Едва выбѣжавъ послѣ звонка изъ вагона, я сдерживала свои рыданія, крестила своихъ дорогихъ отъѣзжавшихъ, стоя на платформѣ, а какъ только поѣздъ двинулся и скрылось изъ окна милое мнѣ личико, какъ изъ наболѣвшей груди вырвалось такое рыданіе, что ноги у меня подкосились и я припала къ стѣнѣ зданія, чтобы не грохнуться на помостъ... Подошла ко мнѣ какая-то госпожа, какъ видно тоже кого-либо провожавшая, и, обнявши меня, участливо спросила: „О комъ или о чемъ вы такъ горько плачете? Бога ради успокойтесь! Пойдемъ въ залъ, присядьте, отдохните“. Я отвѣтила: „Отправила свою 11-тилѣтнюю дѣвочку въ институтъ, въ Петербургъ, и не увижу ея раньше каникулъ будущаго года!“ Добрая эта госпожа повела меня въ залъ, поднесла стаканъ воды и предложила отдохнуть въ дамской комнатѣ, но отдыхъ представлялся мнѣ мучительнымъ и безцѣльнымъ; я предпочла усѣсться въ коляску и ѣхать обратно въ Дѣдовцы, что̀ и сдѣлала, поблагодаривъ добрую женщину за участіе.

Всѣ эти подробности о разлукѣ съ моей Соничкой описываю лишь потому, что Н. И. понималъ тяжесть этой разлуки и, полюбивши мое „малé“, дѣлалъ все, что̀ могъ, для ея удобства, успокоенія и удовольствія, и не только въ пути, но и по пріѣздѣ въ Петербургъ. Онъ удержалъ ее у себя нѣсколько дней, для отдыха послѣ дороги, и потомъ отвезъ ее въ Смольный, попросивъ начальницу института принять его. Онъ былъ принятъ очень любезно. Начальница, О. А. Томилова, обласкала мою дѣвочку, а Николая Ивановича попросила „сдѣлать честь“ институту, пройти съ ней по классамъ, гдѣ она рекомендовала Н. И. какъ „извѣстнаго историка“ учителямъ и дѣвицамъ каждаго класса.

Н. И., не смотря на большое разстояніе, навѣщалъ Соничку по праздничнымъ днямъ, а если занятія или нездоровье мѣшали ему прокатиться въ Смольный, то онъ пи-

салъ ей о томъ и при записочкѣ посылалъ массу винограда и конфектъ. На праздники Рождества Христова онъ взялъ Соничку къ себѣ на 3 дня (какъ тогда отпускали) и тутъ не только онъ самъ, но и мать Н. И. Татьяна Петровна ласкали ее, угощали, придумывали для нея развлеченія. Такъ взята была ложа въ русскую оперу; Н. И. повезъ Соничку въ театръ и пригласилъ въ свою ложу Н. А. Бѣлозерскую съ ея дѣвочкой Лидой, крестницей Н. И.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ отвезя Соничку въ Смольный, Н. Ив. навѣстилъ ее всего одинъ разъ, потому что чувствовалъ себя нездоровымъ, и въ послѣднее свое посѣщеніе напугалъ ее выраженіемъ неудобства глядѣть на масссу горящихъ свѣчей, хотя ихъ въ пріемномъ залѣ вовсе не было. Ясно, что начиналось нездоровье, перешедшее у Н. И. въ тифозную горячку. Между тѣмъ, въ ту же осень 1874-го года, 8 ноября, въ моей семьѣ было торжество. Дочь моя Юлія, 16½ лѣтъ вышла замужъ. Я сообщала Николаю Ивановичу о ея помолвкѣ и затѣмъ о ея свадьбѣ. Николай Ивановичъ благодарилъ за приглашеніе пріѣхать къ намъ въ Дѣдовцы ко дню 8 ноября и написалъ мнѣ, что слѣдовало день свадьбы моей дочери назначить нѣсколько ранѣе, чтобы, въ виду наступленія Филипповскаго поста, оставить время и для моего съ нимъ вѣнчанія. Я приняла это за шутку и отвѣтила, что у меня масса дѣлъ по имѣніямъ — и пока я дѣлъ не окончу, до тѣхъ поръ изъ имѣнія не уѣду, а какъ мнѣ предстоятъ и поѣздки по этимъ дѣламъ въ Роменскій уѣздъ, то я извѣщу его о времени моего отъѣзда изъ Дѣдовецъ, чтобы онъ своевременно узналъ мой адресъ. Николай Ивановичъ продолжалъ писать мнѣ въ Дѣдовцы. Въ декабрѣ 1874-го года я замѣтила въ его письмахъ какую-то странность, какіе-то переходы отъ раздражительности къ шутливости и обратно. Такъ напр., онъ сообщаетъ мнѣ о различныхъ житейскихъ непріятностяхъ, приводитъ стихотвореніе, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма присылаетъ другое, адресованное на мое имя, но писанное будто бы его котомъ Васькой къ моему Дѣдовскому Васькѣ. Я недоумѣвала — чему приписать все это. Наконецъ насталъ день моего отъѣзда въ Роменскій уѣздъ. Въ половинѣ января 1875 года я написала Н. И.,

чтобъ онъ адресовалъ въ г. Ромны свои письма. Прогостивши у дочери въ Роменскомъ уѣздѣ до 2-го февраля, я поѣхала въ Ромны и прямо на почту... Получила письмо Н. И. съ адресомъ измѣненнаго почерка. Вскрываю и читаю: „Боленъ, глаза страшно распухли, бредъ, тоска невыразимая". Ни обращенія, ни подписи... ясно, что онъ боленъ! Тотчасъ я протелеграфировала ему всего два слова: „Какъ здоровье?" Отвѣтъ я уплатила, но получила его только 4 февраля, послѣ 36 мучительныхъ часовъ; отвѣчалъ незнакомый мнѣ Котенинъ: „Николай Ивановичъ опасно боленъ тифомъ, но не безнадеженъ. Мать его скончалась, сегодня погребена. *Котенинъ*".

Дочь моя и зять, сопровождавшіе меня въ Ромны, старались успокоить меня. Я рѣшилась немедля ѣхать въ Петербургъ къ одинокому дорогому больному — оказать ему возможный уходъ, а въ случаѣ смерти отдать ему послѣдній долгъ, простившись съ нимъ навѣки. Зять мой тотчасъ же поѣхалъ въ полицейское управленіе, чтобъ взять отъ ром. исправника видъ для меня на жительство въ Петербургѣ, поѣхалъ и за деньгами, необходимыми для моего путешествія и пребыванія въ столицѣ: вечеромъ того же дня я уѣхала, разбитая и тѣломъ и духомъ. Въ продолженіе двухсуточнаго почти путешествія я позабыла о пищѣ и снѣ и подверглась въ вагонѣ обмороку. Добрые пассажиры приводили меня въ чувство — и каково было мое удивленіе, когда я увидѣла себя лежащей въ вагонѣ, окруженною спутниками, изъ которыхъ иные держали передо мною вино, другіе — пищу, воду, и всѣ упрашивали меня подкрѣпиться тѣмъ и другимъ. Они замѣтили, что въ продолженіе болѣе сутокъ я не выходила изъ вагона во время остановокъ, ничего не ѣла и не пила ни на станціяхъ, ни въ вагонѣ. Нервы мои были такъ разстроены, что я расплакалась, благодаривши своихъ спутниковъ за ихъ вниманіе и участіе ко мнѣ, а они все просили меня съѣсть принесеннаго со станціи рябчика и запить виномъ... Когда, подкрѣпившись немного, я просила сказать, кому и сколько денегъ я должна съ благодарностью возвратить за рябчика и за вино, нѣсколько голосовъ отозвалось, что эти пустые гроши всѣмъ принесли много удовольствія видѣть оживщую спутницу,

которую они, судя по ея лицу, могли почитать умирающей. Добрые пассажиры поняли, что я недаромъ не ѣла и не спала, что меня, конечно, угнетаетъ большое горе, но, спасибо имъ, никто не рѣшился спрашивать меня объ этомъ. Случилось, что одна изъ пассажирокъ, читая купленный ею нумеръ газеты, обратилась къ своему мужу съ такими словами: „пишутъ, что Костомаровъ при смерти; вотъ попадемъ къ похоронамъ, которыя, навѣрно, будутъ очень торжественны“. Мудрено мнѣ было скрывать свою печаль, слушая такія рѣчи. Но вотъ и Петербургъ. Мнѣ помогли выйти изъ вагона и сѣсть въ извозчичьи сани. Я направилась къ старымъ знакомымъ Филатовымъ. Увидѣвши меня, они догадались, зачѣмъ я пріѣхала въ Петербургъ, просили отдыхать у нихъ послѣ пути, а я попросила добраго стараго знакомаго немедля поѣхать со мной къ Н. И.— все равно, живъ ли онъ еще или уже не существуетъ. Филатовъ успокаивалъ меня, что Н. И. живъ, ему немного лучше, это сказано въ свѣжей газетѣ, но я все-таки упросила его ѣхать со мной на Васильевскій островъ, въ квартиру Николая Ивановича. Поѣхали. У подъѣзда я попросила Н. П. Филатова войти въ 3-й этажъ, узнать о Никол. Ивановичѣ и позволить мнѣ ждать свѣдѣній въ саняхъ. Не было силъ всходить на лѣстницу. Я дождалась возвращенія Филатова. Лицо его сіяло радостью. „Живъ и есть надежда на выздоровленіе; войти къ нему въ квартиру запрещено — прибитымъ на дверяхъ объявленіемъ: просятъ не звонить, а обращаться за свѣдѣніями объ его здоровьѣ къ Н. И. Котенину, въ сосѣднюю квартиру. Филатовъ ввелъ меня въ Котенину. Добрый пріятель Николая Ив. встрѣтилъ съ веселой улыбкой незнакомую ему бывшую невѣсту больного, уходъ за которымъ онъ, Котенинъ, всецѣло принялъ на себя. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ о теченіи болѣзни Николая Ивановича, разсказалъ, что онъ долго боролся съ нездоровьемъ, не ложился, старался двигаться и работать, но работа не спорилась, онъ нервничалъ, шумѣлъ, а матушка его Татьяна Петровна не понимала, что у него бредъ, и, видя, что онъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ на полу и рветъ въ клочки свои бумаги, уговаривала его „не чудачить“. Котенинъ, старый пріятель Н. И. и ближайшій его сосѣдъ по квартирѣ, навѣстивши его за-

сталъ эту сцену и совѣтовалъ матушкѣ пригласить къ сыну врача. Но пока дождались пріѣзда врача, заболѣла и Татьяна Петровна; ее немедля уложила въ постель. Увидя матушку среди дня въ постели, Ник. Ив., несмотря на свой горячечный бредъ, понялъ, что она больна, если находится въ постели, плакалъ, стоя у ея изголовья, и приказалъ своему старику-слугѣ Василію пригласить ихъ общаго съ матушкой духовника прибыть со святыми дарами для напутствія Татьяны Петровны. Пріѣхалъ протоіерей Степанъ Ивановичъ Опатовичъ, исповѣдывалъ и причащалъ Татьяну Петровну, которая тутъ же говорила: „собирается хоронить меня, все говоритъ: умрете, маменька, да умрете — и плачетъ!“ Священникъ, разумѣется, сразу понялъ, что мать, и сынъ тяжело больны, сообщилъ объ этомъ Котенину, а тотъ отвѣтилъ, что уже послалъ за двумя врачами и постарается, съ ихъ помощью, убѣдить Николая Ив. лечь въ постель. Къ вечеру того же дня у обоихъ больныхъ былъ бредъ. Потребовались сестры милосердія для ухода за ними. Явились на помощь племянницы Н. И. Котенина, Надежда Александровна Бѣлозерская и Анна Петровна Ге, жена художника Н. Н. Ге. Обѣ онѣ присутствовали при кончинѣ Татьяны Петровны, послѣдовавшей отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

Удручающее впечатлѣніе производили панихиды и отпѣваніе матери Николая Ивановича, не сознававшаго, что происходило въ сосѣднихъ комнатахъ и продолжавшаго громко говорить несвязныя рѣчи. Навѣщали больного по два раза въ день врачи Бѣлоголовый и Кошлаковъ, а ночевалъ при больномъ молодой врачъ Дм. Андр. Муриновъ. Никакой надежды не было на выздоровленіе Николая Ивановича: куплены были на Смоленскомъ кладбищѣ два смежныя могильныя мѣста — одно для матери, другое для сына. Въ день похоронъ Татьяны Петровны врачи нашли у Николая Ивановича такой упадокъ дѣятельности сердца, что пульсъ едва-едва бился: они объявили Котенину, что на слѣдующее утро они не пріѣдутъ, такъ какъ Н. И. ночью скончается. Явилась забота у добраго Котенина о средствахъ для погребенія обоихъ Костомаровыхъ. Тутъ въ числѣ непрерывно навѣщавшихъ Николая Ивановича друзей и почитателей оказался профессоръ и академикъ астрономъ Але-

ксѣй Николаевичъ Савичъ, и услыхавши, что наличныхъ денегъ нашли у Н. И. всего 150 руб., а леченіе двоихъ тяжкихъ больныхъ унесло уже гораздо большую сумму и требуются тысячныя издержки на ихъ погребеніе — сказалъ Котенину: „Какое намъ дѣло — кому достанется небольшой капиталъ Н. И., состоящій на храненіи въ государственномъ банкѣ! Какое намъ дѣло — возвратятся ли намъ издержанныя деньги или не возвратятся! Мы должны спасать дорогого и уважаемаго коллегу и высокоталантливаго нашего историка, до послѣдней его минуты не щадить издержекъ, а если спасеніе не удастся, похоронить его съ подобающей честью. Берите у меня тысячу, полторы, двѣ, я доставлю ихъ вамъ, почтеннѣйшій Николай Ив. (Котенинъ), берите и расходуйте!“ Нужно было видѣть воодушевленіе Савича, слывшаго за крайне скупого человѣка, скупого до скаредности. Однако, воспользоваться его добрымъ предложеніемъ не понадобилось. Явился Мих. Матв. Стасюлевичъ и объявилъ Котенину, что Н. И. Костомаровъ запродалъ ему для „Вѣстника Европы“ своего „Кудеяра“ за три тысячи рублей, но не успѣлъ отдать ему рукопись: пусть разыщутъ и вручатъ ему рукопись — деньги сполна будутъ внесены немедленно. Рукопись найдена, вручена, и деньги получены; не понадобились деньги А. Н. Савича, но память о добромъ его душевномъ желаніи не щадить тысячъ для спасенія Н. И., а въ случаѣ смерти — для его погребенія, останется навсегда у всѣхъ любившихъ и почитавшихъ Николая Ивановича. Такая же свѣтлая память останется о Н. И. Котенинѣ (нынѣ умершемъ) и о бывшемъ молодомъ врачѣ, нынѣ лейбъ-медикѣ Муриновѣ, который, вмѣстѣ съ Котенинымъ, отвоевалъ Николая Ив. отъ смерти, дѣлая невѣроятныя усилія для возбужденія дѣятельности сердца у больного въ ту критическую ночь. Не только никто изъ нихъ не ложился отдохнуть отъ трудовъ при больномъ, но и не садился; поснимавши съ себя верхнее платье, они растирали тѣло больного, дѣлали оживляющія впрыскиванія, вливали ему въ ротъ коньякъ, шампанское, пріемы мускуса, словомъ не давали ему умереть,— и къ утру молодой медикъ возгласилъ съ восторгомъ, что пульсъ у Н. И. поднимается и крѣпнетъ и что нужно извѣстить объ этомъ другихъ врачей, чтобы они

пріѣхали навѣстить больного. Съ великимъ удивленіемъ услыхали они отъ ѣздившаго за ними Котенина, что Костомаровъ живъ и молодой врачъ надѣется на дальнѣйшее улучшеніе его положенія. Пріѣхали, застали сильный жаръ и бредъ у больного, но это не внушало опасенія за его жизнь; леченіе, хотя очень медленно, приносило явную помощь. Я пріѣхала въ Петербургъ 11-го февраля; Филатовы очень просили меня помѣститься у нихъ, но такъ какъ они жили на Садовой, вблизи Невскаго проспекта, а Ник. Ив.— на Васильевскомъ островѣ въ 9-й линіи, то мнѣ было бы слишкомъ тяжело ѣздить на Васильевскій дважды въ день, узнавать о здоровьѣ Н. И. Я помѣстилась на Васильевскомъ островѣ, въ 12 линіи, въ гостинницѣ и ходила каждый день утромъ и вечеромъ къ Котенину за свѣдѣніями о Н. И. Я ѣздила два раза въ недѣлю навѣщать мою дѣвочку въ Смольномъ, побывала на могилѣ Татьяны Петровны, побывала у Анны Петровны Ге, какъ у моей соученицы по пансіону г-жи де-Мельянъ въ Кіевѣ, была одинъ разъ и у духовника Костомаровыхъ Опатовича; но грусть не покидала меня по причинѣ все еще неопредѣленнаго положенія Николая Ивановича. Меня, притомъ, удручалъ отказъ допустить меня къ уходу за нимъ; не дозволяли врачи даже навѣстить его хоть на минуту: они слышали отъ Котенина, что Николай Ив., безъ сомнѣнія, очень обрадуется моему пріѣзду — и боялись волненій для него. Такъ просидѣла я въ гостинницѣ больше двухъ недѣль, неизмѣнно навѣдываясь къ Котенину, какъ вдругъ Котенинъ говоритъ мнѣ: „волей-неволей, врачи и мы всѣ пришли къ необходимости не только дозволить вамъ навѣстить Н. И., но даже просимъ васъ объ этомъ. Нашъ больной видимо былъ до сихъ поръ какъ бы не при полной памяти, потому что не замѣчалъ отсутствія своей матери, съ которой неразлучно прожилъ 30 лѣтъ. Врачи дозволили ему покинуть постель и усадили въ вольтеровское кресло; онъ былъ доволенъ, оглядывался по сторонамъ и спросилъ: „а гдѣ же котъ Васька?“, ласкалъ принесеннаго Ваську, а о матери не спрашивалъ. Но вотъ уже третій день, какъ сталъ спрашивать — „гдѣ же матушка?“ Ему сказали, что Татьяна Петровна въ одно съ нимъ время заболѣла, и какъ врачи нашли, что двоихъ тяжко больныхъ

надо устроить каждаго особо, то Татьяну Петровну, какъ находившуюся въ лучшемъ состояніи, увезла къ себѣ въ домъ А. П. Ге — и тамъ ухаживаютъ за ней прекрасно. Сначала Николай Ив. повѣрилъ этому, но на другой же день сталъ требовать, чтобы матушку перевезли отъ Ге домой, а когда ему возражали, что сдѣлать этого нельзя по причинѣ ея слабости, тогда Н. И. сталъ объяснять, что матушка, природная малороссіянка и по происхожденію простолюдинка, несомнѣнно дорожитъ тѣмъ, чтобъ хворать и умирать у сына, а не у чужихъ, хотя и добрыхъ людей: „это позоръ для старой хохлушки валяться и умирать не у себя, или не у сына, а въ чужой хатѣ“. Объясненія эти волновали Николая Ивановича и онъ сталъ, наконецъ, требовать, чтобъ наняли карету — и свезли бы его въ этой каретѣ къ матушкѣ. Врачи опасались рецидива горячки и совѣтовались съ Котенинымъ, не лучше ли ужъ рискнуть и объявить Николаю Ив., что мать его давно умерла у себя дома и что поэтому ѣхать ему некуда и незачѣмъ. Котенинъ сказалъ врачамъ, что лучше принять иную мѣру, чтобы дать больному окрѣпнуть сколько-нибудь, а не подвергать его такому потрясенію, которое можетъ погубить его. Онъ предложилъ подготовить Николая Ив. къ ожидаемому, будто бы, пріѣзду его бывшей невѣсты, имъ любимой и уважаемой, и дозволить ей навѣстить его. „Это отвлечетъ его отъ мысли требовать поѣздки къ матушкѣ; онъ пошлетъ къ ней вмѣсто себя Алину Леонтьевну и та съумѣетъ найти возможность отложить хоть на нѣсколько дней необходимость сообщенія больному о смерти его матери, а тѣмъ временемъ онъ у насъ еще лучше окрѣпнетъ“. На томъ и порѣшили врачи, и попросили молодого врача Муринова присутствовать при объявленіи Николаю Ив. о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ: боялись даже и того, чтобы пріятная для больного вѣсть не взволновала его. Это и случилось, но вреда больному не принесло. Когда я пришла къ Котенину, меня просили подождать нѣсколько минутъ, пока подготовятъ Николая Ивановича къ свиданію со мной. Котенинъ вошелъ къ нему въ сопровожденіи д-ра Муринова, поздоровался съ сидѣвшимъ въ креслѣ больнымъ и, не ожидая вопросовъ о матушкѣ, сказалъ: „Я позабылъ сказать вамъ, Николай Ив., что въ

продолженіе вашей болѣзни множество лицъ желало навѣстить васъ, многіе спрашивали о васъ письмами и телеграммами, и въ томъ числѣ была телеграмма изъ города Ромны отъ Алины Леонтьевны Кисель".

— Была? Надобно было отвѣтить ей, чтобъ она пріѣхала! Телеграфируйте, чтобъ немедленно пріѣхала! — проговорилъ взволнованный больной.

— Она сама увѣдомила, что ѣдетъ и должна прибыть сегодня съ 11-ти часовымъ курьерскимъ поѣздомъ,— сказалъ Котенинъ.

— Пошлите за ней карету. Поѣзжайте встрѣчать ее! Прикажите приготовить чай, завтракъ, комнату! Вѣрно ли то, что она сейчасъ пріѣдетъ?— порывисто спрашивалъ Н. И.

— Такъ вѣрно, что головой моей ручаюсь за это — и пойду къ себѣ, чтобы встрѣтить Алину Леонтьевну и привести ее къ вамъ.

Взволнованный и ослабѣвшій Н. И. хотѣлъ самъ броситься ко мнѣ на встрѣчу, но, быстро вставши съ кресла, упалъ въ него — а д-ръ Муриновъ преподнесъ ему приготовленный заранѣе пріемъ успокоительныхъ капель. Будто бы для встрѣчи Котенинъ ушелъ въ свою квартиру, съ улыбкой обратился ко мнѣ и сказалъ: „Въ присутствіи Муринова я сообщилъ Николаю Ивановичу, что ждемъ васъ сегодня въ Петербургъ. Заволновался нашъ больной до того, что пульсъ значительно прибавилъ ходу. Докторъ преподнесъ ему успокоительныхъ капель. На вопросъ его: вѣрно ли то, что вы сегодня пріѣдете, я поручился моей головой, что вы явитесь съ курьерскимъ поѣздомъ и прямо ко мнѣ. Какъ вы думаете, Алина Леонтьевна, останется ли моя голова въ цѣлости?" Вошелъ и д-ръ Муриновъ, чтобы сказать намъ, что волненіе Н. И. улеглось и я могу „пріѣхать" къ нему, какъ то подобаетъ сообразно прибытію поѣзда. Свиданіе наше было не то радостное, не то вмѣстѣ и грустное. Видъ медленно выздоравливающаго Н. И. былъ скорбный для всѣхъ посѣтителей, впервые допущенныхъ навѣстить его. Осунувшееся исхудалое старческое лицо; какіе-то тусклые глаза съ синеватыми подтеками и притомъ безъ очковъ, недозволенныхъ еще къ употребленію; халатъ (впервые заведенный для него и затѣмъ навсегда покинутый), въ кото-

ромъ терялось исхудалое тѣло, усаженное въ глубокое вольтеровское кресло — все это производило тяжелое впечатлѣніе на друзей больного.

Увидѣвши меня, онъ торопливо проговорилъ: „Пріѣхала, спасибо, я чуть не умеръ, добрые люди отходили, а бѣдная матушка лежитъ въ чужомъ домѣ, хотя и у добрыхъ людей, все же знаешь, что мать моя малороссіянка природная и до мозга костей удержавшая нравъ и вѣру простолюдиновъ, считающихъ унизительнымъ умирать въ „чужой хатѣ“, а не у себя или у сына. Хочу перевезти ее домой — говорятъ: нельзя, очень слаба; хочу провѣдать — опять нельзя, слабъ, говорятъ, я самъ. Вотъ и радъ я, что ты ее провѣдаешь и скажешь мнѣ всю правду — можно ли перевезти ее домой или нельзя. Отдохни, подадутъ тебѣ чаю и чего пожелаешь позавтракать, и поѣзжай, Бога ради, къ матушкѣ; она лежитъ у Н. Н. и А. П. Ге, съ которой ты знакома по пансіону, это бывшая Забѣла“. Я успокоила Н. И. обѣщаніемъ поѣхать, сначала въ Смольный, взглянуть на свою дочурку Соничку и затѣмъ уже къ Ге, почему и попросила имѣть терпѣніе, такъ какъ до Смольнаго очень далеко, а не увидѣть своей дѣвочки не могу... Ѣхать же къ ней послѣ посѣщенія Татьяны Петровны опасно, чтобы не занести моей дѣвочкѣ заразную болѣзнь. Я побывала въ Смольномъ; заѣхала и къ милымъ Ге, познакомилась съ Николаемъ Николаевичемъ Ге, извѣстнымъ художникомъ, и переговорила съ обоими супругами относительно того — лучше ли и безопаснѣе для здоровья Н. И. держать его еще нѣкоторое время въ невѣдѣніи о смерти его матери, или же открыть ему истину. Признали мы всѣ, что сокрытіе смерти Татьяны Петровны не внесетъ успокоенія въ душу Николая Ивановича, да и продолжаться не можетъ, такъ какъ онъ настаиваетъ на своемъ — избрать что-либо одно: либо перевезти безнадежно больную мать домой, либо свезти его къ ней. Признали, что лучше сказать ему всю правду и успокоить его тѣмъ, что матушка вовсе не лежала „въ чужомъ домѣ и у чужихъ людей“, лежала всего три дня у себя и окончила жизнь въ своемъ домѣ, у сына, и на попеченіи друзей; Надежда Александровна Бѣлозерская, Анна Петровна Ге и Лидія Ивановна Генъ, сестра Н. И. Котенина, проживавшая

въ то время у своего брата въ квартирѣ, сосѣдней съ Костомаровскою, не отходили отъ умиравшей, окруженной заботою и помощью тѣхъ же врачей, которые лечили Николая Ивановича; наконецъ, друзья Н. И. похоронили Т. П. на Смоленскомъ кладбищѣ. Я уѣхала отъ Ге съ сознаніемъ необходимости прекратить успокоительную ложь, но дать выздоравливающему Н. И. отдыхъ отъ пережитаго имъ волненія при объявленіи ему о моемъ пріѣздѣ: будетъ онъ въ хорошемъ состояніи на слѣдующій день, то печальная истина будетъ ему объявлена, а нѣтъ — переждемъ.

Трудно передать, какъ тяжело было отвѣчать на вопросы Н. И. о положеніи его матери. Едва я возвратилась изъ поѣздки въ Смольный и „къ матушкѣ," какъ Н. И. спросилъ: „Видѣла Соничку, надѣюсь, здоровою, а матушка узнала ли тебя? говорила ли, находится ли въ сознаніи?"

Я отвѣтила: — Матушка никого не можетъ узнать, не въ сознаніи и не говоритъ! —

— Не вынесетъ тяжкой болѣзни! а меня къ ней не пускаютъ, — сказалъ Н. И. сквозь слезы.

Я поднесла ему успокоительныхъ капель и попросила поберечь себя, призвать Господа Бога на помощь и подчиниться Его святой волѣ; успокоила его, кромѣ того, обѣщаніемъ выпросить на слѣдующее утро у врачей дозволеніе исполнить его желаніе относительно посѣщенія матушки. Н. И. повидимому успокоился и провелъ ночь хорошо. Врачи нашли его преуспѣвающимъ въ укрѣпленіи силъ и разрѣшили открыть ему правдивую вѣсть о матери. Съ ранняго утра Н. И. сталъ вновь просить меня навѣстить матушку и ничего не скрывать отъ него. Я пообѣщала, но рѣшила дождаться появленія Н. Н. Ге, который обѣщалъ навѣстить Н. И. Пришелъ добрый Ге, я сказала ему мнѣніе врачей. Посыпались вопросы Н. И. о матушкѣ. Ге упорно молчалъ. Николай Ивановичъ, видимо встревоженный такимъ молчаніемъ, вскричалъ: „Вы молчите — значитъ безнадежна, умретъ, бѣдная, въ скорбномъ сознаніи, что умираетъ не у сына, а у добрыхъ чужихъ людей!"

— Успокойтесь, Николай Ивановичъ! Ваша матушка умерла у сына, лежавшаго въ то время, по милости Божіей, въ безсознательномъ состояніи и потому не подвергшагося

тяжкой необходимости быть свидѣтелемъ печальнаго обряда погребенія. Къ счастью, она не сознавала, что вы больны и что она умираетъ.

Николай Ив. быстро привсталъ съ кресла и, перекрестившись, сказалъ: „Упокой ее, Господи! Его святая воля! Что дѣлать!“ Тихія слезы скатились по исхудалымъ щекамъ. Руки потянулись ко мнѣ, какъ бы призывалась моя помощь, и онъ, словно подкошенный, опустился въ свое кресло. Котенинъ и Ге просили Н. И. быть мужественнымъ и, по его просьбѣ, разсказали ему болѣе или менѣе подробно о послѣднихъ дняхъ и часахъ Татьяны Петр., а также о ея погребеніи. Затѣмъ начался разговоръ о другихъ предметахъ, и когда добрые друзья Н. И. замѣтили, что онъ видимо успокоился, они оставили его на моемъ попеченіи. Н. И. попросилъ меня переѣхать изъ гостинницы въ его квартиру и занять комнату его матери. Я исполнила его желаніе. Одна изъ сестеръ милосердія продолжала уходъ за выздоравливающимъ. Къ нему все еще не допускали постороннихъ посѣтителей. Случилось, что меня вызвали въ кухню. То было сдѣлано по просьбѣ граф. Анаст. Ив. Толстой, являвшейся туда отъ времени до времени, чтобы отъ прислуги Н. И. узнать подробнѣе о его положеніи. Графинѣ сказали, что къ нему пріѣхала его бывшая невѣста, у которой онъ гостилъ уже два раза въ Малороссіи. Я пошла въ кухню и тамъ графиня съ видимымъ волненіемъ обнимала меня и цѣловала мои руки, выражая горячую благодарность за мой пріѣздъ, который успокоилъ за Н. И. всѣхъ его истинныхъ друзей. Здоровье его возстановлялось; въ началѣ марта врачи разрѣшили ему принимать у себя большее число посѣтителей, а въ концѣ марта выѣзжать въ колескѣ на воздухъ. Тутъ естественно возникло у Н. И. желаніе посѣтить могилу матери; однако врачи не дозволили ему ѣхать на Смоленское кладбище, такъ какъ тамъ еще снѣгъ не весь стаялъ, а низменная сырая мѣстность кладбища возбуждала опасеніе врачей — какъ бы не занемогъ Н. И. Его упросили не ѣхать на Смоленское ранѣе половины апрѣля, когда предположенъ былъ отъѣздъ Н. И. со мной въ деревню, въ Малороссію. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда мы и помолились у могилы Татьяны Петр. Н. И. долго и безмолвно стоялъ у могилы, грустный и со-

средоточенный, пока, наконецъ, духовникъ его, отецъ Стефанъ Опатовичъ, служившій панихиду, не посовѣтовалъ ему проститься съ могилой и уѣхать домой. Врачи предписали Н. И. выѣзжать ежедневно на прогулку и такимъ образомъ подготовиться къ большому предстоящему путешествію на на югъ для поправленія здоровья. Мы ѣздили съ Н. И. въ коляскѣ, такъ какъ онъ не терпѣлъ каретъ, но никуда не заѣзжали, избѣгая утомленія: выздоравливающему было не до визитовъ, да и никто изъ добрыхъ знакомыхъ и не претендовалъ на нихъ. У Котенина мы, конечно, были, такъ какъ квартира его была смежная — и тутъ Н. И. спросилъ, почему Надежда Алекс. Бѣлозерская давно его не навѣщаетъ: здорова ли она? Котенинъ (дядя г-жи Бѣлозерской) отвѣтилъ: „Над. Алекс. считаетъ неудобнымъ являться въ присутствіи Алины Леонтьевны, въ виду того, что Алина Леонтьевна не была у нея“. Я возразила: „Алина Леонт. не хозяйка дома Николая Ивановича, а его гостья, и не считаетъ себя въ правѣ навязываться со своимъ знакомствомъ кому бы то ни было изъ друзей Н. И. Будьте любезны, объясните это Надеждѣ Алекс.“. На другой день явилась Над. Алекс. Насъ познакомилъ Н. И., она пригласила меня къ себѣ — и мы съ Н. И. побывали у нея въ одну изъ прогулокъ.

Въ концѣ апрѣля мы направились съ Н. И. сначала въ Кіевъ для совѣта съ извѣстнымъ, въ то время, окулистомъ-профессоромъ университета св. Владиміра, Ивановымъ. Не хотѣлось Н. И. подчиняться совѣту петербургскихъ врачей — отложить на цѣлый годъ свои литературныя занятія и, тѣмъ болѣе, ученыя: думалось ему, что профессоръ Ивановъ не найдетъ опасности для его глазъ и разрѣшитъ ему работать, а о возможности вреда для своихъ нервовъ и общаго состоянія здоровья Н. И. не только не хотѣлъ думать, но еще твердилъ, что лишеніе занятій въ конецъ разстроитъ его нервы. „Не могу жить безъ дѣла — пою Господу дондеже есмь“. Профессоръ Ивановъ объявилъ Н. И., что для болѣе точнаго опредѣленія глазного недуга и плохого зрѣнія нужно впустить атропинъ въ одинъ, худшій по зрѣнію, глазъ, на одни сутки. Этотъ глазъ не будетъ ничего видѣть, но Н. И. не долженъ пугаться этого кратковременнаго притупленія зрѣнія одного глаза, пока его изслѣдуетъ окулистъ; когда

же прежнее зрѣніе возстановится въ худшемъ глазѣ, тогда и въ лучшій нужно впустить атропинъ для изслѣдованія. Послѣдовало согласіе со стороны Н. И., но, Боже мой, какія душевныя муки выносилъ мой бѣдный страдалецъ, вкушая ужасъ своей временной слѣпоты! Трудно было переживать эти дни, въ ожиданіи опредѣленія состоянія его глазного недуга. Я воспользовалась временемъ, когда онъ поѣхалъ повидаться съ одними изъ давнихъ своихъ знакомыхъ, и побывала у проф. Иванова: упросила его не говорить правды Н. И., если окажутся признаки слѣпоты, а приберечь эту горькую правду для меня. Такъ и было сдѣлано. Добрѣйшій (теперь уже умершій) проф. Ивановъ сказалъ Н, И., что слабость зрѣнія его происходитъ отъ безмѣрнаго злоупотребленія имъ и основана, кромѣ того, на нервной почвѣ, что о чтеніи и писаніи нечего и думать ему раньше года послѣ перенесенной имъ тифозной горячки, что полезно ему купаться въ продолженіе лѣта въ Днѣпрѣ, а съ половины августа — на южномъ берегу Крыма, и что, наконецъ, самъ Ивановъ, отъѣзжающій за границу, привезетъ ему изъ Берлина очки съ лучшимъ горнымъ хрусталемъ вмѣсто стеколъ, и что эти очки послужатъ ему для прогулокъ, т.-е. для глядѣнія въ даль, а для чтенія ему пусть назначитъ петербургскій окулистъ Скребицкій черезъ полгода, чтобъ раньше этого времени онъ не порывался читать. Проф. Ивановъ предложилъ Н. И. занять его квартиру на все лѣто и пользоваться его прислугой и лошадьми, которыя и будутъ его возить дважды въ день купаться, а хозяинъ будетъ доволенъ, что лошади не испортятся отъ продолжительнаго стоянія. Все это успокоило Н. И. На другой день послѣ окончанія осмотра его глазъ я отправилась къ Иванову за достовѣрными свѣдѣніями о состояніи зрѣнія моего больного. Ивановъ сказалъ мнѣ, что у Н. И. катарактъ на обоихъ глазахъ, но худшій будетъ готовъ къ операціи не ранѣе, какъ черезъ годъ, а лучшій — года черезъ два или три. Я вышла отъ Иванова съ разбитой душой. Мнѣ казалось немыслимымъ (судя по нервности и характеру Н. И.), чтобы операціи могли совершаться при порывистомъ и впечатлительномъ характерѣ Н. И. и я заранѣе переживала предстоящіе годы его жизни со всѣми муками слѣпнущаго... Мнѣ стоило большихъ усилій

сохранять спокойствіе по возвращеніи въ гостинницу, куда вскорѣ прибылъ и Н. И. При немъ я должна была читать для него — и это помогало мнѣ отвлекать мысли отъ предсказанія проф. Иванова; но когда наступала ночь, то вмѣсто отдыха и сна я проводила ее въ мучительномъ раздумьи о приговорѣ окулиста. Такъ протекало это тяжелое время, въ которое мнѣ пришлось признать себя обязанною раздѣлить горькую участь Н. И. Волею судьбы — или обѣихъ нашихъ матерей — я не облегчала его участь во время его ссылки; кто же теперь, какъ не я, долженъ покоить и беречь этого будущаго слѣпца! Мы уѣхали въ Дѣдовцы только за тѣмъ, чтобы отдохнуть тамъ до времени, когда окончатся занятія проф. Иванова въ университетѣ и онъ уѣдетъ за границу. 9-го мая 1875-го года мы съ Н. И. обвѣнчались въ маленькой церкви сельца Дѣдовцы, а въ концѣ мая переѣхали въ Кіевъ и помѣстились въ квартирѣ любезнаго Иванова на Бибиковскомъ бульварѣ. Ежедневно ѣздилъ Н. И. купаться въ Днѣпрѣ, но запрещеніе заниматься и читать раздражало его до крайности. Наконецъ наступилъ августъ — и время переѣзда въ Крымъ *).

---

*) Этимъ А. Л. заканчиваетъ свои воспоминанія. Имѣя въ виду главнымъ образомъ ту цѣль своихъ записокъ, которая указана мною выше, А. Л., къ сожалѣнію, не оставила записокъ о прожитомъ ею съ Н. И. десятилѣтіи. Между тѣмъ это десятилѣтіе представляло не мало интереснаго и назидательнаго и въ изображеніи А. Л., несомнѣнно, дало бы богатый матеріалъ для надлежащей оцѣнки высоко даровитой и весьма оригинальной личности Н. И. Костомарова.

Зная довольно близко жизнь четы Костомаровыхъ во второе пятилѣтіе этого періода, я могу искренне засвидѣтельствовать, что та обстановка жизни, какую создала для Н. И. Алина Леонтьевна на склонѣ его дней, много способствовала поддержанію творческой дѣятельности нашего историка. Въ А. Л. Николай Ивановичъ нашелъ дѣйствительно незамѣнимаго друга и сотрудницу. Съ чувствомъ высокаго уваженія и почитанія отнеслась А. Л. и къ памяти Николая Ивановича, завѣщавъ принадлежавшее ей право изданія его сочиненій такому общественному учрежденію, какъ литературный фондъ, на просвѣтительныя и благотворительныя цѣли. — *В. К.*

АВТОБІОГРАФІЯ.

Посвящается любій моій жинци
Галини Леонтьевни
Костомаровой
отъ Ієр. Галки.

I.

Дѣтство и отрочество.

Фамильное прозвище, которое я ношу, принадлежитъ къ старымъ великорусскимъ родамъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Насколько намъ извѣстно, оно упоминается въ XVI вѣкѣ; тогда уже существовали названія мѣстностей, напоминающія это прозвище, напримѣръ: Костомаровъ Бродъ на рѣкѣ Упѣ. Вѣроятно, и тогда уже были существующія теперь села съ названіемъ „Костомарово“, находящіяся въ губерніяхъ: Тульской, Ярославской и Орловской. При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, сынъ боярскій Самсонъ Мартыновичъ Костомаровъ, служившій въ опричнинѣ, убѣжалъ изъ Московскаго Государства въ Литву, былъ принятъ ласково Сигизмундомъ Августомъ и надѣленъ помѣстьемъ въ ковельскомъ (?) уѣздѣ. Онъ былъ не первый и не послѣдній изъ такихъ перебѣжчиковъ. При Сигизмундѣ III-мъ, по смерти Самсона, данное ему помѣстье раздѣлилось между его сыномъ и дочерью, вышедшею за мужъ за Лукашевича. Внукъ Самсона, Петръ Костомаровъ, присталъ къ Хмельницкому и послѣ Берестецкаго пораженія подвергся банниціи и потерялъ свое наслѣдственное имѣніе, сообразно польскому праву кадука, какъ показываетъ современное письмо короля къ Киселю объ отобраніи имѣній, подлежавшихъ тогда конфискаціи. Костомаровъ, вмѣстѣ съ многими волынцами, приставшими къ Хмельницкому и поступившими въ званіе казаковъ, ушелъ въ предѣлы Московскаго Государства. То была не первая колонія изъ южно-руссовъ. Еще въ царствованіе Михаила Федоровича появились малорусскія села по такъ-называемой Бѣлогородской чертѣ, а городъ Чугуевъ былъ основанъ и заселенъ казаками, убѣжавшими въ 1638 году съ гетманомъ Остраниномъ; при Хмельницкомъ же упоминаемое переселеніе казаковъ на московскія земли было, сколько намъ извѣстно, первое въ своемъ родѣ. Всѣхъ перешедшихъ въ то время было до

тысячи семей; онѣ состояли подъ начальствомъ предводителя Ивана Дзинковскаго, носившаго званіе полковника. Казаки эти хотѣли поселиться по близости къ украинскимъ границамъ, гдѣ-нибудь недалеко отъ Путивля, Рыльска, или Бѣльска, но московское правительство нашло это неудобнымъ и опредѣлило поселить ихъ подалѣе къ востоку. На ихъ просьбу имъ данъ былъ такой отвѣтъ: „будетъ у васъ съ польскими и литовскими людьми частая ссора, а оно получше, какъ подальше отъ задора“. Имъ отвели для поселенія мѣсто на рѣкѣ Тихой Соснѣ и вслѣдъ затѣмъ былъ построенъ казачій городокъ Острогожскъ. Изъ мѣстныхъ актовъ видно, что названіе это существовало еще прежде, потому что объ основаніи этого городка говорится, что онъ поставленъ на Острогожскомъ городищѣ. Такъ начался Острогожскій полкъ, первый по времени изъ слободскихъ полковъ. Въ окрестностяхъ новопостроеннаго города начали разводиться хутора и села: край былъ привольный и плодородный. Костомаровъ былъ въ числѣ поселенцевъ, и, вѣроятно, эта фамилія оставила своимъ прозвищемъ названіе Костомаровой на Дону, теперь многолюдной, слободѣ. Потомки пришедшаго съ Волыни Костомарова укоренились въ острогожскомъ краѣ, и одинъ изъ нихъ поселился на берегу рѣки Ольховатки и женился на воспитанницѣ и наслѣдницѣ казацкаго чиновника Юрія Блюма, построившаго во имя своего ангела церковь въ слободѣ, имъ заложенной и по его имени названной Юрасовкою. Это было въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Имѣніе Блюма перешло къ Костомаровой. Къ этой вѣтви принадлежалъ мой отецъ.

Отецъ мой родился въ 1769 году, служилъ съ молодыхъ лѣтъ въ арміи, участвовалъ въ войскѣ Суворова при взятіи Измаила, а въ 1790 году вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи острогожскаго уѣзда въ слободѣ Юрасовкѣ, гдѣ я родился *). Отецъ мой, сообразно тому времени, получилъ недостаточное образованіе, и впослѣдствіи, сознавая это, постоянно старался пополнить эту не-

*) Острогожскій уѣздъ со всею южною частію Воронежской губерніи въ то время принадлежалъ къ Слободско-Украинской губерніи — нынѣ Харьковской.

достаточность чтеніемъ. Онъ читалъ много, постоянно выписывалъ книги, выучился даже по-французски настолько, что могъ читать на этомъ языкѣ, хотя и съ помощью лексикона. Любимыми сочиненіями его были творенія Вольтера, Далямбера, Дидро и другихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка; въ особенности же, онъ оказывалъ къ личности Вольтера уваженіе, доходившее до благоговѣнія. Такое направленіе выработало изъ него типъ стариннаго вольнодумца. Онъ фанатически отдался матеріалистическому ученію и сталъ отличаться крайнимъ невѣріемъ, хотя согласно своимъ учителямъ, умъ его колебался между совершеннымъ атеизмомъ и деизмомъ. Его горячій, увлекающійся характеръ часто доводилъ его до поступковъ, которые въ наше время были бы смѣшны; напримѣръ: кстати и некстати онъ заводилъ философскіе разговоры и старался распространять вольтеріанизмъ тамъ, гдѣ, повидимому, не представлялось для того никакой почвы. Былъ ли онъ въ дорогѣ — начиналъ философствовать съ содержателями постоялыхъ дворовъ, а у себя въ имѣніи собиралъ кружокъ своихъ крѣпостныхъ и читалъ имъ филиппики противъ ханжества и суевѣрія. Крестьяне въ его имѣніи были малоруссы и туго поддавались вольтеріанской школѣ: но изъ дворни было нѣсколько человѣкъ переведенныхъ изъ Орловской губерніи, изъ его материнскаго имѣнія и послѣдніе, по своему положенію дворыхъ людей, имѣвшіе возможность пользоваться частыми бесѣдами съ бариномъ, оказались болѣе понятливыми учениками. Въ политическихъ и соціальныхъ понятіяхъ моего покойнаго родителя господствовала какая то смѣсь либерализма и демократизма съ прадѣдовскимъ барствомъ. Онъ любилъ толковать всѣмъ и каждому, что всѣ люди равны, что отличіе по породѣ есть предразсудокъ, что всѣ должны жить какъ братья: но это не мѣшало ему, при случаѣ, показать надъ подчиненными и господскую палку или дать затрещину, особенно въ минуту вспыльчивости, которой онъ не умѣлъ удерживать: за-то, послѣ каждой такой выходки, онъ просилъ извиненія у оскорбленнаго слуги, старался чѣмъ-нибудь загладить свою ошибку и раздавалъ деньги и подарки. Лакеямъ до такой степени это понравилось, что бывали случаи, когда съ намѣреніемъ его сер-

дили, чтобы довести до вспыльчивости и потомъ сорвать съ него. Впрочемъ его вспыльчивость рѣже приносила вредъ другимъ, чѣмъ самому. Однажды, напримѣръ, разсердившись, что ему долго не несутъ обѣдать, онъ, въ припадкѣ досады, перебилъ великолѣпный столовый сервизъ саксонскаго фарфора, а потомъ, опамятовавшись, сѣлъ въ задумчивости, началъ разсматривать изображеніе какого-то древняго философа, сдѣланное на сердоликѣ, и подозвавши меня къ себѣ, прочиталъ мнѣ, со слезами на глазахъ, правоученіе о томъ, какъ необходимо удерживать порывы страстей. Съ крестьянами своего села онъ обходился ласково и гуманно, не стѣснялъ ихъ ни поборами, ни работами; если приглашалъ что нибудь дѣлать, то платилъ за работу дороже, чѣмъ чужимъ, и сознавалъ необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ чемъ и не скрывался передъ ними. Вообще надобно сказать, что если онъ дозволялъ себѣ выходки, несогласныя съ проповѣдываемыми убѣжденіями свободы и равенства, то онѣ проистекали помимо его желанія, отъ неумѣнія удерживать порывы вспыльчивости; поэтому-то всѣ, которые не поставлены были въ необходимость часто находиться при немъ, любили его. Въ его характерѣ не было никакого барскаго тщеславія; вѣрный идеямъ своихъ французскихъ наставниковъ, онъ ни во что не ставилъ дворянское достоинство и терпѣть не могъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ хотя тѣнь щегольства своимъ происхожденіемъ и званіемъ. Какъ бы въ доказательство этихъ убѣжденій онъ не хотѣлъ родниться съ дворянскими фамиліями и уже въ пожилыхъ лѣтахъ, задумавши жениться, избралъ крестьянскую дѣвочку и отправилъ ее въ Москву для воспитанія въ частное заведеніе съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она стала его женою. Это было въ 1812 году. Вступленіе Наполеона въ Москву и сожженіе столицы не дало ей возможности продолжать начатое образованіе: отецъ мой, услыхавши о разореніи Москвы послалъ взять свою воспитанницу, которая впослѣдствіи и сдѣлалась его женою и моею матерью.

Я родился 4-го Мая 1817 года. Дѣтство мое до десяти лѣтъ протекало въ отеческомъ домѣ безъ всякихъ гувернеровъ, подъ наблюденіемъ одного родителя. Прочитавъ

Эмиля Жанъ-Жака Руссо, мой отецъ прилагалъ вычитанныя имъ правила къ воспитанію своего единственнаго сына и старался пріучить меня съ младенчества къ жизни, близкой съ природою: онъ не дозволялъ меня кутать, умышленно посылалъ меня бѣгать въ сырую погоду, даже промачивать ноги, и вообще пріучалъ не бояться простуды и перемѣнъ температуры. Постоянно заставляя меня читать, онъ съ нѣжныхъ моихъ лѣтъ сталъ внушать мнѣ вольтеріанское невѣріе, но этотъ же нѣжный возрастъ мой, требовавшій непрестанныхъ обо мнѣ попеченій матери, давалъ ей время и возможность противодѣйствовать этому направленію. Въ дѣтствѣ я отличался необыкновенно счастливою памятью: для меня ничего не стоило, прочитавши раза два какого-нибудь Вольтерова Танкреда или Заиру въ русскомъ переводѣ, прочитать ее отцу наизусть отъ доски до доски. Не менѣе сильно развивалась мое воображеніе. Мѣстоположеніе, гдѣ лежала усадьба, въ которой я родился и воспитывался, было довольно красиво. За рѣкою, текшею возлѣ самой усадьбы, усѣянною зелеными островками и поросшею камышами, возвышались живописныя мѣловыя горы, испещренныя черными и зелеными полосами; отъ нихъ рядомъ тянулись черноземныя горы, покрытыя зелеными нивами, и подъ ними разстилался обширный лугъ, усѣянный весною цвѣтами и казавшійся мнѣ неизмѣримымъ живописнымъ ковромъ. Весь дворъ былъ окаймленъ по забору большими осинами и березами, а обокъ тянулась принадлежавшая ко двору тѣнистая роща съ вѣковыми деревьями. Отецъ мой нерѣдко, взявши меня съ собой, садился на землѣ подъ одной старой березой, бралъ съ собою какое-нибудь поэтическое произведеніе и читалъ или меня заставлялъ читать; такимъ образомъ, помню я, какъ при шумѣ вѣтра, мы читали съ нимъ Оссіана и, какъ кажется, въ отвратительномъ прозаическомъ русскомъ переводѣ. Бѣгая въ ту же рощу безъ отца, я, натыкаясь на полянки и на группы деревьевъ, воображалъ себѣ разныя страны, которыхъ фигуры видѣлъ на географическомъ атласѣ; тогда нѣкоторымъ изъ такихъ мѣстностей я далъ названія. Были у меня и Бразилія, и Колумбія и Лаплатская республика, а бѣгая къ берегу рѣки и замѣчая островки, я натворилъ своимъ воображеніемъ Борнео, Су-

матру, Целебесъ, Яву и прочее. Отецъ не дозволялъ моему воображенію пускаться въ міръ фантастическій, таинственный, онъ не дозволялъ сказывать мнѣ сказокъ, ни тѣшить воображеніе росказнями о привидѣніяхъ; онъ щекотливо боялся, чтобы ко мнѣ не привилось какое-нибудь вульгарное вѣрованіе въ лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ и т. п. Это не мѣшало, однако, давать мнѣ читать баллады Жуковскаго, причемъ отецъ считалъ обязанностью постоянно объяснять мнѣ, что все это — поэтическій вымыселъ, а не дѣйствительность. Я зналъ наизусть всего Громобоя; но отецъ объяснялъ мнѣ что никогда не было того, что тамъ описывается и быть того не можетъ. Жуковскій былъ любимымъ его поэтомъ; однако же отецъ мой не принадлежалъ къ числу тѣхъ ревнителей стараго вкуса, которые, питая уваженіе къ старымъ образцамъ, не хотятъ знать новыхъ; напротивъ, когда явился Пушкинъ, отецъ мой сразу сдѣлался большимъ его поклонникомъ и приходилъ въ большой восторгъ отъ Руслана и Людмилы и нѣсколькихъ главъ Евгенія Онѣгина, появившихся въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 года. Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, отецъ повезъ меня въ Москву. До того времени я нигдѣ не былъ кромѣ деревни и не видалъ даже своего уѣзднаго города. По пріѣздѣ въ Москву, мы остановились въ гостинницѣ „Лондонъ“ въ Охотномъ ряду, и черезъ нѣсколько дней отецъ повелъ меня въ первый разъ въ жизни въ театръ. Играли „Фрейшютца“. Меня до такой степени перепугали выстрѣлы и потомъ сцена въ волчьей долинѣ съ привидѣніями, что отецъ не далъ мнѣ дослушать пьесы и послѣ второго дѣйствія вывелъ изъ театра. Нѣсколько дней меня занимало видѣнное въ театрѣ и мнѣ до чрезвычайности снова хотѣлось въ театръ. Отецъ повезъ меня. Давали „Князя Невидимку“ — какую-то глупѣйшую оперу, теперь уже упавшую, но тогда бывшую въ модѣ. Несмотря на мой десятилѣтній возрастъ, я понялъ, что между первою видѣнною мною оперою и второю — большое различіе и что первая несравненно лучше второй. Третья видѣнная мною пьеса была „Коварство и Любовь“ Шиллера. Роль Фердинанда игралъ знаменитый въ свое время Мочаловъ. Мнѣ она очень понравилась, отецъ мой былъ тронутъ до слезъ; глядя на него, и я принялся плакать,

хотя вполнѣ не могъ понять всей сути представляемаго событія.

Меня отдали въ пансіонъ, который въ то время содержалъ лекторъ французскаго языка при университетѣ, Ге. Первое время моего пребыванія послѣ отъѣзда отца изъ Москвы проходило въ безпрестанныхъ слезахъ; до невыносимости тяжело мнѣ было одинокому въ чужой сторонѣ и посреди чужихъ людей; мнѣ безпрестанно рисовались образы покинутой домашней жизни и матушка, которой, какъ мнѣ казалось, должна была сдѣлаться тяжелой разлука со мною. Мало-по-малу ученіе начало меня охватывать, и тоска улеглась. Я пріобрѣлъ любовь товарищей; содержатель пансіона и учителя удивлялись моей памяти и способностямъ. Одинъ разъ, напримѣръ, забравшись въ кабинетъ хозяина, я отыскалъ латинскіе разговоры и въ какихъ-нибудь полъ-дня выучилъ всѣ разговоры наизусть, а потомъ началъ говорить вычитанныя латинскія фразы пансіоносодержателю. По всѣмъ предметамъ я учился хорошо, кромѣ танцевъ, къ которымъ, по приговору танцмейстера, не показывалъ ни малѣйшей способности, такъ что въ одно и то же время одни меня называли „enfant miraculeux“, а танцмейстеръ называлъ идіотомъ.— Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я заболѣлъ; отцу написали объ этомъ и онъ внезапно явился въ Москву въ то время, какъ я не ждалъ его. Я уже выздоровѣлъ, въ пансіонѣ былъ танцъ-классъ, какъ вдругъ отецъ мой входитъ въ залъ. Поговоривши съ пансіоносодержателемъ, отецъ положилъ за благо взять меня съ тѣмъ, чтобы привезти снова на другой годъ послѣ вакацій. Впослѣдствіи я узналъ, что человѣкъ, котораго отецъ оставилъ при мнѣ въ пансіонѣ, въ качествѣ моего дядьки, написалъ ему какую-то клевету о пансіонѣ; кромѣ того, я слыхалъ, что сама болѣзнь, которую я передъ тѣмъ испыталъ, произошла отъ отравы, поданной мнѣ этимъ дядькой, которому, какъ оказалось, былъ въ то время расчетъ во что бы то ни стало убраться изъ Москвы въ деревню. Такимъ образомъ въ 1828 года я былъ снова въ деревнѣ, въ чаяніи послѣ вакацій снова ѣхать въ московскій пансіонъ; между тѣмъ надъ головой моего отца готовился роковой ударъ, долженствовавшій лишить его жизни и измѣнить всю мою послѣдующую судьбу.

Выше сказано было, что въ имѣніи моего отца было нѣсколько переселенцевъ изъ Орловской губерніи; изъ нихъ кучеръ и камердинеръ жили во дворѣ, а третій, бывшій также прежде лакеемъ, былъ за пьянство изгнанъ со двора и находился на селѣ. Они составили заговоръ убить моего отца съ намѣреніемъ ограбить у него деньги, которыя, какъ они довѣдались, у него лежали въ шкатулкѣ. Къ нимъ присталъ еще и человѣкъ, бывшій моимъ дядькой во время пребыванія моего въ московскомъ пансіонѣ. Злодѣйскій умыселъ крылся уже нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ, убійцы порѣшили исполнить его 14 іюля. Отецъ мой имѣлъ привычку ѣздить для прогулки въ лѣса на разстояніи двухъ-трехъ верстъ отъ двора, иногда со мною, иногда одинъ. Вечеромъ въ роковой день онъ приказалъ заложить въ дрожки пару лошадей и, посадивъ меня съ собою, велѣлъ ѣхать въ рощу, носившую названіе „Долгое“. Усѣвшись на дрожки, я по какой-то причинѣ не захотѣлъ ѣхать съ отцомъ и предпочелъ, оставаясь дома, стрѣлять изъ лука, что было тогда моею любимою забавою. Я выскочилъ изъ дрожекъ; отецъ поѣхалъ одинъ. Прошло нѣсколько часовъ, наступила лунная ночь. Отцу пора было возвращаться; мать моя ждала его ужинать — его не было. Вдругъ вбѣгаетъ кучеръ и говоритъ: „барина лошади куда-то понесли“. Сдѣлался всеобщій переполохъ, послали отыскивать, а между тѣмъ два лакея, участники заговора и — какъ есть подозрѣніе — съ ними и поваръ обдѣлывали свое дѣло: достали шкатулку, занесли ее на чердакъ и выбрали изъ нея всѣ деньги, которыхъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, полученныхъ моимъ отцомъ за заложенное имѣніе. Наконецъ, одинъ изъ сельскихъ крестьянъ, посланный для отысканія барина, воротился съ извѣстіемъ, что „панъ лежитъ неживый, а у его голова красіе и кровь дзюрчитъ“. Съ разсвѣтомъ, 15 іюля, мать моя отправилась со мною на мѣсто, и намъ представилось ужасное зрѣлище: отецъ лежалъ въ яру съ головой обезображенной до того, что нельзя было примѣтить человѣческаго образа. Вотъ уже 47 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но и въ настоящее время сердце обливается кровью, когда я вспомню эту картину, дополненную образомъ отчаянія матери при такомъ зрѣлищѣ. Пріѣхала земская полиція, произвела раз-

слѣдованіе и составила актъ, въ которомъ значилось, что отецъ мой несомнѣнно убитъ лошадьми. Отыскали даже на лицѣ отца слѣды шиповъ отъ лошадиныхъ подковъ. О пропажѣ денегъ слѣдствія почему-то не произвели.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ въ моей судьбѣ. Мать моя не жила уже въ прежнемъ дворѣ, а поселилась въ другомъ, находившемся въ той же слободѣ. Меня отдали учиться въ воронежскій пансіонъ, содержимый тамошними учителями гимназіи, Ѳедоровымъ и Поповымъ. Пансіонъ находился въ то время въ домѣ княгини Касаткиной, стоявшемъ на высокой горѣ, на берегу рѣки Воронежа, прямо противъ корабельной верфи Петра Великаго, его цейхгауза и развалинъ его домика. Пансіонъ пробылъ тамъ годъ, а потомъ, по поводу передачи дома въ военное вѣдомство на школу кантонистовъ, переведенъ былъ въ другую часть города, неподалеку отъ Дѣвичьяго монастыря, въ домъ Бородина. Хотя изъ новаго помѣщенія не представлялось такого прекраснаго вида, какъ изъ предыдущаго, но за-то при этомъ домѣ находился огромный, тѣнистый садъ съ фантастическою бесѣдкою; въ ней молодое воображеніе учениковъ пансіона представляло себѣ разные чудовищные образы, почерпнутые изъ страшныхъ романовъ, которые были тогда въ большой модѣ и читались съ большимъ наслажденіемъ тайкомъ отъ менторовъ, хлопотавшихъ о томъ, чтобы ученики читали только полезныя книги. Пансіонъ, въ которомъ на этотъ разъ мнѣ пришлось воспитываться, былъ однимъ изъ такихъ заведеній, гдѣ болѣе всего хлопочутъ показать на видъ что-то необыкновенное, превосходное, а въ сущности мало даютъ надлежащаго воспитанія. Не смотря на свой тринадцатилѣтній возрастъ и шаловливость, я понималъ, что не научусь въ этомъ пансіонѣ тому, что для меня будетъ нужно для поступленія въ университетъ, о которомъ я тогда уже думалъ какъ о первой необходимости для того, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ. Большая часть дѣтей, обучавшихся въ этомъ пансіонѣ, принадлежала къ семействамъ помѣщиковъ, въ которыхъ укоренено было такое понятіе, что русскому дворянину не только незачѣмъ, но даже какъ бы унизительно заниматься наукою и слушать университетскія лекціи, что для дворянскаго званія самая приличная

карьера — военная служба, которую можно было проходить короткое время, чтобы только дослужиться до какого-нибудь чина и потомъ зарыться въ свою деревенскую трущобу къ своимъ холопамъ и собакамъ. Вотъ поэтому въ пансіонѣ не учили почти ничему, что нужно было для поступленія въ университетъ. Самое преподаваніе производилось отрывочно; не было даже раздѣленія на классы; одинъ ученикъ училъ то, другой иное; учителя приходили только спрашивать уроки и задавать ихъ вновь по книгамъ. Верхомъ воспитанія и образованія считалось лепетать по-французски и танцовать. Въ послѣднемъ искусствѣ и здѣсь, какъ нѣкогда въ Москвѣ, я былъ признанъ чистымъ идіотомъ: кромѣ моей физической неповоротливости и недостатка граціи въ движеніяхъ, я не могъ удержать въ памяти ни одной фигуры контр-данса, постоянно сбивался самъ, сбивалъ другихъ и приводилъ въ смѣхъ и товарищей, и содержателей пансіона, которые никакъ не могли понять, какъ это я могу вмѣщать въ памяти множество географическихъ и историческихъ именъ и не въ состояніи заучить такой обыкновенной вещи, какъ фигуры контр-данса. Я пробылъ въ этомъ пансіонѣ два съ половиною года и, къ счастію для себя, былъ изъ него изгнанъ за знакомство съ виннымъ погребомъ, куда, вмѣстѣ съ другими товарищами, я пробирался иногда по ночамъ за виномъ и ягодными водицами. Меня высѣкли и отвезли въ деревню къ матери, а матушка еще разъ высѣкла и долго сердилась на меня.

По просьбѣ моей, въ 1831 году, матушка опредѣлила меня въ воронежскую гимназію. Меня приняли въ третій классъ, равнявшійся по тогдашнему устройству нынѣшнему шестому, потому что тогда въ гимназіи было всего четыре класса, а въ первый классъ гимназіи поступали послѣ трехъ классовъ уѣзднаго училища. Впрочемъ, принимая меня въ гимназію, мнѣ сдѣлали большое снисхожденіе: я очень былъ слабъ въ математикѣ, а въ древнихъ языкахъ совсѣмъ несвѣдущъ. Меня помѣстили у учителя латинскаго языка Андрея Ивановича Бѣлинскаго. То былъ добрый старикъ, родомъ галичанинъ, жившій въ Россіи уже болѣе тридцати лѣтъ, но говорившій съ сильнымъ малорусскимъ пошибомъ и отличавшійся настолько же добросовѣстностью и трудолюбіемъ,

насколько и бездарностью. Воспитанный по старой бурсацкой методѣ, онъ не въ состояніи былъ ни объяснить надлежащимъ образомъ правилъ языка ни тѣмъ менѣе внушить любовь къ преподаваемому предмету. Зная его честность и добродушіе, нельзя помянуть его недобрымъ словомъ, хотя съ другой стороны, нельзя не пожелать, чтобы подобныхъ учителей не было у насъ болѣе. Вспоминая прежніе бурсацкіе обычаи, Андрей Ивановичъ серьезно изъявлялъ сожалѣніе, что теперь не позволяютъ ученикамъ давать субитки *), какъ бывало на его родинѣ у дьячковъ, принимавшихъ на себя долгъ воспитателей юношества. Другіе учителя гимназіи мало представляли изъ себя педагогическихъ образцовъ. Учитель математики Ѳедоровъ, бывшій мой хозяинъ въ пансіонѣ, былъ лѣнивъ до невыразимости и, пришедшій въ классъ, читалъ, занесши ноги на столъ, какой-нибудь романъ про себя, либо ходилъ взадъ и впередъ по классу, наблюдая только, чтобы въ это время всѣ молчали; за нарушеніе же тишины безъ церемоніи билъ виновныхъ по щекамъ. И въ собственномъ его пансіонѣ нельзя было отъ него научиться ничему по матетатикѣ. Трудно вообразить въ наше время существованіе подобнаго учителя, хотя это былъ человѣкъ, умѣвшій отлично пускать пыль въ глаза и тѣмъ устраивать себѣ карьеру. Впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, онъ былъ директоромъ училищъ въ Курскѣ и, принимая въ гимназіи посѣщеніе одного значительнаго лица сообразилъ, что это значительное лицо неблагосклонно смотритъ на многоученіе, и когда это значительное лицо, обозрѣвая богатую библіотеку, пожертвованную гимназіи Демидовымъ, спросило его, какъ онъ думаетъ: умѣстно ли въ гимназіи держать такую библіотеку,—Ѳедоровъ отвѣчалъ: „нахожу это излишнею роскошью“. Этотъ отвѣтъ много пособилъ ему въ дальнѣйшей его карьерѣ.—Учитель русской словесности, Николай Михайловичъ Севастіановъ, былъ типъ ханжи, довольно рѣдкій у насъ на Руси, какъ извѣстно мало отличающейся склонностью къ девотизму; онъ сочинялъ акаѳисты св. Митрофану, постоянно посѣщалъ архіереевъ,

*) Обычай сѣчь всѣхъ учениковъ по субботамъ, не обращая вниманія, кто изъ нихъ въ чемъ виноватъ или нѣтъ.

архимандритовъ, и пришедши въ классъ, болѣе поучалъ своихъ питомцевъ благочестію, чѣмъ русскому языку. Кромѣ того, въ своихъ познаніяхъ о русской словесности, это былъ человѣкъ до крайности отсталый: онъ не могъ слушать безъ омерзѣнія имени Пушкина, тогда еще бывшаго, такъ-сказать, идоломъ молодежи; идеалы Николая Михайловича обращались къ Ломоносову, Хераскову, Державину и даже къ кіевскимъ писателямъ XVII вѣка. Онъ преподавалъ по риторикѣ Кошанскаго и задавалъ по ней писать разсужденія и впечатлѣнія, въ которыхъ изображались явленія природы: восходъ солнца, гроза.— риторически восхвалялись добродѣтели, изливалось негодованіе къ порокамъ и т. п. Всегда плотно выбритый, съ постною миною, съ заплаканными глазами, со вздыхающею грудью, являлся онъ въ классъ въ синемъ длинномъ сюртукѣ, заставлялъ учениковъ читать рядъ молитвъ, толковалъ о чудесахъ, чудотворныхъ иконахъ, архіереяхъ, потомъ спрашивалъ урокъ, наблюдая, чтобы ему отвѣчали слово въ слово, а признавая кого-нибудь незнающимъ, заставлялъ класть поклоны.— Учитель естественной исторіи Сухомлиновъ, братъ бывшаго харьковскаго профессора химіи, былъ человѣкъ неглупый, но мало подготовленный и мало расположенный къ наукѣ; впрочемъ, такъ какъ онъ былъ умнѣе другихъ, то несмотря на его недостатки, какъ учителя въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ все-таки могъ передать своимъ питомцамъ какіе-нибудь полезные признаки знанія.— Учитель всеобщей исторіи Цвѣтаевъ преподавалъ по плохой исторіи Шрекка, не передавалъ ученикамъ никакихъ собственноустныхъ разсказовъ, не освѣщалъ излагаемыхъ въ книгѣ фактовъ какими бы то ни было объясненіями и взглядами, не познакомилъ учениковъ даже въ первоначальномъ видѣ съ критикою исторіи и, какъ видно, самъ не любилъ своего предмета: всегда почти сонный и вялый, этотъ учитель способенъ былъ расположить своихъ питомцевъ къ лѣни и полному безучастію къ научнымъ предметамъ.— Греческій языкъ преподавалъ священникъ Яковъ Покровскій, бывшій вмѣстѣ и законоучителемъ. Онъ отличался только рѣзкими филиппиками противъ пансіонскаго воспитанія, вообще оказывалъ нерасположеніе къ свѣтскимъ училищамъ, восхвалялъ семинаріи и поставилъ себѣ

за правило выговаривать такъ, какъ пишется, требуя того же и отъ учениковъ, чѣмъ возбуждалъ только смѣхъ. Это былъ человѣкъ до крайности грубый и заносчивый, а впослѣдствіи, какъ мы узнали, овдовѣвши, былъ судимъ и лишенъ священническаго сана за нецѣломудренное поведеніе. — Учитель французскаго языка Журденъ, бывшій нѣкогда капитанъ наполеоновской арміи и оставшійся въ Россіи въ плѣну, не отличался ничѣмъ особеннымъ, былъ вообще лѣнивъ и апатиченъ, ничего не объяснялъ и только задавалъ уроки по грамматикѣ Ломонда, отмѣчая въ ней ногтемъ мѣста, слѣдуемыя къ выучкѣ и произнося всѣмъ одно и то-же: jusqu'ici. Только когда припоминались ему по какому нибудь случаю подвиги Наполеона и его великой арміи, обычная апатичность оставляла его и онъ невольно показывалъ неизбѣжныя свойства своей національности, дѣлался живымъ и произносилъ какую-нибудь хвастливую похвалу любимому герою и французскому оружію. Считаю при этомъ кстати вспомнить случай, происшедшій у меня съ нимъ еще въ пансіонѣ Ѳедорова, гдѣ онъ, по выходѣ Попова, былъ помощникомъ содержателя и имѣлъ жительство въ пансіонѣ. Я не поладилъ съ гувернеромъ нѣмцемъ, по фамиліи Праль; Журденъ поставилъ меня на колѣни и осудилъ оставаться безъ обѣда. Желая какъ нибудь смягчить его суровость, я, стоя на колѣняхъ во время обѣда, сказалъ ему: monsieur Jourdin вѣдь Prahler по-нѣмецки значитъ хвастунъ. „Chut! tesez vous!“ прошипѣлъ Журденъ. Но я продолжалъ: эти нѣмцы большіе хвастуны, вѣдь какъ ихъ Наполеонъ билъ! „Охъ какъ билъ“! воскликнулъ Журденъ и, пришедши въ восторгъ, началъ вспоминать Іенскую битву. Воспользовавшись его одушевленіемъ, я попросилъ у него прощенія, и строгій капитанъ смягчился и позволилъ мнѣ сѣсть обѣдать.— Нѣмецкимъ учителемъ былъ нѣкто Флямм, не отличавшійся особымъ педагогическимъ талантомъ и плохо понимавшій по-русски, отчего его предметъ не процвѣталъ въ гимназіи. Ученики, какъ вездѣ бывало на Руси съ нѣмцами, дурачились надъ его неумѣніемъ объясняться по русски. Такъ напримѣръ, не зная, какъ произнести по русски слово „акцентъ“, онъ, вмѣсто того, чтобы сказать поставить удареніе — говорилъ: сдѣлайте ударъ — и уче-

ники, потѣшаясь надъ нимъ, всѣ залпомъ стучали кулаками о тетрадь. Нѣмецъ выходилъ изъ себя, но никакъ не могъ объяснить того, что хотѣлъ, и весь классъ хохоталъ надъ нимъ. Остается сказать еще нѣсколько словъ о тогдашнемъ директорѣ гимназіи фонъ-Галлерѣ. Онъ отличался тѣмъ, что каждый ученикъ, пріѣзжая съ домового каникулярнаго отпуска, считалъ обязанностью своею принести посильный подарокъ: кто — пару гусей, а кто — фунтъ чаю или голову сахару; директоръ выходилъ къ ученику въ прихожую, распекалъ его за дерзость, говорилъ, что онъ не взяточникъ и прогонялъ ученика съ его подаркомъ; но въ сѣняхъ, куда уходилъ съ прихожей ученикъ, являлась женская прислуга, брала подарокъ и уносила на заднее крыльцо. Ученикъ приходилъ въ классъ и замѣчалъ, что директоръ, во время своего обычнаго посѣщенія классовъ, показывалъ къ нему особенную ласку и благоволеніе. Директоръ нѣсколько лѣтъ занималъ лично для себя весь бель-этажъ гимназическаго зданія, а классы помѣщались по чердакамъ; это побудило учителей подать на него доносъ: пріѣхалъ ревизоръ, и директоръ долженъ былъ перейти изъ гимназическаго зданія на наемную квартиру. Скоро послѣ того начальство устранило его отъ должности. Число учениковъ гимназіи въ то время было невелико и едва ли простиралось до двухсотъ человѣкъ во всѣхъ классахъ. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, родители зажиточные и гордившіеся своимъ происхожденіемъ или важнымъ чиномъ считали какъ бы унизительнымъ отдавать сыновей своихъ въ гимназію: поэтому заведеніе наполнялось дѣтьми мелкихъ чиновниковъ, небогатыхъ купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ. Плебейское происхожденіе выказывалось очень часто въ пріемахъ и способѣ обращенія воспитанниковъ, какъ равно и въ упущенности первичнаго воспитанія, полученнаго въ родительскомъ домѣ. Грубыя ругательства, драки и грязныя забавы были нипочемъ въ этомъ кругу. Между учениками было довольно лѣнтяевъ, почти не ходившихъ въ гимназію, а тѣ, которые были поприлежнѣе, заранѣе пріучены были смотрѣть на ученіе только какъ на средства, полезныя въ жизни для добыванія насущнаго хлѣба. Объ охотѣ къ наукамъ можно судить уже изъ того, что изъ окончившихъ

курсъ въ 1833 году одинъ я поступилъ въ университетъ въ томъ же году, а три моихъ товарища поступили въ число студентовъ тогда, когда я былъ уже на второмъ курсѣ.

Во время своего пребыванія въ гимназіи, въ вакаціонные сроки я ѣзжалъ домой къ матери; иногда за мною присылали своихъ лошадей и экипажъ, лѣтомъ — бричку, а зимою — крытыя сани; иногда же я слѣдовалъ на почтовыхъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ путь лежалъ до Острогожска по столбовой почтовой дорогѣ, черезъ села: Оленій Колодезь, Хворостань и городъ Коротоякъ, гдѣ переправлялись черезъ Донъ. Не доѣзжая до Коротояка, дорога, на протяженіи верстъ сорока, шла въ виду Дона на лѣвой сторонѣ; вблизи Хворостани виднѣлось живописное село Оношкино, въ 1827 году сползшее съ горы, подмытой Дономъ. Этотъ феноменъ природы, какъ говорятъ, никому не стоилъ жизни, потому что почти всѣ люди были въ полѣ. Отъ Острогожска, если ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ, мнѣ приходилось пробираться до своей слободы по хуторамъ, которыхъ множество въ этой сторонѣ. До самой слободы я не встрѣчалъ ни одной церкви. Хуторки, по которымъ я проѣзжалъ, всѣ были вольные, населенные такъ-называемыми войсковыми обывателями, потомками прежнихъ острогожскихъ казаковъ и ихъ подпомощниковъ. Весь этотъ край носилъ названіе рыбьянскаго, и обитатели хуторовъ, какъ и города, какъ бы въ отличіе отъ прочихъ малороссовъ, назывались рыбьянами. У нихъ былъ отличный отъ другихъ говоръ и костюмъ. Впослѣдствіи, побывавши на Волыни, я увидалъ, что то и другое обличаетъ въ рыбьянахъ чисто-волынскихъ переселенцевъ, тогда какъ жители другихъ краевъ острогожскаго уѣзда поюжнѣе обличаютъ своимъ выговоромъ, одеждою и домашнею обстановкою происхожденіе изъ другихъ сторонъ малорусскаго края. Рыбьяне жили тогда вообще зажиточно; земли у нихъ было вдоволь, а иные отправляли разные промыслы и ремесла.

Если приходилось ѣхать на почтовыхъ, то путь лежалъ нѣсколько восточнѣе, на Пушкинъ хуторъ, гдѣ перемѣнялись лошади; тамъ была обывательская почта, и нанявши почтовыхъ, можно было ѣхать въ Юрасовку. Обыкновенно, выѣзжая изъ Воронежа, я достигалъ Юрасовки на другой день;

но если ѣхалъ на почтовыхъ, то и ранѣе. Новый домъ моей матери былъ о пяти покояхъ, крытый камышомъ, и стоялъ въ оконечности слободы, на огромномъ дворѣ; гдѣ, кромѣ дома, амбаровъ, сараевъ и конюшенъ, было три хаты, а въ глубинѣ двора лежалъ фруктовый садъ, десятинахъ на трехъ, упиравшійся въ конопляникъ, окаймленный двумя рядами высокихъ вербъ, за которыми тянулось неизмѣримое болото. Прежде, какъ говорятъ, здѣсь текла рѣка; но въ мое время она вся поросла камышомъ и осокой, за исключеніемъ нѣсколькихъ плесъ, и то лѣтомъ, густо покрытыхъ латаньемъ *). Въ саду было значительное число яблочныхъ, грушовыхъ и вишневыхъ деревьевъ, родившихъ плоды вкусныхъ сортовъ. Въ одномъ углу сада былъ омшенникъ для пчелъ, которыхъ моя мать очень любила. Садъ по забору былъ обсаженъ березами и вербами, а я, кромѣ того, насадилъ тамъ кленовъ и ясеней. Любимымъ препровожденіемъ времени во дни пребыванія у матери была ѣзда верхомъ. Былъ у меня сѣрый конь, купленный отцомъ на Кавказѣ, чрезвычайно быстрый и смирный, хотя и не безъ капризовъ: стоило только сойти съ него, онъ сейчасъ вырывался изъ рукъ, брыкалъ задними ногами и во всю прыть убѣгалъ въ конюшню. Я скакалъ на немъ и по своимъ, и по чужимъ полямъ. Кромѣ этой забавы, я иногда ходилъ стрѣлять, но, по своей близорукости, не отличался особеннымъ искусствомъ; притомъ же мнѣ и жаль было истреблять невинныхъ тварей. Помню, какъ одинъ разъ я выстрѣлилъ въ кукушку и убилъ ее; мнѣ такъ стало жаль ее, что нѣсколько дней меня словно томила совѣсть. Въ лѣтнія вакаціи мои охотничьи подвиги успѣшнѣе всего обращались на дроздовъ, которые густыми тучами садились на вишни и объѣдали ягоды. Здѣсь незачѣмъ было цѣлиться: стоило пустить зарядъ дроби по вершинамъ вишенъ и подбирать убитыхъ и подстрѣленныхъ птичекъ кучами, отдавая потомъ ихъ въ кухню для приготовленія на жаркое.

Кромѣ охоты и верховой ѣзды, меня увлекло плаваніе по водѣ. За неимѣніемъ настоящаго челна, я устроилъ себѣ корабль собственнаго изобрѣтенія: то были двѣ связанныя

*) Водяное растеніе Nymphea = кувшинникъ.

между собою доски, на которыхъ ставились ночвы. Я садился въ эти ночвы съ весломъ и отправлялся гулять по камышамъ. Такъ какъ вблизи моего дома плеса не были велики и притомъ густые корни лататья преграждали путь моему импровизованному судну, то я перевезъ его за семь верстъ въ чужое имѣніе, гдѣ рѣка была шире и чище, ѣздилъ туда плавать и часто проводилъ тамъ цѣлые дни, нерѣдко забывая и обѣдъ.

Въ 1833 году, когда я ожидалъ уже окончанія курса гимназіи, случилось въ моемъ домѣ неожиданное и крайне непріятное событіе. Мать моя уѣхала ко мнѣ въ Воронежъ на зимнихъ святкахъ. Въ это время на нашъ деревенскій домъ напали ночью разбойники; связали сторожа, покалѣчили нѣсколькихъ дворовыхъ людей, забивая имъ подъ ногти шилья, жгли свѣчкою, допрашивая есть ли у барыни деньги; потомъ пошли въ домъ, поотбивали замки въ комодахъ и шкафахъ и ограбили все. Когда начало производиться слѣдствіе, оказалось, что виновникомъ этого разбоя былъ помѣщикъ валуйскаго уѣзда, отставной прапорщикъ Заварыкинъ, а въ соумышленіи съ нимъ былъ одинъ изъ нашихъ крестьянъ-малороссовъ, другой — изъ чужихъ въ той же слободѣ. Виновные были сосланы въ Сибирь.

Въ тотъ же годъ открылась и настоящая причина смерти отца моего. Кучеръ, возившій его въ лѣсъ, явился къ священнику и потребовалъ, чтобы былъ собранъ звономъ народъ: онъ на могилѣ барина объявитъ всю правду о его смерти. Такъ было сдѣлано. Кучеръ всенародно, припадая къ могилѣ, находившейся близъ церкви, возопилъ: „баринъ, Иванъ Петровичъ, прости меня! А вы, православные христіане, знайте, что его убили не лошади, а мы, злодѣи, и взяли у него деньги, а ими судъ подкупили“. Началось слѣдствіе, потомъ — судъ. Кучеръ обличилъ двухъ лакеевъ, которые, однако, отъ убійства упорно запирались, но не могли скрыть того, что грабили деньги и ими подкупали судъ. Къ дѣлу привлеченъ былъ и поваръ, но тотъ запирался во всемъ и, за неимѣніемъ уликъ, былъ оставленъ въ покоѣ. Главнѣйшій же изъ убійцъ былъ уже въ могилѣ. Замѣчательно, что когда виновныхъ стали допрашивать въ судѣ, кучеръ говорилъ: „самъ баринъ виноватъ, что насъ искусилъ; бывало

начнетъ всѣмъ разсказывать, что Бога нѣтъ, что на томъ свѣтѣ ничего не будетъ, что только дураки боятся загробнаго наказанія — мы и забрали себѣ въ голову, что коли на томъ свѣтѣ ничего не будетъ, то значитъ все можно дѣлать". Убійцы сосланы въ Сибирь. Члены земской полиціи были также привлечены къ отвѣтственности и приняли достойное наказаніе; но виновнѣйшій изъ нихъ, засѣдатель, во избѣжаніе грозящей судьбы, отравился.

II.

Студенчество и юность. Первая литературная дѣятельность.

По окончаніи курса гимназіи, мнѣ, шестнадцати лѣтъ отъ роду, приходилось вступать въ университетъ: но тутъ-то я почувствовалъ, что слабъ въ математикѣ, да и при всемъ желаніи не могъ быть въ ней силенъ, когда учитель ничего не преподавалъ. Я пригласилъ для своей подготовки сосѣда, бывшаго инженера, женившагося въ то время на дочери помѣщика въ той же слободѣ. Мой новый учитель оказался вполнѣ хорошимъ и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, занимаясь каждый день съ утра до вечера, я успѣлъ выучить почти весь курсъ того, что нужно было для вступительнаго экзамена въ университетъ. Учитель прошелъ со мною и коническія сѣченія, которыя тогда требовались. Въ половинѣ августа 1833 года, со страхомъ и трепетомъ я отправился въ Харьковъ съ матерью и моимъ учителемъ. Вступительный экзаменъ сошелъ какъ нельзя болѣе благополучно. Профессоръ математики Павловскій, отличавшійся, какъ о немъ говорили, большою строгостью и неснисходительностью, пропустилъ меня, записавши мнѣ хорошій баллъ. Радость моя была непомѣрная. Меня помѣстили у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго. Я попалъ къ нему совершенно случайно. Не предполагая прежде помѣститься у этого профессора, я отправился къ нему вмѣстѣ со своимъ учителемъ поговорить на счетъ вступительнаго экзамена изъ латыни, въ которой я себя чувствовалъ недостаточно крѣпкимъ послѣ уроковъ Андрея Ивановича Бѣлинскаго. И мнѣ, и моему учителю Петръ Ивановичъ такъ понравился, что, выходя отъ него, мы разсудили, что всего

лучше мнѣ помѣститься у этого профессора. Передавши нашу мысль моей матери, мы снова отправились къ Сокальскому и договорились съ нимъ о квартирѣ. Окончивъ вступительный экзаменъ по всѣмъ предметамъ, я простился съ матерью и моимъ деревенскимъ учителемъ, уѣхавшими домой, а самъ остался въ домѣ Сокальскаго. Мнѣ дали отдѣльную комнату въ особомъ флигелѣ, въ которомъ, кромѣ меня, было четверо студентовъ, проживавшихъ у Сокальскаго также въ отдѣльныхъ комнатахъ. Содержаніе и обращеніе съ нами было очень хорошее; одно только нѣсколько безпокоило меня: Сокальскій не дозволялъ курить табакъ, и это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, всунувши для куренія трубку въ верхній душникъ печки, нечаянно зажогъ сажу и самъ испугался; едва потушили и не допустили до пожара, но послѣ того Сокальскій махнулъ рукою и сказалъ: „лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете!“.

Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ я усиленно занялся изученіемъ языковъ, особенно латинскаго, который я очень полюбилъ, и вообще меня сталъ сильно привлекать античскій міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ ихъ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятникамъ искусствъ. Однажды, читая Иліаду въ подлинникѣ съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ стѣнъ Эліона. Я подговорилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я упросилъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ; одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы по-женски, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромаху. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Стукъ, гамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ его гости — профессоры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ менторскій суровый видъ, но потомъ, узнавши въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и захохоталъ во все горло.

За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ впрочемъ и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

... глава Пріамида,
Прежде прекрасная, бьется во прахѣ...

Когда послѣ того мы пошли къ нему обѣдать, онъ во все продолженіе стола, глядя на меня, не могъ удержаться отъ смѣха и говорилъ своимъ домашнимъ: „вотъ угостили меня! дали возможность повидать древность въ лицахъ!“

Семейство Сокальскаго состояло тогда изъ жены, трехъ малолѣтнихъ сыновей (изъ нихъ одинъ теперь харьковскій профессоръ, другой — редакторомъ „Одесскаго Вѣстника“ и замѣчательный піанистъ, а третій недавно скончался) и старой тещи, женщины чрезвычайно доброй и любимой всѣми студентами. Эта послѣдняя, по имени Надежда Емельяновна, осталась у меня въ памяти, какъ типъ старой, добродушной малороссіянки. Она говорила со всѣми не иначе, какъ по-малорусски, очень заботилась о выгодахъ квартирантовъ и по воскресеньямъ сама пекла и приносила намъ на завтракъ превосходные пирожки. Уже много лѣтъ, еще до женитьбы Сокальскаго на ея дочери, она содержала у себя квартирантовъ-студентовъ и хвалилась тѣмъ, что ее называли: „студентська мати“. Въ числѣ ея бывшихъ нахлѣбниковъ былъ знаменитый Остроградскій, о которомъ она сохраняла благоговѣйное воспоминаніе, какъ о лучшемъ изъ юношей, у нея проживавшихъ.

Въ то время харьковскій университетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Профессорскія кафедры занимались отчасти людьми бездарными, отчасти же хотя и талантливыми, какимъ былъ, напримѣръ, Кронебергъ, но лѣнивыми. Въ нашемъ историко-филологическомъ факультетѣ русская словесность была въ рукахъ нѣкоего Якимова. Онъ въ свое время прославился бездарнѣйшимъ переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ примѣръ безсмыслицы.— Русскую исторію читалъ Гулакъ-Артемовскій, человѣкъ безспорно съ поэтическимъ дарованіемъ, какъ показали его малорусскія стихотворенія, но въ своихъ лекціяхъ по русской исторіи отличавшійся пустымъ риторствомъ и

напыщенностью.— Профессоръ всеобщей исторіи Цыхъ былъ вскорѣ переведенъ въ Кіевъ. Онъ читалъ древнюю исторію по Герену и почти не прибавлялъ къ ней ничего своего.— Философію преподавалъ нѣкто Чановъ, бывшій прежде того частнымъ приставомъ.— Греческій языкъ читалъ какой-то нѣмецъ Мауреръ, знавшій свой предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣвшій русскимъ языкомъ и даромъ изложенія на какомъ бы то ни было языкѣ.— Французскій языкъ читалъ Паки де-Совиньи, бывшій недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. Это былъ шутъ въ полномъ смыслѣ слова; на лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для потѣхи. Онъ представлялъ, какъ въ праздникъ Богоявленія архіерей святитъ воду и „суевѣры“ бросаются къ рѣкѣ съ кувшинами, а „philosophe“ думаетъ себѣ иное; вооружался противъ крѣпостного права и копировалъ разговоръ съ помѣщикомъ такимъ образомъ: „пожалюйте, за што ви бьетъ вашъ мальшикъ?“ „О! онъ мой холёпъ?“ Qu'est-ce que c'est холёпъ?“ Помѣщикъ отвѣчаетъ: „ми, при государиня Катерина Алексѣевна шили и били свой шелювѣкъ“. „Ah, monsieur! при Катерина Алексѣевна биль одно время,— теперь — другое!“ Начинались сто разъ повторяемые анекдоты о Вольтерѣ, о достоинствахъ его произведеній, цитировались стихи изъ какой нибудь Альзиры, потомъ снова слѣдовало обращеніе къ Россіи съ указаніемъ разныхъ недостатковъ ея; впрочемъ доставалось на долю и нѣмцамъ. Паки де-Совиньи, какъ истый французъ, считалъ французскій народъ самымъ образованнымъ въ свѣтѣ и говорилъ, что хотя у нѣмцевъ есть стихотворцы, какъ Шиллеръ и Гёте, но куда имъ до Расина, Кребильона и Вольтера. Ему извѣстна была только старая французская литература, о новой, современной, онъ не имѣлъ никакого понятія, да и знать объ ней не хотѣлъ.— Попечителемъ харьковскаго университета былъ тогда нѣкто Филатьевъ, который въ первыхъ мѣсяцахъ 1834 года былъ переведенъ на какую-то другую должность и уѣхалъ, не подписавши утвержденія въ званіи студентовъ болѣе ста лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ текущемъ академическомъ году. Въ числѣ

этихъ неутвержденныхъ студентовъ былъ и я. Сокальскій объявилъ мнѣ, что, по силѣ университетскаго устава, я не имѣю права ни слушать лекціи, ни держать переходнаго экзамена; впрочемъ польстилъ меня надеждою, что, вѣроятно, будущій попечитель утвердитъ насъ всѣхъ и намъ дозволятъ держать переходный экзаменъ. Но такъ какъ слушать лекціи болѣе нельзя было, то я уѣхалъ изъ Харькова къ матери незадолго до святой недѣли и пробылъ въ деревнѣ до августа того же года. Никогда въ жизни я до такой степени не сближался съ сельскою природою какъ въ это время, тѣмъ болѣе, что со времени смерти моего отца, никогда не жилъ въ деревнѣ въ весенніе мѣсяцы и въ началѣ лѣта. Меня занимала каждая травка, каждый цвѣтокъ, каждая птичка и букашка. Между тѣмъ я въ деревнѣ продолжалъ учиться по-латыни и по-французски, такъ что къ концу лѣта могъ уже свободно читать á livre ouvert всякія французскія книги и прочелъ въ это время Notre Dame Гюго, книгу, извѣстную по трудности языка, наполненнаго разными архаизмами. Эта книга сдѣлала на меня большое впечатлѣніе; я полюбилъ ея автора и принялся жадно за чтеніе другихъ его сочиненій. Въ августѣ я отправился въ Харьковъ. Тамъ былъ уже новый попечитель графъ Головкинъ, восмидесятилѣтній старецъ, проведшій жизнь за-границей и объяснявшійся по-русски очень плохо. Первымъ его дѣломъ по вступленіи было утвердить всѣхъ неутвержденныхъ его предшественникомъ студентовъ. Намъ позволили держать экзаменъ и черезъ нѣсколько дней я былъ переведенъ на второй курсъ. Въ этотъ академическій годъ я проживалъ по прежнему у Сокальскаго, хотя уже въ другомъ домѣ, только что имъ отстроенномъ. Любовь къ латинскому языку и античному міру стала у меня охладѣвать. Я съ жаромъ увлекся французскимъ языкомъ, а съ зимы началъ заниматься и италіянскимъ. Между тѣмъ мнѣ пришло желаніе взяться и за музыку; я купилъ себѣ фортепіано за триста рублей ассигнаціями и договорилъ себѣ учителя; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ желаніе къ музыкѣ стало проходить, тѣмъ болѣе, что музыка требовала занятій по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ въ день, а я на то совсѣмъ не имѣлъ времени. Съ большимъ постоянствомъ я испытывалъ свои силы въ стихо-

творствѣ, которымъ началъ заниматься еще во время своего пребыванія въ деревнѣ, куда удалился-было, оставшись неутвержденнымъ въ званіи студента. Передъ тѣмъ любимѣйшимъ занятіемъ моимъ было изученіе древнихъ авторовъ и особенно Виргилія. Я получилъ вкусъ къ античному изображенію сельской природы и писалъ на русскомъ языкѣ идиллическія стихотворенія, употребляя гекзаметръ, который изъ всѣхъ размѣровъ мнѣ особенно нравился. Эти первые опыты остались ненапечатанными, а впослѣдствіи, увлекшись исторіей, я совершенно оставилъ стихописательство на русскомъ языкѣ.

1835 годъ былъ знаменателенъ въ исторіи харьковскаго университета: въ немъ показывалось какое-то обновленіе. По разнымъ каѳедрамъ присланы были свѣжія, молодыя силы, новые люди, возвратившіеся изъ-за границы, куда были посылаемы министромъ для окончанія образованія. Нашъ историко-филологическій факультетъ былъ обновленъ появленіемъ двухъ талантливыхъ и ученыхъ профессоровъ. Первый былъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи Михаилъ Михайловичъ Лунинъ; второй — по каѳедрѣ греческой словесности — Альфонсъ Осиповичъ Валицкій. Первый былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда либо являлись въ нашихъ университетахъ. Онъ былъ вооруженъ всею современною ученостію, получивъ ее въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Его лекціи по древней исторіи, и преимущественно, Востока, и по средней исторіи, особенно лекціи о распространеніи христіанства и о борьбѣ его съ язычествомъ, были столько же глубокомысленны, какъ и увлекательны. Исторію Новыхъ вѣковъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекціи этого профессора оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію

к изученію историческихъ книгъ. Валицкій менѣе имѣлъ на меня вліянія, чѣмъ Лунинъ, такъ какъ я не имѣлъ ни надлежащей подготовки, ни особаго стремленія, чтобы сдѣлать греческую литературу и древности для себя спеціальностью; но я посѣщалъ его лекціи и слушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ. Замѣтимъ, что Валицкій имѣлъ отличный даръ слова и былъ вообще въ изложеніи своего предмета гораздо живѣе Лунина.

Съѣздивши на вакаціи въ деревню и пріѣхавши снова въ Харьковъ въ августѣ 1835 года, я уже не сталъ жить у Сокальскаго и помѣстился у Артемовскаго-Гулака. Здѣсь я съ большимъ увлеченіемъ занимался исторіею и проводилъ дни и ночи надъ чтеніемъ всевозможныхъ историческихъ книгъ. Мнѣ хотѣлось знать судьбу всѣхъ народовъ; не менѣе интересовала меня и литература съ исторической точки ея значенія.

Дворъ Артемовскаго-Гулака помѣщался почти при окончности города, на одной изъ улицъ, выходившихъ къ полю. Проминувши нѣсколько дворовъ, можно было достигнуть стараго кладбища съ небольшою церковью; въ ясные весенніе и осенніе дни ходить туда сдѣлалось для меня обычною прогулкою. Узнавши объ этомъ, мой хозяинъ растолковалъ это припадкомъ меланхоліи и сталъ уговаривать меня избирать для прогулокъ болѣе веселыя и людныя мѣста. Самъ онъ помѣщался въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, выходившемъ фасадомъ на улицу, а внутри довольно нарядно убранномъ. Студенты были размѣщены въ двухъ флигеляхъ, стоявшихъ на дворѣ; въ одномъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, жило двое студентовъ: Деревицкій и я. Вообще во все время своего студенчества я мало сближался съ товарищами, хотя съ тѣми, съ которыми случай доставилъ возможность быть знакомымъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ. О характерѣ студенческой корпораціи того времени можно замѣтить, что она не имѣла крѣпкой солидарности; кромѣ слушанія лекцій не было между студентами взаимныхъ интересовъ и потому не на чемъ было образоваться связи, которая бы привязывала каждаго ко всему кругу товарищей, по принадлежности его къ студентскому званію. Студенты знакомились и

дружились между собою по случаю или по особымъ личнымъ сочувствіямъ и потому можно было пробыть въ университетѣ нѣсколько лѣтъ сряду и не быть знакомымъ съ товарищами одного курса; не говорю уже о студентахъ разныхъ факультетовъ, между которыми не было даже единенія по поводу лекцій. Вообще студентовъ тогдашнихъ, по ихъ склонностямъ и развитію, можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, хотя бы и недостойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента; при господствовавшей издавна продажности въ харьковскомъ университетѣ, это было нетрудно: профессоры были снисходительны къ пансіонерамъ своихъ товарищей, такъ какъ у нихъ самихъ были пансіонеры, нуждавшіеся въ протекціи: «Manus manum lavat» (рука руку моетъ), говаривали они по этому поводу. Проболтавшись три года въ Харьковѣ, батюшкинъ или матушкинъ сынокъ получалъ ученую степень, дававшую право на классный чинъ, и потомъ уѣзжалъ въ родительскую берлогу и выхлопатывалъ себѣ какую-нибудь номинальную должность, напримѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи, или что нибудь подобное, чѣмъ, какъ извѣстно, была обильна наша Русь-матушка, иногда же вступалъ въ военную службу, дѣлался адъютантомъ у какого-нибудь генерала, а послуживши нѣсколько, удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогою, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и стремились въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею: харьковскій университетъ доставлялъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ казеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій.

Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціею университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей; успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣмецкихъ философовъ, хотя, по темнотѣ послѣднихъ, не всегда ясно постигали читаемое и увлекались во всевозможныя произвольныя толкованія и системы. Наконецъ, 4) люди не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ, и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя какъ попало: многіе предавались кутежамъ всякаго рода, иные сидѣли скромно за книгами въ уютныхъ квартирахъ, стараясь пробираться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣла отъ случая: иному вывозило и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ на одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или кандидаты профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть можетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени.

Несмотря на то, что я жилъ у профессора, любовь къ занятіямъ была у меня настолько сильна, что мнѣ не приходилось пользоваться протекціею моего хозяина профессора. Я постоянно сидѣлъ за книгами, не имѣлъ въ городѣ почти никакихъ знакомыхъ и самыхъ товарищей принималъ рѣдко. Такой образъ жизни велъ я до самыхъ рождественскихъ святокъ, когда отправился въ деревню къ матери. Наканунѣ Крещенія, собираясь возвращаться въ Харьковъ, я поѣхалъ въ свой уѣздный городъ взять подорожную и, возвращаясь къ вечеру въ слободу, почувствовалъ себя больнымъ. Пріѣхавши домой, я заболѣлъ оспой и пролежалъ болѣе мѣсяца, а потомъ выздоравливалъ до конца марта. Болѣзнь моя была такъ сильна, что нѣсколько дней боялись смерти или, что еще хуже, слѣпоты. Глаза мои, и безъ того уже требовавшіе очковъ для близорукихъ, съ этихъ поръ еще болѣе ослабѣли. 25 марта я пустился въ

дорогу еще съ красными пятнами на лицѣ и съ слабыми мускулами; меня останавливали, но мнѣ ни за что не хотѣлось пропустить экзамена и оставаться въ университетѣ лишній годъ. Оказалось, что въ мое отсутствіе разнеслась вѣсть о моей смерти, и какой-то студентъ въ отвѣтъ профессору, перекликавшему студентовъ на репетиціи и упомянувшему мое имя, заявилъ, что я умеръ, а профессоръ перечеркнулъ въ спискѣ мое имя. Послѣ святой недѣли я принялся сильно готовиться къ экзамену и въ іюнѣ выдержалъ его. Всѣ отмѣтки были вполнѣ удовлетворительны; я былъ въ увѣренности, что получу степень кандидата за отличіе. Вспомню при этомъ забавный случай, бывшій съ профессоромъ Паки де-Совиньи. Такъ какъ этотъ наставникъ, по старому обыкновенію своему, не преподавалъ никакой науки, а только либеральничалъ въ аудиторіи, то трудно было кому бы то ни было сдавать экзаменъ изъ преподаваемаго имъ предмета. Заведено было, что предъ экзаменомъ студенты ходили къ нему на домъ брать «лесоны» и платили за каждый по красненькой (10 рублей ассигнаціями); и я отправился къ нему брать лесонъ. Профессоръ даетъ мнѣ свою собственную исторію литературы и заставляетъ меня прочитать одну страничку, гдѣ помѣщалась рубрика: «De la litterature française sous Henri IV». Я прочелъ и далъ ему красненькую. «Bien, monsieur: vous aurez *optime*». Но я замѣтилъ ему, что «optime» для меня мало, что для меня нужно «eminenter», потому, что если я получу изъ нѣсколькихъ предметовъ optime *), то мнѣ не дадутъ степени кандидата; я же не надѣялся получить eminenter изъ греческаго языка. Профессоръ на это сказалъ, «pour l'eminenter il faut prendre encore une leçon». Я далъ ему еще одну красненькую. Паки де-Совиньи заставилъ меня прочесть то же самое, что я только что читалъ и обѣщалъ поставить eminenter; но когда я пришелъ на экзаменъ и былъ вызванъ, Паки де-Совиньи перепуталъ мою фамилію съ фамиліею другого студента и спросилъ меня «De la litterature française en général». Я пріостановился, а профессора, члены факультета, знавшіе продѣлки француза,

*) optime — очень хорошо, eminenter — превосходно.

поняли въ чемъ дѣло и начали закрывать себѣ рты отъ смѣха. Студенты, сидѣвшіе на скамьѣ сзади меня, также смѣялись. Наконецъ, постоявши немного молча, я началъ говорить ему заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки де-Совиньи, какъ видно не догадываясь, остановилъ меня и замѣтилъ, что я говорю не то; я, не обращая вниманія, продолжаю заученное, и въ заключеніе профессоръ хотѣлъ писать мнѣ optime, но деканъ факультета, знавшій все это, шепнулъ ему на ухо, и французъ только тогда понялъ свою ошибку и записалъ мнѣ eminenter, насмѣшивши и профессоровъ, и студентовъ. Но мнѣ не помогло ничто. Когда я, въ полной увѣренности, что буду кандидатомъ, уѣхалъ домой на вакацію, Артемовскій-Гулакъ написалъ мнѣ, что я не получу степени кандидата, потому что законоучитель, экзаменовавшій меня при переходѣ изъ перваго курса во второй, записалъ мнѣ по предмету богословія «bene» (хорошо) и такъ какъ при окончательномъ экзаменѣ не спрашивали изъ богословія, то прежде выставленная аттестація служила и при окончательномъ экзаменѣ, а имѣющему хотя одно «bene» не давалась степень кандидата за отличіе. Нечего было дѣлать; приходилось ѣхать въ Харьковъ и держать особый экзаменъ на степень кандидата.

Послѣ вакацій я отправился снова, помѣстился у того же Артемовскаго-Гулака, но уже на другихъ условіяхъ: онъ отказался брать съ меня деньги за помѣщеніе и предложилъ мнѣ преподавать исторію его сыновьямъ. Въ такомъ положеніи я прожилъ до января 1837 года, когда былъ подвергнутъ экзамену. Случилось странное обстоятельство, показывающее до какой степени соблюденіе формальностей шло въ-разрѣзъ съ здравымъ смысломъ. Казалось бы, если богословіе помѣшало мнѣ получить степень кандидата, то стоило подвергнуть меня экзамену изъ одного богословія; меня, напротивъ того, экзаменовали изо всѣхъ предметовъ, исключая богословія, такъ какъ послѣдняя наука не входила въ программу на степень кандидата. На этомъ же экзаменѣ со мною произошелъ опять забавный случай. Я экзаменовался изъ философіи. Профессоръ этого предмета Протопоповъ давалъ студентамъ свои записки, напичканныя

туманными фразами изъ нѣмецкихъ философовъ; были мѣста, въ которыхъ по-русски никакъ нельзя было добраться смысла, и учить его философію было истинное мученіе для студентовъ. Я въ это время уже немного ознакомился съ нѣмецкими философами и часто, между товарищами, для потѣхи, говорилъ по-русски философскимъ языкомъ совершенную чепуху, показывая, какъ можно, при помощи этого филосовскаго тумана, озадачить другихъ и показаться глубоко-ученымъ именно потому, что слушающій ничего не пойметъ. Будучи увѣренъ, что самъ много-ученый профессоръ не совсѣмъ ясно понималъ то, чему его научили нѣмцы, которыхъ языкъ онъ зналъ съ грѣхомъ пополамъ, я умышленно занесъ ему на экзаменѣ безсмыслицу, уснащивая ее всевозможными „абсолютами, абстрактами“ и тому подобными терминами, бывшими тогда въ модѣ въ философскомъ языкѣ. Протопоповъ выслушалъ со вниманіемъ и записалъ мнѣ — превосходно, воображая, что я вѣрно говорилъ ему то, что прочиталъ въ какой-нибудь нѣмецкой книгѣ.

По окончаніи экзамена и получивъ степень кандидата, я уѣхалъ въ деревню и вскорѣ опредѣлился въ Кинбургскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Къ этому меня побудило желаніе узнать людей и всякое общество, между прочимъ и военное, мнѣ совершенно неизвѣстное; но нести военную службу мнѣ помѣшало воспрещеніе носить очки въ званіи юнкера и кромѣ того не прошло еще мѣсяца, какъ мнѣ уже стали надоѣдать военныя ученія и тогдашніе военные товарищи, которыхъ крайнюю пустоту я увидѣлъ. Вдобавокъ, въ городѣ Острогожскѣ, гдѣ стоялъ тогда полкъ, былъ очень богатый архивъ уѣзднаго суда, сохранившій всѣ старыя дѣла бывшаго казачьяго полка со временъ основанія города. Я сталъ заниматься этими дѣлами и увлекся этимъ занятіемъ. Это былъ мой первый опытъ въ занятіяхъ русскою исторіею по источникамъ и первою школою для чтенія старыхъ бумагъ. Археологическія занятія стали отвлекать меня отъ военной службы: вахмистръ жаловался на мое нерадѣніе, наконецъ, командиръ полка пригласилъ меня къ себѣ и совѣтовалъ оставить военную службу, представляя, что я не одаренъ къ ней никакими способностями и вѣроятно принесу болѣе

пользы обществу въ другой сферѣ. Я удалился и всецѣло принялся за свою археологію. Поработавъ цѣлое лѣто надъ казачьими бумагами, я составилъ по нимъ историческое описаніе Острогожскаго слободскаго полка, приложилъ къ нему въ спискахъ много важнѣйшихъ документовъ и приготовилъ къ печати; но потомъ задумалъ такимъ же образомъ перебрать архивы другихъ слободскихъ полковъ и составить исторію всей слободской Украины. Намѣреніе это не приведено было къ концу: мой начатый трудъ со всѣми документами, приложенными въ спискахъ къ моему обзору, попался въ Кіевѣ между прочими бумагами при моей арестаціи въ 1847 г. и мнѣ возвращенъ не былъ.

Осенью 1837 года я отправился въ Харьковъ. Чувствуя, что въ моемъ образованіи многое было упущено и желая дополнить его, и принялся прилежно слушать лекціи Лунина, иногда же посѣщалъ лекціи Валицкаго. Исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ проявленій его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть, чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ: нужно только приняться поискать — и вѣрно найдется многое, что до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа; а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ его малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 года, великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество,

такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой нибудь мѣсяцъ я уже зналъ наизусть сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа. Когда же я прочелъ „Запорожскую Старину“ Срезневскаго и наивно вѣрилъ какъ подлинности помѣщенныхъ тамъ пѣснопѣній, подъ именемъ народныхъ, такъ и историческимъ объясненіямъ издателя этой книги, то книга эта ввела меня въ заблужденіе. Впрочемъ, не меня одного она соблазнила: многіе знатоки и любители народной поэзіи вѣрили въ то, что въ ней выдавалось за народное произведеніе и за историческую истину. При посредствѣ Амвросія Лукьяновича Метлинскаго, съ которымъ сошелся, еще живучи у Артемовскаго-Гулака, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя, я познакомился съ издателемъ „Запорожской Старины“, Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, тогда уже получившимъ должность адъюнктъ-профессора по статистикѣ въ университетѣ. Знакомство это возымѣло надолго сильное на меня вліяніе. Измаилъ Ивановичъ, въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ и съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его, и домъ его сдѣлался для меня любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей. И. И. Срезневскій жилъ тогда за Лопанью, въ домѣ Юнкфера, вмѣстѣ съ матерью, женщиною очень развитою, доброю, гостепріимною и хорошею музыкантшею. Хотя спеціальностью его была статистика, но онъ не чуждался изящной литературы и поэзіи, питалъ особенную любовь къ славянскимъ языкамъ и литературамъ, любилъ также малорусскую народность, съ которою имѣлъ случай близко познакомиться, находившись передъ тѣмъ учителемъ у одного помѣщика екатеринославской губерніи, Подольскаго, недалеко отъ днѣпровскихъ пороговъ. Вообще сближеніе мое съ этимъ человѣкомъ сильно содѣйствовало моему стремленію къ изученію малорусской народности. Въ это время отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ я перешелъ къ чтенію малорусскихъ со-

чиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало. До тѣхъ поръ я не читалъ ни одной малорусской книги, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которую еще въ дѣтствѣ, при отцѣ, вздумалъ было читать, но, мало понимая, бросилъ ее. Теперь, вооружившись новыми взглядами, я досталъ повѣсти Квитки, изданныя въ то время подъ псевдонимомъ Грицька Основьяненка. Мое знаніе малорусскаго языка было до того слабо, что я не могъ понять „Солдатскаго Портрета“, и очень досадовалъ, что не было словаря; за неимѣніемъ послѣдняго, служилъ мнѣ мой слуга, уроженецъ нашей слободы по имени Ѳома Голубченко, молодой парень лѣтъ шестнадцати. Кромѣ того, гдѣ только я встрѣчался съ коротко-знакомыми малороссами, то безъ церемоніи осаждалъ ихъ вопросами: что значитъ такое-то слово, или такой-то оборотъ рѣчи. Въ короткое время я перечиталъ все, что только было печатнаго по малорусски, но этого мнѣ казалось мало; я хотѣлъ поближе познакомиться съ самымъ народомъ не изъ книгъ, но изъ живой рѣчи, изъ живого обращенія съ нимъ. Съ этой цѣлью я началъ дѣлать энтографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами. Я слушалъ рѣчь и разговоры, записывалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, распрашивалъ о народномъ житьѣ-бытьѣ, записывалъ сообщаемыя мнѣ извѣстія и заставлялъ себѣ пѣть пѣсни. На все это я не жалѣлъ денегъ, и если не давалъ ихъ прямо въ руки, то кормилъ и поилъ своихъ собесѣдниковъ.— Зимою съѣздилъ я изъ Харькова въ Полтаву, осмотрѣлъ городъ и посѣтилъ его окрестности. Тогда же обозрѣлъ я поле сраженія со шведами, сходилъ на шведскую могилу, гдѣ стоялъ крестъ, съ написанными на немъ словами, произнесенными Петромъ Великимъ въ день Полтавской битвы: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорога, только бы жила Россія, слава, честь и благосостояніе ваше“. Прямо противъ могилы находился шинокъ, содержимый евреемъ. Заѣхавши туда, встрѣтилъ я старика, служившаго нѣкогда, какъ онъ говорилъ, въ ополченіи 1812 года. Этотъ старикъ повелъ меня къ огромному дубу, подъ которымъ, по преданію, отдыхалъ Петръ послѣ Полтавской битвы. Оттуда проѣхалъ я въ Диканку, имѣніе Кочубея.

Меня влекло туда то обстоятельство, что въ то время я началъ писать драму, которой сюжетъ составляла извѣстная исторія Матрены Кочубей. Въ Диканькѣ священникъ показалъ мнѣ рубашку съ кровавыми пятнами, снятую съ тѣла Василія Леонтьевича Кочубея въ день его мученической смерти. Эту вещь хранили потомки какъ святыню, но никакихъ преданій, относящихся къ трагическому событію, тогда меня занимавшему, я не услыхалъ. Въ Диканькѣ случилось со мною происшествіе, характерное какъ черта народныхъ пріемовъ малороссовъ. Я пріѣхалъ въ село поздно и нигдѣ не могъ допроситься ночлега; между тѣмъ, морозъ былъ жестокій, приходилось замерзать на улицѣ, и я обратился къ сельскому начальству съ просьбою доставить мнѣ какой-нибудь пріютъ. Сельскій старшина отвелъ мнѣ помѣщеніе въ хатѣ одного крестьянина, но меня упорно не хотѣли пускать и только при настояніи начальства должны были пустить. Хозяинъ, лежа на печи, ворчалъ; хозяйка смотрѣла на меня исподлобья и ни за что не хотѣла разложить огня и сварить мнѣ яицъ; но, расположившись противъ ихъ воли въ ихъ хатѣ, я пытался разговориться съ непривѣтливымъ хозяиномъ, и это мнѣ удалось не иначе какъ послѣ долгаго упрямства съ его стороны. Мало-по-малу онъ разговорился и дѣло кончилось тѣмъ, что мы съ нимъ подружились и сама суровая хозяйка стала радушною, гостепріимною. Уже было около полуночи и сами хозяева предложили развести огонь и сварить мнѣ варениковъ. Вдобавокъ у хозяина нашлась водка; мы съ нимъ выпили и закусили, а на другой день хозяева стали ко мнѣ еще услужливѣе и при выѣздѣ изъ села прощались дружески и просили не забывать ихъ, если мнѣ случится быть въ Диканькѣ.

О прошедшей исторіи Малороссіи я имѣлъ свѣдѣнія преимущественно по Бантышу-Каменскому. Несмотря на малое знакомство мое съ малорусскою рѣчью и народностію, я задумалъ писать по-малорусски и началъ составлять стихи, которые впослѣдствіи явились въ печати подъ названіемъ „Украинскихъ балладъ“. Когда я пробовалъ читать мои произведенія знакомымъ малоруссамъ, бывшимъ своимъ товарищамъ, то встрѣтилъ очень неодобрительные отзывы; одни смѣялись надъ моимъ малознаніемъ и указывали мнѣ про-

махи, другіе поднимали на смѣхъ самую идею писать на малорусскомъ языкѣ. Замѣчательно, что Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій, который самъ впослѣдствіи писалъ и печаталъ по-малорусски, былъ въ числѣ противниковъ моихъ идей о малорусскомъ писательствѣ. Я не поддавался ничему и, напротивъ, увлеченіе болѣе и болѣе овладѣвало мною.

Въ февралѣ 1838 года я принялся писать драматическое произведеніе и въ теченіе трехъ недѣль сотворилъ „Савву Чалаго“, взявши содержаніе изъ извѣстной народной пѣсни, но сдѣлалъ большую историческую ошибку, произвольно отнесши событіе, воспѣваемое въ этой пѣснѣ, къ первой половинѣ XVII вѣка, тогда какъ оно относилось къ первой половинѣ XVIII-го. Когда я прочелъ своего „Савву Чалаго“ И. И. Срезневскому въ присутствіи нѣсколькихъ знакомыхъ малороссовъ, онъ очень похвалилъ мое произведеніе, а другіе находили въ немъ разные промахи.

Вслѣдъ затѣмъ, не печатая своихъ малорусскихъ произведеній, раннею весною 1838 года, я отправился въ Москву вмѣстѣ съ Метлинскимъ, получившимъ какую-то командировку по должности библіотекаря, которую онъ занималъ въ харьковскомъ университетѣ. Пребываніе мое въ Москвѣ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Я слушалъ университетскія лекціи тамошнихъ профессоровъ и имѣлъ намѣреніе держать экзаменъ на степень магистра русской словесности; но отложивши этотъ планъ на будущее время, въ началѣ лѣта отправился вмѣстѣ съ Метлинскимъ въ воронежскую губернію, пробылъ недѣли двѣ у матери; потомъ, проводивши отъ себя Метлинскаго, остался въ слободѣ и съ жаромъ принялся учиться нѣмецкому языку, въ которомъ чувствовалъ себя малознающимъ. Я занимался очень прилежно все лѣто, выучилъ всю грамматику и цѣлый словарь, такъ что могъ утѣшать себя, раскрывая на удачу книгу и повѣряя знаніе нѣмецкихъ словъ, встрѣчающихся въ словарѣ. Вооружившись такимъ пріобрѣтеніемъ, я сталъ читать Гёте и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ прочелъ его всего въ парижскомъ изданіи въ $^1/_8$ л. въ два столбца. То же сдѣлалъ я и съ сочиненіями Шиллера.

Между тѣмъ наступала осень; я снова отправился въ Харьковъ и принялся печатать своего „Савву Чалаго“. Печа-

таніе протянулось почти всю зиму, а я въ это время учился по-польски у одного студента и по-чешски — самоучкой, причемъ тогда же перевелъ малорусскими стихами старочешскія стихотворенія, извѣстныя тогда подъ именемъ Краледворской рукописи.

За „Саввой Чалымъ“ я отдалъ въ печать и свои стихотворенія, давши имъ общее названіе украинскихъ балладъ, названіе, не вполнѣ подходившее къ содержанію всѣхъ помѣщенныхъ тамъ стихотвореній. Обѣ книги, послѣ всѣхъ цензурныхъ мытарствъ, явились въ свѣтъ весною 1839 года. Любовь къ малорусскому слову болѣе и болѣе увлекала меня; мнѣ было досадно, что такой прекрасный языкъ остается безъ всякой литературной обработки и сверхъ того подвергается совершенно незаслуженному презрѣнію. Я повсюду слышалъ грубыя выходки и насмѣшки надъ хохлами не только отъ великоруссовъ, но даже и отъ малоруссовъ высшаго класса, считавшихъ дозволительнымъ глумиться надъ мужикомъ и его способомъ выраженія. Такое отношеніе къ народу и его рѣчи мнѣ казалось униженіемъ человѣческаго достоинства, и чѣмъ чаще встрѣчалъ я подобныя выходки, тѣмъ сильнѣе пристращался къ малорусской народности. Ѣздя изъ Харькова, въ свое имѣніе и обратно въ Харьковъ, я по дорогѣ завелъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ знакомыхъ поселянъ, къ которымъ заѣзжалъ и при ихъ помощи сходился съ народомъ. При этомъ я записывалъ множество пѣсенъ и свѣдѣній о народныхъ обрядахъ и обычаяхъ.

Лѣтомъ 1839 года начался со мною рядъ несчастій, значительно подорвавшихъ мое здоровье. Вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ и нѣсколькими знакомыми изъ бывшихъ моихъ товарищей и молодыхъ профессоровъ, я былъ въ женскомъ монастырѣ Хорошевѣ, въ 18 верстахъ отъ Харькова, окруженномъ красивою рощею. Мы пробыли тамъ двое сутокъ и лунныя ночи проводили на воздухѣ; вслѣдствіе этого я схватилъ горловую болѣзнь и, возвратившись въ Харьковъ, обратился къ неизвѣстному мнѣ медику, жившему въ одномъ дворѣ со мною. До тѣхъ поръ въ Харьковѣ я никогда не болѣлъ и потому не запасся постояннымъ врачемъ; тотъ же, которому я себя ввѣрилъ, былъ отъявленный шарлатанъ и

осмотрѣвши меня, нашелъ во мнѣ какія-то ужасныя болѣзни, страшно напугалъ меня и началъ пичкать лекарствами, приказавши мнѣ сидѣть дома на строжайшей діэтѣ. Черезъ четыре дня зашелъ ко мнѣ случайно одинъ молодой докторъ, преподававшій въ университетѣ и увидя, что я сижу въ духотѣ, сталъ распрашивать, а когда я ему сообщилъ то, что мнѣ наговорилъ мой эскулапъ, онъ расхохотался, увѣрилъ меня, что я дѣлаюсь предметомъ эксплуатаціи для шарлатана и убѣдилъ бросить всѣ лекарства, покинуть назначенную мнѣ строгую діэту и вмѣстѣ съ нимъ итти гулять въ садъ. Я послушался, пошелъ въ садъ, а оттуда, желая болѣе разсѣять меня отъ внушенныхъ страховъ, онъ пригласилъ меня въ ресторацію, гдѣ мы вмѣстѣ поужинали и выпили вина. На другой день мой эскулапъ, узнавши объ этомъ, сказалъ мнѣ: „ну, теперь вы пропали; черезъ мѣсяцъ увидите что съ вами будетъ!“ Это запало мнѣ въ воображеніе.

Со мною долго не было ничего дурного и я отправился въ свое имѣніе; но какъ только кончился мѣсяцъ и наступилъ роковой срокъ, назначенный эскулапомъ, такъ мнѣ начали представляться самые возмутительные болѣзненные признаки. Я обратился къ одному полковому врачу, который мнѣ сказалъ то же, что и харьковскій профессоръ. Недовольный этимъ, я прибѣгнулъ къ совѣту другого врача — и тотъ сказалъ мнѣ тоже. Я обратился къ третьему, который нашелъ у меня такія же болѣзни, какъ и харьковскій эскулапъ. Тутъ уже ничто не могло побѣдить моей мнительности; я поторопился въ Харьковъ, началъ обращаться то къ одному, то къ другому изъ медицинскихъ профессоровъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ принялся лечить меня и поручилъ наблюдать за мною какому-то студенту изъ евреевъ. Попринимавши пилюли съ мѣсяцъ, я узналъ, что мнѣ не давали лекарствъ, а считая болѣзнь мою плодомъ воображенія, пичкали совершенно невинными средствами. Мнительность опять одолѣла меня. Я еще разъ обратился къ новому врачу, который уже началъ меня лечить дѣйствительно. Отъ его леченія не произошло ничего. Мнѣ все казалось, что я боленъ. Весною 1840 года, готовясь къ экзамену на степень магистра, я обратился еще къ одному медику, который закатилъ мнѣ такую кладь, что послѣ нея у меня сдѣлались частыя головныя боли

Наконецъ, я пересталъ лечиться, испытавши, что ничто не помогаетъ тѣмъ недугамъ, которые мнѣ тогда представлялись.

Все лѣто 1840 года я провелъ въ Харьковѣ, занимаясь исторіей, съ цѣлью держать экзаменъ на степень магистра, сидѣлъ буквально дни и ночи и, наконецъ, подалъ прошеніе о допущеніи меня къ экзамену, и въ то же время печатался новый сборникъ моихъ украинскихъ стихотвореній подъ названіемъ „Вѣтка“. Меня позвали въ засѣданіе 24 ноября. Профессоръ Лунинъ экзаменовалъ меня изъ всеобщей исторіи очень строго; испытаніе продолжалось часъ и три четверти; я выдержалъ счастливо. Затѣмъ Артемовскій-Гулакъ экзаменовалъ меня изъ русской исторіи до такой степени поверхностно, что я могъ бы не прочитавши ни одной книги, отвѣчать на его вопросы. Черезъ десять дней позвали меня снова на экзаменъ изъ прибавочныхъ предметовъ: политической экономіи и статистики. Изъ первой—экзаменовалъ ъменя Сокольскій, изъ второй — мой товарищъ по студентству Рославскій. Изъ обоихъ предметовъ я отвѣчалъ удовлетворительно. За экзаменомъ слѣдовало письменное испытаніе; меня заставили во время засѣданія совѣта въ университетскомъ залѣ сочинить два разсужденія на заданныя темы, одно по всеобщей, другое по русской исторіи. Во время писанія я случайно былъ свидѣтелемъ чрезвычайно скандальной сцены. Въ засѣданіи совѣта профессоръ Лунинъ сцѣпился съ Артемовскимъ-Гулакомъ и наговорилъ ему такихъ рѣзкихъ, обличительныхъ замѣчаній, что мнѣ показалось страннымъ, какъ Артемовскій-Гулакъ могъ отбиваться отъ него своею обычною, высокопарною риторикою. Наконецъ, замѣтивши мое присутствіе и находя неумѣстнымъ допускать постороннаго свидѣтеля такимъ семейнымъ сценамъ въ ученомъ сословіи, мнѣ велѣли уйти въ другую комнату. Мои письменные отвѣты были признаны удовлетворительными и мнѣ дозволили писать и представить диссертацію на избранную мною самимъ тему. Я избралъ о значеніи уніи въ исторіи западной Руси и весною 1841 года подалъ написанную диссертацію въ факультетъ. Отдавши свое сочиненіе на разсмотрѣніе, я отправился въ Крымъ для морского купанья, такъ какъ, по совѣту врачей, недавніе изобильные пріемы

лекарствъ и усиленная головная работа, по приготовленію къ магистерскому экзамену, требовали поправленія моего здоровья.

Я купался въ Ѳеодосіи, гдѣ испыталъ ужаснѣйшую скуку, тѣмъ болѣе, что въ то время я не могъ найти удобнаго помѣщенія въ городѣ и жилъ въ очень плохой гостинницѣ. Протерпѣвши четыре недѣли, я отправился на южный берегъ верхомъ съ проводникомъ татариномъ, имѣлъ намѣреніе объѣхать весь берегъ до самаго Севастополя, но доѣхавши до Ялты, утомился и поворотилъ назадъ къ Алуштѣ; оттуда ѣздилъ на вершину Чатырдага и спустившись съ горы, проѣхалъ въ Симферополь, посѣтивши, по указанію моего проводника, истокъ Салгира.

Въ первый разъ въ жизни видѣлъ я высокія горы и морскіе берега. Всхожденіе на Чатырдагъ оставило на мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. На вершинѣ горы представился мнѣ поразительный видъ горныхъ вершинъ Яйлы и безбрежной синевы Чернаго моря. Несмотря на то, что день былъ ясный и очень знойный, на вершинѣ Чатырдага меня пробиралъ такой холодный вѣтеръ, что впору было надѣвать теплое платье. Пробывши тамъ нѣсколько часовъ, я сталъ спускаться уже при солнечномъ закатѣ и когда былъ на половинѣ спуска съ горы, небо уже темнѣло. Спускаться съ Чатырдага для непривычнаго человѣка кажется очень страшно: склона горы невидно сверху внизъ и безпрестанно кажется, какъ будто летишь въ пропасть. Потерявши изъ вида своего проводника, я до того пришелъ въ страхъ, что соскочилъ съ лошади и намѣревался сходить пѣшкомъ; лошадь карабкалась по каменной почвѣ такими неровными шагами, что казалось — вотъ упадетъ и я съ нее полечу внизъ; но мой татаринъ, завидя, что со мною дѣлается, подъѣхалъ ко мнѣ, помогъ снова сѣсть на лошадь и успокоилъ меня увѣряя, что крымскія лошади привыкли, какъ кошки, лазить по горамъ и никогда не сбросятъ сѣдока. Въ темнотѣ съѣзжать было безстрашнѣе, потому что глазъ не видѣлъ предъ собою мнимой пропасти. Съѣхавши съ крутизны, приходилось пробираться лѣсомъ, и тутъ новое неудобство: древесныя вѣтви больно стегали меня по лицу. Дорога, ведущая отъ Чатырдага къ Симферополю, пробирается посреди

высокихъ горъ, затѣйливо поросшихъ кустарниками и деревьями. На дорогѣ встрѣчались фонтаны, устроенные благочестивыми мусульманами, такъ какъ вообще, по мусульманской вѣрѣ, постройка фонтана на дорогѣ считается богоугоднымъ дѣломъ. Изъ Симферополя я съѣздилъ въ Бахчисарай, обозрѣлъ тамошній дворецъ, который тогда содержался бережно и красиво; комнаты были меблированы въ восточномъ вкусѣ; меня въ особенности плѣнилъ огромный залъ съ тремя фонтанами, изъ которыхъ одинъ былъ знаменитый фонтанъ слезъ, воспѣтый Пушкинымъ. Рядомъ съ этимъ заломъ — павильонъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ съ большимъ фонтаномъ посрединѣ, а изъ павильона — выходъ къ каменному бассейну, куда втекала чрезвычайно холодная вода изъ двухъ фонтановъ, устроенныхъ одинъ противъ другого на противоположныхъ краяхъ бассейна. Вся стѣна около этого бассейна покрыта вьющимся виноградомъ, а по берегу бассейна посажены мирты. Я съ удовольствіемъ выкупался въ этомъ бассейнѣ, бывшемъ нѣкогда ханскою купальнею. Въ Бахчисараѣ я познакомился съ однимъ грекомъ, занимавшимъ должность учителя и смотрителя въ уѣздномъ училищѣ, и вмѣстѣ съ нимъ совершилъ путешествіе верхомъ въ Чуфутъ-Кале. Двухдневное пребываніе въ Бахчисараѣ оставило слѣды въ моей литературной дѣятельности: я написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній, изъ которыхъ два: „До Марьи Потоцькій“ и „Аглаэ-Чесме“ напечатаны были (?) въ „Молодикѣ“ Бецкаго.

Воротившись снова въ Симферополь, я поѣхалъ оттуда въ Керчь. Здѣсь я съ любопытствомъ осматривалъ боспорскія могилы и музей, въ которомъ въ то время хранилось множество древностей, впослѣдствіи пересланныхъ въ императорскій Эрмитажъ. Керченскія могилы и найденные въ нихъ остатки сильно заняли мое воображеніе: я написалъ по-малорусски стихотвореніе, напечатанное впослѣдствіи въ „Молодикѣ“ Бецкаго *). Я изобразилъ блуждающую тѣнь одного изъ боспорскихъ царей, котораго прахъ выбросили изъ могилы древлеискатели, и тѣнь не находитъ себѣ покоя, что представлено сообразно извѣстному античеcкому вѣро-

*) Пантикапея.

ванію о безпокойномъ блужданіи умершихъ, лишенныхъ погребенія. Случайно познакомившись въ Керчи съ тамошними обывателями, я услыхалъ возмутительныя вещи о злоупотребленіяхъ, совершавшихся при раскопкѣ керченскихъ кургановъ. Такъ, напримѣръ, разсказывали, что, раскопавши „золотой курганъ", но не выбравши изъ него всѣхъ вещей, оставили на ночь безъ караула, и толпа жителей, провѣдавши это, бросилась туда и разграбила сокровища, которыхъ не успѣли прежде вынести археологи. Говорили, что послѣ іудеи продавали обломки украшеній, куски разрубленнаго золотого царскаго скипетра и множество золотыхъ монетъ. Кромѣ того, о самыхъ археологахъ, раскапывавшихъ курганы, ходили неодобрительные отзывы. Говорили, будто бы они утаивали найденныя въ курганахъ драгоцѣнности и тайно продавали ихъ англичанамъ.

Изъ Керчи я поплылъ пароходомъ до Таганрога, гдѣ оставались мои лошади, и поѣхалъ сухопутьемъ въ свое имѣніе, изъ котораго скоро опять выѣхалъ въ Харьковъ. По пріѣздѣ въ Харьковъ я узналъ, что моя диссертація утверждена факультетомъ, но не всѣми ея членами. Ее не нашли достойною Артемовскій-Гулакъ и профессоръ Протопоповъ. Первый изъ нихъ находилъ, что самое заглавіе ея, по близости къ современнымъ событіямъ, не должно служить предметомъ для ученой диссертаціи; но какъ большинство членовъ утвердило ее, то она была признана, и я началъ ее печатать. Въ это время я сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, также какъ и я преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы; это были: Корсунъ, молодой человѣкъ, воспитанникъ харьковскаго университета, родомъ изъ Таганрога, сынъ довольно зажиточнаго помѣщика;— Петренко, бѣдный студентъ, уроженецъ изюмскаго уѣзда, молодой человѣкъ меланхолическаго характера, въ своихъ стихахъ всегда почти обращавшійся къ мѣсту своей родины, къ своимъ семейнымъ отношеніямъ; Щоголевъ, студентъ университета, молодой человѣкъ съ большимъ поэтическимъ талантомъ, къ сожалѣнію, рано испарившимся; его живое воображеніе чаще всего уносилось въ старую казацкую жизнь; Кореницкій, сельскій дьяконъ: въ его стихотворной поэмѣ „Вечерници" замѣтна сильная склонность къ

сатирѣ и вліяніе „Энеиды“ Котляревскаго; самое его произведеніе написано тѣмъ же размѣромъ и складомъ, какъ „Энеида“;— наконецъ семинаристъ Писаревскій, сынъ священника, уже написавшаго по-малорусски и издавшаго драму „Купала на Ивана“: этотъ молодой человѣкъ владѣлъ хорошо языкомъ, стихъ его былъ правиленъ и звученъ, но большого творческаго таланта онъ не показывалъ. Корсунъ затѣялъ изданіе малорусскаго сборника („Снипъ“) и наполнилъ его стихами, какъ собственными, такъ и своихъ сотрудниковъ; самому издателю принадлежали стихотворные разсказы, взятые изъ народнаго вымысла о хожденіи Христа съ апостоломъ Петромъ по свѣту и о разныхъ приключеніяхъ, происходившихъ съ ними; разсказы переданы вѣрно, но цензура не дозволила печатать именъ Христа и апостола Петра, и Корсунъ долженъ былъ замѣнить ихъ именами „Билбога и Юрка“. Я помѣстилъ тамъ переводъ нѣсколькихъ еврейскихъ мелодій Байрона и трагедію „Переяславська ничь“, написанную пятистопнымъ ямбомъ безъ риѳмъ, не разбивая на дѣйствія, со введеніемъ хора, что придавало ей видъ подражанія древней греческой трагедіи. Сюжетъ трагедіи взятъ изъ эпохи Хмельницкаго при самомъ началѣ его возстанія, но мнѣ значительно повредило довѣріе, оказанное такимъ мутнымъ источникамъ, какъ „Исторія Руссовъ“ Конисскаго и „Запорожская Старина“ Срезневскаго; кромѣ того я уклонился отъ строгой сообразности съ условіями вѣка, который взялся изображать, и впалъ въ напыщенность и идеальность, развивши въ себѣ послѣднюю подъ вліяніемъ Шиллера. Вслѣдъ затѣмъ явился другой дѣятель по части возрождающейся малорусской словесности: то былъ нѣкто Бецкій, пріѣхавшій въ Харьковъ изъ Москвы. Онъ началъ готовить сборникъ, который предполагалъ наполнить статьями писанными по-малорусски, или относящимися къ Малороссіи. Познакомившись со мною, онъ заявилъ доброе желаніе собрать воедино разсѣянныя силы духовныхъ дѣятелей и направить ихъ къ тому, что имѣло бы мѣстный этнографическій и историческій интересъ. Я обрадовался такому появленію, видя въ этомъ зарю того литературнаго возрожденія, которое давно уже стало моею любимою мечтою. Въ это время я познакомился, съ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Квиткою и

сталъ довольно часто ѣздить къ нему въ село Основу, вблизи Харькова, гдѣ онъ жилъ въ имѣніи своего брата сенатора, занимая небольшой домикъ, стоявшій отдѣльно отъ господскихъ построекъ. Я очень полюбилъ этого старика, искреннимъ сердцемъ любившаго свою народность; равнымъ образомъ его жена сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе: она не была уроженкой Малороссіи, но отзывалась не иначе какъ съ большой любовью обо всемъ малорусскомъ. Иногда я ѣздилъ къ нему съ Бецкимъ, иногда съ Корсуномъ. То было время самаго большого развитія таланта Квитки, поступившаго въ малорусскіе писатели уже около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія. Кромѣ повѣстей, изданныхъ въ двухъ частяхъ, онъ готовилъ къ печати третью часть, гдѣ, какъ и въ первыхъ двухъ, предполагалось помѣстить три повѣсти. Одна изъ этихъ предполагаемыхъ повѣстей „Сердешна Оксанна“ явилась въ альманахѣ „Ластивка“, напечатанномъ Гребенкою въ Петербургѣ; другая —„Покоти-поле“ отдана была Бецкому, и третья —„Божьи Дити“, напечатана въ переводѣ въ „Современникѣ“, а по-малорусски никогда не выходила. Кромѣ того у Квитки была въ то время въ рукописи большая повѣсть „Щира Любовь“, изъ которой онъ составилъ драматическое произведеніе, игранное на харьковскомъ театрѣ и напечатанное въ позднѣйшемъ изданіи сочиненій Квитки. Была у него шуточная комедія подъ названіемъ „Бой-жинка“, которой содержаніе взято имъ изъ народной сказки и состоитъ въ томъ, что жена дурачитъ и проводитъ ревниваго и глуповатаго мужа. Пьеса эта, какъ и „Щира Любовь“, игралась когда-то на харьковскомъ театрѣ, но большого успѣха не имѣла.

Независимо отъ этого круга украинскихъ дѣятелей, я имѣлъ кругъ другихъ близкихъ знакомыхъ. И. И. Срезневскаго долго не было въ Харьковѣ: онъ былъ за-границею, куда отправился для изученія славянскихъ языковъ; изъ другихъ близкихъ со мною личностей, принадлежавшихъ къ университетскому кругу, я вспомню профессора Александра Петровича Рославскаго-Петровскаго, съ которымъ я проживалъ нѣсколько лѣтъ на одной квартирѣ и держалъ съ нимъ общій столъ. Въ то время онъ читалъ статистику, уже послѣ моего отъѣзда изъ Харькова взялся за исторію, былъ нѣ-

сколько времени ректоромъ и скончался не въ очень старыхъ лѣтахъ. Это былъ человѣкъ съ большою начитанностью, огромною памятью, но лѣнивый, разсѣянный и преданный карточной игрѣ, за-то очень добросовѣстный и правдивый. А. Л. Метлинскій читалъ въ то время русскую словесность; онъ былъ очень трудолюбивъ, но неталантливъ и притомъ болѣзненъ, страдалъ грудью и говорилъ тихо и вяло. Какъ профессоръ онъ не пользовался большимъ уваженіемъ. Прежде постоянно спорившій со мною противу моихъ идей объ украинской литературѣ, онъ, наконецъ, поддался той же идеѣ, сталъ писать малорусскіе стихи и напечаталъ ихъ подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, назвавши свой сборникъ: „Думки и писни, та еще де що“. Стихи его казались хорошими, плавными, но творческаго таланта за нимъ не признавали. Къ такимъ же близкимъ знакомымъ надобно причислить Поликарпа Васильевича Тихоновича, бывшаго тогда учителемъ латинскаго языка въ первой гимназіи, человѣка трудолюбиваго, отлично знающаго какъ латинскую, такъ и греческую словесность и превосходнаго педагога. Послѣдній, хотя былъ со мною постоянно друженъ, но оставался совершенно холоденъ къ украинской народности и, занятый своимъ античнымъ міромъ, какъ будто ни во что не ставилъ все современное. Это былъ классикъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ въ университетѣ и въ настоящее время занимаетъ должность директора той гимназіи, въ которой началъ свое учительство.

Въ 1842 году, въ то время, какъ я готовилъ кое-что для Бецкаго въ предполагаемый сборникъ, печаталась моя диссертація и на шестой недѣлѣ поста, назначено было ея защищеніе. Въ это же время перевели куда-то харьковскаго архіепископа Смарагда, и вмѣсто него прибылъ въ Харьковъ архіереемъ знаменитый духовный ораторъ Иннокентій Борисовъ. Ко мнѣ пріѣзжаетъ деканъ историко-филологическаго факультета Валицкій и сообщаетъ что Иннокентій, узнавши о моей диссертаціи, выразилъ какое-то неудовольствіе и неодобреніе; затѣмъ Валицкій совѣтуетъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ архіерею, поднести ему экземпляръ моей диссертаціи и въ разговорѣ провѣдать, въ чемъ

состоитъ его недовольство. Мы поѣхали. Иннокентій сказалъ, что уже читалъ ее и замѣтилъ нѣсколько мѣстъ, о которыхъ можетъ сказать, что лучше было бы, еслибы ихъ не было. Но одно мѣсто указалъ онъ, гдѣ о спорѣ константинопольскаго патріарха съ папою было сказано, что властолюбіе іерарховъ посѣяло вражду и раздвоеніе въ миролюбивой церкви Христовой. Это показалось архіерею несправедливымъ; о папѣ можно такъ говорить, но о патріархѣ не слѣдуетъ. Въ другомъ мѣстѣ его непріятно задѣло то, что я наполнилъ о безнравственности духовенства въ западной Руси предъ уніей, о тяжелыхъ поборахъ, которые бралъ съ русскихъ константинопольскій патріархъ; наконецъ, не понравилось ему и то, что я выразился, что унія принесла отрицательную пользу православію именно потому, что возбудила противъ себя оппозицію, которая произвела Петра Могилу и всю его преобразовательную реформу. Я началъ доказывать историческую справедливость моихъ мнѣній, а Валицкій спросилъ Иннокентія, какъ понимать его возраженія, въ цензурномъ или же только въ ученомъ смыслѣ. Иннокентій сказалъ, что единственно въ ученомъ, а никакъ не въ цензурномъ. Тогда, отвѣчалъ Валицкій, дефенденту предоставляется защищать свои положенія на каѳедрѣ во время защиты. Тѣмъ и кончилось первое свиданіе. Иннокентій, увидѣвши меня потомъ въ церкви, пригласилъ меня къ себѣ и началъ толковать снова, совѣтуя мнѣ послѣ защищенія диссертаціи ѣхать въ Петербургъ и посвятить свои труды на болѣе дѣльную и ученую разработку вопроса объ уніи. Я сказалъ, что намѣренъ заниматься другимъ, но съ той поры сталъ бывать у архіерея, который вообще былъ человѣкъ разносторонне образованный и очень пріятный въ бесѣдѣ, не говоря уже о его проповѣднической дѣятельности, которая, съ его пріѣзда, вдругъ оживила Харьковъ. Толпы публики всякаго званія и воспитанія стекались въ церковь къ его служенію и я также не упускалъ случая слушать его проповѣди, произносимыя съ признаками большого таланта.

Между тѣмъ наступалъ день защищенія моей диссертаціи. Наканунѣ этого дня является прибитое къ стѣнамъ университета объявленіе, въ которомъ говорится, что по непред-

видѣннымъ обстоятельствамъ защищеніе диссертаціи Костомарова отлагается на неопредѣленное время. Деканъ факультета, на мой вопросъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, будто Иннокентій написалъ какую-то бумагу помощнику попечителя, въ которой предлагаетъ остановить мое защищеніе до сношенія съ министромъ. Такъ какъ тогдашній попечитель графъ Головкинъ былъ очень старъ и не занимался дѣлами, то все управленіе дѣлами округа находилось въ рукахъ его помощника князя Цертелева. Я отправился къ нему и узналъ, что дѣйствительно Иннокентій сдѣлалъ такое заявленіе. Я обратился къ Иннокентію. Архіерей сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ противъ меня ничего въ цензурномъ отношеніи, а только готовится оспаривать меня ученымъ образомъ. Я видѣлъ въ словахъ архіерея скрытность. Прошло между тѣмъ болѣе мѣсяца; меня извѣстили, что министръ народнаго просвѣщенія, которымъ былъ тогда графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, прислалъ написанный профессоромъ Устряловымъ разборъ моей диссертаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ уничтожить всѣ экземпляры, которые были напечатаны, а мнѣ дозволить писать иную диссертацію. Такъ какъ кромѣ профессоровъ и короткихъ знакомыхъ, я не успѣлъ ее пустить въ публичную продажу, то мнѣ поручили самому объѣздить всѣхъ тѣхъ, у кого находилась или могла найтись моя диссертація, отобрать всѣ экземпляры и представить въ совѣтъ университета для сожженія. Все это я сдѣлалъ; но большая часть профессоровъ, къ которымъ я ѣздилъ, отговорились неимѣніемъ у себя экземпляровъ подъ разными предлогами и вмѣсто ста экземпляровъ, которые были розданы, мнѣ удалось возвратить въ правленіе менѣе двадцати. Всѣ возвращенные были преданы огню. Я былъ въ полной увѣренности, что все это дѣло Иннокентія и въ такой увѣренности оставался очень долго; въ Петербургѣ же въ шестидесятыхъ годахъ мнѣ говорили занимавшіеся архивными дѣлами въ министерствѣ Уварова, что не Иннокентій былъ причиною сожженія моей диссертаціи, а одинъ изъ харьковскихъ профессоровъ, пославшій на меня извѣтъ министру. Однако изъ біографіи Иннокентія, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ 1878 года, оказывается главное участіе преосвященнаго Иннокентія въ тогдашнемъ задержаніи моей диссертаціи. Бу-

дучи въ то время убѣжденнымъ въ виновности Иннокентія, я однако не прекратилъ съ нимъ знакомства; онъ говорилъ мнѣ, что ни мало не причастенъ въ этомъ дѣлѣ, былъ со мною постоянно ласковъ и приглашалъ къ себѣ. Такъ было до моего выѣзда изъ Харькова.

Мнѣ позволили писать новую диссертацію и я выбралъ тему: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи". Предметъ этотъ былъ давно уже близокъ моему сердцу; уже нѣсколько лѣтъ я записывалъ народныя пѣсни и у меня ихъ накопилось довольно. Теперь-то я предположилъ провести мою задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способомъ выраженія мыслей и чувствованій. Я подалъ свою тему въ факультетъ и тотчасъ встрѣтилъ неодобрительныя отношенія къ ней нѣкоторыхъ лицъ. Профессоръ философіи Протопоповъ первый не одобрилъ ее и находилъ, что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени; но всего страннѣе покажется, что противъ этой темы былъ и Артемовскій-Гулакъ, несмотря на то, что по правдѣ считался лучшимъ знатокомъ малорусской народности, какъ это и доказывали его собственныя малорусскія сочиненія. Онъ писалъ ихъ еще въ молодости, въ концѣ 20-хъ годовъ, а потомъ совершенно оставилъ этотъ родъ занятій до глубокой старости, когда опять написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній, но уже съ меньшими признаками таланта. Однимъ изъ превосходнѣйшихъ его малорусскихъ произведеній была басня „Панъ та собака", явно обличавшая темныя стороны тогдашняго крѣпостного права. По поводу этого сочиненія, кто-то, желая подсмѣяться надъ нимъ, какъ бы въ пародію того, что говорилось нѣкогда о Херасковѣ по поводу его поэмъ, написалъ такое четверостишіе:

„Пускай въ Зоилѣ сердце ноетъ,
Но Гулаку оно вреда не нанесетъ.
Рябко его хвостомъ покроетъ
И въ храмъ безсмертія введетъ".

Написанное въ насмѣшку, мимо желанія автора насмѣшки, сдѣлалось лучшею оцѣнкою и похвалою поэтическаго таланта

Гулака-Артемовскаго. Старавшись цѣлый вѣкъ играть какую-нибудь роль, какъ профессоръ русской исторіи, какъ ректоръ университета и какъ попечитель двухъ женскихъ институтовъ — онъ не достигъ своей цѣли: онъ не пріобрѣлъ ни знаменитости, ни памяти потомства на этомъ поприщѣ, но остался безсмертенъ какъ народный малорусскій поэтъ; никто не превзошелъ его въ знаніи всѣхъ изгибовъ малорусской народности и въ неподражаемомъ искусствѣ передавать ихъ поэтическими образами и превосходнымъ народнымъ языкомъ. А между тѣмъ во всю свою жизнь онъ и не подозрѣвалъ, въ чемъ дѣйствительно могъ быть онъ выше всѣхъ и пріобрѣсти знаменитость какъ литераторъ! Свои малорусскія стихотворенія писалъ онъ ради шутки и считалъ ихъ не болѣе какъ шуткою. Артемовскій-Гулакъ, какъ поэтъ и человѣкъ, былъ иное лицо, чѣмъ профессоръ. Вѣрный старымъ предразсудкамъ, онъ не понималъ, что исторія, какъ наука, обязана заниматься болѣе народною жизнью, чѣмъ внѣшними событіями. Протестъ Артемовскаго-Гулака былъ, однако, не настойчивъ и когда я подалъ свою диссертацію уже написанную, онъ былъ въ числѣ утвердившихъ ее. Профессоръ Протопоповъ, напротивъ, продолжалъ оставаться при прежнемъ взглядѣ и выразился, что считаетъ даже неприличнымъ ходить на защищеніе такой диссертаціи.

Съ цѣлью увеличить средства къ жизни, которыя оказывались недостаточными отъ присылокъ изъ материнскаго имѣнія, я началъ искать себѣ службы и опредѣлился въ должность помощника инспектора студентовъ въ харьковскомъ университетѣ. Помощниковъ было пять и мнѣ приходилось не болѣе одного раза въ недѣлю ходить на дежурство въ корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ и пробывать тамъ цѣлыя сутки, отъ утра одного дня до утра другого; все остальное время я употреблялъ на писаніе своей диссертаціи. Въ это время я квартировалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Рославскимъ-Петровскимъ въ домѣ Альбовской, недалеко отъ театра; но квартира моя, находясь въ нижнемъ этажѣ оказалась сырою и нездоровою; тѣмъ не менѣе я пробылъ въ ней всю осень и зиму. При этомъ я считаю нелишнимъ вспомнить о тогдашнемъ театрѣ въ Харьковѣ. Еще ранѣе, до 1840 года, театръ помѣщался въ деревянномъ зданіи, на длинной пло-

щади, носившей названіе Театральной. Труппу содержалъ сначала Штейнъ, а потомъ передалъ ее Млотковскому. Съ 1840 года театръ сталъ помѣщаться во вновь отстроенномъ каменномъ зданіи, на другомъ концѣ той же площади и находился подъ завѣдываніемъ дирекціи. Во все продолженіе времени пребываніе моего въ Харьковѣ я довольно часто посѣщалъ спектакли, а во время моей службы помощникомъ инспектора, даже по обязанности долженъ былъ часто бывать въ нихъ. Харьковскій театръ во всѣ извѣстные мнѣ годы не лишенъ былъ появлявшихся на его сценѣ болѣе или менѣе даровитыхъ актеровъ и актрисъ. Между ними стоитъ вспомнить Млотковскую, прекрасно игравшую въ комедіяхъ и водевиляхъ, но иногда не безъ успѣха бравшуюся и за драматическія роли. Соленикъ былъ артистъ, который занималъ бы блестящее мѣсто и на столичной сценѣ и держался въ Харьковѣ единственно потому, что былъ харьковскій домовладѣлецъ и вступилъ на сцену изъ любви къ искусству. Онъ былъ превосходенъ во всякихъ комическихъ роляхъ и нѣсколько напоминалъ московскаго Шумскаго, появившагося на сценѣ въ болѣе позднее время. Не лишенъ былъ дарованія и Домбровскій, также комическій актеръ, особенно отличавшійся въ малорусскихъ роляхъ. Надобно отдать честь режиссерамъ харьковской сцены, что пьесы, назначаемыя для представленій, брались большею частію сообразно мѣстнымъ условіямъ театра; не рѣшались представлять того, что, по средствамъ театра, трудно было поставить надлежащимъ образомъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ провинціальныхъ театрахъ другихъ городовъ, гдѣ нипочемъ казалось угощать публику такими спектаклями, которые и по декораціямъ, и по музыкѣ, и, наконецъ, по костюмамъ и искусству артистовъ не подходили къ провинціальной сценѣ.

Весною 1843 года моя диссертація была готова и подана на факультетъ. Тогда же Бецкій выпустилъ въ свѣтъ одну за другою три книжки своего „Молодика“. Первая изъ нихъ заключала въ себѣ беллетристическія сочиненія, стихотворныя и прозаическія, на русскомъ языкѣ; тамъ я не помѣстилъ ничего. Вторая вмѣщала въ себѣ исключительно сочиненія съ стихахъ и прозѣ на малорусскомъ языкѣ; здѣсь

помѣстилъ я свои стихотворенія, написанныя въ Крыму, и переводъ нѣсколькихъ пьесъ изъ старочешской Краледворской рукописи. Третья, на которой означенъ былъ уже 1844 годъ, посвящена была русскимъ статьямъ, относящимся къ исторіи и этнографіи Малороссіи; здѣсь появились мои первые историческіе опыты, касавшіеся прошедшей судьбы Малороссіи: описаніе возстанія Наливайка и біографическій очеркъ фамиліи князей Острожскихъ.

Находя, наконецъ, для себя нездоровымъ оставаться въ сырой квартирѣ, я разстался съ Рославскимъ и нанялъ себѣ квартиру за Лопанью, въ домѣ одной священнической вдовы, недалеко церкви Благовѣщенія. Это была моя послѣдняя квартира въ Харьковѣ и самая лучшая; я занималъ двѣ свѣтлыхъ комнаты во дворѣ, засаженномъ большими деревьями, при фруктовомъ садѣ, за которымъ начинался лугъ. Это былъ конецъ города. Въ это же время я вынужденъ былъ подать въ отставку изъ должности помощника инспектора, къ которой не чувствовалъ ни способностей, ни расположенія. Задумавши жениться на гувернанткѣ въ домѣ г-жи Тизенгаузъ, я вызвалъ на дуэль моего соперника, отбившаго у меня невѣсту и затѣмъ покинувшаго эту дѣвицу: понятно, что такому пылкому господину не сочли возможнымъ довѣрять наблюденіе за студентами. Я занялся преподаваніемъ исторіи въ мужскомъ пансіонѣ Зимницкаго, а между тѣмъ тогда же мнѣ явилась мысль писать исторію эпохи Богдана Хмельницкаго. Въ мая 1843 года я началъ работать надъ нею. Харьковъ не представлялъ богатыхъ источниковъ для такого труда, и я принужденъ былъ ограничиваться печатными польскими, русскими и латинскими сочиненіями, но уже случайно пріобрѣлъ и нѣсколько рукописныхъ. Такимъ образомъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, Сементовскій, сообщилъ мнѣ Грабянкину лѣтопись въ двухъ частяхъ: первая, называвшаяся „Исторія о презѣльной брани“, заключала въ себѣ повѣствованіе о войнахъ Хмельницкаго до его кончины,— вторая начиналась гетманствомъ Выговскаго и велась до 1721 года. Замѣтно было, что эти двѣ части составлены были различными лицами, да и въ лѣтописи, которая мнѣ досталась, вторая часть была писана иною рукою, чѣмъ первая. Списки принадлежали, какъ показывалъ

почеркъ, къ первой половинѣ XVIII вѣка. Учитель второй гимназіи Третьяковъ, бывшій мой товарищъ, удѣлилъ мнѣ другую лѣтопись, также въ спискѣ XVIII вѣка; то былъ Самовидецъ. Затѣмъ я получилъ нѣсколько рукописныхъ источниковъ отъ И. И. Срезневскаго; то были тѣ, которыя впослѣдствіи Бодянскій напечаталъ въ „Чтеніяхъ“, именно: Симоновскій, Зарульскій и повѣсть „Еже содѣяся“, или сказаніе о гетманахъ малорусскихъ до Богдана Хмельницкаго; наконецъ, большое сочиненіе Ригельмана, которое также впослѣдствіи появилось въ печати въ Чтеніяхъ: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи“. Въ библіотекѣ харьковскаго университета я нашелъ также нѣсколько рукописныхъ лѣтописей и одинъ рукописный сборникъ актовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Отъ моего знакомаго Варзина я досталъ списокъ Конисскаго. Съ такимъ незначительнымъ запасомъ источниковъ, принялся я описать своего Богдана Хмельницкаго. Работа увлекала меня въ сильной степени и, вспоминая это время, я могу назвать его однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни. По временамъ, я прочитывалъ написанныя части моего сочиненія своимъ знакомымъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ И. И. Срезневскій, воротившійся изъ-за границы и вступившій тогда на каѳедру славянскихъ нарѣчій. Такъ прожилъ я до конца 1843 г. Диссертація моя была разсмотрѣна, одобрена и зимою напечатана. По ея поводу я сошелся съ профессоромъ Лунинымъ: хотя прежде я часто слушалъ его на лекціяхъ и глубоко уважалъ, но домашнимъ образомъ не былъ съ нимъ знакомъ. Теперь меня свело съ нимъ то, что моя диссертація ему особенно понравилась и онъ вполнѣ сочувствовалъ моей мысли о введеніи народнаго элемента въ науку исторіи. Какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, онъ способенъ былъ смотрѣть шире другихъ ученыхъ мужей стараго закала.

День защищенія моей диссертаціи назначенъ былъ 13 января 1844 года. Моими опонентами были профессоры: Якимовъ и Срезневскій. Якимовъ, вырвавши изъ моей диссертаціи два пѣсенныхъ стиха, потребовалъ отъ меня доказать, что здѣсь есть какая нибудь поэзія *). Прежде чѣмъ я

*) Посію я василечки — буду поливати,
Ходи, ходи Василечку — буду привитати.

собрался отвѣчать ему, Лунинъ засмѣялся и сказалъ: „это все равно, еслибы разсѣчь человѣка по частямъ и потребовать, чтобы показали, гдѣ у него душа; ни въ ногѣ, ни въ рукѣ, ни въ ухѣ, ни въ носу нѣтъ души, а весь человѣкъ живой — съ душою". Въ концѣ защищенія прибылъ преосвященный Иннокентій, вмѣшался въ споръ и началъ приводить сравненія народной поэзіи вообще съ библіею; но Артемовскій-Гулакъ, бывшій ректоромъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „ваше преосвященство! евреи были народъ, состоявшій подъ особымъ покровительствомъ божіимъ, а потому мы о немъ и его поэтическихъ произведеніяхъ касаться считаемъ неумѣстнымъ". Послѣ оффиціальныхъ диспутовъ, профессоръ ботаники Черняевъ вступилъ въ толкованіе названія растеній, которыя встрѣчались въ моемъ сочиненіи въ качествѣ народныхъ символовъ, но ректоръ замѣтилъ, что диссертація моя не по предмету ботаники и вдаваться собственно въ ботаническія пренія здѣсь неумѣстно. По окончаніи защищенія меня провозгласили получившимъ степень магистра историческихъ наукъ.

Пущенная въ публику моя диссертація получила сочувственный отзывъ только въ одномъ „Москвитянинѣ", въ статьѣ, написанной Срезневскимъ; въ другихъ журналахъ: „Библіотекѣ для чтенія" и „Отечественныхъ запискахъ" ее приняли не такъ ласково. Въ „Библіотекѣ для чтенія", которою заправлялъ тогда Сенковскій, мои мнѣнія о важности народной поэзіи для историка подали только возможность поглумиться и позабавиться надъ моею книгою; въ „Отечественныхъ запискахъ" перо знаменитаго тогда Бѣлинскаго выразилось, что народная поэзія есть такой предметъ, которымъ можетъ заниматься только тотъ, кто не въ состояніи или не хочетъ заняться чѣмъ нибудь дѣльнѣе. Видно было, что знаменитый и впослѣдствіи такъ прославленный русскій критикъ не въ состояніи былъ видѣть важности народной поэзіи, важности, въ наше время уже безусловно признанной наукою. Впрочемъ замѣчательно, что тотъ же Бѣлинскій, еще въ 1839 году разбирая въ „Отечественныхъ запискахъ" моего „Савву Чалаго" и „Украинскія баллады", отнесся обо мнѣ совсѣмъ иначе и призналъ за мною несомнѣнный талантъ.

III.

Учительство и профессура въ Кіевѣ.

Послѣ защищенія диссертаціи я нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ оставаться въ Харьковѣ и занимался обработкою исторіи Богдана Хмельницкаго. Это занятіе, увлекая меня, внушало сильное желаніе побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили описываемыя мною событія, и съ этою цѣлью я обратился къ князю Цертелеву съ просьбою написать кіевскому попечителю о моемъ желаніи получить мѣсто въ кіевскомъ учебномъ округѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ прописать главную ученую цѣль этого желанія. По такой просьбѣ, въ концѣ сентября 1844 года, князь Цертелевъ извѣстилъ меня, что кіевскій попечитель предлагаетъ мнѣ взять на первыхъ порахъ должность учителя исторіи въ ровенской гимназіи и для этого предоставляетъ мнѣ пріѣхать въ Кіевъ. Я тотчасъ списался съ матерью, извѣстилъ ее, что черезъ двѣ недѣли уѣду въ Кіевъ; мать моя поспѣшила пріѣхать въ Харьковъ. 7 октября вечеромъ я выѣхалъ изъ Харькова на почтовыхъ, провожаемый матерью и толпою харьковскихъ знакомыхъ, изъявлявшихъ мнѣ желаніе найти счастіе въ иномъ краѣ.

По прибытіи въ Кіевъ явился я къ попечителю Давыдову, но тотъ, на мое объясненіе о приглашеніи меня, сказалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ и поручилъ обратиться къ его помощнику Юзефовичу. Я отправился къ послѣднему. Онъ принялъ меня радушно, говорилъ, что читалъ мою диссертацію, наговорилъ по ея поводу множество комплиментовъ и подтвердилъ о назначеніи меня учителемъ гимназіи въ Ровно, гдѣ свободное отъ преподаванія время я могу посвятить на обзоръ историческихъ мѣстностей и памятниковъ мѣстной исторіи. Во время моего посѣщенія входитъ молодой человѣкъ, котораго Юзефовичъ знакомитъ со мною. То былъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Разговоръ зашелъ объ источникахъ малорусской исторіи, и мы обоюдно съ удовольствіемъ узнали, что намъ обоимъ были знакомы одни и тѣ же источники. Выходя отъ Юзефовича вмѣстѣ съ Кулишомъ, я отправился въ соборную церковь св. Софіи и осматривалъ ее съ большимъ любопытствомъ; въ то время она еще не была реставрирована, старыя фрески не были

открыты, а стѣны ея были испещрены живописью на штукатуркѣ, которую впослѣдствіи ободрали; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начато было открытіе фресковъ; правая лѣстница на хоры со стѣнными изображеніями старинной княжеской жизни не была вовсе открыта для публики. Походивши въ Софіевскомъ соборѣ, я отправился къ Кулишу, который занималъ тогда должность смотрителя уѣзднаго училища на Подолѣ. Когда мы заговорили о собраніи пѣсенъ, Кулишъ вынулъ огромный ворохъ бумагъ: то было его собраніе народныхъ пѣсенъ. Самъ я, въ ожиданіи подорожной и подъемныхъ денегъ для слѣдованія въ Ровно, поселился на Подолѣ у какого-то мѣщанина, неподалеку отъ Братства. Съ тѣхъ поръ я видѣлся съ Кулишомъ почти каждый день; мы ходили съ нимъ по Кіеву и осматривали разныя кіевскія достопримѣчательности; онъ же познакомилъ меня съ М. А. Максимовичемъ, жившемъ на Старомъ городѣ, близъ упраздненной нынѣ церкви св. Троицы, занимая небольшой деревянный домикъ съ садомъ.

Припоминая тогдашнее мое обозрѣніе Кіева, я не могу безъ удивленія не замѣтить, какую разницу представлялъ этотъ городъ въ то время съ тѣмъ видомъ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время. Печерскъ былъ центромъ торговой дѣятельности; въ той мѣстности, которая теперь вошла въ крѣпость, были ряды лавокъ, наиболѣе посѣщаемыхъ публикою; университетъ стоялъ почти въ полѣ, посреди неудобопроходимыхъ бугровъ и песчаныхъ насыпей; Старый городъ былъ немощенъ, усѣянъ некрасивыми мазанками и лачугами и кромѣ того представлялъ большіе пустыри; Крещатикъ не имѣлъ тогда ни магазиновъ, ни лавокъ, ни отелей. Большая часть построекъ была деревянная, мостовой совсѣмъ не было, въ сырое время была тамъ большая грязь и слякоть. Набережной по Днѣпру вовсе не было; берегъ его отъ Подола подъ горою былъ буквально непроходимъ и я, затѣявши пойти по берегу съ Подола, съ намѣреніемъ добраться до Лавры, принужденъ былъ воротиться, за невозможностію идти по косогору, особенно въ дождливое осеннее время. Городъ плохо освѣщался, такъ что ходить ночью было истиннымъ наказаніемъ. Мнѣ, пріѣхавшему изъ Харькова, Кіевъ показался, какъ городъ гораздо хуже послѣдняго.

Пробывши въ Кіевѣ дней десять и получивъ третное жалованье не въ зачетъ, я отправился въ Ровно. Дорога шла посреди дремучихъ лѣсовъ; погода была все время необыкновенно дождлива; отъ Кіева до Ровно я не видалъ солнца и платье мое не обсыхало; несмотря на то, я остановился въ Корцѣ, гдѣ обозрѣлъ развалины стараго замка,— потомъ былъ въ Острогѣ. Здѣсь я ходилъ въ развалины іезуитскаго монастыря, сходилъ въ двойное подземелье и видѣлъ тамъ множество разбросанныхъ скелетовъ; нѣкоторые удивительно сохранили на себѣ кожу и засохшее тѣло. Квартировавшіе въ Острогѣ солдаты ходили въ эти развалины и обдирали съ мертвецовъ платье, отдавая его своимъ женамъ на одежду. Затѣмъ я посѣтилъ капуцинскій монастырь, который не дошелъ еще до такихъ развалинъ, какъ іезуитскій. Монахи были удалены изъ него недавно; костелъ оставался съ деревянною утварью, образами и лавками, хотя служить въ немъ уже было некому; я засталъ въ срединѣ его прогуливающагося въ шапкѣ іудея, который оказался снимавшимъ отъ казны монастырскій садъ, и здѣсь я спускался въ погребъ, служившій нѣкогда усыпальницею. Вошедшій туда прежде меня солдатъ, отбивалъ одну могилу, замурованную въ стѣнѣ; по надписи видно было, что здѣсь была погребена г-жа Сосновская, умершая въ 1633 году. Солдатъ отбилъ доску и вытащилъ гробъ, открывавшійся съ одной стороны какъ сундукъ: предо мною лежала особа среднихъ лѣтъ въ плотномъ шелковомъ платьѣ вишневаго цвѣта; не прошло трехъ минутъ, какъ образъ ея измѣнился, разсыпался прахомъ — остался одинъ скелетъ. Шелковое платье удивило меня чрезвычайною плотностію ткани: оно было, по толстотѣ, похоже на драпъ. Изъ капуцинскаго монастыря я отправился на гору, гдѣ стояли развалины православной церкви Богоявленія, а около нея башни, бывшія по оградѣ двора князей Острожскихъ, и остатокъ ихъ дома, занимаемый тогда какимъ-то присутственнымъ мѣстомъ. На церкви не было крыши, и самыя стѣны во многихъ мѣстахъ грозили паденіемъ, такъ что ходить между этими развалинами было небезопасно. На вершинѣ башенъ живописно поросли случайно насѣявшіяся деревья. Говорили, что подъ холмомъ находятся подземные ходы, но я не нашелъ никого,

кто бы меня повелъ туда. Осмотрѣвши Острогъ, я отправился далѣе въ путь и въ тотъ же день ночью прибылъ въ Ровно. Этотъ грязный іудейскій городокъ, гдѣ суждено мнѣ было проживать, съ перваго же вида показался мнѣ очень непривѣтливымъ, особенно при страшной грязи и при совершенномъ отсутствіи наемныхъ лошадей; къ счастію, онъ такъ малъ, что куда бы ни пойти, все не будетъ далеко.

На утро явился я директору Абрамову, будущему моему начальнику, былъ имъ принятъ довольно сухо, хотя и вѣжливо, и принялся искать себѣ квартиры для помѣщенія. Хозяинъ единственной гостинницы, куда я присталъ, порекомендовалъ мнѣ еврея-фактора, а послѣдній извѣстилъ, что можно имѣть квартиру со столомъ у нѣкоего пана Самарскаго, котораго дочь находилась замужемъ за учителемъ гимназіи Епифановичемъ и жила вмѣстѣ съ мужемъ во дворѣ отца. Отправившись съ іудеемъ, я завелъ съ нимъ разговоръ и услышалъ отъ него забавныя свѣдѣнія о его житьѣ-бытьѣ. „Я, говорилъ онъ, былъ богатый торговецъ, торговалъ шелковыми матеріями, да панъ асессоръ (исправникъ) меня обобралъ до нитки, поймавши въ контрабандѣ; уже два раза я былъ въ передѣлкѣ и послѣ третьяго раза приходилось итти въ Сибирь, поэтому асессоръ что хотѣлъ, то и могъ съ меня сорвать; съ нами, съ жидами, все такъ поступаютъ: асессоры слѣдятъ за нами, дадутъ время навозить контрабанды и обогатиться, а потомъ накроютъ и оберутъ; потомъ снова пускаютъ наживаться, а какъ наживемся, они снова накроютъ и снова оберутъ, и такъ мы работаемъ на нихъ“. Этотъ іудей довелъ меня къ Самарскимъ. Я нашелъ очень привѣтливыхъ хозяевъ старика и старуху, говорившихъ чистымъ малорусскимъ языкомъ; съ ними въ одномъ дворѣ, только въ другомъ домѣ, жилъ ихъ зять, учитель латинскаго языка. Я нанялъ квартиру, которая поразила меня необыкновенною дешевизною: съ меня взяли десять рублей въ мѣсяцъ за двѣ комнаты со столомъ и стиркою бѣлья. Когда я перебрался въ свое новое помѣщеніе и отправился къ моимъ новымъ хозяевамъ на трапезу, меня поразило обиліе яствъ и радушіе хозяевъ. Каждый разъ было разливное море „старой водки“ и домашней наливки превосходнаго качества; кушанья были приготовлены довольно грубо на

салѣ, но въ большомъ изобиліи и изъ хорошаго матеріала. Такъ началъ я жить изо-дня въ день, посѣщая уроки.

Въ гимназіи было до трехсотъ учениковъ; большинство составляли поляки, или мѣстные уроженцы римско-католическаго исповѣданія, православныхъ было всего тридцать пять человѣкъ, но они, по образу первоначальнаго воспитанія, кромѣ вѣроисповѣданія, ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ. Сверхъ того было нѣсколько учениковъ іудейскаго происхожденія. Большая часть училась хорошо, лѣнтяи составляли незначительное меньшинство, всѣ вели себя благочинно: не происходило никакихъ грязныхъ шалостей, которыми, какъ извѣстно, отличались многія гимназіи въ центрѣ Россіи. Учениковъ польскаго происхожденія, жившихъ въ пансіонѣ или на общихъ квартирахъ, устроенныхъ при гимназіи, обязывали непремѣнно говорить между собою по-русски, но это соблюдалось ими только по нуждѣ и съ явною неохотою. Учителя всѣ были русскіе, исключая нѣмца и француза; большая часть учителей принадлежала къ малоруссамъ лѣвой стороны Днѣпра.

Иногда для развлеченія я ходилъ съ товарищами-учителями играть на билліардѣ въ ресторацію. Изъ учителей я сблизился наиболѣе съ учителемъ латинскаго языка Чуйкевичемъ и математики — Яновскимъ; первый зналъ много малорусскихъ пѣсенъ, и часто приходя ко мнѣ, пѣлъ ихъ, доставляя мнѣ большое удовольствіе, а послѣдній почти каждый день игралъ со мною на билліардѣ. На рождественскихъ святкахъ, сговорившись со священникомъ единственной ровенской церкви Омелянскимъ, я совершилъ въ нѣсколько дней путешествіе по сосѣднимъ мѣстностямъ, извѣстнымъ по исторіи, а именно: посѣтилъ Дерманскій монастырь, въ которомъ проживалъ Отрепьевъ, и Гощу, гдѣ въ XVI вѣкѣ, въ имѣніи Гойскаго былъ главный притонъ аріанской секты съ училищемъ въ духѣ аріанскаго ученія и гдѣ, въ числѣ учениковъ, былъ и нашъ Самозванецъ. Затѣмъ я посѣтилъ Пересопницу, бывшую когда-то удѣльнымъ княженіемъ, Межиричъ и Тайкуры съ развалинами замковъ.

Возвратившись въ городъ, я снова принялся за свое педагогическое дѣло, а передъ праздникомъ Пасхи 1845 г.

предпринялъ новое путешествіе уже подальше. Я нанялъ пару лошадей у еврея; со мной поѣхалъ учитель Маловскій, уроженецъ тамошняго же края и потому знакомый какъ съ мѣстностію, такъ и съ житейскими обычаями. Мы пріѣхали въ Кременецъ въ день великой пятницы. Первымъ дѣломъ моимъ было взойти пѣшкомъ на вершину крутой и высокой горы, гдѣ виднѣлся обвалившійся замокъ, приписываемый преданіемъ королевѣ Боннѣ, женѣ короля Сигизмунда 1-го. Всходъ былъ труденъ и утомителенъ. Достигши вершины, я увидѣлъ великолѣпное зрѣлище раскинутаго у подножія города, а вдали разсыпались разнообразные холмы горныхъ вершинъ, покрытые лѣсомъ. Ко мнѣ доносился звонъ колоколовъ въ церквахъ, призывавшій къ вечернѣ. Вѣтеръ на горѣ былъ такъ силенъ, что едва можно было устоять на ногахъ. Я осматривалъ кратеръ колодца, какъ говорятъ мѣстные жители, неимовѣрной глубины; по ихъ словамъ, смѣльчаки пробовали спускаться въ это отверстіе въ корзинахъ на цѣпяхъ, доходили до такой глубины, что могли среди солнечнаго дня видѣть звѣзды, но до дна не достигли. Издавна уже существовалъ обычай приходящимъ бросать въ этотъ колодезь камни, чтобы соображать о глубинѣ по времени долетаемаго отъ паденія звука. Невидно никакого слѣда струба и трудно рѣшить, былъ ли въ самомъ дѣлѣ это колодезь, или же подземелье для тайника. Приступъ на вершину горы болѣе удобенъ въ одномъ только мѣстѣ, гдѣ существовалъ подъемный мостъ. Пространство, занимаемое замкомъ, не очень велико и все изрыто буграми, обличающими былыя строенія. Въ полуобвалившихся стѣнахъ и башняхъ устроены амбразуры для стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей. Возвратившись съ горы, я отправился осмотрѣть бывшій кременецкій лицей, обращенный въ православную семинарію. Одинъ изъ учителей, братъ ровенскаго учителя, моего товарища Тихомирова, снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ архимандриту въ Почаевъ, куда я намѣревался слѣдовать изъ Кременца. Переночевавши на постояломъ дворѣ, утромъ, въ великую субботу, я отправился къ заутрени въ соборъ, обращенный недавно передъ тѣмъ изъ францисканскаго католическаго монастыря. Въ тотъ же день я выѣхалъ въ Почаевъ. Дорога шла по живописной

мѣстности; по бокамъ виднѣлись холмы, покрытые рощами, это были отроги Карпатскихъ горъ, заходящіе изъ Галиціи въ наши предѣлы. Къ вечеру мы прибыли въ Почаевъ, остановились въ жидовскомъ постояломъ дворѣ и отправились къ архимандриту. Архимандритъ былъ веселый, радушный старикъ; нѣкогда онъ занималъ мѣсто протоіерея въ Каневѣ и, овдовѣвши, поступилъ въ монашество. Съ перваго раза онъ разговорился о мѣстной старинѣ, о постройкѣ Почаевской обители, воздвигнутой старостою каневскимъ Потоцкимъ, извѣстнымъ безобразникомъ и забіякою. По разсказу архимандрита, Потоцкій однажды ѣхалъ по горѣ въ виду Почаева, виднѣвшагося издали, вдругъ кучеръ его, по неосторожности, перевернулъ его экипажъ. Разсерженный панъ приказалъ кучеру остановиться, взялъ ружье и хотѣлъ стрѣлять въ него; кучеръ въ ужасѣ обратился къ виднѣвшемуся монастырю и началъ просить спасенія у Почаевской Божіей Матери. Панъ спустилъ курокъ, сдѣлалась осѣчка; панъ снова взвелъ курокъ, спустилъ его — въ другой разъ осѣчка. Это поразило буйнаго пана; онъ бросилъ ружье и началъ у кучера допрашивать, кто такая эта Почаевская Богородица, которую тотъ призывалъ. Панъ мало занимался предметами благочестія, а потому и не имѣлъ понятія о чудотворной иконѣ, существовавшей въ монастырѣ, находившемся недалеко отъ него. Когда кучеръ, чудесно избавленный отъ смерти, сказалъ ему все, что зналъ и насколько умѣлъ, панъ пришелъ въ задумчивость. Внезапно пробудилась въ немъ совѣсть, началъ онъ скорбѣть о множествѣ совершенныхъ имъ въ жизни безчинствъ и злодѣяній, явилась наклонность къ покаянію. Онъ велѣлъ везти себя въ Почаевскій монастырь и поклонился чудотворной иконѣ. Съ этихъ поръ чувство раскаянія овладѣвало имъ болѣе и болѣе; гнусною показалась ему протекшая жизнь и онъ принялъ намѣреніе окончить ее гдѣ нибудь въ монастырѣ; но чтобы испытать, въ какой монастырь укажетъ ему идти высшій промыселъ, онъ нарядился нищимъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ нѣсколько католическихъ монастырей. Вездѣ его принимали дурно, ограничиваясь ничтожнымъ подаяніемъ; но когда онъ явился въ Почаевскій уніатскій монастырь, бывшій бѣднѣе другихъ, тамъ его приняли радушно, накор-

мили, напоили, дали пріютъ для ночлега. Потоцкій счелъ это небеснымъ указаніемъ и черезъ нѣсколько времени прибылъ туда, только уже не въ нищенскомъ платьѣ, а въ великолѣпной каретѣ, и принесъ большую сумму на построеніе каменнаго храма, того самаго, который существуетъ до сихъ поръ. Здѣсь онъ и поселился въ качествѣ послушника, произвольно смирялъ себя, исполнялъ черныя работы, но иногда невольно выказывалъ и прежнія панскія замашки: такъ напримѣръ, подметая корридоры келій, онъ будилъ къ заутрени монаховъ, и чуть только замѣтитъ въ комъ нибудь лѣность, того потянетъ по спинѣ метлою. Здѣсь онъ умеръ и былъ погребенъ въ церкви; тѣло его, долго оставаясь нетлѣннымъ, показывалось богомольцамъ, одѣтое въ польскій кунтушъ и обутое въ огромныхъ сапогахъ. Послѣ обращенія монастыря въ православіе, это тѣло повелѣно схоронить и не показывать никому, чтобы народъ не признавалъ его святынею.

Архимандритъ приглашалъ насъ прибыть ночью къ богослуженію, а послѣ обѣдни разговляться вмѣстѣ съ братіею въ трапезѣ. Въ полночь мы отправились въ церковь и прослушали пасхальную заутреню. Напѣвъ въ Почаевскомъ монастырѣ показался мнѣ отличнымъ отъ обыкновеннаго русскаго, онъ былъ особенно веселый и напоминалъ мнѣ мотивы экосссеса, знакомые съ дѣтства. Церковь почаевская одна изъ просторнѣйшихъ, какія я видѣлъ въ Россіи, сохранила сильные слѣды прежняго католичества. За низенькимъ иконостасомъ, придѣланнымъ по присоединенію къ православію, виднѣлся высокій католическій иконостасъ; по другую сторону престола, у капитальной стѣны, во многихъ мѣстахъ у столбовъ стояли алтарики, употребляемые католиками и уніатами для тихой обѣдни и никакъ немыслимые въ православномъ храмѣ, такъ какъ они обращены были не на востокъ и самый престолъ примыкался прямо къ стѣнѣ, а вмѣсто образовъ были скульптурныя вещи; на хорахъ оставался еще большой органъ, хотя совершенно безъ употребленія. Послѣ обѣдни, вслѣдъ за архимандритомъ, мы пошли въ обширную залу съ накрытыми столами, на которыхъ были разставлены пасхальныя снѣди, но безъ мясныхъ кушаньевъ. Послѣ хорового пѣнія „Христосъ воскресе“, всѣ принялись закусывать, а потомъ

тутъ же начался обѣдъ, несмотря на то, что было время только солнечнаго восхожденія. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ рыбныхъ кушаньевъ и сливочнаго крема; я замѣтилъ, что братія, которой я насчиталъ восемнадцать человѣкъ, ничего не ѣла. Послѣ обѣда архимандритъ пригласилъ насъ въ келію, и тамъ увидали мы разставленный на столѣ обильный запасъ всякихъ мясныхъ кушаньевъ, колбасъ, поросятъ, индѣекъ и множество бутылокъ съ наливкою и виномъ. Архимандритъ объяснилъ намъ, что у нихъ трапеза бываетъ только для приличія, а всѣ они утѣшаются по кельямъ; при этомъ онъ объяснилъ, что въ западномъ краѣ, гдѣ еще свѣжи уніатскіе и католическіе обычаи, такое нарушеніе принятыхъ въ православномъ монашествѣ обычаевъ и терпится, и дозволяется. Послѣ того мы пробыли въ монастырѣ трое сутокъ и испытали большое гостепріимство и радушіе отъ архимандрита и братіи. Въ понедѣльникъ мы обѣдали у архимандрита въ его кельѣ и должны были отдать честь его повару, изготовившему очень вкусный обѣдъ. Монахи, которыхъ большая часть была изъ уроженцевъ великорусскихъ губерній, зазывали насъ поодиночкѣ другъ передъ другомъ и старались угостить какъ можно обильнѣе, такъ что мы принуждены были отдѣлываться отъ нихъ. Я осмотрѣлъ монастырскую библіотеку, которая оказалась очень богатою старопечатными русскими книгами благочестиваго содержанія, но я не имѣлъ времени ознакомиться съ ними подробнѣе.

Въ главной почаевской церкви показываютъ стопку Божіей Матери; изъ этой стопки сочится вода; чтобы видѣть эту стопку, надобно наклониться и вложить голову въ отверстіе, находящееся въ стѣнѣ ниши. По свѣдѣнію, сообщенному архимандритомъ, этой воды насочится въ день половину чайной ложечки, иногда немного больше; а такъ какъ богомольцевъ приходитъ много и много желающихъ имѣть эту воду, то мы, какъ говоритъ архимандритъ, прибѣгаемъ къ гомеопатическимъ растворенiямъ и впускаемъ полъ-ложечки чудотворной воды въ цѣлую кадь съ обыкновенною простою водою. Преданіе говоритъ, что еще въ то время, когда не существовало монастыря, въ XIII вѣкѣ, какіе-то пастухи увидали на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стопка, стоящую Божію Матерь. Слѣдъ ноги отъ изображенія остался на

землѣ и изъ него начала сочиться вода. Монастырь построенъ на скалѣ, воды кругомъ близко нѣтъ, и появленіе воды въ стопкѣ признается удивительнымъ дѣломъ. Въ большомъ корридорѣ, идущемъ отъ главной церкви, по стѣнѣ написана исторія чудеснаго освобожденія Почаева въ 1672 году отъ турецкаго нападенія. Монастырь въ то время еще былъ православный, игуменомъ тамъ былъ Іовъ Зализо; турецкій паша сдѣлалъ нашествіе на польскіе предѣлы, множество сосѣдней шляхты убѣжало въ Почаевскій монастырь, рѣшаясь тамъ давать отпоръ непріятелю, но осажденные стали терпѣть недостатокъ съѣстного и въ отчаяніи рѣшились выйти, вступить въ бой съ врагами и погибнуть въ сѣчѣ. Отецъ Іовъ служилъ послѣднюю обѣдню, приготовляя осажденныхъ къ ихъ рѣшительному подвигу. Въ эту самую минуту, когда онъ провозгласилъ „изряднѣй о пресвятѣй, пречистѣй и преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ“, на крестѣ монастырскаго храма явилось изображеніе Божіей Матери: Она грозила рукою турецкому войску. Турки, по приказанію своего паши, пустили въ изображеніе ядро, но это ядро обратилось назадъ и положило многихъ турокъ. Событіе это произвело такой паническій страхъ, что все турецкое войско убѣжало, а польское, ободрившись, стало его преслѣдовать и нанесло ему пораженіе подъ Вишневцемъ. Въ томъ же монастырѣ показываютъ яму, вырубленную въ скалѣ, куда преподобный Іовъ иногда влѣзалъ, желая предаться уединенному богомыслію.

Почаевскій монастырь пользуется большимъ уважаніемъ не только у православныхъ, но и у католиковъ и уніатовъ. Я видѣлъ тамъ множество пришельцевъ обоего пола изъ Галиціи, заговаривалъ съ ними и нашелъ, что у нихъ нарѣчіе и говоръ ничѣмъ не отличаются отъ волынцевъ. Почаевъ лежитъ на границѣ Австріи. Съ монастырской терасы живописно виднѣется Подкамель съ католическимъ монастыремъ, находящимся, уже въ предѣлахъ Галиціи.

Изъ Почаева мы направились въ Вишневецъ, съ цѣлью осмотрѣть тамъ замокъ, замѣчательную картинную галлерею съ фамильными портретами князей Вишневецкихъ, библіотеку съ рукописями и множество древнихъ вещей.

Выѣхавши изъ Почаева рано утромъ, мы были въ Вишневцѣ къ полудню, такъ какъ до него отъ Почаева не болѣе двадцати верстъ съ небольшимъ. Въ то время Вишневецъ принадлежалъ графу Мнишку: послѣ прекращенія фамиліи князей Вишневецкихъ, въ половинѣ XVIII вѣка, ихъ имѣніе пошло въ раздѣлъ между разными наслѣдниками и главное ихъ гнѣздо, съ фамильнымъ замкомъ, досталось фамиліи Мнишковъ, которая нѣсколько разъ уже роднилась съ Вишневецкими и тогда находилось съ ними въ самомъ близкомъ родствѣ. Замокъ составляетъ большое каменное зданіе въ два этажа съ заворотами. Я имѣлъ рекомендательное письмо къ владѣльцу его, полученное мною отъ владѣльца Ровно, князя Любомирскаго. Первый предметъ, поразившій меня при входѣ въ сѣни замка, было нѣсколько громадныхъ картинъ, выставленныхъ на стѣнѣ и изображавшихъ сцены изъ жизни нашего Самозванца. Тутъ было первое появленіе его у Мнишка, обрученіе съ Мариною и не помню еще что-то; надобно было обратить особое вниманіе на эти картины, очевидно старыя, и снять съ нихъ копіи тѣмъ болѣе, что онѣ совсѣмъ не тѣ, какія хранятся въ Оружейной палатѣ, и изображаютъ сцены, происходящія въ Москвѣ. Графъ Мнишекъ допустилъ насъ къ себѣ, принялъ довольно холодно и на просьбу мою осмотрѣть его замокъ сказалъ, что тамъ нѣтъ ничего любопытнаго; потомъ призвалъ служителя и, отдавъ ему ключи, велѣлъ вести насъ по комнатамъ замка, но приказалъ не заводить насъ въ библіотеку, гдѣ, какъ онъ сказалъ, рукописи находятся въ безпорядкѣ. Это мнѣ показалось очень прискорбнымъ: я понялъ, что не увижу того, что меня особенно интересовало и побудило искать знакомства съ польскими магнатами. Насъ повели по комнатамъ, расположеннымъ амфиладою; комнаты были однообразно убраны зеркальными стѣнами, на дверяхъ и окнахъ висѣли шелковыя портьеры, вышитыя, какъ говорилъ проводникъ, послѣднею изъ Вишневецкихъ, оставшеюся въ дѣвицахъ и до смерти проживавшею въ этомъ замкѣ. Съ особеннымъ любопытствомъ и съ участіемъ разсматривалъ я портреты Вишневецкихъ, развѣшанные по зеркальнымъ стѣнамъ, и съ сердечнымъ участіемъ встрѣчалъ многія, знакомыя мнѣ по исторіи, лица. Въ угольной комнатѣ, которою кончалась

эта амфилада, показывали вырѣзанныя на зеркалѣ слова: comte du Nord; эта надпись сдѣлана была императоромъ Павломъ Петровичемъ, который, будучи еще великимъ княземъ, путешествовалъ подъ именемъ Сѣвернаго графа и заѣзжалъ въ Вишневецъ, гдѣ не засталъ хозяевъ.— Обойдя замокъ, насколько это было позволено, мы отправились къ хозяину и получили приглашеніе итти къ нему въ садъ, куда онъ ушелъ. Этотъ садъ былъ некрасивъ и запущенъ. Мнишекъ сидѣлъ подъ деревомъ съ книгою въ рукахъ, выслушалъ мою благодарность и пригласилъ къ четыремъ часамъ обѣдать. Время, оставшееся до обѣда, я употребилъ на осмотръ старой православной церкви, гдѣ погребенъ Михаилъ Вишневецкій, послѣдній изъ Вишневецкихъ, умершій въ православной вѣрѣ: это былъ отецъ знаменитаго Іереміи и мужъ Раины Могилянки, родственницы митрополита Петра Могилы и ревностной православной, основавшей Густынскій монастырь въ прилукскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Эта деревянная церковь въ Вишневцѣ хотя не отличается большимъ благообразіемъ, но и не имѣетъ того нищенскаго вида, какой я встрѣчалъ по деревяннымъ православнымъ церквамъ Волыни въ тогдашнее время. Оттуда я отправился въ другую церковь, каменную, обращенную изъ бывшаго нѣкогда іезуитскаго монастыря, гдѣ въ склепѣ находится усыпальница князей Вишневецкихъ со времени ихъ обращенія въ католичество. Священникъ этой церкви сказалъ мнѣ, что поступивши на это мѣсто, онъ представлялъ архіерею, что съ обращеніемъ костела въ православную церковь нужно выбросить изъ склепа прахъ Іереміи Вишневецкаго, заявившаго себя жестокимъ фанатикомъ и непримиримымъ врагомъ православной вѣры и русскаго народа; но представленіе священника не было уважено и ему сдѣлали замѣчаніе, что не слѣдуетъ трогать мертвыхъ.

Мы отобѣдали у графа Мнишка не въ парадныхъ комнатахъ замка, а въ пристройкѣ, сдѣланной внизу къ первому этажу, гдѣ онъ постоянно помѣщался; съ нами обѣдалъ одинъ изъ сыновей его. Послѣ обѣда хозяинъ завелъ со мною разговоръ объ исторіи эпохи Хмельницкаго и изъявлялъ мнѣніе, что польскіе историки невѣрно относятся къ этой эпохѣ и что Хмельницкій вовсе не такой дурной чело-

вѣкъ, какимъ его представляли поляки по причинѣ бывшей вражды. Онъ велѣлъ принести портретъ Хмельницкаго и увѣрялъ, что это самый вѣрнѣйшій, какой гдѣ либо найти можно. Замѣчательно, что когда переходя то къ той, то къ другой эпохѣ русской и польской исторіи, я коснулся Самозванца, ему, какъ видно, было непріятно говорить объ этомъ предметѣ и онъ вполголоса сказалъ: „это было ужъ очень давно!“ Прощаясь со мною, Мнишекъ сообщилъ мнѣ, что въ Кременцѣ есть нѣкто Радзиминскій, котораго отецъ занимался спеціально эпохою Хмельницкаго и оставилъ рукописныя сочиненія. Мнишекъ совѣтовалъ мнѣ обратиться къ Радзиминскому и попытаться узнать — не сохранилось ли въ бумагахъ отца какихъ нибудь любопытныхъ матеріаловъ, могущихъ служить источниками для исторіи казацкой революціи.

Изъ Вишневца я направился обратно въ Кременецъ и посѣтилъ Радзиминскаго по рекомендаціи Мнишка. Къ моему удивленію, въ Радзиминскомъ я встрѣтилъ человѣка, который отъ моей просьбы познакомить меня съ сочиненіями его отца, пришелъ въ испугъ; онъ разсказалъ мнѣ, что по какому-то доносу о существованіи этой исторіи, писанной его отцомъ, его арестовали, взяли его бумаги и повезли самого въ Кіевъ, держали нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ возвратили ему отцовскую рукопись и отпустили домой; но по пріѣздѣ онъ узналъ, что его беременная жена въ испугѣ за участь мужа заболѣла и преждевременно разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. Я увѣрялъ его, что вовсе не принадлежу къ администраціи и обратился къ нему съ чисто-ученымъ намѣреніемъ, да при томъ и не осмѣлился бы обратиться, если бы зналъ, что рукопись, о которой идетъ рѣчь, оставляетъ для него такое тяжелое воспоминаніе. Лицо Родзиминскаго нѣсколько прояснилось, онъ предложилъ мнѣ завтракъ, но несмотря на мою повторенную просьбу, не показалъ мнѣ отцовской рукописи. Впрочемъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя на основаніи этой рукописи мнѣ передавалъ Радзиминскій, я могу заключить, что и не нашелъ бы въ ней много новаго и интереснаго, такъ какъ Радзиминскій, увѣряя, что его отецъ былъ великій ученый, говорилъ на основаніи отцовскихъ показаній, что Хмельницкій принялъ турецкую вѣру.

Изъ Кременца мы отправились въ Берестечко, куда и прибыли на другой день рано утромъ. Мѣстность знаменитой битвы Хмельницкаго была мнѣ очень извѣстна по письменнымъ источникамъ, и я съ особеннымъ рвеніемъ старался повѣрить мои о ней представленія, старался отыскать слѣды давно минувшихъ событій, о которыхъ столько читалъ, писалъ и думалъ. Берестечко лежитъ на равнинѣ вдоль рѣки Стыри—рѣки, чрезвычайно извилистой; въ нее впадаетъ, версты за четыре не доѣзжая мѣстечка, болотистая рѣчка Пляшова, извѣстная гибелью казацкаго войска, котораго множество потонуло при безпорядочномъ переходѣ черезъ нее во время несчастнаго бѣгства изъ лагеря. Приближаясь къ мѣстечку и переѣхавши уже черезъ Пляшовую, я наткнулся на старую линію окоповъ въ видѣ полумѣсяца и понялъ, что это слѣды бывшаго польскаго лагеря, сдѣланнаго тогда, когда поляки перешли съ правой стороны Стыри на лѣвую. Вправо отъ дороги змѣилась извилистая Стырь, налѣво глаза упирались въ густой высокій лѣсъ. Прибывши въ мѣстечко, мы остановились въ жидовской корчмѣ. Я вынулъ изъ портфеля свои бумаги и началъ толковать съ товарищемъ о Хмельницкомъ; потомъ позвалъ іудея и просилъ его, нельзя ли достать мнѣ старыхъ людей, знающихъ хорошо мѣстность, чтобы они показали мнѣ поле и разные признаки на немъ. Іудей посмотрѣлъ на меня подозрительно и исчезъ. Я продолжалъ свой разговоръ съ товарищемъ, пока спустя полъ-часа не вошелъ къ намъ въ комнату господинъ въ мундирномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, при шпагѣ; онъ потребовалъ отъ насъ паспорты и увидавши изъ нихъ, кто мы такіе, ласково сказалъ: „вамъ, господа, угодно осмотрѣть поле битвы, происходившей между казаками и поляками; я могу доставить все, что вамъ нужно и покорнѣйше прошу перебраться ко мнѣ въ домъ, у меня вамъ будетъ спокойнѣе и удобнѣе“. Меня очень удивила увѣренность, съ какою этотъ господинъ выразился, что ему вполнѣ извѣстно зачѣмъ мы пріѣхали и чего ищемъ. Мы вышли съ нимъ и сѣли въ его экипажъ, а іудей, по его приказанію, положилъ туда же всѣ наши пожитки. Дорогою этотъ господинъ объяснилъ намъ, что онъ становой приставъ и, предувѣдомленный іудеемъ о прибытіи какихъ-то господъ, желающихъ зачѣмъ-то осматри-

вать поле, пришелъ къ намъ въ намѣреніи, если окажется нужнымъ, арестовать насъ; но, подслушавши нашъ разговоръ, понялъ, что мы не какіе нибудь польскіе эмиссары, которыхъ ему предписывали беречься, а ученые, отыскивающіе слѣды давно минувшихъ событій. Мы нашли у него самый гостепріимный пріемъ, вмѣстѣ съ нимъ объѣзжали поле и всѣ окрестности Берестечка и черезъ его посредство дѣлали разспросы и вели бесѣды съ народомъ. Поѣхавши снова на поле, гдѣ была битва, я увидѣлъ ясно на одной сторонѣ ближе къ лѣсу небольшое возвышеніе, гдѣ стоялъ крымскій ханъ, а вправо отъ него, черезъ дорогу, ближе къ Стыри, слѣды кругловидныхъ окоповъ, гдѣ былъ казацкій лагерь, укрѣпленный послѣ ухода Хмельницкаго за ханомъ. Тутъ я нашелъ и островъ на Стыри, тотъ самый, гдѣ по извѣстію Пасторія, защищались триста храбрыхъ казаковъ, нехотѣвшихъ сдаться врагамъ и мужественно погибшихъ въ упорной битвѣ. Этотъ островъ весь поросъ большимъ лѣсомъ: вправо отъ него, при впаденіи рѣки Пляшовы, было мѣсто рокового перехода казаковъ черезъ рѣку,— перехода, въ которомъ потонуло множество казацкаго войска. Что это событіе происходило именно въ этомъ мѣстѣ, я заключилъ по поводу собранныхъ извѣстій, что до сихъ поръ въ упомянутомъ мѣстѣ, на днѣ рѣки отыскиваются обломки сѣделъ, оружія, стременъ и перетлѣвшіе куски попонъ. Все это, какъ извѣстно, бросали казаки въ воду, чтобы устроить плотину для своего перехода. На противоположной сторонѣ Стыри, за мѣстечкомъ Берестечкомъ, находится холмъ, со сложенною изъ кирпича часовнею, въ которой поставлена статуя св. первомученицы Ѳеклы. Здѣсь, по преданію, погребена толпа женщинъ, убѣжавшихъ изъ окрестностей подъ защиту польскаго войска и остававшихся на правой сторонѣ Стыри въ то время, когда поляки выступили въ бой на лѣвой сторонѣ той же рѣки. Татары неожиданно перешли рѣку и перебили всѣхъ этихъ женщинъ, которыхъ число преданіе показываетъ до трехъ тысячъ. На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, холмъ съ часовнею есть мѣсто, гдѣ погребены были польскіе воины, убитые въ бою. На этой же сторонѣ Стыри, версты за двѣ отъ мѣстечка, стоитъ высокій памятникъ, поставленный, какъ гласитъ на немъ надпись, надъ тѣломъ князя Пронскаго,

умершаго въ 1533 году. Онъ, какъ говоритъ преданіе, былъ еретикъ, и зная, что по смерти достанется во власть дьяволу и будетъ ходить мертвецомъ, пугая живыхъ людей, приказалъ прибить свой гробъ во внутренности верхней части памятника на цѣпяхъ. Я влѣзалъ по подставленной лѣстницѣ въ отверстіе, пробитое въ этой верхней части и видѣлъ дѣйствительно обломки цѣпей, со вбитыми въ своды кольцами. Этотъ князь Пронскій былъ одинъ изъ рязанскихъ князей, бѣжавшій въ Литву послѣ насильственнаго завладѣнія Рязанской землею со стороны Москвы. Само собою разумѣется, что народная легенда о его еретичествѣ не имѣетъ историческаго основанія.

Осмотрѣвши Берестечко, мы черезъ два дня выѣхали назадъ въ Ровно, напутствуемые добрыми пожеланіями гостепріимнаго нашего хозяина и снабженные отъ него на дорогу съѣстными припасами.

Наступилъ въ гимназіи экзаменъ, и тутъ я получилъ изъ Кіева извѣстіе, что меня переводятъ учителемъ исторіи въ первую Кіевскую гимназію. Приходилось прощаться съ Ровно и Волынью. Я уѣхалъ оттуда съ большимъ ворохомъ народныхъ пѣсенъ и записанныхъ преданій и разсказовъ; нѣкоторые были собраны мною лично, другіе доставлялись моими учениками, которыхъ я заохотилъ по случаю поѣздокъ ихъ къ роднымъ на вакаціонное время собирать и доставлять мнѣ народные памятники.

Пріѣхавши въ Кіевъ, я узналъ, что уже все было сдѣлано относительно моего перевода, и пользуясь наступленіемъ лѣтнихъ вакацій, отправился въ воронежскую губернію къ матери на почтовыхъ черезъ Глуховъ и Курскъ.

Во время вакацій я съѣздилъ въ Дивногорскій монастырь, расположенный въ чрезвычайно красивой мѣстности надъ Дономъ, близъ устья Тихой Сосны. Это одно изъ живописнѣйшихъ мѣстностей, которыя мнѣ случалось встрѣчать въ Россіи. Мѣловыя горы, составляющія берегъ Дона, по своей природной конструкціи приняли здѣсь фантастическія фигуры столбовъ, колоннъ, каменныхъ скамей, пристѣнковъ, башенъ и т. п. Въ мѣловыхъ горахъ тянется углубленіе, покрытое лѣсомъ; здѣсь построенъ монастырь. Онъ былъ бѣденъ и заключалъ въ себѣ не болѣе пяти братій, изъ кото-

рыхъ одинъ, бывшій нѣкогда армейскимъ капитаномъ, теперь іеромонахъ, носилъ званіе настоятеля. Въ мѣловой горѣ, выше лѣса, которымъ обросла ея подошва, есть пещера выкопанная въ видѣ корридора; начало ея, по преданію, относится къ XVII вѣку. Настоятель, показывая мнѣ эту пещеру, разсказалъ мнѣ, что на Троицынъ день въ Кіево-печерской лаврѣ было чудное видѣніе: во время обѣдни явилась Богородица за престоломъ и осѣнила народъ крестнымъ благословеніемъ. Говорили ему объ этомъ богомолки, недавно прибывшія изъ Кіева, и увѣряли, что сами были въ церкви и видѣли явленіе Богородицы. Я объяснилъ ему, что самъ на первый день Троицы былъ у обѣдни въ лаврѣ и однако не видалъ Богородицы. „Значитъ Господь не сподобилъ васъ увидѣть чудо, а женщины его увидали“, сказалъ настоятель.

Въ августѣ я отправился снова въ Кіевъ и по пріѣздѣ туда вступилъ въ свою новую должность учителя первой кіевской гимназіи. Сначала я помѣстился на Старомъ Городѣ, потомъ перешелъ на Крещатикъ и нанялъ квартиру вмѣстѣ со студентомъ Аѳанасіемъ Маркевичемъ, горячимъ любителемъ южнорусскаго языка и ревностнымъ мѣстнымъ энтографомъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ ноябрѣ я получилъ отъ матери письмо, въ которомъ она жаловалась на упадающее здоровье и изъявила желаніе продать имѣніе и переѣхать ко мнѣ въ Кіевъ. Я сообразилъ, что держать имѣніе за девятьсотъ верстъ отъ Кіева и ѣздить въ него на перекладныхъ несовсѣмъ удобно и предположилъ продать имѣніе въ острогожскомъ уѣздѣ, а вмѣсто него купить гдѣ нибудь по сосѣдству съ Кіевомъ. Съ этою цѣлью я отправился къ матери въ декабрѣ 1845 года. Медлить было нечего, потому что находился хорошій покупщикъ имѣнію. По пріѣздѣ въ свою слободу, я немедленно послалъ нарочнаго къ помѣщику, желавшему купить имѣніе, а тотъ прислалъ ко мнѣ своего повѣреннаго, дворовaго человѣка, съ деньгами. Мы отправились въ Воронежъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней совершили купчую крѣпость. Возвратившись назадъ, я попрощался съ угломъ, который считалъ своимъ много лѣтъ, и отправился на почтовыхъ, черезъ Харьковъ, въ Кіевъ. На дорогѣ между Полтавою и Кіевомъ я простудилъ себѣ

горло и получилъ нарывъ; въ такомъ состояніи прибылъ я въ Кіевъ на первый день Рождества. Квартира моя оказалась нетопленою; товарища моего Маркевича не было въ городѣ и я принужденъ былъ пріютиться въ какой-то грязной гостинницѣ, находившейся на Крещатикѣ, на углу Бессарабской площади. Здѣсь мой знакомый, проживавшій въ Кіевѣ кандидатъ дерптскаго университета, Н. И. Гулакъ пригласилъ меня переѣхать къ нему и жить до пріѣзда ко мнѣ матушки, послѣ чего я собирался уже отыскать себѣ особую квартиру. Болѣзнь горла потребовала операціи, мнѣ сдѣлалъ ее профессоръ Короваевъ, проколовшій нарывъ въ горлѣ и я оставался въ квартирѣ у Гулака до февраля. Такъ какъ выздоровленіе не позволяло мнѣ выѣзжать, то я проводилъ время съ Гулакомъ и учился вмѣстѣ съ нимъ сербскому языку. Къ намъ часто приходилъ нашъ общій пріятель Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, по окончаніи курса въ университетѣ проживавшій въ Кіевѣ, въ надеждѣ найти себѣ служебное мѣсто. Потомъ сталъ ходить къ намъ Аѳанасій Маркевичъ, возвратившійся въ городъ отъ брата, у котораго нѣсколько времени гостилъ. Наши дружескія бесѣды обращались болѣе всего къ идеѣ славянской взаимности. Надобно сказать, что то было время, когда сознаніе этой идеи было еще въ младенчествѣ, но зато отпечатлѣвалось такою свѣжестью, какую она уже потеряла въ близкое къ намъ время. Чѣмъ тусклѣе она представлялась въ головахъ, чѣмъ менѣе было обдуманныхъ образовъ для этой взаимности, тѣмъ болѣе было въ ней таинственности, привлекательности, тѣмъ съ большею смѣлостью создавались предположенія и планы, тѣмъ болѣе казалось возможнымъ все то, что, при большей обдуманности, представляло тысячи препятствій къ осуществленію. Взаимность славянскихъ народовъ въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Мимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй. Мы стали воображать всѣ славянскіе народы соединенными между собою въ федераціи, подобно

древнимъ греческимъ республикамъ, или Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, съ тѣмъ, чтобы всѣ находились въ прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдѣльную автономію. Федерація только по однѣмъ народностямъ не оказалась для насъ вполнѣ удобною по многимъ причинамъ, а въ особенности по количественному неравенству массъ, принадлежавшихъ къ народностямъ. Какое въ самомъ дѣлѣ союзничество на основаніяхъ взаимнаго равенства могло существовать между ничтожными по количеству лужичанами и огромною массою русскаго народа съ неизмѣримыми пространствами его отечества? Мы пришли къ результату, что съ сохраненіемъ права народностей необходимо другое дѣленіе частей будущаго славянскаго государства, для его федеративнаго строя. Такимъ образомъ составилась мысль объ административномъ раздѣленіи земель, населяемыхъ славянскимъ племенемъ, независимо отъ того, къ какой изъ народностей принадлежитъ это племя въ той или другой полосѣ обитаемаго имъ пространства. Мы не могли уяснить себѣ въ подробности образа, въ какомъ должно было явиться наше воображаемое федеративное государство; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ достиженію этой цѣли въ далекомъ будущемъ предполагалось воспитаніе общества въ духѣ такихъ идей, а потому считалось необходимымъ, чтобы въ университетахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ были люди искренно-преданные этимъ идеямъ и способные внѣдрять ихъ въ юныя поколѣнія. Съ этою цѣлью явилась мысль образовать общество, котораго задача была бы распространеніе идей славянской взаимности, какъ путями воспитанія, такъ и путями литературными. Въ видѣ предпо-

ложенія, мною начертанъ былъ уставъ такого общества, котораго главными условіями были: полнѣйшая свобода вѣроисповѣданія и національностей и отверженіе іезуитскаго правила объ освященіи средствъ цѣлями, а потому заранѣе заявлялось, что такое общество ни въ какомъ случаѣ не должно покушаться на что нибудь имѣющее хотя тѣнь возмущенія противъ существующаго общественнаго порядка и установленныхъ предержащихъ властей. Изученіе славянскихъ языковъ и литературъ ставилось главнѣйшимъ дѣломъ въ образованіи. Товарищи мои искренно приняли эти идеи; самому обществу предположено было дать названіе общества св. Кирилла и Меѳодія, славянскихъ апостоловъ. Мысль объ основаніи общества вскорѣ была забыта, послѣ того какъ я, оправившись отъ недуга, сталъ ѣздить въ гимназію на должность и съ пріѣздомъ ко мнѣ матушки на постоянное жительство нанялъ другую квартиру; но мысль о славянской взаимности и славянской федераціи глубоко оставалась у всѣхъ насъ, какъ завѣтная въ жизни.

1-го февраля 1846 года мать моя пріѣхала въ Кіевъ и съ этихъ поръ начался для меня иной родъ домашней обстановки. Вмѣстѣ съ матушкой я поселился на Крещатикѣ, въ домѣ Сухоставской. Чрезъ нѣсколько домовъ, на противоположной сторонѣ, въ той самой гостинницѣ, куда я прибылъ на праздникъ Рождества, по возвращеніи съ продажи моего имѣнія, квартировалъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, пріѣхавшій тогда изъ Петербурга въ Малороссію съ намѣреніемъ пріютиться здѣсь и найти себѣ должность. Узнавши о немъ, я познакомился съ нимъ и съ перваго же раза сблизился. Тогда была самая дѣятельная пора для его таланта, апогей его духовной силы. Я съ нимъ видался часто, восхищался его произведеніями, изъ которыхъ многія, еще неизданныя, онъ далъ мнѣ въ рукописяхъ. Нерѣдко мы просиживали съ нимъ длинные вечера до глубокой ночи, а съ наступленіемъ весны часто сходились въ небольшомъ садикѣ Сухоставскихъ, имѣвшемъ чисто малорусскій характеръ: онъ былъ насаженъ преимущественно вишнями; было тамъ и нѣсколько колодъ пчелъ, утѣшавшихъ насъ своимъ жужжаніемъ.

Кромѣ Шевченко, частыми собесѣдниками моими были: Гулакъ, Бѣлозерскій, Маркевичъ и учитель Пильчиковъ; нерѣдко заходилъ ко мнѣ старый профессоръ бывшаго кременецкаго лицея Зеновичъ, добродушный старичекъ, занимавшійся химіею и нѣкогда сочинившій какую-то теорію о сотвореніи міра посредствомъ электричества и магнетизма; онъ имѣлъ слабость проповѣдывать ее кстати и некстати всякому встрѣчному и поперечному. Кулиша въ то время не было въ Кіевѣ: онъ находился въ Петербургѣ.

Въ концѣ мая меня извѣстили, что университетъ св. Владиміра желаетъ избрать меня въ преподаватели русской исторіи вмѣсто недавно умершаго Домбровскаго, но съ тѣмъ, чтобы я прочиталъ въ совѣтѣ пробную лекцію, такъ какъ большая часть членовъ меня не знала и даже не видала въ глаза. Я согласился на это условіе. 4-го іюня меня пригласили въ засѣданіе совѣта и предложили мнѣ прочитать лекцію о томъ, съ какого времени слѣдуетъ начинать русскую исторію. Я прочиталъ. Содержаніе моей лекціи основывалось на томъ, что исторія русская есть исторія славянскаго племени, живущаго въ Россіи и потому начинать ее надобно съ тѣхъ временъ, въ которыя являются признаки поселенія славянъ на русскомъ материкѣ. Задача моя повлекла меня въ эпоху владычества готѳовъ и гунновъ. Я изложилъ съ своей точки зрѣнія теорію происхожденія гунновъ отъ смѣси разныхъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи и въ томъ числѣ славянъ, порабощенныхъ готѳами и бѣжавшихъ въ заволжскія степи вмѣстѣ съ бѣглецами изъ другихъ племенъ. Такъ какъ я недавно передъ тѣмъ читалъ Амміана Марцеллина, Іорнанда, Ліутпранда, Приска и другихъ писателей древняго времени, оставившихъ повѣствованія о гуннахъ, то лекція моя вышла настолько богата свѣдѣніями, сколько и примѣрами свидѣтельствъ, приводимыхъ мною въ подлинникахъ: она произвела самое хорошее впечатлѣніе. По удаленіи моемъ изъ зала совѣта, произведена была баллотировка, а черезъ часъ ректоръ университета, профессоръ астрономіи Ѳедоровъ, прислалъ мнѣ записку, въ которой извѣстилъ, что я принятъ единогласно, и не оказалось ни одного голоса, противнаго моему избранію. То былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и памятныхъ дней моей жизни. Университетская каѳедра давно

уже для меня была желанною цѣлью, которой достиженія, однако, я не надѣялся такъ скоро.

Черезъ день или два послѣ моего избранія, я переѣхалъ на другую квартиру, на Старый Городъ, на Рейтарскую улицу и, оставивши въ ней свою матушку, отправился на почтовыхъ въ Одессу съ цѣлью морского купанья. Я пробылъ въ Одессѣ до половины августа и возвратился въ Кіевъ, а черезъ нѣсколько дней былъ приглашенъ читать вступительную лекцію въ университетѣ. Моя первая лекція прошла какъ нельзя лучше; слушателей было огромное число, и кромѣ того ее посѣтили нѣсколько профессоровъ университета.

Такъ началась моя кратковременная профессорская карьера. Съ тѣхъ поръ я началъ жить въ совершенномъ уединеніи, погрузившись въ занятія исторіею; время мое поглощалось писаніемъ лекцій по русской исторіи, которыхъ надобно было каждую недѣлю приготовить четыре. Кромѣ того я иногда принимался за Богдана Хмельницкаго, дополняя написанное мною нѣкоторыми источниками, отысканными въ университетской библіотекѣ. Потомъ я принялся писать Славянскую Миѳологію, что, впрочемъ, было частію читаемыхъ мною лекцій. Вмѣстѣ съ гимназическими уроками, покинулъ я бывшіе у меня уроки въ пансіонахъ, оставивши за собою только одинъ изъ уроковъ въ Образцовомъ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ. За то профессоръ Иванишевъ, бывшій вмѣстѣ инспекторомъ Института благородныхъ дѣвицъ, уговорилъ меня читать двѣ лекціи въ этомъ заведеніи, на что я согласился съ большою неохотою.

Въ кругу профессорскомъ я вообще мало вращался, будучи сильно поглощенъ кабинетною дѣятельностью. О тогдашнемъ состояніи университета св. Владимира могу сказать только, что онъ въ то время не избѣгалъ недостатковъ, общихъ всѣмъ нашимъ провинціальнымъ университетамъ того времени, но въ немъ меньше вкралось той нравственной язвы, которая одолѣвала харьковскій университетъ, гдѣ большая часть профессоровъ держали у себя на квартирахъ студентовъ, брали съ нихъ тройную цѣну и за то проводили ихъ на степени обыкновенно недостойнымъ образомъ, такъ какъ всегда почти у профессоровъ квартировали плохіе студенты. Нельзя сказать, чтобы кіевскій университетъ былъ совсѣмъ

чистъ отъ этихъ злоупотребленій, но въ меньшей степени былъ зараженъ ими, чѣмъ харьковскій: по крайней мѣрѣ число профессоровъ, державшихъ у себя на квартирахъ студентовъ, въ Кіевѣ не составляло большинства, какъ въ Харьковѣ. Собственно по отношенію къ достоинству преподаванія, въ Кіевѣ можно было указать на нѣсколько бездарностей, но также отмѣтить между профессорами и нѣсколько лицъ, съ честью занимавшихъ каѳедры. Въ нашемъ факультетѣ нельзя было безъ уваженія отнестись о профессорѣ Нейкирхѣ, читавшемъ греческій языкъ и греческую словесность; это былъ истинный нѣмецъ, „Gelehrter“, вѣчно преданный наукѣ, честный человѣкъ и чрезвычайно строгій цѣнитель студентскихъ дарованій и успѣховъ. Студенты, занимавшіеся его предметомъ, очень уважали эту личность. Почти то же можно сказать о профессорѣ латинскаго языка, также нѣмцѣ, Делленѣ. Русская словесность была въ рукахъ Селина, ученика и послѣдователя Шевырева; онъ высказывалъ московско-славянофильскія идеи, которыя, впрочемъ, мало находили себѣ сочувствія у его слушателей, а тонъ его чтенія, постоянно старавшійся казаться восторженнымъ, принимался за аффектацію. Профессоръ всеобщей исторіи Ставровскій былъ человѣкъ, обладавшій большою памятью, но почти незнакомившій своихъ слушателей съ современными способами обработки исторіи и критикою источниковъ; въ его преподаваніи, какъ замѣчали студенты, слышалось что-то семинарское. Профессоръ философіи Новицкій пользовался между студентами хорошею репутаціею знатока своего предмета и способнаго передавателя свѣдѣній. Бывшій профессоръ русской словесности М. А. Максимовичъ въ то время уже выбылъ изъ университета, но живя въ своемъ хуторѣ близъ Золотоноши, часто пріѣзжалъ въ Кіевъ, гдѣ видѣлся со мною. Это былъ человѣкъ, правду сказать, не большой учености, но очень умный и безпристрастный въ тѣхъ частяхъ, которыя были ему хорошо знакомы. Бесѣды съ нимъ были вообще пріятны и вовсе не давали повода сдѣлать такой приговоръ о бездарности, какимъ уже послѣ его смерти такъ несправедливо угостилъ его Кулишъ, имѣвшій, по личнымъ отношеніямъ къ нему, менѣе чѣмъ кто нибудь права наложить на него сѣрое пятно бездар-

ности. Въ юридическомъ факультетѣ видное мѣсто занималъ Иванишевъ, впрочемъ не столько по преподаванію, сколько по издательской своей дѣятельности, такъ какъ онъ занимался редакціею письменныхъ памятниковъ, которые начала тогда печатать Временная комиссія для разбора актовъ, учрежденная въ Кіевѣ при генералъ-губернаторѣ, которой членомъ сдѣланъ былъ и я, взявши на себя изданіе лѣтописей Величка. Попечителемъ университета былъ генералъ Трескинъ, ничѣмъ особенно не выдававшійся, а помощникомъ его, Юзефовичъ, малоруссъ, любившій свою старину, но съ дворянскимъ чиновническимъ пошибомъ. Студенты по своему настроенію рѣзко выдѣлялись въ двѣ партіи: русскую и польскую. Симптомы національной враждебности, которые такъ рѣзко отличали кіевскій университетъ впослѣдствіи, тогда еще были въ зародышѣ или, по крайней мѣрѣ, не смѣли проявляться слишкомъ рельефно при зоркомъ наблюденіи генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова.

Однажды этотъ генералъ-губернаторъ на университетскомъ актѣ, послѣ ухода изъ зала всей публики, приказалъ остаться всѣмъ, принадлежащимъ къ составу университета, какъ профессорамъ, такъ и студентамъ, и проговорилъ грозную и вмѣстѣ странную рѣчь. Онъ объявилъ, что до него дошли слухи о тайныхъ собраніяхъ студентовъ, дерзающихъ обсуждать политическіе вопросы, и по этому поводу дѣлалъ угрозы, что если онъ еще услышитъ, что либо подобное, то по данному ему отъ Государя праву закроетъ университетъ, а виновныхъ разошлетъ въ ссылку. При этомъ онъ шутя совѣтовалъ студентамъ, вмѣсто политическихъ вопросовъ, заниматься лучше женщинами и кутежами и что за это онъ не будетъ никого преслѣдовать. Эту милую шутку, выраженную, правда сказать, довольно цинически, университетская молодежь приняла вовсе не такъ сочувственно, какъ повидимому ожидалъ ораторъ; напротивъ, когда студенты расходились по домамъ, то я слышалъ между ними замѣчанія о совершенной непристойности такой выходки изъ устъ начальника края въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія.

Тогдашнее стремленіе правительственныхъ элементовъ къ обрусѣнію края произвело то, что поляки не смѣли себя

называть поляками, а называли католиками, что выходило забавно: слово „католики“ въ Кіевскомъ краѣ теряло свое повсемѣстное значеніе вѣроисповѣданія и стало означать какъ бы какую-то національность; но, отличая себя католикомъ, полякъ, однако, ни за что бы не назвалъ себя русскимъ, потому что въ этомъ краѣ и слово „русскій“, наоборотъ, перешло какъ бы въ значеніе вѣроисповѣданія. Этимъ собственно только и ограничивалось тогдашнее обрусѣніе. Поляки все-таки исключительно говорили по-польски и не хотѣли знать по-русски; пріобрѣтая знаніе русскаго языка по неволѣ въ училищѣ, полякъ считалъ какъ бы нравственною необходимостью поскорѣе забыть его. Интеллигентный языкъ во всемъ краѣ былъ исключительно польскій и даже крестьяне по-неволѣ должны были усваивать его. Иначе и быть не могло тамъ, гдѣ огромная масса малорусскаго православнаго народа оставалась въ порабощеніи у польскихъ пановъ-католиковъ и гдѣ самый законъ имперіи давалъ послѣднимъ столько правъ надъ первыми.

Судя по экзаменамъ, какъ вступительнымъ, такъ и переводнымъ, я имѣлъ случай вывести заключеніе, что поляки вступали въ университетъ съ лучшею подготовкою, чѣмъ русскіе, и это зависѣло уже не отъ школьнаго ученія, а отъ первоначальнаго домашняго воспитанія. Малорусское юношество, уроженцы лѣвой стороны Днѣпра, за исключеніемъ немногихъ, одаренныхъ особыми выдающимися талантами, отличались какою-то туповатостью, лѣнью и апатіею къ умственному труду. Вообще кіевскіе студенты того времени мало принимаемы были и въ обществѣ, за исключеніемъ немногихъ сыновей богатыхъ помѣщиковъ или вліятельныхъ особъ. Между профессорами и студентами также мало было интимнаго сближенія, да и начальство видимо не желало его, а поддерживало въ профессорахъ потребность держать себя съ начальническимъ тономъ. Были даже примѣры, что профессорамъ дѣлались замѣчанія, что они обращаются за-панибрата со студентами, указывалось профессорамъ, что этимъ они роняютъ свое достоинство. Такое замѣчаніе получилъ и я вслѣдствіе того, что началъ приглашать къ себѣ по вечерамъ студентовъ, въ которыхъ замѣчалъ особую склонность къ читаемому

мною предмету. Причиною тому былъ господствующій тогда духъ субординаціи и боязнь возникновенія политическаго вольнодумства, которое, какъ полагали начальствующія лица, могло явиться въ молодежи, близко познакомившейся съ духомъ и задушевными идеями своихъ наставниковъ. Понятно, что при такомъ натянутомъ отношеніи между профессорами и студентами, нельзя было ожидать никакого утѣшительнаго вліянія наставниковъ на учащихся. Профессоръ довольствовался тѣмъ, что отбарабанилъ свою лекцію, мало обращая вниманія, какъ легла на душу слушателей эта лекція и что она пробудила въ ихъ сердцѣ и умѣ, а студентъ считалъ себя выполнившимъ свою обязанность тѣмъ, что вызубрилъ записанную имъ профессорскую лекцію и буквально проговорилъ ее на экзаменѣ, или на репетиціи. Такимъ образомъ, изъ этого очерка духа, господствовавшаго въ университетѣ того времени, даже и при нѣкоторыхъ профессорахъ, отличавшихся дарованіемъ и преданныхъ наукѣ, не могло возникнуть ничего живого и богатаго задатками для будущаго.

Наступили рождественскія святки. Въ Кіевъ пріѣхалъ старинный мой знакомый, бывшій нѣкогда студентъ харьковскаго университета Савичъ, помѣщикъ гадячскаго уѣзда. Онъ ѣхалъ въ Парижъ. Въ первый день Рождества мы сошлись съ нимъ у Гулака на Старомъ Городѣ въ домѣ Андреевской церкви. Кромѣ него, гостемъ Гулака былъ Шевченко. Разговоры коснулись славянской идеи; естественно выплыла на сцену завѣтная наша мысль о будущей федераціи славянскаго племени. Мы разговаривали, не стѣсняясь и не подозрѣвая, чтобы наши рѣчи кто нибудь слушалъ за стѣной съ цѣлью перетолковать ихъ въ дурную сторону, а между тѣмъ такъ было. У того же священника квартировалъ студентъ по фамиліи Петровъ; онъ слушалъ нашу бесѣду и на другой же день, сошедшись съ Гулакомъ, началъ ему изъявлять горячія желанія славянской федераціи и притворился великимъ поборникомъ славянской взаимности. Гулакъ имѣлъ неосторожность съ своей стороны открыть ему задушевныя свои мысли и разсказалъ о бывшемъ нашемъ предположеніи основать общество. Этого только и нужно было. Около этого же времени я написалъ небольшое

сочиненіе о славянской федераціи, старался усвоить по слогу библейскій тонъ. Сочиненіе это я прочиталъ Гулаку; оно ему очень понравилось и онъ списалъ его себѣ, а потомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, показалъ студенту Петрову. Бѣлозерскаго уже не было въ Кіевѣ; онъ отправился въ Полтаву учителемъ въ кадетскій корпусъ. У него былъ также списокъ этого сочиненія.

Около этого же времени познакомился со мною извѣстный польскій археологъ, графъ Свидзинскій, и узнавши, что я занимаюсь Хмельницкимъ, привезъ мнѣ въ подлинникѣ и въ спискѣ съ подлинника лѣтопись Іерлича, позволивъ мнѣ пользоваться ею для своей исторіи, а затѣмъ далъ обѣщаніе и на будущее время доставлять мнѣ рукописные матеріалы, относящіеся къ исторіи казаковъ, а этихъ матеріаловъ у него было много.

Въ концѣ января я разстался съ Гулакомъ и съ Шевченко; первый уѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ держать тамъ магистерскій экзаменъ, второй — къ своему пріятелю Виктору Забѣллѣ въ Борзну.

Февраля 13-го я обручился съ дѣвицею Алиною Леонтьевною Крагельскою, которую зналъ еще въ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ, гдѣ преподавалъ съ 1845 года. Послѣ выхода ея изъ пансіона увидѣлся я съ нею и познакомился съ ея матерью въ Одессѣ, куда лѣтомъ ѣздилъ купаться въ 1846 году, а по возвращеніи въ Кіевъ нѣсколько времени посѣщалъ ихъ домъ, сблизился и узналъ ее покороче. Свадьба наша назначена была послѣ Пасхи въ Ѳоминое воскресенье, 30-го марта 1847 года.

Между тѣмъ, въ началѣ марта пріѣхалъ въ Кіевъ Кулишъ, который передъ тѣмъ только что женился на дѣвицѣ Бѣлозерской, сестрѣ моего пріятеля Василія. За Кулишомъ черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ изъ Полтавы и Бѣлозерскій; онъ покинулъ должность учителя въ корпусѣ и вмѣстѣ съ Кулишомъ собрался ѣхать за-границу, куда Кулиша посылали отъ Академіи наукъ для изученія славянскихъ языковъ, съ цѣлью подготовленія его къ каѳедрѣ. Оба, пробывши нѣсколько дней въ Кіевѣ, уѣхали въ предначертанный путь черезъ Варшаву.

Находя бывшую свою квартиру тѣсною и неудобною для предстоящей семейной жизни, я перешелъ на другую на Старомъ же Городѣ, въ домъ Моньки, близъ Андреевской церкви. Квартира эта отличалась превосходнымъ видомъ; съ галлереи открывался прекрасный пейзажъ; внизу разстилался Подолъ, далѣе — свѣтлая полоса Днѣпра, а за нею — обширная панорама луговъ и лѣсовъ. Домъ этотъ, деревянный, былъ только что отстроенъ.

Наступила Пасха. Весна была въ то время ранняя: Благовѣщеніе приходилось во вторникъ Пасхи и уже въ то время можно было ходить въ однихъ сюртукахъ; луга зеленѣли, развивались вербы. Приближался день моей свадьбы, и я къ нему готовился, не подозрѣвая, что надъ моей головой собирается туча, изъ которой долженъ постигнуть меня ударъ.

IV.

Арестъ, заключеніе, ссылка.

Въ пятницу на Пасхѣ, вечеромъ, я ѣздилъ въ университетъ и далъ экзекутору деньги для освѣщенія церкви на время моего вѣнчанія, которое должно было совершиться въ предстоящее воскресенье. Возвратившись оттуда домой и напившись чаю, я отправился въ свою спальню, но не успѣлъ раздѣться, какъ вошелъ ко мнѣ помощникъ попечителя учебнаго округа Юзефовичъ и сказалъ: „на васъ доносъ, я пришелъ васъ спасти; если у васъ есть что писаннаго, возбуждающаго подозрѣніе, давайте скорѣе сюда“. За свои бумаги въ кабинетѣ мнѣ нечего было бояться, но я вспомнилъ, что въ карманѣ моего наружнаго пальто была черновая, полуизорванная рукопись того сочиненія о славянской федераціи, которую еще на святкахъ я сообщилъ для переписки Гулаку. Я досталъ эту рукопись и искалъ огня, чтобы сжечь ее, какъ вдругъ, незамѣтно для меня, она очутилась въ рукахъ моего мнимаго спасителя, который сказалъ: „soyez tranquille, ничего не бойтесь“. Онъ вышелъ и вслѣдъ затѣмъ вошелъ снова, а за нимъ нахлынули ко мнѣ: губернаторъ, попечитель, жандармскій полковникъ и полицеймейстеръ. Они потребовали ключей, открыли мой письменный столъ въ кабинетѣ, и попечитель, увидя въ немъ огромный ворохъ бумагъ,

воскликнулъ: „mon Dieu! il faut dix ans pour déchiffrer ces brouillons“. Потомъ забрали мои бумаги и, завязавши ихъ въ потребованныя простыни, опечатали кабинетъ, вышли изъ моей квартиры и велѣли мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Я едва успѣлъ подойти къ матери, поцѣловать ея оледенѣвшую отъ страха руку и сказать: „прощайте“. Я сѣлъ въ дрожки вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ Галяткинымъ. Меня привезли въ квартиру губернатора и сказали: „вы знаете Гулака?“— Знаю, отвѣчалъ я—„Онъ сдѣлалъ на васъ доносъ, явился въ III отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи и представилъ рукопись, въ которой излагалось о будущемъ соединеніи славянъ“.—Я не знаю этой рукописи,—сказалъ я. Но черновая рукопись, взятая у меня помошникомъ попечителя, предстала предо мною въ обличеніе моихъ словъ: улика была на лицо. Меня отправили вь подольскую часть и посадили въ отвратительной, грязной комнатѣ, помѣстивши меня съ двумя полицейскими солдатами. Черезъ день, въ воскресенье утромъ, полицеймейстеръ Галяткинъ вошелъ ко мнѣ и, злобно потирая руки, сказалъ: „Каково тутъ вамъ, г. профессоръ, не совсѣмъ удобно? Оно было бы пріятнѣе дома съ молодой женой“. Частный приставъ подольской части обращался со мною добродушнѣе и принималъ во мнѣ сердечное участіе. Вечеромъ въ воскресенье меня повезли въ закрытомъ экипажѣ на мою квартиру, гдѣ я простился съ матерью и невѣстою. Сцена была раздирающая: мнѣ неожиданно приходилось ѣхать въ невѣдомый путь и на невѣдомую судьбу въ то самое время, когда, по моему ожиданію, должно было происходить въ церкви мое вѣнчаніе. Затѣмъ я воротился въ часть: немедленно меня посадили на перекладную и повезли въ Петербургъ. Моими провожатыми были: квартальный надзиратель старо-кіевской части Лобачевскій и жандармъ изъ нижнихъ чиновъ, родомъ малоруссъ. Меня везли черезъ Могилевъ и Витебскъ на перекладныхъ. Состояніе моего духа было до того убійственно, что у меня явилась мысль во время дороги заморить себя голодомъ. Я отказывался отъ всякой пищи и питья и имѣлъ твердость проѣхать такимъ образомъ пять дней. Слабость тѣлесныхъ силъ дошла до такой степени, что я не могъ безъ чужой помощи ни встать съ повозки, ни влѣзть на нее; но мы

скакали день и ночь, уже до Петербурга оставалось недалеко, и я увидѣлъ, что не буду имѣть возможности умереть до пріѣзда въ столицу. Мой провожатый-квартальный, замѣтивши, что я ничего не ѣмъ, понялъ, что у меня на умѣ, и началъ совѣтовать оставить роковое намѣреніе. „Вы — говорилъ онъ — смерти себѣ не причините, я васъ успѣю довезти, но вы себѣ повредите: васъ начнутъ допрашивать, а съ вами, отъ истощенія, сдѣлается бредъ и вы наговорите лишняго и на себя, и на другихъ“. Я поддался этому совѣту и въ Гатчинѣ позавтракалъ въ первый разъ послѣ пятидневнаго поста. Черезъ нѣсколько часовъ меня привезли въ Петербургъ. Это было 7-го апрѣля *). Здѣсь еще стояла зима, мы въѣхали на саняхъ; не только Нева, но еще и Фонтанка, по берегу который шелъ нашъ путь, не трогалась съ мѣста. Меня привезли прямо въ III-ье отдѣленіе канцеляріи Его Величества, ввели въ зданіе и длинными корридорами провели въ комнату, гдѣ кромѣ кровати съ постелью стояла кушетка, обитая красною шерстяною матеріею, а между двумя окнами помѣщался довольно длинный письменный столъ. Первымъ дѣломъ было раздѣть меня до-нога: мое платье унесли, а меня одѣли въ бѣлый стеганный пикейный халатъ и оставили подъ замкомъ. Въ верхней части двери были стекла, за которыми виднѣлись стоявшіе на часахъ жандармы съ ружьями. Не прошло и часа, какъ вахмистръ принесъ мое платье, велѣлъ одѣваться и объявилъ, что меня требуетъ къ себѣ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, бывшій тогда шефомъ жандармовъ. Меня повели въ одинъ залъ, гдѣ я увидалъ великорослаго, красиво-сложеннаго старика, увѣшаннаго орденами. „Государь очень жалѣетъ — сказалъ онъ,— что вы попались въ эту непріятную исторію, тѣмъ болѣе, что мы получили отъ вашего начальства самый лестный объ васъ отзывъ; но я надѣюсь, что вы оправдаетесь; конечно, вы награды отъ Государя не получите, потому что вы все-таки виноваты: у васъ взяли гнусную вещь“. Затѣмъ онъ началъ вкратцѣ излагать содержаніе рукописи, взятой у меня въ Кіевѣ. „Что же за такія штуки?— прибавилъ онъ:— эшафотъ! Но я увѣренъ, что не вы написали эту мерзость:

*) Въ этотъ самый день черезъ 38 лѣтъ Н. И. Костомаровъ скончался.— *В. К.*

будьте откровенны и дайте возможность спасти васъ. У васъ есть старуха-матушка, подумайте о ней; да вы же притомъ и женихъ; отъ васъ будетъ зависѣть снять со своей спины хотя половину той кары, которую вы заслужили". Близъ него стоялъ генералъ-лейтенантъ Дуббельтъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми бакенбардами и усами, съ кругловатымъ лицомъ и съ бѣгающими глазами, возбуждавшими съ перваго раза непріятное впечатлѣніе. Меня увели вновь въ мой нумеръ, а вслѣдъ за тѣмъ принесли на бумагѣ вопросные пункты. Съ этого дня начались допросы. Отъ меня добивались: знаю ли я о существовавшемъ обществѣ Кирилла и Меѳодія. Я отвѣчалъ, что не считаю его существовавшимъ когда-либо иначе, какъ только въ предположеніи, которое могло сбыться и не сбыться; я давалъ отвѣты, что такого общества не знаю и что только говорено было о пользѣ учрежденія учено-литературнаго общества, а само общество не сформировалось; но оказывалось, что отъ насъ хотѣли непремѣнно признанія въ томъ, что общество было, и потому видимо были недовольны моими отвѣтами.

Скучая въ заключеніи, я однажды воспользовался посѣщеніемъ Дуббельта, обходившаго наши камеры, и просилъ его дозволить мнѣ читать книги и газеты. „Нельзя, мой добрый другъ,— сказалъ онъ,— вы черезчуръ много читали, ну, а когда кто обопьется воды, надобно давать уже понемногу: вы, мой добрый другъ, много знаете, больше чѣмъ сколько слѣдуетъ, и хотите все больше и больше знать".— „Адамовъ грѣхъ, ваше пр — во!"— сказалъ я. Ни книгъ, ни газетъ мнѣ все-таки не дали. Изъ Кіева присылали въ III-е отдѣленіе разныя вырѣзанныя части моихъ бумагъ и въ томъ числѣ университетскія лекціи; это были мѣста, которыя, по взглядамъ мѣстныхъ властей, возбуждали сомнѣніе въ моей благонамѣренности. По поводу одного такого мѣста, соблазнившаго генерала Дуббельта, онъ призвалъ меня въ канцелярію и, указывая на мое писаніе, говорилъ: „а ваши лекціи, мой добрый другъ,— хороши?!— вишь какія завиральныя идеи! Читали-бъ имъ (студентамъ) грамматику да ариѳметику, а то занесли имъ какія премудрости!"

Въ числѣ такихъ бумагъ было четверостишіе начатаго мною и никогда не оконченнаго стихотворенія:

Гдѣ ты, Новограда память нетлѣнная,
Слава полунощныхъ странъ?
Встань, пробудись, старина незабвенная,
Древняя вольность славянъ!

И это не обошлось безъ обличительнаго замѣчанія.

Въ началѣ мая дѣлопроизводитель въ канцеляріи, съ разрѣшенія Дуббельта, принесъ ко мнѣ показаніе Бѣлозерскаго и объяснилъ, что такого рода показаніе понравилось моимъ судьямъ, а потому и мнѣ слѣдуетъ написать въ такомъ духѣ. Собственно Бѣлозерскій говорилъ сущность того же, что и я, но выразился, что общество было, однако не успѣло распространиться. Видя, чего хотятъ отъ насъ, и сообразивъ, что плетью обуха не перешибешь, я написалъ въ новомъ своемъ показаніи, что хотя мнѣ казалось, что нельзя назвать обществомъ бесѣду трехъ человѣкъ, но если *нужно* назвать его такимъ образомъ ради того, что оно было какъ бы въ зародышѣ, то я назову его такимъ образомъ. Я измѣнилъ свое прежнее показаніе, тѣмъ болѣе, что оно было написано подъ вліяніемъ сильнаго нравственнаго потрясенія и, какъ находили мои судьи, заключало въ себѣ невольное противорѣчіе. Затѣмъ мнѣ дѣлали вопросы относительно колецъ съ именемъ Кирилла и Меѳодія, найденныхъ у меня, Гулака и Бѣлозерскаго. Я объяснилъ, что это не имѣло никакого отношенія къ предполагаемому обществу и кольца надѣты были только изъ уваженія къ священной памяти просвѣтителей славянства. Обратила вниманіе и найденная у меня печать съ текстомъ изъ Евангелія отъ Іоанна глава 8, стихъ 32; но на той же печати поставленъ былъ годъ, показывавшій, что печать сдѣлана была въ началѣ сороковыхъ годовъ, то-есть гораздо ранѣе того времени, когда предполагалось учрежденіе общества. Вопросы объ этихъ двухъ знакахъ были оставлены: повидимому, имъ не придавали большого значенія.— Мая 15-го созвали насъ на очныя ставки. Здѣсь увидѣлъ я студента Петрова, который наговорилъ на меня, между прочимъ, что я въ своихъ лекціяхъ съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ разсказывалъ, будто бы, такія событія, какъ убійства государей. На это я далъ отвѣтъ, что, читая русскую исторію, я не имѣлъ возможности заявить въ своихъ чтеніяхъ того, въ чемъ меня

обвиняютъ, потому что читалъ исторію древнюю, а въ тѣ времена, кромѣ Андрея Боголюбскаго, умерщвленнаго одною партіею, никто изъ князей не былъ убитъ народомъ и не происходило такихъ событій, о которыхъ толкуетъ мой обвинитель. Мой отвѣтъ былъ до того логиченъ, что не возбудилъ отъ моихъ судей никакого возраженія. Здѣсь я встрѣтилъ другого студента, Андрускаго, уже не въ званіи обвинителя, но въ качествѣ соучастника, по неизвѣстной мнѣ причинѣ привлеченнаго къ слѣдствію. Этотъ студентъ, молодой, низенькаго роста и съ больными глазами, написалъ въ своемъ обо мнѣ показаніи множество самыхъ ужасныхъ и до крайности нелѣпыхъ вещей; между прочимъ, обвинялъ меня въ намѣреніи возстановить Запорожскую Сѣчь; но когда его показаніе было прочитано и я при немъ объявилъ, что все это ложь и бредъ больного воображенія, онъ заплакалъ и произнесъ: „все это ложь, я сознаюсь въ этомъ“.

Третья очная ставка была иного рода — между мной и Гулакомъ. Я писалъ, что дѣло наше ограничивалось только разсужденіями объ обществѣ и найденный у насъ проектъ устава и сочиненіе о славянской федераціи признали своими. Вдругъ оказалось, что въ своихъ показаніяхъ Гулакъ сознавался, что и то, и другое было сочинено имъ. Видно было, что Гулакъ, жалѣя обо мнѣ и другихъ, хотѣлъ принять на себя одного все то, что могло быть признано преступнымъ. Я остался при прежнемъ показаніи, утверждая, что рукопись дана была Гулаку мною, а не мнѣ Гулакомъ. Гулакъ, на очной ставкѣ, упорствовалъ на своемъ, и графъ Орловъ съ раздраженіемъ сказалъ о немъ: „да это корень зла!“ Впослѣдствіи Гулакъ написалъ, что рукопись дѣйствительно написана была не имъ, такъ какъ, принимая чужую вину на себя, онъ уже не могъ сдѣлать никакой пользы другимъ. Тѣмъ не менѣе его попытка выгородить товарищей принята была за обстоятельство, увеличивавшее его преступленіе, и онъ былъ приговоренъ къ тяжелому заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости на три съ половиною года. Какъ бы ни судить справедливость или несправедливость нашихъ тогдашнихъ убѣжденій, подвигнувшихъ насъ на неосторожное и, главное на несвоевременное дѣло, всякій честный человѣкъ

не можетъ не признать въ этомъ поступкѣ молодого человѣка самой высокой, христіанской нравственности и не оцѣнить этого порыва самоотверженія, побудившаго его для спасенія друзей съ охотою подвергать себя самого страданіямъ наказанія. Онъ былъ настоящій практическій христіанинъ и осуществилъ въ своемъ поступкѣ слова Спасителя: „Больше сея любви никто же имать, да аще положитъ душу свою за други своя“. Съ прочими лицами очной ставки для меня не было. Изъ всѣхъ привлеченныхъ къ этому дѣлу и въ этотъ день сведенныхъ вмѣстѣ въ комнатѣ передъ дверью той, куда насъ вызывали для очныхъ ставокъ, Шевченко отличался беззаботною веселостью и шутливостью. Онъ комически разсказывалъ, какъ, во время возвращенія его въ Кіевъ, арестовалъ его на паромѣ косой квартальный; замѣчалъ при этомъ, что не даромъ онъ издавна не терпѣлъ косыхъ, а когда какой-то жандармскій офицеръ, знавшій его лично во время его прежняго житья въ Петербургѣ, сказалъ ему: „вотъ, Тарасъ Григорьевичъ, какъ вы отсюда вырветесь, то-то запоетъ ваша муза“,— Шевченко иронически отвѣчалъ: „не якій чортъ мене сюди занісъ, коли не та бісова муза“. Когда насъ разводили по номерамъ, Шевченко, прощаясь со мною, сказалъ: „Не журись, Микола, ще колись будемъ у купі добре жити“. Эти послѣднія слова дѣйствительно черезъ много лѣтъ оказались пророческими, когда послѣдніе годы своей жизни освобожденный поэтъ проводилъ въ Петербургѣ и часто видѣлся со мною.

30 мая утромъ, глядя изъ окна, я увидалъ, какъ выводили Шевченко, сильно обросшаго бородой, и сажали въ наемную карету вмѣстѣ съ вооруженными жандармами. Увидя меня въ окнѣ, онъ привѣтливо и съ улыбкой поклонился мнѣ, на что я также отвѣчалъ знакомъ привѣтствія, а вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ вошелъ вахмистръ и потребовалъ къ генералу Дуббельту. Пришедши въ канцелярію, я былъ встрѣченъ отъ Дуббельта слѣдующими словами: „я долженъ объявить вамъ не совсѣмъ пріятное для васъ рѣшеніе Государя Императора; но надѣюсь, что вы постараетесь загладить прошлое вашею будущею службою“. Затѣмъ онъ развернулъ тетрадь и прочиталъ мнѣ приговоръ, въ которомъ было сказано, что „адъюнктъ-профессоръ Костомаровъ имѣлъ намѣреніе вмѣстѣ

съ другими лицами составить украино-славянское общество, въ коемъ разсуждаемо было бы о соединеніи славянъ въ одно государство и сверхъ того далъ ходъ преступной рукописи „Законъ Божій“ *), а потому лишить его занимаемой имъ кафедры, заключить въ крѣпость на одинъ годъ, а по прошествіи этого времени послать на службу въ одну изъ отдаленныхъ губерній, но никакъ не по ученой части, съ учрежденіемъ надъ нимъ особаго строжайшаго надзора“. Сбоку карандашомъ рукою Императора Николая было написано: „въ Вятскую губернію“.

По прочтеніи этого приговора, меня вывели, посадили въ наемную карету и повезли черезъ Троицкій мостъ въ Петропавловскую крѣпость. Прежде всего ввели меня къ коменданту, которымъ былъ тогда старый, безрукій генералъ Скобелевъ. Онъ передалъ меня смотрителю Алексѣевскаго равелина, не менѣе коменданта старому и сѣдому маіору, который и повелъ меня мимо монетнаго двора въ калитку, сдѣланную въ воротахъ; за калиткою я очутился на мосту, устроенномъ черезъ одинъ изъ протоковъ, проведенныхъ въ Неву, а за мостомъ было каменное одноэтажное зданіе, совершенно круглаго вида, съ садомъ внутри. Меня повели по каменному помосту корридора, освѣщеннаго рядомъ оконъ, сдѣланныхъ вверху и выходившихъ въ садъ, и привели въ седьмой нумеръ. Это была довольно просторная комната съ койкой, простымъ дубовымъ столомъ, покрытымъ грубою скатертью, и съ деревяннымъ стуломъ при столѣ. Комната эта тускло освѣщалась однимъ окномъ, замазаннымъ снаружи бѣлилами; только два верхнихъ стекла оставлены были незамазанными. На окнѣ стояла большая, оловянная кружка для воды, съ вырѣзанными на ея крышкѣ буквами: А. Р.— Стѣны комнаты были чрезвычайно толсты. Меня заперли въ этой комнатѣ, а часа черезъ два вошелъ помощникъ смотрителя, офицеръ внутренней стражи, съ четырьмя солдатами, и велѣлъ раздѣваться. Съ меня сняли все платье и

*) Это была рукопись, взятая у меня помощникомъ попечителя и отысканная, кромѣ того, въ иныхъ спискахъ у Гулака и Бѣлозерскаго; но почему она названа „Законъ Божій“ и кто назвалъ ее такимъ образомъ, мнѣ и до сихъ поръ неизвѣстно, потому что о такомъ названіи я и услышалъ впервые въ III-мъ отдѣленіи.

бѣлье, не оставили даже и очковъ, нарядили въ казенное толстое бѣлье, съ огромными чулками и туфлями; сверху бѣлья надѣли полосатую пестрядинную блузу, а на голову — длинный бѣлый колпакъ. Въ такомъ костюмѣ меня и оставили. На другой день привели цирюльника, который меня обрилъ и остригъ чрезвычайно плотно, а потомъ повели въ баню. По возвращеніи изъ бани, солдатъ, вскочившій наскоро, принесъ мое платье и велѣлъ одѣваться; вслѣдъ за нимъ вошелъ смотритель и объявилъ, что я долженъ идти къ коменданту. Я отправился за нимъ въ комендантскій домъ и увидѣлъ тамъ свою матушку; потомъ вышелъ комендантъ и сказалъ, что мнѣ позволяютъ видѣться съ матерью, но только въ присутствіи коменданта. Въ опредѣленный недѣльный день, а именно по пятницамъ, будетъ ко мнѣ приходить матушка, а смотритель будетъ меня приводить въ комендантскій домъ на свиданіе съ нею.

14 іюня меня снова позвали къ коменданту; я увидѣлъ опять свою матушку и вмѣстѣ съ нею мою бывшую невѣсту, пріѣхавшую въ Петербургъ со своею матерью. Мнѣ дозволили проститься съ нею. Мать моей невѣсты утѣшала меня надеждами, что бракъ мой состоится, когда окончится срокъ моего заточенія въ крѣпости; невѣста же, уѣзжая изъ Петербурга, передала моей матери записку ко мнѣ, въ которой умоляла меня беречь свое здоровье и надѣяться. Къ сожалѣнію надежды наши не состоялись — никакъ не по ея винѣ.

Съ тѣхъ поръ потекли дни за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами. Комендантъ, въ качествѣ особаго ко мнѣ снисхожденія, разрѣшилъ мнѣ пить чай, курить сигары и читать книги, которыя доставлялись мнѣ матушкой. Каждую пятницу приходила ко мнѣ матушка и видалась со мною сперва въ комендантскомъ домѣ, а потомъ въ другомъ, по сосѣдству съ комендантскимъ, въ присутствіи смотрителя равелина. Писать черниломъ мнѣ не дозволяли, но дозволили писать карандашомъ. По ночамъ у меня въ комнатѣ зажигался ночникъ, отъ котораго шла нестерпимая вонь. На содержаніе отпускалось мнѣ по чину двадцать копеекъ въ день; мнѣ давали одинъ разъ щи, другой разъ супъ; иногда къ этому прибавлялась каша съ масломъ, а по праздникамъ пирогъ. За недостаткомъ привычнаго стола, я сталъ пить

чай въ двѣнадцать часовъ дня и съ той поры пріучилъ себя къ этому такъ, что не только по выходѣ изъ крѣпости, но и до настоящаго времени питье чая въ полдень стало для меня обычнымъ дѣломъ. До февраля 1848-го года я былъ здоровъ и занимался греческимъ языкомъ, въ которомъ чувствовалъ себя и прежде слабымъ: мнѣ хотѣлось пополнить этотъ недостатокъ въ моемъ образованіи. Послѣ усилій, продолжавшихся нѣсколько мѣсяцевъ, я, наконецъ, дошелъ до того, что читалъ свободно Гомера, хотя по временамъ заглядывая въ подстрочный латинскій переводъ въ изданіи Дидо. Въ то же время, въ видѣ отдыха отъ головоломки надъ греческимъ языкомъ, я занимался испанскимъ языкомъ и, при сравнительной его легкости успѣлъ прочитать нѣсколько пьесъ Кальдерона и почти всего „Донъ-Кихота“. Въ февралѣ меня одолѣла невыносимая головная боль и нервные припадки, сопровождаемые галлюцинаціями слуха. Къ этому, какъ кажется, расположило меня то, что, бывши передъ тѣмъ въ банѣ, я, по совѣту смотрителя, дозволилъ окатить себѣ голову ледяной водой и въ то же самое время — парить свое тѣло вѣниками. Докторъ, призванный ко мнѣ, сказалъ, что по моемъ освобожденіи мнѣ будетъ полезно гидропатическое лѣченіе холодной водой, а я, не желая откладывать надолго такого рода пользованіе, сталъ лѣчиться водою въ крѣпости. Каждый день меня выпускали въ садъ на полчаса, а потомъ и на долѣе; я раздѣвался, становился подъ жолобъ и пускалъ себѣ водяную струю на спину. Смотритель, большой поклонникъ гидропатіи, не только не препятствовалъ мнѣ дѣлать эти эксперименты, но еще одобрялъ ихъ — и въ самомъ дѣлѣ въ мартѣ здоровье мое стало поправляться. Этому пособило еще и то, что, по совѣту доктора, я пересталъ заниматься греческимъ языкомъ, какъ занятіемъ черезчуръ тяжелымъ для заключеннаго, и сталъ читать французскіе романы. Я прочелъ тогда всѣ сочиненія Жоржъ-Занда. Весною, съ появленіемъ зелени, мнѣ еще стало лучше и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ 30 мая, когда оканчивался срокъ моего заточенія и меня, какъ я надѣялся, должны были вывести изъ крѣпости.

Долго жданный день наступилъ. Часовъ въ семь утра ко мнѣ въ комнату принесли мой чемоданъ; пришелъ смот-

ритель и предложилъ росписаться въ обратномъ полученіи моихъ вещей и утвержденіи счета издержкамъ, дѣлаемыхъ изъ находившихся у него моихъ денегъ, потраченныхъ на сахаръ, чай, сигары, сливки и хлѣбъ къ чаю. По окончаніи разсчетовъ смотритель объявилъ, что пора ѣхать. Мы вышли, перешли мостъ, за воротами равелина стояла уже карета; мы сѣли въ нее и поѣхали, направляясь къ III-му отдѣленію. Это былъ праздникъ св. Троицы. Мы застали въ канцеляріи дѣлопроизводителя секретной экспедиціи, который объявилъ мнѣ, что я пробуду нѣсколько дней въ III-мъ отдѣленіи, а потомъ буду отправленъ къ мѣсту ссылки. Мнѣ отвели въ верхнемъ этажѣ свѣтлую комнату, хорошо меблированную, съ окномъ, выходящимъ на улицу. За дверьми, въ корридорѣ, посадили солдата, но безъ ружья. Черезъ часъ посѣтилъ меня генералъ Дуббельтъ. Здѣсь я прожилъ четырнадцать дней. Каждый день ко мнѣ приходила матушка. Столъ давали мнѣ хорошій, изъ лучшаго ресторана; за каждымъ обѣдомъ приносили хорошее вино; дали также цѣлый ящикъ гаванскихъ сигаръ. Окно было постоянно отворено.

Однажды позвали меня въ канцелярію и сказали, что Государь Императоръ изволилъ приказать графу Орлову спросить меня, не хочу ли я куда-нибудь потеплѣе вмѣсто Вятки и не нужно ли мнѣ денегъ. Я поблагодарилъ и сказалъ, что если такова милость Государя, то я бы просилъ отправить меня въ Крымъ, такъ какъ по совѣту врача для моего здоровья было бы полезно морское купанье. Эта просьба передана была графу Орлову, а потомъ мнѣ объявили, что графъ сказалъ: „Тамъ поэзіи много, пусть лучше ѣдетъ по выбору въ какой-нибудь изъ четырехъ городовъ юго-восточной Россіи: Астрахань, Саратовъ, Оренбургъ или Пензу“. Подумавши, я избралъ Саратовъ, такъ какъ сообразилъ, что тамъ пригоднѣе будетъ купаться. Мнѣ дали триста рублей вспоможенія. При заключеніи меня въ крѣпость, матери моей выдали уже сумму, составлявшую мое годовое жалованье по должности адъюнктъ-профессора. Въ день назначенный къ отъѣзду, генералъ Дуббельтъ призвалъ меня въ свой кабинетъ и показалъ отношеніе обо мнѣ къ саратовскому губернатору, въ которомъ, послѣ оффиці-

альнаго содержанія, было прописано рукою графа Орлова: „Прошу васъ быть къ нему милостиву, онъ человѣкъ добрый, но заблуждался, но теперь искренно раскаялся". Затѣмъ генералъ Дубельтъ сказалъ мнѣ, что если я гдѣ захочу остановиться, то могу. Я изъявилъ ему желаніе остановиться въ Новгородѣ, котораго я никогда не видалъ и который привлекалъ меня своимъ историческимъ значеніемъ. Дубельтъ передалъ мое желаніе офицеру, назначенному для поѣздки со мною, и приказалъ остановиться въ Новгородѣ на столько времени, на сколько я сочту нужнымъ для его обозрѣнія, и съ своей стороны велѣлъ употребить всѣ зависящія мѣры для доставленія мнѣ возможности видѣть все, что я сочту интереснымъ.

Прощаясь со мною, Дубельтъ сказалъ: „Для васъ сдѣлали все, что могли, но, конечно, вы не должны ожидать себѣ большихъ благъ. Знаете, мой добрый другъ, люди обыкновенные, дюжинные стараются о собственной пользѣ и потому добиваются видныхъ мѣстъ, богатствъ, хорошаго положенія и комфорта; а тѣ, которые преданы высокимъ идеямъ и думаютъ двигать человѣчество, тѣ — вы сами знаете — какъ сказано въ священномъ писаніи: ходятъ въ шкурахъ козьихъ и живутъ въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ".

15-го іюня, въ четыре часа по полудни, я простился съ матушкой, условившись съ нею, что она пріѣдетъ съ Саратовъ вслѣдъ за мною. Я поѣхалъ съ офицеромъ и жандармскимъ солдатомъ на перекладной. Только что я выѣхалъ изъ Петербурга, какъ на моемъ лицѣ показались капли крови: то было слѣдствіе долговременнаго сидѣнія взаперти и малаго пользованія свѣжимъ воздухомъ. Въ Новгородѣ мы остановились и отправились въ Софійскій соборъ, гдѣ осматривали ризницу; потомъ — Юрьевъ монастырь, гдѣ дѣлали то же; затѣмъ сдѣлали экскурсію по разнымъ городскимъ церквамъ, достопримѣчательнымъ въ исторіи, и объѣхали весь городъ. По краткости времени я не имѣлъ возможности познакомиться съ Новгородомъ такъ основательно, какъ имѣлъ случай впослѣдствіи, но посѣщеніе этого стараго города сильно охватило мое воображеніе, такъ что я тогда же написалъ гекзаметромъ стихотвореніе, въ которомъ

изобразилъ явленіе разныхъ историческихъ лицъ страннику, взошедшему на Ефимьевскую колокольню. Стихотвореніе это я тогда же прочиталъ своему проводнику (оно не сохранилось).

Въ этотъ же годъ (1848) по всей Россіи свирѣпствовала холера. Въ Твери, при моихъ глазахъ, умеръ привезшій насъ на станцію ямщикъ, съ которымъ на дорогѣ сдѣлался холерный припадокъ. Въѣзжая въ Москву, мы встрѣтили цѣлый обозъ съ покойниками. Вездѣ по дорогѣ тревожили насъ угрожающія извѣстія о холерѣ. Въ нѣкоторыхъ селахъ слышали мы благовѣстъ и на вопросы наши ямщики говорили, что „люди умирать собираются и Богу каются“.

24-го іюня вечеромъ мы прибыли въ Саратовъ. Офицеръ, провожавшій меня, привезъ меня прямо къ губернатору Кожевникову и получилъ отъ него квитанцію въ передачѣ такой казенной вещи, какою я тогда сдѣлался. Уже болѣе года я находился подъ присмотромъ дядекъ и по выходѣ изъ губернаторскаго дома очутился, наконецъ, съ правомъ находиться безъ конвоя. Офицеръ, привезшій меня, приглашалъ ѣхать съ нимъ въ гостинницу, но я такъ обрадовался своей физической свободѣ, что захотѣлъ прежде побѣгать по незнакомому городу и потомъ уже явиться въ гостинницу. Такъ я и сдѣлалъ и, не зная города, забрелъ совсѣмъ въ другую сторону отъ мѣста, гдѣ была гостинница, и потомъ уже по распросамъ нашелъ ее. Провожавшій меня до Саратова жандармскій офицеръ на другой день уѣхалъ. Я остался одинъ въ совершенно невѣдомомъ городѣ, въ чужомъ краѣ, гдѣ у меня не было ни близкихъ, ни знакомыхъ. Нѣсколько дней я прожилъ въ гостинницѣ и въ это время за стѣною моего номера услышалъ однажды шумъ, суетню и стоны; потомъ мнѣ объяснили, что въ сосѣдствѣ со мною заболѣлъ холерою и, проболѣвши два часа, скончался пріѣзжій изъ Петербурга флигель-адъютантъ Столыпинъ. Этотъ случай очень поразилъ меня. Когда я выходилъ гулять и заходилъ въ церковь, то глаза мои непріятно поражались видомъ приносимыхъ гробовъ, а на мои вопросы мнѣ сообщали, что въ городѣ свирѣпствуетъ сильная холера, но не такая, какая была здѣсь прошлый годъ: умираетъ человѣкъ до ста въ день, тогда какъ прошлый

годъ число умиравшихъ доходило до нѣсколькихъ сотъ въ день; за то въ настоящій годъ заболѣвшихъ смерть постигаетъ скорѣе, чѣмъ прошлый годъ. Я не очень боялся холеры, покупалъ себѣ ягоды и ѣлъ ихъ со сливками, что считалось тогда опаснымъ.

Черезъ нѣсколько дней я началъ искать себѣ квартиру и нашелъ.

V.

Жизнь въ Саратовѣ.

Въ Саратовѣ я былъ опредѣленъ въ должность переводчика при Губернскомъ правленіи, съ жалованьемъ 350 рублей въ годъ; переводить было нечего и я только числился на службѣ. Губернаторъ поручилъ мнѣ въ своей канцеляріи завѣдываніе сначала уголовнымъ столомъ, а потомъ — секретнымъ; въ послѣднемъ производились дѣла преимущественно раскольничьи, что для меня было довольно любопытно. Тутъ я увидѣлъ строгія преслѣдованія и стѣсненія раскольниковъ, бывшія въ силѣ при архіерействѣ Іакова, недавно передъ тѣмъ переведеннаго въ Нижній. Занятіе сектантскими дѣлами влекло меня къ ознакомленію съ міромъ раскольничьимъ, но это было не такъ-то легко: съ одной стороны, при крайней сосредоточенности, какою отличаются сектанты въ сношеніяхъ съ чиновниками; съ другой, при моемъ положеніи ссылочнаго, близкія сношенія съ раскольниками могли бы возбудить подозрѣніе начальства. Я успѣлъ, однако, на первыхъ порахъ познакомиться съ однимъ раскольничьимъ семействомъ, имѣвшимъ подъ городомъ садъ, куда я сталъ ѣздить для прогулки. Раскольники эти принадлежали къ поморской сектѣ и здѣсь-то я впервые узналъ объ основаніяхъ, на которыхъ держится эта секта и вообще вся безпоповщина.

Мало-по-малу случай сводилъ меня на знакомство съ жителями города, въ средѣ которыхъ нашелъ я нѣсколько образованныхъ семей, гдѣ были люди съ университетскимъ образованіемъ. На слѣдующій годъ я познакомился и сошелся съ кружкомъ сосланныхъ поляковъ. Эти были люди развитые и мнѣ было пріятно въ ихъ обществѣ, хотя ихъ польскій патріотизмъ не разъ наталкивался на мои русскія симпатіи

и подавалъ поводъ къ горячимъ, хотя и пріятельскимъ спорамъ. Одинъ изъ этихъ поляковъ, Мелянтовичъ, сталъ моимъ задушевнымъ пріятелемъ, потому что въ немъ одномъ польскій патріотизмъ уступалъ мѣсто идеѣ славянской взаимности и не доходилъ до той враждебности ко всему русскому, какою вообще отличались поляки. Этотъ молодой человѣкъ, впослѣдствіи умершій отъ холеры, не дождавшись своего освобожденія, представлялся мнѣ типомъ того поляка, который, какъ мнѣ казалось, могъ быть только до введенія іезуитовъ, исказившихъ польское воспитаніе и создавшихъ въ полякѣ хитрость и двоедушіе, что такъ несвойственно было ихъ прежней славянской натурѣ.

Между тѣмъ, пришла мнѣ мысль продолжать исторію Богдана Хмельницкаго и я написалъ письмо къ графу Свидзинскому, зная, что онъ имѣетъ богатую библіотеку, и просилъ его присылать мнѣ матеріалы для окончанія извѣстнаго ему моего труда. Графъ принялъ мою просьбу такъ любезно, какъ я и не надѣялся: присылалъ мнѣ одну за другою изъ своей библіотеки латинскія и польскія книги, служащія источниками для эпохи Хмельницкаго. Съ помощью этихъ сочиненій я имѣлъ возможность не только продолжать свое историческое сочиненіе, но даже и привести его въ такой видъ, въ какомъ оно нуждалось только въ дополнительной обработкѣ, а это послѣднее дѣло я оставлялъ на то время, когда буду свободенъ и найду возможность ѣхать въ такія мѣста, гдѣ находятся библіотеки и архивы.

Несмотря на всѣ тогдашнія занятія, я сильно хандрилъ и хандра отозвалась на моихъ нервахъ: у меня возобновилась прежняя мнительность и наклонность преувеличивать свои недуги, или же даже создавать небывалые. Я сталъ лечиться; но такъ какъ въ Саратовѣ не было опытныхъ и искусныхъ врачей, то я попадался въ руки такимъ эскулапамъ, которые стали меня пичкать произведеніями латинской кухни, и я, отъ страха болѣзней, какихъ у меня не бывало, нажилъ себѣ дѣйствительныя болѣзни — неизбѣжныя слѣдствія ядовитыхъ веществъ, какими меня угощали. Такимъ образомъ, однажды мнѣ дали чай изъ валеріаны; послѣ двухъ стакановъ у меня началось головокруженіе; я выскочилъ на воздухъ и упалъ на землю; кругомъ меня все

вертѣлось: крыши домовъ, вершины колоколенъ и даже отдаленныя горы; на мое счастіе, шедшая мимо женщина догадалась, что мнѣ дурно, и дала мнѣ нѣсколько ударовъ въ спину; со мною началась сильная рвота, возобновлявшаяся раза четыре и только это спасло меня, иначе, какъ говорили потомъ врачи, у меня сдѣлался бы приливъ крови къ мозгу и апоплексическій ударъ.

Съ этихъ поръ на нѣкоторое время я устранилъ себя отъ занятій исторіею, вдался въ чтеніе физическихъ и астрономическихъ сочиненій, прочелъ съ большимъ наслажденіемъ Гумбольдта и до крайности увлекся астрономіею. Весною въ 1852 году я познакомился съ Анной Никаноровной Пасхаловой, впослѣдствіи вышедшей замужъ за Д. Л. Мордовцева. Это была женщина чрезвычайно любознательная и увлекающаяся; ее, какъ и меня, занимала въ то время астрономія. Къ нашему удовольствію, въ Саратовѣ временно проживалъ странствующій оптикъ Эдельбергъ (въ настоящее время жительствующій въ Харьковѣ). У него, между прочимъ, былъ очень хорошій астрономическій телескопъ и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, мы ѣздили къ нему практически наблюдать и повѣрять прочитанныя нами свѣдѣнія о строеніи и теченіи небесныхъ тѣлъ. Лѣтомъ, по представленію губернатора, я былъ отпущенъ въ Крымъ, чѣмъ былъ обязанъ милости нынѣшняго Государя Императора, *) который во время отсутствія родителя управлялъ дѣлами государства. Я ѣхалъ черезъ Таганрогъ, гдѣ, опоздавши къ отплытію парохода, принужденъ былъ дожидаться новаго пароходнаго рейса цѣлыхъ десять дней. На пароходѣ отъ Таганрога до Керчи я встрѣтилъ харьковскаго профессора медика Альбрехта съ однимъ французомъ, пансіоносодержателемъ въ Харьковѣ, и съ однимъ помѣщикомъ изъ Харьковской губерніи. Мы условились проѣхать вмѣстѣ по южному берегу; къ намъ присталъ учитель французскаго языка въ екатеринодарской гимназіи Аморетти, родомъ итальянецъ изъ Милана, пріѣхавшій въ отрочествѣ въ Россію и потомъ учившійся въ харьковскомъ университетѣ. Онъ владѣлъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ, познакомился съ малорусскою народностью

*) Александра Николаевича.— *В. К.*

и сердечно полюбилъ ее. Въ Керчи мы остановились на четыре дня и получили приглашеніе присутствовать при раскопкѣ одного древняго кургана. Раскопкой завѣдывалъ тогда художникъ Бѣгичевъ; при той же раскопкѣ былъ пріѣхавшій въ Керчь одесскій профессоръ Н. Н. Мурзакевичъ. Когда раскопанъ былъ одинъ курганъ и открылся въ глубину его склепа узкій входъ, черезъ который можно было только пролѣзть ползкомъ, я вмѣстѣ съ Мурзакевичемъ спустился туда. Мы очутились въ подземномъ склепѣ, на столько высокомъ, что можно было безопасно стоять въ немъ; мы увидали груду жженыхъ костей, разложенныхъ на земляномъ прилавкѣ; въ головахъ скелета была глиняная амфора, которую мы вынесли съ собою и передали Бѣгичеву для музея. Болѣе ничего тамъ не найдено. Мы объѣздили окрестности Керчи, посѣтили Царскій курганъ, давно уже разрытый, и входили въ его средину, представляющую пещеру съ винтообразнымъ сводомъ; потомъ посѣщали Золотой курганъ, находящійся за городомъ на противоположной сторонѣ отъ Царскаго, но не могли спуститься въ его внутренность, потому что она недавно завалилась. Разъѣзжая по окрестностямъ Керчи, мы заѣхали въ Еникале, гдѣ попробовали знаменитаго еникальскаго балыка, который дѣйствительно отличается необыкновенно хорошимъ вкусомъ. Изъ Керчи отправились мы въ Ѳеодосію, гдѣ пробыли только нѣсколько часовъ, и слѣдовали далѣе по морю до Ялты. Не останавливаясь въ этомъ городѣ, мы взяли почтовую тройку, наняли сверхъ того верховыхъ лошадей и двинулись въ путь на западъ, предположивши заѣзжать въ болѣе живописныя дачи, расположенныя по берегу Чернаго моря. Первымъ мѣстомъ, куда мы заѣхали, была Ливадія, принадлежавшая тогда графу Северину Потоцкому; дворецъ его былъ устроенъ и убранъ въ античномъ, греческомъ вкусѣ. Передъ крыльцомъ дворца былъ разведенъ цвѣтникъ, чрезвычайно богатый видами растеній и изящный. Изъ Ливадіи мы проѣхали въ обѣ Оріанды, заѣхали на дачу князя Мещерскаго, гдѣ гостепріимный хозяинъ угостилъ насъ завтракомъ, а оттуда прибыли въ Алупку. Въ то время не было еще тамъ построенной послѣ гостинницы; содержалъ нѣчто въ родѣ таверны какой-то французъ, страдавшій страстью къ запою. Здѣсь съ

насъ содрали неимовѣрно-дорогую цѣну за плохо-приготовленный обѣдъ и за ночлегъ на сѣнѣ и соломѣ. Наше неудобство помѣщенія выкупалось наслажденіемъ, какое мы испытывали въ превосходномъ саду, устроенномъ чрезвычайно изящно и съ соблюденіемъ необыкновенной близости къ природѣ и совершеннаго отсутствія искусственности. Я пожалѣлъ только, что не могъ остаться въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней. На другой день, еще разъ обошедши значительную часть сада и полюбовавшись всѣми его прелестями, мы отправились на почтовыхъ далѣе и такимъ образомъ проѣхали черезъ Байдарскія ворота и Байдарскую долину до Балаклавы, куда прибыли на восходѣ солнца въ слѣдующій день. Наша медленность произошла оттого, что мы въ дорогѣ почти на каждомъ сколько нибудь живописномъ мѣстѣ вставали и любовались видами. Взошедши на гору въ Балаклавѣ, мы осмотрѣли стоящія на ней генуэзскія башни; потомъ спустились внизъ, скупались въ заливѣ, и сѣвши на телѣжку, отправились въ Севастополь. Въ этомъ городѣ мы нашли самый радушный пріемъ: познакомившійся съ нами на пароходѣ во время плаванія отъ Керчи до Ялты лейтенантъ Варницкій (впослѣдствіи убитый во время войны), сынъ одного изъ адмираловъ, доставилъ намъ возможность осмотрѣть нѣсколько кораблей. На каждомъ изъ нихъ мы были привѣтствуемы обществомъ флотскихъ офицеровъ, оказывавшихъ намъ чрезвычайное радушіе и внимательность. Затѣмъ мы осмотрѣли библіотеку и обсерваторію; потомъ обходили сухіе доки и пошатались по улицамъ. Городъ былъ красивъ, хотя бѣлая пыль, покрывавшая его улицы, невольно наводила скуку. Никто изъ насъ не могъ въ то время предчувствовать, что отъ всего видѣннаго нами черезъ три года не останется ничего, кромѣ развалинъ и печальныхъ слѣдовъ разрушенія, какія мнѣ привелось увидѣть спустя послѣ того восемнадцать лѣтъ. Харьковскіе товарищи моего путешествія уплыли изъ Севастополя въ Одессу, а я вмѣстѣ съ Аморетти уѣхалъ на почтовыхъ въ Бахчисарай, гдѣ мы переночевали и, осмотрѣвши ханскій дворецъ, пустились въ Ѳеодосію. У Аморетти тамъ жили родные, а я хотѣлъ тамъ купаться. Мое купанье въ Ѳеодосіи продолжалось, однако, недолго: скука и грусть,

возбуждаемыя чрезвычайнымъ зноемъ, одиночествомъ и пустынною мѣстностью, до того вывели меня изъ терпѣнія, что я покинулъ купанье и уѣхалъ черезъ Керчь и Таганрогъ назадъ въ Саратовъ, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ августа.

По пріѣздѣ въ Саратовъ, симпатіи мои отъ астрономіи обратились къ этнографіи, и мы съ г-жею Пасхаловою вздумали собирать мѣстныя народныя пѣсни. Такимъ образомъ во мнѣ разомъ пробудилась склонность къ тому, къ чему я съ такимъ же увлеченіемъ предавался назадъ тому лѣтъ десять, въ другомъ краѣ. Я очень часто ѣздилъ къ г-жѣ Пасхаловой въ деревню, отстоявшую отъ города за восемь верстъ, гдѣ мы приглашали простонародныхъ мужчинъ и женщинъ, заставляли пѣть пѣсни и записывали ихъ; кромѣ того, въ самомъ городѣ я преусердно ходилъ всюду, гдѣ только могъ найти себѣ пѣсенную добычу, и такимъ образомъ познакомился съ народною великорусскою поэзіею, которую до того времени зналъ только по книгамъ.

Весною 1853 года Анна Никаноровна уѣхала въ Петербургъ, а я съ тѣхъ поръ принялся за иную работу: я перебралъ все, что могъ найти печатнаго изъ актовъ и документовъ, касающихся внутренняго русскаго быта прошедшихъ временъ, и дѣлалъ выписки и замѣтки на особыхъ билетахъ, составляя изъ нихъ отдѣленія, касающіяся разныхъ отраслей исторической жизни. Это занятіе потянулось на года и увлекало меня до конца моего пребыванія въ Саратовѣ. Въ это время, по случаю продажи дома моимъ бывшимъ хозяиномъ, я перешелъ на иную квартиру, въ домъ консисторскаго чиновника Прудентова и оставался тамъ уже до конца, занимая за сто рублей серебромъ въ годъ шесть свѣтлыхъ комнатъ во второмъ этажѣ, съ прекраснымъ видомъ на Волгу и на далекое, живописное городище бывшаго нѣкогда татарскаго города Увѣка или Укѣка. Моя квартира вся была заставлена превосходными тепличными растеніями: бананами, спарманіями, пальмами и другими; все это я купилъ въ прекрасной оранжереѣ Стобеуса и довольно дешево, какъ и вообще жизнь въ Саратовѣ отличалась чрезвычайною дешевизною. Ассигнуя какой нибудь рубль, можно было имѣть отличный обѣдъ съ ухой изъ свѣжихъ стерлядей, съ

холодной осетриной, жареными цыплятами и фруктами для дессерта. Стерляди и осетры продавались живыми.

Съ 1853 года начались для меня нѣкоторыя непріятности. Въ Саратовѣ произошло замѣчательное событіе: пропало, одинъ за другимъ, двое мальчиковъ, оба найдены были мертвыми съ видимыми признаками истязанія: одинъ въ мартѣ на льду, другой — въ апрѣлѣ на островѣ. Всеобщее подозрѣніе падало на евреевъ, вслѣдствіе старинныхъ слуховъ о пролитіи евреями христіанской дѣтской крови. Присланный изъ Петербурга по этому дѣлу чиновникъ Дурново потребовалъ отъ губернатора чиновника, знающаго иностранные языки и кромѣ того знакомаго съ исторіей. Губернаторъ откомандировалъ къ нему меня. Прежде всего мнѣ дали для перевода странную книгу: это были переплетенные вмѣстѣ, печатные и писанные отрывки неизвѣстно откуда на разныхъ языкахъ, заключавшіе въ себѣ оффиціальные документы о необвиненіи іудеевъ въ возводимомъ на нихъ подозрѣніи въ пролитіи христіанской дѣтской крови. Тутъ были и папскія буллы, и декреты разныхъ королей, и постановленія сенатовъ, и циркуляры министровъ. Книгу эту нашли у одного еврея. Послѣ перевода этой книги, меня просили составить ученую записку — опытъ рѣшенія вопроса: есть ли какое нибудь основаніе подозрѣвать евреевъ въ пролитіи христіанской дѣтской крови. Такъ какъ для этого нужны были пособія, то при посредствѣ Дурново я и получилъ ихъ отъ саратовскаго преосвященнаго Аѳанасія. Разсмотрѣвъ предложенный мнѣ вопросъ, я пришелъ къ такому результату, что обвиненіе евреевъ хотя и поддерживалось отчасти фанатизмомъ противъ нихъ, но не лишено историческаго основанія, такъ какъ еще до христіанской вѣры уже существовало у грековъ и римлянъ подобное подозрѣніе, какъ это показываютъ свидѣтельства Аппіона, говорившаго, что Антіохъ Епифанъ, сирійскій царь, нашелъ въ іерусалимскомъ храмѣ греческаго мальчика, приготовляемаго іудеями къ жертвоприношенію, состоявшему въ источеніи крови изъ жертвы, и Діона Кассія, по извѣстію котораго въ городѣ Киренѣ, въ Африкѣ, греки перебили евреевъ за то, что послѣдніе крали греческихъ мальчиковъ, приносили ихъ въ жертву, ѣли ихъ тѣло, пили ихъ кровь.

Я указалъ сверхъ того на то обстоятельство, что евреи еще въ библейской древности часто отпадали отъ религіи Моисея и принимали финикійское идолопоклонство, которое отличалось священнымъ дѣтоубійствомъ. Наконецъ, я привелъ множество примѣровъ, случавшихся въ средніе вѣка и въ новой исторіи въ разныхъ европейскихъ странахъ, когда находимы были истерзанныя дѣти и всеобщее подозрѣніе падало на евреевъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходили народныя возмущенія и избіенія евреевъ. Множество папскихъ буллъ и королевскихъ декретовъ, которые евреи собирали и хранили такъ усердно, показываетъ, что было нѣчто такое, что вынуждало явленія этихъ документовъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть этихъ оффиціальныхъ памятниковъ, которыми еврей себя оправдывали, давалась тогда, когда дававшіе ихъ явно нуждались въ деньгахъ, и т. д. Но когда губернаторъ узналъ о томъ, что я написалъ, то призвалъ меня къ себѣ и началъ грозить, что онъ меня засадитъ въ острогъ и напишетъ куда слѣдуетъ о моей неблагонадежности, чтобы меня послали куда нибудь подальше и въ худшее мѣсто. Дѣло въ томъ, что губернаторъ допустилъ противозаконно проживать евреямъ въ великорусской губерніи, гдѣ имъ не дозволялось жительствовать, опасался со стороны присланнаго чиновника подъ себя подкопа и не хотѣлъ, чтобы правительство признало подозрѣніе на евреевъ сколько нибудь основательнымъ. Въ то же время онъ написалъ къ Дурново отношеніе, въ которомъ очернилъ меня и поставилъ ему въ непристойность довѣріе ко мнѣ, какъ къ лицу, дурно себя заявившему и находящемуся подъ надзоромъ полиціи. Я принужденъ былъ оставить еврейскій вопросъ.

На слѣдующій годъ въ саратовской администраціи произошла большая перемѣна: губернаторъ былъ отставленъ; за нимъ то же послѣдовало со многими другими чиновниками; пріѣхалъ новый губернаторъ Игнатьевъ и новый вице-губернаторъ; послѣднимъ назначенъ тотъ же самый Дурново, который въ предшествовавшемъ году производилъ слѣдствіе; къ достиженію этой должности ему, какъ я слышалъ, помогло мое сочиненіе, которое въ министерствѣ признали за его собственное и сочли его ученымъ человѣкомъ.

Но въ должности вице-губернатора ему пришлось быть недолго: не болѣе какъ черезъ годъ онъ былъ замѣщенъ другимъ.

Въ 1854 году надо мною собиралось новое несчастіе, которое, однако, миновало меня. Я отдалъ напечатать собранныя мною пѣсни въ Саратовскія Губернскія Вѣдомости, не подписывая моего имени. Печатаніе всѣхъ пѣсенъ еще не было окончено, какъ вдругъ изъ Петербурга получается бумага, гдѣ извѣщается, что высшая правительственная власть замѣтила, что въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ печатаются некстати народныя пѣсни непристойнаго содержанія, причемъ противъ одной пѣсни было замѣчено: „мерзость, гадость; если такія пѣсни существуютъ, то дѣло губернскаго начальства искоренять ихъ, а не распространять посредствомъ печати“. Это замѣчено противъ слѣдующихъ стиховъ въ одной пѣснѣ:

„Дѣвчоночка молода раздогадлива была,
Черноброва, черноглаза парня высушила,
Присушила русы-кудри ко буйной головѣ,
Заставила шататися по чужой сторонѣ,
Приневолила любити чужемужнихъ женъ.
Чужемужни жены — лебедушки бѣлы,
А моя шельма жена — полынь горькая трава“.

Вслѣдствіе этого повелѣно было цензора, пропустившаго пѣсни, отставить отъ должности съ лишеніемъ пенсіона. Цензоромъ былъ директоръ саратовской гимназіи, который, однако, съумѣлъ отписаться и оправдаться. Я думалъ, что доберутся и до меня, но меня не спрашивали. Вслѣдъ за тѣмъ случились новыя непріятности. Пріѣхалъ въ Саратовъ новый полицеймейстеръ, отличившійся тѣмъ, что на первыхъ же порахъ, желая угодить начальству, неблагосклонно взглянувшему на пѣсни, ѣздилъ по городу съ казакомъ и приказывалъ бить плетью людей, которыхъ заставалъ съ гармониками поющихъ пѣсни. Въ началѣ 1855 года, вскорѣ послѣ своего пріѣзда, онъ приказалъ собраться въ полицію всѣмъ состоящимъ подъ ея надзоромъ; я былъ позванъ въ числѣ прочихъ и увидѣлъ, кромѣ знакомыхъ мнѣ сосланныхъ поляковъ, нѣсколько мужчинъ и женщинъ, содержавшихся подъ надзоромъ не за политическія дѣла, но за вся-

каго рода преступленія и проступки. Тутъ были, какъ я узналъ, и содержательницы домовъ терпимости и оставленные въ подозрѣніи по разнымъ уголовнымъ дѣламъ, между прочимъ и по тому еврейскому дѣлу, которое не такъ давно принесло мнѣ столько неудовольствія. Полицеймейстеръ, вошедши съ грознымъ, начальническимъ видомъ, началъ читать всѣмъ составленныя имъ правила, заключавшія въ себѣ разныя наставленія о добропорядочномъ поведеніи, напримѣръ: не ходить по кабакамъ, по зазорнымъ домамъ, не буянить, не пьянствовать до безобразія и т. п.; но вмѣстѣ съ тѣмъ навязывалъ на всѣхъ обязанность не выѣзжать за городскую черту, ни съ кѣмъ не сноситься и не вести корреспонденціи иначе, какъ съ его вѣдома и разрѣшенія. Прочитавши такое нравоученіе, онъ требовалъ, чтобы всѣ давали подписку въ соблюденіи начертанныхъ имъ правилъ. Призванные стали подписываться. Къ удивленію моему я увидалъ, что поляки, содержавшіеся по политическимъ дѣламъ, также безропотно подписывались. Когда же очередь дошла до меня, я сказалъ, что давать такой подписки не стану, потому что, хотя я и состою подъ надзоромъ, но подъ особымъ, и по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ на службу, въ которой и нахожусь. „Всѣ ваши товарищи подписались“, загремѣлъ полицеймейстеръ, указывая на собранную имъ разнообразную публику. „Я не могу“ — сказалъ я, „обязываться не выѣзжать безъ вашего позволенія изъ города, когда, быть можетъ, губернаторъ пошлетъ меня по какому нибудь дѣлу, секретному и для васъ; также и переписки своей не буду открывать вамъ“. Полицеймейстеръ разъярился и затопалъ на меня ногами, но я сказалъ ему: „г. полицеймейстеръ, вы на меня не топайте; я вижу, что вы несовсѣмъ понимаете вашу обязанность по отношенію ко мнѣ: я присланъ сюда подъ особый надзоръ и въ совершенномъ секретѣ, слѣдовательно, вы можете секретно слѣдить за мною, но не должны были призывать меня сюда въ присутствіи многихъ, незнакомыхъ мнѣ лицъ и такимъ образомъ публиковать о моемъ секретномъ нахожденіи подъ надзоромъ; если вамъ угодно, спросите прежде губернатора, и когда мнѣ онъ прикажетъ давать вамъ какую нибудь подписку, тогда дѣло иное“.—„Поѣдемте къ губернатору“,—

сказалъ онъ, вышелъ, мы сѣли съ нимъ въ сани и отправились къ губернатору Игнатьеву. Полицеймейстеръ вошелъ къ нему въ кабинетъ, оставивъ меня въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ губернаторъ и пригласилъ меня въ кабинетъ, а полицеймейстеръ уѣхалъ. Губернаторъ принялъ меня ласково и просилъ извинить полицеймейстера, „который еще вновѣ и не знаетъ вашего положенія“, сказалъ онъ. Затѣмъ губернаторъ предложилъ мнѣ принять на себя званіе дѣлопроизводителя статистическаго комитета, что мнѣ должно было дать 300 рублей прибавки къ получаемому мною содержанію. Въ заключеніе всего губернаторъ, по моей просьбѣ, обѣщалъ исходатайствовать мнѣ если не совершенную свободу отъ всякаго надзора, то, по крайней мѣрѣ, право съѣздить въ Петербургъ на четыре мѣсяца для полученія денегъ моей матери, хранящихся въ опекунскомъ совѣтѣ. Надобно сказать, что еще въ 1848 году мать моя положила въ опекунскій совѣтъ 1500 рублей; въ то же время какой-то крестьянинъ Правдинъ, стоявшій за нею, увидалъ нумеръ безъименнаго билета и подалъ объявленіе о его утратѣ, будто бы случившейся въ самомъ опекунскомъ совѣтѣ въ день взятія билета. Пошло уголовное дѣло и кончилось въ пользу моей матери. Постановленіемъ уголовной палаты опредѣлено было: отдать билетъ моей матери. Теперь надлежало взять изъ уголовной палаты копію съ рѣшенія дѣла и съ этой копіей потребовать денегъ изъ опекунскаго совѣта съ накопившимися процентами.

Послѣ этого свиданія съ губернаторомъ я началъ заниматься статистикою Саратовскаго края въ знаніи дѣлопроизводителя статистическаго комитета, а между тѣмъ продолжалъ мои занятія по внутренней русской исторіи, по прежнему выписывая мѣста изъ актовъ и всякихъ документовъ, какіе только могъ найти въ печатномъ видѣ въ Саратовѣ. Тогда же я занялся разборомъ рукописей, находившихся въ саратовскомъ соборѣ, забранныхъ въ разное время у раскольниковъ и въ числѣ этихъ рукописей нашелъ превосходный и полный списокъ Стоглава, самый старѣйшій и самый правильный изъ всѣхъ, какіе мнѣ случалось видѣть послѣ того. Въ маѣ, въ томъ же году, возвратилась изъ Петербурга моя давняя знакомая Анна Никаноровна, уже

не г-жа Пасхалова, а г-жа Мордовцева; она пріѣхала съ молодымъ мужемъ, только что кончившимъ курсъ въ с-петербургскомъ университетѣ съ званіемъ кандидата и съ золотою медалью. Первое знакомство съ нимъ сдѣлало на меня самое пріятное впечатлѣніе: я скоро съ нимъ сблизился и навсегда подружился. Близость наша поддержалась тогда и тѣмъ, что онъ, скоро послѣ своего пріѣзда, получилъ мѣсто помощника дѣлопроизводителя въ статистическомъ комитетѣ, а какъ дѣлопроизводителемъ былъ я, то у насъ явились общіе интересы.

Въ іюлѣ того же года Саратовъ былъ пораженъ замѣчательнымъ несчастіемъ. 21 іюля разнесся въ городѣ слухъ, что городъ будутъ жечь въ продолженіе недѣли и сожгуъ до тла. И въ самомъ дѣлѣ 24 числа вспыхнулъ пожаръ на краю города у машинной фабрики, и не успѣла пожарная команда явиться туда, какъ огонь показался на противоположной части города разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Съ восьми часовъ утра до четырехъ часовъ вечера истреблено было 500 дворовъ. Это произвело такой паническій страхъ на жителей, что они стали выбираться изъ домовъ и располагаться за городомъ въ полѣ, а нѣкоторые — въ лодкахъ на Волгѣ. Рано утромъ 25 числа вспыхнулъ пожаръ рядомъ съ моей квартирой, и дому, гдѣ я жилъ, угрожало пламя. Моя матушка, подчиняясь общему страху и желая спасти болѣе цѣнную движимость, вмѣстѣ съ прислугою выѣхала въ поле, а я пока остался въ квартирѣ. Въ тотъ же день было нѣсколько пожаровъ въ разныхъ мѣстахъ города. 26 іюля, на солнечномъ восходѣ, опять загорѣлось по сосѣдству со мною, въ томъ же дворѣ, гдѣ и прежде, но въ другомъ строеніи. На этотъ разъ пламя уже достигло до оконъ моей квартиры. Ко мнѣ вбѣжали незнакомые люди, предлагая выносить пожитки, но въ моей квартирѣ оставалось только немного мебели и кадки съ растеніями; я не позволилъ ничего выносить, соображая, что если растенія вынесутъ, то ихъ переломаютъ и они, все равно, пропадутъ. Ожидая съ секунды на секунду, что огонь ворвется ко мнѣ въ окно, я связалъ свои бумаги, именно: тетрадь съ исторіею Хмельницкаго и кипу выписокъ изъ актовъ и собирался уходить съ своею ношею за-городъ къ матушѣ, какъ

прибѣжали ко мнѣ нѣсколько знакомыхъ; они удивлялись, что я такъ хладнокровно остаюсь въ своемъ помѣщеніи, когда мнѣ угрожаетъ огонь, но я, засмѣявшись, указалъ имъ на свои бумаги и припомнилъ извѣстное выраженіе бѣжавшаго изъ пылающаго города греческаго ученаго: „omnia mea mecum porto“ (все свое несу съ собою). Однако пожаръ былъ потушенъ: домъ, въ которомъ я жилъ, не сгорѣлъ. Я вышелъ на улицу и былъ свидѣтелемъ забавной сцены: частный приставъ разсказывалъ народу, что пожары производятъ враги наши „англо-французы“ и что одного англо-француза поймали на прибывшемъ пароходѣ. Народъ слушалъ съ довѣрчивостью, воображая, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ народъ, называемый англо-французы.

Въ теченіе этого дня опять случилось нѣсколько пожаровъ. Часовъ въ шесть по-полудни я отправился купаться и на улицѣ встрѣтилъ дикую толпу мѣщанъ, которые вели связаннымъ какого-то молодого человѣка избитаго и залитаго кровью. Двое изъ этихъ мѣщанъ, жительствовавшихъ на одной съ мною улицѣ, знали меня и обратились ко мнѣ въ качествѣ посредника или третейскаго судьи въ ихъ дѣлѣ. По разспросу моему оказалось, что избитый и связанный молодой человѣкъ былъ грузинъ, учившійся въ саратовской семинаріи; онъ былъ именинникъ, пригласилъ къ себѣ товарищей и началъ съ ними кутить; хозяйка дома вошла къ веселой компаніи и начала читать нравоученія, что грѣшно пить и веселиться въ то время, когда всѣхъ постигло божіе посѣщеніе: горячій грузинъ не вытерпѣлъ и началъ ее выталкивать; она подняла тревогу, сбѣжался народъ, несчастнаго грузина сочли поджигателемъ англо-французомъ, и увидя, что въ одномъ мѣстѣ начинается пожаръ, вели его туда съ намѣреніемъ, какъ сами сознавались, бросить его въ огонь, а по дорогѣ къ мѣсту расправы наносили ему удары. Я объяснилъ имъ, что нельзя такъ самовольствовать, что если они его подозрѣваютъ, то должны препроводить къ начальству — и то безъ побоевъ; начальство разберетъ, виноватъ ли онъ, и если окажется виновнымъ, то виновнаго и постигнетъ наказаніе, указанное закономъ. Мои слова подѣйствовали на разъяренную толпу болѣе чѣмъ я хотѣлъ: грузина раз-

вязали и не повели въ полицію, но отпустили на свободу, наградивши его только крѣпкими русскими словами. Пожары стали прекращаться только въ началѣ августа. На счастіе пріѣхалъ въ Саратовъ новый полицеймейстеръ, человѣкъ очень энергическій, принявшійся за дѣло спасенія города усерднѣе, чѣмъ это дѣлалось прежде. Подкидывались записки такого рода: „Сергѣй Ивановичъ! (одинъ изъ купцовъ домовладѣльцевъ) хоть стереги, свой домъ, хоть не стереги, а мы тебя сожжемъ. Васька бѣлый писалъ рукой смѣлой". Однако домъ этого Сергѣя Ивановича остался цѣлъ. Изъ произведеннаго слѣдствія открылось только два поджога: одинъ произвелъ мальчикъ учившійся у сапожника; перелѣзши черезъ заборъ въ сосѣдній дворъ, онъ воткнулъ спичку съ огнемъ въ ясли, гдѣ было положено сѣно; произошелъ пожаръ. Впослѣдствіи мальчикъ, обличенный другимъ мальчикомъ, которому онъ открылъ о своемъ преступленіи, показалъ, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы посмотрѣть и полюбоваться, какъ будетъ горѣть. Въ другомъ домѣ пожаръ былъ произведенъ четырнадцатилѣтней дѣвочкой, которую барыня жестоко избила и та, въ припадкѣ досады, сдѣлала поджогъ на чердакѣ дома своей барыни. Не найдено было никакого слѣда партіи какихъ нибудь злоумышленниковъ, дѣйствующихъ заговоромъ по предначертаннымъ цѣлямъ. Въ народѣ, съ голоса полицейскихъ чиновниковъ, толковали объ англо-французахъ, а въ высшихъ кругахъ подозрѣвали поляковъ. Одинъ господинъ, занимавшій тогда должность совѣтника, находясь въ одномъ домѣ, изъявлялъ подозрѣніе на меня, хотя никогда не видалъ меня въ глаза, какъ и я его, и когда ему сказали, что я не полякъ, онъ отвѣчалъ, что навѣрное знаетъ, что я полякъ и притомъ католическаго исповѣданія.

Осенью, на представленіе губернатора, прислано было дозволеніе отправиться мнѣ въ Петербургъ во временный отпускъ для окончанія моихъ дѣлъ. Съ первымъ зимнимъ путемъ я пустился въ дорогу вмѣстѣ съ однимъ чехомъ, занимавшимъ до того времени должность управляющаго въ одномъ имѣніи Саратовской губерніи. Мы ѣхали на почтовыхъ черезъ Пензу, Арзамасъ, Муромъ и Владиміръ до Москвы, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Съ

нами съѣзжались на почтовыхъ станціяхъ всякаго рода лица, заводили разговоры и знакомства. Это было время всеобщихъ надеждъ на обновленіе Россіи, котораго всѣ тогда чаяли при наступившемъ новомъ царствованіи; толковали о скоромъ заключеніи мира и объ обращеніи дѣятельности правительства и общества ко внутреннему благоустройству Россіи. Это было истинно поэтическое время; казалось, всякія эгоистическія стремленія улеглись, люди переставали думать о собственныхъ выгодахъ, у всѣхъ на умѣ и на языкѣ было возрожденіе русскаго общества къ иной жизни, которой оно только желало, но еще не испытывало. У всѣхъ слышалась вѣра въ доброжелательство и умъ новаго Государя, и уже тогда наперерывъ говорили, какъ о первой необходимости, объ освобожденіи народа изъ крѣпостной зависимости. Въ одномъ мѣстѣ на дорогѣ, съ нами встрѣтился помѣщикъ Нижегородской губерніи, который сознавался, что если послѣдуетъ освобожденіе, то оно принесетъ дворянству сильный ударъ и подорветъ его матеріальныя выгоды; но „нечего дѣлать“, говорилъ онъ, „надобно принести въ жертву все для пользы народа; вѣдь жертвовали же и достояніемъ, и самою жизнью въ минуты угрожавшей отечеству опасности, тѣмъ болѣе обязаны послужить ему въ такомъ важномъ дѣлѣ, которое обновитъ его на многія поколѣнія“. Говорили даже о заведеніи школъ для народа и считали дѣло народнаго образованія столько же важнымъ, какъ и дѣло освобожденія. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я помѣстился въ chambres garnies на Малой Морской, въ домѣ Митусова и за 25 рублей въ мѣсяцъ получилъ удобно меблированную комнату съ перегородкой для спальни и съ прислугою. Дѣло моей матери было окончено скоро и я получилъ слѣдуемыя ей деньги.

Важнѣйшимъ моимъ занятіемъ я положилъ себѣ привести въ окончаніе свою исторію Хмельницкаго и дополнить новыми выписками изъ книгъ и рукописей Публичной библіотеки давно уже собираемыя мною данныя для „внутренняго быта древней Россіи“. Съ декабря 1855 года я началъ ходить въ императорскую публичную библіотеку, занимался печатными источниками въ отдѣленіи Rossica и рукописями славянскими и польскими. Не проходило дня, въ который

бы я не сидѣлъ въ библіотекѣ, отправляясь туда къ десяти часамъ утра и возвращаясь вечеромъ, обыкновенно въ девять часовъ, если не посвящалъ вечера на посѣщеніе театра. На обѣдъ тратилъ я не болѣе получаса, отправляясь изъ библіотеки въ одинъ изъ ближайшихъ ресторановъ. Такъ прошло до четырехъ мѣсяцевъ. Я почти ни у кого не бывалъ и погрузился всецѣло въ миръ минувшаго. Такимъ образомъ въ этотъ періодъ моей жизни, я успѣлъ перечитать множество томовъ и брошюръ по исторіи Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ, пересмотрѣлъ нѣсколько книгъ, польскихъ рукописей и перебралъ путешественниковъ, писавшихъ о Россіи, изъ которыхъ сдѣлалъ себѣ отмѣтки, относившіяся къ чертамъ нравовъ и быта, подмѣченнымъ путешественниками.

Въ мартѣ 1856 года я отнесъ экземпляръ исторіи Богдана Хмельницкаго къ цензору Фрейгангу, какъ вдругъ неожиданно для меня услыхалъ отъ него, что при покойномъ Государѣ состоялось секретное запрещеніе допускать мои сочиненія къ напечатанію. Я отправился къ генералу Дуббельту съ просьбою объ исходатайствованіи снятія съ меня этого запрещенія. Дуббельтъ принялъ меня очень ласково, обнадежилъ исполненіемъ моего желанія и обѣщалъ поговорить съ цензоромъ, чтобы онъ былъ ко мнѣ снисходителенъ. Когда черезъ недѣлю послѣ того пріѣхалъ я къ Фрейгангу, онъ сообщилъ мнѣ, что Дуббельтъ призывалъ его и толковалъ съ нимъ обо мнѣ, но не просилъ, какъ обѣщалъ, быть ко мнѣ снисходительнымъ, а напротивъ, предостерегалъ быть особенно строгимъ и внимательнымъ; тѣмъ не менѣе, разрѣшеніе было мнѣ выдано и путь къ литературной дѣятельности открытъ.

Моего Богдана Хмельницкаго я предназначалъ для печатанія въ „Отечественныя Записки“, которыя цензировалъ Фрейгангъ. Вѣрный наставленію Дуббельта, этотъ цензоръ былъ дѣйствительно ко мнѣ очень строгъ: вымаралъ множество мѣстъ, не представлявшихъ ничего подозрительнаго, если не прилагать особаго желанія толковать ихъ съ натяжкою въ дурномъ смыслѣ. Мой Богданъ Хмельницкій однако прошелъ и поступилъ въ распоряженіе Краевскаго,

издателя „Отечественныхъ Записокъ“. Въ то же время я помѣстилъ въ „Современникѣ“ статью о Горѣ-Злочастіи, изложивъ содержаніе этого памятника великорусской поэзіи XVII вѣка, отысканнаго при моихъ глазахъ А. Н. Пыпинымъ въ одномъ изъ погодинскихъ сборниковъ. Обдѣлавъ свои дѣла и не дожидаясь напечатанія „Хмельницкаго“, которое должно было идти на многіе мѣсяцы, съ весною я уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ принялся приводить въ порядокъ собранныя въ публичной библіотекѣ выписки о внутренней исторіи древней Россіи, и сталъ обрабатывать, какъ одну часть обширнаго труда, исторію русской торговли XVI и XVII вѣка, удѣляя, кромѣ того, время и на занятія статистикою Саратовской губерніи, какъ того требовала занимаемая мною должность дѣлопроизводителя статистическаго комитета. Въ этомъ званіи, по порученію губернатора, съѣздилъ я въ городъ Вольскъ, осмотрѣлъ его и составилъ его описаніе, которое было напечатано въ 1857 г. въ „Саратовскихъ Вѣдомостяхъ“ и перепечатано въ „Памятной книжкѣ Саратовской губерніи“ Мордовцевымъ.

Пришла очередь и пѣснямъ, собраннымъ нѣкогда въ Волынской губерніи; я передалъ ихъ Мордовцеву для напечатанія въ Малорусскомъ сборникѣ, который онъ тогда задумалъ издать. Къ сожалѣнію, цензоръ Мацкевичъ, которому Мордовцевъ послалъ мою рукопись, обошелся съ пѣснями истинно вандальскимъ способомъ: все, что ему не нравилось, онъ моралъ безъ зазрѣнія совѣсти, не обращая вниманія на то, что пѣсня иногда теряла черезъ то мысль. Кажется, приключеніе съ моими саратовскими народными пѣснями было ему извѣстно и послужило для него какъ бы нравоученіемъ, потому что этотъ цензоръ затиралъ краснымъ черниломъ особенно такія мѣста, которыя могли бы показаться неудобными для чтенія молодыхъ дѣвицъ. Пѣсни эти жестоко пострадали и хотя были напечатаны, но я остался до крайности недоволенъ такого рода изданіемъ собранныхъ мною народныхъ памятниковъ. Въ томъ же „Малорусскомъ Литературномъ Сборникѣ“ помѣстилъ я нѣсколько малорусскихъ стихотвореній подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, оставшихся отъ ранней эпохи моего писательства.

VI.

Освобожденіе. Поѣздка за-границу. Возвращеніе. Участіе въ трудахъ по крестьянскому дѣлу.

Высочайшій манифестъ, послѣдовавшій послѣ коронаціи Государя Императора, освободилъ меня отъ надзора, подъ которымъ я находился со времени моего прибытія въ Саратовъ. Необыкновенно радостною и памятною останется для меня та минута, когда меня пригласили въ канцелярію губернатора и дали прочесть присланную обо мнѣ бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой было однако сказано въ концѣ, что „прежнее распоряженіе въ Бозѣ почившаго Государя о воспрещеніи Костомарову служить по ученой части, должно оставаться во всей силѣ". И такъ я сталъ свободенъ, не привязанъ болѣе къ одному мѣсту и могъ ѣхать куда угодно. Первымъ желаніемъ моимъ въ то время было поѣхать за-границу. Я условился ѣхать на слѣдующую весну съ докторомъ Стефани, имѣвшемъ тогда служебное мѣсто въ Саратовѣ. До того времени я не считалъ нужнымъ куда-нибудь ѣхать, такъ какъ хотѣлъ окончить и приготовить къ напечатанію мой Очеркъ торговли. Это занятіе поглотило у меня всю зиму.

Въ началѣ мая 1857 года, я вмѣстѣ со Стефани отправился сначала въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ устроить къ напечатанію мое сочиненіе. Такъ какъ въ то время я чувствовалъ глазныя боли, то, проѣзжая черезъ Москву, обратился за совѣтомъ къ доктору Иноземцеву, и тотъ, осмотрѣвши мои глаза, сказалъ, что у меня начинается катаракта. Это привело меня въ испугъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я обратился къ окулисту Кабату и тотъ сказалъ то же, что Иноземцевъ, что я долженъ ожидать себѣ катаракта. Свидѣтельства двухъ знаменитыхъ врачей надобно было считать очень вѣскими доказательствами, и я, вмѣсто того, чтобы ѣхать за-границу для отдыха и прогулки, долженъ былъ ѣхать для леченія съ тѣмъ, чтобы искать спасенія отъ угрожающей мнѣ слѣпоты. И Кабатъ и Иноземцевъ, какъ бы сговорившись, совѣтовали мнѣ попользоваться киссингенскими водами, а потомъ ѣхать купаться на море. Я отправился на пароходѣ въ Швецію вмѣстѣ съ докторомъ Стефани.

Прежде всего привелось мнѣ посѣтить Ревель, а оттуда плыть въ Гельсингфорсъ. Тамъ я пробылъ только одну ночь, не успѣвши ничего видѣть, а на утро пароходъ поплылъ въ Або. Путь нашъ лежалъ посреди безчисленнаго множества островковъ, между которыми попадались довольно высокіе, утесистые и живописные. Нѣкоторые изъ нихъ были покрыты зеленью, другіе представляли собою дикія скалы. Такъ плыли мы до самаго вечера и на солнечномъ закатѣ повернули въ заливъ, въ которомъ расположенъ гор. Або. На лѣвой сторонѣ входа въ заливъ лучи заходящаго солнца золотили стѣны стараго замка, извѣстнаго въ исторіи тѣмъ, что онъ былъ нѣкогда темницей низложеннаго шведскаго короля Эрика XIV. Городъ Або не представляетъ ничего особенно красиваго по своей постройкѣ, но бросается въ глаза своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ совершенно въ сѣверномъ вкусѣ. На берегу рѣки, впадающей въ заливъ, возвышаются горы, покрытыя между камнями яркою зеленью, свойственною холоднымъ краямъ и кое-гдѣ кустарниками. Мнѣ удалось немного походить по городу и его окрестностямъ уже почти ночью, которая была до того свѣтла, что, казалось, можно было читать.

Утромъ я снова пошелъ знакомиться съ мѣстоположеніемъ города, но погода была хотя ясная, но очень холодная, несмотря на то, что тогда былъ конецъ мая. Около полудня мы отправились въ путь. До вечера мы продолжали плыть между островами, что было очень удобно потому, что по этому пути качки не бываетъ. Къ ночи мы достигли Аландскихъ острововъ и тамъ пароходъ остановился на якорѣ. На другой день утромъ мы плыли уже по открытому морю въ Ботническомъ заливѣ и около часа по полудни увидали шведскій берегъ, а потомъ въ зрительную трубу можно было разглядѣть Стокгольмъ. Приближаясь къ берегу, пароходъ зашелъ въ ворота, образуемыя двумя скалами, а за этими воротами растилалось опять открытое море сплошь до самаго стокгольмскаго берега. Черезъ часъ мы пристали къ Стокгольму. Пристань расположена въ срединѣ столицы, почти противъ королевскаго дворца и, вступая на берегъ, путешественникъ очутится въ самой лучшей ея части. Гостинницъ въ Стокгольмѣ въ то время было немного; всѣ онѣ

расположены на пристани и были до того переполнены, что я не нашелъ себѣ ни въ одной нумера и остановился по близости въ chambres garnies, содержимыхъ одною старою шведкою. Мое положеніе было незавидно: я не зналъ шведскаго языка, а бывшая въ карманѣ у меня книжечка со шведскими словами и разговорами недостаточно меня приготовила для того, чтобы не встрѣчать большихъ затрудненій въ неизвѣстномъ краѣ. На мое счастіе, въ то время, когда пароходъ приставалъ къ берегу, я познакомился съ пономаремъ русской церкви, исполнявшемъ въ то же время должность секретаря у русскаго консула и вмѣстѣ съ послѣднимъ пріѣзжавшаго на пароходъ для освидѣтельствованія паспортовъ. Этотъ господинъ съ обязательною любезностію самъ вызвался быть мнѣ во всемъ полезнымъ и служить мнѣ проводникомъ и указателемъ въ Стокгольмѣ, который былъ ему хорошо извѣстенъ, такъ какъ онъ жилъ здѣсь уже двѣнадцать лѣтъ и женился на шведкѣ. На другой день я отдавалъ хозяйкѣ свое бѣлье для мытья: нечаянно она увидала на мнѣ крестъ, радостно вскрикнула „catholique“ и немедленно принесла ко мнѣ въ комнату и поставила у моей постели гравюру Благовѣщенія. Не владѣя шведскимъ языкомъ, я не понялъ ея рѣчей, но замѣтилъ, что она произносила ихъ со взволнованнымъ видомъ; когда же пришелъ ко мнѣ мой добрый пономарь, то, поговоривши съ хозяйкой, объяснилъ мнѣ, что она католичка, а такъ какъ католики въ Швеціи не пользуются никакими гражданскими правами и подвергаются угнетеніямъ и презрѣнію отъ народа, фанатически преданнаго лютеранизму, то это заставляетъ ихъ особенно сочувственно относиться къ тѣмъ иностранцамъ, которыхъ они признаютъ за своихъ единовѣрцевъ. Старуха сочла меня католикомъ, и хотя впослѣдствіи ей объяснили, что я русскій и православный, но религіозныя познанія моей хозяйки не простирались такъ далеко, чтобы отличать православіе отъ католичества и она продолжала меня считать единовѣрцемъ.

При помощи русскаго посланника князя Дашкова, я получилъ доступъ въ шведскій государственный архивъ и занимался тамъ русскими бумагами, оставшимися съ того времени, когда Новгородъ съ частію своихъ земель находился

подъ властію шведской короны, но въ этихъ бумагахъ, правду сказать, я нашелъ мало любопытнаго. Гораздо интереснѣе показались мнѣ кое-какія латинскія, французскія и нѣмецкія бумаги, относившіеся къ эпохѣ Сѣверной войны. Тутъ я пожалѣлъ, что заранѣе не учился по-шведски. Доступъ въ архивъ былъ открытъ самымъ гостепріимнымъ образомъ; чиновники такъ были любезны, что старались услужить чѣмъ нибудь и кромѣ того посланникъ передалъ меня особому покровительству одного изъ служившихъ тамъ, бывшаго профессора Нордстрема, знавшаго порядочно по-французски и потому дававшаго мнѣ возможность вести съ нимъ бесѣды. При его посредствѣ я съѣздилъ въ Упсалу и осмотрѣлъ тамошній музей древностей мѣстной исторіи. Замѣчу при этомъ слѣдующій случай очень занимательный и поучительный. Всѣмъ извѣстно преданіе о таинственномъ видѣніи, бывшемъ съ королемъ Карломъ XI: много разъ было писано о немъ. Разсказывали, что этотъ король, занимаясь наблюденіемъ звѣздъ, увидалъ свѣтъ, выходившій изъ пустой залы національнаго собранія. Король отправился туда, нашелъ двери запертыми и, отомкнувши ихъ, увидѣлъ сидящихъ за столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, неизвѣстныхъ лицъ, показавшихся ему судьями. Въ залу ввели какое-то лицо; одинъ изъ судей прочиталъ приговоръ: осужденному отрубили голову и кровь съ его отрубленной головы брызнула на башмакъ короля. Сидѣвшій за столомъ предсѣдатель суда сказалъ королю: „то, что ты видѣлъ, случится не съ тобою, а съ однимъ изъ твоихъ преемниковъ“. Вслѣдъ за тѣмъ все исчезло, король остался въ темнотѣ, но кровавое пятно на его башмакѣ было свидѣтельствомъ, что король видѣлъ это не во снѣ и этотъ башмакъ, какъ писали, сохраняется въ Упсалѣ. Когда я, вспомнивши о читанномъ мною, сталъ спрашивать о башмакѣ, на мой вопросъ засмѣялись и отвѣчали, что эту сказку выдумали не въ Швеціи, а гдѣ-то на континентѣ и никакого башмака не было въ Упсалѣ, и ни о какомъ видѣніи не записывалось въ шведскихъ бумагахъ. „Правда, говорили мнѣ, что нынѣшніе камеръ-лакеи во дворцѣ, поддѣлываясь ко вкусу путешественниковъ, покажутъ вамъ то окно во дворцѣ, чрезъ которое король Карлъ XI увидалъ таинственный свѣтъ, но это не

болѣе какъ повтореніе чужеземной сказки, зашедшей къ намъ изъ иностранныхъ книгъ". И въ самомъ дѣлѣ, потомъ я осматривалъ въ Стокгольмѣ королевскій дворецъ, и придворный служитель показалъ мнѣ это окно, точно такъ же какъ въ Москвѣ показываютъ въ кремлевскомъ дворцѣ окно, откуда будто бы выскочилъ Самозванецъ, тогда какъ зданіе нынѣшняго кремлевскаго дворца въ его настоящемъ видѣ— произведеніе эпохи императора Николая.

Стокгольмъ раздѣляется на три части, составляющія каждая какъ бы отдѣльный городъ. Одна изъ нихъ, гдѣ находится королевскій дворецъ, носитъ названіе Норд-Мальмъ. Это лучшая часть города. Здѣсь находится театръ и разныя торговыя помѣщенія. Начиная отъ площади до оконечности города, тянется самая красивая улица Стокгольма, Дротингъ-Гатингъ (улица королевы). Южная часть города, разсыпанная по полу-горѣ, Зюд-Мальмъ, не имѣетъ такихъ красивыхъ построекъ; мостовая въ ней неудобная, но за-то здѣсь глазъ встрѣтитъ множество старинныхъ, средневѣковыхъ построекъ. Третья часть — на островѣ, образуемомъ озеромъ Меларъ. Здѣсь находится домъ національнаго собранія — красивое, большое зданіе, выкрашенное красною краскою — любимый цвѣтъ шведовъ. Изъ церквей бросается въ глаза по своей относительной старинѣ соборъ св. Олафа, построенный въ XIII вѣкѣ знаменитымъ правителемъ Швеціи Биргеръ Ярломъ. Обычнымъ гуляньемъ для столицъ служитъ находящійся за городомъ садъ, называемый Дир-Гарденъ, съ огромными, вѣковыми деревьями и со множествомъ аллей, изъ которыхъ по однѣмъ можно только ходить, а по другимъ и ѣздить экипажами. Достаточно пожить въ Стокгольмѣ недѣли двѣ, чтобы признать за шведами характеристическія ихъ качества: большое трудолюбіе и опрятность почти щепетильную. Въ продолженіе всей недѣли не замѣтишь на улицѣ праздной толпы, но за-то въ воскресный день всѣ высыпаютъ гулять въ Дир-Гарденъ, а иные прохлаждаются катаньемъ на лодкахъ по озеру и морю, причемъ раздаются веселыя пѣсни. Тогда, какъ мнѣ объяснилъ мой указатель, было въ модѣ распѣвать патріотическую пѣсню, въ которой шведы прославляли свою Скандинавію. Если бы меня не тревожило угрожающее положеніе моихъ глазъ, я бы, вѣроятно, остался

въ Швеціи надолѣе и принялся бы основательно изучать шведскій языкъ; но предписанія врачей, назначившихъ мнѣ киссингенскія воды, торопили меня въ Германію. Мое незнаніе шведскаго языка на каждомъ шагу служило мнѣ источникомъ непріятностей и однажды заставило меня проночевать на улицѣ подъ ночнымъ холодомъ. Когда я выходилъ изъ своей квартиры, хозяйка дала мнѣ какой-то ключъ; не разобравши что она говорила и не понимая зачѣмъ мнѣ этотъ ключъ, я повѣсилъ его на колку, вбитомъ въ стѣну въ своей комнатѣ; когда же, воротившись поздно домой, я началъ звонить у воротъ подъѣзда, мнѣ не отпирали; я слышалъ голосъ дворника, по которому понялъ, что онъ сердится. Нечего было дѣлать, я отправился на площадь, легъ у памятника Густава Адольфа и пролежалъ тамъ всю ночь до солнечнаго восхода. Потомъ уже пономарь, поговоривши съ хозяйкой, объяснилъ мнѣ, что по здѣшнему обычаю всякому жильцу дается ключъ отъ воротъ подъѣзда и онъ можетъ, никого не безпокоя, отпереть подъѣздъ и вошедши запереть его снова.

Покидая Стокгольмъ, я рѣшился плыть на купеческомъ пароходѣ, отправлявшемся въ Любекъ, и нанялъ себѣ мѣсто въ первомъ классѣ этого парохода. Пассажировъ было немного, и всѣ безъ исключенія шведы, неумѣвшіе говорить иначе, какъ на своемъ языкѣ, котораго я не понималъ. Путь оказался очень медленъ: отплывши утромъ въ субботу, къ вечеру мы прибыли въ Норд-Чопингъ, самый промышленный городъ во всей Швеціи, прозванный за то шведскимъ Манчестеромъ. Шведы чрезвычайно строго соблюдаютъ воскресные дни и потому пароходъ долженъ былъ стоять на якорѣ до понедѣльника. Отъ нечего дѣлать, утромъ въ воскресенье я вышелъ на берегъ и пошелъ странствовать по незнакомому городу. Увидя церковь, красиво обсаженную деревьями, я вошелъ въ нее и сѣлъ на лавку. Черезъ нѣсколько времени раздался колокольчикъ; сторожъ сдѣлалъ какой-то окликъ, котораго я, по незнанію шведскаго языка, не понялъ; нѣкоторые вышли изъ церкви, а я продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Церковь заперли на засовъ. Взошелъ пасторъ на каѳедру, началъ читать проповѣдь, въ которой я ничего не могъ уразумѣть, кромѣ долетавшихъ до моего

слуха именъ Іисуса Христа и апостола Павла. Я было попытался уйти; но придверникъ меня не пустилъ. Тутъ я понялъ, что у нихъ въ обычаѣ запирать церковь во время проповѣди и до ея окончанія никого не выпускать изъ церкви, и никого не впускать, а окликъ, котораго я не понялъ, былъ предложеніемъ тѣмъ, которые не желаютъ слушать проповѣди — уйти заранѣе. Я сѣлъ на свое мѣсто и протомился битыхъ полтора часа, зѣвая подъ звуки неизвѣстныхъ мнѣ словъ. Наконецъ, пасторъ произнесъ давно жданное мною „amen“, церковь отперли, и я поскорѣе выскочилъ изъ нея. Долго ходилъ я по городу, видѣлъ множество фабричныхъ строеній съ трубами, остававшихся въ бездѣйствіи по причинѣ воскреснаго дня, наконецъ, почувствовалъ голодъ и сталъ отыскивать какой нибудь ресторанъ. Я встрѣтилъ ихъ нѣсколько, но ни въ одинъ меня не впустили: въ воскресные дни они запираются также какъ и лавки; встрѣчались вывѣски съ кондитерскими, но и тамъ двери были заперты. И такъ проходилъ я по плохо-вымощеннымъ улицамъ Норд-Чопинга до солнечнаго заката и, рѣшившись возвратиться на свой пароходъ, сталъ искать выхода изъ города. Въ это время увидѣлъ я одну открытую кондитерскую и зашелъ туда. Первый предметъ, попавшійся мнѣ на глаза, былъ кипящій самоваръ; русская надпись, вырѣзанная на его крышкѣ: „Иванъ-Прокофьевъ въ Тулѣ“, повѣяла на меня дорогимъ отечествомъ. Я попросилъ чаю, но увы! шведка приготовила мнѣ такой ужасный напитокъ, котораго я, при всемъ томившемъ меня голодѣ, не могъ пить. Явно было, что въ Норд-Чопингѣ не имѣютъ понятія о русскомъ чаѣ. Заплативъ деньги ни за что, ни про что, я вышелъ изъ кондитерской и уже не искалъ болѣе никакой яствы въ Норд-Чопингѣ, а спѣшилъ на пароходъ, куда и добрался уже ночью.

Отплывши утромъ далѣе, я воспользовался двухъ-часовымъ стояніемъ парохода въ Кольмарѣ и посѣтилъ тамошній соборъ, знаменитый въ исторіи заключеніемъ Кольмарской уніи. Зданіе это съ толстыми черными стѣнами и узкими длинными окнами не готической архитектуры; своды его имѣютъ закругленную форму. Обозрѣть городъ не доставало времени, и осмотрѣвши соборъ, я отправился на паро-

ходъ. Будучи всегда воспріимчивъ къ морской болѣзни, я подвергся ей въ жестокой степени. Мы плыли всю ночь, потомъ цѣлый день, и только къ вечеру другого дня качка стала утихать. Мы прошли мимо острова Рюгена, и я съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на бѣлый, высокій берегъ — мѣсто, гдѣ когда-то находилась божница Свантогита, важнѣйшее религіозное мѣсто языческаго славянства, столь наглядно описанное у Саксона Грамматика и Адама Бременскаго. Мнѣ было жаль, что я не имѣлъ возможности взойти на берегъ и посмотрѣть на это священное мѣсто нашихъ предковъ. Съ солнечнымъ заходомъ мы вступили уже въ Травемюнде — заливъ съ зелеными берегами, по которому пришлось намъ плыть съ добрый часъ. Наконецъ, стало смеркаться, пароходъ засвисталъ и бросилъ якорь.

Мы прибыли въ Любекъ. Ночь была значительно темнѣе шведскихъ ночей; чувствовалось, что мы далеко отшатнулись къ югу. Взявши извозчика, я приказалъ везти себя въ одну изъ гостинницъ, которой адресъ узналъ по своему печатному путеводителю. Мнѣ отвели удобную, покрытую коврами комнату. Утромъ вставши, я пошелъ ходить по городу. Первое, что поражаетъ путешественника въ Любекѣ, это средневѣковый характеръ постройки многихъ изъ его домовъ, изъ которыхъ иные сооружены въ XIII и даже XII вѣкѣ и оставались до сихъ поръ безъ значительныхъ перестроекъ. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, удалось мнѣ посѣтить Нюренбергъ, и я могу сказать, что два города, Любекъ и Нюренбергъ, особенно замѣчательны архитектурнымъ средневѣковымъ характеромъ своихъ домовъ. Я посѣтилъ ратушу, бывшее мѣсто главнаго управленія всего Ганзейскаго Союза, котораго столицею былъ Любекъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, заходилъ въ Maria-Kirche, бывшій нѣкогда патрональный храмъ Любека во время его величія. Церковь построена въ готическомъ стилѣ, очень высока и свѣтла. Мнѣ показали двѣ картины Овербека, нѣсколько картинъ Гольбейна — образцы старонѣмецкой живописной школы и одну замѣчательную фреску, на которой изображенъ танецъ смерти. Этотъ сюжетъ встрѣчается на многихъ старыхъ церквахъ Германіи, но нигдѣ я не видалъ его въ такой полнотѣ и съ яркостію красокъ, какъ въ Любекѣ. Представ-

ляется смерть въ обычномъ видѣ скелета: множество разъ она танцуетъ съ разными лицами и подъ этими лицами подписывается ихъ званіе и положеніе въ свѣтѣ. Смерть танцуетъ съ императоромъ, епископомъ, монахами разныхъ орденовъ, съ рыцаремъ, съ дамою, съ бургомистромъ, съ мѣщаниномъ, мѣщанкою, со старыми и малыми, со знатными и съ нищими. Всякое лицо, танцующее съ смертію, одѣто въ принадлежащій ему парадный костюмъ и потому-то этого рода средневѣковое изображеніе составляетъ очень важный матеріалъ для средневѣковой археологіи, давая возможность изучать уборы всѣхъ сословій средневѣковаго общества. Церковь св. Маріи установлена множествомъ статуй, которыя не были уничтожены и изгнаны во время обращенія ея въ лютеранство. Вообще это одинъ изъ замѣчательныхъ храмовъ средневѣковаго зодчества въ Германіи.

Вечеромъ въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Любека въ Гамбургъ и, простоявши тамъ сутки, поглазѣлъ по городу, который отличается богатствомъ домовъ, но мало заключаетъ въ себѣ остатковъ старины. Я двинулся изъ Гамбурга чрезъ Ганноверъ вплоть до Кельна и прибылъ въ этотъ городъ утромъ на разсвѣтѣ. Величественная хотя и безобразная издали масса недостроеннаго кельнскаго собора виднѣлась уже на желѣзной дорогѣ и представлялась вдали каменною горою. Первымъ дѣломъ моимъ было по пріѣздѣ въ городъ бѣжать въ соборъ. Былъ кстати воскресный день. Я отслушалъ обѣдню, которую отправлялъ тогда архіепископъ. Одинъ изъ служившихъ при церкви, замѣтивши, что я иностранецъ и съ любопытствомъ осматриваю соборъ, пригласилъ меня взойти на хоры, поближе къ органу. Обѣдня служилась съ большимъ торжествомъ: кромѣ органа былъ цѣлый оркестръ музыкантовъ и большая стройная пѣвческая капелла. По окончаніи богослуженія, архіепископъ съ духовенствомъ отправился процессіей по городу. Я пошелъ за толпою и увидѣлъ множество молодыхъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьицахъ, съ вѣнками на головахъ изъ живыхъ цвѣтовъ; онѣ несли впереди образа и разныя священныя вещи. Я узналъ, что это былъ день публичнаго экзамена въ городскомъ училищѣ. Пообѣдавши, я отправился снова въ соборъ и на этотъ разъ сошелся съ однимъ русскимъ,

уроженцемъ Курляндіи, исправлявшемъ при соборѣ должность въ родѣ сторожа или швейцара; онъ началъ обводить меня по всѣмъ закоулкамъ и водилъ на самый верхъ, откуда, чрезъ отверстіе недостроеннаго свода, пріятно долетали снизу звуки органа и церковное пѣніе отправлявшейся вечерни. Съ вершины собора глазъ видитъ весь Кельнъ какъ на ладони. Мой путеводитель указалъ мнѣ разныя церкви, разсѣянныя по городу. Спустившись внизъ въ соборъ, я началъ осматривать ризницу, которую путешественникамъ показывалъ священникъ; здѣсь множество драгоцѣнной утвари, подаренной въ разныя времена въ соборъ императорами. Привыкши въ отечествѣ слышать разсказы о богатствахъ нашихъ монастырей и церквей и повидавши это богатство, я былъ пораженъ тѣмъ что увидѣлъ въ кельнскомъ соборѣ. Всѣ наши церковныя богатства также мелки и ничтожны передъ здѣшними, какъ мелка архитектура нашихъ наиболѣе знаменитыхъ храмовъ передъ поражающимъ величіемъ готическаго собора. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ предметовъ кельнской ризницы — мощи трехъ волхвовъ, поклонявшихся Христу при его рожденіи въ Виѳлеемѣ. Когда я замѣтилъ священнику, что тѣ же мощи показываются и въ Константинополѣ, онъ объяснилъ, что эти самые были когда-то въ Константинополѣ, но перевезены и поставлены въ кельнскомъ соборѣ императоромъ Фридерикомъ Барбаруссою. Самая внутренность собора представляетъ въ началѣ по обѣ стороны готическую колоннаду со сложными колоннами, такъ что нѣсколько колонокъ соединенныхъ одна съ другою, составляютъ одну цѣлую. Вверху эти колонны соединяются между собою стрѣльчатыми перемычками. Соборъ освѣщенъ разрисованными стеклами въ большихъ окнахъ; на лѣвой сторонѣ живопись старая, средневѣковая, а на правой новая, даръ баварскаго короля Людовика, отличается превосходною работою. Готическая колоннада приводитъ къ капеллѣ, освѣщенной огромнымъ куполомъ съ цвѣтными окнами, устроенными между колонками и арками готическаго стиля. По всей капеллѣ вокругъ стѣнъ устроены кругообразно покрытыя коврами мѣста для сидѣнья; прямо передъ алтаремъ родъ скамей; алтарь во время богослуженія очень обильно освѣщался

большими свѣчами: надъ капеллою прямо противъ алтаря — хоры съ органомъ, на которомъ, какъ говорили мнѣ, нѣкогда игралъ знаменитый Бетховенъ. Нельзя представить себѣ что нибудь изящнѣе, великолѣпнѣе этого собора. Религіозное благоговѣніе невольно овладѣваетъ душею при входѣ въ это святилище.

Изъ собора я съ однимъ молодымъ человѣкомъ, студентомъ одного изъ нѣмецкихъ университетовъ, съ которымъ случайно разговорился и познакомился въ соборѣ, отправился въ одну изъ церквей, гдѣ показывали мнѣ, въ сдѣланныхъ въ стѣнѣ нишахъ, за стекломъ, множество человѣчьихъ костей, увѣряя, что это остатки дѣвицъ, избитыхъ гуннами во время нашествія Атиллы. Оттуда студентъ провелъ меня взглянуть на зданіе кельнской гимназіи, которой внутренность отдѣлана въ готическомъ стилѣ; наконецъ, по его же предложенію, отправился въ театръ, гдѣ играли недавно появившуюся оперу Вагнера „Лоэнгринъ“. Какъ на одну изъ особенностей Кельна можно указать, что въ немъ на каждой улицѣ можно видѣть нѣсколько вывѣсокъ, гласящихъ, что здѣсь находится фабрика одеколона подъ фирмою „Johann-Maria Farina“. Невольно придешь въ тупикъ, гдѣ же между этими Фаринами настоящій Фарина? Мнѣ объяснили, что изъ нихъ нѣтъ ни одного настоящаго, что настоящая фирма давно уже прекратила свое существованіе, а теперь, кто хочетъ, тотъ и употребляетъ ее; въ достоинствѣ же они всѣ равны и всѣ хороши. Обиліе одеколона не мѣшаетъ однако улицамъ Кельна отличаться нечистотами и даже вонью, что составляетъ признакъ прирейнскихъ городовъ, вообще уступающихъ въ чистотѣ городамъ сѣверной Германіи. Враги католичества, указывая на этотъ признакъ, приписываютъ его между прочимъ болѣе низкому уровню образованности въ католическомъ обществѣ предъ протестантскимъ. Какъ бы ни было, но мнѣ лично въ Кельнѣ, какъ и вообще въ католическихъ городахъ, казалось гораздо отраднѣе, чѣмъ въ протестанскихъ, гдѣ господствуетъ какая-то сухость духовной жизни. Быть можетъ это происходить отъ относительной близости католичества съ нашимъ русскимъ православіемъ; по крайней мѣрѣ, какъ только пріѣдешь въ католическій городъ и

услышишь звонъ, то чувствуешь что-то родное, близкое сердцу.

На другой день я сѣлъ на пароходъ и поплылъ вверхъ по Рейну, взявши билетъ до Майнца. Путь по Рейну шелъ въ виду необыкновенно живописныхъ горъ съ обѣихъ сторонъ рѣки, усѣянныхъ развалинами рыцарскихъ замковъ. Нельзя сказать, чтобы по красотѣ самой природы рейнскіе берега представляли что-то невиданное и ни съ чѣмъ несравнимое: я думаю, у насъ на Руси Жегули на Волгѣ (между Симбирскомъ и Саратовомъ) и Днѣпровскій берегъ отъ Кіева до Черкасъ не уступаютъ рейнскимъ берегамъ, не говоря уже о южномъ берегѣ Крыма, который несравненно изящнѣе десяти Рейновъ; но чего у насъ нѣтъ и что составляетъ неотъемлемую прелесть прирейнскаго края — это его полуобвалившіеся замки съ ихъ историческими и легендарными воспоминаніями. Плывя по Рейну, я имѣлъ въ рукахъ купленные въ Кельнѣ „Rhein-Sagen“ и читалъ ихъ, повѣряя упоминаемыя въ нихъ мѣстности на самой природѣ. Такъ проплыли мы величественный Драхенфельсъ, отпечатлѣнный въ народной нѣмецкой поэзіи битвою со змѣемъ,— Фюрстенбергъ, гдѣ являлась умершая мать лелѣять свое дитя, доставшееся смѣнившей ее мачихѣ,— замокъ, куда приплылъ таинственный рыцарь на челнѣ, везомомъ бѣлымъ лебедемъ,— Кошку и Мышку — двѣ развалины, стоящія одна близъ другой, о которыхъ сохранилось преданіе, что здѣсь жили непримиримые враги и вели между собою долгія, взаимныя драки,— Зоненштейнъ-Зоннекъ, возобновленный въ недавнее время,— Іоганнисбергъ, съ его виномъ, пользующимся всесвѣтною знаменитостію,— наконецъ, уже близъ Майнца — Мышиную башню, соединенную съ исторіей епископа Гаттона, воспѣтою нѣмецкимъ поэтомъ Уландомъ и всѣмъ намъ знакомую по прекрасной передѣлкѣ Жуковскаго.

Наконецъ, мы прибыли въ Майнцъ. На другой день я побѣжалъ осматривать майнцскій соборъ, драгоцѣнный памятникъ X вѣка романской архитектуры и накупивши себѣ на память рейнскихъ видовъ, отправился по желѣзной дорогѣ во Франкфуртъ, а оттуда въ дилижансѣ въ Киссингенъ — мѣсто, назначенное для моего леченія. Въ Киссин-

генѣ я пробылъ пять недѣль, аккуратно пивши Рагоцци и Пандура и каждый день принимая ванну. Несмотря на убійственную скуку — неразлучную спутницу нѣмецкихъ водяныхъ леченій, я насколько можно разнообразилъ свою жизнь прогулками по обширному и прекрасному лѣсу, окружающему холмистыя окрестности Киссингена. По истеченіи срока леченія отправился я снова во Франкфуртъ, гдѣ сошелся снова съ докторомъ Стефани, съ которымъ разстался еще въ Стокгольмѣ, и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Парижъ. Тамъ пробылъ я около мѣсяца, каждый день безъ устали осматривая всякаго рода достопримѣчательности. Я не стану распространяться о своемъ пребываніи въ Парижѣ, такъ какъ все видѣнное мною было сто разъ описано и многимъ изъ читателей извѣстно по личному опыту.

Въ послѣднихъ числахъ іюля разстался я снова съ Стефани, который направилъ путь свой въ Швейцарію, условившись съѣхаться со мною въ опредѣленный срокъ въ Люцернѣ, а я отправился для морскихъ купаній въ Діеппъ. Проѣзжая черезъ Руанъ, я не утерпѣлъ чтобы не выйти изъ вагона и не остаться здѣсь на полъ-дня, осмотрѣлъ городъ и между прочимъ площадь, на которой нѣкогда происходило сожженіе Орлеанской дѣвы. Оттуда я пріѣхалъ въ Діеппъ. Этотъ небольшой городокъ живетъ почти исключительно купающимися, такъ что большинство домовъ круглый годъ стоятъ пустыми и отдаются только на время купальнаго сезона, продолжающагося какой нибудь мѣсяцъ съ небольшимъ. Купанье въ морѣ здѣсь хорошо, но каменистое дно у берега и сильный прибой волнъ океана часто заставляютъ пріостанавливать купанье, что возвѣщается снятіемъ флага. Здѣсь встрѣтилъ я нѣсколько русскихъ, подобно мнѣ пріѣхавшихъ пользоваться морскою водою и съ нѣкоторыми познакомился. Пробывъ въ Діеппѣ мѣсяцъ, я уѣхалъ снова въ Парижъ, гдѣ обратился къ одному окулисту, который напугалъ меня тѣмъ же, чѣмъ и русскіе врачи. Не довѣряя, однако французскому окулисту, который по своимъ пріемамъ и чрезвычайному самохвальству сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе, я рѣшился отправиться въ Гейдельбергъ къ доктору Хеліусу и поѣхалъ чрезъ Страсбургъ, позволивъ себѣ на пути въ этомъ го-

родѣ осмотрѣть соборъ и взойти на его знаменитую колокольню. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того я былъ уже въ Гейдельбергѣ. Докторъ Хеліусъ произвелъ посредствомъ беллядонны расширеніе моего зрачка, чѣмъ сначала страшно напугалъ меня; но когда черезъ день мои зрачки пришли въ нормальное положеніе, онъ очень утѣшилъ меня, сказавши, что никакого расположенія къ катаракту не видитъ и совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Италію, увѣряя, что какъ только я перевалюсь черезъ Альпы, тотчасъ почувствую облегченіе. Мои боли въ глазахъ онъ приписывалъ геморрою. Я пробылъ въ Гейдельбергѣ четверо сутокъ, гуляя по превосходнымъ окрестностямъ этого города и два раза посѣтивши его знаменитый замокъ, котораго развалины сохранились въ лучшемъ видѣ, чѣмъ большая часть средневѣковыхъ замковъ Германіи.

Изъ Гейдельберга я поѣхалъ въ Швейцарію. Уже отъ самаго Баденъ-Бадена можно чувствовать и наблюдать приближеніе къ горной полосѣ Альпъ: почва становится болѣе и болѣе неровною и холмистою и съ каждымъ шагомъ горы становятся выше и выше. Я прибылъ въ Базель, бѣгло осмотрѣлъ его и пріѣхалъ въ Люцернъ. Своего товарища доктора я не засталъ по обѣщанію, и въ надеждѣ, что онъ постарается прибыть сюда черезъ день или черезъ два, рѣшился употребить свое одиночество на плаваніе по озеру Четырехъ лѣсныхъ кантоновъ. Виды на этомъ озерѣ показались мнѣ до того живописны, что воображеніе едва ли могло создать что либо прекраснѣе. Нанятые мною лодочники возили меня на пункты, съ которыми соединялись историческія преданія, священныя для памяти швейцарцевъ: мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, собирались заговорщики, предпринявшіе дѣло освобожденія отечества, и капеллу Вильгельма Телля, построенную на томъ мѣстѣ, гдѣ это лицо, чуть не мионческое, взятое въ неволю, успѣло соскочить съ лодки и выпрыгнуть на берегъ. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ захотѣлось совершить восхожденіе на вершину Риги, высокой горы надъ Швицомъ: я нанялъ лошадь съ проводникомъ за двадцать франковъ и поѣхалъ. Путь, лежащій туда, чрезвычайно живописенъ. Взъѣхавши на высоту, но еще не достигая вершины, можно любоваться

безконечною грядою Альпъ съ самыми разнообразными очертаніями ихъ снѣжныхъ верховъ; но когда мы начали подыматься уже къ самой вершинѣ Риги, насъ покрыло густое облако и, достигши вершины, мы ничего не могли видѣть. У построенной тамъ гостинницы встрѣтилъ я цѣлый таборъ путешественниковъ-англичанъ обоего пола, пріѣхавшихъ сюда затѣмъ же, зачѣмъ и я, также какъ и я обманутыхъ въ своихъ надеждахъ. Въ гостинницѣ не было для меня помѣщенія и потому, не оставаясь тамъ ночевать, я повернулъ съ горы и уже поздно прибылъ въ Швицъ, гдѣ остановился въ очень плохой гостинницѣ, а переночевавши тамъ на пароходѣ, поплылъ въ Люцернъ. Тамъ встрѣтился я съ ожидаемымъ товарищемъ, и мы въ тотъ же день отправились по озеру на Флюэлленъ и тамъ наняли себѣ экипажъ, который долженъ былъ насъ провезти черезъ Альпы до берега Лаго-Маджіоре. Мы проѣхали черезъ Альтдорфъ, гдѣ увидѣли статую Вильгельма Телля, поставленную на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, онъ, по приказанію Геслера, стрѣлялъ изъ лука въ яблоко, положенное на голову своего сына. Къ вечеру мы достигли до Чортова моста, столь знаменитаго въ русской исторіи по переходу Суворова. Мѣстность чрезвычайно мрачная и дикая: съ горныхъ вершинъ бьетъ водопадъ, шумъ котораго слышенъ за нѣсколько верстъ; вокругъ на скалахъ нѣтъ ни стебелька. Подвигаясь все выше и выше, мы начали чувствовать сильный холодъ и къ свѣту были на вершинѣ Сенъ-Готарда. Съ солнечнымъ восходомъ увидали мы, что стоимъ на ледяной корѣ, а по всѣмъ сторонамъ розовый блескъ восходящаго солнца румянилъ снѣжныя вершины Альпъ. На нѣсколько времени мы пристали къ францискан-скимъ монахамъ, содержавшимъ тамъ нѣчто въ родѣ пристанища для путниковъ. Несмотря на солнечный свѣтъ, холодъ былъ до того пронзителенъ, что напоминалъ намъ конецъ русскаго ноября. Съ этихъ мѣстъ дорога наша пошла внизъ и дѣлалась особенно привлекательною: безпрестанно съѣзжая съ альпійскаго хребта, мы слѣдовали зигзагами, и нерѣдко мнѣ казалось, что мы летимъ въ пропасть, такъ какъ внизу ничего не было видно и гора представлялась отвѣсною; но сдѣлавши нѣсколько шаговъ, въ виду

паденія, мы всегда останавливались и потомъ поворачивали, дѣлая уголъ для того, чтобы снова видимо падать и опять останавливаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ нашими глазами проходили одинъ за другимъ разные климаты: находясь на горныхъ вершинахъ, мы видѣли только мохъ и лишаи на камняхъ; спустившись пониже, мы ѣхали посреди мелкорослаго кустарника сѣверныхъ породъ, какія можно встрѣчать только въ Лапландіи; спустившись ниже, мы очутились посреди хвойныхъ деревьевъ; еще ниже — появились березы и осины; потомъ липы, клены, наконецъ дубы, а еще ниже: буки, чинары и виноградныя лозы. Температура все дѣлалась выше и выше. При солнечномъ восходѣ было такъ холодно, что впору было одѣться въ шубу, а въ полдень солнечный зной возбуждалъ жажду.

Мы ѣхали по Тессинскому кантону, населенному итальянскимъ народомъ, хотя принадлежавшимъ по политической связи къ Гельветическому Союзу; проминули живописную Беллинсону, красовавшуюся своимъ средневѣковымъ замкомъ; наконецъ, все спускаясь ниже и ниже, уже послѣ солнечнаго заката, прибыли мы въ Лугано на самомъ берегу Лаго-Маджіоре. Мы помѣстились въ гостинницѣ, гдѣ намъ дали хорошо-убранныя комнаты со стеклянною дверью на балконъ, выходившій прямо на озеро. Полная луна осеребрила волны озера; въ городкѣ отправлялся какой-то національный праздникъ; слышно было веселое пѣніе, разгульные крики; пѣли какую-то хоровую пѣсню, которой куплеты оканчивались много разъ повторяемымъ припѣвомъ:

Noisiamo piccoli
Ma grande la nostra liberta *)-

При этомъ раздавались звуки инструментовъ. Цѣлую ночь продолжалась эта народная гулянка. Утромъ, проснувшись, я былъ пораженъ великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ голубыхъ волнъ озера и яркою зеленью, покрывавшею холмы, окаймлявшіе его берегъ. Отсюда мы поплыли по озеру до Лявино — городка, находящагося въ Италіи. Изъ Лявино мы сдѣлали поѣздку на Барромейскіе острова и тамъ осматривали

*) Мы малы, да велика наша свобода.

замокъ, принадлежавшій князьямъ Барромеямъ. Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ апельсинныя и лимонныя деревья, которыя могутъ расти въ этой мѣстности благодаря тому, что она защищена съ сѣвера Альпами, тогда какъ на равнинѣ Ломбардіи они уже не растутъ. Вода въ Лаго-Маджіоре, какъ и во всѣхъ озерахъ сѣверной Италіи и Швейцаріи, до того свѣтится голубымъ отливомъ, что онъ замѣтенъ даже и въ стаканѣ, если въ него зачерпнуть этой воды. Отсюда мы поплыли на Комское озеро, которое хотя и уже Лаго-Маджіоре, но отличается еще болѣе красивыми берегами, живописно усѣянными затѣйливыми виллами разнообразной постройки. Мы причалили къ городу Комо и здѣсь сѣли въ вагонъ желѣзной дороги, которая часа черезъ три доставила насъ въ Миланъ. Пробывъ въ Миланѣ три дня, полюбовавшись миланскимъ соборомъ съ его затѣйливою архитектурою и тремя тысячами мраморныхъ статуй, уставленныхъ на краю его мраморныхъ стѣнъ, мы всходили на вершину его купола подъ колоссальную статую Богородицы, посѣтили также церковь Амвросія, въ которой намъ показывали за деньги мощи св. епископа этого имени, побывали въ громадномъ театрѣ Della Scala и пустились въ Верону. Здѣсь было также кое-что посмотрѣть. Насъ водили въ домъ, гдѣ жилъ Данте, показывали его карету, указали на домъ, въ которомъ будто бы жили Капулетти, но всего интереснѣе было обозрѣть огромнѣйшій римскій амфитеатръ, сохранившійся въ цѣлости со всѣми признаками старой архитектуры этого рода зданій; весь онъ представляетъ полукруглую каменную лѣстницу, которой ступени служили для зрителей; внизу было открытое мѣсто для арены, а подъ нею подземелье, изъ котораго выпускали звѣрей и выводили несчастныхъ осужденныхъ драться съ ними и утѣшать дикую римскую публику своими страданіями.

Изъ Вероны мы отправились въ Венецію, прибыли въ нее желѣзною дорогою по великолѣпному мосту, устроенному черезъ море. Наступала уже ночь. Высадившись изъ вагона, мы достигли въ гондолахъ до площади св. Марка, которая въ то время была освѣщена множествомъ разноцвѣтныхъ огней, кишила безчисленными толпами веселившагося на-

рода и оглашалось оркестромъ, увеселявшимъ танцующихъ на мостовой подъ открытымъ небомъ. Луна была въ своемъ полномъ блескѣ и ея свѣтъ, сливаясь со свѣтомъ городскихъ и увеселительныхъ огней, представлялъ необычное, удивительное зрѣлище. Я пробылъ въ Венеціи пять дней. Нельзя себѣ представить города, къ которому такъ трудно было пріучиться: чуть не на каждомъ шагу мостики черезъ каналы, витыя узкія улицы съ такими огромными домами, что солнцу невозможно проникать между ними, и — ни одной лошади. Первымъ дѣломъ моимъ было пойти въ церковь св. Марка, и мнѣ представилось въ ней что-то давно знакомое: это мозаика стѣнъ, припоминавшая мнѣ кіевскую Софію, но несравненно въ богатѣйшемъ видѣ. На наружныхъ стѣнахъ входа и въ сѣняхъ — символическія изображенія, относящіяся собственно къ Венеціи: Венеція изображена въ видѣ женщины красавицы, la bella Venetia даетъ власть своему дожу. Архитектура церкви византійская и напоминаетъ нашу православную церковь. Всѣ ея столбы и стѣны покрыты мозаикою превосходной работы. Въ числѣ священныхъ вещей показываютъ кусокъ исписаннаго пергамента и говорятъ, будто это часть собственноручнаго евангелія св. Марка. Я всходилъ на колокольню, куда всходъ очень отлогъ и потому удобенъ. На вершинѣ колокольни увидѣлъ я всю чудную Венецію съ безчисленнымъ множествомъ каналовъ и островковъ, ее окружающихъ. Палацъ дожей, находящійся близъ самой церкви, былъ также обойденъ мною. Кромѣ превосходной галлереи живописи и портретовъ всѣхъ венеціанскихъ дожей, за исключеніемъ Марино Фальери, казненнаго и потому выброшеннаго изъ списка дожей, видѣлъ я залу „совѣта пятисотъ“, страшную комнату „совѣта десяти“. Внизу зданія — темные „pozzi“ — тюрьмы, гдѣ содержались преступники; близъ этихъ тюремъ — выходъ въ море, куда, по приговору суда, выводили ихъ топить, а вверху зданія дворца не менѣе ужасные „piombi“ — низкіе чердаки подъ свинцовою крышею, куда, въ видѣ пытки, засаживали осужденныхъ и томили невыносимою духотою отъ раскаленной металлической крыши. Осмотрѣвши всѣ достопримѣчательности и прокатившись на гондолѣ вдоль Canale Grande, унизаннаго торчащими

въ водѣ дворцами съ крыльцами, на которыя плескала вода канала, я сѣлъ на пароходъ и отплылъ въ Тріестъ. Городъ этотъ показался мнѣ съ типическимъ характеромъ новыхъ торговыхъ городовъ и во многомъ напомнилъ мнѣ нашу Одессу. Италіанскій языкъ въ немъ господствуетъ повсюду. На улицахъ поразили меня ѣхавшіе на волахъ поселяне, по костюму и всему наружному виду похожіе на нашихъ малорусскихъ чумаковъ. Остановившись, я прислушался къ ихъ рѣчи, но услыхалъ италіанскій языкъ. Изъ разспросовъ о томъ — кто они, я узналъ, что они славяне изъ окрестныхъ селеній, усвоившіе, при частомъ посѣщеніи города, италіанскій языкъ. Пробывъ въ Тріестѣ день, я выѣхалъ на ночь и взялъ нарочно мѣсто въ вагонѣ III класса, чтобы находиться въ общеніи съ простымъ народомъ, такъ какъ зналъ, что путь лежалъ черезъ славянскій край и мнѣ хотѣлось видѣть не публику, вездѣ одинаковую, но народъ, удерживающій признаки своихъ вѣковыхъ особенностей. Я не обманулся. Въ вагонъ безпрестанно прибывали и убывали изъ него лица обоего пола, принадлежащія къ мѣстному народу. Я повсюду слышалъ славянскую рѣчь, которой однако, хорошо понимать не могъ, такъ какъ всѣ говорили на мѣстномъ иллирскомъ нарѣчіи, а я ему никогда не учился. Тѣмъ не менѣе невыразимо пріятно, послѣ долгихъ мѣсяцевъ пребыванія въ краяхъ, говорящихъ языками чужихъ корней, услышать болѣе или менѣе родныя слова, по крайней мѣрѣ предметовъ общихъ, какъ, напримѣръ, названіе воды, хлѣба и т. п. Что мнѣ бросилось особенно въ глаза, это была опрятность въ одеждѣ иллирскихъ славянъ и замѣчательная красота лицъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ. Тогда мнѣ пришло въ голову, что славянское племя должно быть самое красивое между европейскими племенами и это бросалось въ глаза особенно послѣ Италіи, гдѣ простонародныя женщины никакъ не могутъ пощеголять ни красотою, ни опрятностью. Я остановился на день въ Люблянѣ, носящей по-нѣмецки названіе Лайбаха. Городъ лежитъ на значительной высотѣ отъ уровня моря и потому въ немъ показалось мнѣ прохладнѣе, чѣмъ того можно было ожидать сообразно съ первою половиною сентября. Я зашелъ въ книжную лавку и сталъ спрашивать славянскихъ

книгъ. Книгопродавецъ былъ, какъ видно, ультра-нѣмецъ, и окинувъ меня подозрительнымъ взглядомъ, насмѣшливо сказалъ: „Oh! die slawischen Dummheiten sind schon längst vorbei!“ *). Однакоже, онъ дозволилъ мнѣ самому отобрать, что̀ мнѣ угодно, на указанной имъ полкѣ, гдѣ лежали книги на мѣстномъ славянскомъ нарѣчіи. Я отобралъ себѣ нѣсколько брошюръ и отправился изъ лавки бродить по городу. Все отзывалось здѣсь нѣметчиной; но когда я забрелъ на рынокъ, тамъ увидалъ толпу простонародія въ тѣхъ же одеждахъ, съ которыми познакомился на желѣзной дорогѣ и и услыхалъ хотя почти незнакомую, но все-таки не совершенно чуждую мнѣ славянскую рѣчь. И такъ я понялъ, что славянство не умерло здѣсь, но прозябаетъ въ одной низменной сферѣ рабочаго народа — удѣлъ, одинакій для многихъ изъ славянскихъ народностей.

Я выѣхалъ изъ Любляны въ Гратцъ, остановился тамъ на полъ-дня и отправился въ Вѣну. Путь лежалъ черезъ знаменитый Земмерингъ. Желѣзная дорога подымается на огромную высоту и рядъ вагоновъ идетъ по окрайнѣ пропастей, въ которыя заглянуть такъ страшно, что дѣлается головокруженіе. Я воображалъ себѣ, что должно было сдѣлаться со всѣми нами, еслибы въ этихъ мѣстахъ вагоны сошли съ рельсовъ. Но все обошлось благополучно, какъ всегда, и достигши самой большой высоты, мы стали спускаться. Этотъ подъемъ на неприступныя высоты и спускъ съ нихъ показались мнѣ дивомъ современнаго искусства. Наконецъ я достигъ Вѣны. Въ Вѣнѣ я пробылъ двѣ недѣли, каждый день осматривая всякія достопримѣчательности, которыя описывать считаю лишнимъ, какъ болѣе или менѣе извѣстныя; скажу только, что меня особенно поразило въ столицѣ Астрійской Имперіи необыкновенныя для большого города чистота и свѣжесть воздуха. Дни были ясные и теплые, и, несмотря на приближеніе къ концу сентября, я каждое утро ходилъ изъ Мачакергофъ — гостинница, гдѣ я остановился — купаться въ Діанабадъ — превосходное заведеніе съ большимъ бассейномъ, разнообразными душами и паровыми банями. Пропотѣвшихъ въ этихъ баняхъ пускаютъ подъ холодныя души.

*) Эти славянскія глупости давно уже прошли.

Изъ Вѣны отправился я въ Прагу, гдѣ пробылъ около недѣли. Здѣсь первымъ дѣломъ моимъ было обратиться къ почтенному блаженной памяти патріарху чешскаго славянства Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ. Узнавши, что я русскій и притомъ припомнивши мою фамилію, какъ переводчика на малорусскій языкъ Краледворской рукописи, Ганка принялъ меня какъ самаго близкаго человѣка, водилъ меня по всей Прагѣ, ѣздилъ со мною на Петчинъ любоваться видомъ на городъ;— въ Градчинъ, гдѣ мы съ нимъ осматривали соборъ св. Вита съ могилами чешскихъ королей, дворецъ, находящійся близъ собора, посѣтили вмѣстѣ съ нимъ университетскую библіотеку, побывали и въ чешскомъ театрѣ. Тогда Прага казалась еще совершенно нѣмецкимъ городомъ; не было въ ней и тѣни той славянской или, лучше сказать, славянствующей физіономіи, какую она приняла послѣ послѣдней конституціи и какую я засталъ въ ней, вторично посѣтивши ее въ 1864 году. По-славянски никто не отваживался говорить, и большинство считало это признакомъ невоспитанности. В. В. Ганка любезно надѣлилъ меня всѣми своими произведеніями и изданіями, а я, вдобавокъ, накупилъ чешскихъ книгъ и отправился въ Дрезденъ. Здѣсь сошелся я съ моимъ товарищемъ докторомъ, съ которымъ разстался еще въ Тріестѣ. Мы вмѣстѣ осмотрѣли дрезденскія достопримѣчательности: картинную галлерею и „зеленый сводъ“ (Grüne Gewœlbe), хранилище разныхъ регалій и королевскихъ украшеній, и затѣмъ отправились въ Берлинъ, а черезъ недѣлю уѣхали изъ Берлина въ Штеттинъ, гдѣ сѣли на русскій пароходъ, доставившій насъ благополучно въ Петербургъ.

Первою и отрадною вѣстью, пріятно поразившею меня въ отечествѣ, былъ слухъ о томъ, что готовится освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и что на дняхъ долженъ выйти манифестъ объ учрежденіи по этому предмету комитетовъ во всѣхъ губерніяхъ. Пробывши въ Петербургѣ недѣлю, я уѣхалъ въ Москву и тамъ согласился со встрѣтившимся саратовскимъ купцомъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ до Саратова. Въ назначенное заранѣе время мы поѣхали туда на половинныхъ издержкахъ въ его экипажѣ, и ѣхали медленно, хотя и на почтовыхъ, потому что дорога, какъ и

надобно было надѣяться, по причинѣ поздней осени была до крайности негостепріимна. Въ городѣ Саранскѣ я встрѣтилъ на станціи случайно проѣзжавшаго жителя того края, который разсказалъ мнѣ событіе, случившееся въ саранскомъ уѣздѣ во время Пугачева. Одинъ баринъ заколотилъ свою жену для того, чтобы имѣть возможность жениться на своей любовницѣ. Въ то время, когда жена лежала мертвая на столѣ, прибылъ къ отцу въ гости сынъ, служившій гдѣ-то въ полку, и догадавшись, что мать его умерла насильственною смертію отъ руки отца, рѣшился мстить отцу: ушелъ къ разбойникамъ, сдѣлался предводителемъ шайки и ночью напалъ на отцовскій дворъ. Предувѣдомленный заранѣе отецъ успѣлъ убѣжать съ новою женою, а сынъ въ досадѣ сжегъ отцовскую усадьбу, но скоро былъ застигнутъ войскомъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ. Разсказчикъ объяснилъ мнѣ, что дворъ, въ которомъ все это происходило, находился за нѣсколько верстъ отъ Саранска и я, ѣдучи туда, проминулъ это мѣсто. Разсказъ этотъ внушилъ мнѣ мысль изложить это событіе въ видѣ повѣсти, но отнести его вмѣсто XVIII вѣка въ XVII-й, къ эпохѣ Стеньки Разина, для того, чтобъ имѣть возможность изобразить бытъ и нравы XVII вѣка, мнѣ болѣе знакомаго по занятіямъ, чѣмъ XVIII-й.

Наконецъ я прибылъ въ Саратовъ. Не стану описывать радости свиданія съ матерью послѣ долгой разлуки. Отъ матушки я узналъ, что въ мое отсутствіе проѣзжалъ черезъ Саратовъ и заѣзжалъ ко мнѣ освобожденный изъ ссылки Шевченко. Спустя немного времени до меня дошла вѣсть, что его не пустили въ Петербургъ, а велѣли ему оставаться въ Нижнемъ Новгородѣ. Члены пароходной компаніи тамъ его дружелюбно приняли и пріютили.

Въ Саратовѣ я принялся за свои обычныя занятія и, перебравши свои выписки о внутренней исторіи древней Россіи, началъ писать очеркъ домашняго быта и нравовъ великорусскаго народа, чѣмъ и занимался всю зиму. Въ апрѣлѣ 1858 года я принялся писать „Бунтъ Стеньки Разина“, а въ маѣ, согласившись съ директоромъ саратовской гимназіи Мейеромъ, предпринялъ путешествіе на югъ губерніи. Мы прибыли въ Дубовку, проѣхавши туда по нѣ-

мецкимъ колоніямъ, которыхъ было такъ много, что мнѣ показалось, будто я очутился въ Германіи. Въ Дубовкѣ меня увлекло знакомство съ раскольниками разныхъ толковъ и преимущественно съ молоканами. Хозяинъ, у котораго мы квартировали, познакомилъ меня съ тамошнимъ купцомъ Онуфріемъ Ивановичемъ Козѣевымъ, который былъ нѣкогда главою молоканъ, но потомъ обратился въ православіе и, по свидѣтельству мѣстнаго протоіерея, былъ человѣкъ примѣрнаго благочестія и нравственности. Я нашелъ въ этомъ купцѣ необыкновенно умнаго и глубоко-начитаннаго въ священномъ писаніи старика лѣтъ шестидесяти слишкомъ. Онъ сознавался, что былъ ревностнѣйшій молоканъ и, своими убѣжденіями, совратилъ очень многихъ въ свою секту; прочиталъ мнѣ сочиненное имъ нѣкогда прошеніе государю Александру Павловичу отъ лица всего молоканскаго общества о позволеніи молоканамъ свободно отправлять свою религію и послать въ Дерптъ молодыхъ людей для изученія богословія въ протестантскомъ духѣ. „Однажды“, говорилъ онъ, „узнавши, что сарептскіе нѣмцы вѣрятъ подобно намъ, я ѣздилъ въ Сарепту потолковать съ тамошнимъ пасторомъ; но пасторъ, выслушавши меня, сказалъ: ты мужикъ — и никакой наукѣ не учился а разсуждаешь о томъ, чего самъ не понимаешь; какой вѣры быть приказываетъ тебѣ царь, такой и будь; намъ позволяетъ царь быть своей вѣры, а вамъ не позволяетъ,— стало быть вамъ и не нужно, и что приказываетъ тебѣ царь, то и дѣлай, а на насъ не смотри: мы — нѣмцы, иностранцы, у насъ своя вѣра, а у васъ своя русская и вы не затѣвайте иной, а вѣрьте такъ, какъ вамъ велятъ вѣрить“. Времена царствованія Александра I-го были блаженными временами для сектантовъ; но съ наступленіемъ новаго царствованія стали ихъ стѣснять и преслѣдовать. Многихъ, объявленныхъ распространителями лжеученія, высѣкли кнутомъ, помѣтили клеймами и сослали въ каторгу; другихъ, за упорство, стали выселять на Кавказъ. Тѣмъ, которые оставались пока на родинѣ, запрещалось выѣзжать далѣе тридцати верстъ, записываться въ гильдіи, отдавать дѣтей въ училища; не принимали ихъ свидѣтельствъ въ судебныхъ дѣлахъ. Козѣевъ, изъ страха, чтобы не открылись его дѣла по совра-

щенію православныхъ, принялъ православіе самъ, но потомъ, мало-по-малу, вошелъ во вкусъ къ новому своему вѣроисповѣданію и пришелъ къ убѣжденію, что многое, за что стоятъ молокане, хотя имѣетъ основаніе, но вполнѣ совмѣстимо съ православіемъ, а иное толкуется молоканами превратно. Въ порывѣ своей преданности къ православію, Козѣевъ написалъ большое сочиненіе о необходимости принимать обрядовое крещеніе и привелъ въ своемъ сочиненіи изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта множество мѣстъ, гдѣ говорится о водѣ. Онъ читалъ мнѣ свое сочиненіе. Я замѣтилъ, что иныя мѣста приведены имъ совсѣмъ некстати, такъ, что хотя тамъ и говорится о водѣ, но ко крещенію это не имѣетъ никакого отношенія. Относительно ненависти, какую молокане питаютъ къ святымъ иконамъ и вообще къ признакамъ наружнаго благочестія, Козѣевъ сталъ на такую точку зрѣнія, что хотя считалъ дозволительнымъ и не противнымъ христіанству то, что въ этомъ случаѣ допускаетъ православная церковь, но не признавалъ внѣшности главнымъ дѣломъ спасенія и называлъ невѣжествомъ тѣ взгляды на наружное благочестіе, которые распространены въ массѣ православнаго простонародія. Изъ всего оказывалось, что хотя Козѣевъ искренно обратился къ православію, но его православіе осталось сильно пропитаннымъ взглядомъ секты духовныхъ христіанъ, какъ называютъ себя молокане. Кромѣ Козѣева, познакомился я съ молоканскимъ домомъ купцовъ Крючковыхъ, отъ которыхъ слышалъ горькую жалобу на клеветы, какими чернятъ молоканъ, разсказывая будто ихъ ученіе дозволяетъ дѣлать фальшивую монету и передерживать бѣглыхъ солдатъ, а также будто молокане по принципу не признаютъ достойными уваженія никакихъ властей. Въ опроверженіе этихъ клеветъ, мнѣ указали на дубовскаго молокана, возвратившагося съ крымской войны съ георгіевскимъ крестомъ, полученнымъ при оборонѣ Севастополя. „Вотъ“, говорили они, „нашъ человѣкъ, а служилъ государю и защищалъ отечество“. Кромѣ молоканъ, я имѣлъ случай познакомиться съ раскольниками другихъ сектъ. Приводили ко мнѣ одного субботника, рыбнаго торговца, большого фанатика, доказывавшаго, что теперь слѣдуетъ совершать ветхозавѣтныя

жертвы; потомъ одного табачнаго торговца, разсказывавшаго, что углубившись въ размышленія о духовныхъ вопросахъ, онъ переходилъ изъ одной секты въ другую, пока наконецъ ему Богъ послалъ видѣніе: явилась Божія Матерь — и умъ его направился къ православію. Потолковавши нѣсколько дней съ дубовскими сектантами, мы отправились въ Царицынъ, гдѣ я забралъ, по порученію губернатора, дѣла, относящіяся къ эпохѣ пугачевскаго бунта. Услыхавши, что за нѣсколько верстъ отъ Царицына живетъ престарѣлый поселянинъ болѣе ста лѣтъ отъ роду, бывшій уже взрослымъ во время Пугачева и видавшій лично этого знаменитаго мятежника, я отправился къ нему и увидѣлъ истинную ходячую древность. Онъ разсказалъ, что помнитъ тотъ день, когда Пугачевъ прибѣжалъ въ Царицынъ, пытался его взять, но храбрый комендантъ Цыплятовъ отбилъ его шайку, уже по пятамъ преслѣдуемую Михельсономъ, и какъ Пугачевъ со своими товарищами переправлялся на другой берегъ Волги. Когда я завелъ рѣчь о Стенькѣ Разинѣ, старикъ сообщилъ мнѣ слышанныя имъ давно уже преданія, помѣщенныя мною въ концѣ моей книги. Какая-то старуха, сидѣвшая здѣсь въ качествѣ гостьи, услышавши, что я спрашиваю о Стенькѣ Разинѣ, принялась-было лгать и увѣрять, что видѣла Стеньку Разина, не зная, какъ видно, подлинно, когда это извѣстное народу лицо жило на свѣтѣ.

Изъ Царицына поѣхали мы въ Сарепту. Эта гернгутерская колонія представляетъ необыкновенное зрѣлище: посреди калмыцкихъ степей — дикой пустыни, предъ вами какъ изъ подъ земли, выростаетъ чисто-нѣмецкій городокъ, красивый, благоустроенный, съ улицами, обсаженными тополями, со скверомъ и фонтаномъ посреди его, съ чистыми домами нѣмецкой архитектуры и съ европейскимъ хозяйствомъ огородовъ и принадлежащихъ колоніи полей. Мы остановились въ гостинницѣ, устроенной отъ общества и содержимой на общественный счетъ. Въ этой гостинницѣ столъ очень удовлетворителенъ, но насъ мучили всю ночь клопы, чего я никакъ не могъ ожидать, такъ какъ, путешествуя по нѣмецкой землѣ, нигдѣ не попадалъ на это насѣкомое и привыкъ воображать, что у нѣмцевъ не можетъ быть такого признака неопрятности. Утромъ, въ воскресный

день, я отправился въ церковь, построенную въ формѣ дома противъ тѣнистаго сквера съ фонтаномъ. Тамъ узналъ я, что въ этотъ день будетъ отправляться погребеніе скончавшагося форштегера колоніи. Походивши по колоніи и дождавшись начала богослуженія, я направился къ церкви, но не могъ въ нее пробраться: тѣло усопшаго форштегера уже внесли туда и за нимъ толпами валили колонисты въ своихъ праздничныхъ и какъ бы форменныхъ нарядахъ: мужчины были одѣты въ черныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ панталонахъ и жилетахъ, женщины — въ голубыхъ юбкахъ, бѣлыхъ пелеринкахъ и чепчикахъ съ голубыми лентами. На паперти я разговорился и познакомился съ директоромъ училищъ колоніи, который предложилъ мнѣ осмотрѣть мужское и женское училища. Мы отправились въ ихъ помѣщеніе. Судя по предметамъ преподаванія, оба училища имѣли видъ гимназій и содержались въ большой опрятности; всѣ учебныя пособія были разложены и сберегаемы въ образцовомъ порядкѣ. Преподаваніе шло по нѣмецки, но на русскій языкъ обращалось большое вниманіе, и его основательное знаніе признавалось необходимымъ для полученія аттестата. Самъ директоръ говорилъ правильно по-русски и объяснялъ мнѣ нѣкоторыя особенности религіознаго и общественнаго быта гернгутеровъ. Секта эта ведетъ свое начало не отъ лютеровской реформаціи, а отъ Гусса, и по этому у нихъ празднуется день сожженія Гусса. Главнымъ основаніемъ ихъ ученія — братская любовь. Прежде у нихъ общество держалось на коммунистическихъ началахъ: не было собственности; всѣ должны были трудиться въ пользу общества и получать отъ него средства къ жизни; бракъ считался необходимымъ дѣломъ, а вступавшій въ него получалъ отъ общества домъ со всѣмъ хозяйствомъ и за то былъ обязанъ работать на общество сообразно своей подготовкѣ; въ случаѣ смерти хозяина, вдова его если не выходила замужъ въ другой разъ, помѣщалась на жительство во вдовьемъ домѣ; безбрачными оставались только больные, или слабоумные. Въ прежнія времена браки у нихъ совершались не по взаимному желанію, а по жребію: пасторъ вынималъ изъ урны написанныя имена юношей и дѣвицъ и чьи имена совпадали при вынутіи ихъ, тѣ обязаны были сочетаться

бракомъ. Такой странный для насъ способъ соединенія оправдывался тѣмъ взглядомъ, что всѣ люди — братья, всѣ равны между собою и не должны предпочитать однихъ другимъ, а въ устроеніи своей судьбы должны положиться на волю Бога, который лучше насъ самихъ устроитъ для насъ то, что нужно для нашего спасенія. Не допускались никакіе суды и тяжбы, кромѣ приговора пастора или цѣлаго общества; впрочемъ, при отсутствіи собственности, тяжбы становились немыслимыми. Трудъ считался дѣломъ необходимымъ для христіанина; всѣ дни въ недѣлѣ, исключая воскресенья, гернгутеръ обязанъ былъ работать безъ устали; всякія свѣтскія забавы возбранялись вступавшему въ братство: ни театровъ, ни танцевъ не позволялось; даже чтеніе легкаго содержанія книгъ считалось неодобрительнымъ дѣломъ. Чистота такого общественнаго строя не могла удержаться долго и уже нарушилась; сохранялась болѣе одна формальность старыхъ принциповъ; существовалъ, правда, общественный капиталъ, употребляемый по приговору общества, но многіе изъ братьевъ завели на собственный счетъ хозяйственныя и ремесленныя заведенія и вели сами свою торговлю. Общество разлагалось не безъ важныхъ злоупотребленій: бывали случаи, что члены братства, получивши отъ общества какое нибудь порученіе, мѣсто того, чтобы трудиться для общественныхъ выгодъ, стали обращать въ свою пользу то, что должно было вноситься въ общественный складъ и такіе случаи подали поводъ къ тому, что гернгутеры утратили прежнее доброе о себѣ мнѣніе; ихъ стали называть протестантскими іезуитами и ханжами, такъ какъ въ наружномъ видѣ гернгутера и въ рѣчахъ его все, повидимому, дышало благочестіемъ, а тайные поступки его часто были вовсе не благочестивы. Теперь въ колоніи есть и богатые и бѣдные, а многіе ведутъ промыслы чисто отъ самихъ себя. За-то и самая культура колоніи, съ паденіемъ строгой общинности значительно умалилась; лѣтъ сорокъ, напримѣръ, назадъ, колонія славилась производствомъ бумажныхъ тканей, по всей Россіи извѣстныхъ подъ именемъ сарпинокъ; въ колоніи въ большомъ изобиліи работалась глиняная посуда очень красивой отдѣлки; оттуда вывозились пряники, сла-

вившіеся своимъ вкусомъ;— теперь все это упало тѣмъ болѣе, что и въ другихъ колоніяхъ, не гернгутерскихъ, стали производить тоже. Въ старину былъ въ большой славѣ сарептскій табакъ курительный и нюхательный; теперь эта промышленность также упала; осталось въ болѣе цвѣтущемъ состояніи одно: добываніе и приготовленіе горчицы и горчичнаго масла, но и этимъ занимается менѣе общество, чѣмъ одинъ изъ членовъ его, Гличъ, ведущій дѣла на собственный счетъ. Колонія существуетъ уже болѣе ста лѣтъ, но ея населеніе почти не увеличивается, потому что очень многіе нажившись, выходили изъ братства, заводили себѣ торговлю по разнымъ городамъ, а иные уѣзжали за-границу. Самое образованіе юношества хотя ведется въ порядкѣ, но уже не съ такимъ блескомъ, какъ бывало прежде. Нѣкогда сюда отдавали учиться дѣтей богатые русскіе помѣщики,— теперь это совершенно прекратилось. Директоръ сообщилъ мнѣ, что это произошло оттого, что правительство стало смотрѣть неблагосклонно на такіе случаи, опасаясь, чтобы гернгутеры не совращали русское юношество съ православія. Гернгутеры, поселившись въ Сарептѣ, думали принять на себя миссію распространенія христіанства между калмыками, но и того правительство имъ не дозволило, желая, чтобы калмыки, если захотятъ креститься, поступали въ православную церковь, а не въ иновѣрческую.

Потолковавши съ директоромъ и осмотрѣвши училище, я снова направился къ церкви и дождался пока тѣло форштегера вынесли изъ нее. Вслѣдъ за нимъ и за шедшимъ позади тѣла пасторомъ, шли попарно колонисты обоего пола на кладбище, находящееся неподалеку отъ церкви и огороженное каменною стѣною. Мнѣ представился рядъ могилъ на равномъ одна отъ другой разстояніи, съ одинаковыми камнями, на которыхъ вырѣзаны были слова, заключавшія имя погребеннаго, потомъ годъ и день его рожденія и кончины. Усопшаго форштегера опустили въ могилу и стали зарывать землею; пасторъ отправился въ церковь, а за нимъ всѣ братья. И я вошелъ туда же. Церковь представляла видъ университетской аудиторіи: посреди стояла кафедра, амфитеатромъ устроены были лавки съ придѣланными къ нимъ столами; вверху, на хорахъ былъ

органъ. Когда всѣ усѣлись, дѣвушки, опрятно одѣтыя, стали разносить кофе съ сухарями и сливками; подали пастору, потомъ подавали слушателямъ. Пасторъ, обмакая сухари въ кофе, говорилъ съ жаромъ и аффектаціею что-то въ родѣ проповѣди, восхвалялъ добродѣтели усопшаго фортегера, увѣрялъ какъ хорошо ему будетъ на томъ свѣтѣ, и всѣхъ добрыхъ христіанъ уговаривалъ принять его за образецъ честной и трудолюбивой жизни, чтобы, по кончинѣ, сподобиться вѣчнаго блаженства. По окончаніи рѣчи, пасторъ всталъ, за нимъ встали всѣ предстоящіе, заигралъ органъ, всѣ стали молиться; тѣмъ и кончилось это оригинальное богослуженіе. „Что значитъ этотъ кофе?“ спросилъ я потомъ у директора. „Это поминовеніе“, сказалъ онъ: „братья собрались вмѣстѣ почтить бесѣдою покойника, а при бесѣдѣ, вспоминая его, выпили кофе отъ трудовъ; вотъ и все“.

Изъ Сарепты мы уѣхали обратно въ Саратовъ прежнею дорогою. Въ іюнѣ 1858 года я усиленно занимался окончаніемъ „Бунта Стеньки Разина“. Написавши его вчернѣ и оставляя на дальнѣйшее время дополнять и поправлять свое сочиненіе, я отправился въ іюлѣ въ Петербургъ черезъ Нижній, до котораго прибылъ съ однимъ саратовскимъ купцомъ, ѣхавшимъ на нижегородскую ярмарку. Въ Нижнемъ я пробылъ нѣсколько дней, съ любопытствомъ осматривая помѣщеніе ярмарки, которая только что начиналась. Я прибылъ въ Петербургъ 20-го іюля и черезъ два дня, по приглашенію Николая Васильевича Калачева, переселился въ его квартиру, такъ какъ, отправивши семейство за-границу, онъ жилъ одинъ. Каждый день ходилъ я въ Библіотеку и занимался тамъ рукописями, съ цѣлью дополнить мой очеркъ домашняго быта и нравовъ великорусскаго народа. Вечера проводили мы вмѣстѣ съ Н. В. Калачевымъ въ бесѣдахъ, постоянно касавшихся русскаго стариннаго быта, которымъ онъ занимался и былъ замѣчательнымъ знатокомъ его. Сужденія и замѣчанія этого археолога были всегда полезны по причинѣ его разсудительнаго и трезваго взгляда. Въ то же время подстрекаемый Николаемъ Васильевичемъ, я началъ писать своего „Сына“, обѣщавши помѣстить его въ издаваемомъ Калачевымъ журналѣ, назы-

ваемомъ „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи.“

Между тѣмъ, узнавши что Шевченко живетъ въ Академіи художествъ, гдѣ ему отвели мастерскую комнату, я, въ одно утро послѣ купанья, отправился къ нему. Зданіе Академіи было мнѣ въ то время еще незнакомо, и я долго путался по его корридорамъ, пока достигъ цѣли. Мастерская Шевченко находилась рядомъ съ академической церковью, была просторная свѣтлая комната, выходившая окнами въ садъ: „Здраствуй, Тарасъ“, сказалъ я ему, увидѣвши его за работой въ бѣлой блузѣ, съ карандашемъ въ рукахъ. Шевченко выпучилъ на меня глаза и не могъ узнать меня. Напрасно я, все еще не называя себя по имени припомнилъ ему обстоятельство, которое, повидимому, должно было навести его на догадку о томъ, кто предъ нимъ. „Вотъ же говорилъ ты, что свидимся и будемъ еще жить вмѣстѣ въ Петербургѣ — такъ и сталось!“ Это были слова его, произнесенныя въ III отдѣленіи въ то время, какъ послѣ очныхъ ставокъ, на которыя насъ сводили, мы возвращались въ свои камеры. Но Шевченко и послѣ того не могъ догадаться: раздумывая и разводя пальцами, сказалъ рѣшительно, что не узнаетъ и не можетъ вспомнить — кого передъ собою видитъ. Должно быть я значительно измѣнился за одиннадцать лѣтъ разлуки съ нимъ. Я наконецъ назвалъ себя. Шевченко сильно взволновался, заплакалъ и принялся обнимать меня и цѣловать. Черезъ нѣсколько времени, посидѣвши и поговоривши о нашей судьбѣ въ долгіе годы ссылки и о томъ, какъ я отыскивалъ его въ Нижнемъ, гдѣ и узналъ о его переселеніи въ Петербургъ, мы отправились пѣшкомъ въ ресторанъ завтракать и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ сходились то у него, то у меня, а чаще всего въ ресторанѣ Старо-Палкина.

Незамѣтно прошло время до 22 августа. Въ этотъ день пріѣхалъ ко мнѣ саратовскій губернскій предводитель дворянства князь Владиміръ Алексѣевичъ Щербатовъ и сталъ приглашать меня отъ имени саратовскаго дворянства взять временно мѣсто дѣлопроизводителя въ предполагавшемся тогда губернскомъ комитетѣ по улучшенію быта крестьянъ. Мнѣ предложили за мой трудъ три тысячи рублей сереб-

ромъ и сверхъ того по двѣсти рублей въ мѣсяцъ на канцелярію во все время существованія комитета, которому надлежало открыться на шестимѣсячный срокъ. Условія показались мнѣ выгодными; я согласился и черезъ нѣсколько дней отправился въ путь. Въ Нижнемъ я сѣлъ на пароходъ который возилъ на буксирѣ баржи. Въ то время легкихъ пароходовъ не случилось и мнѣ пришлось проскучать въ бездѣйствіи на пароходѣ десять дней. Къ счастію капитанъ парохода, Ивановъ, былъ человѣкъ очень любезный и занимательный собесѣдникъ, прослужившій много лѣтъ въ американской компаніи въ Ситхѣ и посѣтившій Сандвичевы острова, о которыхъ сообщалъ очень любопытныя свѣдѣнія. Въ первыхъ числахъ сентября причалили мы къ Саратову, и на другой же день я вступилъ въ исправленіе своей новой должности. Каждый день приходилось мнѣ со своей квартиры, бывшей въ домѣ Прудентова почти на краю города, ѣздить въ дворянское собраніе, гдѣ отправлялись засѣданія комитета: тамъ у меня была канцелярія, состоявшая изъ двухъ писцовъ и одного помощника. Комитетъ продолжался вмѣсто шести мѣсяцевъ семь. Членовъ комитета, относительно ихъ убѣжденій и способовъ заявленія мнѣній о предлежавшихъ вопросахъ, можно было раздѣлить на три рода. Первые — строгіе защитники дворянскихъ интересовъ, имѣвшіе въ виду исключительно выгоду дворянства; вторые — умѣренные либералы, которые хотя и стояли за дворянскія выгоды, но показывали заботы и о томъ, чтобы и крестьянамъ было по возможности выгодно; третьи — составлявшіе какъ и вездѣ меньшинство, стояли за крестьянъ съ готовностью принести жертвы и со стороны дворянства. Но справедливость требуетъ замѣтить, что изъ послѣднихъ были и такіе, которые, прослышавши напередъ о томъ, что правительство даетъ крестьянамъ свободу, поспѣшили предложить крестьянамъ свободу сами, постаравшись удержать за собою землю и освободивши крестьянъ на такихъ условіяхъ, на какихъ сами крестьяне, спустя нѣсколько мѣсяцевъ позже, не согласились бы принять этой свободы. Съ другой стороны, можно было указать и на такихъ, которыхъ во время комитетскихъ засѣданій, судя по ихъ отзывамъ, надобно было помѣстить въ

число крайнихъ крѣпостниковъ, но которые впослѣдствіи разсчитались со своими крестьянами самымъ гуманнымъ образомъ и даже безденежно подарили имъ земельный надѣлъ. Видя это близко, я вполнѣ убѣдился, что русскій человѣкъ способенъ дѣйствовать по сердцу такъ человѣколюбиво, какъ неспособенъ по своимъ убѣжденіямъ. Вообще же саратовскій комитетъ постановилъ отпустить безвозмездно всѣхъ дворовыхъ людей и не удерживать крестьянскаго имущества въ пользу дворянства.

VII.

Избраніе на петербургскую каѳедру. Переѣздъ въ Петербургъ. Приготовленіе къ профессурѣ. Профессорская карьера. Литературныя занятія эпохи петербургскаго профессорства. Вторая поѣздка за-границу.

Уже въ апрѣлѣ 1859 года, когда саратовскій комитетъ по освобожденію крестьянъ приводилъ къ окончанію свои занятія, я получилъ приглашеніе отъ петербургскаго университета занять каѳедру русской исторіи послѣ удалившагося въ отставку профессора Устрялова. Радость моя была чрезвычайная. Покончивши въ послѣднихъ числахъ апрѣля всѣ засѣданія и отпраздновавши съ членами закрытіе комитета, я снарядился въ путь, предполагая проститься съ Саратовомъ на этотъ разъ уже навсегда. Наканунѣ моего отъѣзда, архимандритъ саратовскаго монастыря (нынѣ уфимскій епископъ) пригласилъ меня къ себѣ въ монастырь на вечеръ, куда позвано было большое общество моихъ знакомыхъ. Прекрасную весеннюю лунную ночь мы провели вмѣстѣ. Угощеніе было обильное, а добрые знакомые усердно пили за мое здоровье и за благополучное теченіе новаго жизненнаго пути, который предстоялъ мнѣ. На другой день я уѣхалъ, провожаемый до монастыря большою группою знакомыхъ и, заѣхавши въ монастырь въ послѣдній разъ, отслушалъ въ немъ напутственный молебенъ. Этотъ монастырь былъ мнѣ особенно дорогъ: со времени моего перваго пріѣзда въ Саратовъ, любимымъ моимъ лѣтнимъ препровожденіемъ времени было ѣздить въ монастырскую рощу съ самоваромъ и книгами и пробывать тамъ по нѣсколько часовъ.

Я простился со своею матерью, которую обѣщалъ пригласить къ себѣ, когда совершенно устроюсь въ Петербургѣ.

На пути, ѣдучи черезъ Коломну, я осмотрѣлъ полуразрушенныя стѣны стараго города. Мѣстные жители сообщали мнѣ, что, по преданію, здѣсь въ подземельѣ была заключена и умерла Марина Мнишекъ послѣ поимки ея на Яикѣ съ Заруцкимъ; но это свѣдѣніе едва ли вѣрно, такъ какъ въ одномъ отвѣтѣ, данномъ русскими послами польскимъ панамъ говорится, что Марина умерла въ Москвѣ съ тоски по своей волѣ.

Въ Москвѣ остановился я на нѣсколько дней, чтобы порыться въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ цѣлью отыскать кое-что для исторіи бунта Стеньки Разина. Я нашелъ нѣсколько бумагъ, болѣе или менѣе любопытныхъ; но нельзя сказать, чтобы тогдашнее начальство Архива, которымъ заправлялъ покойный князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, было особенно милостиво къ моимъ просьбамъ. Въ половинѣ мая я прибылъ въ Петербургъ и остановился въ гостинницѣ, существовавшей въ домѣ Балабина, рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

Первымъ дѣломъ моимъ было отправиться къ министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому, который принялъ меня очень любезно, однако сказалъ, что онъ уже представлялъ Государю о снятіи съ меня наложеннаго еще въ 1847 году запрещенія служить мнѣ по ученой части и утвердить меня въ званіи профессора петербургскаго университета, который меня тогда избралъ. Государь Императоръ сказалъ, что Ему сообщили будто я написалъ какую-то неблагонамѣренную книгу о Стенькѣ Разинѣ. Когда министръ представилъ, что это сочиненіе вовсе не отличается дурнымъ направленіемъ, то Государь Императоръ сказалъ, что самъ прочтетъ эту книгу и приказалъ доставить ее къ себѣ. Такимъ образомъ дѣло мое остановилось. Дожидаясь рѣшенія судьбы своей, я погрузился въ занятія рукописями и книгами Императорской Публичной Библіотеки и, благодаря любезности библіотекарей и тогдашняго директора Библіотеки барона Модеста Андреевича Корфа, получилъ такой доступъ въ отдѣленіе Библіотеки, что сдѣлался въ ней домашнимъ человѣкомъ. Пользуясь близостью помѣщенія, каждое утро изъ нумера своей гостинницы находившейся рядомъ съ Библіотекой,

уходилъ я туда и, несмотря на длинные лѣтніе дни, просиживалъ тамъ до ночи. Такъ какъ у меня въ виду было преподаваніе науки въ университетѣ, то я читалъ все, что только могло по моимъ соображеніямъ послужить мнѣ для будущихъ лекцій. Такъ прошло лѣто. Ни одного дня не пропустилъ я, чтобы не посѣщать Библіотеки; читалъ много и печатнаго, и рукописнаго. Занятія эти до того меня увлекали, что я не находилъ времени нанять себѣ квартиру и оставался въ гостинницѣ, гдѣ, однако, мнѣ было неудобно, потому что за стѣною моего нумера, въ трактирѣ, игралъ день и ночь органъ и въ это время нѣкоторыя музыкальныя піесы, какъ напримѣръ: „La donna e mobile“ изъ Риголетто, или „Addio Lenora“ изъ „Trovatore“ до того мнѣ омерзѣли, что я долго безъ содроганія не могъ ихъ услышать. Моими частыми собесѣдниками въ эти дни были: книгопродавецъ Кожанчиковъ, которому я продалъ „Бунтъ Стеньки Разина“ (первое изданіе его явилось въ „Отечественныхъ запискахъ“ еще въ концѣ 1858 года), Котляревскій — впослѣдствіи профессоръ, тогда еще молодой человѣкъ, отличавшійся чрезвычайною любознательностію и большими свѣдѣніями въ библіографіи,— и полякъ Викторъ Калиновскій, занимавшійся по цѣлымъ днямъ въ Библіотекѣ польскими рукописями и скоро нажившій себѣ отъ усиленныхъ занятій чахотку, положившую его въ гробъ. Мнѣ не случалось въ жизни видѣть человѣка, съ такимъ увлеченіемъ преданнаго археографіи и исторіи, впрочемъ только въ спеціальномъ смыслѣ. Его знанія не шагали дальше Литвы и Польши, но за-то его можно было назвать ходячимъ каталогомъ самыхъ мелочныхъ свѣдѣній о минувшемъ бытѣ этихъ краевъ. Человѣкъ этотъ отличался сверхъ того большимъ добродушіемъ и безконечною услужливостью. Памятникомъ знакомства съ нимъ осталось у меня богатѣйшее собраніе выписокъ съ указаніемъ на нумера и форматы тѣхъ рукописей, изъ которыхъ онѣ извлечены. Родной братъ его впослѣдствіи попался въ польскомъ мятежѣ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ Литовскомъ краѣ, и былъ повѣшенъ; мой же пріятель былъ человѣкъ иного закала: онъ весь жилъ въ прошедшихъ вѣкахъ и почти не интересовался текущими событіями. Будучи знакомъ съ исторіею своего отечества

гораздо глубже тѣхъ верхоглядныхъ патріотовъ, которые, не изучая основательно прошедшаго, составляли себѣ о немъ мечтательные образы, Калиновскій, въ обществѣ своихъ соотечественниковъ возбуждалъ даже неудовольствіе за то, что смѣло говорилъ такія вещи, которыя тогдашнимъ польскимъ патріотамъ были не по вкусу. Всегда въ истасканномъ платьѣ, питавшійся скудною трапезою у какой-то польки кухмистерши, Калиновскій мало заботился о своемъ житейскомъ комфортѣ и, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ „не отъ міра сего".

Съ сентября, когда въ столицу возвращались съ дачъ, съ деревень и со всякихъ поѣздокъ, кругъ знакомыхъ сталъ для меня расширяться. Изъ близкихъ, старыхъ знакомыхъ явились въ то время въ городъ Бѣлозерскій и Шевченко; послѣдняго видѣлъ я еще въ маѣ, но потомъ онъ уѣхалъ въ Малороссію и возвратился къ осени. По прежнему сталъ онъ мнѣ близкимъ человѣкомъ. Хотя послѣ своего освобожденія онъ вдавался въ большое употребленіе вина, но это не вредило никому, развѣ только его физическому здоровью. Напрасно г. Кулишъ, въ послѣдней своей книгѣ „Исторія возсоединенія Руси" презрительно обругалъ музу Шевченка „пьяною" и риторически замѣтилъ, что тѣнь поэта „на берегахъ Ахерона скорбитъ о своемъ прежнемъ безуміи". Муза Шевченка не принимала на себя ни разу печальныхъ слѣдствій, разстраивавшихъ тѣлесный организмъ поэта; она всегда оставалась чистою, благородною, любила народъ, скорбѣла вмѣстѣ съ нимъ о его страданіяхъ и никогда не грѣшила неправдою и безнравственностію. Если упрекать Шевченка за то, за что его наказывало нѣкогда правительство, изрекшее потомъ ему прощеніе, то ужъ никакъ не г. Кулишу, который былъ соучастникомъ Шевченка и въ одно съ нимъ время подвергся наказанію отъ правительства, хотя и въ меньшей противу Шевченка степени.

Бѣлозерскій тогда уже дѣлалъ предположенія объ изданіи журнала „Основа", надѣясь на матеріальную помощь, обѣщанную родственникомъ его жены Н. И. Катенинымъ.

Наконецъ я дождался рѣшенія своего дѣла. Въ октябрѣ министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій при-

гласилъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ изволилъ разрѣшить мнѣ служеніе по ученой части и что поэтому я буду утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора при с. петербургскомъ университетѣ. Мнѣ особенно было пріятно, что Государь Императоръ, какъ сказалъ мнѣ министръ, отозвался очень одобрительно о моемъ сочиненіи „Бунтъ Стеньки Разина“, которое прочиталъ.

Готовясь вступить на каѳедру, я продолжалъ сидѣть по цѣлымъ днямъ въ Публичной Библіотекѣ. Ноября 20-го назначена была мнѣ вступительная лекція въ университетѣ. Стеченіе публики было большое; нѣсколько государственныхъ лицъ посѣтили мою лекцію. По окончаніи чтенія послѣдовали громкія рукоплесканія, а потомъ толпа молодыхъ людей подхватила меня на руки и вынесла изъ университетскаго зданія къ экипажу. Тутъ встрѣтилъ я одного молодого доктора, который служилъ въ Саратовѣ и былъ тамъ со мною знакомъ. Мы поѣхали вмѣстѣ „Вотъ,— говоритъ онъ,— совершилась такая минута, которой никто изъ насъ не воображалъ, когда мы жили съ вами въ Саратовѣ; вотъ какъ судьба играетъ человѣкомъ. Сравните теперь то положеніе, когда васъ унижалъ саратовскій полицеймейстеръ, поставивши васъ на ряду съ содержателями публичныхъ домовъ и называя ихъ, а также и поклонниковъ Бахуса, вашими товарищами; сравните его съ настоящею минутою вашей жизни, которой очень многіе позавидовали бы, а иные согласились бы перетерпѣть все то, что вы перетерпѣли, лишь бы ее пережить“. Въ тотъ же вечеръ мы вмѣстѣ съ нимъ были въ итальянской оперѣ. Давали „Пророка“.

Во время сцены въ соборѣ я обратился къ своему товарищу и сказалъ: „видите, что значитъ овація толпы? Что если и со мною, послѣ нынѣшняго утра будетъ что либо подобное, напоминающее расположеніе публики къ этому пророку. Не нужно придавать большого значенія никакимъ заявленіямъ симпатіи толпы, а надобно помнить, что — всякъ человѣкъ ложь,— какъ сказано въ священномъ писаніи“.

— Вы никого не надували, отвѣчалъ мнѣ товарищъ, не выставлялись тѣмъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ не были, а потому Вамъ и не угрожаетъ судьба Іоанна Лейденскаго“.

Съ тѣхъ поръ начались мои обычныя чтенія лекцій. Стеченіе публики не только не умалялось, но съ каждою лекціею возрастало: аудиторія моя всегда была биткомъ набита лицами всякаго званія и между ними было множество женщинъ и дѣвицъ. Я продолжалъ заниматься и въ Публичной Библіотекѣ: готовилъ лекціи и писалъ другія сочиненія. Моя вступительная лекція отдана была для напечатанія въ журналъ „Русское Слово“. Въ „Современникъ“ отдалъ я отрывокъ изъ своихъ лекцій „О началѣ Руси“. Кромѣ того я, по читаннымъ тогда лекціямъ, предположилъ составить статью о русскихъ инородцахъ, изложивъ ихъ исторію и настоящее этнографическое ихъ положеніе. Я началъ съ литовцевъ, изложивъ древнюю исторію событій, составилъ описаніе внутренняго быта литовскаго племени и приложилъ разборъ ихъ современной народной поэзіи. Статья эта отдана была въ „Русское Слово“, гдѣ и напечатана въ слѣдующемъ году.

Вступая на каѳедру, я задался мыслію въ своихъ лекціяхъ выдвинуть на первый планъ народную жизнь во всѣхъ ея частныхъ видахъ. Долговременное занятіе исторіею развило во мнѣ такіе взгляды. Я видѣлъ, что государства являлись болѣе случайнымъ плодомъ завоеваній, чѣмъ необходимымъ послѣдствіемъ географическихъ и этнографическихъ особенностей народной жизни. Всегда почти поэтому государство составлялось не изъ одной народности; сильнѣйшая подавляла слабѣйшихъ, стремилась подчинить, а иногда и ассимилировать ихъ, считала за собою право власти надъ ними, которое освящалось давностію, допускала надъ ними насиліе, и всякую съ ихъ стороны попытку къ самосохраненію признавала преступленіемъ. Жизнь, однако, продолжала развиваться инымъ путемъ, и государство оставалось только внѣшнею формою объединяющей полицейской власти. Тамъ гдѣ не было завоеванія, или гдѣ оно не являлось достаточно могучимъ, тамъ не могло составиться и государство. Свободныя человѣческія общества, ради взаимныхъ выгодъ, а болѣе всего ради собственной защиты, стремились къ союзности (федераціи). Такъ мы видимъ въ древней Греціи. Отдѣльныя небольшія республики стремились войти между собою и удерживать взаимную племенную связь на основаніи сходствъ

языка, религіи, общественнаго и домашняго быта, но согласія между ними не было: сколько мы знаемъ, всѣ онѣ изстари между собою вели войны. Вѣроятно, причиною тому было, что онѣ не додумались до центральнаго соединительнаго органа, который бы прочно ихъ связывалъ между собою. Олимпійскія игры, которыя считаютъ обыкновенно однимъ изъ такихъ органовъ, не имѣли юридическаго значенія, а Амфиктіоново судилище было безсильно и мало обязательно въ вопросахъ, порождавшихъ междоусобія, и оттого, вѣроятно, дѣятельность его намъ слишкомъ мало извѣстна. Какъ бы то ни было, изъ греческихъ земель двѣ — Аѳины и Спарта — проявили стремленіе властвовать надъ другими и оттого между собою находились въ соперничествѣ, порождавшемъ кровопролитныя распри. Ни Аѳины, ни Спарта не сдѣлались, однако, всегреческимъ государствомъ. Государство составилось только со вступленіемъ Македоніи въ число частей Греціи изъ завоеваній Филиппа и Александра. Что въ древнемъ мірѣ являлось въ формахъ республикъ, то въ новомъ, христіанскомъ мірѣ явилось въ формѣ отдѣльныхъ земель, подвластныхъ въ большей или меньшей степени мелкимъ владѣтелямъ. Отсюда — на западѣ Европы — феодальная система бароновъ, а въ славянскомъ мірѣ — земель съ избранными князьями. И тѣ и другіе вели между собою распри, при недостаткѣ и слабости связывающихъ ихъ органовъ, пока, наконецъ, сильнѣйшіе изъ нихъ завоеваніемъ подчинили слабѣйшихъ, и такъ составлялись государства, которыя потомъ преобразовывались и передѣлывались большею частію случайно, на правахъ большей силы. И русская исторія представляла то же, хотя съ своеобразными особенностями. Русское государство складывалось изъ частей, которыя прежде жили собственною независимою жизнію и долго послѣ того жизнь частей высказывалась отличными стремленіями въ общемъ государственномъ строѣ. Найти и уловить эти особенности народной жизни частей Русскаго государства составляло для меня задачу моихъ занятій исторіею. Насколько это могло мнѣ удаться — долженъ былъ показать опытъ, но я взялъ на себя задачу чрезвычайно трудную и, какъ показалось мнѣ самому на дѣлѣ, мало удобо-исполнимую по причинѣ моей малой подготовки къ

работамъ надъ этой задачей. Меня утѣшало только то, что я могъ хотя сдѣлать мало, но по крайней мѣрѣ намѣтить дорогу другимъ, болѣе меня способнымъ и свѣдущимъ. Во всякомъ случаѣ, я былъ увѣренъ, что и любой изъ нашихъ ученыхъ не былъ еще въ состояніи болѣе меня приняться за это дѣло. Въ такомъ духѣ я и началъ читать свои лекціи, обративши вниманіе на черты мѣстной исторіи русскихъ земель и княжествъ и на отличную жизнь инородцевъ, вошедшихъ въ составъ Русской державы.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1859 года я, черезъ посредство Шевченка, познакомился съ домомъ покойнаго вице-президента Академіи художествъ графа Ѳедора Петровича Толстого и нашелъ тамъ самый любезный пріемъ. Трудно представить себѣ старика, болѣе добраго, горячо преданнаго искусству и неравнодушнаго къ всему входящему въ область умственнаго труда. Въ то время онъ, хотя и старый, за 80 лѣтъ, но еще былъ бодръ и свѣжъ и его домъ былъ постояннымъ мѣстомъ соединенія художниковъ и литераторовъ. Одновременно случай свелъ меня съ другимъ старцемъ, столько же почтеннымъ, хотя совершенно въ другой сферѣ: это былъ графъ Димитрій Николаевичъ Блудовъ, тогдашній предсѣдатель Государственнаго Совѣта, человѣкъ столько же развитой и хорошо образованный, какъ и вполнѣ прогрессивный, преданный душею дѣлу возрожденія Россіи — дѣлу, которое тогда было въ умахъ и сердцахъ всѣхъ развитыхъ людей. Мнѣ часто случалось обѣдать у графа и послѣ обѣда просиживать до поздней ночи. Его разнообразныя познанія, близость къ русскимъ литераторамъ прежнихъ временъ, многолѣтній опытъ, здравый умъ и замѣчательное остроуміе оживляли бесѣду и заставляли всѣхъ посѣщавшихъ его домъ вспоминать съ большимъ удовольствіемъ о минутахъ, проведенныхъ съ этимъ старикомъ. Его дочь графиня Антонина Дмитріевна, особа очень начитанная, увеличивала своимъ присутствіемъ пріятность такихъ бесѣдъ. Въ домѣ Блудова можно было встрѣтить какъ государственныхъ людей, такъ и ученыхъ, къ которымъ покойный графъ Димитрій Николаевичъ питалъ большое сочувствіе.

Въ 1860 году, напечатанная въ первомъ нумерѣ „Современника“ моя статья „Начало Руси“ вооружила противъ

меня Михаила Петровича Погодина. Старый ветеранъ русской исторіи никакъ не могъ переварить смѣлости, съ какою я отважился на разбитіе системы происхожденія Руси изъ норманскаго міра. Онъ прибылъ въ Петербургъ и встрѣтивъ меня въ Публичной Библіотекѣ, предложилъ мнѣ вступить съ нимъ въ публичный диспутъ по этому вопросу. Я, погорячившись, тотчасъ согласился, хотя впослѣдствіи и не вполнѣ былъ доволенъ тѣмъ, что позволилъ себѣ выставить такой спеціальный предметъ на праздную потѣху публики. Нѣкоторые пріятели тогда уже говорили мнѣ объ этомъ; но давши слово и допустивши огласить въ печати наше намѣреніе, я не могъ выдумать какіе нибудь предлоги къ тому, чтобы это намѣреніе не исполнилось; притомъ же доходъ съ билетовъ, которые будутъ браться на этотъ диспутъ, предназначался въ кассу для бѣдныхъ студентовъ: самое наше намѣреніе представлялось полезнымъ дѣломъ въ благотворительномъ отношеніи. Диспутъ нашъ состоялся 19-го марта. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ кончился ничѣмъ: каждый изъ насъ остался при своемъ мнѣніи; впрочемъ, какъ я имѣлъ случай слышать мнѣніе публики, большинство ея склонялось на мою сторону, тѣмъ болѣе, что покойный Добролюбовъ напечаталъ въ „Свисткѣ“, составлявшемъ „Приложеніе къ Современнику“, очень остроумное и ѣдкое описаніе нашего диспута, выставляя на видъ несостоятельность норманской системы и стараясь представить самого Погодина въ комическомъ видѣ. М. П. Погодинъ былъ очень недоволенъ этимъ и даже винилъ меня, подозрѣвая, какъ будто бы у меня была какая нибудь солидарность съ тѣмъ, что печаталось о немъ въ „Свисткѣ“, котораго сотрудникамъ онъ далъ тогда печатно кличку „рыцарей свистопляски“. Собственно говоря, ни Погодинъ, ни я не были абсолютно правы, но на моей сторонѣ было по крайней мѣрѣ то преимущество, что я понималъ чтеніе лѣтописей въ болѣе прямомъ смыслѣ и притомъ такомъ, какой, по предмету нашего спора, существовалъ издавна и какой вѣроятно имѣлся у самыхъ лѣтописцевъ. Впослѣдствіи, вдумавшись въ составъ нашихъ лѣтописей, какъ и въ духъ сообщаемыхъ ими извѣстій, я пришелъ къ такому результату, что самая исторія призванія князей есть

не что иное, какъ басня, основанная на издавна внѣдрившихся взглядахъ, почерпнутыхъ изъ миѳическаго сказочнаго міра. Моя теорія о происхожденіи Руси изъ литовскаго міра если и не имѣла за собой неоспоримой исторической истины, по крайней мѣрѣ доказывала норманистамъ, что происхожденіе князей нашихъ и ихъ дружинъ еще съ большею вѣроятностію чѣмъ изъ Скандинавіи можно выводить изъ другихъ земель, и такимъ образомъ подрывала авторитетъ мнѣній, до того времени признававшихся неоспоримыми и занесенныхъ въ учебники какъ несомнѣнная истина.

Въ апрѣлѣ я былъ приглашенъ сдѣлаться членомъ Археографической комиссіи и принять на себя спеціально изданіе актовъ, относящихся къ южной и западной Россіи. Въ томъ же мѣсяцѣ я былъ приглашенъ въ дѣйствительные члены русскаго географическаго общества.

Въ маѣ того же года ко мнѣ въ Петербургъ прибыла матушка, изъявившая желаніе оканчивать вѣкъ свой при мнѣ. Изъ гостинницы, находившейся въ домѣ Балабина, я долженъ былъ теперь перейти на квартиру и устроиться въ ней хозяйствомъ, а потому и принялся искать себѣ удобнаго помѣщенія. Случайно нашелъ я квартиру на Васильевскомъ Островѣ въ 9 линіи, въ домѣ, принадлежавшемъ Карманову, и 1-го іюня перебрался на новоселье. Квартира была въ бель-этажѣ, довольно помѣстительна, но имѣла тотъ недостатокъ, что въ ней сильно отражались звуки городского шума въ лѣтнюю пору, мѣшавшіе заниматься. Установившись въ новомъ помѣщеніи и положивши начало домашнему хозяйству, я уѣхалъ на дачу къ Толстымъ близъ Выборга и пробылъ тамъ до половины іюля, по временамъ пріѣзжая къ матушкѣ. Въ концѣ іюля я съѣздилъ въ Новгородъ и, познакомившись тамъ съ извѣстнымъ въ то время знаткомъ мѣстной старины Иваномъ Купріяновичемъ Купріяновымъ, въ теченіе десяти дней осматривалъ городъ, посѣтилъ всѣ его церкви, обозрѣлъ въ нихъ всѣ остатки старины, отыскивалъ слѣды старинной типографіи Новгорода для того, чтобы уяснить себѣ состояніе города въ древности, такъ какъ я намѣревался читать курсъ о Новгородѣ и Псковѣ и потомъ составить ихъ исторію. Возвратившись въ Петербургъ, я черезъ нѣсколько дней, въ на-

чалѣ августа, снова ѣздилъ въ Новгородъ и дополнялъ въ немъ осмотръ того, чего не успѣлъ окончить въ первый пріѣздъ. По возвращеніи изъ Новгорода, я началъ по прежнему заниматься въ Библіотекѣ, перебирая старо-русскія рукописи Погодинскаго собранія, а послѣ 15 числа прибыли въ Петербургъ Толстые изъ выборгской дачи и, собираясь уѣзжать за-границу, пригласили меня проводить ихъ до Пскова. Первый разъ въ жизни отправился я въ знаменитый древній русскій городъ, осмотрѣлъ его стѣны, его церкви и три старыхъ дома, составляющіе большую драгоцѣнность въ своемъ родѣ при недостаткѣ такого рода архитектурныхъ памятниковъ. Расположеніе домовъ этихъ описано мною въ „Сѣверноруссkихъ народоправствахъ“.

По возвращеніи изъ Пскова, занявшись еще съ недѣлю въ Библіотекѣ, я отправился въ Москву, а оттуда въ Троицко-Сергіеву лавру, съ намѣреніемъ познакомиться съ рукописями какъ этого монастыря, такъ равно и Волоколамскаго, котораго рукописное собраніе было привезено въ московскую духовную академію. Почтенный профессоръ академіи, нынѣ умершій ея ректоръ, Александръ Васильевичъ Горскій, любезно пригласилъ меня помѣститься у него въ казенной квартирѣ и тамъ заниматься рукописями. Я пробылъ у него безъ малаго три недѣли и могу сказать, что объ этомъ времени осталось у меня самое пріятное воспоминаніе. Мой любезный хозяинъ былъ такой знатокъ богословской литературы вообще и русскихъ рукописей въ особенности, какому подобнаго едва ли гдѣ можно сыскать. Недаромъ подарилъ онъ русской литературѣ свое знаменитое описаніе синодальныхъ рукописей. Меня въ то время интересовали черты, поясняющія бытъ, нравы, понятія, взгляды и пріемы жизни нашихъ предковъ. Всего этого можно было болѣе чѣмъ гдѣ нибудь отыскать въ такихъ рукописяхъ, которыя не пользуются авторитетомъ богословской истины и даже въ такихъ сочиненіяхъ, которыя отвержены церковью и носятъ въ литературѣ названіе „отреченныхъ“. Къ нимъ въ то время я преимущественно обращался. Тогда, между прочимъ, меня занимало непризнанное церквью „Житіе блаженнаго Нифонта“, славянскій переводъ котораго, писанный въ Ростовѣ въ первыхъ годахъ XIII вѣка находился въ

библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры, писанный на пергаментѣ уставомъ и сохранившійся въ замѣчательной цѣлости. Хотя произведеніе это не русское, но оно несомнѣнно было очень знакомо русскимъ: отрывки изъ него расходились во множествѣ и теперь встрѣчаются въ различныхъ сборникахъ всѣхъ вѣковъ; но экземпляръ, которымъ я пользовался, составлялъ цѣлостное сочиненіе. Переводъ сдѣланъ съ греческаго языка, и въ синодальной библіотекѣ хранится одинъ старый рукописный списокъ подлинника, какъ говорятъ, не позже VIII вѣка. Содержаніе этого сочиненія въ высшей степени замѣчательно и занимательно; это, такъ сказать, романъ, гдѣ представлено внутреннее дѣйствіе человѣческой души, ея борьба со всякаго рода дурными помыслами и съ невѣріемъ. Эта борьба представлена въ фантастическомъ образѣ борьбы со злыми духами или бѣсами. Я тогда же сдѣлалъ изъ этого сочиненія извлеченія, и описавъ его содержаніе, помѣстилъ въ статьѣ подъ названіемъ „Мистическая повѣсть о Нифонтѣ“, которая была потомъ напечатана въ журналѣ „Русское Слово“.

По возвращеніи изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря въ Москву, я посвятилъ тамъ нѣсколько дней на занятія рукописями въ синодальной библіотекѣ и въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ перебралъ дѣла, относящіяся къ исторіи Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго и, по распоряженію Археографической комиссіи, назначилъ ихъ къ отправкѣ въ Комиссію. Затѣмъ я возвратился въ Петербургъ.

Я принялся за изданіе „Памятниковъ старинной русской литературы“, по предложенію покойнаго графа Григорія Александровича Кушелева-Безбородко, помѣщая тамъ по своему усмотрѣнію рукописныя статьи, отыскиваемыя въ письменныхъ хранилищахъ. Первый томъ этихъ „Памятниковъ“ вышелъ въ 1860 году, второй — готовился выйти на слѣдующій годъ. Это занятіе побуждало меня, для исканія памятниковъ, испросить у с.-петербургскаго митрополита дозволенія перебрать хранящіяся въ духовной академіи рукописи, привезенныя туда изъ новгородскаго Софіевскаго собора и изъ библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Несмотря на мои усиленныя занятія, какихъ требовало чтеніе лекцій объ исторіи Новгорода и Пскова, чрезвычайно

мало разработанной и вызывавшей на основательное ознакомленіе со множествомъ источниковъ, писанныхъ на старомъ нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи, которому я долженъ былъ тогда же учиться, я въ тѣ дни, когда не читалъ лекцій, совершалъ путешествія съ Васильевскаго Острова въ Александро-Невскую лавру, при которой находится духовная академія, являлся туда часамъ къ девяти утра и просиживалъ за разборомъ рукописей до пяти часовъ по-полудни. Такъ продолжалось осенью и зимою 1860—61 годовъ. Я имѣлъ возможность сдѣлать тамъ множество выписокъ изъ рукописей на отдѣльныхъ листочкахъ, надписывая на нихъ къ какой сторонѣ жизни относится выписка. Иныя пригодились мнѣ для дополненія къ „Очерку быта и нравовъ великорусскаго народа“, а другія были оставлены до будущаго времени, чтобы послужить источниками для дальнѣйшихъ занятій по внутренней русской исторіи.

Принявши на себя званіе члена Археографической комиссіи и выписавъ изъ Москвы дѣла бывшаго Малороссійскаго Приказа, я, пригласивши къ участію съ собою явившагося въ Петербургъ П. А. Кулиша, приступилъ къ изданію актовъ, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго, отдалъ ихъ сначала для переписи, а потомъ, постоянно выбирая изъ нихъ болѣе годные, отсылалъ постепенно въ печать. Между тѣмъ другіе акты, которые относились къ годамъ послѣдующимъ за смертію Богдана Хмельницкаго, я взялъ себѣ за источникъ для написанія статьи о Выговскомъ, которую предполагалъ читать на рождественскихъ святкахъ въ видѣ публичныхъ лекцій.

Обращеніе моихъ занятій отчасти къ Малороссіи вызвало у меня появленіе, напечатанной въ „Современникѣ“, небольшой статьи „О казачествѣ“, гдѣ я старался установить надлежащій взглядъ на это историческое явленіе и опровергнуть возникавшее въ тогдашней литературѣ мнѣніе о томъ, что казаки сами по себѣ были обществомъ анти-государственнымъ, что душею этого общества была анархія и потому на попытки какъ Польши, такъ впослѣдствіи и Россіи къ обузданію казацкой воли надобно смотрѣть какъ на защиту государственнаго элемента противъ вторженія дикихъ, разрушительныхъ побужденій. Такая точка зрѣнія, давно

уже поддерживаемая поляками, начинала переходить и въ русскую ученую литературу и я принималъ на себя призваніе доказать ея несостоятельность и уяснить, что казачество, при всѣхъ временныхъ уклоненіяхъ, было послѣдствіемъ идей чисто демократическихъ. Статья моя возбудила противъ меня возраженія въ польскихъ повременныхъ изданіяхъ и тогда особенно выступило противъ меня лицо, укрывавшееся подъ псевдонимомъ Зенона Фиша. Его возраженія вызвали съ моей стороны новую статью въ защиту своего мнѣнія. Полякъ хотѣлъ доказать, что отношенія польской народности къ южно-русской были нравственно благодѣтельны; что задача польскаго шляхетства была „ушляхетненіе“ русскаго народа; а я возражалъ, что это „ушляхетненіе“ вело не болѣе какъ къ порабощенію народа. Замѣчательно, что наши русскіе ученые, задаваясь идеею государственности, невольно въ то время совпадали съ польскими учеными; а я, защищая законность и плодотворность побужденій, двигавшихъ народною массою независимо отъ государственныхъ условій, возбуждалъ противъ себя обвиненіе въ такъ называемомъ „казацкомъ взглядѣ“, какъ нѣкоторые тогда выражались, не желая вникнуть въ вопросъ поглубже рутинныхъ формъ, которыхъ привыкли держаться.

Въ первыхъ числахъ января 1861 года я читалъ публичныя лекціи въ университетскомъ залѣ въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Содержаніемъ этихъ лекцій была исторія эпохи гетманства Выговскаго. Всѣхъ лекцій было четыре. Несмотря на страшный морозъ, доходившій въ тѣ дни до 30°, лекціи мои были посѣщаемы значительнымъ приливомъ публики.

Съ этого года начала издаваться „Основа“ и я сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ ея сотрудниковъ. Я помѣстилъ здѣсь нѣсколько статей по русской исторіи, написанныхъ на основаніи того, что я имѣлъ случай читать въ университетѣ. Таковы статьи: „О федеративномъ началѣ древней Руси“, „Двѣ русскія народности“, „Черты южно-русской исторіи“; послѣдняя изъ нихъ заняла нѣсколько нумеровъ и заключала въ себѣ сплошное историческое повѣствованіе событій удѣльно-вѣчевого періода въ южной Руси до татаръ.

Тамъ же въ „Основѣ“ помѣщены были двѣ моихъ полемическихъ статьи противъ краковской газеты „Czas“ и французскаго фурнала „Revue Contemporaine“. Эти статьи имѣли цѣлью опровергнуть лживыя польскія теоріи о неславянскомъ происхожденіи всего великорусскаго народа, теоріи, опиравшіяся, какъ извѣстно, на ученіи Духинскаго, получившемъ въ свое время большое значеніе во Франціи. Правду сказать, Духинскій брался не за свое дѣло и вовсе не былъ подготовленъ къ рѣшенію такихъ важныхъ вопросовъ: онъ вовсе не былъ знатокомъ ни финскихъ нарѣчій, ни восточныхъ языковъ, ни русской археологіи, тогда какъ основательныя познанія во всемъ этомъ были дѣломъ первой необходимости для рѣшенія тѣхъ задачъ, за какія принялся самонадѣянный авторъ. Его теоріи льстили польскимъ мечтаніямъ и потому неудивительно, что принимались съ большою вѣрою поляками, которые въ ту эпоху національнаго раздраженія склонны были ухватиться за все, что по ихъ мнѣнію, набрасывало какую бы то ни было тѣнь на русскій народъ. Теоріи Духинскаго нашли себѣ сочувствіе и въ западной Европѣ, особенно во Франціи и это доказывало только невысокій уровень свѣдѣній, которыми обладали вообще о нашемъ отечествѣ многіе изъ ученыхъ людей западной Европы. Я имѣлъ цѣлію доказать всю слабость и неосновательность историческихъ взглядовъ на наше прошедшее и въ особенности на основаніе и составъ великорусскаго народа — взглядовъ, въ то время довольно укрѣпившихся въ Европѣ. Но если приходилось мнѣ писать въ „Основѣ“ то, что должно было раздражать поляковъ, то не обошлось и безъ того, чтобы тогдашнее перо мое не возбуждало противъ моихъ писаній многихъ умовъ и въ нашемъ русскомъ обществѣ. Мои статьи: „О федеративномъ началѣ древней Руси“, „Двѣ русскія народности“ и наконецъ „Черты южно-русской исторіи“, статьи, написанныя на основаніи задачи, которую я предположилъ себѣ въ чтеніи лекцій по русской исторіи, возбудили противъ меня невыгодныя толкованія, проявившіяся не разъ въ печати впослѣдствіи. Моя идея о томъ, что въ удѣльномъ строѣ Руси лежало федеративное начало, хотя и не выработалось въ прочныя и законченныя формы, заставляла подозрѣвать — не думаю ли я

примѣнять этой идеи къ современности и не основываю ли на ней какихъ нибудь предположеній для будущаго. Это подозрѣніе много разъ высказывалось тамъ и сямъ намёками, большею частью неясными, потому что не у всякаго доставало отваги обвинять меня въ томъ, на что я самъ не далъ явныхъ указаній. Независимо отъ печатныхъ намековъ, появлявшихся кстати и некстати въ періодическихъ нашихъ изданіяхъ, я тогда же получалъ письма съ укоромъ за мою статью и съ отысканіемъ въ ней такого смысла, какого я не заявлялъ и какого она, конечно, не имѣла. Еще болѣе возбуждала раздраженіе моя статья „Двѣ русскія народности", которую черезъ нѣсколько лѣтъ, вспомнивши о ней, „Русскій Вѣстникъ" назвалъ „позорною". Дѣло въ томъ, что много открылось политическихъ мыслителей, хотѣвшихъ во что бы то ни стало, чтобы на Руси существовала только одна русская народность, и не терпѣвшихъ, если имъ указывали не одну а нѣсколько, хотя бы даже существовавшія въ прошедшія времена. Привычка отыскивать въ разсужденіи о прошедшемъ бытѣ какихъ нибудь отношеній къ настоящему или будущему, заронилась въ нѣкоторой части читающаго русскаго общества. Это было естественно при цензурной строгости, когда многіе писатели по-неволѣ принуждены бывали не досказывать своихъ мыслей, предоставляя читателямъ читать ихъ у себя между строками. Эта привычка послужила противъ меня источникомъ уже крайне смѣшныхъ и нелѣпыхъ догадокъ, по поводу моей литовской системы происхожденія Руси; она же дѣйствовала и по поводу мыслей о двухъ русскихъ народностяхъ. Впрочемъ, послѣ выхода моей статьи въ первое время не раздавалось крупныхъ обвиненій въ „сепаратизмѣ", которыми такъ щедро награждали меня послѣ того, какъ вспыхнуло польское возстаніе и русскіе стали горячо хвататься за идею своего національнаго единства. Многіе часто не знали, что говоря объ Украинѣ, повторяли сказанное ихъ врагами-поляками по отношенію къ себѣ. Пока польское возстаніе не встревожило умовъ и сердецъ на Руси, идея двухъ русскихъ народностей не представлялась въ зловѣщемъ видѣ и самое стремленіе къ развитію малорусскаго языка и литературы не только никого не пугало

призракомъ разложенія государства, но и самыми великороссами принималась съ братскою любовью. Притомъ же содержаніе моей статьи о двухъ русскихъ народностяхъ ясно отклоняло отъ меня всякое подозрѣніе въ замыслахъ „разложенія отечества“, такъ какъ у меня было сказано и доказываемо, что двѣ русскія народности дополняютъ одна другую и ихъ братское соединеніе спасительно и необходимо для ихъ обѣихъ. Достойно замѣчанія, что черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того, патріотическій „Кіевлянинъ“, обличая меня въ „украинофильствѣ“, въ видѣ нравоученія и въ назиданіе своихъ читателей, привелъ мою мысль (выдавая ее за собственную) о необходимости и пользѣ соединенія двухъ русскихъ народностей изъ моей же статьи „Двѣ русскія народности“, и притомъ почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ эта мысль была высказана у меня. Въ такомъ же духѣ, ни мало не обличая меня въ украинофильствѣ и даже относясь съ сочувствіемъ къ малорусской народности, высказался Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ въ своемъ дневникѣ.

Читая въ это время въ университетѣ исторію Новгорода и Пскова, я, между прочимъ, занимался печатаніемъ нѣкоторыхъ статей и сочиненій въ журналахъ. Такъ въ „Современникѣ“ печатался тогда мой „Очеркъ быта и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, сочиненіе, написанное мною еще въ Саратовѣ и только дополненное въ Петербургѣ; въ „Архивѣ Калачева“ печаталась повѣсть „Сынъ“; въ „Русскомъ Словѣ“—„Русскіе инородцы“ и „Повѣсть о Нифонтѣ“. Мои лекціи о Новгородѣ и Псковѣ привлекали въ мою аудиторію слушателей еще болѣе, чѣмъ въ прошломъ 1860 году, что меня чрезвычайно радовало и обязывало съ большимъ рвеніемъ предаваться своему труду: я видѣлъ, что въ публикѣ зародилась серьезная любовь къ отечественной исторіи, а не пустая мода, какъ толковали многіе. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли мода могла бы на данное время увлекать къ слушанію предметовъ, не представляющихъ ничего для празднаго развлеченія и напротивъ, неизбѣжно возбуждавшихъ скуку во всякомъ, кто приступалъ къ нимъ безъ расположенія и безъ подготовки. Притомъ же въ то время не у одного меня стекались

толпы слушателей: нѣкоторые другіе профессора также привлекали ихъ своими чтеніями. Въ то горячее время моихъ разностороннихъ занятій, меня часто отвлекали посѣщенія студентовъ, появлявшихся ко мнѣ подъ разными предлогами и въ разное время дня. Чтобы избавиться отъ такихъ несвоевременныхъ посѣщеній, я выставилъ на входной двери моей квартиры такое объявленіе:

„Елицы отъ юнѣйшія братіи честныя науковѣщательницы сущія во градѣ семъ восхощутъ, нѣкоего ради орудія, прійти въ домъ мой, да благоволятъ посѣтити мя въ дни... и часы"... Здѣсь я указалъ опредѣленные часы.

Въ февралѣ, на день, назначенный для университетскаго акта (8 числа), на мою долю выпало читать рѣчь. Я взялъ себѣ предметомъ „О значеніи въ обработкѣ русской исторіи трудовъ Константина Аксакова", передъ тѣмъ недавно умершаго. Передъ самымъ актомъ помощникъ попечителя И. Д. Деляновъ сообщилъ мнѣ, что министръ не желаетъ, чтобы я читалъ свою рѣчь на актѣ, а что, если мнѣ угодно, то я могу ее прочесть на какомъ нибудь литературномъ вечерѣ. Причиной такого распоряженія со стороны министра было, какъ мнѣ сказано, желаніе не слишкомъ утомлять университетскимъ актомъ старыхъ архіереевъ, приглашенныхъ на актъ. Когда я вошелъ въ актовый залъ въ день отправленія акта, г. Деляновъ, подошедши ко мнѣ, просилъ меня удалиться, не показываясь на глаза студентамъ. Я поступилъ такъ, какъ мнѣ было сказано, а потомъ узналъ, что послѣ моего ухода въ университетскомъ залѣ произошелъ большой безпорядокъ. Студенты подняли шумъ, стукъ, требовали чтеніе моей рѣчи и просили явиться ректора и дать имъ отвѣтъ. Бывшій тогда ректоромъ Плетневъ явился по такому требованію на каѳедру и объяснилъ студентамъ причину, побудившую начальство отложить чтеніе моей рѣчи, причемъ увѣрилъ ихъ, что рѣчь моя будетъ прочитана на дняхъ на публичномъ литературномъ вечерѣ. Дѣйствительно, спустя три или четыре дня, я читалъ публично свою рѣчь при многочисленномъ стеченіи публики, министръ слушалъ мою рѣчь. Между тѣмъ тогда же до меня дошло, что во многихъ высшихъ кругахъ общества безпорядокъ, произведенный студентами на актѣ по поводу отмѣны чтенія моей рѣчи, воз-

будилъ неодобрительные толки, возымѣвшіе вліяніе на правительственныя лица, и что вслѣдствіе этого событія, правительство вознамѣрилось принять мѣры къ обузданію своевольства студентовъ и учредить для хода университетскихъ лекцій болѣе строгія правила. Черезъ нѣсколько времени произошло въ Петербургѣ событіе, подавши большій поводъ къ желанію обуздать студентовъ. Въ Варшавѣ происходили уличные безпорядки, послѣдствіемъ которыхъ были выстрѣлы со стороны войска, положившіе на мѣстѣ пятерыхъ поляковъ. Въ Петербургѣ поляки устроили по этому поводу въ костелѣ св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ, панихиду по убіеннымъ, которая должна была служить демонстраціею противъ мѣръ правительства. Желая привлечь въ костелъ побольше публики, поляки заманивали ее туда подъ разными предлогами. Въ то время я занимался въ Публичной библіотекѣ. Кулишъ передалъ мнѣ, что общій нашъ знакомый, полякъ Круневичъ сообщилъ ему, что въ костелѣ будутъ кого то хоронить и итальянскіе пѣвцы будутъ пѣть „Requiem“ Моцарта. Такъ какъ этой музыкальной пьесы я никогда не слыхалъ, то и поспѣшилъ въ костелъ. Къ моему удивленію я услыхалъ тамъ не „Requiem“ Моцарта, а революціонныя пѣсни, которыя пѣли хоромъ, стоявшіе на колѣняхъ поляки. Не желая быть участникомъ какой бы то ни было демонстраціи и не сочувствуя имъ вообще, я поспѣшилъ уйти; но не безъ труда выбрался изъ костела, пробираясь между стоящихъ на колѣняхъ. Тотчасъ послѣ того началось производство слѣдствія. Меня видѣли въ костелѣ, и Деляновъ пріѣхалъ ко мнѣ съ распросами. Я разсказалъ ему какъ было. Правительство не наложило на меня подозрѣнія, тѣмъ болѣе, что и нѣкоторыя государственныя лица, подобно мнѣ, были завлечены въ костелъ ложными слухами объ итальянскомъ пѣніи музыкальнаго произведенія Моцарта.

Надъ студентами началась переборка и нѣкоторые изъ нихъ, не поляки, но чисто русскіе, позволяли себѣ, ради бровады, дерзкіе отвѣты. Такъ, напримѣръ, одинъ студентъ, спрошенный — былъ ли онъ въ костелѣ и пѣлъ ли — отвѣтилъ „былъ, но не пѣлъ, потому что не знаю по польски, а если бы зналъ, то непремѣнно бы пѣлъ“. Правительство

прекратило слѣдствіе, однако дерзкіе отвѣты, данные студентами, не могли не отозваться дурно вообще на мнѣніи о студентахъ и укрѣпили желаніе правительства ввести въ университетѣ строгія правила.

Черезъ нѣсколько дней послѣ событія въ костелѣ 25 *) февраля скончался Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Смерть его была скоропостижная. Уже нѣсколько мѣсяцевъ страдалъ онъ водянкою. Не безъ основанія говорили врачи, что болѣзнь эту нажилъ онъ отъ неумѣреннаго употребленія горячихъ напитковъ, особенно рома, который онъ очень любилъ. Наканунѣ его смерти я былъ у него утромъ; онъ отозвался, что чувствуетъ себя почти выздоровѣвшимъ и показалъ мнѣ купленные имъ золотые часы. Первый разъ въ жизни завелъ онъ себѣ эту роскошь. Онъ жилъ въ той же академической мастерской, о которой я говорилъ выше. На другой день утромъ Тарасъ Григорьевичъ приказалъ сторожу поставить ему самоваръ и одѣвшись сталъ сходить по лѣстницѣ съ своей спальни, устроенной вверху надъ мастерской, какъ лишился чувствъ и полетѣлъ со ступеней внизъ. Оказалось по медицинскому осмотру, что водянка бросилась ему къ сердцу. Сторожъ поднялъ его и далъ знать его пріятелю, Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому. Тѣло Шевченка лежало три дня въ церкви Академіи художествъ. Въ день погребенія явилось большое стеченіе публики. Надъ усопшимъ говорились рѣчи по-русски, по-малорусски, и по-польски. Я также произнесъ небольшое слово по-малорусски. Изъ рѣчей особенно обратила всеобщее вниманіе польская рѣчь студента Хорошевскаго. „Ты не любилъ насъ“, говорилъ онъ, обращаясь къ усопшему: „и ты имѣлъ право; если бы было иначе, ты бы не былъ достоинъ той любви, которую заслужилъ, и той славы, которая ожидаетъ тебя, какъ одного изъ величайшихъ поэтовъ славянскаго міра“. Гробъ Шевченка несли студенты университета на Смоленское кладбище. По возвращеніи съ похоронъ, бывшіе тамъ малороссы тотчасъ порѣшили испросить у правительства дозволеніе перевезти его тѣло въ Малороссію, чтобы похоронить такъ, какъ онъ самъ назначалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

*) Здѣсь вкралась повидимому ошибка: Т. Г. Ш. скончался 26 февраля 1861 (воскресенье), похороны происходили во вторникъ.— *В. К.*

„Якъ умру то поховайте
Мене на могили
Середъ степу широкого
На Вкраини милій,
Щобъ ланы широкополи
И Днипро и кручи
Були видны“....

Въ то время видно было большое сочувствіе и уваженіе къ таланту скончавшагося украинскаго поэта. Большинство окружавшихъ его гробъ состояли изъ великоруссовъ, которые относились къ нему, какъ относились бы къ Пушкину или Кольцову, если бы провожали въ могилу послѣднихъ. Въ мартѣ, въ университетскомъ залѣ, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ въ память Шевченка, я читалъ статью „Воспоминаніе о двухъ малярахъ“, изъ которыхъ одинъ былъ знакомый мнѣ въ юности крѣпостной человѣкъ, лишенный возможности, по поводу неволи, развить данный ему отъ Бога талантъ, а второй былъ недавно скончавшійся Шевченко. Статья эта принята была публикой съ восторгомъ и напечатана вслѣдъ затѣмъ въ „Основѣ“. Бѣдный Шевченко нѣсколькими днями не дождался великаго торжества всей Руси, о которомъ только могла мечтать его долгострадавшая за народъ муза: менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ его погребенія, во всѣхъ церквахъ Русской Имперіи прóзвучалъ Высочайшій Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ манифестъ давно уже былъ готовъ, но опубликованіе его пріостановлено до поста, чтобы дать народу возможность отпраздновать великое событіе не въ кабакахъ, а въ церквахъ и въ домашнихъ кружкахъ. Вспоминая эти минуты, могу сказать, что тогда была видима и ощущаема безмѣрная радость между людьми всякаго званія и образованія: чувствовалось, что Россія свергала съ себя постыдное бремя, висѣвшее на ней въ продолженіе вѣковъ и вступала въ новую жизнь свободной христіанской націи. Казалось, послѣ отдаленной отъ насъ эпохи крещенія при Владимирѣ, еще не переживалъ русскій народъ такой важной минуты. Послѣ того оставалось желать одного — просвѣщенія освобожденнаго народа и дѣйствительно это желаніе слышалось въ устахъ всѣхъ образованныхъ людей той эпохи.

Пришелъ праздникъ Пасхи. Лекціи мои были закончены; студенты держали экзамены, и мой предметъ былъ одинъ изъ раннихъ. Я предполагалъ ѣхать за-границу и заранѣе подалъ объ этомъ прошеніе. Въ концѣ апрѣля я получилъ изъ Новгорода просьбу прочитать публичную лекцію въ пользу народнаго училища. Я согласился и отправился въ Новгородъ. Замѣчательно, что училище, для котораго мнѣ пришлось читать лекцію, было устроено въ башнѣ, по преданію той самой, гдѣ нѣкогда висѣлъ вѣчевой колоколъ и помѣщалась вѣчевая изба, то есть канцелярія. Лекцію мою „О значеніи Новгорода въ русской исторіи“ я прочиталъ въ залѣ дворянскаго собранія 30 апрѣля. Она была принята съ большимъ сочувствіемъ. На другой день я отплылъ изъ Новгорода, торопясь ѣхать за-границу. Въ первыхъ числахъ мая простившись съ матушкою, я отправился съ П. А. Кулишомъ въ Берлинъ а оттуда, спустя одинъ день, мы направили путь нашъ къ Швейцаріи черезъ Лейпцигъ, Нюренбергъ и Аугсбургъ. Въ Нюренбергѣ мы остановились на два дня и осматривали этотъ замѣчательный городъ, въ которомъ все дышетъ средними вѣками, какъ едва ли въ какомъ-нибудь другомъ городѣ Германіи. Я познакомился на желѣзной дорогѣ съ однимъ нѣмцемъ — студентомъ, ѣхавшимъ къ роднымъ, у которыхъ былъ свой домъ въ Нюренбергѣ. Обязательный молодой человѣкъ предложилъ мнѣ доставить способъ побывать въ нѣсколькихъ домахъ, въ которыхъ сохранилась не только средневѣковая постройка, но и средневѣковая мебель и обстановка. Мы заходили также въ знаменитую пивную, помѣщаемую въ нижнемъ этажѣ средневѣкового зданія, гдѣ посѣтителей угощаютъ превосходнѣйшимъ старымъ пивомъ, но не продаютъ ни одной бутылки на выносъ. Самъ Нюренбергъ раздѣляется на двѣ части: средоточіе его — старый городъ — окруженъ каменною стѣною со множествомъ башенъ и весь наполненъ старыми зданіями; городъ, лежащій за предѣлами стѣны — Нейштадтъ, носитъ противоположный характеръ новаго города. Въ старомъ городѣ не только дома и церкви построены въ Средніе вѣка, но и самая мостовая улицъ — памятникъ прошедшихъ временъ. Изъ Нюренберга мы отправились на Констанцское озеро и пароходомъ прибыли на швейцарскій берегъ въ

Рорбахъ. На самомъ берегу озера нашли мы прекрасное помѣщеніе въ гостинницѣ. Въ нашемъ нумерѣ былъ балконъ, выходившій прямо къ озеру. Хозяинъ гостинницы, вѣнскій уроженецъ, былъ прежде хозяиномъ гостинницы въ Миланѣ и сообщилъ намъ любопытный разсказъ о подробностяхъ возмущенія въ этомъ городѣ въ 1859 году, когда изъ него фанатически изгоняли всѣхъ нѣмцевъ, и нѣмецъ, хозяинъ гостинницы, понесъ большіе убытки, потому что толпа итальянцевъ ворвалась къ нему и истребила у него всю буфетную и кухонную посуду. Какъ истый нѣмецъ, онъ старался насъ увѣрить, что Ломбардія пользовалась большимъ благоденствіемъ подъ австрійскимъ владычествомъ, чѣмъ теперь послѣ поступленія ея подъ власть сардинскаго короля, провозглашеннаго королемъ всей Италіи. О Гарибальди этотъ нѣмецъ отзывался не иначе, какъ объ атаманѣ разбойниковъ. Полюбовавшись прекраснымъ вечеромъ и переночевавши, мы пустились по утру желѣзною дорогою въ Куръ—главный городъ Граубинденскаго кантона и пробыли въ немъ два дня. Трудно себѣ представить мѣстность болѣе поэтическую и пріятную для жизни: воздухъ дышетъ особенною свѣжестью и прохладою съ высокихъ горъ, окружающихъ городъ; шумъ горныхъ потоковъ пріятно щекочетъ ухо и располагаетъ къ сладкой дремотѣ и мечтательности. За маленькимъ городкомъ тянется живописная роща, усѣянная красивыми швейцарскими хуторками и водяными мельницами, построенными на потокахъ. Простой народъ говоритъ здѣсь своеобразнымъ мѣстнымъ нарѣчіемъ латинскаго корня, извѣстнымъ подъ именемъ романскаго. Попытавшись заговорить съ крестьяниномъ, я не могъ разобрать его, хотя нѣсколько произнесенныхъ имъ словъ напоминали латинскія и итальянскія. Такъ какъ я имѣлъ въ виду купанье въ морѣ, то не рѣшался надолго останавливаться въ этой мѣстности, оставившей по себѣ чрезвычайно милое воспоминаніе. Въ Курѣ наняли мы лошадей съ экипажемъ и отправились, по пути въ Италію, по дорогѣ, которая носитъ названіе „Via mala“, то есть дурная дорога. Несмотря на такое названіе, дорога эта, своимъ устройствомъ, не соотвѣтствовала ему. Это одинъ изъ самыхъ живописныхъ путей по швейцарскимъ горамъ. Мы встрѣчали затѣйливыя вершины съ глетчерами

и множество шумѣвшихъ водопадовъ. Вспоминая дорогу черезъ Сен-Готардъ, по которой я проѣзжалъ въ 1857 году, я долженъ былъ отдать преимущество, по красотѣ представляемыхъ впечатлѣній, пути, по которому ѣхалъ теперь. Такъ какъ въ то время былъ еще конецъ мая, то снѣга на вершинахъ не успѣли растаять, и когда мы достигли верхнихъ слоевъ горнаго хребта, то въ одной устроенной тамъ гостинницѣ извозчикъ досталъ полозья, прикрѣпилъ ихъ къ экипажу, и мы покатили на саняхъ. Кругомъ была необозримая снѣжная равнина, напоминавшая нашу Русь въ зимніе мѣсяцы. Морозъ пробиралъ насъ, такъ какъ мы были одѣты по-лѣтнему. Проѣхавши такимъ образомъ версты полторы, мы встрѣтили швейцарскую таможню, гдѣ съ насъ потребовали паспорта, записали ихъ и взяли съ насъ по два франка. Собственно въ Швейцаріи ненужно никакихъ паспортовъ, но этотъ пріемъ выдумало швейцарское союзное правительство для того, чтобы имѣть особаго рода доходъ съ путешественниковъ. Оттуда немного спустя снѣгъ исчезалъ; полозья отвязали, и мы снова поѣхали на колесахъ, уже направляясь подъ гору. Мы ѣхали сутки и на слѣдующее утро приблизились къ Комскому озеру; тамъ сѣли на пароходъ и поплыли по голубой водѣ озера, въ виду живописнѣйшихъ горъ, окаймлявшихъ озеро съ обѣихъ сторонъ и усѣянныхъ множествомъ разбросанныхъ дачъ самой затѣйливой постройки. Подплывая раннимъ утромъ то къ той, то къ другой дачѣ или городку, корабельщики, по приказанію капитана, стрѣляли изъ пушекъ. Нашъ пароходъ былъ увитъ разноцвѣтными флагами; такіе же флаги встрѣчали мы на дачахъ и городкахъ. На вопросъ мой: что это значитъ, намъ объяснили, что наступилъ день годовщины освобожденія Италіи, и въ Миланѣ будетъ отправляться большое національное торжество. Приставши къ городу Комо, мы увидали повсюду флаги, праздничную обстановку и праздничный шумъ, несмотря на то, что было тогда не позже семи часовъ утра. Сѣвши на желѣзную дорогу, мы прибыли черезъ полтора часа въ Миланъ и первое, что мы встрѣтили на городскихъ улицахъ, по которымъ съ дебаркадера поѣхали въ гостинницу, было множество флаговъ на домахъ. Національная гвардія спѣшила въ соборъ въ красивыхъ мундирахъ: повсюду раздавалась музыка.

Наша гостинница „Великобританія“ находилась недалеко собора, мимо котораго мы къ ней ѣхали и встрѣтили на соборной площади большую толпу сновавшаго народа. На соборномъ порталѣ крупными буквами красовалась надпись патріотическаго содержанія, въ которой прославлялась память участвовавшихъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія отечества. Приставши въ гостинницу, первымъ дѣломъ нашимъ было спѣшить въ соборъ, гдѣ уже раздавался звонъ колоколовъ, призывавшій народъ къ обѣднѣ. Въ главномъ входѣ собора насъ остановили полицейскіе и вѣжливо объявили, что дверь, куда мы входимъ, назначается исключительно для оффиціальныхъ лицъ и національной гвардіи. Полицейскіе вызвались сами проводить насъ другою дверью и помѣстить такъ удобно, чтобы намъ было видно все богослуженіе и церемонія. Мѣсто, избранное нами, было тѣмъ удобно, что мы стали на стулья, за которые, однако, съ насъ не брали денегъ, какъ это дѣлается во Франціи, гдѣ въ церквахъ производится настоящая торговля стульями. Церковъ была блистательно освѣщена; священнодѣйствовалъ миланскій архіепископъ съ огромнымъ клиромъ. Кромѣ обычныхъ лавокъ и стульевъ, наполнявшихъ широкую площадь внутренности собора, у стѣнъ его и у колоннъ были устроены ложи, гдѣ сидѣло множество нарядно одѣтыхъ дамъ. По окончаніи литургіи, архіепископъ благославлялъ народъ, а національная гвардія разразилась шумною военною музыкою. Около часа по-полудни кончилось богослуженіе со всѣми церемоніями молебствія и мы отправились въ свою гостинницу. На дорогѣ пристalъ къ намъ какой-то молодой человѣкъ и завелъ разговоръ о текущихъ событіяхъ. Я выразилъ ему, что это торжество освобожденія народа до такой степени трогательно, что я, пришелецъ изъ далекой Россіи, невольно проникаюсь тѣмъ чувствомъ, которое въ настоящее время волнуетъ сердца итальянскаго народа. При этомъ я замѣтилъ еще, что великая историческая судьба Италіи, по своимъ воспоминаніямъ. принадлежитъ не только одной Италіи, но и всему образованному міру, сообразно тѣмъ плодамъ умственнаго и общественнаго труда, которые оставила Италія для исторіи просвѣщенія всего человѣческаго общества. Мой собесѣдникъ заговорилъ не совсѣмъ такимъ восторженнымъ

языкомъ, какого я ожидалъ отъ него. Онъ объявилъ, что онъ пріѣзжій неаполитанецъ и что Ломбардія не его отечество. При этомъ онъ сообщилъ, что былъ студентомъ и готовился къ духовному званію. Когда мы сѣли вмѣстѣ обѣдать, онъ, продолжая этотъ разговоръ, высказалъ себя клерикаломъ, не совсѣмъ довольнымъ тѣмъ либеральнымъ направленіемъ умовъ, которое тогда охватывало итальянское общество, причемъ замѣтилъ, что служившій въ соборѣ архіепископъ долженъ поневолѣ играть роль патріота въ сардинскомъ духѣ и въ угоду графу Кавуру, а самъ совершенно другихъ чувствованій. Послѣ обѣда мы снова отправились въ соборъ, ходили по его внутренности, любовались цвѣтною живописью его стеколъ на окнахъ, а потомъ взошли на его мраморную крышу и по узкой лѣстницѣ поднялись на вершину башни, увѣнчанной статуею Богородицы, и тамъ на память записали наши имена и день нашего посѣщенія.

Пробывъ въ Миланѣ два дня, мы посѣтили нѣсколько церквей и слушали богослуженіе, побывали въ картинной и скульптурной галлереяхъ, гдѣ повидали недавно выставленную мраморную статую символическаго изображенія Италіи въ видѣ женщины, изящно сдѣланную современнымъ художникомъ. Миланское богослуженіе въ церквахъ сильно бросается въ глаза своею особенностью: здѣсь отправляется необычная католическая обѣдня, а литургія св. Амвросія (мѣстнаго святого и патрона Ломбардіи), ближе подходящая къ нашей православной обѣднѣ. Какъ еще въ то время мало укоренилось въ итальянцахъ чувство національнаго единства — кромѣ бесѣды съ молодымъ неаполитанскимъ клерикаломъ, меня поразилъ разговоръ съ торговками, продававшими на рынкѣ ягоды. Показывая мнѣ землянику, на вопросъ мой: какъ называется у нихъ эта ягода, „mayale“ ли, она отвѣчала: „такъ по-итальянски она называется, а у насъ, по-ломбардски „mayuste“. Такимъ образомъ простой народъ считалъ себя ломбардцами и не сознавалъ итальянцами. Изъ Милана, по желѣзной дорогѣ, поѣхали мы въ Геную. Сначала у меня была мысль тамъ купаться, но черезъ день я долженъ былъ оставить ее: въ Генуѣ нѣтъ вовсе купаленъ, потому что дно моря у пристани чрезвычайно глубоко. На вопросъ мой объ этомъ у

одного лодочника, онъ отвѣчалъ, что здѣсь, глубины будетъ „одиннадцать человѣкъ“ (undici huomini) — старинный способъ опредѣлять глубину представленіемъ о томъ, сколько бы могло стать людей на головахъ одинъ у другого. Вмѣсто купаленъ, на берегу устроены только купальныя заведенія „stabilimenti“, съ мраморными ваннами въ комнатахъ, куда проводится вода съ моря. Вдобавокъ итальянцы такъ боятся холода, что въ гостинницѣ, на мои вопросы о купаньѣ, мнѣ сказали: „какъ можно теперь купаться, еще холодно“,— хотя ощущенія моего тѣла не соглашались съ такимъ замѣчаніемъ. Не останавливаясь болѣе въ Генуѣ, мы отправились на наемныхъ лошадяхъ въ Ниццу. Дорога шла по Корнишу, посреди множества лимонныхъ и апельсинныхъ садовъ. Что касается до живописности Корниша, пріобрѣвшаго, какъ извѣстно, всемірную славу, то мнѣ показалось, что итальянскій Корнишъ въ этомъ далеко уступаетъ нашему крымскому берегу. Только ночи представлялись тамъ чѣмъ-то волшебнымъ отъ множества летающихъ ярко-зеленыхъ огоньковъ: то были насѣкомыя, издающія свѣтъ, напоминающій свѣтъ нашихъ ивановскихъ червячковъ. Ницца была для меня цѣлью морского купанья; но вскорѣ я увидѣлъ, что слишкомъ много довѣрился тому, что читалъ и слыхалъ о ней. Трудно найти мѣсто болѣе скучное и болѣе некрасивое, какъ Ницца лѣтомъ. Морской берегъ лишенъ всякой растительности; жаръ невыносимый; бѣлая пыль, портящая платье и производящая глазныя болѣзни, а въ серединѣ городка — нестерпимыя міасмы: совершенное отсутствіе прѣсной воды; наконецъ, самое купанье въ морѣ вовсе не представило мнѣ того, чего я желалъ и ждалъ: почва подъ водою у берега камениста; можно пройти безопасно только нѣсколько шаговъ, и то держась за канатъ, чтобы не быть отброшеннымъ волною и не удариться о камень. Мы помѣстились у берега близъ купальни въ такъ-называемомъ пансіонѣ, какъ во Франціи называются квартиры, отдаваемыя жильцамъ съ обѣдомъ, кофе, завтракомъ и прислугой. Плата была вообще умѣренная, столъ хорошій, но скука неодолимая. Я протерпѣлъ въ Ниццѣ три недѣли, наслушавшись возмутительнѣйшихъ разсказовъ о свирѣпствѣ Наполеона III, тайная полиція котораго, почти каждую ночь дѣлала у жителей обыски и

многихъ, по одному лишь подозрѣнію, увозила невѣсть куда безъ суда и слѣдствія, заставляя покидать и семейство и хозяйство. Достаточно было малѣйшаго подозрѣнія на тамошняго уроженца, что онъ недоволенъ присоединеніемъ Ниццы и Савойи ко Французской Имперіи — и подозрѣваемый мгновенно исчезалъ.— Со времени пребыванія покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, Ницца, годъ отъ году болѣе и болѣе дѣлалась любимымъ мѣстопребываніемъ русскихъ аристократовъ и становилась, такъ сказать, русскою колоніею, въ особенности въ зимнее время. Лѣтомъ тамъ оставалось русскихъ немного. Это расположеніе русскихъ къ Ниццѣ подало поводъ къ построенію тамъ русской православной церкви. Она очень красива: благодаря изобилію мрамора въ Италіи, церковное крыльцо и сѣни выстроены изъ этого камня; въ срединѣ иконостасъ рѣзной работы; мраморный полъ устланъ коврами. Церковь помѣщается въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ — помѣщеніе для священника.

Послѣ трехнедѣльнаго купанья въ Ниццѣ, мы, для разнообразія, переселились въ Монако, бывшее тогда маленькимъ независимымъ княжествомъ. Главный доходъ владѣтеля этого княжества составляла рулетка, привлекавшая туда праздношатающихся и разныхъ искателей фортуны въ зимнее время; за-то лѣтомъ Монако остается почти пустынею и именно такой видъ имѣлъ онъ, какъ я посѣтилъ его. Мѣстоположеніе его гораздо красивѣе Ниццы. Съ одной стороны онъ примыкаетъ къ Средиземному морю, берегъ котораго густо покрытъ темною зеленью безобразныхъ рожковыхъ деревьевъ и лѣсомъ кактусовъ; съ другой — подъ городомъ простирается заливъ моря, превращающійся какъ бы въ озеро и зеленѣющій множествомъ водорослей. Сходъ къ этому заливу отъ города идетъ по очень крутой горѣ. По причинѣ лѣтняго времени и обычной въ это время пустоты, мы нашли себѣ помѣщеніе за баснословно дешевую цѣну: за одинъ червонецъ въ мѣсяцъ мы имѣли три прекрасныхъ комнаты со входомъ на террасу, которая тянулась подъ тѣнью огромныхъ перцевыхъ деревьевъ надъ лимонною и апельсинною рощею, которой верхи достигали террасы. Съ этой террасы открывается безбрежный видъ Средиземнаго моря. Дневной

зной былъ невыносимъ, за то ночи, необыкновенно ясныя, освѣщаемыя полною луною, были очаровательны. Только глубокая тишина, царствовавшая и въ воздухѣ и въ водѣ, возбуждала какое-то томительное, тяжелое чувство и невольно наводила меланхолію и грусть. Проживши десять дней въ Монако, мы ушли оттуда, боясь, что если поживемъ тамъ долѣе, то наши нервы придутъ въ такое разстройство, что намъ, какъ ѳиваидскимъ пустынникамъ, будутъ представляться какія-нибудь привидѣнія. Мы вернулись въ Ниццу, а черезъ нѣсколько дней отправились въ Геную для перемѣны мѣста. На этотъ разъ я пробылъ въ Генуѣ двѣ недѣли, каждый день купаясь привязаннымъ къ канату, который держалъ лодочникъ. Однажды, выкупавшись и одѣваясь, я позабылъ въ лодкѣ мѣшокъ съ червонцами, который всегда носилъ при себѣ за границей. Я спохватился пришедши домой — и въ испугѣ побѣжалъ къ берегу. Вдругъ на дорогѣ встрѣчаетъ меня лодочникъ, у котораго я купался, и несетъ мой мѣшокъ съ червонцами: онъ слыхалъ, что, разговаривая съ своимъ товарищемъ, я часто упоминалъ названіе „Hôtel Smitt“; онъ понялъ, что мы квартируемъ въ этомъ отелѣ и несъ туда мои деньги. Я выразилъ ему свое удивленіе и уваженіе къ такой честности, но лодочникъ, по наружности казавшійся съ перваго раза свирѣпымъ разбойникомъ, съ гордостью ударилъ себя въ грудь и произнесъ: „Да вѣдь я служилъ въ войскѣ Гарибальди!“ давая тѣмъ знать, что человѣкъ, служившій у такого великаго героя, не можетъ сдѣлать такого безчестнаго дѣла.

Мы посѣтили знаменитый садъ Паллявичини, пріобрѣвшій европейскую славу. Этотъ садъ отличается большими вычурами; въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вы никакъ не могли подозрѣвать появленія воды, начинаютъ подъ вашими ногами брызгать фонтаны; вы встрѣчаете сталактитовые гроты, въ которые плывете на лодкѣ, и тому подобные фокусы; но этотъ садъ, какъ мнѣ показалось, далеко уступалъ Воронцовскому саду въ Алупкѣ, въ которомъ искусство, богато расточенное, превосходно укрылось подъ обликомъ природы, такъ что вы готовы признать, что здѣсь вовсе не работала рука человѣческая, а все, что видится теперь, исключая строеній, также было и при сотвореніи міра.

Оставивши П. А. Кулиша въ Генуѣ, я отправился съ однимъ русскимъ офицеромъ въ Пизу, а потомъ во Флоренцію; бѣгло осмотрѣлъ тамошнія достопримѣчательности, хотѣлъ ѣхать въ Римъ, но ужасающій жаръ отбилъ у меня эту охоту и я отложилъ поѣздку въ вѣчный городъ до того времени, когда въ состояніи буду поѣхать зимою. Меня манило поскорѣе куда-нибудь въ холодъ и, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ къ Лаго Маджіоре и оттуда, нанявши пару лошадей съ итальянскимъ „vetturino“— черезъ Альпы, пробираясь къ Женевѣ. Проѣхавши сутки, терпя обычный южный зной, я наконецъ добрался до холоднаго пояса горъ и на зарѣ прибылъ въ бернардинскій монастырь, гдѣ встрѣченъ былъ монахами въ черныхъ одѣяніяхъ съ бѣлыми поясами и стаею огромныхъ собакъ, пріобрѣвшихъ всемірную славу спасителей путешественниковъ, застигнутыхъ снѣгами въ Альпійскихъ горахъ. Близъ самаго монастыря видна пещера, въ которой недавно погребались несчастные путешественники, найденные уже мертвыми. Самая окрестность, чрезвычайно угрюмая и дикая, носитъ зловѣщее прозвище долины мертвыхъ (Vallée des morts). Я пробылъ въ монастырѣ нѣсколько часовъ, угощаемый молокомъ и сыромъ. Это было въ іюнѣ. Почва была покрыта льдинами; кругомъ, кромѣ жалкаго мха, не было никакой растительности; но внизу горъ были монастырскія дачи, откуда доставляются въ монастырь всякаго рода припасы. Путь изъ монастыря шелъ внизъ; повторялись тѣ же виды и тѣ же пріемы ѣзды, какіе встрѣчалъ я въ прежнюю свою поѣздку по Альпамъ. Къ двумъ часамъ по полудни мы были уже въ городѣ Сіонѣ, гдѣ собирались сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги, ведущей къ берегамъ Женевскаго озера. Такъ какъ намъ оставалось ждать еще два часа прибытія поѣзда, то мы отважились употребить это время на осмотръ развалинъ стараго замка, живописно гнѣздившихся на высокой горѣ. Мы пошли туда пѣшкомъ по старой, давно уже оставленной дорогѣ, ведущей вверхъ крутой горы и огражденной справа парапетомъ, за которымъ шла внизъ совершенно отвѣсная скала, чрезвычайной высоты. Въ одномъ мѣстѣ парапетъ обломился и надобно было перешагнуть почти черезъ пропасть. Идя вверхъ,

я не ощутилъ никакого страха, сдѣлалъ одинъ шагъ и потомъ пошелъ безопасно, такъ какъ по правую сторону защищалъ меня парапетъ. Мой товарищъ послѣдовалъ за мною. Мы взошли на гору, посмотрѣли на развалины замка, отъ котораго торчало нѣсколько башенъ и стѣнъ, и стали искать иного схода съ горы; но оказалось, что на вершину этой горы не было иного пути кромѣ того, по которому мы прошли и намъ приходилось нехотя идти назадъ. Только что я дошелъ до того мѣста, гдѣ парапетъ обломился и нужно было сдѣлать одинъ шагъ черезъ пропасть, я никакъ не имѣлъ смѣлости этого сдѣлать, тѣмъ болѣе, что руками нельзя было придержаться ни за что. Сколько я ни пробовалъ, какихъ усилій ни дѣлалъ, снималъ даже съ себя сапоги — никакъ не могъ перейти: едва я заносилъ ногу, какъ чувствовалъ, что силы меня оставляютъ, голова кружится, ноги дрожатъ — и я полечу въ пропасть. Товарищъ мой сначала похрабрился и, какъ военный человѣкъ, хотѣлъ показать свою удаль; но отвага оставила его, какъ только онъ занесъ ногу надъ пропастью. На счастье наше мы увидали внизу женщину, которая махала намъ платкомъ и шла къ намъ по дорогѣ вверхъ. „Вы не можете сойти“, сказала она; „вы уже не первые; дайте я васъ сведу“. Спасительница наша оказалась дряхлая старушка, лѣтъ около восьмидесяти. Она взяла у меня руку, велѣла, обратившись къ горѣ, не оглядываться назадъ и сдѣлать движеніе ногою. Я послушался ее и перешагнулъ; товарищъ мой сдѣлалъ то же и мы благополучно сошли внизъ и прибыли въ свое помѣщеніе; но послѣдствія этого приключенія мнѣ суждено было чувствовать еще продолжительное время. Когда я сидѣлъ въ вагонѣ, ѣдучи по дорогѣ въ Веве, воображеніе мое безпокоилъ образъ страшной пропасти, которая невольно представлялась мнѣ въ мысли за стѣною вагона. На дорогѣ разговорился я съ ѣхавшимъ лозанцемъ, который убѣдилъ меня выйти изъ вагона, чтобы осмотрѣть на дорогѣ Шильонскій замокъ, увѣряя, что мы найдемъ тамъ лодку, на которой благополучно доберемся до Веве по озеру. Я такъ и поступилъ, и вмѣстѣ съ лозанцемъ, взявшимся быть моимъ путеводителемъ, сошелъ у Шильона и отправился въ замокъ черезъ узенькій мостикъ, которымъ соединялся

съ берегомъ замокъ, построенный на островѣ Женевскаго озера.

Шильонскій замокъ — одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ въ Европѣ, драгоцѣнныхъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Мнѣ показывали страшныя и затѣйливыя орудія пытокъ и казней, нѣкогда здѣсь совершавшихся. На одномъ деревянномъ столбѣ осталось видно обугленное дерево — слѣды огня, которымъ припекали подвергнутыхъ пыткѣ. Въ одномъ мѣстѣ, предъ моими глазами открыли люкъ, въ которомъ была устроена лѣстница, опускавшаяся въ волны озера. Преступника посылали сходить внизъ по этой лѣстницѣ; ея ступени внезапно прекращались; нежданно для осужденнаго онъ оступался и летѣлъ внизъ въ воду, а въ водѣ были устроены длинныя желѣзныя полосы острою стороною кверху, несчастный падалъ на нихъ и былъ разрѣзываемъ на куски. Показавши въ замкѣ разные памятники прошедшаго варварства, меня повели въ подземелье — то самое, которое такъ поэтически описалъ. Байронъ. У семи толстыхъ колоннъ остались кольца, на которыхъ нѣкогда висѣли цѣпи. Около одной колонны земля была глубоко вытоптана. Здѣсь, говорили, страдалъ прикованный Бонниваръ. Я подымался до небольшого окна, устроеннаго вверху подземелья и, глянувши туда, встрѣтилъ тотъ самый ландшафтъ который, по описанію Байрона, увидалъ его страдалецъ, когда, освободившись отъ цѣпи, ходилъ уже неприкованный по своей темницѣ. Обокъ темницы, служившей мѣстомъ заключенія Боннивара съ братьями, находится темный застѣнокъ съ каменною лежанкою. Мнѣ объяснили, что здѣсь проводили послѣднія ночи тѣ заключенные, которымъ на слѣдующее утро грозила смертная казнь. По осмотрѣ Шильона, я поплылъ на лодкѣ по озеру. До Веве будетъ отъ Шильона добрыхъ верстъ десять. Мы плыли вдоль берега, въ виду живописныхъ мѣстъ, съ которыми соединялось столько поэтическихъ воспоминаній; проплыли мимо Байроновой отели, мимо Монтрё — любимаго мѣстопребыванія Жанъ-Жака Руссо и мимо Кляранса, гдѣ воображеніе Руссо помѣстило его Новую Элоизу; наконецъ прибыли въ Веве, гдѣ мнѣ пришлось помѣститься въ отвратительномъ нумерѣ одной изъ незначительныхъ гостин-

ницъ. Пріѣзжихъ было чрезвычайно много и трудно было найти порядочное помѣщеніе. Посѣщеніе Шильона еще болѣе разстроило мои нервы, уже сильно потрясенныя приключеніемъ въ Сіонѣ. Со вступленіемъ въ свой нумеръ я былъ самъ не свой. Страшная пропасть не выходила у меня изъ головы, а шильонскія пытки, которыхъ слѣды я только что видѣлъ, до того сдѣлали впечатлѣніе на мое воображеніе, что въ моемъ тѣлѣ чувствовались тѣ ощущенія, которыя переносили нѣкогда страдальцы. Къ ночи я заболѣлъ — и не на шутку. Въ тѣлѣ у меня дѣлались судороги; жаръ томилъ мою голову; начался бредъ. Я прохворалъ нѣсколько дней и, не могу при этомъ забыть обязательнаго моего сосѣда англичанина, который, услыша мои стоны, прибѣжалъ ко мнѣ въ нумеръ и принималъ живое и христіанское участіе въ моемъ положеніи. Когда мнѣ стало лучше, я выѣхалъ изъ Веве въ Женеву, пробылъ тамъ три дня, а потомъ отправился въ Россію черезъ Баденъ, Франкфуртъ и Берлинъ. Въ Берлинѣ я обратился къ знаменитому окулисту Греффе, котораго неудалось мнѣ увидать въ первую мою поѣздку за границу. Осмотрѣвши мои глаза, онъ совершенно успокоилъ меня, увѣривши, что у меня не было никакого предрасположенія къ катаракту, которымъ такъ напугали меня; онъ нашелъ глаза мои сильно утомленными, перемѣнилъ мнѣ очки и далъ примочку, которая тогда же оказала спасительное дѣйствіе на мои больные глаза. Затѣмъ я воротился въ Петербургъ. Было начало августа. Я не долго на этотъ разъ оставался въ Петербургѣ и 15 числа, встрѣтившись въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи съ московскимъ профессоромъ Тихонравовымъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву для занятія рукописями въ синодальной библіотекѣ и въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этотъ пріѣздъ я прожилъ въ Москвѣ до 20 сентября, изо-дня въ день занимаясь то въ синодальной библіотекѣ, то въ Архивѣ.

VIII.

Студенческія смуты. — Закрытіе университета. — Публичныя лекціи. — Скандалъ въ думѣ. — Выходъ въ отставку отъ университетской каѳедры.

Я возвратился въ Петербургъ 20-го сентября. Еще на дорогѣ я услыхалъ, что въ петербургскомъ университетѣ,

какъ и въ учебномъ округѣ, произошли важныя перемѣны. Министръ Ковалевскій удалился въ отставку; за нимъ послѣдовалъ и попечитель петербургскаго округа И. Д. Деляновъ. Между студентами распространилось сильное волненіе. На другой день послѣ моего пріѣзда я отправился въ университетъ съ цѣлью начинать курсъ; но къ удивленію замѣтилъ, что аудиторія моя, не въ примѣръ противъ прошлаго года была бѣдна слушателями, да и тѣ, которыхъ я засталъ, стали расходиться одинъ за другимъ.

Я узналъ, что въ это самое время въ университетскомъ парадномъ залѣ происходила бурная сходка, студенты выломали дверь и шумно требовали отмѣны установленныхъ для нихъ стѣсненій, объясняясь съ новымъ ректоромъ И. И. Срезневскимъ, заступившимъ мѣсто выбывшаго и уѣхавшаго за границу, Плетнева. На другой день произошло знаменитое, надѣлавшее въ свое время шуму, путешествіе нѣсколькихъ сотъ студентовъ въ Колокольную улицу, въ квартиру новаго попечителя университета Филипсона, котораго студенты потянули за собой черезъ весь Невскій проспектъ до университета. На слѣдующій день новый министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ сдѣлалъ распоряженіе о временномъ закрытіи университета.

Болѣе двадцати студентовъ, сочтенныхъ зачинщиками, были арестованы и посажены въ крѣпость. Съ этихъ поръ въ Петербургѣ чуть не каждый день повторялось волненіе молодежи, выражавшееся сходками на улицахъ, которыя разгонялись солдатами. Духъ волненія, выходя изъ петербургскаго университета, сообщался въ другія высшія заведенія столицы и отражался на провинціальныхъ русскихъ университетахъ. Между профессорами университета также господствовали недоразумѣнія и несогласія. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ, во время бытности моей за границей, образована была изъ профессоровъ комиссія для составленія правилъ, имѣвшихъ цѣлью приведеніе всей корпораціи студентовъ къ подчиненію и порядку. Люди, враждебные лицамъ, составлявшимъ эту комиссію, упрекали ихъ за начертанія правилъ, произведшихъ волненіе, а сами эти лица объясняли, что правила, которыя были ими написаны, явились измѣненными отъ начальства. Какъ бы то ни было, студен-

товъ приводили въ негодованіе нѣкоторыя новыя распоряженія, а именно: 1) назначеніе ценза для поступленія въ университетъ, простиравшагося до пятидесяти рублей ежегоднаго взноса, безъ всякаго изъятія для бѣдныхъ, такъ что въ университетъ могли поступать только люди зажиточные; 2) запрещеніе студенческихъ сходокъ и уничтоженіе студенческихъ кассъ для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ; 3) запрещеніе устраивать въ зданіи университета концерты, спектакли и литературные вечера съ цѣлью пополненія студенческой кассы; 4) закрытіе университетскихъ аудиторій для особъ женскаго пола и допущеніе посторонникъ мужчинъ не иначе, какъ съ особою платою и особыми билетами; 5) обязательство, возложенное на студентовъ, при вступленіи въ университетъ брать печатныя правила, называемыя матрикулами. Студентамъ до крайности были не по сердцу эти распоряженія, въ которыхъ они видѣли стѣсненіе своей свободы.

Ожесточеніе ихъ дошло до такой степени, что многіе толпами собирались на сходки на улицахъ съ тѣмъ, чтобы ихъ арестовали и увели въ крѣпость, что и дѣлалось чуть ли не каждый день, а 12 октября громадная толпа студентовъ, человѣкъ болѣе трехсотъ у зданія университета была окружена войскомъ и отправлена въ казематы, причемъ двумъ студентамъ нанесены были жестокіе удары въ голову. Въ Петропавловской крѣпости недостало мѣста, и половина арестованныхъ была отправлена въ Кронштадтъ. Я не принималъ ни малѣйшаго участія въ тогдашнихъ университетскихъ вопросахъ, и хотя студенты часто приходили ко мнѣ, чтобы потолковать со мною, что имъ дѣлать, но я отвѣчалъ имъ, что не знаю ихъ дѣлъ, что знаю только науку, которой всецѣло посвятилъ себя, и все, что не относится непосредственно къ моей наукѣ, меня не интересуетъ. Студенты были очень недовольны мною за такую постановку себя къ ихъ студенческому дѣлу; но мнѣ не удалось тогда уйти отъ клеветъ, ничѣмъ незаслуженныхъ. Однажды, я пришелъ по обыкновенію заниматься въ Публичную библіотеку, и тамъ одинъ ученый нѣмецъ сообщилъ мнѣ, что въ какомъ-то нѣмецкомъ періодическомъ изданіи описываются петербургскія студенческія смуты и въ этомъ опи-

саніи мое имя играетъ незавидную роль: „Professor Kostomaroff die Studenten aufwiegelt“ (профессоръ Костомаровъ волнуетъ студентовъ). Такая вѣсть очень меня растревожила, тѣмъ болѣе, что съ моей стороны не подано къ тому никакого повода. Закрытый университетъ былъ вновь открытъ для тѣхъ, которые покорились волѣ правительства и взяли матрикулы, повинуясь предписаннымъ въ нихъ правиламъ, которыя, непринявшими матрикула, считались стѣснительными. Такихъ — противники ихъ прозвали матрикулистами. Количество покорныхъ властямъ не составляло и трети студенческаго сословія, да и взявшіе матрикулы не посѣщали аудиторіи, такъ что хотя университетъ объявленъ былъ открытымъ, но читать въ немъ было не для кого. Между тѣмъ грозные слухи приходили о студентскихъ смутахъ, совершающихся въ другихъ университетскихъ городахъ. Въ Москвѣ волненіе перешло изъ университетскихъ стѣнъ на улицы. Народъ, разсерженный слухами, будто бы студенты, дворянскія дѣти, оказываютъ недовольство противъ правительства за уничтоженіе крѣпостного права, поколотилъ нѣкоторыхъ студентовъ на улицѣ, а иныхъ даже изувѣчилъ. Въ Харьковѣ и Казани, какъ слышно, происходили большія волненія въ стѣнахъ университета. Въ университетѣ св. Владиміра студентскій вопросъ сталкивался уже съ національнымъ, примѣшивая вражду между поляками и русскими. Впослѣдствіи явилось мнѣніе, что и въ Петербургѣ волненію молодежи содѣйствовали поляки, готовившіе у себя возстаніе и желавшіе произвести всѣми силами безпорядокъ въ русскомъ обществѣ. Насколько я могъ слѣдить и замѣтить, это мнѣніе едва ли основательно. Польская молодежь держалась въ сторонѣ отъ русской и при всякомъ удобномъ случаѣ не скрывала національной антипатіи ко всему русскому. Притомъ же въ русскихъ умахъ, какъ и въ русской литературѣ того времени, было и безъ польскаго вліянія достаточно либеральныхъ тенденцій, которыя могли вскружить головы молодымъ русскимъ людямъ и довести ихъ до непослушанія и безпорядковъ. Почти одновременно съ студентскимъ волненіемъ стали появляться печатные листки, имѣвшіе смыслъ прокламацій, призывающихъ общество къ политическимъ и соціальнымъ

перемѣнамъ, иные, по своему содержанію, были проникнуты умѣреннымъ либерализмомъ, въ другихъ дѣлались воззванія къ революціи и даже къ рѣзнѣ. Судя по шрифту, эти прокламаціи печатались въ Россіи, хотя, какъ говорятъ, впослѣдствіи были попытки производить ихъ за границею и привозить въ предѣлы имперіи контрабаднымъ способомъ. Въ самомъ Петербургѣ эти прокламаціи разносились по домамъ молодыми людьми, которые или затыкали ихъ за двери квартиръ, или же, позвонивши, передавали печатные листки прислугѣ, приказывали подать хозяину, а сами немедленно убѣгали на улицу. Что въ составленіи и распространеніи такихъ прокламацій вовсе не было польскаго вліянія, какъ нѣкоторые подозрѣвали, это всего лучше показываетъ содержаніе русскихъ прокламацій, въ которыхъ никогда не заявлялось симпатій къ Польшѣ и, напротивъ, онѣ были проникнуты такимъ духомъ, который совершенно былъ несвойственъ ни польскимъ сочувствіямъ, ни польскимъ привычкамъ. Поляки того времени, при всемъ своемъ кажущемся либерализмѣ и патріотизмѣ, не могли ни на шагъ отрѣшиться отъ католицизма, тогда какъ русская молодежь отличалась не только холодностію къ вопросамъ религіи, но и склонностію къ отрицанію всякаго догматическаго авторитета. Поляки, при всѣхъ своихъ тенденціяхъ къ возстановленію отечества, были всегда шляхетны: у нихъ много говорилось о народѣ, но подъ народомъ разумѣлось дворянство, или люди, приближающіеся къ дворянамъ, тогда какъ русскій, если былъ либераленъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлался ярымъ демократомъ и относился къ дворянскому достоинству не только презрительно, но даже съ ненавистью. Поляки хорошо понимали бездну, раздѣлявшую ихъ отъ русскихъ по понятіямъ и симпатіямъ, и потому совершенно справедливо со своей точки зрѣнія задавались необходимостію провести строгую, непроходимую межу между Русью и Польшею, приписывая впрочемъ своей Польшѣ всю ту часть Руси, въ которой успѣли провести свой шляхетскій элементъ. Каковъ бы ни былъ москаль, либераленъ ли онъ или консервативенъ — для нихъ было все равно: достаточно того, что онъ москаль и не католикъ — онъ уже имъ чужой. При такомъ положеніи дѣлъ, при

совершенномъ отчужденіи поляковъ отъ русскихъ, можно ли приписывать какія бы то ни было явленія въ русской жизни польскому вліянію? Съ другой стороны, и у русскихъ не видно было большой охоты къ сближенію съ поляками и сердечной любви къ нимъ. Несмотря на то, что въ русскихъ университетахъ уже давно преподавали славянскія нарѣчія, очень мало можно было встрѣтить молодыхъ людей изъ великоруссовъ, сколько-нибудь знающихъ по-польски и интересующихся польскою литературою. Гораздо чаще можно было найти молодого человѣка, учившагося по-сербски, по чешски, но не по-польски. Правда, въ началѣ послѣдняго польскаго возстанія, когда поляки тайными убійствами вооружили противъ себя русское общество, русскіе либералы были того-мнѣнія, что Польшѣ, въ предѣлахъ ея народности, слѣдуетъ предоставить самобытное развитіе, но съ этимъ вмѣстѣ не соединялось ни малѣйшаго желанія заимствовать что нибудь для себя изъ явленій польской жизни. Что же касается до извѣстныхъ польскихъ претензій на принадлежность къ Польшѣ всего западно-русскаго края и даже такихъ коренныхъ русскихъ мѣстностей, какъ Кіевъ или Смоленскъ, то уже и тогда русская молодежь вооружилась противъ этого съ извѣстною долею фанатизма. Мнѣ разсказывали бывшіе въ заключеніи въ Кронштадтской крѣпости студенты, что у нихъ тамъ происходили безпрестанныя столкновенія съ поляками, готовыя даже разразиться дракою, если бы начальство не принимало мѣръ къ прекращенію споровъ и ссоръ. Студенческое дѣло производилось до конца 1861 года. Въ декабрѣ произошли двѣ важныя перемѣны въ администраціи. Министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ удалился отъ должности; вмѣсто него назначенъ Головнинъ, и въ то же время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ сдѣлался свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Съ тѣхъ поръ наступилъ рѣшительный поворотъ въ вопросѣ о студенческихъ волненіяхъ и объ университетскихъ порядкахъ. За нѣсколько дней до праздника Рождества Христова университетъ вторично былъ закрытъ и уже на долгое время.

Головнинъ предположилъ, посредствомъ выборныхъ лицъ ученаго сословія, составить новый университетскій уставъ,

намѣреваясь дать университетамъ возможно большую автономію. Всѣхъ студентовъ, заключенныхъ въ крѣпости, освободили и дозволили имъ держать окончательные экзамены, что неизбѣжно подало поводъ къ большому злоупотребленію, такъ какъ молодые люди, не выслушавшіе всего курса наукъ, являлись на окончательный экзаменъ и были пропускаемы со степенью кандидата: отъ начальства было сообщено профессорамъ, чтобы они были возможно снисходительнѣе къ этимъ юношамъ. Я самъ экзаменовалъ этихъ недоучившихся юношей и не могъ безъ смѣха слушать ихъ отвѣтовъ, обличавшихъ такое невѣжество, какое непростительно было бы и для порядочнаго гимназиста. Такъ, напримѣръ, одинъ студентъ, сознавшійся, что слушалъ въ прошедшемъ году мои лекціи о Новгородѣ и Псковѣ, не могъ отвѣтить, на какой рѣкѣ лежитъ Новгородъ; другой — не слыхалъ никогда о существованіи самозванцевъ въ русской исторіи; третій (это былъ впослѣдствіи составившій себѣ извѣстность въ литературѣ Писаревъ) не зналъ о томъ, что въ Россіи были патріархи, и не могъ отвѣтить, гдѣ погребались московскіе цари. Кандидаты петербургскаго университета 1861 года составили надолго своего рода знаменитость въ исторіи русскаго просвѣщенія. Правительство было чрезвычайно щедро и къ матеріальнымъ нуждамъ выпущенныхъ изъ крѣпости студентовъ: каждый недостаточный студентъ, отправляясь по случаю закрытія университета къ родителямъ, получалъ изъ рукъ генералъ-губернатора до ста рублей вспомоществованія. Министръ Головнинъ, вскорѣ по своемъ вступленіи въ должность, пожелалъ со мной познакомиться и пригласилъ вечеромъ къ себѣ. Я нашелъ въ немъ очень образованнаго и благонамѣреннаго дѣятеля; лично же ко мнѣ онъ былъ чрезвычайно любезенъ. Такъ какъ университетъ былъ закрытъ, и неизвѣстно было, когда онъ откроется, то, желая сохранить за мною профессорское содержаніе, министръ Головнинъ оставилъ меня при должности члена-редактора въ Археографической комиссіи съ сохраненіемъ профессорскаго жалованья на три года. Въ то же время я познакомился съ княземъ Суворовымъ, который принималъ меня очень радушно. Къ университетскому дѣлу князь относился съ особеннымъ добродушіемъ.

Въ началѣ 1862 года студенты, выпущенные изъ крѣпости, составили планъ публичныхъ лекцій. Устроено было такъ, чтобы эти лекціи не представляли чего-нибудь отрывочнаго, но имѣли бы видъ полнаго университетскаго курса. Нѣсколько профессоровъ, а въ томъ числѣ и я, согласились читать лекціи, каждый по своему предмету въ опредѣленные часы въ недѣлю и безъ всякаго вознагражденія за трудъ, принося, такимъ образомъ, свои ученыя занятія въ пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ студентовъ: слушатели изъ общества обязывались платить по два рубля за весь курсъ каждаго предмета, а посѣщеніе одной лекціи по билету стоило 25 копѣекъ. Весь этотъ сборъ шелъ въ студенческую кассу, которою завѣдывали десять распорядителей лекцій изъ бывшихъ студентовъ. Съ февраля я началъ чтеніе русской исторіи съ періода XV-го вѣка, именно съ того періода, до котораго довелъ свое чтеніе въ прошломъ году въ университетѣ. Вообще я раздѣлялъ русскую исторію по времени на два отдѣла: первый заключалъ исторію Руси удѣльно-вѣчевого уклада; второй — обнималъ Русь единодержавную. Первый отдѣлъ былъ уже мною прочитанъ въ университетѣ, теперь я предположилъ читать второй отдѣлъ. Лекціи читаемы были въ большомъ залѣ городской думы, очень просторномъ и свѣтломъ, въ два свѣта, съ галлереями наверху. Такимъ образомъ, послѣ закрытія университета самъ собою возникалъ новый, совершенно свободный университетъ, открытый для лицъ обоего пола всѣхъ званій и безъ всякаго оффиціальнаго начальства. Февраль прошелъ благополучно; но въ началѣ марта наступило неожиданное потрясеніе. Въ домѣ Руадзе, на Мойкѣ, происходилъ литературный вечеръ 5 марта. На этомъ вечерѣ, между прочими участниками, читалъ небольшую статью профессоръ Платонъ Васильевичъ Павловъ. Статья называлась „Тысячелѣтіе Россіи“ и была небольшимъ сокращеніемъ той статьи, которая въ томъ же году была напечатана въ календарѣ *). Передъ началомъ вечера Павловъ, увидя меня, подошелъ ко мнѣ и далъ мнѣ прочитать написанную имъ статью, спрашивая моего мнѣнія, годится ли она для чтенія на

*) „Академическій мѣсяцесловъ“ за 1862 годъ.

вечерѣ. Пробѣжавши ее, я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, она не заключаетъ въ себѣ ничего, способнаго обратить неблагосклонное вниманіе властей, и что я вполнѣ раздѣляю его взгядъ на русскую исторію. Когда Павловъ взошелъ на кафедру читать свою статью, студенты и другія лица изъ публики встрѣтили его такими громкими рукоплесканіями, которыя съ перваго раза показывали чрезвычайное сочувствіе публики къ его личности, сочувствіе, котораго, правду надобно сказать, онъ вполнѣ заслуживалъ, какъ по своей многолѣтней профессорской дѣятельности, такъ и по направленію въ наукѣ, весьма нравившемуся тогдашней публикѣ, въ особенности же молодой. Профессоръ нѣсколько разъ былъ останавливаемъ и прерываемъ рукоплесканіями, болѣе на такихъ мѣстахъ, которыя могли имѣть либеральный смыслъ и которыя могли подать поводъ къ толкованіямъ въ дурномъ смыслѣ. По окончаніи чтенія, когда Павлова стали вызывать, онъ произнесъ текстъ изъ евангелія: „имѣющіе уши слышати, да слышатъ“. Это до чрезвычайности понравилось публикѣ: его наградили самыми бѣшеными рукоплесканіями, которыя побудили его въ другой разъ повторить то же изрѣченіе. На другой же день мы всѣ узнали, что Павловъ арестованъ и ссылается въ Кострому. Студенты распорядители заволновались и стали ходить къ профессорамъ, представляя, что по этому поводу, въ видѣ демонстраціи, слѣдуетъ прекратить чтеніе лекціи. Нѣкоторые профессора поддались голосу студентовъ, но я энергически доказывалъ и тѣмъ и другимъ, что прекращеніе лекцій не имѣетъ никакого смысла, тѣмъ болѣе, что Павловъ навлекъ на себя нерасположеніе правительства вовсе не за эти лекціи, а по поводу тона чтенія, не имѣвшаго къ лекціямъ никакого прямого отношенія, и что дѣлать демонстраціи вообще въ нашемъ положеніи нелѣпо. Я успѣлъ отклонить нѣкоторыхъ профессоровъ отъ прекращенія лекцій: по поводу этого вопроса студенты распорядители собирали нѣсколько разъ профессоровъ въ ихъ квартирахъ и уговаривали прекратить лекціи; но я и нѣкоторые другіе профессора, принявшіе мое мнѣніе, упорно не хотѣли поддаваться студентамъ. Тогда студенты-распорядители сильно озлобились противъ меня, видя, что я становлюсь

ихъ главною помѣхою къ произведенію демонстрацій, до которыхъ у нихъ родилась большая охота со времени студенческихъ смутъ, поведшихъ къ закрытію университета. Надобно замѣтить, что я, нѣкогда пользовавшійся у студентовъ большою любовью, сталъ уже прежде терять многое въ глазахъ ихъ. Меня почему-то считали вначалѣ отъявленнымъ либераломъ, даже революціонеромъ, и это было одною изъ причинъ того горячаго сочувствія, какимъ я пользовался у молодежи. Вѣроятно, къ тому мнѣнію обо мнѣ располагало молодежь мое долгое пребываніе въ ссылкѣ за политическое дѣло, котораго значенія они хорошо не знали. Еще въ предшествовавшемъ году, послѣ Святой недѣли, ко мнѣ явилась странная депутація изъ студентовъ, съ требованіемъ объясненія, что значитъ, что они видѣли меня въ день великой субботы прикладывавшимся къ плащеницѣ и причащавшимся св. тайнъ. „Неужели,— спрашивали они, я поступалъ съ вѣрою“? Я отвѣчалъ имъ тогда же, что ничто не даетъ имъ права вторгаться въ мою духовную жизнь и требовать отъ меня отчета, а ихъ вопросъ: поступалъ ли я такъ съ вѣрою и сознаніемъ меня огорчаетъ потому, что я не изъ такихъ людей, которые бы безъ вѣры и убѣжденія притворялись для какихъ-то посторонихъ цѣлей въ священной сферѣ религіи. Студенты объяснили, что они обратились ко мнѣ съ такимъ вопросомъ оттого, что мои лекціи, пропитанныя свободными воззрѣніями, слушанныя ими долгое время, не заключали въ себѣ ничего такого, послѣ чего можно было бы ожидать отъ меня уваженія къ церковнымъ обрядамъ, свойственнаго необразованной толпѣ. На это я замѣтилъ имъ, что читалъ имъ русскую исторію, а не церковную. и еще менѣе богословіе, слѣдовательно не могъ, по совѣсти, высказать имъ относительно своей собственной вѣры никакихъ ни пріятныхъ для нихъ, ни непріятныхъ убѣжденій; если же, по ихъ словамъ, мои лекціи отличались свободными воззрѣніями, то это одно понуждаетъ меня требовать отъ нихъ уваженія къ свободѣ совѣсти. Я прибавилъ, что если меня возмущали и теперь возмущаютъ темныя дѣянія католической инквизиціи, преслѣдовавшія безвѣріе, то еще болѣе возмущала бы наглость безвѣрія, преслѣ-

дующая, какъ нравственное преступленіе, всякое благочестивое чувство. „Если вы, господа,— сторонники свободы, то научитесь сами уважать ее для тѣхъ мнѣній, которыя вамъ не нравятся и, которыхъ вы опровергнуть положительно научнымъ способомъ не въ состояніи“. Эта выходка студентовъ уже показала, что они во многомъ ошиблись относительно моей личности. Не нравилась имъ и то, что въ моихъ лекціяхъ они не могли отыскать никакихъ признаковъ либеральничанья, намекающаго на что либо современное, такъ какъ всѣ лекціи мои имѣли строго-научный характеръ. Наконецъ, строгое неучастіе мое въ недавнихъ ихъ студенческихъ смутахъ и много разъ заявленное нежеланіе входить въ разсмотрѣніе вопросовъ, ихъ волновавшихъ, еще болѣе вооружили противъ меня молодежь. Теперь мое нежеланіе прекращать лекціи и мое увѣщаніе, обращенное къ профессорамъ о томъ же, сдѣлали меня въ глазахъ молодежи рѣшительнымъ противникомъ всякаго моднаго либерализма. Затаивши противъ меня злобу, студенты-распорядители сказали мнѣ, что они покинули свое намѣреніе прекратить публичныя лекціи, и, обнадеженный ихъ увѣреніями, я пріѣхалъ 9 марта на свою лекцію. На лѣстницѣ, при входѣ въ залъ, одинъ изъ молодыхъ профессоровъ сообщилъ мнѣ, что студенты, злясь на меня, устраиваютъ противу меня какой-то скандалъ. Назадъ я уже не могъ воротиться и смѣло вошелъ въ залъ. Вступая на каѳедру, я былъ озадаченъ вопросомъ одного изъ распорядителей, Утина: „Всѣ Ваши товарищи согласились прекратить лекціи, и мы сегодня заявимъ объ этомъ публично; какъ угодно будетъ Вамъ?“—„Если вы заявите публично, отвѣчалъ я, то и я съ своей стороны заявлю публикѣ собственное мнѣніе“. Я взошелъ на каѳедру и прочиталъ лекцію о Стоглавѣ, извѣстивши публику въ концѣ о томъ, какого содержанія будетъ моя слѣдующая лекція. Не успѣлъ еще я сойти съ каѳедры, какъ на нее вскочилъ одинъ изъ распорядителей и объявилъ публикѣ, что по поводу арестаціи профессора Павлова, всѣ профессора единогласно порѣшили прекратить чтеніе публичныхъ лекцій. Мое положеніе было странное послѣ того, какъ я за минуту передъ тѣмъ объявилъ публикѣ въ чемъ будетъ состоять содержаніе моей слѣдующей лек-

ціи. Притомъ заявленіе о прекращеніи лекцій всѣми профессорами, читавшими въ этомъ залѣ, было несправедливо, такъ какъ мнѣ было достовѣрно извѣстно, что многіе, подобно мнѣ, не соглашались изъ угожденія студентамъ-распорядителямъ прекращать свое чтеніе. Наконецъ я считалъ себя и не въ правѣ, по волѣ какихъ нибудь десяти человѣкъ, лишать многочисленную публику возможности слушать мой курсъ, который былъ почтенъ большимъ сочувствіемъ. Я объявилъ съ кафедры, что другимъ, какъ угодно, а я не считаю себя въ правѣ прекращать чтеніе иначе, какъ только тогда, когда услышу отъ публики желаніе этого прекращенія. На мое заявленіе раздалось множество голосовъ: „читайте, непремѣнно читайте“; но въ это же время раздались студенческіе свистки и посыпались ругательныя слова. Давши время этому шуму успокоиться, я сказалъ публикѣ: „Эти крики и свистки меня не огорчаютъ; я служу наукѣ и высоко цѣню всякую свободу мнѣній, но подчиняюсь законнымъ дѣйствіямъ; но я не могу сочувствовать этому псевдо-либерализму, который пытается насиловать совѣсть и убѣжденія другихъ. Скажу вамъ, милостивые государи, что эти либералы, которые такъ меня награждаютъ, не болѣе какъ Репетиловы, изъ которыхъ лѣтъ черезъ десять выйдутъ Расплюевы“. Снова раздались свистки и ругательства, но ихъ заглушали рукоплесканія и одобрительные возгласы публики. Я вышелъ изъ зала провожаемый и тѣмъ и другимъ: въ одномъ мѣстѣ я слышалъ: „браво, Костомаровъ“, въ другомъ — ругательства. Вышедши изъ зданія, я отправился вмѣстѣ съ профессоромъ Бекетовымъ въ трактиръ Балабина пить чай, куда пришелъ также книгопродавецъ Кожанчиковъ. Не успѣли мы усѣсться, какъ является оберъ-полицеймейстеръ Паткуль и требуетъ меня къ генералъ-губернатору. Я вышелъ, полицеймейстеръ предложилъ мнѣ сѣсть въ его сани: я догадался, что онъ меня считаетъ арестованнымъ. Когда я вошелъ въ квартиру князя Суворова, генералъ-губернаторъ, разсмѣявшись, сказалъ по латыни: „Quousque tandem abutere, academia Petropolitana, patientia nostra!“ (Доколѣ, петербургскій университетъ, будешь ты употреблять во зло наше терпѣніе!) „Что у васъ тамъ вышло? Ко мнѣ пріѣхалъ голова и наговорилъ мнѣ такого, что я понять не

могъ". Я разсказалъ ему все, какъ было. Черезъ нѣсколько минутъ явился шефъ корпуса жандармовъ князь Долгорукій и, увидѣвши меня, сталъ также разспрашивать. Я разсказалъ и ему, какъ было дѣло. Онъ требовалъ назвать имена распорядителей, угрожая посадить ихъ тотчасъ въ крѣпость. Тогда я сталъ просить князя не дѣлать этого, такъ какъ весь этотъ безпорядокъ произошелъ изъ-за меня. Студенты стали мною недовольны и хотѣли учинить собственно мнѣ пакость — и если по такому поводу, да еще вслѣдствіе моихъ показаній, ихъ заключать въ крѣпость, то у меня это будетъ на совѣсти, и, кромѣ того, на меня падетъ незаслуженное и ничѣмъ несмываемое пятно. Поэтому я просилъ, если нужно по поводу случившихся безпорядковъ, предпринять что-нибудь, то, по крайней мѣрѣ, отстранивъ совершенно изъ слѣдствія случай, происшедшій со мною, и не поставивъ имъ въ виду нанесенное мнѣ оскорбленіе. Князь Долгорукій сказалъ, что изъ уваженія къ моей просьбѣ, онъ не предприметъ слѣдствія, касающагося собственно того, что произошло по поводу моей лекціи, но если узнаетъ что-нибудь за ними, не относящееся ко мнѣ, то не оставитъ ихъ безъ преслѣдованія. Оказалось, что послѣ моего ухода изъ зала, безпорядокъ продолжался: кто-то изъ молодежи говорилъ пламенную рѣчь, въ которой требовалъ предать меня суду общественнаго мнѣнія и наказать всеобщимъ презрѣніемъ. Наконецъ, составляли какую-то подписку о подачѣ адреса въ пользу Павлова. Князь Долгорукій исполнилъ свое обѣщаніе: ни одинъ изъ студентовъ-распорядителей не былъ арестованъ и даже привлеченъ къ разспросамъ насчетъ случившихся на моей лекціи безпорядковъ. Между тѣмъ нѣсколько профессоровъ составили адресъ и подали его министру Головнину. Въ этомъ адресѣ просили снисхожденія ихъ товарищу Павлову; текстъ адреса былъ написанъ мною, и я вмѣстѣ съ двумя профессорами ѣздилъ къ министру подать его. Ходатайство наше не имѣло успѣха, хотя министръ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ судьбѣ осуждаемаго профессора. Князь Суворовъ также увѣрялъ насъ, что при всемъ его желаніи, не въ его силахъ добиться возможности спасти Павлова отъ ссылки. Спустя нѣсколько недѣль Павловъ былъ отправленъ на жительство подъ надзоръ

полиціи въ Кострому. Я собирался продолжать свои публичныя лекціи и только искалъ мѣста для чтенія, такъ какъ Дума, послѣ случившагося скандала, не соглашалась уступать своего зала. Тутъ пріѣхалъ ко мнѣ Чернышевскій и сталъ просить меня не читать лекцій и не раздражать молодежь, потому что, какъ ему извѣстно, молодежь, сильно негодуя противъ меня, собирается устроить мнѣ въ моей аудиторіи скандалъ похуже прежняго. Я отвѣчалъ, что если ему это извѣстно, то гораздо справедливѣе было-бы обратиться не ко мнѣ, а къ тѣмъ, которые думаютъ устроить скандалъ, и уговорить ихъ не дѣлать этого. Чернышевскій уѣхалъ отъ меня разсерженный и сказалъ, что постарается пріостановить мои лекціи просьбою у министра и у генералъ-губернатора. Я заявилъ ему, что если правительственныя лица, облеченныя правомъ, пріостановятъ чтеніе лекцій во избѣжаніе безпорядковъ, то я подчиняюсь этому; притворяться же больнымъ, когда я не боленъ, не стану, потому что это значило бы, заявивши публикѣ о будущемъ моемъ чтеніи, вдругъ испугаться молодежи и волею-неволею примкнуть къ ихъ партіи и участвовать въ программѣ ихъ дѣйствій. Черезъ день послѣ этого, я получилъ отъ министра извѣщеніе о томъ, что чтеніе публичныхъ лекцій пріостанавливается. Мнѣ неизвѣстно: сдѣлано ли это было при ходатайствѣ Чернышевского или безъ него, но дѣло тѣмъ для меня не кончилось. Я началъ получать одно за другимъ анонимныя письма, составляемыя съ явнымъ желаніемъ оскорбить и раздразнить меня. Въ нихъ между прочимъ, меня укоряли въ томъ, что на желаніе студентовъ закрыть лекціи я не поддался, съ намѣреніемъ поддѣлаться къ правительству въ милость и получить орденъ. Кромѣ того, въ газетахъ начали появляться летучія статейки, въ которыхъ задѣвали меня, иногда даже не касаясь происшедшаго въ Думѣ безпорядка, а придираясь то къ тому, то къ другому изъ моей литературной дѣятельности, съ явнымъ желаніемъ тѣмъ или другимъ задѣть и уязвить меня. Наконецъ всѣ незаслуженные укоры и клеветы, распространяемыя про меня и доходившія до моего слуха, привели меня въ такую досаду, что я поѣхалъ къ министру и объявилъ ему о своемъ нежеланіи быть болѣе профессоромъ петербургскаго университета. Тогда

я невольно вспомнилъ день, въ который читалъ вступительную лекцію въ университетѣ, а вечеромъ былъ въ театрѣ на представленіи „Пророка“ и замѣтилъ тогда же моему знакомому доктору, что не слѣдуетъ слишкомъ обольщаться расположеніемъ толпы, которая легко можетъ нанести незаслуженное оскорбленіе тому, кого недавно возносила, если услышитъ отъ него непріятный ея самолюбію, голосъ правды. Министръ принялъ отъ меня прошеніе, замѣтивши, что быть можетъ я передумаю, и во всякомъ случаѣ онъ будетъ имѣть меня въ виду для одного изъ русскихъ университетовъ. Несмотря на оскорбленія, нанесенныя мнѣ университетскою молодежью, я тогда же получилъ свидѣтельство о томъ, что направленіе, заявленное этою же молодежью не раздѣляется публикою и, напротивъ, много такихъ лицъ, которыя иными глазами смотрятъ на мои дѣйствія. Ко мнѣ принесли адресъ, подписанный болѣе чѣмъ двумя стами особъ обоего пола, бывшихъ моими слушателями въ залѣ городской думы. Между ними было большинство студентовъ. Въ этомъ адресѣ сознавали справедливость моего поступка и изъявляли, что оцѣнили мою любовь къ наукѣ и мою готовность служить всѣми средствами обществу. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ адресъ подписалъ въ числѣ прочихъ одинъ изъ бывшихъ студентовъ, награждавшій меня свистками и ругательствами. Онъ самъ сознавался мнѣ въ прежней своей продѣлкѣ противъ меня и объяснялъ ее тѣмъ, что товарищи возымѣли надъ нимъ вліяніе, постаравшись представить меня въ дурномъ свѣтѣ, какъ заклятаго врага молодежи и всѣхъ современныхъ прогрессивныхъ движеній. Эта думская исторія оставила на меня глубокое впечатлѣніе, которое перемѣнило многое въ моихъ убѣжденіяхъ. Я увидѣлъ, что большинство русской того времени молодежи, въ научныя силы которой я простодушно вѣрилъ, легко могло быть увлекаемо трескучими фразами, шумихой, но оно мало цѣнило посвященіе себя наукѣ.

Все это дѣлалось въ эпоху самаго крайняго развитія либеральнаго движенія умовъ въ Россіи. Въ образованной молодежи начиналось направленіе, которое такъ характеристично прозвано нигилизмомъ. То было недовольство всѣмъ существующимъ общественнымъ, семейнымъ и политиче-

скимъ строемъ, у иныхъ переходившее уже въ мечтаніи о перестройкѣ общественнаго зданія,— у другихъ ограничивалось либеральными осужденіями всего того, что нравилось правительству и пожилымъ людямъ. Начало этого направленія можно прослѣдить еще съ 50-хъ годовъ — въ періодъ предшествовавшаго царствованія. Сочиненія Прудона читались съ наслажденіемъ мыслящею молодежью. Собственно Прудонъ не могъ своимъ вліяніемъ повести къ созданію какой бы то ни было общественной теоріи; Прудонъ былъ только критикъ общества, критикъ часто ловкій и безжалостный, но онъ былъ настолько благоразуменъ, что, указывая болѣзненныя стороны общественнаго быта, не рѣшался прописывать противъ нихъ лекарства, не въ состояніи будучи сказать навѣрное, что такія лекарства окажутся дѣйствительными. Въ этомъ то отсутствіи утопій и заключается сила и достойная уваженія сторона французскаго мыслителя: зато, не прописывая самъ цѣлебныхъ средствъ противъ общественныхъ язвъ, но открывая предъ взорами всѣхъ эти язвы, Прудонъ подалъ широкій поводъ другимъ брать на себя должность общественныхъ врачей и создавать всякаго рода мечтательныя теоріи объ улучшеніи условій жизни человѣческаго общества. Въ предшествовавшее царствованіе, при чрезвычайномъ стѣсненіи мысли къ печати, навѣянныя чтеніемъ Прудона идеи, не смѣли явно кружиться въ публикѣ. Настало новое царствованіе, а съ нимъ — иныя времена. Само правительство рядомъ предначатыхъ реформъ показало, что у насъ накопилось много требующаго измѣненія. Русскіе умы стали проникаться мыслію, что въ Россіи слишкомъ много дурного, и наше общество требуетъ радикальнаго возрожденія. Какъ всегда и вездѣ бываетъ, мыслящая молодежь несется безъ удержу впередъ; все, что дѣлается вокругъ нея, хотя бы съ явными цѣлями улучшеній, ей кажется малымъ, недостаточнымъ; ей хотѣлось бы видѣть совершившимся въ нѣсколько мѣсяцевъ то, на что по неизмѣннымъ законамъ исторіи, потребны годы, десятки лѣтъ и даже вѣка! „У насъ все дурно!“ — такая фраза сдѣлалась модною и стереотипно произносилась всякимъ, кто не хотѣлъ быть или казаться отсталымъ. Что въ нашемъ общественномъ строѣ, какъ и вообще во всѣхъ человѣче-

скихъ обществахъ, есть темныя стороны — это ни для кого не новость, и иначе быть никогда не могло, пока человѣчество проходитъ свое земное поприще; но пылкая молодежь рѣдко умѣетъ отличать злоупотребленія отъ сущности того, чѣмъ злоупотребляетъ, склонна бываетъ смѣшивать то и другое и вмѣсто того, чтобы обрѣзывать вѣтви дерева, мѣшающія его росту, посягаетъ на самый корень. Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, молодежь стала попирать все, предъ чѣмъ старое поколѣніе благоговѣло: религію, государственность, нравственность, законъ, семейство, собственность, даже искусство, поэзію и таланты. Наука имѣла для нея важность только въ утилитарномъ отношеніи, насколько она могла содѣйствовать улучшенію матеріальнаго быта человѣка. Все, что прежде считалось достояніемъ духовнаго міра, отвергалось, какъ праздное занятіе, и самый духовный міръ назывался мечтою. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ исчисленныхъ сферахъ были всегда и вездѣ темныя стороны, возбуждавшія умъ къ критикѣ. Религія, въ вульгарномъ смыслѣ, нисходила до ханжества или безсмысленной приверженности къ символической буквѣ; государственность, какъ показывала исторія, нерѣдко являлась въ формѣ безсмысленнаго насилія надъ массами народа; люди государственные придавали ореолъ святости тому, что держалось на обманѣ, создавали права, основанныя вначалѣ на дикой силѣ, законъ часто выказывался безсильнымъ противъ людскихъ пороковъ или служилъ имъ благовидною прикрышкой; права собственности, упорно защищаемыя собственниками, обличали свою несостоятельность, какъ только подвергались критикѣ средства возникновенія и упроченія собственности; семейство представляло слишкомъ частые случаи, показывающіе, что на дѣлѣ происходило совсѣмъ не то, что признается предразсудками общества; нравственность вообще имѣла очень шаткое и неточное примѣненіе; что въ одно время или въ одномъ мѣстѣ считалось нравственнымъ, то въ иныхъ временахъ и мѣстахъ признавалось противнымъ; наконецъ искусство, поэзія и свободная наука оказывались, по большей части, привилегіями счастливцевъ міра сего, эксплоатировавшихъ бѣдную, невѣжественную массу народа. Такой мрачный взглядъ на человѣче-

скія отношенія не былъ новостью: самъ Спаситель Христосъ положилъ ему начало для своихъ послѣдователей. Его пламенная проповѣдь противъ фарисеевъ была осужденіемъ и приговоромъ для ханжества всѣхъ вѣковъ. Въ противоположность земному величію владыкъ и царей, требовавшихъ себѣ поклоненія, Спаситель указалъ правила признавать старшимъ надъ всѣми того, кто будетъ всѣмъ слугою.

Какъ мало Спаситель цѣнилъ важность нашихъ имущественныхъ правъ, которыя мы привыкли считать дѣломъ первой важности, показываетъ отвѣтъ его человѣку, просившему его разрѣшить споръ о наслѣдствѣ. Суровость и вмѣстѣ несостоятельность карательнаго правосудія наглядно обличены Христомъ въ его приговорѣ надъ женою прелюбодѣйницею. Слова, сказанныя Петру, хотѣвшему въ порывѣ любви защищать ножемъ своего учителя, послужили рѣшительнымъ неодобреніемъ всякаго военнаго права. Наконецъ христіанское общинное устройство, возникшее у Христовыхъ послѣдователей въ первый же день основанія Христовой церкви, когда всѣ имущіе сносили свое достояніе къ ногамъ апостоловъ — все это признаки, показывающіе, что въ духѣ христіанства лежало иное начало общественнаго строя, что цѣль Христовой проповѣди была радикальное возрожденіе человѣка или, какъ выражался апостолъ, преобразованіе ветхаго человѣка въ новаго. Но въ томъ-то и высота христіанскаго ученія, что оно, указывая человѣку идеалъ, съ одной стороны не думаетъ принуждать его насиліемъ къ воспринятію этого идеала на землѣ, но показываетъ только путь къ достиженію его на небѣ, а самое стремленіе къ нему на землѣ ставитъ только условіемъ къ полученію небеснаго блаженства. Христосъ, какъ Богочеловѣкъ, зналъ слишкомъ человѣческую натуру и не задавалъ для нея несбыточныхъ утопій; напротивъ, въ Своихъ предсказаніяхъ о будущей судьбѣ человѣчества, напоминалъ, что въ мірѣ всегда будутъ и войны и всякія физическія бѣдствія, нарушающія матеріальное благосостояніе человѣка. Отъ этого, если черты, показывавшія, что христіанство требовало отъ человѣческаго общества иныхъ условій противъ тѣхъ, съ какими оно существовало прежде, ласкали воображеніе головъ, задававшихся всякими мечтаніями о преобра-

зованіи человѣческихъ обществъ, то съ другой стороны строгій и нельстивый приговоръ Христа о непрекращаемости всякаго рода бѣдствій, мѣшавшихъ полному счастію на землѣ, отталкивалъ ихъ отъ Христовой вѣры. Такъ случилось на западѣ въ XVIII вѣкѣ; тотъ же процессъ происходилъ и у насъ въ описываемое время. Наши либералы стали съ перваго же раза во враждебное отношеніе къ христіанству и всѣмъ его догматамъ и нравственнымъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что положительная религія, въ формѣ церкви, освящала законность всѣхъ условій общественнаго и политическаго быта, въ которыхъ видѣлись темныя стороны. Съ отверженіемъ христіанства отвергалась идея будущей жизни; человѣкъ признавался существующимъ только на землѣ до могилы, и вся цѣль его ограничивалась матеріальнымъ міромъ. Мыслящая молодежь наша пропиталась самымъ крайнимъ господствомъ матеріалистическихъ ученій и побужденій. Съ отверженіемъ Бога и духовнаго міра, не оставалось уже вѣчныхъ нравственныхъ историческихъ законовъ; все казалось возможнымъ въ человѣческомъ мірѣ по желанію человѣка. Не нужно было ни постепенности, ни разъясненія подробностей, при которыхъ могло совершаться возрожденіе обществъ. „Мы хотимъ; нужно только внушать чтобы и другіе того же хотѣли, чего мы,— а кто станетъ упорствовать, того большинство, склоненное къ намъ, станетъ безжалостно истреблять“. Такой былъ девизъ тогдашнихъ либераловъ, возомнившихъ стать преобразователями общества. Имъ дали кличку „нигилистовъ“, и сами они не стыдились этой клички, а еще хвалились ею.

Нигилизмъ сильно сталъ охватывать умы молодежи, и каждый день увеличивались сотнями полки его послѣдователей. Отъ прежнихъ либераловъ нигилисты, какъ я сказалъ уже выше, стали отличаться крайнимъ неуваженіемъ къ положительной наукѣ, признавая полезнымъ только утилитарную часть реальныхъ наукъ, содѣйствующихъ матеріальному благосостоянію человѣка. Отсюда возникла въ молодежи видимая наклонность къ естествознанію, но эта наклонность мало произвела между ними полезныхъ дѣятелей въ сферѣ естественныхъ наукъ. Возникла мода заниматься естествознаніемъ; но замѣчательно, что никто столько не возму-

щался этой модой и не признавалъ за нею дурныхъ сторонъ, какъ люди, дѣйствительно посвятившіе себя спеціальному изученію естествознанія въ различныхъ его сферахъ. Гимназисты и недоросшія дѣвочки съ увлеченіемъ бросались собирать насѣкомыхъ и изучать формы и названія растеній, но дѣйствительнаго плодотворнаго изученія природы за ними не было. Это была какая-то игра въ естествозваніе. Задавались мыслью, что общественныя связи и условія подлежатъ коренному измѣненію: молодежь бросилась на мечтанія объ общинномъ житіи. Стали заводиться кружки, куда входили молодыя лица обоего пола, и составляться коммуны, гдѣ жили общимъ трудомъ и общими средствами мужчины и женщины. Несостоятельность такого способа житія сказалась на первыхъ же порахъ, такъ что большая часть этихъ коммунъ разстраивалась сама собою скоро послѣ своего основанія. Бракъ признавался дѣломъ эгоистичнымъ и потому безнравственнымъ. Дѣвицы стали переходить отъ сожитія съ однимъ, къ сожитію съ другимъ безъ всякаго стѣсненія совѣсти и даже хвастаясь этимъ, какъ подвигомъ новаго строя жизни, достойнымъ человѣческой природы. Возникли мечтанія о расширеніи нигилистическаго ученія въ массѣ, и средствомъ для того считали тайное печатаніе и распространеніе листковъ или прокламацій, призывавшихъ общество къ преобразованію путемъ кровавой революціи. Молодое поколѣніе при такомъ направленіи естественно становилось въ разрѣзъ со старымъ; отсюда начались враждебныя отношенія дѣтей къ родителямъ и, вообще молодыхъ къ старымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ молодежи развивалась мысль, что для благой цѣли общественнаго преобразованія не нужно стѣсняться ни въ какихъ средствахъ; всѣ мѣры признавались хорошими, если только въ виду имѣлась желанная цѣль. Это была самая черная и возмутительная сторона современнаго нигилизма. Пусть бы у нигилистовъ были какіе угодно идеалы объ устройствѣ общества, но если бы путь къ достиженію этихъ идеаловъ согласовался со враждебными душѣ человѣка принципами нравственности, нигилисты не представляли бы слишкомъ опасныхъ элементовъ, такъ какъ ничто не можетъ поставить отпора безпощадной силѣ логики и убѣжденій. Что бы ни взяло верхъ въ человѣческомъ об-

ществѣ, со всѣмъ пришлось бы мириться, лишь бы только это совершилось тою неотразимою силою признанной истины, которая всегда двигала и вѣчно будетъ двигать исторіею рода человѣческаго; но какъ скоро допуститься столь извѣстное у іезуитовъ правило для доброй цѣли позволять дурныя средства, то самая добрая цѣль превращается во вредную, а злыя мѣры, отъ которыхъ общество не въ силахъ будетъ уберечься, принесутъ свои злые плоды, и послѣдніе непремѣнно окажутъ вредоносное вліяніе, хотя бы и временное. Впрочемъ, всѣ эти нигилистическія теоріи и попытки, тѣмъ или другимъ способомъ примѣнять ихъ къ жизни, не могли имѣть слишкомъ продолжительнаго и широко-вліятельнаго послѣдствія на духъ и жизнь русскаго народа. Онѣ были вредны и опасны потому, что увлекали интеллигентное юношество обоего пола въ тѣ нѣжные годы жизни, когда пріобрѣтаются научныя знанія и устанавливаются воспитаніемъ нравственные жизненные пріемы. Вмѣсто полезныхъ общественныхъ дѣятелей, въ той или другой формѣ, вырабатывались разные либеральные болтуны, заносчивые хвастуны, воображавшіе за собою такія достоинства, какихъ на самомъ дѣлѣ не было, а въ концѣ-концовъ — вредные лѣнивцы твердившіе о трудѣ, а на самомъ дѣлѣ бѣгавшіе истинно полезнаго труда, или своимъ порочнымъ отношеніемъ портившіе его, когда за него принимались. Вѣнцомъ всего былъ страшный эгоизмъ, выразившійся впослѣдствіи тѣмъ, что значительная часть такихъ юныхъ преобразователей общества, возмужавши, переродилась въ биржевыхъ игроковъ и эксплоататоровъ чужой собственности всѣми возможными средствами; тѣ же, которые остались энергически преданными своимъ нигилистическимъ теоріямъ, оправдывающимъ всякое средство для цѣли, нравственно произвели поколѣніе безумныхъ фанатиковъ, отваживающихся проводить свои убѣжденія кинжалами и пистолетами. Таковы были неизбѣжныя послѣдствія ученія, главнымъ образомъ, задававшагося матеріализмомъ и отверженіемъ нравственнаго закона, вложеннаго въ сердце человѣка высочайшимъ вѣчнымъ разумомъ, управляющимъ по невѣдомымъ намъ путямъ всею судьбою исторіи человѣчества.

IX.

Петербургскій университетъ начала 1860-хъ годовъ.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій нѣкогда былъ въ Харьковѣ и въ очень близкихъ со мной отношеніяхъ. По прибытіи въ Петербургъ я узналъ, что при предложеніи меня на каѳедру, онъ какъ человѣкъ, знавшій меня, отнесся обо мнѣ очень одобрительно, вмѣстѣ съ профессоромъ Сухомлиновымъ, поэтому я и хотѣлъ сойтись съ Срезневскимъ по прежнимъ дружескимъ отношеніямъ, но скоро замѣтилъ нѣкоторую холодность въ отношеніи ко мнѣ или недостатокъ той сердечности, какую я привыкъ въ прежней харьковской жизни встрѣчать въ немъ къ себѣ. Это невольно положило между нами какую-то тонкую преграду. Впрочемъ, онъ никогда не заявлялъ чего нибудь непріязненнаго или враждебнаго ко мнѣ, но отношенія его выражались напр. такъ, что я бывалъ у него часто, а онъ у меня рѣдко; иногда въ разговорахъ принималъ какой-то педантическій тонъ, который мнѣ не нравился, и я мало-по-малу началъ расходиться съ нимъ. Мнѣ не нравилось въ немъ направленіе или желаніе сдѣлать науку, которою онъ занимался, не только сухою, но и наборомъ подробныхъ фактовъ, безъ ихъ одухотворенія; внушалась боязнь мышленія. Напр. онъ нападалъ на современную молодежь, занимавшуюся наукою и ставилъ ей въ вину охоту къ размышленію и къ составленію выводовъ, оправдывая это тѣмъ, что при недостаточности подготовки и обработки фактовъ, можно впадать въ ошибочныя заключенія. Въ сущности это было вѣрно, и онъ справедливо нападалъ на тѣхъ, которые съ малымъ количествомъ знаній свысока обо всемъ судили. Но все имѣетъ свою крайность. Ему не нравились легкіе мыслители недостаточно углубляющіеся въ изученіе фактовъ, но, покровительствуя противоположное направленіе, онъ распложалъ пустыхъ кропателей надъ мелочами. Молодые люди даже смѣялись надъ нимъ и говорили, что можно написать диссертацію, въ которой бы у автора не было никакой руководящей идеи, а за то было бы много выписокъ, свидѣтельствъ, ссылокъ, сопоставленій. По его харьковской жизни я зналъ, что онъ нерѣдко брался самъ за такіе предметы, которые недостаточно изу-

чилъ, и умѣлъ прикрывать это ученою мантіею, что не трудно было, когда въ тѣ времена такъ мало находилось конкурентовъ, занимавшихся тѣмъ же предметомъ. Въ Петербургѣ ясно было видно, что онъ относился къ дѣлу фундаментальнѣе и при его несомнѣнныхъ способностяхъ ума пріобрѣлъ болѣе дѣйствительныхъ знаній, но вдался въ академическую сухость подробностей и мелочей, какъ мнѣ казалось, именно потому, что на этомъ пути могъ быть первымъ и руководить другими. Это сдѣлалось особенно послѣ 1862 года, когда вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ между серьезными людьми, такъ сказать, распространилась мода уважать особенно сухія изслѣдованія. Срезневскій, какимъ я его зналъ и смолоду и впослѣдствіи, былъ всегда человѣкъ самолюбивый и честолюбивый; его, какъ видно, утѣшало признаніе за нимъ достоинства строго научнаго труженика, и надобно сказать, что многіе съ этой стороны стали ему курить ѳиміамъ. Я помню уже въ болѣе позднее время, въ 1870 году, когда, у графа Уварова было предварительное совѣщаніе объ археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, уваженіе къ Срезневскому доходило до того, что когда онъ пришелъ вечеромъ къ графу и нѣсколько опоздалъ, то профессоръ Бестужевъ-Рюминъ требовалъ, чтобъ было перечитано вновь уже прочитанное, въ видахъ того, что Срезневскій этого не слышалъ, и Бестужевъ адресовался къ нему съ такимъ почтеніемъ, которое уже переходило въ раболѣпство. Очень многіе относились къ нему точно такъ же, и, какъ казалось, это ему нравилось. Изъ профессоровъ филологическаго факультета, одинъ только Орестъ Миллеръ стоялъ какъ то ребромъ къ нему. Срезневскій былъ человѣкъ очень ловкій и изворотливый, умѣлъ въ университетѣ держать своихъ товарищей такъ, что нѣкоторые, даже вообще недолюбливая его, въ сущности ему повиновались.

Тайна этого состояла въ томъ, что онъ подмѣчалъ слабыя стороны другихъ и именно такія, которыя старались скрыть, а онъ, какъ бы мимоходомъ, давалъ замѣчать, что понимаетъ ихъ, и такимъ образомъ держалъ другихъ въ нѣкотораго рода страхѣ, какъ бы угрожая сказать болѣе того, что онъ сказалъ и чего другіе не хотѣли слушать.

Къ студентамъ онъ былъ вообще добръ и только во время своего кратковременнаго ректорства вооружилъ противъ себя молодежь тѣмъ, что, исполняя волю начальства, хотѣлъ проводить принятыя послѣднимъ мѣры, не нравившіяся студентамъ. О добротѣ его замѣчу, что во время студенческихъ экзаменовъ, бывши у меня ассистентомъ, онъ постоянно просилъ прибавлять студентамъ баллы, хотя въ то же время очень преслѣдовалъ на словахъ легкость молодежи въ занятіяхъ наукою. Это же добродушіе проявилось въ немъ въ отношеніи къ моей покойной матери, когда она проживала въ Петербургѣ, во время моего годичнаго заключенія въ крѣпости, за что я всегда былъ и буду ему благодаренъ.

Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ былъ въ отрочествѣ моимъ ученикомъ въ харьковскомъ пансіонѣ Зимницкаго, гдѣ я когда-то въ началѣ 40-хъ годовъ давалъ уроки. Сухомлиновъ тогда уже былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и съ перваго раза былъ замѣтенъ по дарованіямъ и уму. Въ университетѣ онъ, какъ я слыхалъ отъ многихъ, былъ лучшимъ студентомъ. Выѣхавши изъ Харькова, я встрѣтился съ нимъ лѣтъ черезъ шестнадцать въ Петербургѣ, гдѣ онъ уже занялъ каѳедру, послѣ возвращенія своего изъ за границы. Преподавая русскую словесность въ петербургскомъ университетѣ, Сухомлиновъ занимался ученолитературными трудами, и все что написалъ и издалъ, отличается безукоризненною дѣльностію въ обработкѣ предмета и въ правильности взгляда. Я встрѣтился съ нимъ, какъ со стариннымъ знакомымъ, и неизмѣнимо находился съ нимъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ. Въ числѣ его качествъ, какъ человѣка, я замѣтилъ въ немъ постоянное желаніе ладить со всѣми, для чего онъ иногда прибѣгалъ и къ тонкой лести, готовъ былъ изъ желанія сохранить хорошія отношенія похвалить то, чему на самомъ дѣлѣ не сочувствовалъ, сказать только вполовину и смолчать тамъ, гдѣ можно было ожидать отъ него возраженія. Но это дѣлалось всегда безъ ущерба правдѣ и добросовѣстности.

Николай Михайловичъ Благовѣщенскій, профессоръ латинской словесности. Послѣ поступленія моего на каѳедру, я сблизился съ нимъ довольно дружески. Это былъ чело-

вѣкъ честный и прямой, очень любезный въ обращеніи, безъ всякаго педантства, зналъ свой предметъ, но занимался имъ безъ увлеченія, которое вообще не было у него въ природѣ. Его постоянная любезность обращенія со всѣми усвоила ему нѣкоторую манерность: покойный поэтъ Ник. Ѳед. Щербина постоянно подтрунивалъ (за глаза, разумѣется) надъ его свѣткостію, которая, при его происхожденіи изъ духовнаго званія, нерѣдко невольно возбуждала насмѣшку. Щербина далъ ему кличку: Marquis de Blagowestschensky, и эта кличка пришлась, какъ говорится, по шерсти. Петербургскіе либералы недолюбивали его и считали его однимъ изъ искателей карьеры, угождающимъ сильнымъ міра сего, старались даже умалить его ученое значеніе. Что касается до послѣдняго, то при его несомнѣнномъ знаніи, въ его отношеніи, къ наукѣ проглядывала всегда сухость и прозаичность. Что же касается до пролаганія себѣ дороги нечестными путями, то это совершенная ложь. Напротивъ: когда университетъ находился къ колебавшемся положеніи и, бывшій временно министромъ народнаго просвѣщенія адмиралъ Путятинъ ни къ селу, ни къ городу созвалъ профессоровъ и началъ читать имъ выговоръ, одинъ Благовѣщенскій не смолчалъ и отвѣтилъ ему чрезвычайно рѣзко. Министръ сказалъ въ заключеніе своей рѣчи: „я съ вами, господа, говорю откровенно“. Благовѣщенскій отвѣтилъ: „Ужъ черезчуръ, ваше сіятельство, только мы къ такого рода откровенностямъ не привыкли и привыкать къ нимъ не желаемъ“. Путятинъ поблѣднѣлъ отъ злости. Такой поступокъ не показываетъ скромнаго угодника сильныхъ міра и гоняющагося за ихъ милостями. Благовѣщенскій въ разговорахъ всегда былъ неумолимымъ врагомъ недозрѣлаго либерализма, господствовавшаго въ юномъ поколѣніи, сторонникомъ порядка и законности. но это происходило у него изъ внутренняго твердаго убѣжденія, а не изъ какого нибудь исканія добраго о себѣ мнѣнія властей. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ варшавскій университетъ, сдѣланъ былъ тамъ ректоромъ, и надобно сказать, что тутъ онъ сталъ истинно на своемъ мѣстѣ. Всегда любезный и мягкій въ обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердый въ убѣжденіяхъ и неуклонный въ мѣрахъ, онъ былъ болѣе чемъ кто нибудь пригоденъ для поляковъ,

съ которыми всегда слѣдовало обращаться крайне вѣжливо, но вмѣстѣ и твердо. Поэтому онъ, какъ я слышалъ, отъ многихъ, пріобрѣлъ тамъ всеобщее уваженіе русскаго и польскаго общества.

Алексѣй Николаевичъ Савичъ — профессоръ астрономіи, познакомился со мной черезъ общаго знакомаго Василія Васильевича Тарновскаго, бывшаго членомъ редакціонной комиссіи. Несмотря на различіе нашихъ спеціальностей, я сошелся съ нимъ самымъ близкимъ образомъ и нашелъ въ немъ чрезвычайно умнаго и всесторонне образованнаго человѣка, какихъ вообще рѣдко встрѣтить. Его познанія въ своей наукѣ признаются единогласно всѣми занимающимися ею, но кромѣ того я самъ испыталъ, что онъ имѣетъ рѣдкій даръ излагать астрономическія истины такъ ясно, талантливо, живо и для всѣхъ увлекательно, что не разъ съ особеннымъ удовольствіемъ я вызывалъ его на научныя бесѣды и всегда слушалъ ихъ съ жадностью и наслажденіемъ. Всѣ, кого я зналъ, относились къ нему въ этомъ отношеніи точно такъ же. Но Савичъ не былъ узкимъ спеціалистомъ. Онъ имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ другихъ наукахъ, совершенно далекихъ отъ его математико-астрономическихъ знаній и между прочимъ въ исторіи. Онъ зналъ ее, любилъ, все замѣчательное въ ея области читалъ и произносилъ замѣчательно вѣрные сужденія и взгляды. Природный малороссіянинъ, онъ усвоилъ съ дѣтства и сохранилъ до старости тотъ простодушный юморъ, который составляетъ характеристическую черту малоросса. И это качество постоянно въ немъ высказывается и придаетъ его бесѣдѣ особую живость и увлекательность. Онъ даже въ выговорѣ своемъ остался малороссомъ, несмотря на то, что получилъ воспитаніе въ Дерптѣ, жилъ нѣсколько разъ съ ученою цѣлью въ Германіи, Франціи и Англіи, былъ женатъ на нѣмкѣ и многими взглядами не нравился нашимъ квасным патріотамъ, которые обвиняли его за то въ пристрастіи къ иноземщинѣ. Этотъ человѣкъ въ жизни своей испыталъ чрезвычайно много семейнаго горя: потерялъ сначала замужнюю дочь и зятя, оставившихъ на его попеченіи двоихъ сиротъ, потомъ потерялъ взрослаго сына, уже окончившаго курсъ въ университетѣ и державшаго экзаменъ на магистра,

наконецъ любимую жену, съ которой дружно прожилъ 30 лѣтъ.

Несмотря на эти удары судьбы, глубоко имъ чувствуемые, онъ все переносилъ со стоическимъ терпѣніемъ и послѣ непродолжительнаго періода горести обращался неутомимо къ своимъ занятіямъ. Во внѣшности Алексѣя Николаевича было чрезвычайно много страннаго. Онъ былъ одѣтъ всегда такъ дурно, какъ послѣдній бѣднякъ, хотя имѣлъ всегда очень хорошее состояніе, владѣлъ поземельною собственностію въ Малороссіи, большимъ домомъ въ Петербургѣ и капиталами въ разныхъ процентныхъ бумагахъ. Это возбуждало смѣхъ. Однажды на пожарѣ въ Петербургѣ его схватили и заставили его качать воду, принимая за чернорабочаго; другой разъ въ церкви, во время причащенія въ великій постъ, солдатъ, указывая на него въ то время, какъ онъ подходилъ къ теплотѣ (?) сказалъ другому солдату: „Видишь ты этого михлютку? Вѣдь генералъ!“

„Что ты?!“ съ удивленіемъ спросилъ другой. „Ей Богу! три звѣзды у него!“ отвѣчалъ солдатъ. О немъ ходили слухи, что это происходитъ отъ чрезвычайной скупости. И въ самомъ дѣлѣ это было такъ. Онъ былъ до крайности скупъ, совершенное подобіе гоголевскаго Плюшкина, но что всего страннѣе — при чрезмѣрной скупости, которая заставляла его трястись надъ двадцатью копейками, онъ готовъ былъ тратить для пользы другихъ безкорыстно большія суммы. Такъ напр. мнѣ извѣстно, что онъ помогалъ бѣднымъ студентамъ, давая имъ по 25 и по 50 рублей, не ожидая отдачи. Когда я былъ боленъ тифомъ въ 1875 году, лежалъ безъ памяти и въ полномъ одиночествѣ, потому что въ это же время скончалась моя мать, за мною ухаживали чужіе добрые люди. Денегъ у меня нашли всего 80 рублей. Получить изъ банка можно было только подписавши чекъ, а я, находясь въ безпамятствѣ, подписать его не могъ. Доктора находили болѣзнь мою до того опасною, что считали выздоровленіе почти невозможнымъ. Является Савичъ. Окружавшіе меня люди заявляютъ ему, что нечѣмъ ни лѣчить меня, ни похоронить мою мать. Савичъ тотчасъ предлагаетъ брать у него денегъ сколько надобно, хотя бы и болѣе тысячи рублей. Ему замѣтили, что я могу умереть и потомъ

денегъ этихъ не съ кого получить. Савичъ не останавливается и говоритъ, что если бы и такъ было, то онъ не пожалѣетъ изъ желанія спасти мнѣ жизнь. Случилось такъ, что тогда же нашли другой источникъ, отдавши редактору „Вѣстника Европы“ для напечатанія рукопись „Кудеяра“, уже мною запроданнаго до болѣзни редактору. Но Савичъ не зналъ этого и предлагалъ деньги тогда, когда болѣе вѣроятія было ихъ потерять, нежели возвратить. Эти черты составляютъ просто непонятное противорѣчіе съ его несомнѣнною скупостью. Онъ постоянно слѣдилъ за всѣми современными явленіями во всѣхъ сферахъ жизни и политической, и общественной, и торговой, и правительственной, и ученой, и юридической всегда съ вѣрнымъ и мѣткимъ сужденіемъ, пропитаннымъ никогда непокидающимъ его юморомъ. Помню, какъ онъ въ 1861 году когда студенты волновались и толковали, брать ли имъ навязываемые начальствомъ матрикулы или вести оппозицію до крайнихъ предѣловъ, Савичъ сказалъ имъ: „Вы чего, господа, хотите? Чтобъ этихъ матрикуловъ не было? Не такъ ли? Ну такъ покоряйтесь берите — и ихъ не будетъ. У насъ все такъ дѣлается: прикажутъ, послушаютъ приказанія, а потомъ оно забудется, никто его исполнять не будетъ и никто за неисполненіе не будетъ преслѣдовать. Если бы мнѣ приказали: поѣзжай на луну! Я бы не сталъ доказывать, что туда добраться невозможно, а сказалъ бы „слушаю“ и конечно не исполнилъ бы и никто бы меня за то не преслѣдовалъ, зная, что этого нельзя сдѣлать“. Другой разъ онъ, встрѣтившись съ однимъ сектантомъ, сталъ его уговаривать „заявить согласіе съ господствующимъ ученіемъ“. „Но вѣдь это будетъ противъ моего убѣжденія,— сказалъ сектантъ,— все равно, еслибъ васъ профессоръ, принуждали говорить, что солнце меньше земли. Развѣ вы бы сказали?“—„Сказалъ бы“, отвѣчалъ Савичъ, „когда бы этого силою потребовали: оно отъ того меньше не будетъ!“—и при этомъ привелъ въ примѣръ Галилея. Въ его сужденіяхъ вездѣ появляется строгій критическій взглядъ. Во всемъ онъ ловко отыщетъ слабую и смѣшную сторону, что, однако, ни мало не мѣшаетъ ему указать на стороны положительныя. Въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ, однако, проскакиваютъ у него взгляды, которые можно назвать отсталыми

въ наше время. Такъ напр. онъ не придаетъ никакого значенія стремленію, явившемуся въ послѣднее время въ женщинѣ пріобрѣтать серьезное ученое образованіе и думаетъ, что женщина должна ограничиваться узкою сферою кухни и салона; я объясняю это нѣмецкимъ вліяніемъ, внѣдрившимся отъ воспитанія въ Дерптѣ и отъ сожительства съ женою нѣмкою.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Съ нимъ я познакомился въ 1855 году и съ тѣхъ поръ онъ долго производилъ на меня очень симпатичное впечатлѣніе; человѣкъ живого нрава, увлекающійся современными вопросами, съ поэтическимъ отблескомъ, человѣкъ много читавшій, а еще болѣе много думавшій. Онъ особенно остался у меня въ памяти, когда осенью 1857 года, возвращаясь изъ за границы, я прожилъ въ Петербургѣ, въ гостинницѣ Демута недѣли двѣ и однажды ночью, часовъ въ 11, заѣхалъ ко мнѣ Кавелинъ и мы съ нимъ просидѣли почти до разсвѣта одинъ на одинъ. Это было время благихъ ожиданій, готовилось уничтоженіе крѣпостного права и вся мыслящая Россія отъ мала до велика только о томъ постоянно и думала. И у насъ съ Кавелинымъ тогда бесѣда вращалась преимущественно около этого вопроса. Въ 1859 году, когда меня избрали на каѳедру, Кавелинъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ друзей, проводившихъ мое избраніе, и въ октябрѣ этого года, когда послѣдовало Высочайшее утвержденіе меня въ должности, онъ первый прибѣжалъ ко мнѣ въ гостинницу Балабина, гдѣ я жилъ, съ такимъ радостнымъ чувствомъ, какъ будто бы дѣло шло о немъ самомъ. Студенты его чрезвычайно любили. Онъ читалъ государственное право. На его лекціяхъ, всегда было много постороннихъ слушателей, потому что онъ отличался прекраснымъ даромъ слова, ясностью изложенія, быстротою выраженія и большимъ остроуміемъ; въ немъ казалось нѣчто французское. И въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ говорили, его мать была француженка по происхожденію. Во время студенческихъ смутъ 1861 года, Кавелинъ невольно сталъ въ какое то неловкое, и такъ сказать фальшивое положеніе. Когда правительство, находя, что между студентами явилась распущенность, задумало установить дисциплинарныя правила для студентовъ, составлена была комиссія изъ

профессоровъ и въ этой комиссіи былъ Кавелинъ и, какъ разсказываютъ, игралъ тамъ роль заправщика. Эти дисциплинарныя правила, составленныя комиссіей, но нѣсколько измѣненныя высшимъ начальствомъ, и послужили поводомъ къ смутамъ между студентами. Профессора много разъ собирались въ совѣтъ, и въ этихъ засѣданіяхъ сами раздѣлились на три партіи. Одна старалась угождать видамъ правительства въ его предначертаніяхъ, другая составляла оппозицію и естественно пользовалась сочувствіемъ студентовъ, третья старалась по возможности не приставать ни туда, ни сюда и уклониться отъ участія въ вопросахъ, тогда возбуждаемыхъ. Кавелинъ сталъ, такъ сказать, главою и душою второй изъ этихъ партій; между профессорами многіе не принимали во вниманіе представленій и мнѣній этой партіи и Кавелинъ, какъ ея глава, въ частныхъ собраніяхъ, собиравшихся то у того, то у другого изъ профессоровъ, предложилъ выйти въ отставку en masse. Къ нему тотчасъ пристали Стасюлевичъ, Пыпинъ, Борисъ Утинъ и Спасовичъ. Они хотѣли нравственнымъ давленіемъ побудить къ тому же и другихъ профессоровъ изъ круга тѣхъ, которые прямо не поддерживали правительственныхъ распоряженій, въ томъ числѣ и меня, и притомъ налегали на меня болѣе, чѣмъ на всякаго другого. Я уперся и это было началомъ охлажденія между мною и Кавелинымъ. И другихъ сотоварищей я удерживалъ отъ этого предпріятія, представляя, что можетъ все перемѣниться, студентовъ, которыхъ тогда не десятками, а сотнями, засадили по крѣпостямъ, скоро выпустятъ, перемѣнятъ главное начальство, откроютъ опять университетъ и снова пойдетъ все попрежнему. Вышеозначенные профессора подали въ отставку, а между мною и ими пробѣжала, какъ говорится, черная кошка. Черезъ мѣсяцъ или черезъ два Кавелинъ получилъ мѣсто въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ. И другіе, исключая А. Н. Пыпина, не потеряли *матеріально* отъ своего выхода въ отставку. Стасюлевичъ и Утинъ были лица съ собственнымъ обезпеченнымъ состояніемъ, а Спасовичъ только разгласилъ, что онъ подалъ въ отставку, но какъ то устроилъ свои дѣла такъ, что прошеніе его не пошло въ ходъ, а потомъ, когда министромъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ Голов-

нинъ, онъ хлопоталъ о полученіи каѳедры ординарнаго профессора въ Казани (въ Петербургѣ былъ онъ только экстраординарнымъ) и уже былъ почти туда назначенъ, но Государь Императоръ лично не велѣлъ опредѣлять его за какія то найденныя въ сочиненіяхъ Спасовича объ уголовномъ правѣ мысли о томъ, что бываютъ случаи, когда лица, признаваемыя виновными юридически, съ нравственной точки бываютъ не только правы, но чуть не святы, а въ примѣръ приведены были поляки, осужденные русскимъ правительствомъ за проявленія любви къ своему отечеству. Впослѣдствіи хотя съ Кавелинымъ я встрѣчался дружелюбно, но уже прежняго дружескаго сближенія между нами не было. Ни онъ у меня, ни я у него не бывали.

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ — бывшій профессоръ уголовнаго права, а потомъ пріобрѣвшій всеобщую извѣстность адвокатъ. Знакомство мое съ нимъ началось въ 1857 году весною, когда я ѣхалъ черезъ Петербургъ за границу и оставался въ Петербургѣ двѣ или три недѣли. Знакомство мое съ нимъ совпало разомъ съ цѣлымъ кружкомъ лицъ изъ польской націи и потому, говоря о немъ, придется сказать разомъ и о другихъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ въ вышеозначенное время пришли ко мнѣ три неизвѣстныхъ лица, рекомендуясь отъ имени моихъ знакомыхъ Бѣлозерскаго и Кулиша. Одинъ былъ Желеховскій, поэтъ, извѣстный въ польской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Совы; другой — Сѣраковскій, только что освобожденный изъ тяжелой ссылки въ Оренбургскій баталіонъ, гдѣ онъ сблизился съ Шевченкомъ, съ которымъ пришлось ему тянуть солдатскую лямку; третій — Спасовичъ, тогда только что поступавшій въ адъюнкты петербургскаго университета. Они знали обо мнѣ какъ о человѣкѣ пострадавшемъ за славянскую идею и тотчасъ завели со мною о томъ бесѣду. Такъ какъ я въ то время былъ сильно проникнутъ идеею славянской взаимности во всѣхъ ея видахъ, то естественно между нами наступило тотчасъ же самое дружеское сближеніе. Я способенъ былъ увлекаться и вѣрить, а потому, такъ сказать, влюбился во всѣхъ трехъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они, со свойственною полякамъ любезностью, разсыпались въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ ко мнѣ; всѣ трое были однако различны

по характеру и пріемамъ. Желеховскій, человѣкъ лѣтъ около 30-ти, изящно одѣтый, довольно красивый собою, съ рѣчью, исполненною чувства, имѣлъ такіе признаки, по которымъ человѣка можно назвать сахарнымъ. Онъ тогда же началъ съ одушевленіемъ читать мнѣ свои польскіе стихи, которые мнѣ понравились, быть можетъ поджупивъ меня своимъ содержаніемъ, касавшимся любимой моей идеи. Другой — Сѣраковскій, по пріемамъ и манерамъ своимъ былъ совершенный огонь. Онъ говорилъ съ паѳосомъ, не могъ ни полъминуты усидѣть на мѣстѣ, метался изъ одного угла комнаты въ другой и декламировалъ такъ, какъ будто былъ на трибунѣ. Онъ мнѣ особенно тогда понравился. По разсказамъ его, окончивши курсъ въ петербургскомъ университетѣ, онъ былъ арестованъ за какія то политическія писанія и отправленъ въ тяжелую ссылку, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ, а только что воротившись въ офицерскомъ чинѣ получилъ надежду быть принятымъ въ военную академію. Третій былъ Спасовичъ, человѣкъ кроткаго вида, менѣе прочихъ разговорчивый, погруженный по виду болѣе въ науку, чѣмъ въ современные вопросы, онъ только какъ бы всколзь и спокойно показывалъ, что раздѣляетъ съ другими одинакіе взгляды. Съ этого дня началось мое знакомство съ этими людьми. Желеховскій, пробывши въ Петербургѣ послѣ того около трехъ лѣтъ, часто видѣлся со мною у Бѣлозер., съ которымъ былъ друженъ и неоднократно вмѣстѣ съ нимъ посѣщалъ меня. Онъ читалъ свои польскія стихотворенія, сколько помнится, драматической формы, и при этомъ чтеніи не разъ присутствовалъ Шевченко. Скоро, однако, сошелся онъ съ какою то госпожею, которую я раза два видѣлъ у Бѣлозерскихъ, и въ 1860 году вмѣстѣ съ нею отправился за границу и совершенно исчезъ изъ вида. Послѣ я услышалъ, что онъ умеръ въ Женевѣ. Сѣраковскій, поступивъ въ военную академію, скоро произвелъ тамъ фуроръ необыкновенными своими способностями. Въ 1860, 61 и 62 годахъ я съ нимъ не рѣдко видался въ публичной библіотекѣ и у себя дома, и наконецъ въ ресторанахъ, куда мы неоднократно ходили вмѣстѣ обѣдать. Его политическія убѣжденія приводили меня въ совершенный восторгъ. Онъ казался врагомъ польско-шляхетскихъ патріотическихъ тенденцій; сознательно говорилъ,

что Польша можетъ быть возстановлена только въ славянской федераціи и притомъ радикально измѣнившись, поставивши своею задачею пользу не одного какого нибудь класса, какъ прежде было, а цѣлой массы народной. Онъ казался пламеннымъ поборникомъ демократическихъ идей, стремленія даровать простому народу свободу и возвышать его умственный и матеріальный уровень путемъ правильнаго просвѣщенія. Онъ говорилъ именно то, чего не было въ старой Польшѣ. Никто, казалось, такъ безпристрастно не относился къ темнымъ сторонамъ прошедшаго и никто, казалось, такъ не сознавалъ ихъ. Мои задушевныя славянскія стремленія нашли, повидимому, въ этомъ человѣкѣ самаго рьянаго поборника. Непріятно иногда щелкали мое ухо, какъ бы невзначай дѣлаемыя выходки въ духѣ старошляхетской Польши, но я извинялъ это тѣмъ, что трудно человѣку вполнѣ отрѣшиться отъ усвоенныхъ съ матернимъ молокомъ предразсудковъ. Но вспыхнуло польское возстаніе 1863 года и Сѣраковскій неожиданно для меня явился совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Не знаю, какими путями случился крутой поворотъ въ немъ, но видно было, что у него въ душѣ происходило такое, чего мнѣ не открывалось. Съ необыкновенною скоростью по службѣ, благодаря своимъ талантамъ, онъ получилъ чинъ полковника генеральнаго штаба и отправился по дѣламъ службы въ Вильну, гдѣ и женился. Говорили, что въ Вильнѣ онъ жилъ не малое время въ домѣ генералъ губернатора Назимова, и внушилъ ему полную увѣренность въ своемъ неодобреніи польскихъ замысловъ и въ своей преданности Россіи, какъ вдругъ онъ пристаетъ къ мятежу, революціонный жондъ назначаетъ его виленскимъ воеводою и главнымъ предводителемъ литовскаго возстанія. Сѣраковскій выступаетъ открыто врагомъ Россіи, командуетъ повстанцами, и, что всего страннѣе, приказываетъ разстрѣливать русскихъ плѣнныхъ. Вспоминая о томъ, что онъ мнѣ говорилъ въ прежнія времена нашего сближенія, я бы ни за что не повѣрилъ, что Сѣраковскій былъ способенъ на подобные поступки. Однако это было такъ. Банда его была разбита и онъ, раненый, взятъ въ плѣнъ. Муравьевъ приказалъ его прежде вылѣчить, а потомъ повѣсить. По свидѣтельству очевидцевъ, онъ умеръ

совсѣмъ не героемъ. Когда его подвели къ висѣлицѣ, онъ началъ ругать Россію, а потомъ бить палача. Ясно было для всѣхъ, что этимъ неистовствомъ пытался онъ заглушить въ себѣ трусость предъ неминуемою смертью. Барабанный бой прекратилъ его проклятія, а палачъ, въ отмщеніе за нанесенные побои, повѣсилъ его такъ, что несчастный умиралъ въ медленныхъ мукахъ. Узнавши о судьбѣ его, я долженъ былъ сознаться въ своей непростительной наивности и легковѣріи, съ которымъ принималъ за чистую монету то, что мнѣ говорили наши общіе враги поляки.

Съ поступленія своего въ университетъ я сошелся съ Спасовичемъ довольно по пріятельски, хотя наши занятія и не дозволяли намъ видѣться очень часто. Спасовичъ былъ большой знатокъ польской литературы и былъ мнѣ очень полезенъ. Не разъ я обращался къ нему съ разными вопросами, чтобъ отыскать свѣдѣнія, которыя оказывались нужными для русской исторіи по тѣсной связи, какую имѣлъ польскій міръ съ русскимъ. Въ политическихъ убѣжденіяхъ Спасовичъ казался человѣкомъ умѣреннымъ, противникомъ всякихъ патріотическихъ увлеченій, свойственныхъ его землякамъ; въ особенности онъ показывалъ большое уваженіе къ дѣятельности маркиза Велепольскаго, поставившаго себѣ задачею примиреніе поляковъ съ русскими на принципахъ славянской взаимности, что совершенно совпадало со моими завѣтными мечтами. Родомъ изъ Бѣлоруссіи, онъ былъ сынъ доктора въ Рѣчицѣ, русскаго по вѣрѣ и по происхожденію, но матери польки, однако не таился предпочтеніемъ всего польскаго. Относительно религіи онъ не придавалъ католичеству значенія національной польской религіи и постоянно указывалъ на историческіе примѣры тѣхъ русскихъ православныхъ пановъ, которые заявляли себя вѣрными слугами Польши; впрочемъ, онъ не только не проявлялъ какой нибудь враждебности къ русскимъ,— напротивъ, съ чувствомъ толковалъ о примиреніи. Это былъ человѣкъ очень умный, талантливый, казался чуждымъ всякаго своекорыстія, горячо преданнымъ идеѣ. Неудивительно, что я полюбилъ его, высоко уважалъ и съ негодованіемъ слушалъ отъ нѣкоторыхъ замѣчанія, что это человѣкъ двуличный. Студенты очень любили его, не только поляки, но и русскіе,

тѣмъ болѣе, что никто изъ профессоровъ не заботился такъ сердечно и горячо о ихъ нуждахъ: если приходилось составить какой-нибудь литературный вечеръ, спектакль, концертъ или что нибудь иное въ пользу существовавшей тогда кассы для поддержанія бѣдныхъ студентовъ, Спасовичъ былъ всегда главнымъ учредителемъ и заохочивалъ къ участію литераторовъ и ученыхъ.

Когда начались студенческія волненія, Спасовичъ былъ въ числѣ профессоровъ, настаивавшихъ на подачѣ объ отставкѣ, но тутъ же сдѣлалъ маленькую хитрость: онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и это сдѣлалось извѣстнымъ между студентами и профессорами, но потомъ взялъ назадъ свое прошеніе, продолжая считаться профессоромъ, и получалъ жалованье, а когда съ января 1862 года поступилъ въ министерство Головнинъ, то исходатайствовалъ для себя переводъ въ казанскій университетъ. Но тутъ какіе-то стоявшіе высоко недоброжелатели его повредили ему, представивши Государю о его неблагонадежности, которая, по ихъ мнѣнію, высказалась въ его диссертаціи по уголовному праву, гдѣ онъ проводилъ мысль, что могутъ быть поступки, признаваемые преступленіями, а въ сущности благородные, добродѣтельные. Къ такимъ поступкамъ принадлежали случаи всякой оппозиціи покоренныхъ національностей противъ покорительной силы. Эта мысль очень не понравилась, потому что здѣсь ясно увидѣли, что идетъ дѣло о Польшѣ и польскихъ стремленіяхъ... Государь не разрѣшилъ оставлять Спасовича въ профессорскомъ званіи и Спасовичъ, выбитый изъ своей обычной колеи, бросился въ адвокатуру, чѣмъ матеріально пріобрѣлъ себѣ большую выгоду. Нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣтившись со мной, онъ говорилъ, что успѣлъ уже нажить себѣ большой капиталъ, тогда какъ если бы оставался съ профессурою, то долженъ былъ бы ограничиваться сравнительно скудными средствами.

Лѣтомъ 1862 года я ѣздилъ въ Вильно и на желѣзной дорогѣ встрѣтилъ Спасовича, ѣдущаго туда же. Мы пріѣхали вмѣстѣ въ Вильно и онъ меня познакомилъ съ тамошнимъ ученымъ кругомъ, но самъ отъ этого круга удалялся; онъ, какъ разсказываль, пріѣзжалъ къ своему другу Оскѣрко и остановился у него. Этотъ Оскѣрко впослѣдствіи былъ од-

нимъ изъ главнѣйшихъ руководителей возстанія и былъ сосланъ въ каторгу. Тогда же не только русскіе, но поляки указывали на него, какъ на яраго польскаго патріота, руководившаго духомъ начинавшагося возстанія. Когда въ 1863 году вспыхнуло рѣшительное возстаніе, Спасовичъ, живя въ Петербургѣ, всегда говорилъ объ этомъ съ сожалѣніемъ и съ неодобреніемъ, между тѣмъ въ обществѣ не только русскомъ, но и польскомъ говорили въ одно, что онъ одинъ изъ важнѣйшихъ участниковъ возстанія. Это казалось вѣроятнымъ особенно тогда, когда открылось участіе Огрызка, директора акцизныхъ сборовъ, закадычнаго друга Спасовича. Тѣмъ не менѣе Спасовича законъ не преслѣдовалъ, потому что онъ держалъ себя осторожно. Но что онъ сочувствовалъ возстанію — въ этомъ едва ли можно было сомнѣваться, когда въ его кабинетѣ вся стѣна была увѣшена фотографическими карточками польскихъ повстанцевъ, потерпѣвшихъ смерть или ссылку за возстаніе. Онъ нигдѣ не скрывалъ своего сочувствія ко всему польскому и даже въ своихъ судебныхъ рѣчахъ не разъ это высказывалъ. По причинѣ разныхъ путей жизни мы видѣлись съ нимъ рѣдко, но при всякой встрѣчѣ относились другъ къ другу пріятельски. Однажды онъ мнѣ откровенно сказалъ, что желаетъ, нажившись адвокатурой, переселиться въ Австрію, гдѣ единственно польской національности льготно. Съ нимъ жилъ постоянно его другъ, адвокатъ Борщовъ, также русскій по отцу, но рожденный отъ матери-польки. Онъ не менѣе Спасовича былъ горячій приверженецъ всего польскаго, а сестра Спасовича, которую я случайно увидѣлъ у брата, даже не знала ни слова по русски, несмотря на то, что крещена въ православной вѣрѣ. Эти примѣры показали мнѣ, до какой степени сильно нравственное вліяніе польской женщины и какъ энергически умѣетъ она поддерживать и распространять свою народность. Въ послѣднее время, уже когда началась восточная война, я вступилъ было въ печатную полемику съ Спасовичемъ, но удержался отъ дальнѣйшихъ толковъ. Дѣло шло о томъ, что нѣкоторые поляки въ это время начали писать въ русскихъ газетахъ заявленія о необходимости и желаніи примиренія польской національности съ русской. Какъ ни любезна для меня издавна эта идея, но я видѣлъ въ польскихъ

писаніяхъ безыменныхъ писателей ложь и коварство, что слишкомъ ясно сквозило въ ихъ пріемахъ... Я сталъ обличать этихъ писакъ, и началъ статьею: „Полякамъ-миротворцамъ“. Спасовичъ возсталъ противъ меня въ числѣ другихъ очень рѣзко и даже сравнивалъ меня съ сельскою вздорною бабою, которая не даетъ примириться ссорящимся братьямъ. Я печатно заявилъ, что уже все сказавши, не желаю болѣе безполезно писать объ этомъ. Конечно, Спасовичъ, сочувствуя въ это время идеѣ примиренія русской и польской національностей, былъ вѣренъ тому, что высказывалъ всегда прежде, но дѣло въ томъ, что поляки-миротворцы, въ своихъ статьяхъ, думали насъ обмануть; истиннаго желанія мира у нихъ не было, и, видя это, я никакъ не могъ простодушно восхищаться ихъ нѣжными увѣреніями. Я всегда думалъ, что такое примиреніе можетъ только состояться на принципѣ славянской взаимности. И миротворцы говорили тоже за своихъ братій; но какъ мало принципъ этой взаимности развился у поляковъ, показывало ихъ безучастіе къ славянамъ въ такую эпоху, когда наступало освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига. Поляки не только не помогали своимъ братьямъ славянамъ, но очутились въ рядахъ турокъ. Понятно, что возгласы о примиреніи, раздававшіеся въ то же время были лживы, и самъ Спасовичъ, ставшій тогда въ ряды такихъ миротворцевъ, могъ только возбуждать къ себѣ недовѣріе: мы видали предыдущую связь его съ врагами Россіи. Мы не ставили и не ставимъ ему въ укоръ, какъ и всѣмъ вообще полякамъ, ихъ нерасположенія къ намъ, но пусть же они поступаютъ прямо и искренно. Будемъ уважать честныхъ враговъ и простремъ къ нимъ объятія, если они дѣйствительно перестанутъ быть нашими врагами, но пусть же и въ первомъ и въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ они искренно.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Знакомство съ нимъ соединено для меня со знакомствомъ съ Чернышевскимъ; поэтому, говоря о Пыпинѣ, я не могъ прежде всего не сказать о Чернышевскомъ. Я познакомился съ Чернышевскимъ въ 1851 г. въ Саратовѣ. Отецъ Чернышевскаго — протоіерей и первенствующій членъ консисторіи, воспитывалъ дѣтей своей свояченицы, многочисленное семейство, въ числѣ ко-

тораго былъ и Ал. Ник. Пыпинъ, учившійся тогда въ петербургскомъ университетѣ. На каникулы онъ пріѣзжалъ къ роднымъ и здѣсь въ первый разъ я его увидалъ. Это былъ молодой человѣкъ, всецѣло преданный наукѣ и тогда уже думавшій заняться ученымъ образомъ изученіемъ русскихъ сказокъ. Въ 1853 г. кончилъ онъ курсъ и когда я, въ концѣ 1855 г. посѣтилъ Петербургъ, то нашелъ его живущимъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ. Онъ тогда напечаталъ свое ученое разсужденіе о сказкахъ — первый капитальный литературный трудъ его, который тогда же обратилъ на себя должное вниманіе всего ученаго міра. Живя съ Чернышевскимъ, Пыпинъ подвергался вліянію его атеистической и соціальной пропаганды, но не вдавался въ нее, такъ что видно было ему болѣе по вкусу приходилось серьезное занятіе наукою. Онъ постоянно ходилъ въ библіотеку, пересматривалъ внимательно русскія старыя рукописи и однажды здѣсь, при моихъ глазахъ отыскалъ въ одной рукописи Погодинскаго древнехранилища и мнѣ первому показалъ „Горе-Злосчастіе“ — старинное поэтическое произведеніе, никому до того времени неизвѣстное, о которомъ я тогда же напечаталъ въ „Современникѣ“ статью. Въ послѣдующіе годы, Пыпинъ былъ отправленъ отъ университета за-границу и пробылъ тамъ около трехъ лѣтъ. По возвращеніи, онъ въ званіи адъюнкта началъ читать въ петербургскомъ университетѣ курсъ всеобщей литературы; нѣсколько лекцій я его слушалъ и могу сказать, что онѣ отличались дѣльностію, осмысленностію, отсутствіемъ всякаго педантизма и многословія, и мнѣ очень понравились. Между тѣмъ, Пыпинъ занимался и печаталъ въ журналахъ свои изысканія о масонскихъ ложахъ и о масонскомъ ученіи, заключавшія въ себѣ много совершенно новаго, хотя неизбѣжно вдавался въ подробности, которыя подъ-часъ были утомительны. Онъ продолжалъ жить съ Чернышевскимъ, пока наконецъ женился, а Чернышевскій скоро послѣ того подвергся своей печальной судьбѣ. Во время студенческихъ смутъ Пыпинъ, настроенный Кавелинымъ и Спасовичемъ, присталъ къ демонстраціи и вышелъ въ отставку; онъ одинъ изъ всѣхъ вышедшихъ тогда профессоровъ дѣйствительно потерпѣлъ много и будучи лишенъ средствъ къ жизни, началъ заниматься пере-

водами разныхъ историческихъ сочиненій. Собственно эту работу исполняли другіе, а Пыпинъ только просматривалъ переводы и давалъ свою фирму. Послѣ ссылки Чернышевскаго, на Пыпина, со стороны высшихъ властей стали смотрѣть подозрительно, не давали ему хода, стѣсняли въ печати, подозрѣвая въ немъ агитатора. Мнѣ случилось слышать самые дурные и несправедливые отзывы о немъ отъ людей литературнаго круга, которые его вовсе не знали. Были даже такіе, какъ напр. Лохвицкій, которые считали почему то Пыпина круглымъ невѣждой и шарлатаномъ. Такъ было до появленія „Вѣстника Европы“. Любя Пыпина, я первый настроилъ Стасюлевича принять его въ сотрудники: послѣдній рѣшился на это весьма неохотно, боясь съ одной стороны компрометировать себя связью съ другомъ Чернышевскаго, а съ другой, считалъ самого Пыпина мало способнымъ писать сколько-нибудь интересно и признавалъ его трудолюбивымъ, но не даровитымъ геллертеромъ. Время показало, что Стасюлевичъ въ этомъ сильно ошибся и впослѣдствіи самъ въ этомъ сознавался. Пыпинъ, занявшись писаніемъ въ „Вѣстникѣ Европы“, скоро сталъ тамъ не только необходимымъ, но и наилучшимъ, даровитѣйшимъ писателемъ. Предметы, которыхъ онъ касался, были разнообразны, но болѣе всего остановился онъ на славянскомъ мірѣ. Еще во время своего путешествія за-границей, онъ познакомился со славянскими учеными, изучилъ въ совершенствѣ славянскія нарѣчія, и живя въ Петербургѣ, составилъ исторію славянскихъ литературъ совмѣстно со Спасовичемъ, которому, впрочемъ, предоставилъ одну польскую, а всѣ прочія удержалъ за собою. По отношенію къ такъ называемымъ славянофиламъ московской партіи, Пыпинъ въ своихъ статьяхъ стоялъ не только не солидарно съ ними, но совершенно противорѣчиво, хотя правду сказать по своимъ свѣдѣніямъ во всемъ, касавшемся славянскаго міра, стоялъ гораздо выше многихъ изъ нихъ. Его статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ получили незамѣнимое достоинство особенно тогда, когда славянскій вопросъ началъ переходить изъ области науки на поле политики и, когда судьба славянъ балканскихъ стала, такъ сказать, злобою дня. Чрезвычайно вѣрный взглядъ, глубокія свѣдѣнія въ умственной и общественной

жизни славянъ, живость изложенія, задушевная любовь и сочувствіе къ славянскимъ несчастіямъ — все это придаетъ статьямъ Пыпина высокое достоинство. Его вполнѣ оцѣнили болгары, прославши ему благодарственный адресъ, подписанный отъ лица членовъ національнаго собранія экзархомъ Анфимомъ. Въ частной жизни и въ отношеніяхъ съ людьми я зналъ его всегда какъ чрезвычайно честнаго и добраго человѣка. Онъ сохранилъ самую нѣжную привязанность къ Чернышевскому, посылалъ ему въ ссылку пособія, насколько могъ удѣлять ихъ отъ своихъ ограниченныхъ средствъ, будучи самъ обремененъ семействомъ, и воспитывалъ въ своей семьѣ и на свой счетъ сыновей Чернышевскаго, считая себя нравственно обязаннымъ въ признательность за свое собственное воспитаніе, полученное на счетъ родителей Чернышевскаго. Это непоколебимое дружелюбіе къ Чернышевскому служило для него самого источникомъ многихъ неудобствъ и гоненій. Въ 1871 году, по поводу смерти Устрялова, въ академіи возникла мысль замѣстить умершаго. Нѣкоторые предлагали меня, другіе Пыпина — и такъ какъ на сторонѣ послѣдняго былъ академикъ Куникъ, спеціально посвятившій себя русской исторіи, то Пыпинъ взялъ перевѣсъ. Это ни мало не поставило насъ съ нимъ въ непріязненныя отношенія соперниковъ. Я тогда же всѣмъ говорилъ, что если только зависѣло бы отъ меня, то я бы охотно уступилъ ему свою кандидатуру, признавая вполнѣ, какъ выразился академикъ Куникъ, что Пыпинъ болѣе чѣмъ Костомаровъ обѣщаетъ свѣжія и молодыя силы. Но когда дѣло дошло до министра гр. Толстого, то онъ сильно воспротивился избранію Пыпина и заявилъ, что представитъ Государю о невозможности допустить „такого“ человѣка къ академическому креслу. Не знаю, входилъ ли онъ дѣйствительно съ такимъ представленіемъ къ Государю, но Пыпинъ не былъ избранъ — и здѣсь министръ дѣйствовалъ по общему предубѣжденію, признавая, что Пыпинъ, какъ близкій родственникъ и, такъ сказать, воспитанникъ Чернышевскаго, не могъ не имѣть одинаковаго направленія съ Чернышевскимъ. Время покажетъ и потомки скажутъ, что современники ошибались насчетъ А. Н. Пыпина. Каковы бы ни были его задушевныя убѣжденія, онъ не вносилъ въ свои ученые труды ничего

кромѣ строгой добросовѣстности и полезной разработки научныхъ вопросовъ, и если ему не удается при жизни занимать мѣсто въ ареопагѣ русской науки, то его сочиненія дадутъ ему блестящее мѣсто въ ряду русскихъ подвижниковъ на поприщѣ умственной и ученой дѣятельности.

Что касается до Чернышевскаго, о которомъ выше было сказано, то судьба поставила меня съ нимъ въ самыя близкія дружественныя отношенія, несмотря на то, что въ своихъ убѣжденіяхъ я съ нимъ не только не сходился, но былъ въ постоянныхъ противорѣчіяхъ и спорахъ. Близость съ нимъ сложилась въ Саратовѣ и продолжалась въ Петербургѣ до тѣхъ поръ, пока событія по поводу студенческихъ демонстрацій не развели насъ совершенно. Чернышевскій былъ человѣкъ чрезвычайно даровитый, обладавшій въ высшей степени способностію производить обаяніе и привлекать къ себѣ простотою, видимымъ добродушіемъ, скромностію, разнообразными познаніями и чрезвычайнымъ остроуміемъ. Онъ впрочемъ лишенъ былъ того, что носитъ названіе поэзіи, но зато былъ энергиченъ до фанатизма, вѣренъ своимъ убѣжденіямъ во всей жизни и въ своихъ поступкахъ и сталъ ярымъ апостоломъ безбожія, матеріализма и ненависти ко всякой власти. Это былъ человѣкъ крайностей, всегда стремившійся довести свое направленіе до послѣднихъ предѣловъ. Ученіе, которое онъ вездѣ и повсюду проповѣдывалъ, гдѣ только могъ, было таково: отрицаніе божества; религіозное чувство, въ его глазахъ, была слабость суевѣрія и источникъ всякаго зла и несчастія для человѣка; Богъ нашей религіи — это отвлеченная идея, олицетворяемая сообразно той степени человѣческаго развитія, при какой творились языческія божества, олицетворяемыя физическія и нравственныя силы природы; Богъ нашъ — идея верховнаго блага и мудрости, заключающихся собственно только въ человѣческомъ естествѣ. Это то же что какой нибудь Зевсъ громовержецъ, Посидонъ колебатель моря, Плутонъ властитель нѣдръ земли, Аполлонъ и Аѳина выраженія человѣческаго творчества въ области науки и искусствъ. Такое олицетвореніе отвлеченныхъ понятій было неизбѣжно въ періодъ юности человѣческой мысли, но стало излишнимъ и вреднымъ, когда человѣкъ расширилъ кругозоръ

своихъ взглядовъ, точно такъ, какъ дѣтскія воззрѣнія умѣстны для ребенка, но неумѣстны и вредны для взрослаго; продолжительность такихъ воззрѣній въ человѣческомъ обществѣ поддерживали злые люди, видѣвшіе въ этомъ возможность держать своихъ ближнихъ въ невѣжествѣ, въ страхѣ предъ вымышленнымъ могуществомъ и эксплоатировать ихъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Къ христіанству Чернышевскій относился съ уваженіемъ, но не иначе, какъ только къ историческому явленію, котораго сила совершенно испарилась отъ времени. Когда я указывалъ, что великія истины проповѣдуемыя Христомъ, не осуществились еще и до нынѣ, онъ давалъ мнѣ такой отвѣтъ: „оно мнѣ напоминаетъ египетскую пшеницу, найденную въ мумiяхъ. Когда ее бросили въ землю, то она произвела стебель съ нѣсколькими колосьями, наполненными крупными зернами, и тогда подумали, что произойдетъ переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ и возстановится древняя производительность хлѣбныхъ растеній; но оказалось не то: — посѣянныя вновь зерна этой пшеницы давали уже меньше колосьевъ и зерно было щуплѣе, а черезъ нѣсколько посѣвовъ сравнялось съ обыкновенною нашею пшеницею. Такъ и христіанство. Сначала оно заключало въ себѣ великую двигательную силу для обновленія человѣчества, но потомъ попалось въ руки жрецовъ подъ названіями папъ, митрополитовъ, всякаго рода архіереевъ, поповъ и монаховъ, которые завернули его въ папильотки идолопоклонническаго символизма, а земные цари и властители употребили его какъ орудіе для порабощенія людей и для оправданія всякихъ насилій. Теперь оно не можетъ приносить ничего, кромѣ вреда, потому что истины, дѣйствительно въ немъ заключающіяся, и безъ того уже вошли въ сознаніе. Безсмертіе души есть вредная мечта, удерживающая человѣка отъ прямого пути главнѣйшей цѣли жизни — улучшенія собственнаго быта на землѣ. Насъ манятъ какими-то фантастическими, ни для кого непонятными надеждами вѣчнаго блаженства за гробомъ и заставляютъ ради него терпѣть на землѣ всякую неправду и страшиться противостать противъ зла“. Отсюда истекало у Чернышевскаго и отрицаніе святости всякихъ властей, всего того, что имѣло поползновеніе стѣснять свободу человѣческой жизни.

Весь общественный порядокъ, удерживающійся до сихъ поръ, есть великое зло, которое разрушится при дальнѣйшемъ развитіи человѣческой мысли. Никакое изъ правительствъ, существовавшихъ въ различныхъ формахъ, не можетъ назваться хорошимъ: всѣ носятъ въ себѣ зародыши зла и намъ нуженъ радикальный переворотъ. Прудоново положеніе, что собственность есть зло, Чернышевскій развивалъ до крайнихъ предѣловъ, хотя сознавался, что идеалъ новаго общественнаго строя на коммунистическихъ началахъ еще не созрѣлъ въ умахъ, а достичь его можно только кровавыми разрушительными переворотами. Чернышевскій на Руси, можно сказать, былъ Моисеемъ-пророкомъ нашихъ соціалистовъ, въ послѣднее время проявившихъ свою дѣятельность въ такихъ чудовищныхъ формахъ. Между тѣмъ Чернышевскій въ своей частной жизни, въ своихъ пріемахъ казался въ высшей степени мягкимъ, добродушнымъ, чистосердечнымъ, любвеобильнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ истинно желалъ человѣчеству добра и если въ своихъ теоріяхъ заблуждался, то поступалъ искренно. Эта-то искренность и привязывала меня къ нему. Одинъ саратовскій архимандритъ Никаноръ (который впослѣдствіи самъ отчасти подвергался вліянію Чернышевскаго) очень ловко по поводу его вспомнилъ легенду о томъ, какъ бѣсъ принимаетъ на себя самый свѣтлый образъ ангеловъ и даже самого Христа и тогда-то бѣсъ наиболѣе бываетъ опасенъ. Въ самомъ дѣлѣ, припоминаю себѣ многое изъ жизни, когда Чернышевскій какъ-бы игралъ изъ себя настоящаго бѣса. Такъ напр.: обративши къ своему ученію какого-нибудь юношу, онъ потомъ за глаза смѣялся надъ нимъ и съ веселостью указывалъ на легкость своей побѣды. А такихъ жертвъ у него было нѣсть числа. Саратовская гимназія была имъ совершенно передѣлана и такъ ловко, что директоръ и инспекторъ, люди положительно другого направленія, не могли даже услѣдить за нимъ, и за свою простоту подвергались отъ него же насмѣшкамъ. То же было и въ Петербургѣ, гдѣ онъ сдѣлался, такъ сказать, идоломъ молодежи. Даже люди солидные, никакъ не соглашавшіеся съ его крайностями, относились къ нему съ уваженіемъ, цѣнили въ немъ искренность и спорили, оставляя за нимъ свободу мысли, потому что преслѣдовать

мысль, хотя бы противную намъ, считалось дѣломъ дурнымъ и безчестнымъ. Сообразно своимъ матеріальнымъ убѣжденіямъ, Чернышевскій написалъ диссертацію на степень магистра, въ которой проводилъ мысль, что въ поэзіи и въ искусствѣ совсѣмъ нѣтъ творчества, котораго привыкли искать въ великихъ произведеніяхъ, и что намъ нравится въ нихъ только вѣрное подражаніе природѣ, только припоминаніе того, что мы встрѣчали въ жизни. Идея эта была совсѣмъ не новость и много разъ была высказана и развита въ сочиненіяхъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка; но для ученыхъ головъ, проникнувшихся воззрѣніями нѣмецкой философіи, она стала черезчуръ дикою — и диссертація Чернышевскаго не была одобрена факультетами, тѣмъ не менѣе, однако, профессора отзывались съ большимъ уваженіемъ о талантѣ, съ которымъ она была написана. Молодежь ухватилась за нее, какъ за великую мудрость, и съ его легкой руки начались въ литературѣ оплеванія признанныхъ прежними поколѣніями поэтическихъ талантовъ. Въ 1862 году я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ и разошелся съ нимъ совершенно по поводу студенческой исторіи, о которой я писалъ выше. Чернышевскій въ томъ же году былъ арестованъ и обвиняемъ въ участіи въ составленіи какой-то революціонной прокламаціи, которую онъ передалъ одному офицеру по фамиліи Костомарову съ письмомъ къ писателю Плещееву. Этотъ Костомаровъ былъ арестованъ по политическому дѣлу и скоро подъ арестомъ умеръ. Для меня осталось неизвѣстнымъ, взята ли была эта прокламація у него противъ его воли, какъ увѣрялъ потомъ братъ его, или же сообщена она была правительству въ качествѣ доноса, какъ говорили нѣкоторые. Какъ бы то ни было, но Чернышевскій былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ два года. Его содержали тамъ сначала до того льготно, что даже дозволили написать и отправить въ „Современникъ“ для напечатанія повѣсть „Что дѣлать“, гдѣ въ повѣствовательной формѣ выражались его завѣтныя идеи. Эта повѣсть, какъ художественное произведеніе, была ниже критики, но по тѣмъ идеямъ, которыя въ ней проводились, пришлась до нельзя по сердцу молодому либеральному поколѣнію. Его такъ хвалили, что даже нельзя было говорить съ по-

клонниками ея автора. Но правительство увидѣло въ ней новый несомнѣнный доводъ зловредности направленія Чернышевскаго. Съ этихъ поръ его стали содержать строже. Говорятъ, будто къ нему не допускали видѣться жену его, и онъ, настаивая на свиданіи съ нею, отказывался отъ пищи въ продолженіе недѣли и тѣмъ принудилъ таки дозволить ему это свиданіе. Чернышевскій былъ обвиненъ, хотя ни въ чемъ не сознался и эксперты, приглашенные для сличенія прокламаціи съ почеркомъ Чернышевскаго, не признали окончательно, чтобъ она была писана имъ. Тѣмъ не менѣе, Чернышевскаго осудили какъ государственнаго преступника главнымъ образомъ потому, что считали его крайне зловреднымъ по его направленію. Объ этомъ говорили мнѣ знающія близко это дѣло лица: кн. Суворовъ, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ петербургскимъ, и Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель археологической комиссіи, человѣкъ очень религіозный и потому ненавидѣвшій Чернышевскаго, но тѣмъ не менѣе сознававшійся, что по совѣсти нельзя было обвинить его въ фактѣ прокламацій. Въ маѣ 1864 года его вывели на Конную площадь, прочитали приговоръ, осуждавшій его на ссылку въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Я не былъ тогда въ Петербургѣ, находясь за-границею, но слыхалъ, что когда по прочтеніи приговора его посадили въ карету и увезли въ крѣпость, какая-то дѣвица бросила на пути его букетъ цвѣтовъ, выражая тѣмъ уваженіе къ нему. Онъ сосланъ былъ въ Нерчинскъ. Жена его отправилась къ нему, но, проживши вблизи его около мѣсяца, возвратилась назадъ: одни говорятъ, что онъ самъ услалъ ее отъ себя, другіе,—что ей показалось слишкомъ трудно раздѣлять участь ссыльнаго. По окончаніи лѣтъ каторги его сослали на поселеніе въ Вилюйскъ, въ мѣсто по истинѣ ужасное, куда почта приходитъ только 4 раза въ годъ. Главною причиною такого строгаго отношенія къ нему было то, что имя его продолжало служить знаменемъ, развивавшейся въ Россіи революціонной пропаганды и были неоднократныя покушенія освободить его и увезти за-границу. Надобно сказать, что никто въ Россіи не имѣлъ такого огромнаго вліянія въ области революціонныхъ идей на молодежь, какъ Черны-

шевскій и, несмотря на измѣненія, какимъ подвергалось революціонное направленіе въ умахъ русской молодежи, Чернышевскій для всѣхъ революціонеровъ нашихъ остался какимъ то патріархомъ, и даже въ нынѣшней подпольной литературѣ усвоено за нимъ имя мученика Николая.

Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ. Я познакомился съ нимъ послѣ поступленія на профессуру, но началъ сближаться во время студенческихъ смутъ въ 1861 году; до того времени отношенія мои къ нему ничѣмъ не разнились отъ отношеній со всѣми профессорами вообще, т. е. ограничивались обмѣномъ первоначальныхъ визитовъ и обоюднымъ произнесеніемъ нѣсколькихъ общихъ фразъ при встрѣчѣ. Во время студенческой исторіи онъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, сталъ со мною въ діаметрально противныхъ отношеніяхъ, такъ какъ онъ считалъ нужнымъ подать въ отставку въ смыслѣ демонстраціи противъ правительства въ сочувствіи къ студентамъ; я же, напротивъ, былъ въ числѣ ненаходившихъ умѣстною такой выходки. То же случилось и во время закрытій студентами публичныхъ лекцій, читанныхъ въ думѣ. Стасюлевичъ считалъ лучшимъ идти профессорамъ въ этомъ отношеніи заодно со студентами, я же противился; однако, это не помѣшало мнѣ вмѣстѣ съ нимъ составить тогда адресъ отъ имени всѣхъ профессоровъ къ правительству, въ защиту Павлова и подать этотъ адресъ министру Головнину. Послѣ этого адреса (неимѣвшаго никакого вліянія, такъ какъ Павловъ все-таки былъ сосланъ) я долго совсѣмъ не видался со Стасюлевичемъ и оставленіе мною профессуры почти раззнакомило меня съ нимъ. Такъ было до осени 1865 года, когда Спасовичъ, пріѣхавши ко мнѣ, началъ отъ имени Стасюлевича просить меня принять на себя совмѣстное съ нимъ редакторство „Вѣстника Европы“. Съ этихъ поръ я тѣсно сблизился съ Стасюлевичемъ. Мы начали издавать „Вѣстникъ Европы“ въ 4-хъ книгахъ въ годъ на его счетъ съ тѣмъ, что редакторство всего помѣщавшагося по русской исторіи принадлежало мнѣ. За это Стасюлевичъ обѣщалъ мнѣ въ случаѣ успѣха журнала 15 процентовъ съ чистаго дохода. Два года шло у насъ дѣло согласно и отлично, но на третій годъ Стасюлевичъ измѣнилъ свой журналъ, передѣлавъ его въ ежемѣсячный, и

допустилъ беллетристику и переводы, что прежде не допускалось. Тогда, какъ я замѣтилъ, онъ нашелъ меня лишнимъ и искалъ случая устранить меня отъ соредакторства. Случай скоро нашелся. Кулишъ прислалъ изъ Варшавы статью для напечатанія. Я, опираясь на состоявшійся со Стасюлевичемъ договоръ, по которому право одобренія или неодобренія статей по русской исторіи принадлежало исключительно мнѣ, написалъ Кулишу, что статья его будетъ напечатана — и послалъ ее въ печать, какъ вдругъ Стасюлевичъ не велѣлъ ее набирать и объявилъ, что она не годится къ напечатанію. Кулишъ, ссылаясь на то, что я далъ ему обѣщаніе, написалъ мнѣ дерзкое письмо и потребовалъ рукопись назадъ. Меня такъ взорвало это, что я отказался отъ соредакторства и разорвалъ написанный между нами взаимный договоръ. Несмотря на это, я не отказался участвовать въ журналѣ, но уже на правѣ посторонняго сотрудника, а не соредактора и въ 1869 году началъ печатать тамъ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“. Причина этому была та, что не было другого журнала, въ которомъ бы я могъ помѣстить это сочиненіе, тѣмъ болѣе, что „Отеч. Записки“, перешедши въ руки Некрасова, изъ либеральничанья, кокетничали съ поляками и остерегались брать у меня сочиненіе, зная, что я не буду натягивать истины для либеральныхъ тенденцій. Тогда же, какъ я далъ уже слово Стасюлевичу, Некрасовъ присылалъ ко мнѣ Сергѣя Васильевича Максимова, намѣреваясь склонить меня къ нарушенію даннаго Стасюлевичу слова прибавкою полистной платы. Я, разумѣется, отказалъ ему, и Стасюлевичъ, узнавши объ этомъ, самъ предложилъ мнѣ въ видѣ прибавки напечатать безплатно 1500 оттисковъ моего сочиненія въ мою пользу. Вообще, какъ редакторъ, Стасюлевичъ отличается похвальными качествами: чрезвычайной аккуратностью, своевременностью выхода книжекъ и вѣрною расплатою съ сотрудниками, но въ то же время онъ не лишенъ и нѣкоторой неискренности, которая мнѣ въ немъ всегда не нравилась. Такимъ образомъ, если онъ съ чѣмъ былъ несогласенъ, то не высказывалъ прямо своего мнѣнія, а отговариваясь обиняками такъ, чтобъ заставить другого понять, что онъ думаетъ или чего хочетъ. Какъ профессоръ всеобщей исторіи, онъ не

пользовался большимъ уваженіемъ слушателей, хотя сильно старался объ этомъ и всегда давалъ своимъ лекціямъ якобы художественную отдѣлку. Слушатели, однако, находили въ этомъ болѣе ученую риторику, чѣмъ глубину знанія, мысли и таланта. Въ выборѣ статей для своего журнала онъ съ самаго начала задавался погонею за авторитетными именами, и оттого въ его журналъ трудно было попасть всякому новому имени, хотя бы человѣку съ истиннымъ дарованіемъ,— и съ другой стороны туда стали попадать сочиненія хотя ученыя, но бездарно написанныя и потому совсѣмъ непригодныя для всеобщаго чтенія. Въ беллетристикѣ было то же самое. Правда, что тамъ помѣщались повѣсти Тургенева, Гончарова, Потѣхина безспорно даровитыя, но онѣ попадали туда только по пріобрѣтенной славѣ своихъ авторовъ. Зато журналъ наполнялся нерѣдко и посредственностью, которая попадала туда единственно потому, что имѣла претензію на какую-нибудь тенденцію или же по личному знакомству съ редакторомъ. При этихъ и еще другихъ слабыхъ сторонахъ, все-таки за Стасюлевичемъ останется честь отличнаго редактора-издателя, умѣвшаго, въ извѣстный періодъ нашей литературы, сгруппировать разрозненныя писательскія силы.

X.

Поѣздки съ ученою цѣлью. Изданіе „Сѣверноруссскихъ народоправствъ". Литературно-ученыя занятія. Третья поѣздка за границу.

Въ маѣ того же 1862 года я напечаталъ въ „Основѣ" коротенькую статью о малорусскомъ писательствѣ, которая болѣе чѣмъ какая другая была оцѣнена публикою и откликнулась полнымъ сочувствіемъ. Я доказывалъ въ этой статьѣ, что мысль о выработкѣ литературнаго малорусскаго языка тѣмъ путемъ, какой велся до сихъ поръ, едва ли осуществима, и если можетъ быть справедливымъ и полезнымъ писать и печатать по-малорусски, то единственно книги, имѣющія цѣлью народное образованіе и заключающія въ себѣ элементарныя свѣдѣнія въ наукахъ, которыя бы расширяли кругозоръ народной умственной жизни. Мысль моя до того понравилась публикѣ, что я началъ получать отовсюду горячую благодарность и предложеніе взять на себя

изданіе такихъ популярныхъ книжекъ, которыя бы содѣйствовали указанной мною цѣли. Нѣкоторые стали присылать мнѣ деньги на печатаніе такихъ книгъ. Всего болѣе изъявлялось желаніе перевести по-малорусски Священное писаніе Новаго завѣта, и многіе присылали деньги съ тѣмъ, чтобы я употребилъ ихъ не иначе, какъ на это предпріятіе. Деньги присылались преимущественно изъ Малороссіи, съ лѣвой стороны Днѣпра и особенно изъ харьковской губерніи; но замѣчательно, что я получилъ нѣсколько приглашеній на подобное дѣло изъ великорусскихъ губерній, изъ Сибири и Кавказа, но ни единаго рубля не получилъ съ правобережной Малороссіи, гдѣ, какъ извѣстно, вся интеллигенція была въ рукахъ поляковъ. Между тѣмъ, впослѣдствіи, когда по этому поводу поднялась противъ меня буря обвиненій въ „сепаратизмѣ“, то печатно заявлялось мнѣніе, что намѣреніе издавать популярныя малорусскія книги научнаго содержанія есть плодъ польской интриги. Тогда же въ „Основѣ“ напечатана была по-малорусски моя драматическая пьеса „Загадка“, написанная уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и оставшаяся въ рукописи. Это была передѣлка или изложеніе въ драматической формѣ извѣстной малороссійской сказки „Про дивку Семилитку“, которой содержаніе состоитъ въ томъ, что панъ загадываетъ своимъ подданнымъ мудреныя загадки, ихъ отгадываетъ дѣвочка и дѣлается черезъ то женою пана.

Въ концѣ мая Петербургъ былъ встревоженъ пожаромъ, истребившимъ Апраксинскій дворъ и Министерство внутреннихъ дѣлъ. Носились зловѣщіе слухи объ умышленныхъ зажигательствахъ, предпринимаемыхъ будто бы русскими либералами, съ цѣлью возбудить волненіе въ народѣ и довести его до революціонныхъ вспышекъ. Толковали объ открывшихся, будто бы, намѣреніяхъ покуситься на сожженіе разныхъ общественныхъ построекъ и заведеній, какъ напримѣръ, Гостинаго двора, Императорской Публичной Библіотеки и т. п.— Разсказывали, что въ существовавшихъ тогда воскресныхъ школахъ самозванные наставники народа толковали, что въ настоящее время пожары должны быть полезны, потому что они способствуютъ къ равномѣрному распредѣленію собственности. Въ какой степени справедливы

были эти подозрѣнія, мнѣ осталось неизвѣстно, но примѣры, которые передаетъ намъ исторія и которыхъ я отъ части самъ былъ свидѣтелемъ во время моего жительства въ Саратовѣ, указали мнѣ на возможность появленія у насъ пожарныхъ эпидемій, когда безъ видимой причины возникалъ пожаръ за пожаромъ въ теченіе нѣкотораго времени. Петербургскіе пожары, казалось, принадлежали къ такимъ же эпидеміямъ, столь частымъ въ нашей общественной исторіи съ древнихъ временъ. Въ 1862 году они навели на жителей столицы гораздо болѣе страха, чѣмъ сколько произошло отъ нихъ вреда. Подозрѣніе въ томъ, что пожары производятся молодежью, проникнутою крайними революціонными мнѣніями, оправдывалось распущенною передъ тѣмъ печатною прокламаціею, въ которой проповѣдывалась всеобщая дикая рѣзня и истребленіе всѣхъ зажиточныхъ людей.

Оставивши Петербургъ съ его пожарами, я выѣхалъ 31 мая въ Вильну, съ намѣреніемъ осмотрѣть старинный городъ, богатый историческими памятниками. Я пріѣхалъ туда во время самаго горячаго волненія умовъ, готовившихся произвесть польское возстаніе. По улицамъ города іудеи открыто продавали конореде́ратки, крестики и перстни съ символическими знаками и даже печатныя прокламаціи и революціонныя стихотворенія на польскомъ языкѣ. Толпа народа обоего пола, стоя на колѣняхъ на улицѣ передъ Остробрамскою Богородицею, голосно распѣвала самыя патріотическія пѣсни, въ которыхъ полякъ грозилъ водрузить побѣдоносное знамя на грудѣ московскихъ труповъ. Никто не преслѣдовалъ за пѣніе такихъ пѣсенъ. Во время крестнаго хода, отправлявшагося въ день римско-католическаго праздника „Тѣла Господня“, мущины, женщины и дѣти были одѣты въ трауръ, причемъ замѣтно было, что молодежь щеголяла этой одеждой. Какой-то гимназистъ, во время крестнаго хода, облилъ купороснымъ масломъ голубое шелковое платье одной русской дамы, проѣзжавшей черезъ Вильну за-границу и полюбопытствовавшей поглядѣть на процессію.

Я познакомился съ нѣкоторыми людьми, принадлежавшими къ кругу литераторовъ и ученыхъ, между прочимъ со старикомъ Малиновскимъ, со старымъ поэтомъ Одынцемъ, еще не старымъ въ то время, другимъ поэтомъ Сырокомлею,

съ издателемъ „Виленскаго Курьера“ Киркоромъ, съ графомъ Евстафіемъ Тышкевичемъ и другими. Этотъ кругъ литераторовъ былъ въ большой немилости у тогдашнихъ рьяныхъ польскихъ патріотовъ, смотрѣвшихъ на нихъ какъ на измѣнниковъ общему дѣлу. Малиновскій былъ старикъ лѣтъ семидесяти, съ больными глазами, совершенный кандидатъ на слѣпоту, которая и постигла его спустя нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ знатокъ польской и литовской исторіи, старинаго польскаго права и древностей; въ своихъ сужденіяхъ отличался безпристрастіемъ и трезвымъ взглядомъ на старину. Ему не по-душѣ были обычныя польской литературѣ самовосхваленіе и пустое риторство. „У насъ, говорилъ онъ:— то бѣда, что за какую историческую книгу не возмись, всѣ военачальники — храбрые полководцы, всѣ сенаторы — великіе государственные умы, всѣ духовные — образцы христіанскихъ добродѣтелей и, наконецъ, весь польскій народъ — самый честный и безпорочный въ мірѣ: такимъ исторіямъ благоразумный читатель не можетъ вѣрить, зная, что человѣкъ родится со слабостями и самый добродѣтельный не можетъ быть изъятъ отъ какихъ бы то ни было пороковъ“. Къ польскимъ мечтаніямъ о возстановленіи старой независимости, онъ относился съ презрительнымъ сожалѣніемъ, заявляя сознаніе, что Польша погибла безвозвратно, потому что дошла до такого положенія, въ которомъ не могла существовать. За-то и патріоты не любили его и даже разсказывали, что на его жизни лежало какое-то страшное преступное дѣло отравленія одной знатной госпожи.— Одинецъ, человѣкъ также старый, носилъ черный парикъ, который придавалъ его лицу нѣсколько комическую фигуру, не гармонируя съ морщинистымъ липомъ, явно указывавшимъ на тѣ почтенные годы, когда уже не бываетъ вполнѣ черныхъ волосъ. Одинецъ казался человѣкомъ тѣхъ временъ, когда уважали и любили искусство для искусства, поэзію ради самой поэзіи. Современные жизненные вопросы и политика, его повидимому не занимали; онъ вращался постоянно въ мірѣ изящнаго, вспоминалъ о былыхъ временахъ своей дружбы съ Мицкевичемъ, къ которому питалъ большое уваженіе и сочувствіе,— расточалъ чувствительныя мечтанія о братской любви славянскихъ народовъ и, въ пріемахъ своего обращенія отличался

тою сахарною любезностью, которая такъ свойственна полякамъ, и которая приходится не по вкусу нашей русской мужиковатой натурѣ. Познакомившись со мною, Одынецъ подарилъ мнѣ свои послѣднія произведенія, между прочимъ двѣ драматическія пьесы: сюжетъ одной составляла личность Варвары Радзивилловны—жены короля Сигизмунда-Августа, сюжетъ другой — исторію Юрія Любомірскаго и его возстаніе противъ короля Яна Казимира. Прочитавши эти пьесы, я нашелъ, что поэтъ былъ болѣе въ цвѣтѣ своего дарованія, когда писалъ назадъ тому лѣтъ тридцать мелкія стихотворенія, мнѣ давно уже извѣстныя.— Сырокомля (настоящая фамилія его Кондратовичъ) былъ поэтъ другого закала; это былъ по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ настоящій демократъ, любившій всею душою простого мужика, какой бы націи онъ ни былъ, и съ большимъ восторгомъ увлекавшійся совершившимся недавно освобожденіемъ крестьянъ на Руси. Польскіе патріоты того времени не прощали ему сочувственныя отношенія къ рускому правительству по поводу дарованной крестьянамъ свободы. Впрочемъ, надобно сказать, что талантъ Сырокомли въ это время уже склонялся къ упадку; говорили, что онъ преданъ былъ неумѣренному употребленію вина, которое потомъ вскорѣ и свело его въ гробъ.— Издатель „Виленскаго Курьера“ Киркоръ, былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, очень живой и дѣятельный, и въ то время отличался большимъ польскимъ патріотизмомъ, что совсѣмъ не вязалось съ послѣдующимъ его отношеніемъ къ этому вопросу, когда онъ находился въ милости у М. П. Муравьева, а потомъ, переѣхавши въ Петербургъ, сдѣлался издателемъ русской газеты. Онъ зналъ мѣстную археологію и написалъ по-польски „Путеводитель по Вильнѣ“ — дѣльную и занимательную книгу, полезную для того, кто, пріѣхавши въ край, хочетъ ознакомиться; но запасъ его свѣдѣній за предѣлами Литвы былъ не богатъ.— Графъ Евстафій Тышкевичъ былъ одинъ изъ двухъ братьевъ, равнымъ образомъ пріобрѣвшихъ себѣ репутацію въ тогдашнемъ интеллигентномъ мірѣ Западной Руси. Старшій братъ его Константинъ былъ страстный археологъ, извѣстный копатель кургановъ въ Литовскомъ краѣ, издавшій любопытное сочиненіе о своихъ раскопкахъ. Меньшой — Евстафій также былъ любителемъ исторіи и архео-

логіи и сдѣлался предсѣдателемъ Археографической Комиссіи въ Вильнѣ въ то время. Это былъ старообразный человѣчекъ невысокаго роста, съ лысою головою и казался на видъ лѣтъ шестидесяти, но на самомъ дѣлѣ ему было не болѣе сорокапяти. Говорили, что онъ прежде велъ разгульную жизнь, подорвавшую разомъ и его состояніе и его здоровье. Впрочемъ, онъ въ своихъ пріемахъ былъ живъ, любезенъ и веселъ. Завѣдуя историческимъ музеемъ, состоявшимъ при виленской Археографической Комиссіи, онъ преимущественно обращалъ вниманіе на памятники временъ господства польскаго элемента въ Литвѣ и отъ этого, въ послѣдующее время, русскіе люди, занимавшіеся литовской археологіей, были имъ недовольны и говорили, что онъ умышленно старался оставить въ тѣни и забытьи все, что напоминало о бывшемъ нѣкогда господствѣ православной вѣры и русскаго языка въ Вильнѣ. Справедливо ли такое составившееся о немъ мнѣніе — я не беру на себя рѣшать. Въ музеѣ, при которомъ состоялъ отдѣлъ Археографической Комиссіи, все было направлено къ тому, чтобы удалить воспоминаніе о господствовавшемъ нѣкогда русскомъ элементѣ края и утвердить всеобщее мнѣніе, что онъ искони былъ польскимъ и не долженъ быть инымъ. Въ засѣданіяхъ Комиссіи употреблялся исключительно польскій языкъ. Предсѣдатель Комиссіи графъ Е. Тышкевичъ любезно возилъ меня по городу и его окрестностямъ; потомъ пригласилъ въ засѣданіе Комиссіи, какъ ея члена, какимъ я считался. Когда я вступилъ въ залъ, всѣ члены Комиссіи встали съ своихъ мѣстъ и предсѣдатель обратился ко мнѣ съ рѣчью, исполненною любезностей и похвалъ, говорилъ, что мои безпристрастные ученые труды, чуждые всякихъ національныхъ видовъ, высоко поставили мое имя у всѣхъ славянскихъ народовъ и тѣмъ болѣе у польскаго, котораго исторіи я такъ часто касался въ своихъ трудахъ и т. п. Его длинная рѣчь произнесена была по-польски. Я отвѣчалъ также по-польски, изъявилъ глубокую признательность за доброе вниманіе къ моимъ ученымъ трудамъ и выразилъ, что считаю такую оцѣнку моей дѣятельности выше моихъ заслугъ. Впослѣдствіи мнѣ печатно ставили въ вину то, что я отвѣчалъ по-польски, а не по-русски; но я

исполнялъ въ то время не болѣе какъ долгъ вѣжливости въ отношеніи людей такъ любезно меня принимавшихъ, тѣмъ болѣе, что и со стороны правительства въ то время не было никакихъ распоряженій объ исключительномъ употребленіи русскаго языка въ Западномъ краѣ,— и въ Комиссіи, имѣвшей оффиціальное значеніе, какъ въ разговорахъ, такъ и въ печатныхъ ея протоколахъ, допускался польскій языкъ. Еслибы ко мнѣ обратились съ нѣмецкою или французскою рѣчью, я бы точно также счелъ долгомъ вѣжливости отвѣчать, какъ съумѣлъ бы, на томъ языкѣ, съ которымъ ко мнѣ обращались. Привычка отвѣчать на томъ языкѣ, которымъ къ намъ обращаются, если мы сами знаемъ этотъ языкъ, присуща всѣмъ, и безъ сомнѣнія никто бы не обратилъ вниманія на мой польскій отвѣтъ, если бы не произошло печальныхъ обстоятельствъ, впослѣдствіи такъ взволновавшихъ Западный край.

Изъ Вильно, вмѣстѣ съ Киркоромъ и нѣкоторыми его пріятелями, я совершилъ путешествіе въ Троки, гдѣ осмотрѣлъ любопытныя развалины Витовтова замка, построеннаго на озерѣ. Въ этомъ замкѣ, какъ говорятъ, честолюбивый литовскій великій князь дѣлалъ свое знаменитое угощеніе владѣтельныхъ особъ, намѣреваясь получить корону великаго литовскаго княженія отдѣльно отъ Польскаго Королевства, на тронѣ котораго, сидѣлъ тогда его двоюродный братъ Владиславъ Ягелло. На полуобвалившихся стѣнахъ замка видны еще древнія фрески, которыхъ значеніе до сихъ поръ осталось неразобраннымъ какъ слѣдуетъ. Виленскіе ученые, издавая альбомъ своихъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, воспроизвели тамъ изображеніе этихъ фресокъ, но допустили въ своихъ изображеніяхъ большія неточности и невѣрности. Такъ, напримѣръ, въ изображеніи князя, дѣлающаго рукою крестное знаменіе, они не удержали стариннаго двухперстнаго перстосложенія, явно непонимая того значенія, какое имѣлъ этотъ пріемъ въ нашей церковной исторіи. Есть одна фреска, возбуждающая невольное любопытство: изображено лицо въ княжескомъ одѣяніи, сидящее въ темницѣ, а близь него, съ ласковымъ видомъ, стоитъ женщина. Невольно бросается мысль: не изображаетъ ли эта фреска одинъ изъ памятныхъ момен-

товъ въ жизни князя Витовта, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и къ нему приходила жена, чтобы спасти его, оставшись самой вмѣсто супруга въ тюрьмѣ. Среди стѣнъ обрушившагося замка стоитъ очень высокая башня или Донжонъ съ лѣстницею внутри его, идущею вверхъ. Въ троцкомъ костелѣ осматривалъ я икону Богородицы въ блестящемъ золотомъ окладѣ, пользующуюся большимъ уваженіемъ въ католическомъ мірѣ. Тамъ же есть любопытная караимская синагога, хотя деревянная, но старинная. Еще со временъ Витовта живутъ здѣсь караимы, составляющіе колонію посреди чуждаго имъ населенія; какъ вездѣ, и здѣсь они пользуются хорошимъ мнѣніемъ о своей честности и добронравіи.

Познакомившись съ Вильно и его окрестностями, я уѣхалъ во Псковъ и, при содѣйствіи тамошняго вице-губернатора Родзянки, предпринялъ путешествіе по псковской губерніи, съ цѣлью обозрѣть мѣстоположенія и остатки пригородовъ древняго Пскова. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ профессоромъ семинаріи Князевымъ, я ѣздилъ въ Вицборскъ, осмотрѣлъ сохранившіяся тамъ каменныя стѣны города, а въ двухъ верстахъ отъ нихъ земляной валъ болѣе древняго Изборска, гдѣ по преданію, жилъ будто бы князь Труворъ. Здѣсь нашелъ я древнюю церковь со старинными надписями. Изъ Изборска отправился я въ Псковскій Печерскій монастырь, расположенный въ живописномъ ущельѣ, образуемомъ тремя крутыми холмами, поросшими лѣсомъ, ходилъ въ пещеры, гдѣ до сихъ поръ погребаютъ умершихъ и такъ какъ гробы ихъ не закапываются въ землю, а ставятся на уступахъ, то въ пещерехъ — нестерпимая вонь отъ мертвыхъ тѣлъ. Путешествіе въ эти пещеры оказалось вовсе не безопаснымъ: въ одномъ мѣстѣ пещернаго корридора мы встрѣтили обвалъ. Монахъ, провожавшій насъ, объяснялъ, что этого обвала не было еще вчера; такой обвалъ могъ произойти при насъ въ то время, когда мы успѣли бы пройти далѣе и такимъ образомъ мы бы остались во мракѣ, безъ возможности воротиться назадъ, и даже могли быть убитыми. Причина этому была песчаная почва пещеръ, поэтому вовсе не похожихъ на пещеры кіевскія, гдѣ каменистая почва не представляетъ этой опасности.

Кромѣ пещеръ, въ монастырѣ очень замѣчательна ризница, въ которой хранится множество вещей, подаренныхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, посѣщавшимъ этотъ монастырь и убившимъ своимъ жезломъ тамошняго игумена Корнилія. Мощи самого Корнилія почиваютъ въ церкви, а на его гробѣ надписано, что „онъ предпосланъ царемъ земнымъ къ Царю-Небесному“. Изъ Псково-печерскаго монастыря я воротился во Псковъ и на другой же день отправился въ два сосѣднихъ монастыря: Елеазара и Саввы Крипецкаго. Монастырь Елеазара лежитъ на берегу небольшого озера, въ еловой рощѣ. Близъ монастыря показываютъ пень, изгрызенный богомольцами, вѣрующими, что онъ имѣетъ чудодѣйственную силу спасать отъ зубной боли. Подлѣ пня лежитъ камень, который, ради монашескихъ подвиговъ, таскалъ на себѣ св. Елеазаръ. Самая личность св. Елеазара, иначе въ монашествѣ Ефросина, знаменательна въ нашей исторіи тѣмъ, что ему приписывалось введеніе „сугубаго аллилуйя“, составившаго одинъ изъ важныхъ признаковъ старообрядческаго раскола, но дѣйствительно ли Ефросинъ въ этомъ былъ виновенъ, это остается нерѣшеннымъ, тѣмъ болѣе, что повѣсть о немъ, написанная въ XVI вѣкѣ какимъ-то Василіемъ, признана невѣрною на соборѣ, осудившемъ при Алексѣѣ Михайловичѣ старообрядческій расколъ. Осмотрѣвши два монастыря, я отправился съ дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета Бочковымъ по другимъ псковскимъ пригородамъ, переѣзжая изъ одного въ другой проселочными путями на обывательскихъ лошадяхъ. Я посѣтилъ деревню Выборъ, гдѣ обозрѣлъ слѣды древняго пригорода, состоявшіе изъ земляного вала и четырехъ фундаментовъ церквей,—городъ Опочку, гдѣ за городомъ надъ рѣкою видѣнъ высокій валъ, служившій оградою древнему пригороду. Неподалеку отъ него, въ дикомъ лѣсу на крутой горѣ, есть слѣды другого пригорода Коложе. Оттуда мы отправились осмотрѣть Вревъ, теперь село, недавно еще принадлежавшее баронамъ Вревскимъ. Древній городъ былъ построенъ наверху высокаго крутого холма, и городскіе окопы на вершинѣ холма до сихъ поръ видимы, а въ срединѣ бывшаго города стоятъ живописныя развалины готической церкви, построенной однимъ изъ по-

мѣщиковъ и обрушившейся. Тамошній священникъ принялъ насъ замѣчательно любезно и показалъ, что онъ человѣкъ любознательный и неравнодушный къ русской исторіи. Здѣсь, между прочимъ, сохраняется преданіе о періодическомъ появленіи какой то дѣвушки, выходящей изъ земляного вала и исчезающей отъ глазъ всякаго, кто къ ней захочетъ приблизиться. Изъ Врева мы поѣхали въ Веліо. Здѣсь нашли мы также старый валъ съ остаткомъ на немъ фундамента кирпичной стѣны, нѣсколькими старыми могильными памятниками и съ церковью. Въ селѣ намъ указали огромный холмъ, наполненный человѣческими костями. Это, какъ говорили, памятникъ мора, свирѣпствовавшаго когда-то въ краѣ и истребившаго все населеніе пригорода Веліо. Разсказываютъ, что эти костп нѣсколько разъ сами появлялись разсѣянными по землѣ въ разныхъ мѣстахъ села. Это приписывали чуду; но очень можетъ быть что ихъ растаскивали собаки изъ холма, въ которомъ онѣ навалены, и тѣмъ болѣе это правдоподобно, что мнѣ стоило покопать зонтикомъ, чтобы вытащить черепъ или ручную кость. Изъ Веліо я поѣхалъ въ Вороночъ, на берегу рѣки Сороти — мѣсто очень живописное. Чрезвычайно высокій валъ стариннаго городка сохранился вполнѣ; внутри вала —церковь съ жильемъ для священника. Когда я прогуливался по этому валу, ко мнѣ подошелъ одинъ поселянинъ и началъ разсказывать, что въ срединѣ этого вала бываютъ слышны страшный громъ и стукъ и одинъ разъ, въ ночь Пасхи, люди видѣли, какъ изъ подъ земли выскочили двѣнадцать жеребцовъ и начали играть и бѣгать, а потомъ все провалилось сквозь землю. Это, объяснялъ онъ, былъ кладъ, сохраняющійся въ глубинѣ этого вала. Рядомъ съ Вороночомъ — имѣніе, принадлежавшее нѣкогда поэту Пушкину, который погребенъ въ отстоящемъ отсюда за пять верстъ, Святогорскомъ монастырѣ. Желая поклониться праху поэта, я отправился въ этотъ монастырь утромъ на зарѣ. Мѣстоположеніе монастыря довольно живописное; онъ лежитъ на высокой горѣ, покрытой лѣсомъ. За алтаремъ, въ тѣни деревъ, надъ самымъ скатомъ съ горы, стоитъ могила поэта; на ней памятникъ бѣлаго мрамора, съ прорѣзною аркою, въ срединѣ которой, выработана бѣлая мраморная урна съ пе-

рекинутымъ изъ нея покровомъ. Надпись гласитъ: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.“ Близъ памятника мы встрѣтили кучу ребятишекъ, игравшихъ пескомъ, и тутъ невольно вспомнили стихи поэта:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Кстати было прекрасное лѣтнее утро, и лучи восходящаго солнца весело переливались въ яркой зелени окрестностей.

Изъ монастыря отправился я въ Красный, гдѣ нашелъ также валъ — остатокъ древняго пригорода, съ остаткомъ фундамента кирпичной стѣны и нѣсколькими надгробными камнями, на которыхъ надписи трудно было разобрать. Этимъ завершилъ я осмотръ псковскихъ пригородовъ, которыхъ описаніе занесъ послѣ въ свою исторію Новгорода и Пскова. Характеристическою чертою Псковскаго края можно считать то, что нигдѣ почти не встрѣчается церкви посреди жилыхъ мѣстностей, но онѣ расположены вдали; близъ церкви — дома священнослужителей и причетниковъ, а также кладбище: это называется погостъ. Колокольни при церквахъ имѣютъ своеобразную форму въ видѣ линіи, составленной изъ продолговатыхъ арокъ, въ срединѣ которыхъ вѣшаются колокола.

Я воротился въ Псковъ и занялся тамъ осмотромъ городскихъ памятниковъ старины. Едва ли въ Россіи есть другой губернскій городъ, въ которомъ бы такъ много сохранилось такихъ памятниковъ. Кромѣ нѣсколькихъ церквей, основанныхъ въ XIV и XV вѣкахъ и сохраняющихъ много изъ своего первоначальнаго вида, вдоль рѣки Великой тянется высокая старая стѣна, въ одномъ мѣстѣ съ проломомъ: это тотъ самый проломъ, который сдѣлали поляки, осаждавшіе Псковъ подъ предводительствомъ своего короля Баторія и гетмана Яна Замойскаго, когда у нихъ шла ожесточенная война съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Другая стѣна, примыкающая къ первой, идетъ вдоль рѣки Псковы, а обломки ея заворачиваются въ поле и огибаютъ почти весь городъ. На Завеличьѣ — части города за рѣкою Великою — два старыхъ монастыря: одинъ изъ нихъ женскій Пред-

течинскій, замѣчателенъ по старинной внутренней постройкѣ; другой, знаменитый своею древностію Мирожскій монастырь основанный въ XII вѣкѣ, былъ весь расписанъ фресками, впослѣдствіи забѣленными, но къ счастію такъ дурно, что ихъ легко можно отмыть. Это и сдѣлалось въ алтарной стѣнѣ, гдѣ появились на свѣтъ старыя изображенія, такъ хорошо сохранившіяся, какъ едва ли гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ церквей, во Псковѣ сохранилось нѣсколько мірскихъ зданій старой постройки, и въ этомъ отношеніи Псковъ, для русской археологіи, представляетъ такія сокровища, какихъ не имѣетъ никакой другой старый городъ на Руси, не исключая и Кіева, гдѣ, при драгоцѣнномъ Софійскомъ соборѣ, превосходящемъ по древности всѣ русскія церкви, не осталось никакихъ слѣдовъ старыхъ жилищъ. Изъ псковскихъ зданій, самое обширное — Поганкины палаты, принадлежавшія, по преданію жившему въ XVII вѣкѣ, купцу Поганкину или Поганкѣ. Во время моего посѣщенія, зданіе это занимаемо было какимъ-то провіантскимъ магазиномъ; входя въ средину его представляется анфилада большихъ покоевъ, съ большими окнами и съ аркообразными дверьми, соединяющими эти покои. Пройдя нѣсколько покоевъ, идетъ поворотъ комнатъ вправо; подъ низомъ подвалы, служившіе, какъ говорятъ, кладовыми для товаровъ купца хозяина. Не менѣе любопытны другіе, хотя и меньшіе старые дома, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ и описанные мною въ „Сѣверноруссскихъ народоправствахъ“. Отличительною характеристикою псковскихъ старыхъ зданій — то, что они строились въ три этажа, которые сообщались другъ съ другомъ посредствомъ витыхъ лѣстницъ, сдѣланныхъ въ толстыхъ стѣнахъ, на подобіе тѣхъ, какія дѣлаются въ колокольняхъ; покоевъ немного, но они обширны и свѣтлы. Кромѣ этихъ домовъ, сохранившихся вполнѣ съ каменными внизу подвалами, вниманіе путешественниковъ привлекаютъ развалины стараго дома, который, по преданію, былъ временнымъ жилищемъ псковскаго Самозванца. Незнающіе исторіи обыватели Пскова говорятъ, что вмѣстѣ съ нимъ жила здѣсь и Марина; но это несправедливо: если дѣйствительно показываемыя развалины дома служили жилищемъ Самозванца, то развѣ третьяго — вора Сидорки, съ которымъ, однако,

никогда не жила Марина, бывшая, во время его появленія, въ лагерѣ подъ Москвою, вмѣстѣ съ Заруцкимъ.

Осмотрѣвши Псковъ, я отправился домой. Черезъ двѣ недѣли я выѣхалъ снова и направился въ Новгородъ, гдѣ, пригласивши съ собою бывшаго учителя новгородской гимназіи Отто, я пустился пѣшкомъ для осмотра Ильменскаго побережья: я желалъ ознакомиться съ бытомъ и нарѣчіемъ паозерцевъ, какъ называются жители этого края, говорящіе своимъ особымъ говоромъ, въ которомъ справедливо видятъ остатокъ древняго новгородскаго нарѣчія. Мы переходили изъ деревни въ деревню, отстоящія одна отъ другой на нѣсколько верстъ, заходили въ избы, вели разговоры съ хозяевами, осматривали ихъ житье-бытье. Ихъ домики большею частью двухъ-этажные; жилье составляетъ верхній этажъ, а нижній служитъ для подклѣта или кладовой. Живутъ они замѣчательно опрятно, очень добродушны и привѣтливы. Дворы у нихъ вообще крытые; громадные ворота съ навѣсомъ. Нарѣчіе ихъ, какъ я замѣтилъ, имѣетъ слѣдующую особенность: 1) буква *о* никогда не измѣняется въ *а*, 2) *ѣ* всегда выговаривается за *и* 3) окончаніе *тъ* въ изъявительномъ наклоненіи глаголовъ всегда выбрасывается не только въ единственномъ, но и во множественномъ числѣ, напримѣръ, „даю“ вмѣсто „даютъ“, „положу“ вмѣсто „положутъ“, 4) полногласіе сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ русскомъ языкѣ, напримѣръ, „веремя“ вмѣсто „время“, „верехъ“ вмѣсто „верхъ“; 5) употребляется много словъ, неупотребительныхъ въ великорусскомъ языкѣ, несуществующихъ въ малорусскомъ, напримѣръ, „шукать, хилить, шкода, що“ вмѣсто „что“, „жона“ вмѣсто „жена“, человикъ“ вмѣсто „человѣкъ“; *я* вмѣсто *а*, напримѣръ, „дѣвиця, травиця“.— На пути мы посѣщали монастыри: преподобнаго Михаила Клопскаго и Прокопія Верендинскаго и нашли эти монастыри вообще бѣдными; братія — въ незначительномъ числѣ, невѣжественная и не пользуется у жителей большимъ уваженіемъ по своей нравственности и благочестію. Воротившись въ Новгородъ, мы поѣхали на обывательскихъ лошадяхъ по дорогѣ вдоль рѣки Шелони и, прибывши вечеромъ въ ямъ Мшагу, случайно наткнулись на оригинальную личность. Въ окнѣ одного домика увидали мы старика, читающаго газету, и,

разговорившись съ нимъ, по его приглашенію зашли къ нему въ домъ пить чай. Оказалось, что этотъ старикъ, лѣтъ шестидесяти, почтенной наружности съ очень умнымъ выраженіемъ лица, былъ нѣкогда ямщикомъ и при врожденной любознательности, получилъ вкусъ къ чтенію книгъ. У него увидали мы большой шкафъ съ библіотекою; въ ряду книгъ красовалась исторія Карамзина и Соловьева и сочиненія Пушкина. Хозяинъ былъ человѣкъ въ такой степени развитой, какимъ быть пристало бы человѣку, окончившему курсъ гимназіи. Недостатокъ учебной подготовки онъ дополнилъ осмысленнымъ чтеніемъ, размышленіемъ и житейскою наблюдательностью. Ему не чужды были современные вопросы общественной и политической жизни; онъ имѣлъ здравое понятіе о европейскихъ государствахъ, о ихъ образѣ правленія и особенностяхъ общественной жизни. Онъ зналъ хорошо судьбу прошедшей русской жизни, минувшія событія отечества и съ сочувствіемъ относился къ недавно состоявшемуся освобожденію народа отъ крѣпостной зависимости и сознавалъ необходимость всеобщаго народнаго образованія, какъ первѣйшаго блага, безъ котораго не принесутъ пользы никакія благодѣтельныя реформы. Бесѣда съ этимъ умнымъ старикомъ до того заинтересовала насъ, что мы отложили выѣздъ до утра и остались по его приглашенію ночевать у него. Въ его домикѣ оказалась особая чистенькая комната; невѣстка его приготовила намъ постели со свѣжимъ бѣльемъ безукоризненной чистоты, а старикъ, послѣ ужина уложивши насъ, продолжалъ вести съ нами бесѣду еще около часа. На другой день поутру, когда мы встали, намъ уже былъ готовъ чай со сливками и опрятно приготовленный завтракъ. Провожаемые гостепріимнымъ хозяиномъ, мы уѣхали отъ него, унося съ собою пріятнѣйшее воспоминаніе о его образѣ, какъ бы служившемъ свидѣтельствомъ — чѣмъ можетъ быть и чѣмъ долженъ быть неиспорченный русскій человѣкъ, если въ немъ пробудится священный огонь любознательности и страсти къ умственнымъ интересамъ.

Мы ѣхали вдоль рѣки Шелони, отыскивая мѣсто, гдѣ происходила роковая Шелонская битва, погубившая республиканскую свободу Великаго Новгорода. Въ рукахъ у насъ была лѣтопись. Присматриваясь къ мѣстности, мы дѣлали

соображенія, обращались съ разными вопросами къ жителямъ, но не такъ легко могли достичь желаемаго. Въ Велебицахъ мы подъѣхали къ старой каменной церкви, построенной, какъ говорили намъ, великимъ княземъ Иваномъ III-мъ или, какъ другіе утверждали, его внукомъ, царемъ Грознымъ. Въ этой церкви происходило служеніе не болѣе двухъ разъ въ годъ и она была приписана къ другому приходу. Мы вызвали оттуда священника, который отперъ намъ церковь. Ея архитектура несомнѣнно старинная, никакъ не позже XVI вѣка. Проѣхавши нѣсколько верстъ, на песчаномъ берегу, поросшемъ кустарниками, мы нашли большой, довольно высокій холмъ, и когда стали зонтиками копать на немъ землю, то увидали, что весь этотъ холмъ состоитъ изъ человѣческихъ костей. Тутъ текла почти высохшая рѣчка Дрань, впадающая въ Шелонь. Я сообразилъ, что этотъ могильный холмъ есть мѣсто погребенія новгородцевъ, разбитыхъ на берегу Шелони нѣсколько выше этого мѣста и бѣжавшихъ до рѣки Драни, гдѣ въ другой разъ бѣгущимъ нанесено было окончательное пораженіе. Взявши на память два черепа, мы поѣхали далѣе и прибыли къ часовнѣ, подъ которою была могила павшихъ въ бою воиновъ; ежегодно совершается надъ ними панихида. Здѣсь вѣроятно погребены были московскіе воины, бившіеся противъ Новгорода; ихъ похоронили съ честью и построили надъ ними часовню, а трупы бѣдныхъ новгородцевъ сложили грудою на берегу Драни и только присыпали пескомъ. Мы доѣхали да посада Сольцы и стали разспрашивать о мѣстныхъ памятникахъ у духовенства одной изъ тамошнихъ церквей; но оказалось, что духовные совсѣмъ не интересовались исторіею и не знали о Шелонской битвѣ и вообще о древней судьбѣ Новгорода даже настолько, насколько могла имъ сообщить исторія Карамзина. Возвращаясь назадъ, мы, осматривая русло Шелони съ обоими ея берегами, пришли къ тому заключенію, что переходъ московскихъ войскъ черезъ Шелонь произошелъ немного ниже мѣстности, на которой нынѣ лежитъ посадъ Сольцы, и новгородцы, сбитые съ позиціи на берегу рѣки, бѣжали преслѣдуемые москвичами до роковой для нихъ рѣки Драни, гдѣ и лежатъ ихъ кости, прикрытыя пескомъ, развѣваемымъ вѣтрами. Мы повернули назадъ къ

Новгороду, осмотрѣли церковь Рождества, гдѣ было старое кладбище и гдѣ нѣкогда, нищій старецъ Жегальцо погребалъ несмѣтное число утопленныхъ и замученныхъ новгородцевъ, сдѣлавшихся жертвою свирѣпости Ивана Грознаго. Весь дворъ этой церкви оказался наполненнымъ человѣческими костями; и тамъ—стоило только копнутъ зонтикомъ—и тотчасъ находились либо черепъ, либо рука, либо нога. Въ самой церкви Рождества есть другой остатокъ болѣе близкой къ намъ старины: гробы двухъ князей Долгорукихъ, казненныхъ при Аннѣ Ивановнѣ; надъ ними ежегодно въ день ихъ кончины служатся панихиды.

Изъ Новгорода, вмѣстѣ съ Отто, я отправился по Волхову, съ намѣреніемъ ѣхать въ Петербургъ; но когда мы пристали къ берегу въ Сосновскомъ посадѣ и стали дожидаться желѣзнодорожнаго поѣзда, Отто вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой оригинальной личности. Онъ былъ нѣмецъ по происхожденію и по религіи, но по своимъ національнымъ симпатіямъ—глубоко-русскій человѣкъ, много разъ болѣе русскій, чѣмъ значительная часть людей, принадлежащихъ къ русской крови. Какъ учитель гимназіи, онъ пользовался хорошей репутаціей толковаго преподавателя и основательно знающаго свой предметъ—исторію; но въ его личности было что-то странное. Когда онъ поѣхалъ со мною на пароходѣ, вдругъ затосковалъ и на мои вопросы объяснилъ мнѣ, что его безпокоитъ какое-то предчувствіе о судьбѣ своихъ родныхъ, жившихъ въ Петербургѣ. Казалось бы, при такомъ настроеніи духа, ему оставалось спѣшить туда, куда уже и безъ того мы собрались ѣхать; но когда мы прибыли въ Сосновку, мой товарищъ со слезнымъ жалобнымъ голосомъ объявилъ мнѣ, что не поѣдетъ въ Петербургъ, боясь узнать что нибудь дурное о своей семьѣ, и дѣйствительно покинулъ меня и воротился на пароходѣ въ Новгородъ. Эта странность очень меня тогда поразила. Отто казался мнѣ однимъ изъ симпатичнѣйшихъ людей, съ какими мнѣ случалось встрѣчаться; я его полюбилъ отъ души и мнѣ стало жаль его: я недоумѣвалъ, что съ нимъ происходило, но достаточно было видѣть, что онъ былъ грустенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ до меня дошли слухи,

объяснившіе мнѣ случай въ Сосновкѣ: Отто впалъ въ душевную болѣзнь и былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ, но къ счастію скоро умеръ.

По отъѣздѣ Отто и по прибытіи поѣзда изъ Москвы, я отправлялся уже въ Петербургъ, какъ вдругъ встрѣтился съ однимъ знакомымъ, Недоборовскимъ, и уговорился съ нимъ совершить путешествіе вверхъ по Волхову въ Старую Ладогу, чтобы осмотрѣть тамошнія развалины и достопримѣчательности. Мы сѣли на пароходъ и плыли до Гостинополья. Выше плыть уже было нельзя по причинѣ пороговъ. Мы наняли лошадей и поѣхали по берегу, въ виду пороговъ. Они не представляютъ ничего великолѣпнаго: шумъ ихъ слышенъ только по приближеніи къ нимъ; вода мутная, какъ вообще въ Волховѣ, который, какъ гласитъ древняя хронографія, носилъ даже прежде названіе Мутной рѣки. Мы достигли цѣли нашей поѣздки. При самомъ приближеніи къ селу Старой Ладогѣ, взоръ поражается рядомъ большихъ земляныхъ насыпей или кургановъ на высокомъ берегу Волхова. Такъ и тянетъ порыть ихъ и поискать въ ихъ нѣдрахъ какихъ нибудь остатковъ до-исторической старины. Въ самой Старой Ладогѣ вниманіе прежде всего приковывается къ полуобрушившимся стѣнамъ древней крѣпости, которую называютъ Рюриковою. Я обошелъ всю эту стѣну по вершинѣ ея; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть внутри стѣны углубленія и лѣсенки, идущія вверхъ и внизъ. Въ срединѣ крѣпости — церковь великомученика Георгія, построенная въ XII вѣкѣ; на ея внутреннихъ стѣнахъ и на сводѣ сохранилось много старинныхъ изображеній стѣнного иконописанія, но нѣкоторыя были въ послѣднее время искажены и зарисованы новыми. Василій Александровичъ Прохоровъ, въ своемъ археологическомъ повременномъ изданіи, приложилъ рисунки фресокъ этой церкви и подробно описалъ ея архитектуру. Изъ крѣпости я отправился въ Никольскій монастырь и, по обозрѣніи его, въ сопровожденіи монаха пошелъ пѣшкомъ въ упраздненный женскій Ивановскій монастырь и тамъ услышалъ такую легенду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ схимникъ Никольскаго монастыря задумалъ удалиться въ пустой Ивановскій монастырь и жить въ совершенномъ уединеніи. Спустя два

мѣсяца, онъ услыхалъ ночью за дверьми своей комнаты, выходившими въ церковныя сѣни, женскій голосъ: „впусти меня!“ Схимникъ принялъ это за бѣсовское искушеніе и не отворялъ дверей. На другую ночь онъ слышитъ тотъ же голосъ и говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!“ Ему отвѣчаютъ „аминь“. Схимникъ отворилъ дверь и мимо ногъ его вкатился въ келію сухой женскій черепъ. Отшельникъ поставилъ его у себя на верхней лежанкѣ своей печи. Послѣ того съ нимъ еще случались какія-то странныя видѣнія, но какія именно, мнѣ не объяснили. Наконецъ отшельникъ дошелъ до уныніе и, желая избавиться отъ него, перешелъ въ свой монастырь. Оставленный имъ въ келіи черепъ былъ погребенъ другими монахами, приходившими въ покинутое жилище схимника. Въ этомъ монастырѣ была нѣкогда заточена несчастная царица Евдокія, покинутая Петромъ Первымъ и содержавшаяся сначала въ Суздалѣ, а потомъ переведенная въ Ладогу послѣ суда надъ сыномъ ея царевичемъ Алексѣемъ; но никакихъ слѣдовъ пребыванія ея тамъ не осталось. Въ самой церкви монастыря, приписанной къ мужскому Никольскому, производится богослуженіе только разъ въ годъ, въ храмовой праздникъ Іоанна Предтечи. Церковь довольно просторная и свѣтлая. Осмотрѣвши всѣ древности Старой Ладоги, я уѣхалъ назадъ и возвратился въ Петербургъ.

Въ это время я началъ печатать свои лекціи объ исторіи Новгорода и Пскова, читанныя въ университетѣ, продавъ изданіе Кожанчикову. Всю осень и зиму тянулось это печатаніе. Между тѣмъ я напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ изслѣдованіе объ Иванѣ Сусанинѣ, которое навлекло на меня цѣлый потокъ печатныхъ замѣчаній со всевозможными шпильками. Такъ какъ я доказывалъ, что исторія Сусанина украсилась разными добавленіями досужей фантазіи и событіе не могло происходить въ такомъ видѣ, въ какомъ привыкли видѣть его и даже читать въ учебникахъ, то сейчасъ нашлись ревнители патріотической славы, старавшіеся увидѣть изъ этого моего поступка что-то неблагонамѣренное. Началась составляться обо мнѣ молва, будто я задаю себѣ задачу унижать доблестныя русскія личности и, какъ говорили, сводить съ пьедестала и развѣн-

чивать русскихъ героевъ. Укоры эти много разъ заявлялись въ литературѣ, расходились въ обществѣ и повторялись даже такими людьми, которымъ собственно не было ни тепло ни холодно отъ того, будетъ ли прославленъ или униженъ какой либо изъ дѣятелей русской исторіи минувшихъ вѣковъ. До меня доходили слухи, что люди высокопоставленные въ чиновной іерархіи оскорблялись моимъ критическимъ взглядомъ на личность Сусанина и говорили, что я человѣкъ злонамѣренный, желаю во что бы то ни стало унижать великія личности русской исторіи. Иные толковали это тѣмъ, что я, какъ малороссъ, хочу выставлять на показъ лица южнорусской исторіи и въ противоположность имъ унижать сѣверорусскихъ героевъ. Забавно было слышать мнѣ, что такое мнѣніе обо мнѣ заявлено было однимъ княземъ, который, будучи воспитанъ заграничнымъ способомъ, плохо зналъ по-русски, несмотря на то, что занималъ такое мѣсто, которое не долженъ былъ бы принимать съ плохимъ знаніемъ русскаго языка и русской жизни. И этотъ князь конечно не читалъ моихъ сочиненій, но, повторяя слышанное отъ другихъ, считалъ обязанностію чернить меня. Мнѣніе такихъ лицъ, какъ этотъ князь, ничуть меня не безпокоило и мало интересовало; но прискорбно было испытать, что люди, заявившіе себя спеціально-занимавшимися русской исторіей, люди, хотѣвшіе во всемъ быть русскими, также повторяли и словесно и печатно эти клеветы противъ меня. Ихъ выходки служили доказательствомъ еще не прекратившагося господства дѣтскихъ взглядовъ и раболѣпства передъ рутинными убѣжденіями, основанными на ложномъ патріотизмѣ. Считали какъ бы вывѣскою благонамѣренности въ наукѣ, непремѣнно восхвалять признанныя доблести, и въ каждомъ критическомъ отношеніи къ нимъ отыскивали что-то затаенное, нерасположенное къ славѣ и чести отечества. Между тѣмъ истинная любовь историка къ своему отечеству можетъ проявляться только въ строгомъ уваженіи къ правдѣ. Отечеству нѣтъ никакого безчестія, если личность, которую прежде по ошибкѣ признавали высоко-доблестною, подъ критическимъ пріемомъ анализа представится совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ ее пріучились видѣть. Притомъ же не слѣдовало забывать,

что безусловно добродѣтельныхъ и безупречныхъ людей на свѣтѣ не бываетъ и прежде не было. Всѣ люди съ ошибками и пороками, и если мы не въ состояніи указать на ихъ темныя стороны, то это служитъ только признакомъ нашего недостаточнаго уразумѣнія этихъ личностей. Наконецъ, всѣ вѣка имѣли свои заблужденія и слабости и великіе люди этихъ вѣковъ часто не были чужды этихъ заблужденій и слабостей. Показывать въ исторіи тѣ и другія не значитъ унижать самыя историческія личности; напротивъ, чѣмъ личность прошедшаго времени представится намъ со всѣми своими сторонами, какъ свѣтлыми такъ и темными, тѣмъ яснѣе станетъ предъ нашими глазами и тѣмъ нагляднѣе мы можемъ разсмотрѣть ее и оцѣнить. Но всего несправедливѣе ставить историку въ вину, если онъ ни въ какомъ случаѣ не унижалъ исторической личности, которой привыкли оказывать уваженіе, а только старался установить правильный взглядъ на ея дѣйствительное историческое значеніе и снять съ нея вымышленныя черты, созданныя или народнымъ воображеніемъ подъ вліяніемъ протекшихъ вѣковъ или фантазіею писателей, какъ это и было относительно личности Сусанина. Что касается до толкованія тѣхъ, которые объясняли мои историческіе пріемы умышленнымъ желаніемъ выставить въ темнотѣ великорусскія личности съ цѣлью придать больше свѣта малорусскимъ, то это ребяческое толкованіе опровергалось какъ нельзя болѣе тѣми моими сочиненіями, которыя относились къ исторіи Южной Руси. Касаясь южнорусскихъ героевъ, я нигдѣ не скрывалъ чертъ ихъ слабостей, пороковъ, заблужденій и ошибокъ, что и доказывается тѣмъ, что никто изъ критиковъ не въ состояніи былъ указать на такія мѣста моихъ историческихъ трудовъ, гдѣ бы я преднамѣренно скрылъ дурныя стороны южнорусскихъ знаменитыхъ людей или представилъ ихъ безупречными вопреки несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, обличающимъ мои неправильные или пристрастные взгляды.

Въ тѣхъ же „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ помѣщенъ былъ Сусанинъ, напечаталъ я статью: „Великорусскіе вольнодумцы XVI вѣка“. Это было историческое изслѣдованіе о признакахъ религіознаго волненія умовъ въ московской Руси,

въ царствованіе Ивана Грознаго, выразившагося мнѣніями Матвѣя Башкина, игумена Артемія, дьяка Висковатаго и Ѳеодосія Косого. Изъ нихъ собственно только за Косымъ можно было признать дѣйствительныя еретическія мнѣнія; другія лица осуждены были въ ереси отчасти по недоразумѣнію, отчасти по невѣжеству судей. Я старался разъяснить это и въ особенности относительно Артемія, въ чемъ и не ошибся, потому что впослѣдствіи, уже по напечатаніи моего означеннаго сочиненія, имѣлъ случай видѣть въ Московской Публичной библіотекѣ посланіе Артемія, писанное имъ послѣ бѣгства въ Литву,— посланіе, несомнѣнно указывающее на твердость въ православіи этого мнимаго московскаго еретика.

Въ этомъ же году напечатана была моя драма „Кремуцій Кордъ“, написанная еще въ 1849 году и остававшаяся въ рукописи. Кромѣ того я напечаталъ нѣсколько статей въ „Основѣ“, имѣвшихъ современный характеръ. Такъ, по поводу поднятыхъ противъ меня въ Москвѣ возраженій на мои историческіе взгляды, я написалъ статью: „Правда москвичамъ о Руси“, по поводу новыхъ польскихъ выходокъ тамъ же напечаталъ: „Правда полякамъ о Руси“. Вслѣдъ за появленіемъ этой статьи, я сталъ получать изъ разныхъ мѣстъ анонимныя письма отъ поляковъ съ угрозами смерти; одно изъ этихъ писемъ заключалось словомъ „готовьтесь!“ По поводу вопроса объ отношеніяхъ іудеевъ къ русскому и преимущественно малорусскому племени, въ „Основѣ“ же я напечаталъ статью „Іудеямъ“. Послѣдняя статья задѣла за-живое нѣкоторыхъ лицъ іудейскаго племени и я получилъ изъ Кіева отъ одного изъ нихъ укорительное, хотя и дружелюбное письмо, въ которомъ авторъ письма доказывалъ, что іудеи — сущіе благодѣтели малороссовъ и огорчался тѣмъ, что я дозволилъ себѣ употреблять названіе „жиды“. Я отвѣчалъ этому господину, что сомнѣваюсь насчетъ благодѣтельности іудеевъ, а что касается до слова „жиды“, то обѣщаю впередъ не употреблять этого слова, а писать „іудеи“. Мой корреспондентъ отвѣчалъ мнѣ, что такимъ названіемъ вполнѣ будетъ довольно іудейское племя, живущее въ Россіи, но впослѣдствіи оказалось, что его мнѣніе не раздѣлялось нѣкоторыми изъ пишущей братіи;

отыскались русскіе люди, которые замѣчали мнѣ въ литературѣ свое неудовольствіе по поводу употребленія мною слова „іудеи“, между тѣмъ какъ я былъ убѣжденъ, что слово „еврей“ не вполнѣ выражало желаемое понятіе: іудеи, къ которымъ принадлежатъ живущіе у насъ исповѣдники Моисеева закона, составляютъ видъ еврейскаго племени;— сказать о нихъ „евреи“ — то же самое, что назвать русскихъ славянами, что будетъ родовое, а не видовое названіе.

Печатая мою исторію Новгорода и Пскова, я въ ту же осень принялся заниматься исторіею Смутнаго времени Московскаго Государства въ началѣ XVII вѣка, и каждый день посѣщая Публичную Библіотеку, изучалъ источники эпохи, которую предполагалъ обработать. Во всей древней сѣверно-русской исторіи не было такого другого періода, въ которомъ бы народъ былъ до такой степени предоставленъ самому себѣ и собственными силами долженъ былъ отстаивать свое политическое, общественное и религіозное существованіе отъ внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ неурядицъ и, гдѣ онъ невольно долженъ былъ показать весь запасъ собственныхъ духовныхъ силъ, необходимыхъ для своего спасенія. Эпоха эта, страшная и кровавая, заключала въ себѣ утѣшительнаго то, что народъ, перенесшій ее, вышелъ изъ нея съ торжествомъ, отстоявши, по крайней мѣрѣ, свою независимость и свой общественный строй съ тѣми началами, съ какими установился прежде. Мое давнее желаніе — обрабатывать въ исторіи главнымъ образомъ теченіе народной жизни, влекло меня къ этой эпохѣ. Притомъ же и въ нашей научной литературѣ эпоха Смутнаго времени заключала много привлекательнаго. Многіе вопросы не были окончательно разъяснены, другіе даже почти не затрогивались; не всѣ источники послужили для научной обработки. Богатая рукописная и печатная сокровищница Публичной Библіотеки манила къ себѣ мое воображеніе: я надѣялся, порывшись въ ней, найти что-нибудь новое; думалъ также послѣ петербургской Публичной Библіотеки порыться въ другихъ книгохранилищахъ и архивахъ и съ помощію всего, что они могутъ мнѣ открыть, представить живое и наглядное описаніе событій того времени, къ которому интересъ не переставалъ, какъ мнѣ казалось, возбуждаться въ умахъ пуб-

лики, читающей отечественную исторію. Приступая къ Смутному времени, я былъ вѣренъ себѣ и своей задачѣ работать надъ исторіею народа. Я работалъ надъ эпохою Хмельницкаго и Выговскаго, гдѣ главнымъ образомъ высказывалась дѣятельность народной массы; меня увлекала исторія Новгорода и Пскова, гдѣ также на первомъ планѣ была народная масса; меня заняла сильно эпоха дикой самодѣятельности народа, проявившейся въ бурное возстаніе Стеньки Разина. Точно по тѣмъ же побужденіямъ изучать и выражать въ исторіи народную жизнь, принялся я и за Смутное время Московскаго Государства въ началѣ XVII вѣка.

Въ началѣ 1863 года я съѣздилъ на непродолжительное время въ Москву, гдѣ систематически осмотрѣлъ всѣ монастыри и много церквей, имѣвшихъ историческое значеніе, а по возвращеніи оттуда выпустилъ въ свѣтъ свою исторію Новгорода и Пскова, давши ей названіе „Сѣверноруссkія народоправства“. По напечатаніи этого сочиненія, я встрѣтилъ небольшое недоразумѣніе со стороны духовной цензуры. Получивъ процензированную рукопись во время печатанія, я нашелъ нужнымъ замѣнить нѣсколько словъ другими, однозначительными. Когда печатаніе было окончено и сочиненіе представлено въ цензуру для выпуска въ свѣтъ, цензоръ, которымъ былъ архимандритъ Макарій, замѣтивши измѣненія, не хотѣлъ его подписывать къ выпуску. Я отправился къ нему и сталъ убѣждать, что не измѣнилъ смысла своими перемѣнами словъ. Онъ принужденъ былъ согласиться съ этимъ, но тѣмъ не менѣе началъ условливаться со мною, желая непремѣнно, чтобы я перепечаталъ хотя одну страницу, лишь бы вышло „по его“... Я замѣтилъ ему, что это выходитъ по малорусской пословицѣ: „абы мое було зверху“— и все-таки долженъ былъ уступить и согласиться на перепечатку одной страницы ради какихъ-то двухъ незначительныхъ словъ. Видно было, что цензора задѣло чистолюбіе и онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ показать свое право. Между тѣмъ, сдѣланныя имъ перемѣны, которыя онъ принудилъ меня вставить въ текстъ моего сочиненія, совсѣмъ не сходились съ моимъ слогомъ. Вотъ образчикъ того, какъ авторы вынуждены были уступать требованіямъ цензоровъ и допускать въ свои сочиненія выраженія, вовсе

не сходныя съ тономъ, господствующимъ въ цѣломъ сочиненіи и вовсе не измѣняющія ихъ мысли. О названіи моего сочиненія, по выпускѣ его въ свѣтъ, я получилъ отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ ученыхъ лицъ замѣчаніе, что названіе „Сѣверноруссkія народоправства“— слишкомъ вычурно, съ чѣмъ я мало-по-малу согласился и впослѣдствіи перепечаталъ заглавный листокъ, давши этому сочиненію другое названіе, гораздо проще: „Исторія Новгорода, Пскова и Вятки“. Впрочемъ, первоначальное названіе остается для меня предпочтительнѣе. Сочиненіе это встрѣчено отъ нѣкоторыхъ съ похвалою, отъ другихъ съ упреками; иные видѣли у меня исключительное пристрастіе къ Новгороду; поклоненіе его свободѣ, другихъ коробило то, что я указывалъ на сходство древняго новгородскаго нарѣчія съ малорусскимъ и на этомъ основаніи дѣлалъ предположеніе о древнемъ сродствѣ новгородцевъ съ южно-русскимъ племенемъ.

Весною я занимался исторіею Смутнаго времени; лѣто 1863 года я проводилъ на дачѣ въ Павловскѣ вмѣстѣ съ редакторомъ „Основы“ Бѣлозерскимъ, не переставая ѣздить въ Петербургъ для занятій въ Публичной библіотекѣ исторіею Смутнаго времени. Тогда же поднялась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ буря противъ малорусскаго литературнаго движенія, коснувшаяся меня тѣмъ болѣе, что въ этой газетѣ имя мое было выставлено на позоръ, какъ одного изъ преступныхъ составителей замысловъ, по мнѣнію противниковъ, грозившихъ опасностью государственному порядку. Пошли въ ходъ слова: сепаратизмъ и украинофильство. Инсинуаціи давались преимущественно изъ Кіева. Я видѣлъ ясно, что господа, толковавшіе о сепаратизмѣ и пытавшіеся совмѣстить украинофильство съ польскимъ мятежемъ, сами того не знали, что повторяли выходки поляковъ, которымъ литературное украинское движеніе давно уже стояло костью въ горлѣ, такъ какъ оно болѣе всего служило опроверженіемъ польскимъ теоріямъ о томъ, что Южная Русь — законная принадлежность Польши, а южнорусскій языкъ есть не болѣе, какъ нарѣчіе польскаго языка. Мысль эта была выражена особенно рельефно во французскомъ сочиненіи Владислава Мицкевича, сына знаменитаго

польскаго поэта Адама, и разгуливала въ русскихъ газетахъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ изложилъ ее первоначально польскій патріотъ, съ тою только разницею, что въ нашихъ газетахъ примѣнялось къ Россіи то, что поляки примѣняли къ Польшѣ. На обвиненія „Московскихъ Вѣдомостей“ я написалъ большое опроверженіе, но цензура его не пропустила. Тогда я обратился лично къ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву, который назначилъ мнѣ свиданіе на своей дачѣ, на Аптекарскомъ островѣ, и сообщилъ мнѣ, что хотя мысль о написаніи популярныхъ сочиненій по малорусски съ цѣлью распространенія въ народѣ полезныхъ знаній не только не преступна, но и похвальна, однако, въ настоящее время правительство, по своимъ соображеніямъ, считаетъ нужнымъ пріостановить ее, чтобы не подать повода злонамѣреннымъ людямъ воспользоваться для иныхъ цѣлей и, подъ видомъ дозволеннаго распространенія въ народѣ популярно-научныхъ книгъ, не дать имъ возможности распространять законопреступныхъ подущеній къ мятежамъ и безпорядкамъ. Вслѣдъ за тѣмъ я узналъ, что состоялось запрещеніе печатанія по малорусски книгъ, имѣющихъ учебное значеніе. Я успѣлъ выпустить только первый выпускъ священной исторіи Опатовича, у котораго остались готовые два другіе,— и ариѳметику Конисскаго. Печатались еще два житія святыхъ и остались также невыпущенными. Министръ народнаго просвѣщенія Головинъ, относился совершенно безпристрастно къ вопросу о малорусской литературѣ и говорилъ, что если дѣйствительно существуетъ у малороссовъ потребность учиться на своемъ мѣстномъ нарѣчіи и, если это нарѣчіе настолько далеко отъ литературнаго русскаго языка, что малороссы, не учась послѣднему, не въ состояніи понимать написаннаго на немъ, то изданіе малорусскихъ книгъ научнаго содержанія — дѣло полезное и необходимое. По его предложенію я напечаталъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія статью объ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія, дающихъ ему право самобытности въ ряду славянскихъ языковъ и недозволяющихъ признать его ни видоизмѣненіемъ великорусскаго, ни польскаго.

Въ это время я получилъ изъ Кіева приглашеніе поступить на каѳедру русской исторіи въ университетѣ св. Владимира, давно уже оставленную Павловымъ — и сначала я было согласился, но потомъ, узнавши, что тогдашній генералъ-губернаторъ юго-западнаго края заявлялъ университету о своемъ нежеланіи, въ видахъ политическихъ, допускать меня къ кіевскому университету по причинѣ возникшихъ на меня обвиненій въ такъ называемомъ „украинофильствѣ“, самъ устранился отъ предлагаемой мнѣ чести, а кіевскій университетъ св. Владимира прислалъ мнѣ, въ знакъ уваженія къ моей ученой дѣятельности, дипломъ доктора исторіи, на основаніи правила, предоставляющаго университетамъ давать ученыя степени безъ экзамена и диссертаціи, за труды по части науки.

Осенью въ сентябрѣ я отправился снова въ Москву, занимался въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, въ синодальной библіотекѣ и съѣздилъ за семь верстъ въ село Тушино, гдѣ осматривалъ слѣды бывшаго лагеря второго Самозванца; всѣ они заключаются въ окопахъ, протянутыхъ отъ рѣки Всходни до рѣки Москвы, куда впадаетъ таже Всходня, дѣлая загибъ. Я пытался услышать что-нибудь отъ мѣстныхъ жителей, но услышалъ очень мало. Сохранилось преданіе, что здѣсь стоялъ когда-то царикъ съ Литвою, а дѣлалось это во время Литовскаго разоренія, когда на Руси было такое ужасное время, что изъ всѣхъ живыхъ людей едва уцѣлѣла только десятая часть. Самаго этого царика народное преданіе смѣшиваетъ съ личностью Гришки Отрепьева. „Былъ, говорятъ, Отрепкинъ,— такое ужъ ему и прозвище было; былъ онъ нищій и когда жизнь ему надоѣла, отправился онъ подъ Москворѣцкій мостъ топиться въ проруби; является къ нему бѣсъ и говоритъ:— Гришка Отрепкинъ! зачѣмъ тебѣ топиться? лучше отдай мнѣ душу; на что тебѣ она?— Гришка сказалъ: отдамъ, если ты меня сдѣлаешь царемъ.— Сдѣлаю,— сказалъ бѣсъ — и Гришка разрѣзалъ себѣ руку и подписалъ бѣсу кровью договоръ“. Бѣсъ началъ ему помогать и довелъ до того, что Гришка всѣмъ москвичамъ показался царевичемъ Димитріемъ, уже убитымъ, и вся Москва признала его и посадила на престолъ. Но тутъ какой-то святой съумѣлъ отчитать народъ, обаяніе пропало, глаза открылись, всѣ уви-

дѣли, что Гришка не царевичъ Димитрій и казнили его. „Такъ вотъ этотъ-то Гришка — говорили мнѣ крестьяне — стоялъ въ нашемъ селѣ, пока не взялъ Москвы. У него была жена, злая вѣдьма Маринка безбожница, которая превратилась въ сороку въ то время, когда убивали Гришку въ Москвѣ, она улетѣла на Волгу и долго разбойничала, пока, наконецъ, на нее наложили проклятье, уничтоживши все ея волшебство, и привезли въ Москву". Въ такомъ-то видѣ перешли къ народу воспоминанія о бурной эпохѣ Смутнаго времени. Въ настоящее время жители села Тушина ведутъ большую торговлю молокомъ, привозя его продавать въ Москву въ Охотномъ ряду. Крестьяне, разсказывавшіе мнѣ обо всемъ этомъ, прибавили, что до сихъ поръ въ Москвѣ подъ-часъ дразнятъ тушинцевъ „тушинскими ворами", особенно когда замѣтятъ какое-нибудь плутовство въ торговлѣ. Мнѣ особенно бросилось въ глаза большое количество распивочныхъ продажъ въ Тушинѣ: чуть не въ каждомъ домѣ кабакъ и такъ какъ, во время моего пріѣзда въ село, тамъ былъ храмовой праздникъ чудотворца Сергія, то я, заходя изъ избы въ избу, съ трудомъ могъ отыскать трезвыхъ людей, способныхъ отвѣчать на мои вопросы. Въ Москвѣ, въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я нашелъ два статейныхъ списка эпохи Смутнаго времени и распорядился объ отсылкѣ ихъ въ нашу Комиссію. Запасшись всѣмъ, чѣмъ успѣлъ для своего новаго труда, я возвратился въ Петербургъ — и на всю зиму засѣлъ самымъ усиленнымъ образомъ за Смутное время. Между тѣмъ, я продалъ госпожѣ Ахматовой, издательницѣ Собранія романовъ, право на изданіе моего „Сына" появившагося въ періодическомъ изданіи Калачева. Въ маѣ 1864 года книга эта была выпущена въ свѣтъ.

Въ этомъ же 1864 году по приглашенію Академіи Наукъ, въ издаваемомъ отъ Академіи Календарѣ, напечаталъ я историческій очеркъ Куликовской битвы. Статья эта, не менѣе „Ивана Сусанина", навлекла на меня разнородныя обвиненія въ недостаткѣ патріотизма и въ злонамѣренности моихъ способовъ обращаться съ событіями русской исторіи. Дѣло было въ томъ, что я, руководясь источниками, указалъ на такія черты въ личности Димитрія Донского, которыя противорѣчили сложившемуся о немъ и, ставшему какъ бы казеннымъ

мнѣнію, какъ и доблестномъ и храбромъ героѣ княжескихъ временъ. Противъ меня поднялась цѣлая буря патріотическаго негодованія. Бывшій тогда предсѣдатель Археографической Комиссіи Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, старикъ, хотя добрый и образованный, но считавшій нравственнымъ долгомъ казаться завзятымъ патріотомъ, такъ озлобился противъ меня за эту статью, что почти не могъ выносить моего присутствія въ засѣданіяхъ Археографической Комиссіи. Въ ученомъ отношеніи эти попытки оказывались очень слабыми, потому что за нихъ брались люди, заслуживавшіе одобреніе только за свой патріотизмъ, а никакъ не за ученость. Къ нимъ слѣдовало отнести и Погодина, который писалъ на меня въ газетѣ „День“ рядъ статей, главнымъ образомъ указывая на мою склонность къ какому-то недоброжелательству къ Россіи — унижать великихъ людей русской исторіи. Я защищался противъ него на страницахъ газеты „Голосъ“; но правду надобно сказать, что въ ту пору я еще не освободился вполнѣ отъ старой привычки слѣпо и съ вѣрою держаться извѣстій въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются лѣтописными источниками, мало вникая въ то, что самые источники, по разнымъ причинамъ, нерѣдко являются лживыми, даже безъ умышленнаго обмана. Такъ произошло и въ вопросѣ о Димитріи Донскомъ. Погодину и другимъ моимъ противникамъ очень не нравилось извѣстіе лѣтописной повѣсти о томъ, что Димитрій Донской, передъ Куликовской битвой, надѣлъ свое великокняжеское платье на своего боярина Бренка, а самъ въ одеждѣ простого воина, въ концѣ битвы, очутился лежащимъ подъ срубленнымъ деревомъ. Это имѣло видъ, какъ будто великій князь московскій, желая сохранить собственную жизнь, выставилъ на убой своего вѣрнаго слугу, а самъ оказался въ самой битвѣ трусомъ. Погодинъ силился всѣми натяжками объяснить это событіе въ хорошую для Димитрія сторону и конечно не могъ; я же старался показать истинный смыслъ, какой представляло лѣтописное повѣствованіе; но ни я, ни Погодинъ не обратили вниманія, что самая эта лѣтописная повѣсть не выдерживаетъ критики и должна быть отвергнута, о чемъ я и заявилъ, уже впослѣдствіи, въ своей „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ“. Впрочемъ, трусость Димитрія Донского, которою такъ оскорб-

лялись Погодинъ и другіе мои противники, кромѣ этого событія, невыдерживающаго критики, неоспоримо доказывается постыднымъ бѣгствомъ московскаго великаго князя изъ столицы, во время нашествія на нее Тохтамыша.

Въ концѣ мая того же года я отправился за-границу. Я посѣтилъ Дрезденъ, Прагу, Регенсбургъ, Мюнхенъ, Зальцбургъ, Вѣну, гдѣ прожилъ около трехъ недѣль и затѣмъ пустился на югъ до Дуная и прибылъ въ Бѣлградъ. Впечатлѣніе, произведенное на меня сербскою столицею, было своеобразно. Городъ не представлялъ ничего похожаго на европейскіе города, которые мнѣ случалось проѣзжать, хотя съ другой стороны я не замѣтилъ тамъ почти ничего азіатскаго. Большихъ каменныхъ домовъ въ немъ очень мало; большая часть строеній состоитъ изъ низенькихъ домиковъ, обсаженныхъ деревьями; широкія, не освѣщенныя фонарями улицы поросли травою; по улицамъ ходятъ босые люди и пасутся животныя. У воротъ повсюду раздаются пѣсни, и что меня особенно поразило — пѣсни духовнаго содержанія: церковные тропари, кондаки и ирмосы. Мнѣ объяснили, что это происходитъ оттого, что православное церковное пѣснопѣніе имѣетъ для сербовъ не только религіозный, но и національный характеръ, вслѣдствіе ихъ продолжительной борьбы съ невѣрными турками. Я познакомился здѣсь съ тремя профессорами сербской Главной школы, людьми очень развитыми и отлично знающими по-русски, такъ какъ они получили образованіе въ русскихъ университетахъ. Пробывши съ недѣлю въ Бѣлградѣ, я поплылъ по Дунаю до Вѣны, а оттуда пустился по желѣзной дорогѣ въ Остенде, съ цѣлью выдержать курсъ морского купанья. Проѣзжая черезъ Брюссель, я остановился тамъ на три дня, осматривалъ городъ и его достопримѣчательности и былъ чрезвычайно пораженъ, увидѣвши на паперти одной церкви густую толпу народа и прочитавши приклеенную къ церковнымъ дверямъ афишу, гдѣ извѣщалось, что по случаю юбилея какого-то римско-католическаго святого, папа приглашаетъ вѣрныхъ католиковъ исповѣдаться и причаститься и совершить нѣсколько благочестивыхъ подвиговъ, и за-то получить отпущеніе грѣховъ, пользуясь особенно благопріятнымъ для этого временемъ юбилея святого. Огромное стеченіе на-

рода показывало, что вѣра въ отпущеніе грѣховъ сильно сохраняется въ этой странѣ и мнѣ пришло въ голову: едва ли бы нашлось много такихъ благочестивыхъ фанатиковъ въ моемъ русскомъ отечествѣ, еслибы въ церкви провозглашена была надежда на отпущеніе грѣховъ по поводу какого бы то ни было воспоминанія о лицѣ, прославившемся своею святостію. Здѣсь дѣйствуетъ очевидно старый католическій догматъ, что святые мужи совершили въ своей жизни болѣе праведныхъ дѣлъ, нежели сколько нужно для ихъ личнаго спасенія, и лишнія дѣла составляютъ церковную сокровищницу, изъ которой церковь можетъ раздавать благодать отпущенія грѣховъ вѣрующимъ чадамъ своимъ. Въ Остенде я пробылъ мѣсяцъ, постоянно купаясь въ морѣ. Мѣстоположеніе этого города чрезвычайно скучно и однообразно. Самое купанье представляетъ то неудобство, что по причинѣ мелководія на берегу, купающихся вводятъ въ подвижныя клѣтки на колесахъ и возятъ ихъ до глубокихъ мѣстъ. Частые дожди и вѣтры не дѣлаютъ климата этой мѣстности особенно пріятнымъ; прогулки здѣсь невозможны, такъ какъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ нѣтъ никакихъ рощъ. Окончивши свое леченіе, я воротился въ отечество черезъ Берлинъ въ первыхъ числахъ сентября и, установившись въ Петербургѣ, принялся снова за Смутное время.

Въ 1864 году я напечаталъ въ журналѣ „Библіотека для Чтенія“ сочиненіе: „Ливонская война“ и приготовилъ для напечатанія въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ другое — изъ исторіи Южной Руси конца XVI вѣка. Въ это же время я получилъ отъ харьковскаго университета приглашеніе занять каѳедру русской исторіи; но министръ Головнинъ объявилъ мнѣ, что по причинѣ возникшихъ въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ обвиненій меня въ „украинофильствѣ“, онъ не совѣтуетъ мнѣ принимать каѳедры въ малорусскомъ краѣ и предложилъ испросить Высочайшаго утвержденія за мною пожизненнаго профессорскаго содержанія, уже прежде предоставленнаго мнѣ только на три года. Согласно совѣту и предложенію министра, я отказался отъ чести занять каѳедру въ харьковскомъ университетѣ.

XI.

Занятія Смутнымъ временемъ. Археологическія поѣздки на сѣверъ. Поѣздка въ Варшаву. „Вѣстникъ Европы“. Печатаніе Смутнаго времени.

Всю зиму съ 1864-го на 65-й годъ и весну 1865-го я продолжалъ ревностно трудиться надъ эпохою Смутнаго времени; занятія эти такъ увлекали меня, что нерѣдко я проводилъ цѣлыя ночи, не въ состояніи будучи оторваться отъ изслѣдованія лицъ этой знаменательной въ исторіи русскаго народа эпохи. Эти безсонныя ночи разстроили мой организмъ до того, что хотя я, послѣ дневного и вечерняго труда надъ Смутнымъ временемъ, ложился въ постель для ночного отдыха, но не могъ пользоваться благотворнымъ сномъ: нервы мои были сильно возбуждены — меня безпокоили галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Я рѣшился прервать на время эти занятія, чтобы совершить нѣкоторыя поѣздки съ археологическою цѣлью. Лѣтомъ 1865 года я отправился для обозрѣнія нѣсколькихъ историческихъ мѣстностей на сѣверъ отъ Москвы. Путь мой лежалъ по желѣзной дорогѣ до Твери и на этотъ разъ ознаменовался для меня событіемъ, чуть не стоившимъ мнѣ жизни. Недалеко отъ Волховской станціи, поѣздъ сошелъ съ рельсовъ на краю насыпи, такъ что вагоны наклонились уже на-бокъ и готовы были полетѣть съ насыпи внизъ. Въ переполохѣ пассажиры метались какъ безумные. Я выскочилъ изъ вагона и покатился внизъ по скату насыпи. Мнѣ казалось, что вагонъ, наклонившійся на-бокъ, упадетъ за мною вслѣдъ и раздавитъ меня; но на счастье успѣли остановить его ходъ въ самое то мгновеніе, когда онъ уже наклонился и готовился упасть. Случай этотъ произошелъ оттого, что въ одномъ мѣстѣ изломались рельсы и завернулись вверхъ, чуть не пробивши вагона. Мы прождали часа полтора въ полѣ, покрытомъ кустарниками, пока поставили вагоны на рельсы. Изъ Твери я поплылъ на пароходѣ до Рыбинска, пересѣлъ на другой пароходъ и поплылъ по Шекснѣ. Берега этой рѣки мнѣ показались грустными и пустынными: они были низки, большею частію покрыты верболозомъ и только изрѣдка мелькали жилыя мѣста и то вдали. Такъ было до самаго Череповца, гдѣ надобно было пересаживаться на другой,

меньшій пароходъ, слѣдовавшій до Ниловецкой пристани. Отсюда берега Шексны дѣлаются лѣсисты. Изъ Ниловецъ пришлось ѣхать на наемныхъ лошадяхъ вплоть до самаго монастыря и посреди кустарниковъ. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь стоитъ въ уѣздномъ городѣ Кирилловѣ, на берегу озера. Кирпичныя стѣны монастыря напоминаютъ ограду Троицко-Сергіевой Лавры, хотя нѣсколько ниже, со множествомъ башенъ. Входя въ главныя ворота, встрѣчаешь большой дворъ, засаженный монастырскими огородами; за нимъ слѣдуетъ другая, внутренняя стѣна, за которою уже монастырскія постройки и церкви. Главная церковь, гдѣ стоитъ гробъ чудотворца Кирилла, не представила мнѣ ничего особеннаго. Мощи святого подъ спудомъ и никогда не открываются; полъ церкви чугунный, отъ чего чувствовался большой холодъ, хотя тогда былъ іюнь; печей въ церкви нѣтъ и можно вообразить себѣ, какой нестерпимый холодъ должны чувствовать здѣсь богомольцы зимою въ такомъ суровомъ климатѣ. Близъ главной церкви стоитъ другая, небольшая, построенная надъ могилами князей Воротынскихъ и Одоевскихъ. Здѣсь погребены двѣ жертвы свирѣпства Ивана Грознаго, который впослѣдствіи, въ своемъ посланіи къ игумену этого монастыря, упрекалъ его, что гробъ Воротынскаго поставленъ въ большемъ почетѣ, чѣмъ гробъ чудотворца Кирилла. Богатая библіотека этого монастыря уже въ то время была вывезена въ Петербургъ, но оставалось еще много рукописей, относившихся собственно къ дѣламъ монастыря, и сверхъ того большой запасъ стараго оружія для ратныхъ людей, которые помѣщались въ военное время въ монастырѣ, имѣвшемъ значеніе крѣпости. Здѣсь можно было видѣть и мечи, и бердыши, и копья, и стараго калибра пушки, и ружья. Не менѣе любопытна монастырская ризница, гдѣ хранится множество даровъ московскихъ царей и царицъ, оказывавшихъ съ самаго Ивана Грознаго особое расположеніе къ этому монастырю. Между прочимъ, въ ризницѣ показываютъ полотняную ризу св. Кирилла, его одежду, желѣзныя вериги, которыя онъ надѣвалъ на голое тѣло, и его деревянный ковшъ, съ которымъ онъ ходилъ въ путь. На противоположной сторонѣ воротъ, изъ монастыря выходъ къ берегу озера, а на противномъ берегу

его виднѣется женскій Горицкій монастырь; надъ волнами озера вьется множество чаекъ, наполняющихъ воздухъ пронзительнымъ грустнымъ крикомъ. По преданію, къ этому мѣсту любилъ ходить и просиживать на берегу озера, сосланный въ монастырь при императрицѣ Аннѣ, кіевскій митрополитъ Ванатовичъ, пробывшій здѣсь въ заточеніи цѣлыхъ десять лѣтъ. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь былъ не разъ мѣстомъ ссылки разныхъ историческихъ лицъ. Въ настоящее время въ немъ было до ста человѣкъ братіи со служками. Осмотрѣвши монастырь, я съѣздилъ въ Горицы, въ знаменитый женскій монастырь, гдѣ при Иванѣ Грозномъ заточены были двѣ княгини и потомъ утоплены въ Шекснѣ, какъ гласитъ его помянникъ. Здѣсь погребена была мать царевича Димитрія, постриженная въ упраздненномъ нынѣ монастырѣ на Выксинѣ (череповецкаго уѣзда). Въ Горицахъ она построила придѣлъ во имя своего сына Димитрія, послѣ причисленія его къ лику святыхъ. Горицкій монастырь былъ неоднократно мѣстомъ ссылки историческихъ русскихъ женщинъ, между прочимъ — невѣсты Петра II-го, Долгорукой. Въ настоящее время въ немъ болѣе пятисотъ сестеръ, изъ которыхъ многія занимаются искуснымъ шитьемъ и продаютъ свои произведенія пріѣзжимъ, но не за дешевую цѣну. При такомъ процвѣтаніи женскихъ работъ, ризница монастыря чрезвычайно богата разнообразными и великолѣпными священническими одеждами, въ чемъ едва ли можетъ соперничать съ Горицкимъ какой-нибудь другой монастырь. Возвратившись въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, я простился съ тамошнимъ архимандритомъ и отправился осматривать другіе; посѣтилъ Нилову пустынь, съ которою связано воспоминаніе знаменитаго въ нашей духовной литературѣ Нила Сорскаго; но въ этомъ монастырѣ нѣтъ болѣе ничего древняго. Зданія новыя и деревянныя; самое мѣстоположеніе его не привлекательно. Гораздо красивѣе смотритъ монастырь Кирилла-Новоезерскаго, поставленный посреди озера на островѣ, гдѣ также есть мощи мѣстнаго чудотворца, другого Кирилла. Я посѣтилъ церковь бывшаго Ѳерапонтова монастыря, теперь уже упраздненнаго. Мѣсто это замѣчательно тѣмъ, что сюда сосланъ былъ низложенный патріархъ Никонъ и пробылъ

здѣсь въ заточеніи нѣсколько лѣтъ, послѣ чего былъ переведенъ въ Кирилло-Бѣлозерскій, гдѣ и получилъ извѣстіе о своей свободѣ, которою однако ему не удалось вполнѣ воспользоваться. Край, по которому я ѣздилъ, замѣчателенъ чрезвычайнымъ множествомъ озеръ большихъ и малыхъ, повсюду обросшихъ лѣсомъ и вообще повсюду видно изобиліе лѣсовъ. Густые рои мошекъ и комаровъ на каждомъ шагу тревожатъ путешественника; природа угрюма, но между жителями вездѣ замѣтно довольство; они большею частію судостроители и рыболовы. Населеніе здѣсь вообще не многочисленно; вѣроятно неудобства къ земледѣльческому производству заставили жителей въ прежнія времена постоянно выселяться въ другія мѣста. Возвратившись обратно по Шекснѣ на Волгу, я поплылъ на пароходѣ до Костромы, миновавши Ярославль и предположивши осмотрѣть его послѣ.

По пріѣздѣ въ Кострому, первымъ дѣломъ было съѣздить въ знаменитый Ипатьевскій монастырь, лежащій за городомъ на западной сторонѣ. Здѣсь мнѣ показали домъ, гдѣ жила Марѳа Ивановна съ своимъ царственнымъ сыномъ и откуда была вызвана съ нимъ на монастырскій дворъ: тамъ происходили переговоры съ послами, пріѣхавшими отъ московскаго Земскаго Собора просить шестнадцатилѣтняго Михаила на царство. Въ домѣ этомъ мнѣ не могли ничего показать, помнившаго славное время, кромѣ стѣнъ, но въ ризницѣ показали много вещей, подаренныхъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и, между прочимъ, его палку, которую онъ оставилъ здѣсь на память когда, вмѣсто нея, принялъ предложенный ему скипетръ Русскаго Государства. Икона, находившаяся въ то время у его матери, поставлена въ Костромскомъ соборѣ и тамъ пребываетъ до сихъ поръ: народъ приписываетъ ей чудотворное свойство; она извѣстна подъ именемъ Ѳеодоровской Божіей Матери. На одной изъ площадей Костромы красуется памятникъ Сусанину; на памятникѣ сдѣлано барельефами изображеніе убіенія его поляками въ лѣсу, въ томъ видѣ, въ какомъ разсказывается это событіе подъ вліяніемъ книжныхъ вымысловъ.

Изъ Костромы я воротился въ Ярославль, а оттуда поѣхалъ въ Ростовъ, посѣтилъ тамошнія церкви, гробъ и келію

св. Димитрія Ростовскаго. Въ его келіи видѣлъ я замѣчательную картину, изображающую (масляными красками), какъ Димитрій испрашиваетъ у родителей благословенія идти въ монахи. Его отецъ, мать и сестры изображены въ старыхъ малорусскихъ костюмахъ того времени. Картина эта принадлежала самому святому и сохранялась имъ, какъ памятникъ величайшаго событія въ его жизни. Изъ Ростова я поѣхалъ на перекладныхъ въ Переяславль-Залѣсскій и думалъ пробраться оттуда въ Александровъ, чтобы посмотрѣть на знаменитую въ исторіи тиранствами царя Ивана Васильевича Грознаго Александровскую Слободу, но тутъ на дорогѣ у меня въ правой ногѣ сдѣлалась невыносимая боль, побудившая меня отложить это намѣреніе и ѣхать къ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, гдѣ бы я могъ получить медицинское пособіе. Внезапная боль эта была до того нестерпима, что я безъ крика не могъ сидѣть на телѣгѣ и сойти съ нея. Когда меня привезли въ Троицкій посадъ, первымъ дѣломъ моимъ было обратиться къ знакомому мнѣ ректору Академіи Александру Горскому, съ просьбою снабдить меня врачемъ. Александръ Васильевичъ привелъ ко мнѣ монастырскаго врача, какого-то нѣмца, поклонника гидропатіи. Врачъ этотъ назначилъ мнѣ ѣздить по два раза въ день въ его монастырскую больницу, чтобы пользоваться водянымъ леченіемъ. Въ больницѣ былъ монахъ, пріученный докторомъ обращаться съ гидропатическими пріемами. Послѣ нѣсколькихъ дней леченія холодными душами и ваннами, докторъ приказалъ мнѣ сдѣлать нѣсколько соленыхъ ваннъ и черезъ недѣлю позволилъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ, давши совѣтъ постоянно купаться до глубокой осени и несмотря ни на какія перемѣны погоды. Я воротился въ Петербургъ и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ купался по два и по три раза въ день. Въ сентябрѣ ногѣ моей стало значительно легче, хотя боль не совсѣмъ прошла.

Я отправился въ Варшаву, съ цѣлію познакомиться тамъ съ рукописными памятниками, относящимися къ Смутному времени и, пріѣхавши туда, поселился у моего пріятеля, бывшаго редактора „Основы“, Бѣлозерскаго, поступившаго туда на службу въ учредительный комитетъ. Живучи у него, я каждое утро ходилъ въ баню продолжать холодное

леченіе своей ноги, а потомъ отправлялся заниматься. Первымъ и важнѣйшимъ мѣстомъ моихъ занятій была библіотека Красинскихъ, бывшая покойнаго графа Свидзинскаго. Въ этомъ книгохранилищѣ я нашелъ большое количество рукописныхъ источниковъ, относящихся къ обрабатываемой мною эпохѣ и замѣтилъ, что еще большее богатство матеріаловъ выпало здѣсь на долю періода казацкой исторіи; но обращая въ то время все вниманіе на Смутное время, я отложилъ всякія другія занятія до иной поры. Кромѣ занятій въ библіотекѣ Красинскихъ, я ѣздилъ нѣсколько разъ въ библіотеку Вилляновскую, отстоящую верстъ за десять отъ Варшавы, въ имѣніи графовъ Потоцкихъ, и тамъ много для себя любопытнаго нашелъ я, благодаря ласковому пріему библіотекаря Пшиленскаго и его двухъ дочерей, хорошо знавшихъ польскую исторію и съ любовью помогавшихъ мнѣ въ отысканіи матеріаловъ. Въ свободное время отъ занятій, я посѣщалъ варшавскія церкви, театры, кладбища и, прибывши на Повонзковское кладбище, увидалъ множество памятниковъ на могилахъ лицъ, знаменитыхъ въ польской исторіи послѣдняго времени, эпохи паденія польской независимости. Здѣсь явилось у меня намѣреніе заняться обработкою этой эпохи. Мнѣ казалось, что недостатокъ исторической обработки этой эпохи составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ въ нашей исторіи и стоило приложить трудъ, чтобы его пополнить. Долгое время занятіе исторіею паденія Польши было почти немыслимо, потому что большая часть важнѣйшихъ источниковъ, относящихся къ этому знаменитому событію, не только не была напечатана, но и самый доступъ къ пользованію ими не былъ дозволенъ. Въ нашей русской литературѣ, кромѣ исторіи паденія Польши Соловьева, не было ничего сколько нибудь разработаннаго по этой части. Польская литература также мало могла похвалиться чѣмъ нибудь капитальнымъ въ научномъ отношеніи. Правда, въ послѣднее время въ ней появлялись одинъ за другимъ болѣе или менѣе важные мемуары участниковъ великаго событія, но они не были еще надлежащимъ образомъ разобраны и освѣщены критикою, притомъ же сами по себѣ не составляли еще всего богатства источниковъ, нужныхъ для обработки эпохи. Въ заграничныхъ литературахъ

также нельзя было указать на обиліе сочиненій по этой эпохѣ. Во французской литературѣ сочиненія по этому вопросу всѣ почти составлялись со словъ поляковъ, искажавшихъ истину подъ обаяніемъ патріотизма. Нѣмецкая литература представляла нѣсколько почтенныхъ явленій, какъ напримѣръ „Исторія Россіи“ Германа, творенія Зибеля, біографія Суворова, написанная Шмидтомъ, но авторы ихъ занимались вопросомъ только съ извѣстныхъ немногихъ сторонъ, оставляя или даже упуская другія, не менѣе важныя. Отъ этого, относительно вопроса о причинахъ паденія польской Рѣчи Посполитой, а равно и о характерѣ событій, сопровождавшихъ это паденіе, можно было постоянно и повсемѣстно встрѣчать самыя сбивчивыя, а нерѣдко и самыя уродливыя свѣдѣнія. Прежнее правительство наше долгое время считало изученіе паденія Польши какъ бы запретнымъ плодомъ и неудивительно, если польская молодежь, начитавшись объ этомъ кое-чего изъ заграничныхъ книгъ или изъ произведеній польскихъ эмигрантовъ, да вдобавокъ, поддаваясь внушеніямъ своихъ старыхъ соотечественниковъ, расхваливавшихъ старое время и вздыхавшихъ объ уничтоженіи старыхъ порядковъ, воображала себѣ Богъ знаетъ сколько хорошаго въ томъ, чего не знала обстоятельно. Такимъ образомъ, конституція 3 мая являлась ихъ воображенію такимъ безусловно-благодѣтельнымъ актомъ народной мудрости, какому подобнаго едва можно отыскать во всей исторіи человѣчества, а эпоха возстанія Костюшки представлялась доблестнымъ всенароднымъ движеніемъ за дѣло всеобщей свободы и всеобщихъ правъ человѣчества. Съ другой стороны, политическія силы, содѣйствовавшія паденію Польскаго государства, воображались въ самомъ возмутительномъ видѣ и фактъ раздѣла Польши, казался самымъ гнуснѣйшимъ актомъ насилія и коварства. Этотъ взглядъ проповѣдывался поляками и между русскими—и тѣ изъ русскихъ, которыхъ коробило отъ польскихъ рѣчей, не въ состояніи были дѣлать на нихъ возраженія, такъ какъ сами, не менѣе поляковъ, находились въ невѣдѣніи объ этихъ вопросахъ. Незнаніе поляками своей исторіи, незнаніе, поддерживаемое долго боязливостію нашего прежняго правительства, привело къ тому печальному результату, что въ польскихъ головахъ

не сложилось правильнаго представленія о народѣ: полякъ часто употреблялъ это слово, а между тѣмъ разумѣлъ подъ нимъ совсѣмъ не то, что оно должно было означать по здравому смыслу. Полякъ твердилъ о польскомъ народѣ, а разумѣлъ подъ нимъ одну шляхту, и положеніе всего прочаго большинства народа, осужденнаго на крайнее рабство подъ республиканскимъ правленіемъ Польши, ему было или неизвѣстно, или онъ прикидывался, что не знаетъ о немъ. Отъ этого, въ послѣднее время, незадолго до возстанія шестидесятыхъ годовъ, русская молодежь, въ извѣстной степени, симпатически относилась къ польскимъ политическимъ мечтаніямъ: находились русскіе, не только учившіеся исторіи, но и сами писавшіе историческія статьи, которые по невѣдѣнію мѣстныхъ вопросовъ, относящихся къ Польшѣ и вообще къ Западному краю, склонны были вѣрить, что Польша была демократична—и вмѣстѣ съ тѣмъ готовы были признавать справедливость польскихъ замашекъ — считать несомнѣнною принадлежностію Польши такія древнія русскія области, которыя играли самую видную роль въ русской исторіи до-татарскаго періода. Послѣднее возстаніе поляковъ просвѣтило русскій взглядъ; сочувствіе къ польскимъ претензіямъ уничтожилось послѣ безцеремонныхъ выходокъ поляковъ, — но правильнаго взгляда на своихъ враговъ-сосѣдей, русскіе все таки не получили. Въ патріотическихъ статьяхъ тогдашнихъ русскихъ газетъ это ярко выказывалось. Поляки возбуждали въ русскомъ обществѣ негодованіе, доходившее до ненависти, но полякамъ приписывали такія качества, какихъ вовсе не было въ польской народности. Отдѣльные исключительные случаи, или признаки, общіе всѣмъ народамъ въ періоды мятежей и возстаній, провозглашались за характеристическія черты польской народности. Чтобы поставить русское читающее общество на настоящую точку воззрѣній, надобно было представить ему безпристрастную картину старой польской жизни и событій, сопровождавшихъ прекращеніе самобытности Польши. Эту-то задачу я задумалъ взять на себя въ то время, какъ памятники Повонзковскаго кладбища разстилались передъ моими глазами съ воспоминаніями эпохи конца польской независимости.

Встрѣтившись въ Варшавѣ случайно съ Всеволодомъ Крестовскимъ, занимавшимся раскопками въ подземельяхъ варшавскихъ монастырей, я получилъ отъ него приглашеніе сопутствовать ему въ его подземныхъ путешествіяхъ и увидѣлъ много такого, о чемъ никакъ не догадывался. Спустившись въ подземелье одного изъ монастырей, мы замѣтили, что въ кирпичной глухой стѣнѣ, въ которую упиралось это подземелье, есть пустота; приказали разбить стѣну и вошли въ огромный, длинный корридоръ, наваленный остатками перетлѣлыхъ гробовъ и человѣческихъ костей. Прошедши по этому корридору, мы наткнулись на другую стѣну, за которою также замѣтили пустоту: приказали проломить ее и вступили въ новый корридоръ, также переполненный развалинами гробовъ и костей. Оказывалось, что корридоры эти шли подъ улицами Варшавы и надъ нашими головами мы слышали ѣзду экипажей. Почти въ каждомъ монастырѣ мы встрѣчали усыпальницы съ гробами, то замурованными въ стѣну, то стоявшими на землѣ. Въ монастырѣ капуциновъ, на Медовой улицѣ, нашелъ я нѣсколько труповъ высохшихъ и сохранившихъ человѣческій видъ. Одинъ изъ этихъ труповъ, какой-то панны Кицкой лежалъ въ гробѣ безъ одежды, обтянутый большимъ кускомъ бѣлаго атласа, и чрезвычайно хорошо сохранился. Рядомъ съ нею, въ другомъ гробу, лежалъ какой-то епископъ, а подалѣе — какой-то капитанъ гвардіи въ большихъ черныхъ сапогахъ и въ красной шапкѣ съ перомъ. Варшавскіе монастыри, передъ временемъ моего пріѣзда въ Варшаву, были упразднены; оставшіеся монахи и монахини развезены по монастырямъ внѣ Варшавы, которыхъ существованіе было до-поры-до-времени дозволено, а ихъ прежнія помѣщенія предполагалось обратить на разныя полезныя общественныя заведенія. Такимъ образомъ, капуцинскій монастырь на Медовой улицѣ передѣлывался въ то время въ женскую гимназію. Замѣчательно, что эта мѣра не возбуждала неудовольствія въ полякахъ. Люди образованные сознавались, что это дѣло полезное; вздыхали только старыя девотки.— Въ Варшавѣ я имѣлъ случай познакомиться съ нѣсколькими почтенными учеными, между прочимъ съ Мацѣіовскимъ, добродушнымъ старикомъ уже преклонныхъ лѣтъ, но съ юношескимъ увле-

ченіемъ преданнымъ славянскимъ древностямъ, которыми онъ такъ небезплодно занимался въ своей жизни; — съ Войцицкимъ, едва ли не лучшимъ знатокомъ быта польскаго простонародія;—съ издателемъ „Варшавской Библіотеки“—Бартушевичемъ, съ библіотекаремъ библіотеки Красинскихъ—Хоментовскимъ, столько знающимъ свою отечественную исторію, сколько любезнымъ для меня указателемъ варшавскихъ достопримѣчательностей—и съ нѣкоторыми другими учеными и литераторами. Случайно встрѣтилъ я здѣсь своего давняго знакомца—поэта Одыньца, переѣхавшаго на жительство изъ Вильны въ Варшаву. Меня предупреждали, что поляки, ненавидя „москалей“, обращаются чрезвычайно нелюбезно съ русскими, но я на опытѣ увидѣлъ совсѣмъ не то, чего могъ ожидать по разсказамъ и, приглядѣвшись къ жизни и быту Варшавы того времени, сдѣлалъ такой выводъ, что за исключеніемъ, разумѣется, ярыхъ фанатиковъ своей національности, бо́льшая часть образованныхъ поляковъ относилась съ безпристрастною любезностью къ русскимъ путешественникамъ. Въ свободные вечера я посѣщалъ варшавскіе театры. Собственно польскій, національный театръ, по достоинству артистовъ, стоялъ тогда на высокой степени, въ особенности, когда игрались піесы, въ которыхъ выводился національный польскій бытъ.— Въ городѣ еще видны были слѣды недавнихъ безпорядковъ: жителямъ запрещалось ходить ночью безъ фонарей и это представляло значительное неудобство для путешественника, такъ какъ надобно было постоянно держать въ рукѣ фонарь съ горящею свѣчею.

Я возвратился въ Петербургъ во второй половинѣ октября и принялся приводить въ порядокъ, сдѣланныя мною выписки изъ рукописныхъ источниковъ для эпохи Смутнаго времени и заносить въ составленный текстъ сочиненія, вновь добытыя свѣдѣнія.

Вскорѣ послѣ того, обратился ко мнѣ Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ съ предложеніемъ принять участіе въ изданіи предполагаемаго имъ журнала. По моему совѣту, Михаилъ Матвѣевичъ согласился дать заглавіе журналу „Вѣстника Европы“ и тѣмъ воскресить прекрасное воспоминаніе въ русской литературѣ о литературной дѣятельности

такихъ корифеевъ русскаго слова, какъ Карамзинъ и Жуковскій. На первое время предполагалось издавать журналъ намъ двоимъ — по четыре книжки въ годъ и посвятить его исключительно исторіи. Это было бы нѣчто вродѣ нѣмецкаго „Historische Zeitschrift“, издаваемаго тогда Зибелемъ. Впослѣдствіи издательская дѣятельность осталось за однимъ Стасюлевичемъ, такъ какъ онъ вносилъ для изданія собственный капиталъ, а я не могъ туда ничего внести, кромѣ своего труда. Первымъ вносомъ моимъ въ новый журналъ было мое „Смутное время“. Кромѣ того я обязывался вести постоянно рецензіи всѣхъ выходящихъ какъ въ Россіи, такъ и за границею книгъ, относящихся къ исторіи. Первый нумеръ журнала выходилъ въ мартѣ 1866 года и въ немъ появилось въ свѣтъ начало моего „Смутнаго времени“. Печатаніе этого сочиненія продолжалось въ теченіе почти двухъ лѣтъ, 1866 — 1867-го. Между тѣмъ пока сочиненіе мое печаталось, я принялся за „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ и усиленно занимался чтеніемъ источниковъ въ публичной библіотекѣ, начиная съ моего пріѣзда изъ Варшавы — сплошь всю зиму и весну.

Въ апрѣлѣ 1866 года Петербургъ былъ взволнованъ покушеніемъ на жизнь Государя. Въ этотъ день я условился съ М. М. Стасюлевичемъ быть въ Александринскомъ театрѣ и хотѣлъ придти туда къ началу представленія изъ Публичной библіотеки. Выйдя изъ библіотечнаго зданія, я замѣтилъ на улицѣ какое то волненіе въ народѣ и услышалъ толки о томъ, что въ Государя стрѣляли. Я пытался распросить, гдѣ и что произошло такое, но не могъ получить ничего удовлетворительнаго. Прибывъ въ ложу Александринскаго театра, я слышалъ доходившіе до меня изъ партера шумные разговоры о случившемся событіи и могъ изъ нихъ только понять, что злодѣяніе не удалось и было отвращено какимъ то простолюдиномъ. Вдругъ въ первомъ антрактѣ вышелъ за занавѣсъ одинъ изъ артистовъ и возвѣстилъ публикѣ, что спаситель Государя—мѣщанинъ Зайчиковъ. Послѣдовали рукоплесканія и имя Зайчикова начало возноситься съ похвалами. Поднялся занавѣсъ, начали играть и пѣть „Боже царя храни“ и, по требованію публики, нашъ народный гимнъ нѣсколько разъ повторялся и въ

другихъ антрактахъ. Весь театръ былъ иллюминованъ. Когда я возвращался изъ театра домой, весь Невскій Проспектъ былъ залитъ огнями иллюминаціи. На утро изъ газетъ узналъ я настоящее имя случайнаго спасителя жизни Государя; но имени преступника никто еще не зналъ, потому что самъ онъ не объявлялъ его. Повсюду въ публикѣ и въ народѣ нѣсколько дней только и рѣчи было, что о случившемся событіи, но за невѣдѣніемъ настоящаго имени преступника дѣлались различныя предположенія, а главное большинство думало, что преступникъ долженъ быть полякъ. Въ такомъ убѣжденіи была публика въ одинъ изъ слѣдующихъ затѣмъ вечеровъ, когда въ Маріинскомъ театрѣ данъ былъ торжественный спектакль въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ августѣйшаго дома. Комисарова, съ его женою, помѣстили въ одной изъ ложь бель-этажа, рядомъ съ парадною царскою ложею. Публика много разъ обращалась къ нему съ громкимъ крикомъ „ура!“. Одинъ изъ представителей русской поэтической литературы А. Н. Майковъ, читалъ со сцены стихи, въ которыхъ выражалъ отъ имени русскаго народа негодованіе къ гнусному злодѣянію и дѣлалъ намёки, что если преступникъ неизвѣстенъ, то по крайней мѣрѣ всѣ увѣрены, что онъ не русскій. Что подозрѣніе падало на поляковъ,—это выразилось въ томъ, что публика съ негодованіемъ зашикала, когда во второмъ дѣйствіи, дававшейся тогда оперы „Жизнь за царя“, стали танцовать полонезъ; тоже шиканье раздалось и въ третьемъ дѣйствіи, когда въ избу Сусанина вступили поляки. Комисарова провели изъ ложи на сцену и поставили передъ публикой въ то время, когда пѣлся хоръ: „Славься, славься“ и, вмѣсто имени Сусанина, произносилось имя Комисарова. Черезъ нѣсколько дней, наконецъ, узнали, что преступникъ — уроженецъ Саратовской губерніи и бывшій студентъ Московскаго университета. Но и тогда патріотическое русское чувство возмущалось мыслью, что на такое злодѣяніе отважился чисто русскій человѣкъ и были попытки доказывать, что фамилія Каракозова не русская, а армянская. Эти попытки оказались неудачными и съ негодованіемъ были опровергнуты защищавшими свою честь армянами, доказывавшими, что на армянскомъ языкѣ нѣтъ

словъ для произведенія этой фамиліи. Когда слѣдствіе, по совершенному преступленію было поручено М. Н. Муравьеву, на литературный петербургскій кругъ нашелъ безотчетный страхъ. Пошли носиться слухи, что будутъ привлечены къ слѣдствію всѣ, которые въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ чѣмъ нибудь навлекли на себя подозрѣніе въ неблагонамѣренности и неодобреніи правительственныхъ дѣйствій — и въ самомъ дѣлѣ начались аресты пишущей братіи. Тогда не знаю у кого, появилась мысль подать правительству адресъ отъ литераторовъ, заявлявшій о негодованіи ихъ къ преступленію. Такой адресъ приносили и ко мнѣ съ предложеніемъ подписать его; но такъ какъ въ немъ было сказано, что его подаютъ люди различныхъ политическихъ мнѣній и убѣжденій, то я отказался его подписывать, объяснивъ, что, не занимаясь современною политикою, а посвящая себя исключительно изслѣдованію прошедшаго быта отечественной исторіи, я не могу себя причислить ни къ какому политическому мнѣнію и убѣжденію; притомъ же такое неопредѣленное выраженіе давало поводъ предполагать, что въ числѣ людей „различныхъ“ мнѣній и убѣжденій могли быть люди, избравшіе себѣ цѣлью оппозиціи противъ правительства, а я, по своей спеціальности, не могъ себя причислить ни къ какой партіи. И я не ошибся: намѣреніе подавать такой адресъ вовсе не нашло себѣ сочувствіе въ сферѣ высшихъ властей.

Въ это время произошли важныя перемѣны въ администраціи: князь Суворовъ оставилъ свою должность, и самое званіе генералъ-губернатора было упразднено въ Петербургѣ. Шефъ жандармовъ, князь Долгорукій также выбылъ, а министромъ народнаго просвѣщенія, вмѣсто бывшаго Головина, назначенъ графъ Дмитр. Андр. Толстой. Его товарищемъ сталъ бывшій нѣкогда попечитель Петербургскаго учебнаго округа, директоръ Императорской Публичной библіотеки, И. Д. Деляновъ.

Въ маѣ я занимался редакціею сочиненій Т. Г. Шевченко, которыхъ изданіе взялъ на себя книгопродавецъ Кожанчиковъ.

XII.

Поѣздка въ Саратовъ. Леченіе въ Старой Руссѣ. Занятія исторіею Послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Командировка въ Несвижъ. Печатаніе Послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Публичныя лекціи въ клубѣ художниковъ.

Въ концѣ іюня 1866 года, я отправился на двадцать дней по Волгѣ въ Саратовъ. Еще во время моего жительства въ этомъ городѣ, остался мнѣ должнымъ одинъ тамошній житель, уже умершій. Дѣло объ уплатѣ долга производилось со времени моего перваго пребыванія въ Петербургѣ и, наконецъ, рѣшилось тѣмъ, что гражданская палата назначила къ продажѣ его домъ, но за неявкою покупателей на торгу, предоставила этотъ домъ мнѣ во владѣніе. Недвижимая собственность, въ такой далекой отъ моего жительства мѣстности, была для меня бременемъ; къ счастію, я получилъ письмо отъ одного саратовскаго жителя, извѣщавшее меня о желаніи купить присужденный мнѣ домъ, уплативъ мнѣ состоявшій на немъ долгъ. Я прибылъ въ Саратовъ и на пароходной пристани встрѣтилъ моего покупщика, который въ продолженіе двухъ часовъ покончилъ со мною счеты, выпросивъ отъ моего имени довѣренность своему знакомому на совершеніе купчей крѣпости. Пользуясь случаемъ, приведшимъ меня снова въ край, въ которомъ я нѣкогда проживалъ, я, несмотря на нестерпимый зной, объѣхалъ городъ, посѣтилъ мою любимую монастырскую рощу, куда такъ часто ѣздилъ пить чай, повидался съ моими пріятелями Мордовцевыми, съ моимъ старымъ слугою Ѳомой и на другой день, рано утромъ пустился въ обратный путь, а по возвращеніи въ Петербургъ, отправился въ Старую Руссу и тамъ, въ продолженіе двухъ недѣль купался въ соленомъ озерѣ. Уже давно страдалъ я разнообразнымн нервными болѣзнями, время отъ времени прибѣгалъ къ различнымъ пособіямъ медицины, много разъ, при усилившемся нездоровьѣ, рѣшился испытать дѣйствіе соленыхъ озеръ. Это купанье произвело на меня благодѣтельное вліяніе, по крайней мѣрѣ на время.

Воротившись въ Петербургъ, я имѣлъ случай быть свидѣтелемъ мрачной сцены смертной казни преступника Каракозова, совершенной 2-го сентября на Смоленскомъ полѣ.

Я рѣшился пойти на это потрясающее зрѣлище для того, чтобы быть однажды въ жизни очевиднымъ свидѣтелемъ событія, подобныя которому мнѣ безпрестанно встрѣчались въ описаніяхъ при занятіи исторіей. Меркоптильное направленіе Петербурга поспѣшило изъ этого извлечь для себя выгоду: продавались довольно дорогою цѣною скамьи, съ которыхъ удобно было видѣть совершаемую казнь. Преступникъ, котораго я до тѣхъ поръ не видѣлъ, оказался молодымъ человѣкомъ лѣтъ 25-ти, чрезвычайно блѣдный и до такой степени истощенный, что когда его ввели на эшафотъ и привязали къ позорному столбу, онъ не устоялъ на мѣстѣ и упалъ, но былъ поднятъ палачами. При вступленіи на эшафотъ онъ положилъ на себя крестное знаменіе. Полицейскій чиновникъ прочиталъ приговоръ, слова котораго не доходили до моихъ ушей. Потомъ взошелъ къ нему на эшафотъ священникъ, протоіерей Полисадовъ, бывшій прежде профессоромъ въ университетѣ, прочиталъ надъ нимъ отходную, далъ ему поцѣловать крестъ и удалился. Палачи стали надѣвать на него рубашку съ колпакомъ, закрывавшемъ голову. Преступникъ самъ помогалъ надѣть на себя эту роковую рубашку. Палачи туго завязали ему назадъ руки, свели съ эшафота и повели къ висѣлицѣ, сдѣланной глаголемъ и поставленной вправо отъ эшафота. Когда его подвели къ петлѣ, палачъ сдѣлалъ ему два удара петлею по затылку, потомъ накинулъ ему петлю на шею и быстро поднялъ вверхъ по блоку. Я посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ, что въ продолженіи четырехъ минутъ повѣшенный кружился въ воздухѣ, билъ ногою объ ногу и какъ бы силился освободить связанныя руки; затѣмъ движенія прекратились и въ продолженіи получаса преступникъ, посреди совершенно молчавшей толпы, висѣлъ бездвижно на висѣлицѣ. Черезъ полчаса подъѣхалъ мужикъ съ телѣгой, на которой былъ простой, некрашенный гробъ. Палачи сняли трупъ и положили въ гробъ. Отрядъ солдатъ съ ружьями провожалъ его въ могилу, приготовленную гдѣ то на островѣ Голодаѣ. Толпа разошлась. Публика, какъ я замѣтилъ, относилась къ этому событію совершенно по христіански: не раздалось никакого обвиненія и укора; напротивъ, когда преступника вели къ висѣлицѣ,

множество народа крестилось и произносило слова: „Господи, прости ему грѣхъ его и спаси его душу!“.— Я достигъ своей цѣли: видѣлъ одну изъ тѣхъ отвратительныхъ сценъ, о которыхъ такъ часто приходится читать въ исторіи, но заплатилъ за то недешево: въ продолженіи почти мѣсяца, мое воображеніе безпокоилъ страшный образъ висѣвшаго человѣка въ бѣломъ мѣшкѣ — я не могъ спать. Успокоившись, я принялся за свои обычныя занятія исторіею послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой и разбиралъ матеріалы, хранящіеся въ Литовской Метрикѣ при Правительствующемъ Сенатѣ. Здѣсь я нашелъ чрезвычайно богатый запасъ источниковъ: всѣ дѣла Четырехлѣтняго сейма, Стражи, учрежденной послѣ конституціи 3 мая, Высочайшаго Совѣта, существовавшаго въ Варшавѣ въ эпоху Костюшки и судныя дѣла Индигаціонной Комиссіи надъ лицами, навлекшими на себя подозрѣніе у патріотовъ, защищавшихъ независимость Польши. Все это послужило мнѣ съ незамѣнимою пользою для моего труда. Между тѣмъ занятія мои обращались также и къ Археографической Комиссіи, гдѣ я, уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, печаталъ одинъ за другимъ томы Актовъ Южной и Западной Россіи, почти каждый годъ выпуская по тому.

Въ слѣдующемъ 1867 году, весною, однообразіе петербургской жизни было нарушено пріѣздомъ славянскихъ гостей, подавшимъ поводъ къ угощеніямъ, празднествамъ и оваціямъ, въ чемъ участвовали преимущественно лица, принадлежавшія къ ученому литературному кругу; но я не принималъ въ этомъ никакого участія и видѣлся только съ нѣсколькими знакомыми чехами и галичанами, посѣтившими меня во время своего кратковременнаго пребыванія въ русской столицѣ. Я былъ тогда весь погруженъ въ занятіе исторіею паденія Польши и такъ дорожилъ своимъ временемъ, что не рѣшался отвлекать его ни на что другое. Въ іюнѣ того же года Археографическая Комиссія дала мнѣ командировку въ городъ Несвижъ, для разсмотрѣнія находящагося тамъ архива князей Радзивилловъ. Я поѣхалъ черезъ Вильно, гдѣ увидѣлъ совсѣмъ не то, что было въ прежній мой пріѣздъ. Музей находился уже въ русскихъ рукахъ и содержался въ русскомъ духѣ. Католи-

ческая святыня повсюду уступала мѣсто православной. Поляки, устрашенные энергическими мѣрами недавно еще правящаго здѣсь Муравьева, присмирѣли, боялись публично говорить по-польски и щеголяли русскою рѣчью, часто коверкая ее самымъ забавнымъ образомъ. Многихъ изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ я не встрѣтилъ здѣсь болѣе: иные померли, другіе удалились. Попечителемъ виленскаго учебнаго округа былъ тогда Корниловъ, человѣкъ энергически предавшійся мысли о просвѣщеніи простого бѣлорусскаго народа и о заведеніи въ краѣ повсемѣстныхъ народныхъ училищъ. Это была одна изъ симпатичнѣйшихъ личностей, какія мнѣ приходилось встрѣчать въ жизни. Здѣсь я узналъ, что нѣкто Гогель, служившій при Муравьевѣ, написалъ какое-то историческое извѣстіе [1]) о бывшемъ польскомъ мятежѣ въ Литовскомъ краѣ и легкомысленно запятналъ мое имя, сообщая, будто-бы я, сочувствуя польскому мятежу, говорилъ польскія рѣчи, носилъ польскій трауръ и пѣлъ съ поляками въ костелахъ революціонныя пѣсни. Самого автора этой клеветы я не видалъ, но мнѣ передало одно оффиціальное лицо, что Гогель оправдывалъ свои, противъ меня выходки тѣмъ, будто бы онъ нашелъ эти обо мнѣ свѣдѣнія въ оффиціозныхъ источникахъ; оффиціозными же источниками называлъ онъ письма, взятыя у польскихъ преступниковъ во время производства суда надъ ними въ Вильнѣ. Всякій здравомыслящій человѣкъ можетъ пожалѣть объ умѣ и степени добросовѣстности этого Гогель, называвшаго оффиціозными источниками переписку политическихъ преступниковъ: не нужно большой сообразительности, дабы понять, что подобная переписка менѣе чѣмъ что нибудь, можетъ внушать къ себѣ довѣріе, такъ какъ поляки, въ пылу своего патріотическаго фанатизма, естественно старались представить свое дѣло какъ можно болѣе въ видѣ, внушающемъ надежды, и не останавливались тогда, когда имъ приходилось оговорить въ связи съ собою кого-нибудь изъ русскихъ, чтобы такимъ образомъ выказать, что ихъ польское дѣло до того справедливо, что возбуждаетъ сочувствіе даже у русскихъ людей.

[1]) Іосафатъ Огрызко и петербург. революціон. ржондъ въ дѣлѣ посл. мятежа. Вильно, 1866. (Прим. А. Л. Костомаровой).

Въ виленской публичной библіотекѣ я нашелъ очень подходящую къ предмету, которымъ я тогда занимался, рукописную книгу. Это былъ сборникъ всякаго рода статей, какъ имѣвшихъ оффиціозный характеръ, такъ и чисто литературный и относящійся къ эпохѣ 1794 года. Корниловъ дозволилъ мнѣ взять на время эту книгу въ Петербургъ. Пробывши въ Вильнѣ дня четыре, я отправился къ мѣсту моей командировки и, проѣзжая черезъ Лиду, осматривалъ очень любопытныя и живописныя развалины находящагося тамъ замка, отъ котораго уцѣлѣло много стѣнъ, но безъ кровли. Проѣзжая черезъ Новогрудекъ, я осмотрѣлъ въ окрестностяхъ его, разрушенный замокъ, построенный на берегу озера. Какъ кажется, это тотъ замокъ, который послужилъ Мицкевичу сюжетомъ для его повѣсти „Гражины".

Наконецъ я прибылъ въ Несвижъ и, остановившись въ мѣстечкѣ, отправился въ княжескій замокъ, построенный на островѣ, лежащемъ посреди пруда. На замкѣ возвышалась башня, на которой красовался гербъ Радзивилловъ. Передъ самымъ островомъ, еще на твердой землѣ, въ концѣ мѣстечка, я увидѣлъ костелъ, подъ помостомъ котораго, находятся гробницы всѣхъ лицъ княжской фамиліи Радзивилловъ. Въ то время въ костелѣ былъ храмовой праздникъ Петра и Павла и совершалось богослуженіе. Я заходилъ въ этотъ костелъ и увидалъ очень богатые образа и облаченія на престолѣ и на ризахъ. Замокъ построенъ четвероугольникомъ, образуя въ срединѣ замкнутый дворъ. Сторона обхода надъ воротами вся занята архивомъ; прямо противъ нея внизу помѣщается управляющій, а вверху комнаты оставлены пустыми. Входъ къ нимъ ведетъ по широкой лѣстницѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ времени уже обветшалой; сводъ надъ нею расписанъ фресками, изображающими разные миѳологическіе предметы. Вправо, въ верхнемъ этажѣ — картинная галлерея портретовъ князей Радзивилловъ и разныхъ пановъ, находившихся съ ними въ свойствѣ. На лѣвой сторонѣ, верхній этажъ совсѣмъ внутри обвалился. Тамъ были покои, въ которыхъ извѣстный князь Карлъ Радзивиллъ, оставившій по себѣ прозвище „Panie kochanku" давалъ блистательныя угощенія польскому королю Станиславу-Августу,—а подъ низомъ кладовыя, гдѣ между про-

чимъ, находились старыя заржавленныя пушки. По распоряженію, присланному отъ владѣльца замка, жившаго въ то время въ Берлинѣ, меня пригласили помѣститься въ замкѣ, въ пустыхъ комнатахъ, находившихся надъ помѣщеніемъ управляющаго, и я, перебравшись туда, тотчасъ занялся разсмотрѣніемъ архивныхъ бумагъ. Къ сожалѣнію, оказалось, что большая половина этихъ бумагъ была уже отправлена въ Берлинъ по требованію владѣльца. Я нанялъ писца для составленія каталога документовъ, находившихся въ наличности въ архивѣ и сталъ ихъ разсматривать. Тогда же въ Несвижѣ жило двое чиновниковъ, служившихъ при виленскомъ музеѣ и отправленныхъ Корниловымъ для той же цѣли, но для видовъ Археографической Комиссіи. Независимо отъ работъ надъ архивомъ, я, при содѣйствіи помощника архиваріуса Шишко, осматривалъ усыпальницу Радзивилловъ въ ихъ костелѣ, построенномъ за воротами замка. Нѣсколько гробовъ были при мнѣ открываемы: болѣе древніе представляли безобразную груду костей и кусковъ согнившаго платья и обуви. Въ такомъ видѣ предстали мнѣ: Николай Чорный, своякъ короля Сигизмунда-Августа и князь Криштофъ, сватъ Константина Острожскаго. Въ гробахъ, временъ болѣе близкихъ къ намъ, сохранилось болѣе человѣческаго образа. Такъ, одна изъ супругъ Іеронима Радзивилла, жившаго въ XVIII вѣкѣ и оставившаго по себѣ большой дневникъ, хранящійся въ архивѣ, представилась съ тѣломъ бѣлаго цвѣта, какъ будто окаменѣлымъ и одѣтымъ въ богатое бѣлое атласное платье. Въ гробѣ Карла Радзивилла (Panie kochanku) я увидѣлъ скелетъ, одѣтый въ нижнее платье синяго цвѣта, большіе сапоги и желтоватый кунтушъ съ андреевскою лентою черезъ плечо. Обликъ его черепа сохранился настолько, что можно было по немъ представить себѣ фигуру князя, сообразно съ портретомъ его, находящимся въ галлереѣ фамильныхъ портретовъ. Между множествомъ гробовъ, поставленныхъ въ усыпальницѣ, есть маленькіе гробы умершихъ княжескихъ малолѣтковъ. Гробъ Радзивилла, извѣстнаго подъ именемъ „сиротки“ и оставившаго послѣ себя описаніе своего путешествія въ Святую землю, сохраняется въ особомъ отдѣленіи: „сиротка“ чествуется какъ бы святой. Въ портретной

галлереѣ, между прочимъ, я встрѣтилъ портретъ во весь ростъ Богдана Хмельницкаго, зашедшій сюда, вѣроятно по родству его сына, женатаго на молдаванской княжнѣ, свояченицѣ князя Януша Радзивилла. Быть можетъ, тамъ же гдѣ нибудь есть портретъ и самого Тимоѳея Хмельницкаго, такъ какъ о многихъ портретахъ, висящихъ въ галлереѣ, мнѣ не дали объясненія, кого изображаютъ эти портреты. Изъ разсмотрѣнныхъ мною бумагъ, я нашелъ собственно немного новаго, что меня особенно занимало. Въ числѣ множества писемъ, сохраняющихся въ архивѣ, я отыскалъ цѣлую кучу писемъ Юрія Мнишка къ одному изъ Радзивилловъ, и эти письма тѣмъ болѣе возбуждали любопытство, что многія писаны въ эпоху заключенія Мнишка въ Московскомъ Государствѣ, но изъ тѣхъ, которыя мнѣ удалось разобрать, я не нашелъ ничего относящагося къ московскимъ смутамъ; остальныя, написанныя блѣдными чернилами и крайне неразборчивымъ почеркомъ, остались мною неразобранными. По украинской исторіи, особенно обратило мое вниманіе одно письмо Юрія Хмельницкаго, показывающее, что этотъ гетманъ, уже послѣ своего примиренія съ поляками подъ Слободищемъ, питалъ къ полякамъ непримиримую ненависть, которая отчасти объясняетъ послѣдовавшее затѣмъ взятіе его и заточеніе въ Маріенбургскую крѣпость.—Я осмотрѣлъ также мѣстность, гдѣ находился поселокъ шляхты, которую держалъ при себѣ Карлъ Радзивиллъ (Panie kochanku). Поселокъ этотъ носилъ названіе „Альба“. Шляхтичи, жившіе тамъ, пользовались отъ князя содержаніемъ и всякими выгодами, а за это должны были, какъ онъ выражался, отбывать панщину. Панщина же эта состояла въ томъ, чтобы ѣсть и пить вмѣстѣ съ княземъ, когда ему захочется и ѣздить съ нимъ на охоту, а подъ часъ и быть готовыми на всякіе подвиги дебоширства, какимъ отличался затѣйливый князь. Старикъ архиваріусъ, человѣкъ лѣтъ восьмидесяти, помнящій во времена своего нѣжнаго еще дѣтства личность „Panie kochanku“, разсказывалъ мнѣ, что какъ бывало на кого нибудь разгнѣвается князь, тотчасъ собираетъ своихъ „альбанцевъ“ и посылаетъ надѣлать пакостей сопернику; альбанцы нападутъ на имѣніе послѣдняго, истребятъ на поляхъ хлѣбъ, перебьютъ

скотъ и птицу, а иногда, по приказанію своего патрона, сожгутъ деревню и усадьбу враждебнаго помѣщика. „Panie kochanku“ отличался чрезвычайною щедростью и расточительностью,— но чуть только что нибудь не по немъ, онъ ничѣмъ не сдерживался и позволялъ себѣ дѣлать самыя немыслимыя вещи, будучи увѣренъ, что въ Польшѣ нѣтъ силы, которая бы могла поставить его въ границы. Былъ — разсказывалъ архиваріусъ — у князя пріятель, который умѣлъ его забавлять и пріобрѣлъ черезъ то большую любовь князя; но однажды, развлекая князя шутками, онъ сказалъ что-то невпопадъ. Князь ударилъ его въ лицо. Оскорбленный, въ порывѣ гнѣва, вызвалъ князя на поединокъ, а Радзивиллъ, за такую продерзость, созвалъ своихъ альбанцевъ, приказалъ разостлать коверъ и высѣчь на немъ неосторожнаго пріятеля. Пріятель, послѣ такого безчестья, подалъ на Радзивилла искъ въ судъ. Тогда, по приказанію князя, альбанцы напали на его усадьбу, сожгли ее и даже перебили нѣсколько человѣкъ прислуги. Шляхтичъ, видя, что нѣтъ возможности искать управы на Радзивилла, рѣшился поладить съ нимъ и избралъ такую выходку: улучивши время, когда Радзивиллъ былъ именинникъ и въ несвижскомъ замкѣ по этому поводу долженъ былъ происходить балъ и большой наѣздъ гостей, онъ прибылъ въ Несвижъ, остановился на постояломъ дворѣ, одѣлся щеголемъ и отправился въ замокъ. Въ то время тамъ происходилъ балъ въ полномъ разгарѣ. Явившись нежданно посреди гостей, онъ подошелъ къ князю и сказалъ: „я прибылъ заявить вашей княжской милости, что на свѣтѣ существуютъ два великихъ дурака: первый дуракъ я, а второй ваша княжеская милость“. Радзивиллъ, увидя его, пришелъ въ изступленіе; по словамъ архиваріуса, у него „najezyli sié wlosy, prawa noga wystàpila, zakrécil wàsa i powied zial: co to jest, Panie Kochanku?“ [1]). Смѣльчакъ отвѣчалъ ему: „ваша княжеская милость осмѣлились идти противъ Екатерины и принуждены были искать примиренія съ нею, а я осмѣлился идти противу вашей княжеской милости и теперь прибылъ

[1]) Наежились волоса, правая нога выдвинулась впередъ, закрутилъ усы и сказалъ: „что это значитъ, Panie kochanku?“.

просить примиренія съ вами". Радзивиллу очень понравилась эта выходка. „Zgoda, [1]) Panie Kochanku", закричалъ онъ, приказалъ подать вина и началъ пить мировую, а потомъ велѣлъ подать счетъ всему, что разорили его альбанцы и тотчасъ далъ обѣщаніе заплатить за все втрое. Теперь, на мѣстѣ, гдѣ была Альба, видны только поросшіе сорной травой фундаменты печей и погребовъ — и все это мѣсто покрыто кустарниками.

Пересмотрѣвши архивныя бумаги и получивши списокъ названій бумагъ, пересланныхъ въ Берлинъ, я простился съ Несвижемъ и вернулся въ Петербургъ, а черезъ пятнадцать дней поѣхалъ въ Москву заниматься бумагами Архива иностранныхъ дѣлъ, относящимися къ эпохѣ паденія Польши. И пробылъ въ Москвѣ половину осени, прилежно посѣщая архивъ и разсматривая въ немъ донесенія русскихъ пословъ: Штакельберга, Булгакова, Сиверса и Игельстрома, на что прежде пріобрѣлъ дозволеніе отъ канцлера, благодаря содѣйствію его товарища, Вестмана. Запасшись всѣмъ, что мнѣ было нужно, я воротился домой и снова принялся за свою исторію, продолжая посѣщать какъ Публичную библіотеку, такъ и Литовскую Метрику и занимаясь тамъ дѣлами, относящимися къ Польшѣ описываемаго мною времени. Такъ прошла зима, которая въ Петербургѣ въ этотъ годъ отличалась рѣдкою суровостью: морозъ доходилъ до 30^0 градусовъ и ниже: летающія птицы погибали въ воздухѣ.

Весною 1868 года я на нѣсколько времени прервалъ свои занятія исторіею Польши, приготовляя къ печати для помѣщенія въ „Вѣстникѣ Европы", монографію о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго, составленную по дѣламъ московскаго архива и статью о первомъ раздѣлѣ церквей при патріархѣ Фотіѣ, написанную по поводу вышедшей тогда нѣмецкой книги Гергенретера. Обѣ статьи были помѣщены въ „Вѣстникѣ Европы" въ томъ же году.

Настало лѣто, замѣчательное по необыкновенному зною и удушливому воздуху, происходившему отъ дыма, долго распространявшагося по всему протяженію столицы отъ горѣвшихъ кругомъ лѣсовъ. Думая усиленно заниматься исторіей

[1]) Мировая.

Польши, я не нанялъ себѣ дачи и оставался въ городѣ, чтобы постоянно пользоваться источниками, и мнѣ пришлось это лѣто перенести тяжелое состояніе. Въ сентябрѣ окончились пожары лѣсовъ и жители Петербурга избавились отъ зноя и дыма. Всю осень и слѣдующую зиму я посвящалъ свои занятія исключительно „Послѣднимъ годамъ Рѣчи Посполитой"; наконецъ, въ 1869 году приступилъ къ печатанію моей исторіи въ „Вѣстникѣ Европы". Оно тянулось цѣлый годъ и перешло еще въ слѣдующій. Въ этомъ году с.-петербургскій университетъ оказалъ мнѣ честь, удостоивъ принятіемъ въ число своихъ почетныхъ членовъ и ректоръ выдалъ мнѣ дипломъ на это званіе. Зимою съ 1869 на 1870 годъ меня пригласили читать публичныя лекціи русской исторіи въ клубѣ художниковъ. Не выходивши уже много лѣтъ въ публику, я принужденъ былъ побороть въ себѣ эту отвычку и это совершилось для меня не безъ труда. Лекціи мои, которыхъ числомъ было двадцать, сначала посѣщались большимъ стеченіемъ публики, но потомъ моя аудиторія ограничилась только тѣми, которые дѣйствительно имѣли умственный интересъ къ наукѣ; впрочемъ, число такихъ постоянныхъ слушателей простиралось сотъ до четырехъ. Я успѣлъ прочитать половину русской исторіи до усиленія Московскаго Великаго Княжества и паденія удѣльнаго порядка, обращая преимущественно вниманіе на исторію церкви, умственной жизни, нравовъ, понятій и литературы. Въ то время какъ я читалъ эти лекціи, въ Кіевѣ, въ университетѣ св. Владимира, опять порѣшили пригласить меня въ этотъ университетъ на каѳедру русской исторіи; состоялся единогласный выборъ и былъ представленъ на утвержденіе министра; но графъ Д. А. Толстой нашелъ болѣе удобнымъ оставить меня въ Петербургѣ при Археографической Комиссіи и, не желая лишить меня тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми бы я воспользовался при поступленіи на каѳедру, исходатайствовалъ у Государя Императора мнѣ ежегодное содержаніе, равное окладу ординарнаго профессора. Это ходатайство, графа Димитрія Андреевича было для меня истиннымъ благодѣяніемъ, и внушило мнѣ чувство глубокой благодарности къ нему: во первыхъ, я получилъ возможность остаться въ столицѣ и имѣть подъ рукою болѣе средствъ для учено-ли-

тературной дѣятельности, составляющей цѣль и наслажденіе моей жизни, а во вторыхъ, я пріобрѣлъ постоянную поддержку своего матеріальнаго быта, что освободило меня отъ необходимости быть въ постоянной зависимости и подчиненности отъ издателей и журнальныхъ редакторовъ.

Въ апрѣлѣ я окончилъ свой курсъ или, лучше сказать, половину курса публичныхъ лекцій по русской исторіи.

XIII.

Поѣздка въ Крымъ. Учено-литературные труды. Поѣздки съ археологической и этнографической цѣлью.

Въ іюнѣ я отправился въ Крымъ, гдѣ купался сначала въ Ѳеодосіи, потомъ въ Ялтѣ, въ Алупкѣ, въ Севастополѣ и, наконецъ въ Евпаторіи. Посѣщеніе Севастополя, произвело на меня потрясающее впечатлѣніе. Припоминая то время, когда я видѣлъ его еще населеннымъ и кипѣвшимъ жизнью городомъ, со множествомъ кораблей и судовъ, окруженнаго садами и рощами — теперь въѣхалъ въ совершенныя развалины. Бывшая лучшею часть города представляла ряды домовъ и стѣнъ безъ кровлей, со слѣдами пушечныхъ выстрѣловъ. Не было и слѣда существовавшихъ прежде сухихъ доковъ; огромныя матросскія казармы на горѣ, представляли громадную массу развалинъ. Въ городѣ только одна часть югозападная нѣсколько начинала отстраиваться, но и тамъ торчало много непоправленныхъ домовъ. Первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Севастополь, было посѣтить Малаховъ курганъ, гдѣ изрытая земля свидѣтельствовала о недавно пронесшейся бурѣ, потрясавшей этотъ край. Множество пуль валялось еще по землѣ. Затѣмъ я посѣтилъ знаменитое стотысячное кладбище, гдѣ погребены массы защитниковъ Севастополя. Иныя могилы принадлежали единичнымъ лицамъ, съ надписями ихъ именъ;— на другихъ, огромныя плиты носили на себѣ вырѣзанное названіе „братская могила“. Здѣсь тѣла убитыхъ сваливали вмѣстѣ, безъ гробовъ, въ одну яму. Все кладбище засажено молодыми айлантусами, еще не успѣвшими въ то время разрости. Только что достраивалась великолѣпная церковь, снаружи въ видѣ конусообразнаго памятника, а внутри, представляющая ротонду въ старомъ византійскомъ вкусѣ, нѣсколько похожую на петербургскую

греческую церковь — постройка чрезвычайно оригинальная: смотря на зданіе снаружи, никакъ нельзя предполагать такого устройства внутри.

Обращаясь отъ воспоминаній близкаго къ намъ времени, къ болѣе давнимъ вѣкамъ, я ѣздилъ въ Херсонесъ и Инкерманъ. Въ Херсонесѣ замѣчательными показались мнѣ недавно откопанные мраморные фундаменты, существовавшихъ тамъ нѣкогда православныхъ византійскихъ церквей и множество обвалившихся мраморныхъ колоннъ, пьедесталей и капителей. Въ монастырѣ, недавно тамъ заложенномъ, строилась церковь во имя св. Владимира и въ ней сдѣлано было каменное мѣсто въ видѣ бассейна: здѣсь, какъ догадывались, совершилось крещеніе великаго князя Владимира. Самая мѣстность Херсонеса довольно скучная и однообразная. Путь въ Инкерманъ совершилъ я на лодкѣ, сначала по бухтѣ, потомъ по Черной рѣчкѣ. Здѣсь замѣчательны пещеры въ горахъ; изъ нихъ одна, находящаяся противъ монастыря, на противоположномъ берегу Черной рѣчки, очень просторна, представляетъ большой идущій вверхъ корридоръ и приводитъ къ высѣченной въ горѣ комнатѣ съ фресками, свидѣтельствующими, что тамъ нѣкогда существовала церковь; другія, находящіяся на той сторонѣ Черной рѣчки, гдѣ монастырь, свидѣтельствуютъ о болѣе древнемъ бытѣ неизвѣстныхъ народовъ, обитавшихъ въ этомъ краѣ въ незапамятныя времена и, вмѣсто домовъ, укрывавшихся въ пещерахъ, высѣченныхъ въ каменныхъ горахъ. Ходъ въ послѣдняго рода пещеры очень затруднителенъ, потому что путешественнику приходится идти къ нимъ съ полъ-версты по узенькой тропинкѣ, на краю отвѣсной пропасти. Есть пещеры въ два яруса, съ внутренними каменными ступенями, ведущими изъ нижняго яруса въ верхній. Инкерманскій монастырь устроенъ въ большой пещерѣ горы; изъ церкви, по узкой лѣстницѣ, идетъ выходъ на вершину горы, гдѣ видны развалившіяся стѣны древняго города, какъ полагаютъ, греческаго или еврейскаго. Изъ Севастополя я совершилъ путешествіе на перекладной въ Бахчисарай, осмотрѣлъ въ третій уже разъ въ жизни тамошній дворецъ и нашелъ въ немъ большую перемѣну противъ прежняго. Онъ носилъ слѣды опустошенія, такъ какъ во время крымской войны уже не сохранялся

бережно, какъ дѣлалось прежде, но обращенъ былъ въ военный госпиталь. Изъ Бахчисарая отправился я верхомъ въ Чуфутъ-Кале, гдѣ уже прежде бывалъ въ 1841 году. Теперь это знаменитое жилище евреевъ незапамятной старины, было совершенно пусто. Всѣ евреи въ недавнее время переселились оттуда въ разные крымскіе города; оставался на жительствѣ съ семьею одинъ только зять ученаго раввина Фирковича, обогатившаго Публичную Библіотеку множествомъ драгоцѣнныхъ рукописей. Зять Фирковича, живучи въ уединеніи, весь былъ обложенъ рукописями, и, принявши меня любезно, водилъ меня въ синагогу, показалъ старинную Библію, существующую уже много вѣковъ, водилъ въ пещеру, служившую когда-то тюрьмою, гдѣ видны были вбитыя въ стѣну кольца и на нихъ остатки цѣпей; потомъ показалъ памятникъ, построенный, по преданію, на могилѣ ханской дочери, убѣжавшей тайно отъ родителей съ однимъ чужеземцемъ и здѣсь застигнутой погонею: она, вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ, бросилась съ вершины горы и погибла. За исключеніемъ долины, гдѣ жилъ зять Фирковича, всѣ прочія строенія Чуфутъ-Кале представляли такія же пустынныя развалины, какъ и Севастополь, хотя отъ другихъ причинъ: древнія еврейскія колоніи не разорялъ въ послѣднее время никакой непріятель, но сами обитатели покинули гнѣздо своихъ предковъ. Въѣздъ въ Чуфутъ-Кале ведется по краю такой ужасной пропасти, что нужно большой смѣлости, чтобы проѣхать мимо ее, не отворотивши отъ ней головы. Я возвратился изъ Чуфутъ-Кале другимъ спускомъ, идущимъ посреди такихъ же пещеръ какъ въ Инкерманѣ и также принадлежащихъ незапамятному доисторическому времени. Съѣхавши съ горы, я направился въ Іосафатову долину: такъ называется еврейское кладбище, очень древнее и обширное, обсаженное множествомъ вѣковыхъ деревьевъ. Здѣсь, въ числѣ памятниковъ, есть очень древніе. Одинъ изъ нихъ поставленъ въ годъ рожденія Іисуса Христа. На возвратномъ пути, заѣзжалъ я въ Успенскій монастырь, церковь котораго высѣчена въ горѣ; въ этомъ монастырѣ любопытны могильные памятники и камни, поставленные на мѣста погребенія христіанъ, которыхъ было много въ Крыму уже во времена владычества театръ и которыхъ потомки, умышленно остав-

ленные въ крайнемъ невѣжествѣ, перешли въ магометанство. Келіи монашествующей братіи Успенскаго монастыря, почти всѣ высѣчены въ скалѣ и для зрителя, находящагося по другой сторонѣ оврага, представляются въ видѣ гнѣздъ ласточекъ, пріютившихся въ безъискусственномъ величавомъ зданіи, воздвигнутомъ самой природой.

Воротившись въ Бахчисарай, я снова поѣхалъ назадъ въ Севастополь и два раза присутствовалъ на очень любопытномъ добываніи затопленныхъ во время прошедшей войны, корабельныхъ снастей и другихъ предметовъ. Занимающіеся этимъ промысломъ опускаютъ, одного изъ товарищей на дно моря подъ воздушнымъ колоколомъ, образующимъ чехолъ или родъ шапки на его головѣ. Опущенный на дно видитъ тамъ все, что можетъ вытащить, а когда воздухъ, вдыхаемый имъ черезъ трубку, проведенную до поверхности воды, начинаетъ портиться, даетъ знать движеніемъ и тогда его поспѣшно поднимаютъ вверхъ. При мнѣ такимъ образомъ вытащено было нѣсколько мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей, принадлежавшихъ къ устройству корабля.— Пребываніе въ Севастополѣ, продолжавшееся у меня десять дней, представляло мало удобствъ, такъ какъ недавно возобновленная гостинница не отличалась изобиліемъ и доброкачественностью своихъ матеріаловъ, по причинѣ необходимости доставлять все издалека. Тогда я рѣшился уплывать изъ Севастополя въ Евпаторію, понадѣявшись на вывѣшенныя объявленія о прибытіи парохода изъ Ялты „Общества пароходства и торговли“ на Черномъ морѣ; въ три часа пополудни, я поспѣшилъ расплатиться въ гостинницѣ и приказалъ нести свои вещи къ пристани, находившейся въ развалинахъ; но вмѣсто назначеннаго времени, я прождалъ пароходъ до шести часовъ слѣдующаго утра. Идти въ гостинницу было уже невозможно, потому что мой нумеръ, при моемъ выходѣ изъ него, былъ занятъ другимъ лицомъ — и мнѣ пришлось сидѣть нѣсколько часовъ подъ палящимъ солнцемъ, а потомъ ночевать на голомъ камнѣ, подъ открытымъ небомъ. Когда я вступилъ на пароходъ и сталъ выговаривать капитану, что такая неаккуратность наноситъ большія безпокойства пассажирамъ, онъ грубо отвѣтилъ мнѣ, что и за то пассажиры должны быть благодарны, что есть на чемъ плыть. Когда мы по-

плыли, я увидалъ, что пассажиры, заплатившіе заранѣе за мѣста въ первомъ классѣ, не находили тамъ пріюта и постелей по крайней тѣснотѣ и были принуждены либо уходить во второй классъ, либо размѣщаться на палубѣ. Никакихъ разговоровъ и объясненій отъ нихъ не хотѣли слушать. Часа въ два мы прибыли въ Евпаторію. Я сошелъ на берегъ и чтобы не подвергнуться новой случайности, спросилъ капитана, долго ли пароходъ будетъ здѣсь стоять. Капитанъ грубо отвѣтилъ: „вамъ до этого нѣтъ дѣла, сколько захотимъ — столько и будемъ стоять“. При самомъ сходѣ на берегъ, пассажировъ окружила наглая толпа цыганъ; они насильно выхватывали вещи и спѣшили ихъ нести неизвѣстно куда,— носильщики, занимавшіе эту должность отъ „Общества пароходства и торговли“, отнимали у нихъ вещи и били ихъ самихъ. Пассажиры, въ недоумѣніи и незнаніи что станется съ ихъ вещами, должны были дожидаться окончанія этой возмутительной борьбы.— Я рѣшился пробыть въ Евпаторіи дня два или три, чтобы познакомиться какъ съ городомъ, такъ и съ тамошнимъ купаньемъ и пріютился въ какомъ то подобіи гостинницы, носившей громкое имя „Афины“. Гостинницу эту содержалъ евпаторійскій грекъ. Комнаты были до крайности бѣдны и неопрятны, но кушанье хозяинъ давалъ вкусно изготовленное изъ свѣжихъ матеріаловъ и за умѣренную цѣну. Я пробылъ въ Евпаторіи трое сутокъ и ходилъ купаться по нѣсколько разъ въ день. Море на далекое пространство мелко и можно ходить далеко отъ берега, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ путь затрудняется морскими растеніями. Вообще, евпаторійское купанье хуже ѳеодосійскаго: лучше послѣдняго я не встрѣчалъ нигдѣ, ни у насъ, ни за-границею. Самый городъ Евпаторія заселенъ главнымъ образомъ караимами. Рынокъ евпаторійскій изобилуетъ громаднымъ складомъ всякаго рода мѣстныхъ плодовъ, но въ городѣ нѣтъ ни общественныхъ садовъ, ни деревьевъ, подъ которыми можно было бы укрыться отъ томительнаго зноя. Говорятъ, впрочемъ, что караимы, внутри своихъ дворовъ, разводятъ садики, но они составляютъ ихъ семейное достояніе. Караимы здѣсь, какъ и вездѣ въ Крыму, живутъ закрыто, но въ общемъ мнѣніи пользуются хорошею репутаціею и составляютъ совершенную противоположность евреямъ-талму-

дистамъ, въ народѣ называемымъ жидами. Караима въ Крыму никто не назоветъ жидомъ.

Послѣ краткаго обозрѣнія Евпаторіи, я отправился на пароходѣ въ Одессу, куда, послѣ небольшой качки, и прибылъ утромъ другого дня. Городъ Одесса, гдѣ я былъ назадъ тому 24 года, теперь показался мнѣ до того измѣнившимся, что едва можно было узнать въ немъ ту Одессу, которую я прежде видѣлъ. Вся она отстроена, какъ любой европейскій городъ; освѣщеніе газомъ не уступаетъ петербургскому, а мостовая лучше столичной. Ректоръ одесскаго университета Леоптовичъ, познакомившись со мною на пароходѣ во время плаванія въ Евпаторію, пригласилъ меня помѣститься въ его квартирѣ въ зданіи университета, такъ какъ самъ онъ проводилъ лѣто на дачѣ. Посѣщая его дачу и другихъ знакомыхъ, жившихъ по дачамъ, я изумился чрезвычайной скудности растительности одесскаго климата: искусственные цвѣтники и тощіе кусты айлантуса да акацій, составляли всю обстановку дачной жизни. Только дача графини Ланжеронъ, обычное общественное загородное гулянье на берегу моря, да нѣмецкая колонія Люстдорфъ, гдѣ, между прочимъ, устроено водолечебное заведеніе — нѣсколько живыя и сравнительно пріятныя мѣстности. Университетскіе профессора замѣтили, что меркантильное направленіе одесскаго общества, проникая въ кругъ студентовъ, препятствуетъ расширенію среди нихъ той любви къ наукѣ, безъ которой университетъ дѣлается бездушнымъ трупомъ. Здѣсь все гоняется за личною выгодою; всѣ прежде всего думаютъ о наполненіи своего кармана; іудеи составляютъ самый сильный классъ общества, владѣя капиталами и торговлею. За ними стоятъ греки, неуступающіе іудеямъ въ меркантильности, но не въ силахъ будучи состязаться съ ними въ первенствѣ, остаются ихъ вѣчными непримиримыми врагами, и эта-то вражда разразилась тѣми бурными явленіями, которыя, недавно передъ тѣмъ, потрясали одесскія улицы, и которыхъ возобновленія ожидали въ Одессѣ снова при первомъ удобномъ случаѣ.— По поводу безпрестанно томящаго жара въ лѣтнее время, Одесса живетъ и веселится только по ночамъ; весь приморскій бульваръ кишитъ разнородною толпою, которая наиболѣе

стекается въ кондитерскія ѣсть мороженое, что даетъ Одессѣ характеръ итальянскаго города.

Пробывъ недѣлю въ Одессѣ, я отправился въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ черезъ Кіевъ, въ которомъ остановился на сутки и, нанявъ извозчика съ шести часовъ утра до отхода желѣзнодорожнаго поѣзда, я объѣхалъ весь Кіевъ, захвативъ даже часть его окрестностей, и нашелъ его еще болѣе Одессы измѣнившимся послѣ того, какъ я оставилъ его назадъ тому 23 года. Изъ Кіева, нигдѣ не останавливаясь, я возвратился въ Петербургъ въ началѣ августа. Вскорѣ по возвращеніи домой, я получилъ ревматическую боль въ затылкѣ, которая съ тѣхъ поръ мучила меня почти два года, мѣшая много моимъ занятіямъ. Только въ свободные отъ этой боли часы, я могъ предаваться прежняго рода трудамъ. Въ это время я написалъ и помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статью: „Начало единодержавія въ древней Руси“. Эта статья была сокращеніемъ мыслей, изложенныхъ въ болѣе подробномъ видѣ въ моихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ клубѣ художниковъ въ 1869-70 годахъ, и по своей задачѣ составляла какъ бы продолженіе статьи „О федеративномъ началѣ“, появившейся нѣкогда въ „Основѣ“. Я доказывалъ, что единодержавіе у насъ, какъ и вездѣ въ свѣтѣ, явилось вслѣдствіе факта завоеванія страны. Завоевателями нашими были татары — и первыми единодержавными обладателями Русской Земли и ея народа, были татарскіе ханы. Тогда, вмѣсто общиннаго стариннаго быта, непрекратившагося въ удѣльныя времена при князьяхъ Рюрикова дома, и, выражавшагося автономическимъ значеніемъ земель или городовъ, появился своеобразный феодализмъ. Съ паденіемъ могущества золотоордынскихъ хановъ, роль единодержавныхъ обладателей стала переходить на ихъ главнѣйшихъ подручниковъ — великихъ князей, которыми, по утвержденіи великокняжескаго достоинства въ Москвѣ, дѣлались одинъ за другимъ князья московскіе, разрушая феодальные элементы и сосредоточивая верховную власть въ однѣ руки. Я старался вывести характеръ московскаго владычества изъ самой исторіи его образованія.

Въ 1871 году я напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ три статьи. Первая изъ нихъ: „Исторія раскола у раскольниковъ“

заключала разборъ неизвѣстнаго въ печати историческаго сочиненія Павла Любопытнаго. Въ этомъ разборѣ я избралъ себѣ задачею объяснить культурное значеніе великорусскаго раскола въ духовной жизни русскаго народа. Другая статья: „О личности Ивана Грознаго“ написана по поводу рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина, гдѣ почтенный петербургскій профессоръ вознесъ царя Ивана до небесъ, какъ великаго человѣка. Тогда же напечатано было тамъ же разсужденіе „О личностяхъ Смутнаго времени“. Въ этой статьѣ я указывалъ на то непріятное обстоятельство, что многія важнѣйшія личности знаменитѣйшаго періода нашей исторіи, какъ напримѣръ, Михайло Скопинъ-Шуйскій, Мининъ и Пожарскій, представляются съ такими неясными чертами, которыя не позволяютъ историку уразумѣть и въ точности очертить ихъ характеры. Статья эта вооружила противъ меня Ивана Егоровича Забѣлина и дала поводъ, на его возраженіе, писать въ опроверженіе новую статью въ 1872 году. Г. Забѣлинъ сообщалъ такой взглядъ, что въ Россіи главную роль игралъ народъ всею своею массою, а не типичными личностями, и потому историку не нужно гоняться за отысканіемъ заслугъ отдѣльныхъ историческихъ лицъ. Собственно въ назидательномъ мнѣніи И. Е. Забѣлина, я не нашелъ для себя ничего новаго или противорѣчащаго моимъ взглядамъ, много разъ мною уже заявленнымъ и въ особенности сказывающимся въ сочиненіи моемъ „Смутное время Московскаго Государства“, но г. Забѣлинъ какъ будто не хотѣлъ обратить вниманіе на главную мысль моей статьи, именно на то, что источники, по своей скудности или краткости, представляютъ мало чертъ для уразумѣнія характеровъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ самъ признаетъ важными дѣятелями. Впослѣдствіи, на меня началъ за то же нападать въ московскихъ газетахъ и Погодинъ, но послѣдній прямо хотѣлъ доказать, что личности, за которыми я признавалъ неясность по источникамъ, напротивъ, очень ясны, и при этомъ приводилъ разныя лѣтописныя похвалы, желая показать, что это именно тѣ черты, въ которыхъ я, какъ бы преднамѣренно, не усматривалъ никакихъ характеровъ. Возраженія Погодина отзывались устарѣлостью, такъ какъ, при современномъ состояніи науки, всякій занимающійся ею легко могъ

понять, что чертами характеровъ нельзя называть похвалы лѣтописцевъ, расточаемыя обыкновенно по общимъ, предвзятымъ для всѣхъ пріемамъ. Извѣстно, что лѣтописецъ о рѣдкомъ старинномъ нашемъ князѣ не наговоритъ нѣсколько лестныхъ словъ въ похвалу его добродѣтелямъ, но приводитъ обыкновенно такія черты, которыя не представляютъ ничего присущаго отдѣльному лицу, независимо отъ нравовъ того времени.

Съ половины 1871 года я принялся за большой трудъ—писать сочиненіе „Объ историческомъ значеніи русскаго пѣсеннаго народнаго творчества“. Это было расширеніе того давняго моего сочиненія, которое нѣкогда служило мнѣ магистерской диссертаціей. Въ 1872 году я началъ помѣщать его въ московскомъ журналѣ „Бесѣда“, издаваемомъ Юрьевымъ, но печальная судьба этого журнала, присужденнаго, по независящимъ отъ редакціи причинамъ, прекратить преждевременно свое существованіе, лишила меня возможности окончить печатаніе моего труда. Я успѣлъ выпустить въ свѣтъ только черты древнѣйшей русской исторіи до казацкаго періода южно-русской половины, насколько она выразилась въ народной пѣсенности.

Въ томъ же 1871 году, въ Петербургѣ отправлялся второй археологическій съѣздъ, на которомъ я былъ депутатомъ отъ Археографической Комиссіи, но лично не принималъ въ немъ никакого участія своими рефератами. Въ 1872 году, продолжая въ „Бесѣдѣ“ печатаніе моего сочиненія о русской пѣсенности, я началъ писать статью: „Преданія первоначальной русской лѣтописи“, стараясь доказать, что на событія русской исторіи, до сихъ поръ считаемыя фактически достовѣрными, надобно смотрѣть болѣе какъ на выраженіе народной фантазіи, облекшейся въ представленіи о фактахъ, долго признаваемыхъ на самомъ дѣлѣ случившимися.

Въ маѣ, по приглашенію нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ въ Малороссіи, я отправился въ кіевскую губернію съ цѣлью осмотрѣть нѣсколько мѣстностей, имѣвшихъ значеніе въ исторіи казачества и которыхъ мнѣ не удалось видѣть прежде. Собравшись вмѣстѣ съ малорусскимъ энтографомъ Павломъ Платоновичемъ Чубинскимъ, я посѣтилъ Корсунь,

гдѣ, кромѣ прекраснаго сада, принадлежавшаго князю Лопухину, осмотрѣлъ знаменитый „Ризаный яръ“, или какъ нѣкогда онъ назывался „Крутую балку“ — мѣсто пораженія, нанесеннаго Богданомъ Хмельницкимъ 16 мая 1648 года польскому войску, бывшему подъ начальствомъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго. И теперь еще, глядя по долинѣ вдоль ея, можно замѣтить проведенную на скатѣ горы линію, ясно свидѣтельствующую о томъ, что здѣсь былъ сдѣланъ обломъ горы съ намѣреніемъ прекратить путь польскому обозу. Поляки, уходя отъ преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ и татаръ, наткнулись невзначай на это роковое для нихъ мѣсто и множество ихъ возовъ попадало въ оврагъ, устроенный заранѣе казаками, высланными Хмельницкимъ, руководившимъ этою военною хитростію. Польская конница, увидя на пути своемъ неожиданную пропасть, пустилась въ разсыпную вправо и влѣво вдоль горы, гонимая казаками и татарами. Оба гетмана и другіе знатные паны захвачены были въ своихъ каретахъ. Мѣстоположеніе въ то время было лѣсистое и теперь еще, вправо, есть нестарые остатки лѣса, среди которыхъ торчатъ огромные пни прежнихъ деревъ. Село Гроховцы, откуда, какъ говорятъ современники, вышли поляки, приближаясь къ роковому мѣсту своего пораженія, теперь уже не существуетъ и имя его не сохранилось въ народной памяти. Въ самомъ мѣстечкѣ Корсунѣ есть слѣды стариннаго казацкаго города съ окопами. Въ домѣ князя Лопухина сохраняется нѣсколько древнихъ вещей, выкопанныхъ въ Корсунѣ и его окрестностяхъ. Между ними есть остатки оружія и сбруи, найденныхъ въ „Ризаномъ яру“, несомнѣнно принадлежавшихъ разбитымъ въ этомъ мѣстѣ полякамъ. Изъ Корсуни мы ѣздили въ монастырь, отстоящій отъ мѣстечка въ нѣсколькихъ верстахъ — тотъ самый, гдѣ Юраско Хмельницкій принялъ постриженіе въ монашество. Въ этомъ монастырѣ нѣтъ ничего древняго; церковь и келіи деревянныя; недавней постройки. Вся дорога къ Корсуню идетъ по берегу рѣки Роси, гдѣ встрѣчается множество старыхъ городищъ и кургановъ, еще необслѣдованныхъ археологіей. Затѣмъ совершена была нами поѣздка въ монастыри Мошнинскій и Виноградскій; послѣдній расположенъ въ очень красивой рощѣ и хотя не имѣетъ никакихъ

старыхъ вещей, но архимандритъ его сообщилъ мнѣ кучу письменныхъ пергаментныхъ и бумажныхъ документовъ, которые, впрочемъ, были уже недавно напечатаны въ небольшой брошюрѣ, изданной монастырскими средствами.

Послѣ этихъ осмотровъ, мы направились къ Чигирину, осмотрѣли Лебединскій монастырь, прежде бывшій мужскимъ, а теперь перестроенный въ женскій, проѣхали черезъ мѣстечко Жаботинъ, гдѣ до сихъ поръ показываютъ хату сотника Харька, убитаго поляками передъ началомъ возстанія малоруссовъ, извѣстнаго въ исторіи подъ названіемъ Коліивщины или уманской рѣзни. Изъ Жаботина мы пріѣхали въ Матронинскій монастырь, пріобрѣвшій громкую извѣстность въ XVIII вѣкѣ, какъ дѣятельностію своего архимандрита Мельхиседека, такъ и казацкимъ возстаніемъ, которымъ руководилъ бывшій послушникъ этого монастыря Максимъ Зализнякъ. Матронинскій монастырь, съ его деревянною церковью и деревянными келіями, помѣщается въ большомъ лѣсу, который надобно проѣхать на протяженіи восьми верстъ прежде чѣмъ добраться до монастыря. Въ этомъ лѣсу видны два высокихъ вала, одинъ за другимъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ между собою, обходящихъ кругомъ пространство, въ которомъ заключается, посреди лѣсной заросли, монастырское строеніе. Пріѣхавши въ монастырь, я, въ сопровожденіи одного монаха, отправился за версту отъ монастыря въ лѣсное ущеліе, называемое „Холодный яръ“. Здѣсь была стоянка гайдамаковъ, собиравшихся учинить возстаніе народа противъ Польши. На ямы, которыми изрыта вся эта мѣстность, указываютъ какъ на остатки пещеръ, въ которыхъ скрывались гайдамаки. Архимандритъ показалъ мнѣ въ келіи портретъ Максима Зализняка, въ званіи послушника Матронинскаго монастыря, съ коротенькою „люлькою“ въ зубахъ — и сверхъ того показалъ мнѣ нѣсколько золотыхъ и серебренныхъ монетъ, выкопанныхъ въ валу, окружающемъ монастырь. Монеты эти византійскія, первыхъ вѣковъ существованія Византійской Имперіи. Онѣ заставляютъ предполагать, что въ эти далекія времена, на мѣстѣ, окаймленномъ одинъ за другимъ валами, существовало поселеніе, входившее въ торговыя связи съ византійскимъ міромъ. Недурно было бы, если бы археологія наша,

обратила вниманіе на этотъ любопытный уголокъ. Изъ Матронинскаго монастыря мы отправились въ Субботово — мѣстопребываніе Богдана Хмельницкаго, имѣвшаго тамъ хуторъ, изъ за котораго вспыхнуло возстаніе, освободившее казаковъ отъ польскаго панства. На дорогѣ, мы посѣтили Медвѣдовскій монастырь, къ которому гетманъ Богданъ Хмельницкій питалъ особое уваженіе и гдѣ погребенъ былъ его сынъ Тимоѳей, но не нашли тамъ архимандрита и ничего не видали, хотя, судя по разсказамъ, намъ и не пришлось бы ничего особеннаго увидѣть. Въ Субботовѣ мы пристали къ почтеннему и доброму священнику, отцу Роману, который издавна пользуется большою любовью прихожанъ и наилучшею репутаціею въ окрестностяхъ. Въ его очень чистенькомъ домикѣ, первый предметъ, попавшійся намъ на глаза, былъ портретъ Богдана Хмельницкаго. Противъ самаго домика священника увидали мы деревянную церковь троечастную, какъ большею частію строились старинные малорусскіе храмы. Изъ оконъ его домика виднѣлись на холмѣ бѣлыя стѣны другой церкви, которой архитектура нѣсколько напоминала римско-католическіе костелы въ этомъ краѣ. То была церковь, построенная самимъ Богданомъ и послужившая временнымъ мѣстомъ его погребенія. Отецъ Романъ повелъ насъ въ эту церковь. Она невелика, сдѣлана четвероугольникомъ, съ небольшими узкими окнами и необыкновенно толстыми стѣнами, въ срединѣ которыхъ, проведены каменныя лѣстницы, ведущія на хоры. Внутри этой церкви, на правой сторонѣ, прибита доска съ надписью, гласившею, что здѣсь было погребено въ 1657 году тѣло гетмана Богдана Хмельницкаго, выброшенное изъ могилы на поруганіе псамъ, польскимъ полководцемъ Чарнецкимъ въ 1664 году. Недалеко отъ церкви можно видѣть фундаменты построекъ, составлявшихъ дворъ Хмельницкаго. Теперь остались только развалины погребовъ, но священникъ сообщалъ намъ, что лѣтъ около двадцати назадъ, здѣсь стояли еще довольно высокія стѣны, разобранныя впослѣдствіи крестьянами на свои домашнія нужды въ разныя времена. Близъ самаго мѣста построекъ находится оврагъ, образовавшійся полою водою, а въ глубинѣ этого оврага идетъ дорога. Образованіе этого оврага и проведеніе по немъ дороги способствовали

искаженію двора Хмельницкаго. Разговорившись съ тамошними крестьянами, я услыхалъ отъ одного изъ нихъ разсказъ о томъ, какъ Хмельницкій отнялъ у Барабаша привилегію. Разсказъ этотъ носитъ ту же редакцію, какая напечатана въ „Запискахъ о Южной Руси“ Кулиша. По словамъ этого крестьянина, „Хмельницкій бувъ князь и гетьманъ на всю Украину, большой врагъ пановъ и жидовъ“, какъ увидитъ гдѣ жида, сейчасъ велитъ поймать его и прибить гвоздемъ ермолку къ его головѣ, а панамъ, которыхъ приводили къ нему казаки, Хмельницкій приказывалъ рубить головы около „каменной бабы“, которая стоитъ на улицѣ, на дорогѣ ведущей отъ деревянной церкви къ каменной. У Хмельницкаго голосъ былъ такой громкій, что, бывало, выйдетъ на крыльцо своего дома и увидѣвъ съ него казаковъ, косившихъ сѣно на лугу за Тясьминомъ версты за три, крикнетъ: „хлопци, идить горилку пить, жинка вже борщу наварила“;— казаки слышатъ его, покидаютъ работу и спѣшатъ къ его дому. О сынѣ Хмельницкаго, Юріѣ сохранилось преданіе, что „онъ принялъ бусурманскую вѣру и навелъ турокъ на Украину; когда они подошли съ Субботову, турецкій паша сказалъ Юрію: „если ты насъ не обманываешь и на самомъ дѣлѣ сталъ человѣкомъ нашей вѣры, то выстрѣли изъ пушки и сбей крестъ съ той церкви, которую твой батько построилъ“. Хмельницкій такъ сдѣлалъ, и турецкое ядро ударило прямо въ крестъ субботовской церкви. За это Богъ сказалъ съ небеси: „Юрашко, за такое дѣло земля тебя не приметъ и будешь ты ходить по землѣ до скончанія вѣка, до страшнаго суда“, и съ тѣхъ поръ Юрашко Хмельницкій скитается по землѣ, и чумаки его видѣли. О времени, когда жили Хмельницкіе, у народа сохранились сбивчивыя понятія: смѣшивается эпоха Хмельницкаго съ близкою для народа эпохою, паденія Польши. Разсказываютъ, что поляки стали жестоко стѣснять православный народъ и дѣлать надъ ними разныя пакости: остригали дѣвокъ и изъ косъ ихъ дѣлали возжи; изъ церковныхъ ризъ дѣлали попоны, а церковными восковыми свѣчами погоняли лошадей; когда же православные поднимали ропотъ, то поляки устраивали надъ ними такого рода истязанія: ставился у пана деревянный столбъ со ступенями, одна выше

другой; поставятъ человѣка къ ступени, привяжутъ къ столбу и въ такомъ положеніи оставляютъ на долгое время, такъ что стоящіе вверху принуждены испускать нечистоты на головы поставленныхъ ниже. Наконецъ, когда не стало терпѣнія, православные отправили къ царицѣ одного архимандрита просить, чтобы царица заступилась за нихъ и взяла ихъ край отъ Польши. У царицы былъ тогда любимецъ Потемка. Сперва онъ заступался за народъ, а потомъ отдалъ дочь свою за польскаго пана Браницкаго и сталъ мирволить полякамъ. Тогда за народъ заступились генералы Чорба и Хмельницкій. Хмельницкій ѣздилъ къ польскому королю и выпросилъ у него бумагу; но одинъ казацкій чиновникъ, пріятель Потемки, укралъ у него эту бумагу и держалъ у себя. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о похищеніи привилегіи и бѣгства Хмельницкаго въ Запорожскую Сѣчь. Далѣе: „генералъ Чорба вызвалъ Потемку на поединокъ; оба стали на двухъ могилахъ (курганахъ); выстрѣлилъ Потемка и убилъ Чорбу, но въ то же время успѣлъ выстрѣлить и Чорба; Потемка забѣжалъ далеко, въ Херсонъ, и тамъ превратился въ мѣдную статую. Ѣздили въ Херсонъ чумаки и сами видали — стоитъ тамъ мѣдный Потемка до сихъ поръ,— а Хмельницкій побилъ ляховъ и сталъ княземъ на всю Украину — и ничего съ нимъ царица не могла сдѣлать. Что ни пошлю противъ него москалей, онъ перехитритъ ихъ, не допустить до себя, разобьетъ и прогонитъ, а кого въ плѣнъ возьметъ — въ тюрьмѣ держитъ. И таковъ былъ онъ до смерти. Потомъ уже сынъ его передался туркамъ и поступилъ въ турецкую вѣру“. Такіе сбивчивые слухи сохранились о Хмельницкомъ на его родинѣ.

Изъ Субботова мы отправились въ Чигиринъ. Трудно представить себѣ городъ съ болѣе красивымъ мѣстоположеніемъ. Онъ лежитъ на самомъ берегу Тясьмина, а надъ нимъ возвышаются живописныя разнообразныя горы. На этихъ горахъ видны остатки стараго замка и во многихъ мѣстахъ — слѣды земляныхъ рвовъ и окоповъ — свидѣтельство той эпохи, когда Чигиринъ, при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, выдерживалъ два нападенія отъ турокъ. Самый городокъ сохраняетъ чисто-малорусскій характеръ. Въ немъ нѣтъ ни

одного поляка и очень мало іудеевъ. У жителей замѣтна особая любовь къ садамъ, которыхъ здѣсь изобиліе; домики чистые и отзываются сельскою простотою. Какъ въ Чигиринѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, выкапываютъ много бронзовыхъ стрѣлокъ, памятниковъ доисторической старины. Вся околица покрыта множествомъ большихъ и малыхъ кургановъ, придающихъ краю своеобразный поэтическій видъ. Изъ Чигирина я выѣхалъ на станцію Знаменку и оттуда, по желѣзной дорогѣ, безъ остановки пустился до Петербурга. На пути между Москвою и Петербургомъ ночью, въ то время какъ я заснулъ, отворенныя окна вагона надѣлали сквознаго вѣтру, который мгновенно возобновилъ въ моемъ затылкѣ прежніе припадки боли. По пріѣздѣ домой, я почти цѣлый мѣсяцъ чувствовалъ усиленіе этой боли, стараясь облегчать свои страданія холодными купаньями и компрессами. Занятія мои пошли слабѣе. Такъ всегда дѣлалось со мною въ эпоху моей петербургской жизни. Разные газетные нападки и всякаго рода печатныя и словесныя клеветы мало меня раздражали и, вообще, почти не мѣшали ходу моихъ ученыхъ и литературныхъ занятій; но нервныя боли, проявлявшіяся прежде, какъ и теперь, преимущественно головными и глазными страданіями, составляли для меня постоянное несчастіе. Я чувствовалъ, что подъ гнетомъ этихъ болей, мои умственныя силы ослабѣвали, пропадала энергія, мучило невольное бездѣйствіе, а если бралъ надъ собою волю, то это стоило мнѣ большихъ усилій, и я сознавалъ, что физическія страданія отпечатлѣвались на моихъ произведеніяхъ, а перо мое дѣлалось вялымъ,— по крайней мѣрѣ, какъ я чувствовалъ, лишено было той живости, какую имѣло бы при болѣе нормальномъ состояніи моихъ тѣлесныхъ силъ. Еще болѣе наводила на меня страхъ и уныніе грустная мысль, что въ будущемъ я долженъ ожидать себѣ худшаго состоянія и быть лишеннымъ зрѣнія, а съ нимъ и возможности заниматься наукою, тогда какъ занятіе это стало для меня необходимымъ какъ воздухъ. Въ іюлѣ я ѣздилъ постоянно на дачу въ Ораніенбаумъ, гдѣ надѣялся, что купанье тамъ будетъ лучше, но очень ошибся, такъ какъ дно моря въ Ораніенбаумѣ оказалось очень мелко. Здѣсь любимымъ мѣстомъ моихъ уединенныхъ прогулокъ

былъ полуразрушенный дворецъ, построенный Петромъ III, гдѣ этотъ государь думалъ-было защищаться, но потомъ бѣжалъ оттуда въ Кронштадтъ. Дворецъ этотъ двухъ-этажный и стоялъ въ то время совершенно покинутымъ. Внутри его полы были сняты, лѣстницы разломаны, стекла выбиты. Такое состояніе разрушеніе имѣло для меня что-то привлекательное и я по цѣлымъ часамъ просиживалъ тамъ съ книгою въ рукахъ, или даже безъ книги, съ думами о прошедшемъ.

XIV.

Премія. Глазная болѣзнь. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ. Поѣздка въ Екатеринославъ и Кіевъ.

Въ сентябрѣ 1872 года мнѣ была присуждена премія за мое сочиненіе: „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой". Еще въ концѣ прошлаго года я представилъ его въ Академію Наукъ для соисканія преміи. Академія поручила составить разборъ моего сочиненія Иловайскому. Д. И. Иловайскій, писавшій самъ уже послѣ меня о той же эпохѣ, къ которой относилось мое сочиненіе, присудилъ мнѣ малую премію. Не вполнѣ-довольная рецензіей Иловайскаго, академія отправила мое сочиненіе для новаго разбора марбургскому ученому, профессору Герману, автору Исторіи Россіи, писанной на нѣмецкомъ языкѣ, но владѣющему хорошо русскимъ языкомъ. Тогда многіе, услыхавши объ этомъ, находили такой поступокъ академіи какъ бы унизительнымъ для русской науки. Значило, какъ будто, что въ Россіи нѣтъ ученыхъ, способныхъ оцѣнить трудъ, предлагаемый на соисканіе преміи. Иные предсказывали, что нѣмецкій ученый умышленно не признаетъ достойнымъ русскаго сочиненія. Разборъ моего сочиненія, составленный Германомъ, былъ присланъ въ академію. Нѣмецкій ученый не только не руководствовался какими-нибудь предубѣжденіями противу русскаго ума, но оказался ко мнѣ внимательнѣе самого Иловайскаго — русскаго человѣка: Германъ присудилъ мнѣ за сочиненіе большую премію. Однако академія разсудила не дать ее мнѣ, а наградить малою, на томъ основаніи, что въ то время было представлено на соисканіе премій нѣсколько сочиненій, признанныхъ достойными малой пре-

міи, но такъ какъ всѣхъ удовлетворить было невозможно, по недостатку суммъ, то и положили отнять у меня двѣ трети суммы, слѣдуемой мнѣ по приговору Германа. Сверхъ того, принималось во вниманіе, какъ мнѣ лично сказали въ академіи, и то, что я человѣкъ безсемейный и бездѣтный, а слѣдовательно ненуждающійся въ средствахъ, которыя болѣе необходимы для людей, обремененныхъ семействомъ. Надобно было, скрѣпя сердце, повиноваться, но по внутреннему убѣжденію, я не могъ согласиться съ справедливостію такихъ воззрѣній. Если не доставало денегъ для вознагражденія другихъ лицъ малыми преміями, то отсюда не вытекала необходимость вознаграждать ихъ на мой счетъ. Что же касается до принятія во вниманіе семейныхъ дѣлъ особъ, подающихъ сочиненія на премію, то ясно, что академія не можетъ быть благотворительнымъ заведеніемъ, и правила раздачи премій установлены вовсе не въ видахъ благотворительности: академіи надлежало цѣнить прямо одно лишь сочиненіе, а не семейную обстановку автора. Цѣль, съ какою установлено давать большія и малыя преміи, совершенно нарушается такими взглядами: всегда есть возможность явиться въ изобиліи сочиненіямъ, достойнымъ малыхъ премій — и если, для удовлетворенія ихъ авторовъ, признается необходимымъ отнимать двѣ трети большой преміи у того, кто заслужилъ ее, то не слѣдовало и установлять большой преміи. Да и самая благотворительность Академіи Наукъ можетъ быть несостоятельна: ученый, имѣющій большое семейство, можетъ нуждаться гораздо менѣе ученаго одинокаго, если имѣетъ взрослыхъ дѣтей, совершенно пристроенныхъ и помогающихъ родителю своими трудами или своими личными средствами къ содержанію; ученый семейный можетъ, при счастливой семейной жизни, обладать хорошимъ здоровьемъ,— а ученый одинокій можетъ, при своихъ трудахъ и безотрадной жизни, разстроить свое здоровье и потерять зрѣніе, не имѣя ни въ комъ поддержки. Наконецъ часто ученый-семейный можетъ владѣть имуществомъ, превосходящимъ состояніе ученаго одинокаго. Не входя въ объясненія съ академіей по этому предмету, я получилъ малую премію, съ полною рѣшимостію никогда уже не представлять на преміи моихъ сочиненій въ то

учрежденіе, которое, въ раздачѣ премій, не сообразуется съ приговоромъ лицъ, которымъ довѣряло разборъ сочиненій, а руководствуется особыми, никѣмъ оффиціально не установленными взглядами, невыраженными въ правилахъ о преміяхъ.

Въ октябрѣ я отправился въ Москву для осмотра малорусскихъ бумагъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Около мѣсяца разсматривалъ я эти бумаги и, выбравши изъ нихъ то, что по моимъ соображеніямъ годилось къ ближайшему напечатанію въ „Актахъ Южной и Западной Россіи", указалъ все это къ пересылкѣ по почтѣ въ Археографическую Комиссію. Когда я воротился въ Петербургъ и за мною вслѣдъ присланы были въ Комиссію эти отобранныя бумаги, я предпринялъ составить по нимъ монографію о гетманствѣ Дорошенка, которая составляла бы продолженіе тѣхъ монографій, какія были уже написаны мною по исторіи Малороссіи. Я надѣялся мало-по-малу написать такимъ образомъ всю исторію Малороссіи, обработывая ее по періодамъ. Теперь очередь была за эпохою Дорошенка, и я принялся приводить въ порядокъ и изучать добытые мною источники.

Въ это время, въ отчетѣ Академіи Наукъ, былъ напечатанъ составленный Германомъ разборъ моего сочиненія „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой". Изъ отчета было видно, что академія посылала на просмотръ нѣмецкому ученому рецензію, написанную на мое сочиненіе Иловайскимъ. Германъ отвергъ эту рецензію и не соглашался съ замѣчаніями Иловайскаго. Нѣмецкій ученый, знающій хорошо русскій языкъ, въ рецензіи своей сознавался, что не зная польскаго языка, не въ состояніи провѣрить моего способа обращенія съ польскими источниками, особенно тѣми, которые лежали въ рукописяхъ въ петербургскомъ и московскомъ архивахъ. Относительно моихъ взглядовъ, Германъ находилъ у меня нѣкоторую долю русскаго патріотизма, помѣшавшую мнѣ съ полнымъ безпристрастіемъ отнестись къ польскимъ событіямъ. Между прочимъ, почтенный нѣмецкій ученый заявляетъ свое несогласіе относительно моего взгляда на конституцію 3-го мая и на Тарговицкую конфедерацію. Въ этомъ случаѣ я готовъ поспорить съ достоуважаемымъ профессоромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ конституціи 3-го мая

находятся черты, вполнѣ заслуживающія сочувствія и, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, онѣ могли бы принести хорошіе плоды, но историкъ не долженъ останавливаться надъ тѣмъ, что могло бы выйти, еслибы обстоятельства сложились иначе, а долженъ имѣть въ виду состоятельность или несостоятельность учрежденій при тѣхъ обстоятельствахъ, какія дѣйствительно сложились въ исторіи. Съ другой стороны не слѣдуетъ черезъ-чуръ обвинять членовъ Тарговицкой конфедераціи за то, что ихъ дѣйствія оказались пагубными: они были дѣти своего вѣка, выступали на историческое поприще съ понятіями, усвоенными изъ поколѣнія въ поколѣніе. Былъ ли виноватъ полякъ въ томъ, что, считая республику лучшимъ учрежденіемъ въ мірѣ, понималъ ее въ томъ образѣ, въ какомъ видѣлъ съ дѣтства и въ какомъ научился понимать отъ своихъ родителей и наставниковъ? Въ концѣ XVIII вѣка люди еще не доросли до сознанія той истины, что тѣ или другія политическія формы сами по себѣ не важны, а ихъ хорошія или дурныя послѣдствія зависятъ отъ степени нравственнаго и умственнаго развитія общества. Идеи французской революціи, провозгласившія великую и святую истину равенства всѣхъ людей предъ закономъ, въ то время еще нигдѣ не понимались. Всѣ правительства Европы, боясь страшнаго пугала якобинства, прилагали всѣ старанія не допустить въ управляемыхъ ими обществахъ господства этихъ идей тѣмъ болѣе, что это господство представлялось какъ бы связаннымъ съ господствомъ безбожія и уничтоженія положительной религіи. Удивительно ли, что воспитанные въ строго-католическомъ духѣ польскіе паны боялись того же, а при долговременной политической своей невоспитанности, простодушно повѣрили въ искренность монарховъ, поддерживающихъ старое республиканское правленіе въ Польшѣ. Наконецъ даже тѣ изъ нихъ, которые дѣйствовали съ явными видами удовлетворенія личныхъ выгодъ и тщеславія — предъ историческимъ судомъ находятъ для себя извѣстную долю оправданія въ недостаткѣ воспитанія и господствѣ общественныхъ предразсудковъ своего времени. То же остается мнѣ сказать и относительно того взгляда на національный характеръ поляковъ, въ чемъ меня упрекалъ не только Германъ,

но и нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ. Указывая на тѣ черты польскаго характера, съ которыми явилась польская жизнь въ своей исторіи, я не смотрѣлъ и не смотрю на этотъ характеръ, какъ на что-то свыше опредѣленное судьбою, а какъ на результатъ тѣхъ явленій исторической жизни, которыя сложились въ незапамятной древности и не могутъ быть обслѣдованы мною при недостаткѣ источниковъ. Если кто другой найдетъ возможнымъ ихъ обслѣдовать — тѣмъ лучше. Одно только я принимаю во вниманіе и намѣчаю себѣ для будущей переработки моего труда, если доживу до возможности этой переработки: это то, что многое составлявшее какъ бы отличительныя черты польской общественной жизни, не принадлежало исключительно Польшѣ, а составляло достояніе всей Европы въ прошлыя времена; но и тутъ всѣ такіе общіе признаки выражались въ каждой странѣ съ чертами, ей одной свойственными. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстное порабощеніе простого класса народа въ Польшѣ, въ сущности своей, не составляло исключительной принадлежности польской націи: тѣ же начала мы видимъ и въ другихъ странахъ Европы, а только въ Польшѣ, при ея республиканскомъ образѣ правленія, эти начала принесли своеобразные и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, печальные плоды. Наконецъ уродливое безобразничанье и самодурство, которыми такъ отличались польскіе паны стараго времени, нельзя въ принципѣ приписывать характеру однихъ поляковъ и условіямъ ихъ общественной жизни, потому что подобныхъ чертъ можно легко отыскать и въ тогдашней Германіи, въ бытѣ гамошнихъ князей и рыцарей, только въ Польшѣ, менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь было удержу необузданнымъ выходкамъ зазнавшагося привилегированнаго сословія.

Въ декабрѣ 1872 года у меня начали болѣть глаза, а докторъ, къ которому я обратился, не зная моей мнительности, до того напугалъ меня, что я впалъ въ уныніе, покинулъ работу за Дорошенкомъ и долго не могъ ни за что приняться. Глазамъ моимъ отъ напряженія дѣлалось все хуже и хуже. Другіе врачи сказали мнѣ, что единственнымъ спасеніемъ моимъ отъ слѣпоты будетъ, если я на продолжительное время стану воздерживаться не только отъ раз-

бора старыхъ бумагъ, но даже и вовсе отъ чтенія и письма. Я чувствовалъ въ глазахъ страшную ломоту, доводившую меня иногда до крика; боли усиливались по вечерамъ, когда нужно было употреблять свѣчи — лампы уже давно стали невыносимы для моихъ глазъ. При такомъ состояніи моего зрѣнія, при болѣхъ, невозможность предаваться любимымъ трудамъ по изслѣдованію занимавшими меня научными вопросами, повергала меня въ сильнѣйшую тоску, окончательно разбившую мою нервную систему. Я положительно пропадалъ отъ бездѣйствія. Тогда, по совѣту многихъ знакомыхъ, я рѣшился приняться за составленіе „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", предназначая эту исторію для популярнаго чтенія. Мысль эта уже много разъ и прежде была настойчиво сообщаема мнѣ знакомыми, но я не поддавался ей, будучи постоянно увлекаемъ другими вопросами отечественной исторіи. Теперь, по причинѣ рѣшительной невозможности заниматься чтеніемъ источниковъ и вообще тою подготовительною работою, какой требуютъ новые научные историческіе труды, я рѣшился послѣдовать внушаемому мнѣ намѣренію и приступилъ къ составленію „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ". Отдаленные періоды русской исторіи, съ ея дѣятелями, были уже во многихъ частяхъ изучены мною при отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, и потому предпринимаемая задача не представлялась трудною и безпокойною для моихъ нервовъ. Для сбереженія глазъ, я пригласилъ жену моего бывшаго пріятеля г-жу Бѣлозерскую читать мнѣ вслухъ мѣста, которыя я укажу въ источникахъ и писать текстъ по моей диктовкѣ. Ея сестра, г-жа Кульжинская, изъявила желаніе быть издательницею моей Исторіи. Такимъ образомъ я принялся за трудъ, подходившій къ тому состоянію зрѣнія, въ какомъ оно у меня находилось. Въ маѣ 1873 года былъ уже готовъ первый выпускъ моей Исторіи. Отдавши ее въ печать, я тотчасъ же принялся за другой и тѣмъ же способомъ работалъ надъ нимъ.

Между тѣмъ, на короткое время, я обратился снова къ эпохѣ Смутнаго времени. Появившаяся въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" статья Е. А. Бѣлова силилась доказывать, что царевичъ Димитрій не былъ никѣмъ

умерщвленъ, а дѣйствительно самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ падучей болѣзни, какъ показывается въ слѣдственномъ дѣлѣ, которое послѣ его смерти производилъ въ Угличѣ князь Василій Шуйскій. Статья Бѣлова представляла новую попытку вносить въ исторію Смутнаго времени парадоксальныя понятія и я счелъ нужнымъ опровергнуть ее и разобралъ слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія, чтобы показать несостоятельность вытекающихъ изъ него заключеній. По мнѣнію, которое я изложилъ въ тогдашней своей статьѣ, царевичъ Димитрій былъ несомнѣнно убитъ, но дѣйствительно ли Годуновъ давалъ приказаніе убить его, или его клевреты заблагоразсудили сами угодить ему втайнѣ и совершили убійство безъ его приказа, но съ явнымъ сознаніемъ, что совершонное ими злодѣяніе будетъ ему пріятно и полезно — это остается въ неизвѣстности. Что же касается до производства слѣдствія Шуйскимъ, то этотъ князь собственно и не могъ по слѣдствію отыскать убійцъ Димитрія: ихъ уже не было на свѣтѣ; оставалось поставить дѣло такъ, чтобы угодить сильному Годунову, иначе Шуйскій не могъ бы сдѣлать послѣднему ничего особенно вреднаго, но вооружилъ бы его противъ себя напрасными попытками сдѣлать ему вредъ.

Въ концѣ іюля, по приглашенію гг. Кульжинскихъ, отправился я въ Екатеринославъ. Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, а потомъ по Днѣпру. Проживши съ недѣлю у моихъ знакомыхъ въ Екатеринославѣ, я поѣхалъ на обывательскихъ внизъ по Днѣпру для обозрѣнія пороговъ и береговъ. Много описаній читалъ я прежде объ этихъ мѣстностяхъ и давно уже порывался ихъ видѣть; наконецъ удобный случай представился исполнить мое давнее желаніе. Днѣпръ и его берега показались мнѣ живописнѣе и поэтичнѣе того, какъ я рисовалъ ихъ себѣ въ воображеніи. На протяженіи всего теченія Днѣпра по порогамъ, оба берега становятся высокими; шумъ прорывающихся черезъ пороги волнъ, слышенъ болѣе чѣмъ за версту. Въ особенности живописны пороги Ненасытецкій и Вольникскій. У самаго Ненасытецкаго порога, на высокомъ правомъ берегу лежитъ имѣніе Синельниковыхъ. Гулъ бѣгущей съ пороговъ воды, достигая села такъ силенъ, что мѣшаетъ разслышать слова

въ разговорѣ. Къ сожалѣнію я путешествовалъ въ такое время года, когда вода значительно спала, но ранѣе — въ маѣ и въ іюнѣ, какъ говорятъ, гулъ пороговъ еще бываетъ громче и вообще мѣстность эта кажется болѣе привлекательною. Здѣсь я узналъ, что въ селѣ проживаетъ старый слѣпой бандуристъ, по имени Архипъ, знающій много старыхъ казацкихъ думъ и пѣсенъ, но его не могли найти для меня: онъ отправился въ Новомосковскъ на ярмарку по своему пѣсенному промыслу. Жители здѣсь, какъ и вообще на днѣпровскомъ берегу около пороговъ, малоруссы и если отличаются отъ жителей болѣе верхняго края Малороссіи, то развѣ сравнительно болѣе сохранившеюся чистотою малорусской рѣчи, большею опрятностью въ домашней жизни, зажиточностью и ношеніемъ бородъ. Путь, южнѣе Вольникскаго порога, по правому берегу Днѣпра, идетъ еще въ виду нѣсколькихъ пороговъ одного за другимъ, но здѣсь, между порогами, являются на Днѣпрѣ острова, заросшіе лѣсомъ. Островъ Княжій и островъ Виноградскій — самые обширные изъ этихъ острововъ. Кромѣ пороговъ, которыхъ числомъ тринадцать, я встрѣчалъ двѣ заборы. Такъ называются тоже пороги въ меньшемъ размѣрѣ; но, по извѣстію жителей, они не только не безопаснѣе для плавающихъ по Днѣпру, но даже представляютъ чаще случаевъ разбитія челновъ. Плаваніе между порогами опасно только при спущеніи челна черезъ паденіе порога, но рыбаки безъ всякаго опасенія пускаются посреди пороговъ поперекъ Днѣпра ловить рыбу, которой, говорятъ, здѣсь изобиліе. Послѣдній, самый южный изъ пороговъ, носитъ мѣстное названіе „Гадючій“, почти такой же шумный, какъ Вольникъ и живописенъ по береговымъ окрестностямъ. Черезъ нѣсколько верстъ ниже его, Днѣпръ съуживается; по обѣимъ сторонамъ его, берега очень высоки и круты; жители увѣрены, что здѣсь, въ незапамятныя времена, рѣка пробила гору и нашла себѣ выходъ. Быть можетъ именно на это мѣсто намекаетъ пѣснь о походѣ Игоря, выражаясь обращеніемъ къ Днѣпру: „Ты пробилъ еси горы каменныя сквозѣ землю Половецкую“. Выступая изъ ущелья, Днѣпръ широко разливается и первый предметъ поражающій глаза — островъ Хортица, протяженіемъ на двѣнадцать верстъ, съ высо-

кими берегами, поросшій лѣсомъ. Этотъ островъ въ древности носилъ названіе „Варяжскаго“ и въ XVI вѣкѣ былъ первымъ поселеніемъ запорожцевъ подъ начальствомъ князя Димитрія Вишневецкаго, но не надолго. По жалобѣ крымскаго хана, король Сигизмундъ-Августъ велѣлъ свести казаковъ съ острова, а черезъ нѣсколько лѣтъ запорожцы заложили себѣ новое поселеніе пониже Хортицы, на островѣ Томаковкѣ. Теперь на Хортицѣ заложена нѣмецкая колонія меннонитовъ, а на правомъ берегу Днѣпра, почти противъ Хортицы, нѣсколько сѣвернѣе, находится другая меннонитская колонія Кичкасъ. Проѣзжая черезъ послѣднюю колонію, я осмотрѣлъ житье-бытье меннонитовъ и былъ изумленъ чрезвычайно цвѣтущимъ состояніемъ ихъ быта. Дворы ихъ обсажены садами, домики просторны и свѣтлы, хотя крыты соломой и носятъ на себѣ характеръ малорусскаго жилья, только несравненно культурнѣе и богаче. Вездѣ въ домикахъ деревянные полы, чисто вымытые; заборы и всѣ хозяйственныя постройки содержатся въ порядкѣ и нигдѣ не видно того неряшества и безпечности, какими страдаютъ наши русскія деревенскія постройки. Меннониты разводятъ у себя виноградъ и шелковицы и добываютъ шелкъ; въ одномъ меннонитскомъ дворѣ я засталъ семью, работающую надъ выварκою шелковичныхъ коконъ. Близъ самой колоніи красуется прямой, превосходный лѣсъ, сѣянный назадъ тому двадцать лѣтъ. Меннониты съ гордостью увѣряютъ, что это предразсудокъ, будто край екатеринославской губерніи, по своей природѣ, безлѣсный. Всѣ они грамотны, отдаютъ дѣтей въ свои училища и не чуждаются туземнаго языка. Разговорившись съ меннонитами, я съ удивленіемъ услышалъ изъ ихъ устъ безукоризненно правильную малорусскую рѣчь. Отъ Кичкаса отправился я внизъ до Никополя. При устьѣ „Конской рѣки“, впадающей въ лѣвый берегъ Днѣпра, виднѣлся островъ Томаковка, гдѣ была Запорожская Сѣчь до перехода своего пониже и гдѣ теперь село Капуловка. Здѣсь-то, на Томаковкѣ, укрывался Богданъ Хмельницкій, когда убѣжалъ отъ польской погони и здѣсь собиралъ бѣглецовъ изъ Украины, чтобы грянуть весною на польскихъ гетмановъ.—Днѣпръ измѣняетъ свой характеръ, разбиваясь на множество рукавовъ, текущихъ

посреди островковъ, называемыхъ здѣсь плавнями и большею частію заливаемыхъ весеннею водою. По приближеніи къ Никополю, я свернулъ на почтовую дорогу и случайно встрѣтилъ на ней крытую телѣгу со слѣпымъ бандуристомъ, ѣхавшимъ съ женою и дѣтьми. Остановившись, я подозвалъ его и сталъ разспрашивать, что ему извѣстно, а потомъ заставилъ пѣть, пытаясь услышать отъ него что-нибудь для меня неизвѣстное въ области малорусской пѣсенности. Бандуристъ перебралъ съ десятокъ думъ, но все это были давно извѣстныя и много разъ напечатанныя; даже варіанты его не представляли такихъ чертъ, на которыя слѣдовало бы обратить вниманіе. Этотъ бандуристъ подтвердилъ мнѣ слышанное мною близъ Ненасытецкаго порога объ Архипѣ, котораго называлъ своимъ учителемъ и говорилъ, что Архипъ знаетъ много такихъ думъ, которыя теперь уже всѣми забыты и, между прочимъ думу о подвигахъ атамана Сирка. Разставшись съ бандуристомъ, я прибылъ въ Никополь, гдѣ, кромѣ грязной почтовой станціи, нигдѣ не могъ пріютиться. Днѣпръ въ Никополѣ также покрытъ рядомъ зеленыхъ плавней, обросшихъ верболозомъ. Отсюда отправился я на почтовыхъ на то мѣсто, гдѣ была долгое время Запорожская Сѣчь, разоренная при Петрѣ Великомъ. Запорожцы ушли послѣ того ниже къ Алешкамъ, а черезъ сорокъ лѣтъ возвратились на прежнее пепелище и пребывали здѣсь до послѣдняго уничтоженія запорожской общины въ 1775 году. Слѣдуя въ виду Днѣпра по правому его берегу, прибылъ я въ село Капуловку и здѣсь наткнулся на каменный могильный крестъ. По надписи я увидѣлъ, что здѣсь погребено было тѣло одного запорожскаго воина, скончавшагося въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка. Мнѣ сообщили, что прежде было такихъ крестовъ много, но мало-по-малу они разнесены жителями на разныя хозяйственныя принадлежности и теперь осталось ихъ уже немного, въ томъ числѣ каменный крестъ на могилѣ знаменитаго Сирка, находящейся въ огородѣ одного жителя. Я проѣхалъ черезъ Капуловку въ смежное съ нею село Покровское, осмотрѣть запорожскую церковь. Я обратился тамъ къ священнику, который хотя и повелъ меня по желанію моему въ церковь, но не показалъ большой любезности при ея осмотрѣ. Въ церкви иконостасъ

новый, только остались почетныя мѣста для кошевогои писаря въ видѣ прилавочекъ, подобно тѣмъ, какіе дѣлаются иногда въ монастыряхъ. На хорахъ церкви свалены грудою остатки прежняго иконостаса, бывшаго еще при запорожцахъ. Осматривая тамъ образа, я не нашелъ ничего особенно выдающагося; видно было, что иконостасъ этотъ дѣлался не въ Запорожьѣ, а пріобрѣтенъ отъ художниковъ, жившихъ въ другихъ мѣстахъ. Возвращаясь въ Капуловку, я заходилъ въ одну хату, построенную еще въ запорожскія времена однимъ изъ запорожскихъ товарищей. Имя этого строителя хаты вырѣзано имъ ножемъ на сволокѣ. Дерево употребленное для постройки хаты, отличается массивностью и большою крѣпостью; внутренность хаты не представляетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ нынѣшними хатами; она не велика — объ одномъ только покоѣ и не имѣетъ комнаты, какъ иногда бываетъ въ малорусскихъ хатахъ зажиточныхъ людей. Осмотрѣвши эту хату, отправился я на могилу Сирка. Огородъ, въ которомъ находится этотъ историческій памятникъ запорожской старины, принадлежитъ одной крестьянской вдовѣ, недавно потерявшей мужа. Я увидѣлъ холмъ, обросшій со всѣхъ сторонъ посаженными подсолнечниками; на немъ возвышался сѣрый каменный крестъ съ надписью, гласившей, что здѣсь погребенъ Іоаннъ Димитріевичъ Сирко, кошевой атаманъ войска запорожскаго; далѣе слѣдуетъ день его преставленія. Мнѣ пришло сомнѣніе — дѣйствительно ли здѣсь сокрыты бренные останки славнаго казацкаго героя и не поставили ли запорожцы этотъ крестъ только въ память о немъ, такъ какъ изъ бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я зналъ, что Сирко, въ послѣдніе годы своей жизни, проживалъ близъ Харькова въ селѣ Мерефѣ, въ имѣніи, пожалованномъ ему царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Впрочемъ, лѣтописецъ Величко говоритъ, что онъ умеръ у себя на пасѣкѣ близъ Сѣчи и тѣло его было привезено казаками въ челнѣ для погребенія въ Сѣчу.

Обозрѣвая съ днѣпровскаго берега видъ на Днѣпръ, я былъ пораженъ обильною и яркою зеленью плавней и луговъ, раскинутыхъ на необозримыя пространства. Между множествомъ островковъ, поросшихъ верболозомъ, вились ярко-блестѣвшіе противъ солнца протоки Днѣпра. Одинъ

изъ островковъ до сихъ поръ носитъ названіе Сичи. По преданію, здѣсь въ укрѣпленіи находилась запорожская „скарбница“. Слѣды окоповъ видны до сихъ поръ, хотя берега этого островка, сильно подмытые водой, утратили свой первоначальный видъ. Я простился съ бывшимъ жилищемъ запорожскихъ казаковъ и отправился въ обратный путь въ Екатеринославъ, а черезъ недѣлю — по Днѣпру въ Кіевъ, куда долженъ былъ спѣшить по командировкѣ отъ Археологической Комиссіи для присутствія въ предварительномъ комитетѣ, собиравшемся въ Кіевѣ, по устройству третьяго археологическаго съѣзда, назначеннаго въ этомъ городѣ на 1874-й годъ. На пути туда я испыталъ, что значитъ путешествовать съ іудеями. Въ первомъ классѣ на пароходѣ, гдѣ я занялъ мѣсто, расположилась ихъ цѣлая толпа. Когда я вышелъ на палубу и потомъ воротился въ свою каюту, то увидалъ, что одинъ іудей безъ церемоніи сбросилъ на землю мой дорожный мѣшокъ и улегся на принадлежащее мнѣ мѣсто, подмостивши себѣ подъ ноги мою подушку. Я просилъ его сойти. Онъ не обращалъ вниманія, а другіе іудеи напустились на меня, какъ я смѣю трогать спящаго. Я обратился къ капитану; послѣдній вошелъ въ каюту, разбудилъ спящаго и заставилъ его перейти на свое мѣсто; но на другой день, уже недалеко отъ Кіева, я вышелъ на палубу и, возвратясь въ каюту, увидалъ, что на моей койкѣ залегъ другой іудей, также какъ и первый употребивши мою подушку себѣ подъ ноги. Я снова отправился къ капитану. Опять капитанъ пришелъ освобождать мою койку, но тогда другой, неспавшій іудей, придрался ко мнѣ и началъ говорить дерзости, замѣчая, что если бы его побезпокоили такимъ образомъ, такъ онъ не посмотрѣлъ бы на то, что я пожилой человѣкъ и употребилъ бы въ дѣло свои кулаки. Я обратился къ капитану и просилъ сообщить мнѣ имя оскорбляющаго меня господина, обѣщая, по пріѣздѣ въ Кіевъ, искать судебной управы на оскорбителя. Капитанъ потребовалъ отъ насъ обоихъ паспорты. Іудей, увидѣвши изъ паспорта мой чинъ и званіе командированнаго должностного лица, вдругъ смирился и началъ просить извиненія, но я сказалъ ему, что по пріѣздѣ въ Кіевъ, первымъ моимъ дѣломъ будетъ наказать судебнымъ порядкомъ

наглое нахальство. Когда пароходъ проплывалъ подъ желѣзнодорожный мостъ, іудей пытался заводить со мною разговоръ насчетъ искусства, съ которымъ построенъ мостъ, а я, вмѣсто отвѣта, припомнилъ ему уже выраженное разъ твердое намѣреніе раздѣлаться съ нимъ судомъ. Наконецъ, когда мы причалили къ Подолу, іудей сталъ предлагать мнѣ свои услуги относительно найма извозчика и рекомендовать помѣщеніе въ городѣ. Я снова припомнилъ ему его дерзость, сдѣлалъ ему внушеніе и, непринявши отъ него никакихъ услугъ, поѣхалъ въ гостинницу.

На другой же день, въ университетѣ св. Владимира, начались совѣщанія членовъ предварительнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова и продолжались девять дней. Намѣчены были темы рефератовъ, предполагавшихся къ чтенію на съѣздѣ; назначено раздѣлить съѣздъ на отдѣленія; предположено, кромѣ обычныхъ засѣданій, дать членамъ возможность осмотрѣть всѣ памятники кіевской старины, сдѣлать примѣрную раскопку кургановъ въ одной изъ окрестностей Кіева и совершить путешествіе по Днѣпру вверхъ до Вышгорода и внизъ до Канева.

Передъ отъѣздомъ изъ Кіева, я отправился вмѣстѣ съ П. П. Чубинскимъ посѣтить Братскій монастырь и, возвращаясь съ Подола черезъ Старый городъ, проѣхалъ мимо домика, въ которомъ 26 лѣтъ назадъ была послѣдняя моя квартира въ Кіевѣ, гдѣ я былъ арестованъ. На окнѣ того домика оказался выставленнымъ билетъ, объявляющій, что квартира отдается въ наемъ; я увидѣлъ возможность войти въ нее — и вмѣстѣ съ Чубинскимъ вступилъ во дворъ. Все было здѣсь такъ, какъ четверть вѣка тому назадъ, только деревья, окаймлявшія заборъ, во время оно молодыя, теперь стали большими и тѣнистыми. Я позвонилъ въ задней половинѣ дома; вышла хозяйка, молодая женщина лѣтъ тридцати и на мои вопросы о квартирѣ, повела насъ въ нее. Я вошелъ въ стеклянную галлерею, которую узналъ съ перваго раза, вошелъ въ комнаты — все было здѣсь по прежнему, словно какъ будто событіе, такъ потрясшее мою жизнь, происходило вчера. Заговоривши съ хозяйкой, я узналъ въ ней дочь хозяина, которая, во время моего житья въ ихъ домѣ, была маленькой дѣвочкой. Ея родителя теперь уже

не было въ живыхъ. Только разница въ цѣнѣ, за которую шла теперь эта квартира, указывала на большой промежутокъ времени, отдѣлявшій меня отъ той эпохи, куда неслись мои воспоминанія. За квартиру, которую отдавали мнѣ прежде за триста рублей въ годъ, просили теперь семьсотъ.

Я вышелъ изъ этого мѣста съ невольною грустью. Товарищъ мой, видя это, сталъ распрашивать о подробностяхъ моихъ послѣднихъ дней въ Кіевѣ въ оное время и, по поводу воспоминанія о предстоявшемъ въ то время моемъ бракѣ, спросилъ меня, имѣю ли я свѣдѣнія о судьбѣ той особы, которая была моею невѣстою. Я отвѣчалъ, что къ сожалѣнію — нѣтъ. Вечеромъ въ тотъ же день, когда я уже собирался спать, явился ко мнѣ Чубинскій и сообщилъ мнѣ, что случайно узналъ о бывшей нѣкогда моей невѣстой особѣ, что она живетъ подлѣ Прилукъ въ деревнѣ, овдовѣла, имѣетъ трехъ дѣтей и что въ настоящее время ее ждутъ въ Кіевъ. Во мнѣ еще живѣе пробудились воспоминанія молодости; мнѣ сильно захотѣлось еще хотя разъ въ жизни увидѣть Алину Леонтьевну и узнать о ея судьбѣ. Я написалъ къ ней письмо, которое просилъ Чубинскаго доставить по назначенію. На другой день письмо мое было доставлено: она только что пріѣхала изъ имѣнія. Къ вечеру я получилъ отвѣтъ — она раздѣляла мое желаніе повидаться съ ней и пригласила меня посѣтить ее. Вмѣсто молодой дѣвушки, какъ я ее оставилъ, я нашелъ пожилую даму и притомъ больную, мать троихъ полувзрослыхъ дѣтей. Наше свиданіе было столько же пріятно, сколько и грустно: мы оба чувствовали что безвозвратно прошло лучшее время жизни въ разлукѣ, тогда какъ нѣкогда оба надѣялись, что оно пройдетъ вмѣстѣ. Въ настоящее время она страдала жестокою хроническою болѣзнью, отъ которой искать исцѣленія пріѣхала въ Кіевъ, надѣясь получить совѣты отъ мѣстныхъ врачей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привезла послѣ каникулъ дѣтей своихъ для помѣщенія въ учебныя заведенія, гдѣ они воспитывались. Мнѣ было пріятно по крайней мѣрѣ то, что на старости лѣтъ я могъ находиться въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ тою, которую не переставалъ любить и искренно уважать. Пробывъ въ Кіевѣ еще два дня, я уѣхалъ въ Петербургъ.

XV.

Занятія и поѣздки. Болѣзнь. Тяжкая потеря. Отдыхъ..... [1]).

По возвращеніи въ столицу, я принялся за свою „Русскую Исторію въ жизнеописаніяхъ“ еще съ большимъ рвеніемъ чѣмъ прежде, потому что моимъ глазамъ становилось нѣсколько лучше и я иногда могъ читать и писать самъ. Съ наступленіемъ темныхъ дней глазамъ приходилось плохо, но къ веснѣ они снова оправились, и я могъ снова читать и писать, хотя съ большею противу прежняго умѣренностію и вполнѣ убѣждаясь, что зрѣніе мое все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Къ веснѣ 1874 года было у меня готово уже четыре выпуска моей „Исторіи“. Въ апрѣлѣ я поѣхалъ въ Полтавскую губернію, въ имѣніе особы, бывшей нѣкогда моей невѣстой, съ намѣреніемъ встрѣтить у нея весну, которой я уже такъ давно не видалъ въ Малороссіи. Я пробылъ въ сельцѣ Дѣдовцахъ (Прилукскаго уѣзда) три недѣли, пользуясь всѣми очарованіями весенней малорусской природы. Здѣсь, въ первый разъ въ жизни, я имѣлъ случай посѣтить малорусскую крестьянскую свадьбу, которая меня очень заняла, какъ новое для меня зрѣлище: обращаясь долго съ народомъ въ молодости, я никакъ не могъ встрѣтить случая повидать самое живое торжество народныхъ увеселеній и зналъ свадебную поэзію только по печатнымъ и въ разныхъ мѣстахъ записаннымъ пѣснямъ.

Въ половинѣ мая получилъ я отъ матушки письмо, понуждавшее меня скорѣе возвращаться въ Петербургъ, такъ какъ хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ, собирался сдѣлать перестройки — и надобно было куда нибудь выбираться. Я поспѣшилъ домой. Предстояло либо искать другой квартиры, либо временно перейти на дачу, а на зиму воротиться въ прежнюю, вновь отдѣланную квартиру. Мой хозяинъ надстраивалъ у себя въ домѣ четвертый этажъ, и для этого счелъ необходимымъ утолщить стѣну третьяго этажа, въ которомъ я жилъ. Нѣкоторые знакомые предупреждали меня, что послѣ такого измѣненія оставаться въ этой квартирѣ — значитъ

---

[1]) Это — намѣченное карандашемъ оглавленіе, которое предполагалось дополнить или измѣнить при продолженіи текста. *А. Л. К.*

рисковать здоровьемъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, я обратился къ одному знакомому архитектору и онъ увѣрилъ меня, что утолщеніе стѣнъ будетъ такъ незначительно, что успѣетъ за одно лѣто просохнуть и не будетъ никакого риска для здоровья. Положившись на мнѣніе архитектора, я рѣшился удержать за собою квартиру, тѣмъ болѣе, что къ ней я слишкомъ привыкъ, а переходъ на другую сопрягался для меня съ чрезвычайными трудностями: приходилось, во-первыхъ, искать квартиры, что не совсѣмъ легко въ Петербургѣ для небогатыхъ людей, желающихъ имѣть просторный кабинетъ для помѣщенія въ немъ библіотеки,— во-вторыхъ, перевозка самой библіотеки — трудъ не малый и отвлекающій на долго отъ обычныхъ занятій. Оставивъ за собою квартиру, какъ оказалось впослѣдствіи — себѣ на горе, я переѣхалъ на дачу на Петровскомъ Островѣ, близъ самаго мѣста, ведущаго съ Петровскаго Острова на Крестовскій. Дача эта, хотя была на сыромъ мѣстѣ, но нравилась мнѣ своимъ превосходнымъ видомъ на Неву, протекающую у самаго балкона дачи. Такъ какъ мои глаза въ это время нѣсколько оправились, то я, поселившись на дачѣ, принялся писать собственноручно историческую повѣсть Кудеяра, взявши сюжетъ изъ эпохи Ивана Грознаго. Сверхъ того, здѣсь же я написалъ статью „Царевичъ Алексѣй Петровичъ“, помѣщенную въ открывшемся послѣ того журналѣ „Древняя и новая Россія“. Дачное время проходило для меня очень пріятно: меня посѣщали добрые знакомые, съ которыми по вечерамъ игралъ я на билліардѣ и велъ дружескую бесѣду; изъ нихъ чаще всего посѣщали меня старинный пріятель Данило Лукичъ Мордовцевъ и Димитрій Ефимовичъ Кожанчиковъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля, съ этой дачи, я отправился въ Кіевъ на археологическій съѣздъ, назначенный съ 1-го по 20-е августа, оставивши матушку на дачѣ и предоставивъ ей перебраться въ концѣ августа на отдѣланную нашу городскую квартиру.

Третій археологическій съѣздъ, изъ всѣхъ происходившихъ до сихъ поръ, былъ самый замѣчательный и интересный. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ постарался заранѣе пригласить къ нему иностранныхъ славянскихъ ученыхъ изъ Чехіи, Сербіи и Франціи. Мѣстное археологическое бо-

гатство города Кіева придавало этому ученому собранію живой интересъ. Въ зданіи университета устроена была археологическая выставка разныхъ вещественныхъ памятниковъ старины, но, къ сожалѣнію, распорядители не успѣли составить во-время подробнаго и отчетливаго каталога. Каждый день было по два засѣданія утромъ и вечеромъ; на этихъ засѣданіяхъ читались рефераты по разнымъ отраслямъ археологической науки. Въ назначенные заранѣе дни, члены съѣзда совершали ученыя поѣздки по Кіеву, для осмотра старинныхъ церковныхъ зданій и мѣстностей, для уразумѣнія положенія древняго Кіева. Когда мы такимъ образомъ пріѣхали въ Кіево-Софійскій соборъ, одинъ изъ мѣстныхъ протоіереевъ встрѣтилъ ученую братію такимъ вопросомъ: „не пожаловали-ли вы сюда отыскивать доказательства, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны?“ На это графъ Уваровъ, предсѣдатель съѣзда отвѣтилъ: „мы не шагаемъ въ такую даль“.

Совершались путешествія и за предѣлы города Кіева. Первое направлено было въ село Гатное, гдѣ совершена была раскопка двухъ древнихъ кургановъ, поросшихъ лѣсомъ. Въ этихъ курганахъ найдено было нѣсколько скелетовъ и глиняныхъ сосудовъ. Черезъ нѣсколько дней члены съѣзда отправились на пароходѣ по Днѣпру внизъ, останавливались и дѣлали раскопки въ селѣ Витичевѣ на мѣстѣ древняго города, но ничего не нашли тамъ; можно было видѣть только слѣды старинныхъ окоповъ и кирпичные остатки какихъ-то построекъ. Болѣе интереса представило посѣщеніе Трехтемирова, гдѣ находилась когда-то главная столица малороссійскаго казачества и гдѣ существовалъ монастырь, въ которомъ хранилась казацкая казна и погребались трупы умершихъ казацкихъ товарищей. Теперь нѣтъ никакихъ остатковъ этого монастыря, но за то въ нагорной почвѣ мѣстности, гдѣ онъ находился, отыскивается чрезвычайное множество человѣческихъ костей. Недалеко отъ бывшаго монастыря есть старыя пещеры, которыя обвалились: невозможно было опредѣлить къ какому времени онѣ относятся. На возвратномъ пути изъ Трехтемирова, члены съѣзда проминули Кіевъ и направились къ Вышгороду. Здѣсь осмотрѣли мѣсто, гдѣ находился Спасо-Межигорскій монастырь, принадлежав-

шій запорожцамъ, посѣтили Межигорскую фаянсовую фабрику и направились къ старой церкви древняго Вышгорода, стоящей на высокой горѣ. Мѣстный священникъ сообщилъ, что здѣсь отыскивалось нѣсколько старыхъ вещей въ могилахъ погребенныхъ тамъ въ древнія времена людей. Члены принялись тотчасъ разрывать почву около церкви и увидали на довольно большомъ пространствѣ кирпичные фундаменты, показывавшіе, что здѣсь находились когда-то значительныя каменныя постройки. Мѣстоположеніе Вышгорода замѣчательно своею красотою и прекрасными видами съ вершины холмовъ на Днѣпръ и его лѣвые берега. Возвращаясь изъ Вышгорода уже ночью, пароходъ наткнулся на какой-то плотъ и чуть-было не потонулъ; поспѣшили на-скоро выливать воду, наполнившую каюту, и гнать пароходъ къ берегу Подола, чтобъ успѣть достигнуть его прежде, чѣмъ пароходъ могъ опуститься на дно.

Изъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ съѣзда, любопытны были особенно тѣ, которые относились къ земляннымъ раскопкамъ, совершеннымъ въ юго-западномъ краѣ Россіи, и изъ нихъ первое мѣсто занимали труды варшавскаго профессора Самоквасова, производившаго поиски въ окрестностяхъ Чернигова и привезшаго на съѣздъ множество разныхъ металлическихъ, костяныхъ и каменныхъ вещей, вырытыхъ изъ могилъ языческаго періода. По признакамъ найденныхъ вещей, видно было, что трупы покойниковъ подвергались сожженію, вмѣстѣ съ ихъ вооруженіемъ и при этомъ, какъ должно думать, на ихъ могилахъ убивались домашнія животныя и рабы. О времени, къ которому принадлежали эти курганы, можно было приблизительно судить только по двумъ византійскимъ монетамъ VIII и IX вѣка, найденнымъ въ раскопанныхъ могилахъ. Судя по искусству обработки вещей, здѣсь отысканныхъ, онѣ должны быть туземными произведеніями или, быть можетъ, полученными изъ сѣверной Россіи.

Кромѣ рефератовъ, относившихся къ курганнымъ древностямъ, замѣчательны были рефераты мѣстныхъ ученыхъ, касавшіеся казацкой исторіи края и его этнографіи. Изъ нихъ учитель кіевской гимназіи Житецкій читалъ любопытный рефератъ о Пересопницкомъ Евангеліи, памятникѣ

XVI вѣка, замѣчательномъ по языку: переводъ сдѣланъ на мѣстное нарѣчіе, очень похожее на нынѣшнее малорусское. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же референтъ сообщилъ ученыя изслѣдованія объ исторіи образованія и измѣненія малорусскаго нарѣчія. Столько же важными были рефераты профессора кіевскаго университета Драгоманова, касавшіеся малорусскихъ думъ и историческихъ пѣсенъ, которыя предъ тѣмъ явились въ свѣтъ въ изданіи профессоровъ кіевскаго университета Драгоманова и Антоновича. Профессоръ петербургскаго университета Миллеръ вступилъ съ ними въ оживленный споръ относительно малорусскихъ думъ и ихъ связи съ великорусскими былинами. Для большаго ознакомленія членовъ съѣзда съ мѣстною народною поэзіею, приглашенъ былъ народный пѣвецъ бандуристъ Вересай. Многіе изъ членовъ первый разъ въ жизни познакомились съ пріемами малорусскаго историческаго пѣнія и вообще это пѣніе имѣло важное значеніе, потому что самъ Вересай былъ уже одинъ изъ очень немногихъ пѣвцовъ, знавшихъ старинныя казацкія думы и сопровождавшихъ пѣніе игрой на бандурѣ: бандуристы во всей Малороссіи въ настоящее время почти совершенно исчезаютъ. Всякому безпристрастному слушателю было понятно и должно было показаться вполнѣ естественнымъ и такъ-сказать законнымъ, если на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ историческая народная поэзія казацкаго періода составляла одинъ изъ крупнѣйшихъ предметовъ ученой обработки; но не такъ взглянули на это газеты, привыкшія вездѣ отыскивать политическія цѣли и даже тамъ, гдѣ, повидимому, странно было искать ихъ. По окончаніи съѣзда, въ кіевской газетѣ „Кіевлянинъ“ начались печататься разные толки объ украинофильствѣ, приписывались референтамъ, читавшимъ о малорусской поэзіи, постороннія цѣли; съ ихъ голоса о томъ же заговорили столичныя газеты, особенно „Голосъ“, такъ что самъ противникъ кіевскихъ ученыхъ на съѣздѣ, профессоръ Миллеръ, принужденъ былъ стать въ печати защитникомъ своихъ бывшихъ противниковъ. Подозрѣнія, взводимыя тогда на кіевскихъ ученыхъ, были до крайности неумѣстны и вредны въ томъ отношеніи, что на будущее время стѣсняли свободу выбора предметовъ, касавшихся мѣстной

исторіи, литературы и этнографіи: послѣ того каждому становилось опасно пуститься на съѣздахъ въ толкованія о подобныхъ предметахъ науки, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ въ подобномъ родѣ, а между тѣмъ, если археологическіе съѣзды предположено собирать по очереди въ разныхъ краяхъ Россіи, то естественно надобно ожидать и желать, чтобы наибольшая и наилучшая часть рефератовъ относилась къ предметамъ мѣстной исторіи и археологіи. Я съ своей стороны выразилъ участіе свое на этомъ съѣздѣ чтеніемъ реферата объ образованіи княжеской дружины, о ея значеніи въ древнее время и о ея измѣненіяхъ въ послѣдующемъ бытѣ русскаго народа. Этотъ рефератъ не былъ напечатанъ, и самая рукопись моя оказалась затерянною.

По окончаніи съѣзда, я отправился въ село Дѣдовцы и, прогостивши нѣсколько дней у Алины Леонтьевны, возвратился въ Петербургъ. Со мною пріѣхала въ Петербургъ двѣнадцатилѣтняя дочь Алины Леонтьевны, Софія, которую я вызвался отвезти въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный институтъ), куда она была принята по баллотировкѣ. Я навѣщалъ ее по праздничнымъ днямъ въ теченіе осени и первой половины зимы. Продолжая во все это время заниматься „Русской Исторіей въ жизнеописаніяхъ“, я уже принялся за шестой ея выпускъ, какъ сталъ замѣчать какое-то утомленіе и чрезмѣрную раздражительность — и во второй половинѣ января 1875 года захворалъ тифомъ. Въ самый тяжкій періодъ развитія моей болѣзни, 1-го февраля, скончалась моя матушка, также отъ тифа, осложнившагося крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. Я былъ въ то время въ безпамятствѣ. Происходили консультаціи врачей, пользующихся заслуженною извѣстностію; они находили мое состояніе безнадежнымъ. Попеченія и уходъ за мною Николая Ивановича Котенина и доктора Димитрія Андреевича Муринова спасли меня отъ смерти. Съ безпредѣльною благодарностію вспоминаю о добротѣ, терпѣніи и самопожертвованіи этихъ лицъ, а также и многихъ другихъ пріятелей и знакомыхъ, великодушно принявшихъ въ то время на себя трудъ ухаживанія за мной и моею матерью.

Тоска по матушкѣ замедляла ходъ моего выздоровленія; силы возстановлялись вяло; зрѣніе упало совершенно. Врачи предписали мнѣ безусловный покой и отдыхъ, запретили какое бы то не было напряженіе мысли и зрѣнія и въ половинѣ апрѣля услали меня изъ Петербурга на поправку въ деревню.

9-го мая 1875 года я обвѣнчался съ Алиной Леонтьевной въ селѣ Дѣдовцахъ.

Къ моимъ трудамъ надъ шестымъ выпускомъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“, я приступилъ только въ концѣ 1875 года.

Въ іюнѣ 1876 года предпринялъ я путешествіе въ монастыри, находящіеся на Ладожскомъ озерѣ, куда уже мнѣ давно хотѣлось поѣхать. Я отправился вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Д. Г. Лебединцевымъ 18-го іюня на пароходѣ „Коневецъ“ съ пристани, близъ Смольнаго. Этотъ пароходъ не отличается ни удобствомъ помѣщенія, ни опрятностью, ни правильностью хода; несмотря на его небольшую величину, въ немъ набилось такое множество пассажировъ, что на палубѣ такъ же трудно было протолпиться, какъ въ церкви во время праздничнаго богослуженія, и какъ только толпа пасажировъ скучивалась въ одну сторону палубы, такъ пароходъ наклонялся и пугалъ погруженіемъ; капитанъ безпрестанно кричалъ съ своей вышки, чтобы публика отходила въ другую сторону. Вонь была нестерпимая. Большинство пассажировъ принадлежало къ простонародію и состояло главнымъ образомъ изъ богомольцевъ, но въ числѣ плывшаго народа было достаточное число чухонъ, такъ какъ пароходъ имѣлъ крайнимъ предѣломъ своего плаванія Сердоболь, куда чухны, возвращавшіеся изъ Петербурга, намѣревались пристать, чтобы оттуда отправиться внутрь Финляндіи, куда кому было нужно. Въ первомъ классѣ было нѣсколько дамъ, главнымъ образомъ изъ купеческаго быта. Когда мы поплыли по Невѣ, я увидѣлъ большую перемѣну на ея берегахъ послѣ того, какъ я видалъ ихъ десять лѣтъ тому назадъ; по крайней мѣрѣ верстъ на двадцать отъ Петербурга, все было заселено и представляло какъ бы непрерывное продолженіе города; кромѣ фабрикъ

и заводовъ, здѣсь виднѣлось множество дачъ, между которыми попадались лавочки, очевидно заведенныя торгашами, съ цѣлью снабжать дачниковъ припасами. Между фабриками и заводами всего болѣе бросались въ глаза фарфоровый и два литейныхъ завода на лѣвомъ берегу Невы; на томъ же берегу возвышались опустѣлыя огромныя постройки закрытой Александровской мануфактуры, еще такъ недавно снабжавшей Россію ситцевыми издѣліями. Послѣ пятичасового плаванія вверхъ по теченію, мы прибыли въ Шлиссельбургъ, который, сколько могъ я замѣтить съ палубы парохода, не представлялъ никакихъ измѣненій противъ того вида, въ какомъ я зналъ его прежде; но когда мы проминули одинъ за другимъ два Ладожскіе канала — старый Петровскій или Миниховскій и новый, уже сдѣланный въ нынѣшнее царствованіе, ближе къ берегу озера и вступили въ широкую гладь Ладожскаго озера, намъ предстала крѣпость, хотя съ вида такая же мрачная и унылая, но уже далеко не такая страшная и зловѣщая. Я узналъ, что она въ недавнее время совсѣмъ упразднена и всѣ крѣпостныя орудія сняты со стѣнъ ея.

Плаваніе наше по озеру до Коневецкаго монастыря не совсѣмъ было пріятно: сдѣлалась качка, многіе подверглись морской болѣзни, въ томъ числѣ и я. Лимоны, которыми я, по данному мнѣ совѣту, запасся какъ предохранительнымъ средствомъ отъ вліянія качки, мнѣ ни мало не помогли. Мы плыли по открытому озеру; только вдали, по крайней мѣрѣ верстахъ въ двадцати, виднѣлись по временамъ финляндскіе берега. Мы прибыли въ Коневецъ позже нежели пароходъ обыкновенно пристаетъ къ этому монастырю, было уже десять часовъ вечера. Монастырь стоитъ возлѣ самой пристани, и за его оградою, надъ берегомъ, построенъ трехъэтажный домъ монастырской гостинницы. Всѣ пассажиры, по прибытіи къ берегу, отправились туда по довольно красивой аллеѣ. Гостинница такъ обширна, что могла помѣстить не только такое количество пассажировъ, которое въ тотъ день привезъ нашъ пароходъ, но еслибы нужно было —

и вдвое болѣе. Намъ отвели комнату довольно опрятную, потому что гостинница построена недавно, но постельное бѣлье не удовлетворяло вкусу, сколько нибудь привыкшему къ чистотѣ. Утромъ, часа въ три, всѣхъ помѣстившихся пассажировъ начали будить звонки, приглашавшіе благочестивыхъ людей къ заутрени; звонили такъ сильно и такъ долго, что спать долѣе было невозможно. Одѣвшись, я отправился по указанію служителя изъ монастырскихъ послушниковъ купаться, пробрался черезъ еловую рощу и спустился съ песчанаго и довольно крутого берега къ озеру, куда указалъ мнѣ совѣтъ послушника; мѣсто было очень мелкое, дно каменистое, а вода до того холодная, что едва можно было продержаться двѣ минуты въ водѣ. Воротившись съ купанья, я отправился въ церковь, прослушалъ раннюю обѣдню и такъ какъ до отплытія парохода оставалось еще нѣсколько времени, то мы отправились смотрѣть на знаменитый „Конь-камень“, давшій названіе и острову и построенному на немъ монастырю. Мы шли стройнымъ еловымъ лѣсомъ съ версту и набрели на гранитную скалу, на вершинѣ которой построена была деревянная часовня, съ ведущей къ ней по скалѣ деревянной лѣстницей. Объ этой скалѣ сохранилось такое преданіе. Въ тѣ времена, когда христіанство не успѣло еще распространиться въ этихъ предѣлахъ, здѣсь было языческое мольбище; пребывавшіе во мракѣ язычества чухны, приходили сюда совершать требы своимъ богамъ и приносили имъ въ жертву жеребятъ. Боги эти, какъ вообще понимали христіане, языческія божества, были на самомъ дѣлѣ бѣсы и творили передъ своими поклонниками ложныя чудеса или „мечты бѣсовскія“. Пришелъ на островъ святой пустынникъ Арсеній и своею молитвою изгналъ бѣсовъ; со страшнымъ громомъ, повинуясь святому мужу, удалились они и покинули островъ, гдѣ основалась христіанская обитель. Это относятъ къ концу XIV вѣка. Мощи преподобнаго Арсенія лежатъ, какъ говорятъ, въ монастырѣ, но подъ спудомъ; на мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ его погребеннымъ, поставлена серебренная рака, очень изящной работы съ вычеканеннымъ изображеніемъ св. Арсенія на верхней доскѣ. Гробъ этотъ стоитъ въ нижней церкви монастыря. Тамъ же находится икона Богородицы, принесен-

ная, по преданію, этимъ Арсеніемъ, и признаваемая чудотворною. Оставивъ дальнѣйшее обозрѣніе Коневца на будущее время, когда придется возвращаться изъ Валаама, мы сѣли на пароходъ въ $8^1/_2$ часовъ утра и поплыли далѣе.

Пространство между Коневцомъ и Валаамомъ менѣе того, которые мы проплыли отъ Шлиссельбурга до Коневца: вмѣсто ста двадцати верстъ, сдѣланныхъ въ предшествовавшій день, намъ предстояло проплыть только семьдесятъ — и въ часъ пополудни мы увидѣли берега Валаамскихъ острововъ. Это архипелагъ, состоящій изъ сорока островковъ, изъ которыхъ только два имѣютъ нѣсколько значительное протяженіе; другіе до того малы, что простираются не болѣе какъ на нѣсколько саженей. Они расположены близко другъ отъ друга и раздѣлены между собою извилистыми проливами; берега этихъ острововъ чрезвычайно живописны и могутъ служить самымъ лучшимъ образчикомъ той сѣверной своеобразной красоты, которая даетъ право Финляндіи назваться одною изъ живописнѣйшихъ странъ въ Европѣ. Въ мѣстоположеніи Валаамскихъ острововъ чувствуется что-то величественное и даже страшное. Гранитные камни, нагроможденые природою другъ на друга, усѣяны безчисленнымъ множествомъ елей, растущихъ причудливо съ такимъ малымъ запасомъ земли для корней, что невольно удивляешься — какъ могли они существовать; кое гдѣ попадается рядомъ съ темною елью бѣлая береза. Очертанія скалъ и растущихъ на нихъ деревъ, представляютъ такое разнообразіе, что невольно забывается однообразность матеріаловъ, образующихъ эти дивные виды. Не менѣе придаетъ прелести кривое направленіе проливовъ между островками. Капитанъ, изъ любезности къ пассажирамъ, поплылъ къ монастырю не ближайшимъ прямымъ путемъ, а ломанными линіями проливовъ, мимо нѣсколькихъ скитовъ, съ возвышавшимися на скалахъ церквами и въ разныхъ мѣстахъ поставленными часовнями и крестами. Наконецъ, мы вошли въ самый большой проливъ и предъ нами, на возвышеніи скалы, предстала главная монастырская церковь, покрытая бѣлою жестью. У самаго монастыря сдѣлана пристань и едва мы причалили къ берегу, какъ на пароходъ вскочила толпа послушниковъ съ готовностью забирать наши вещи и провожать насъ въ го-

стинницу. Мы поднялись на скалу по гранитной лѣстницѣ и очутились въ монастырскомъ дворѣ. Рядомъ, недалеко отъ воротъ внутренняго двора, гдѣ была церковь и иноческія келіи, построена монастырская гостинница, еще обширнѣе Коневецкой и, какъ казалось, гораздо удобнѣе. Насъ помѣстили въ чистой и свѣтлой комнатѣ; постельное бѣлье здѣсь было безукоризненной чистоты. На стѣнѣ вывѣшены были писанныя правила, служащія наставленіемъ для посѣтителей: какъ имъ жить и вести себя во время пребыванія въ монастырѣ. Каждый посѣтитель дѣлался на это время какъ бы членомъ монашеской общины и долженъ былъ подчиняться установленной дисциплинѣ. Объявленіе это гласило, что никто не долженъ безъ игуменскаго благословенія ходить по острову. Запрещалось стрѣлять, разводить огонь и курить табакъ. Никто изъ посѣтителей не долженъ давать монахамъ и послушникамъ ни денегъ, ни какихъ либо вещей, не могъ привозить съ собою съѣстного, а наипаче вина и мяса, и долженъ былъ довольствоваться монастырскими яствами. Такъ какъ время было обѣденное, то намъ предложили вкусить отъ монастырской трапезы, принесли куски чернаго и бѣлаго хлѣба, щи съ кислой капустой, гречневую кашу съ постнымъ масломъ и, что-то вродѣ ухи съ рыбой, а для питья поставили монастырскаго квасу и воды со льдомъ. Кушанье, несмотря на крайнюю простоту, показалось мнѣ вкуснымъ, тѣмъ болѣе, что постное масло для каши было безукоризненной свѣжести, и весь обѣдъ былъ сервированъ очень опрятно.

Послѣ обѣда, молодой послушникъ, явившись къ нашимъ услугамъ спеціально по назначенію отъ игумена, предложилъ намъ посѣтить одинъ изъ скитовъ, толпа пассажировъ потянулась изъ гостинницы къ пристани и размѣстилась въ трехъ большихъ монастырскихъ лодкахъ. Мы сѣли вмѣстѣ съ нашимъ проводникомъ въ одну изъ нихъ, выбравши самую немноголюдную, и направились къ Никольскому скиту проливомъ, въ виду живописныхъ извилистыхъ береговъ, проплыли мимо трехъ островковъ, расположенныхъ одинъ за другимъ и покрытыхъ кустарниками. Мы прибыли къ Никольскому скиту, находящемуся на высокомъ островѣ; церковь здѣсь новая, построенная

назадъ тому не болѣе пятнадцати лѣтъ. Начали служить молебенъ Николаю Чудотворцу. Фигура святого сдѣлана деревянною статуею, одѣтою въ архіерейское облаченіе, въ расшитыхъ шелковыхъ башмакахъ. Статуя эта напоминала что-то католическое, но разница была та, что въ католическихъ церквахъ статуи обыкновенно стараются дѣлать съ соблюденіемъ по возможности изящныхъ формъ,—эта же деревянная статуя въ православномъ храмѣ могла назваться скорѣе куклою и для глазъ, сколько нибудь привыкшихъ требовать правильности или изящества, представлялась безобразною и невольно наводила на грѣшныя мысли о подобіи съ языческимъ истуканомъ. Богомольцы изъ простонародія не сознавали этого и съ благоговѣніемъ становили передъ нею свѣчи. Я не могъ удержаться, чтобъ не замѣтить провожавшему насъ послушнику, что православная церковь вовсе не одобряетъ не только такихъ безобразныхъ, но и никакихъ горельефныхъ изображеній; онъ пожалъ плечами и долженъ былъ согласиться съ этимъ, но въ извиненіе монастыря сказалъ, что это — благочестивое приношеніе того христолюбца, который, по своему усердію, построилъ этотъ храмъ. Церковь обсажена березами.

Мы возвратились тѣмъ же путемъ въ монастырь и проводникъ провелъ насъ по террасѣ, устроенной надъ крутымъ обрывомъ скалы, что напомнило мнѣ Георгіевскій монастырь въ Крыму, съ тою разницею, что въ послѣднемъ морскія волны ближе подходятъ къ подножію террасы, чѣмъ здѣсь озеро. Мы дошли этимъ путемъ на монастырское кладбище; нѣсколько гранитныхъ плитъ съ надписями положены были на могилахъ иноковъ и надписи на нихъ свидѣтельствовали о долговѣчности здѣсь погребенныхъ. Такимъ образомъ, изъ десяти лежащихъ въ рядъ, большая часть дожила до 80-ти лѣтъ, а немногіе умерли между 75 и 80-ю, одинъ же скончался 88-хъ лѣтъ. Въ числѣ могилъ, послушникъ указалъ намъ на миѳическую могилу шведскаго короля Магнуса, о которомъ, какъ извѣстно, сложилась легенда, будто этотъ король, послѣ несчастливой для себя войны съ новгородцами, приплылъ къ Валаамскому монастырю, обратился въ православіе и принялъ схиму. Легенда эта давно уже опровергнута еще Карамзинымъ, тѣмъ не менѣе, монахи считаютъ несом-

нѣннымъ историческимъ фактомъ эту сказку и опираются главнымъ образомъ на то, что нѣкогда, какому-то чухонцу во снѣ явился король Магнусъ и приказалъ идти на Валаамъ и поклониться его могилѣ.— Обошедши кладбище, мы возвратились въ гостинницу, а вскорѣ потомъ ударили ко всенощной. Мы отправились въ церковь. Сколько я могъ помнить, никогда еще не доводилось мнѣ стоять такой длинной всенощной, она продолжалась четыре съ половиною часа. Впрочемъ, въ церкви устроено довольно мѣстъ для сидѣнья старикамъ и слабымъ тѣломъ. Пѣніе на Валаамѣ оригинальное, дышетъ стариною и нѣсколько напоминаетъ старообрядческое. Нельзя сказать, чтобы при этой продолжительности, чтеніе каѳизмъ и всего другого отличалось особенною внятностью и изяществомъ произношенія, читаютъ здѣсь тѣмъ же способомъ какъ вездѣ дьячки и даже довольно скоро, такъ что хотя я находился недалеко отъ чтеца, но съ трудомъ могъ слѣдить за содержаніемъ того, что онъ читалъ. Продолжительность богослуженія происходитъ оттого, что здѣсь пунктуально соблюдается вся формалистика обрядовъ, напримѣръ: тамъ, гдѣ по уставу слѣдуетъ произнести сорокъ разъ „Господи помилуй“, считается грѣхомъ пропустить какой нибудь разъ, а иное поется сообразно уставу по три раза сряду; также замедляетъ богослуженіе обычай канонархаціи стихирей; каждое выраженіе стихиря сперва громко произноситъ канонархъ, а потомъ уже, со словъ его, поетъ клиръ. Въ Петербургѣ въ церквахъ нѣтъ ничего подобнаго; здѣсь, вмѣсто восемнадцати псалмовъ, назначенныхъ въ двухъ каѳизмахъ, читаютъ не болѣе шести, а иногда только три, да и то не доканчиваютъ, а останавливаются на срединѣ псалма; здѣсь, въ Петербургѣ извиняютъ себя извѣстнымъ наставленіемъ апостола Павла, который говоритъ, что лучше пять словъ произнести со смысломъ и чувствомъ, чѣмъ расточать пустое многоглаголанье, да и слова самого Христа: во многомъ глаголаніи нѣтъ спасенія — приводятся въ оправданіе отступленій отъ формалистики устава; на Валаамѣ же думаютъ угодить Богу и соблюсти обѣтъ благочестія, строгимъ исполненіемъ всей этой формалистики. По выходѣ изъ церкви, намѣстникъ игумена, отецъ Викторъ, сказалъ мнѣ, что на Валаамѣ есть монахъ, бывшій нѣкогда моимъ слуша-

телемъ въ петербургскомъ университетѣ, и игуменъ благословилъ ему повидаться со мною. Этотъ монахъ не замедлилъ явиться. Я не припомнилъ его. По его словамъ, онъ, по окончаніи курса, возжелалъ удалиться отъ міра и поступилъ въ строжайшій изъ русскихъ монастырей; его зовутъ отецъ Пименъ. Это человѣкъ между тридцатью и сорока годами, красивой наружности, но сильно исхудавшій, вѣроятно, отъ постовъ и общаго удрученія плоти. Онъ обратился ко мнѣ съ любовнымъ расположеніемъ и сказалъ, между прочимъ, что когда въ 1875 году я былъ боленъ тифомъ, то изъ газетъ узнали объ этомъ въ монастырѣ и, съ благословенія игумена, молились о моемъ выздоровленіи. Самъ отецъ Пименъ завѣдуетъ монастырскою канцеляріею.

На другой день, послѣ ранней обѣдни, мы сказали нашему послушнику, чтобы онъ испросилъ благословенія игумена отправиться намъ по острову въ ближайшій изъ скитовъ. Черезъ нѣсколько минутъ этотъ послушникъ известилъ насъ, что игуменъ благославляетъ; мы отправились за монастырскія ворота по дорогѣ, сначала мимо садовъ, потомъ черезъ лѣсъ. Здѣсь мы увидали, что окрестность монастыря обработана превосходно, это доказывало множество плодовыхъ деревьевъ, какія только могутъ, хотя бы и съ трудомъ, прозябать въ этомъ негостепріимномъ климатѣ; самый лѣсъ, по которому мы прошли версты три, не ограничивался здѣсь обычными хвойными деревьями и березами,— мы встрѣчали здѣсь посаженные дубы, липы, клены, кедры и даже каштаны. Вся дорога была тщательно убита пескомъ. Роща эта представляла видъ благоустроеннаго парка. Скитъ, куда мы направились, былъ запертъ, и, пройдши по той же дорогѣ еще съ версту, мы воротились назадъ, потому что мошки рѣшительно не давали возможности слѣдовать далѣе. Не успѣли мы достигнуть до своей гостинницы, какъ нашъ послушникъ, встрѣтивъ насъ на пути, пригласилъ насъ отъ имени игумена, отца Дамаскина, къ нему и при этомъ сказалъ, что игуменъ, узнавши, что мы отправились „самочинно“ въ лѣсъ, былъ этимъ очень недоволенъ. „Да не вы ли сами сказали, что игуменъ далъ свое благословеніе“? замѣтилъ я послушнику.— Да, отвѣчалъ послушникъ, но вы пошли сами въ лѣсъ, не взявши

меня; игуменъ позволилъ; а потомъ вѣрно забылъ, только насъ за то распекалъ.— „Вы бы ему объяснили“, сказалъ я.— Мы не смѣемъ отговариваться и оправдываться,— отвѣтилъ послушникъ.

Пришедши къ игумену, мы увидали восьмидесятилѣтняго старца, отъ слабости едва державшагося на ногахъ и постоянно подпиравшагося палкою. Онъ принялъ насъ ласково, но не могъ долго вести разговора по причинѣ старческой слабости, только надѣлилъ насъ образками святыхъ Сергія и Германа, просфорами и экземплярами, составленнаго отъ его имени описанія Валаамскаго монастыря въ 1/8 долю листа съ картинами, изображавшими видъ Валаама. Сколько можно было судить по собственнымъ его пріемамъ и по отзывамъ объ немъ братіи, это человѣкъ въ высокой степени замѣчательный, какъ организаторъ и правитель.

Онъ игуменствуетъ на Валаамѣ съ 1839 года и успѣлъ поставить себя такъ, что вся братія ему безусловно повинуется и предъ нимъ благоговѣетъ. Важное его достоинство то, что онъ человѣкъ безукоризненно честный, прямой и чрезвычайно трудолюбивый. Это не изъ рода тѣхъ настоятелей, которые пользуясь людской властью, обращаютъ брата и послушниковъ въ своихъ рабовъ. Содержатъ ихъ въ проголодь и прохолодь, а сами пользуются всѣми благами, какія могутъ доставить имъ монастырскіе доходы, да еще надѣляютъ ими свою родню, а иногда и племянниковъ подозрительнаго свойства. Онъ никогда не имѣлъ своего отдѣльнаго стола и обѣдалъ всегда съ братіею на трапезѣ, только въ послѣдніе годы, по крайней слабости, ему стали приносить пищу въ келію, но все-таки отъ общей трапезы. Принуждая всѣхъ монаховъ трудиться, самъ отецъ Дамаскинъ не только не уклонялся отъ равнаго съ ними труда, но всегда первый брался за всякую работу, показывая всѣмъ примѣръ. Такъ, во время покоса, вся братія должна идти съ косами и граблями, и самъ игуменъ первый начиналъ покосную работу; также неутомимо онъ занимался садоводствомъ, которое особенно любилъ. Его стараньемъ построена новая гостинница, проведена вода изъ озера вверхъ черезъ подземныя трубы, учрежденъ цѣлый корпусъ ремесленни-

ковъ, занимающихся различными искусствами. Монастырь принимаетъ къ себѣ мальчиковъ и выпускаетъ ихъ, обучивши разнымъ ремесламъ, смотря по способностямъ каждаго. Въ настоящее время такихъ учениковъ въ монастырѣ до тридцати человѣкъ, преимущественно изъ чухонъ. Въ особомъ зданіи помѣщаются чернорабочіе, большею частію также чухны. Монастырь принимаетъ ихъ всѣхъ охотно, несмотря на то, что они большею частью лютеране, только съ непремѣннымъ условіемъ не курить табаку. Отецъ Дамаскинъ запрещаетъ братіи заводить съ иновѣрцами, посѣщающими монастырь, суетныя пренія о вѣрѣ, хотя съ радостію принимаетъ того, кто добровольно, по собственному убѣжденію, присоединяется къ православной церкви. Вообще, отецъ Дамаскинъ довелъ монастырь до того, что онъ составляетъ такую строгую общину, что подобной едва ли гдѣ можно найти. Всякій поступающій въ монастырь лишается права имѣть какое бы то ни было достояніе, а долженъ получать все нужное изъ общины по распоряженію игумена. Одежда, обувь и бѣлье всѣмъ выдается изъ монастырской кладовой; ѣдятъ всѣ за общимъ столомъ трапезы, а старцамъ отпускается въ келію по четверть фунта чаю и по одному фунту сахара въ мѣсяцъ и по свѣчѣ въ келію на вечеръ. Постриженному монаху дается одна келія, а послушники помѣщаются по два человѣка въ келіи. Всѣ должны повиноваться игумену безпрекословно и кромѣ тѣхъ, кого онъ удостоитъ приглашеніемъ къ совѣту съ нимъ, никто не смѣетъ заявлять предъ нимъ своего мнѣнія; никто не смѣетъ безъ его благословенія ни куда нибудь выйти, ни что нибудь дѣлать. Самовольство, называемое на монашескомъ языкѣ „самочинность“, считается тяжелымъ грѣхомъ, какъ равно и всякое бездѣйствіе. Всѣ обязаны, съ благословенія игумена, что нибудь дѣлать, не оставаясь ни полчаса праздно. Въ монастырѣ есть порядочная библіотека, состоящая главнымъ образомъ изъ духовныхъ книгъ, но есть немало и свѣтскихъ; впрочемъ, старыхъ, такъ что даже исторія Соловьева, по своей относительной новости, не оказалась въ библіотекѣ. Всѣ книги дозволено читать не иначе, какъ съ благословенія и по указанію отца игумена. Монастырь выписываетъ газеты и

журналы, но этого уже никто не читаетъ, кромѣ игумена и тѣхъ, кому онъ соблаговолитъ дать для прочтенія. Письма, адресованныя монахамъ, проходятъ непремѣнно черезъ руки отца игумена. Купаться монахамъ отнюдь не дозволено, да и для постороннихъ посѣтителей нѣтъ купаленъ; отецъ Дамаскинъ, впрочемъ, въ видахъ соблюденія чистоты, завелъ баню, куда монахи могутъ ходить, но не иначе, какъ съ его благословенія. Все это устройство приведено въ порядокъ еще въ прошломъ вѣкѣ игуменомъ Назаріемъ, постриженникомъ Саровской пустыни, оттуда и взялъ этотъ игуменъ уставъ для Валаамской обители.

Помѣщенная въ описаніи, подаренномъ мнѣ отцомъ Дамаскиномъ, исторія Валаамской обители заключаетъ много драгоцѣнныхъ фактовъ, важныхъ не только для мѣстнаго быта, но и вообще для хода духовной жизни въ Россіи. Надобно однако замѣтить, что составители ея не слишкомъ критически относились какъ къ письменнымъ, такъ и къ устнымъ источникамъ монастырскаго прошлаго. Такимъ образомъ здѣсь дается полная вѣра какой-то рукописи, называемой *о́повѣдь*, тогда какъ извѣстія, сообщаемыя изъ этой *о́повѣди*, ясно показываютъ, что это сочиненіе наполнено вымыслами и бреднями, подобными тѣмъ, какія встрѣчаются въ нашихъ хронографахъ. Между прочимъ, на основаніи этой *о́повѣди* и другихъ легендарныхъ сказаній, дается вѣра тому, что основатели Валаамской обители, святые Сергій и Германъ, устроили монастырь еще до принятія Владимиромъ святого крещенія. Также точно въ книгѣ, подаренной мнѣ отцомъ Дамаскиномъ, не только признается фактически достовѣрною легенда о шведскомъ королѣ Магнусѣ, но даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ порицаются тѣ, которые осмѣливались, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, отрицать правдивость событія, разсказываемаго въ этой легендѣ.

Во время поздней обѣдни мы сдѣлали на лодкѣ путешествіе по извилистому заливу внутри острова и посѣтили такъ-называемый „Большой скитъ“, гдѣ нашли красивую

церковь съ куполомъ византійской архитектуры, каменныя келіи, трапезу живущихъ въ скиту монаховъ и садикъ, обдѣлываемый ихъ руками. Мы хотѣли посѣтить еще скитъ Іоанна Предтечи, гдѣ живущіе монахи отличаются особеннымъ постничествомъ и строгостью жизни; они, какъ говорилъ намъ послушникъ — молчальники, давшіе обѣтъ ни съ кѣмъ не говорить ни слова и погруженные въ совершенное уединеніе. Но краткость времени недопустила насъ отправиться туда, потому что въ два часа долженъ былъ придти изъ Сердоболя пароходъ, на которомъ мы предполагали плыть въ обратный путь. Мы воротились въ монастырь и послѣ обѣда отправились на пароходъ. Можно сказать, что о монастырѣ Валаамскомъ мы вынесли самое уважительное впечатлѣніе, хотя въ сущности не могли вполнѣ узнать его, такъ какъ для этого потребно было бы время и бесѣды не съ монахами, а съ тѣми рабочими, которыхъ мы видѣли только издали. Мы должны были довольствоваться только тѣмъ, что намъ передавалъ приставленный къ намъ отъ игумена послушникъ. Мимо воли приходило въ голову, что все, сообщаемое намъ, преднамѣренно было окрашено въ такой цвѣтъ, какимъ покрыло его разсказы благословеніе отца игумена.

Къ вечеру въ шесть часовъ, въ тотъ же день, мы обратно прибыли въ Коневецъ и, пользуясь временемъ, начали совершать прогулку по острову, посѣтили одинъ скитъ недалеко отъ монастыря и застали въ немъ въ церкви монаха, который не обращая вниманія на всѣхъ приходившихъ и уходившихъ, читалъ по своей обязанности синодикъ усопшихъ. Въ этомъ скитѣ, въ особой часовнѣ, мы видѣли деревянный крестъ, изгрызенный зубами благочестивыхъ богомольцевъ; этотъ крестъ приписываютъ святому Арсенію Коневскому и увѣряютъ, что онъ имѣетъ чудотворную силу исцѣлять зубныя боли. Изъ скита мы въ другой разъ посѣтили скалу, называемую „Конь-камень“ и здѣсь случайно встрѣтили женщинъ, изъ которыхъ одна назидательно разсказывала другимъ легенду объ этой скалѣ, но

страшно изуродовала ея содержаніе. Она говорила, напримѣръ, что въ настоящее время, каждый годъ здѣсь убиваютъ жеребенка для того, чтобы нечистая сила не пугала посѣтителей, безъ этого тутъ былъ бы громъ и разныя страсти; другія женщины слушали съ легковѣріемъ эту дребедень и потомъ боялись идти вверхъ по лѣстницѣ къ часовнѣ, но разсказчица успокоила ихъ, сказавши, что послѣ убіенія жеребенка цѣлый годъ здѣсь безопасно.

Воротившись въ гостинницу, мы попробовали ужина отъ монастырской трапезы, но рѣшительно не могли ничего ѣсть—такъ плохо было все приготовлено. Мы отправились вдоль по берегу озера къ новой церкви, которую, какъ говорили, собираются освящать въ іюлѣ — и здѣсь услыхали такого рода легенду. Во время крымской войны, въ Керчи англичане сожгли одинъ домъ, котораго хозяинъ, находясь въ военной службѣ, былъ убитъ подъ Севастополемъ. Вдова его, лишившись мужа, а потомъ дома, скоро умерла; осталась дочь дѣвица, имѣвшая тогда отъ роду 14 лѣтъ. Эту сироту поразилъ параличъ въ ногахъ. Она жила Христа-ради у чужихъ людей — и вотъ ей снится, подходитъ къ ней старикъ-монахъ и говоритъ: „иди на Ладожское озеро, въ Коневецкій монастырь и у гроба моего отслужи молебенъ Коневецкой Божіей Матери“. Дѣвица эта была католическаго исповѣданія и не знала святыхъ православной церкви. Долго не могли ей объяснить русскіе люди, которымъ она разсказывала свое сновидѣніе, наконецъ какой-то священникъ сказалъ ей, что дѣйствительно есть такой святой и больная какимъ-то путемъ добралась въ Петербургъ, а оттуда въ Коневецъ. Какъ только у раки преподобнаго Арсенія она отслужила молебенъ Божіей Матери, тотчасъ почувствовала, что ноги ея стали здоровы. Она отправилась во-свояси и вскорѣ ея обстоятельства пошли лучше. Спустя много лѣтъ видитъ она во снѣ опять того же Арсенія, который приказываетъ ей отправиться на Коневецъ и построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то Арсеній, по приходѣ своемъ на Коневецъ, поставилъ небольшую деревянную церковь, но по причинѣ болотистаго лѣса

избрана была другая мѣстность, та самая, гдѣ и теперь стоитъ монастырь. Особа эта отправилась по назначенію. Церковь была заложена и такъ какъ у самой строительницы не достало капитала, то церковь была достроена на пожертвованія отъ доброхотныхъ дателей. Мѣсто, гдѣ стоитъ эта только что отстроенная, но еще не освященная церковь, чрезвычайно неудобно, тотчасъ за стѣнами церкви идетъ такое болото, что, какъ говорятъ, можетъ засосать каждаго, кто будетъ имѣть неосторожность ступить туда.

Переночевавши въ Коневцѣ, мы отслушали литургію, а потомъ въ нижней церкви молебенъ Богородицѣ. Во время молебна былъ отворенъ подлинный образъ Коневецкой Божіей Матери, писанный на деревѣ и сильно потертый отъ времени. Онъ постоянно покрытъ окладомъ, который отворяется во время молебна, служимаго для путешественниковъ. Архимандритъ Коневецкаго монастыря такой же старикъ, какъ и игуменъ Валаамскаго, и хотя въ Коневецкомъ монастырѣ также установлено общежительство, но архимандритъ не стѣсняетъ братіи и позволяетъ имущимъ на свой счетъ кое-какія удобства въ жизни.

Оставивши Коневецъ послѣ молебна, мы, къ семи часамъ вечера, воротились въ Петербургъ.

8-го іюля 1877 года, отправившись въ гости къ одному изъ нашихъ знакомыхъ, А. Л. Боровиковскому на дачу близь Меррекюля, въ 18-ти верстахъ отъ Нарвы, мы, вмѣстѣ съ нашимъ обязательнымъ хозяиномъ, съѣздили нарочно въ Нарву, которая давно уже занимала мое воображеніе своимъ историческимъ значеніемъ. Прежде всего мы осмотрѣли Иванъ-городъ, построенный въ XV столѣтіи на самой окраинѣ тогдашнихъ владѣній Московскаго Государства. Въ виду этого послѣдняго русскаго пункта, возвышались уже твердыни Нарвы, крайне укрѣпленнаго города владѣній Ордена Меченосцевъ. До сихъ поръ сохранились огромныя массивныя каменныя стѣны, неправильными линіями расположенныя на площади довольно высокаго холма. Эти стѣны по верху окаймлены зубцами и снабжены круглыми башнями съ остроконечными кровлями; башни расположены по угламъ,

пересѣкающимъ линіи. Въ одной изъ этихъ башенъ, по направленію къ югу, есть нижняя каменная пристройка, гдѣ, какъ сказываютъ, остались слѣды хода, ведущаго въ подземелье, проведенное будто-бы подъ рѣку Нарову. Замокъ раздѣленъ поперечною стѣною на двѣ неравныя половины, показывающія, что вѣроятно этотъ замокъ строился не въ одно время и что прежде онъ былъ малъ, а потомъ расширенъ. Изъ-за этого замка въ 1558 году началась перепалка русскихъ съ нѣмцами вслѣдствіе случайной ссоры, за чѣмъ послѣдовало завоеваніе Нарвы, которое повлекло за собою Ливонскую войну, окончившуюся паденіемъ Ливонскаго Ордена. Успѣхи русскаго оружія, какъ извѣстно, были уничтожены побѣдами Стефана Баторія; завоеванія царя Ивана достались польской Рѣчи Посполитой, а въ половинѣ XVII вѣка были отняты у ней шведами и оставались за послѣдними до Сѣверной войны, пока въ началѣ XVIII вѣка не покорены были Россіею. Видно что шведы, присоединившіе къ доставшейся имъ отъ поляковъ Ливоніи, древнія русскія владѣнія вдоль берега Финскаго залива, заботились о поддержаніи и улучшеніи находившихся тамъ твердынь. Такимъ образомъ Ивань-городская стѣна была перестроена ими, о чемъ гласитъ сохранившаяся надъ воротами надпись, означающая годъ этой перестройки — 1613-й. Въ срединѣ замка, въ болѣе обширной половинѣ его, находится церковь съ двумя остроконечными куполами; въ ней и до сихъ поръ отправляется богослуженіе, но священникъ живетъ въ городѣ Нарвѣ. Сторожъ, единственное лицо, которое мы увидали въ Ивань-городѣ кромѣ часовыхъ, не могъ намъ сообщить никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ этой церкви, хотя и увѣрялъ, что она построена при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Иконостасъ въ ней новый; немногія иконы въ церкви, судя по письму, принадлежатъ къ XVI вѣку. Въ ризницѣ мы видѣли кучу старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ, выброшенныхъ изъ шкафа за негодностью къ употребленію въ настоящее время, въ числѣ ихъ бросается въ глаза Евангеліе, печатанное при патріархѣ Никонѣ. Ниже главной церкви расположена зимняя церковь въ видѣ пристройки, куда надобно сходить изъ главной церкви по небольшой узенькой лѣстницѣ, ведущей внизъ; впрочемъ, въ эту зимнюю

церковь есть другой, главный входъ со двора. Вблизи церкви стоитъ зданіе другой маленькой церкви съ круглымъ византійскимъ куполомъ. Сторожъ говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжали какіе-то (какъ онъ выражался) инженеры, забрали оттуда всю утварь и иконы и заперли церковь, объявивши, что ее будутъ починять, но съ тѣхъ поръ никакихъ починокъ тамъ не производилось. Церковь стоитъ запертою и ни для кого непроницаемою. Противъ этихъ церквей, во внутренней сторонѣ внѣшней стѣны, существуютъ еще пещеры съ широкими аркообразными входами, тамъ, какъ говорятъ, были когда-то конюшни, а въ опустѣломъ каменномъ отдѣльномъ строеніи находилась, какъ должно думать, въ старое время „государева зелейная казна“ (складъ пороха и огнестрѣльныхъ снарядовъ).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе къ отдѣльному изданію III

Николай Ивановичъ Костомаровъ.

По воспоминаніямъ Алины Леонтьевны Костомаровой . . 1

Автобіографія.

I. Дѣтство и отрочество 119

II. Студенчество и юность. Первая литературная дѣятельность. 136

III. Учительство и профессура въ Кіевѣ 170

IV. Арестъ, заключеніе, ссылка 197

V. Жизнь въ Саратовѣ. 210

VI. Освобожденіе. Поѣздка за-границу. Возвращеніе. Участіе въ трудахъ по крестьянскому дѣлу 227

VII. Избраніе на петербургскую каѳедру. Переѣздъ въ Петербургъ. Приготовленіе къ профессурѣ. Профессорская карьера. Литературныя занятія эпохи петербургскаго профессорства. Вторая поѣздка за-границу 258

VIII. Студенческія смуты.—Закрытіе университета.—Публичныя лекціи.—Скандалъ въ думѣ.—Выходъ въ отставку отъ университетской каѳедры 290

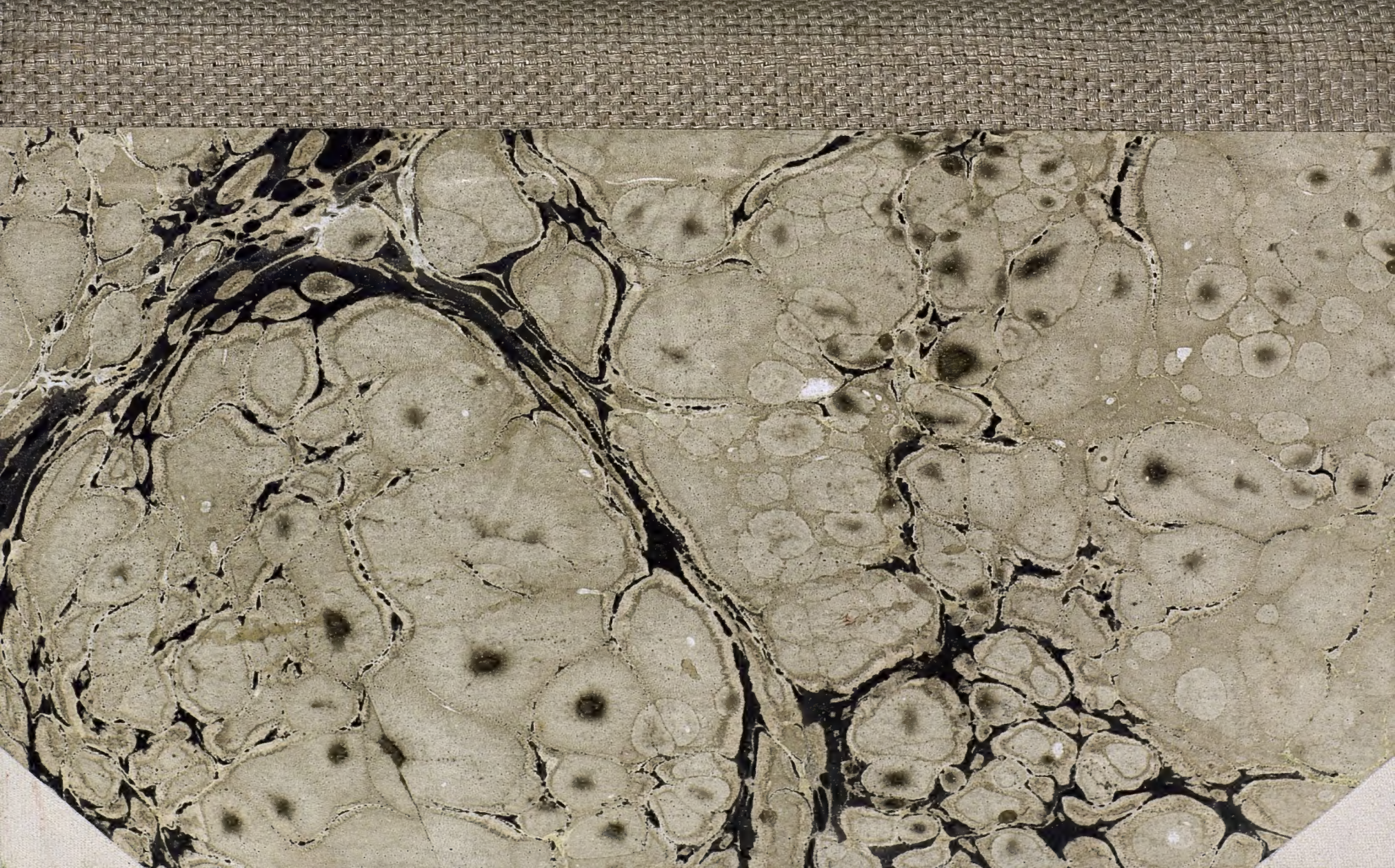
IX. Петербургскій университетъ начала 1860-хъ годовъ . . 311

X. Поѣздки съ ученою цѣлью. Изданіе „Сѣверноруссскихъ народоправствъ“. Литературно-ученыя занятія. Третья поѣздка за-границу. 337

XI. Занятія Смутнымъ временемъ. Археологическія поѣздки на сѣверъ. Поѣздка въ Варшаву. „Вѣстникъ Европы“. Печатаніе Смутнаго времени 367

XII. Поѣздка въ Саратовъ. Леченіе въ Старой Руссѣ. Занятія исторіею Послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Командировка въ Несвижъ. Печатаніе Послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Публичныя лекціи въ клубѣ художниковъ . . 380

XIII. Поѣздка въ Крымъ. Учено-литературные труды. Поѣздки съ археологическою и энтографическою цѣлью . . . 390

XIV. Премія. Глазная болѣзнь. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ. Поѣздка въ Екатеринославъ и Кіевъ. . . . 405

XV. Занятія и поѣздки. Болѣзнь. Тяжкая потеря. Отдыхъ. . 419